

VI ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Российско-китайский центр междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

VI ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 6–8 декабря 2022 г.

Печатается по решению ученого совета
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебrenникова, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.);
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф.;
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук; *Е. В. Кремнѣв*, канд. социол. наук;
О. А. Каверина, канд. филол. наук; *В. Ю. Ключникова*, канд. филол. наук;
О. Г. Кобжицкая, канд. филос. наук; *Л. В. Кульгавова*, канд. филол. наук;
Е. В. Ли, канд. филол. наук; *С. В. Стефановская*, канд. филол. наук;
Н. Ю. Хлызова, канд. пед. наук; *А. В. Чайкисова*, канд. филол. наук;
И. В. Шалина, канд. ист. наук; *Т. Е. Шишмарева*, канд. филол. наук;
В. В. Ананьев; *К. А. Иванов*; *И. Н. Солсоев*; *А. А. Монтомова*; *В. О. Коробко*;
Ван Ланьцзюй, канд. филол. наук (Циндаоский приморский институт, КНР);
Е Хуэй (Цзянсийский финансово-экономический университет, КНР)

Г73

VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 6–8 декабря 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; СИ РАН ФНИСЦ РАН ; [отв. ред. *Е. Ф. Серебrenникова*]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. – 551 с.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2134-6.2023.1-551>
ISBN 978-5-9624-2134-6

Основной тематикой чтений, посвященных памяти выдающегося российского китаеведа Олега Марковича Готлиба (1951–2016), стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона, разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, педагогики и лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, экономики, социологии, правоведения, этнологии стран АТР.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионологии, языкознания, лингводидактики и других социогуманитарных наук, связанных с комплексным изучением АТР.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник включен в договор о размещении материалов в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0

ISBN 978-5-9624-2134-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2023

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951–08.06.2016)

НОВАТОРСТВО НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИЙ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ИРКУТСКОЙ ШКОЛЫ ВОСТОКОВЕДНЫХ И РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОЛЕГА МАРКОВИЧА ГОТЛИБА

В 2021 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Олега Марковича Готлиба, безвременно ушедшего от нас в 2016 г. Научное востоковедение и китаеведение в Иркутске в последние годы тесно ассоциируется с его именем, и не напрасно: кроме многочисленных собственных работ, он оставил увлеченных наукой учеников, продолжающих его дело. Цель этой статьи – вспомнить основные этапы формирования иркутской школы востоковедных и регионоведческих исследований Олега Марковича Готлиба и оценить ее перспективы. Начать же это размышление следует с истории, поскольку, как считал сам Олег Маркович, мы твердо стоим на плечах тех, кто был до нас.

Традиции иркутского востоковедения

Обратимся к исторической ретроспективе. Как указывает В. Г. Дацышен – давний соратник Олега Марковича, поддерживающий все мероприятия и проекты его научной школы, – «история становления образования на востоке России тесно связана с востоковедением. Открытая в 1725 г. в Иркутске школа переводчиков китайского и монгольского языков стала первым учебным заведением в Восточной Сибири и вторым, после школы при Тобольском архиерейском доме, учебным заведением во всей Сибири. Именно воспитанник Иркутской школы монгольского языка в И. К. Рассохин (1717–1761) стал первым сибиряком – крупным деятелем Санкт-Петербургской Академии наук» [Дацышен, 2018, с. 4].

В 1753 г. в Иркутск из Петербургской академии наук переводят школу японского языка, сделав ее частью Навигацкой школы, где на тот момент обучалось 50 человек. 1 августа 1754 г. прошло официальное открытие. Школа японского языка считалась самостоятельной, главной ее задачей было обучение языку. Преподавателями стали японцы, попавшие в кораблекрушение у Курильских островов и берегов Камчатки. Главным методом обучения стало устное общение со студентами: японцы не были учителями, а достать японские книги не представлялось возможным ни в Иркутске, ни в Петербурге. Вместе с тем Иркутску пришлось взять на себя роль центра подготовки японоведов: специалисты нужны были Академии наук для отправки исследовательских экспедиций, а столичные власти намеревались наладить связи с Японией [Шалина, 2006].

Позднее были и другие проекты по развитию востоковедения в Иркутске, которые, к сожалению, не получили реализации. Среди важнейших можно назвать представленное царю предложение Генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского учредить при Иркутской

гимназии кафедру китайского и маньчжурского языков с правом для окончивших эту кафедру считаться выпускниками университета [Дацышен, 2018, с. 4], а также проект управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина, в 1895 г. предложившего открыть в Иркутске Высшее училище восточных сопредельных языков для обучения в том числе китайскому, японскому и монгольскому языкам [Ремнев, 2008, с. 309].

Еще одна попытка сделать Иркутск востоковедным центром состоялась в 1919 г., когда на первом факультете основанного годом ранее Иркутского университета – историко-филологическом – было открыто Восточное отделение. Там началось преподавание санскрита, монгольского, китайского, тибетского и японского языков, а в 1920 г. кабинет востоковедения возглавил профессор Н. Д. Миронов, известный индолог, приглашенный в Иркутск из Центральной России и ставший основателем иркутского университетского востоковедения [Дацышен, 2018, с. 9].

Большое влияние на становление иркутского востоковедения оказал Восточный институт во Владивостоке. Его выпускник Н. П. Мацокин, в 1919 г. прибывший из Харбина для преподавания японского языка [Каза-рин, 2017, с. 158], заложил основы иркутского вузовского японоведения.

Что касается университетского Китаеведения в Иркутске, то его основателем следует считать Б. К. Пашкова, также выпускника Восточного института, приехавшего в Иркутск в 1919 г. В Иркутском университете Б. К. Пашков стал заведующим кафедрами китайского и японского языков, стоял у истоков кафедры монгольского языка. В январе 1922 г. он учредил и возглавил Иркутское отделение Всероссийской научной ассоциации востоковедов (ВНАВ), а в 1923 г. получил ученое звание профессора [Дацышен, 2017, с. 87–88].

Необходимо упомянуть и еще одного выпускника Восточного института, К. Г. Каттерфельда: он имел опыт организации обучения китайскому языку в войсках Иркутского военного округа, а в Иркутском университете возглавил кабинет китайского языка. Избежав расстрела как пленный белый офицер, К. Г. Каттерфельд продолжал обучать иркутян китайскому до конца 1920-х гг. [Дацышен, 2018, с. 10]. Кроме того, «на должность профессора китайского языка Восточного отделения Иркутского университета из Владивостока пригласили даже известного Китаеведа профессора П. П. Шмидта» [Дацышен, 2018, с. 9].

После установления советской власти «отделения истории, филологии и обществоведения в университете стали “реформироваться”. Из-за этого покинули университет и многие ученые. Уже в конце 1920 г. из Иркутска во Владивосток уехал Н. П. Мацокин, ставший вскоре ведущим японоведом Дальневосточного университета. Летом 1923 г. из Иркутска уехал во Владивосток молодой профессор Б. К. Пашков. Факультет обще-

ственных наук в Иркутске в 1924 г. был окончательно ликвидирован вместе с Восточным отделением» [Дацышен, 2018, с. 10]. В период свертывания гуманитарной составляющей в 1920–1930 гг. в Иркутском университете еще некоторое время продолжали трудиться выпускники Восточного института, в частности тибетолог и монголист Г. Ц. Цыбиков, а также китаевед и монголовед С. П. Кузнецов, который, «как и большинство советских востоковедов, в 1938 г. был арестован по антисоветской статье и расстрелян» [Дацышен, 2018, с. 11].

Далее иркутское востоковедение и китаеведение ожидал довольно большой перерыв в развитии. Как пишет В. Г. Дацышен, «представляется очевидным, что если бы власти Советского Союза пошли на восстановление китаеведения в Иркутском университете, Б. К. Пашков обязательно бы приехал в город своей молодости, туда, где и начался его трудовой путь в отечественную синологию. Но университетское китаеведение вернулось в Иркутск лишь после падения советской власти, через три десятилетия после смерти основателя иркутской китаистики, выдающегося российского синолога» [Дацышен, 2017, с. 94].

В период 1950–1960-х гг., когда старого вузовского китаеведения в Иркутске уже не стало, а новое еще не зародилось, изучение китайского языка и культуры проходило в иных формах. Так, одним из самых крупных и активных в этой системе стало Иркутское отделение Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) [Дацышен, 2019, с. 9]. Общество проводило и инициировало встречи, лекции, выставки, в том числе на базе вузов и других учебных заведений, обмены делегациями между советскими и китайскими вузами и другими учреждениями. В ОСКД в Иркутске трудились представители творческой и научной интеллигенции: Г. Ф. Кунгуров, В. Д. Кудрявцев, Л. К. Жилкина, К. А. Железняков, В. В. Киселев и др. В 1958–1959 гг. заработали кружки по преподаванию основ китайского языка: на базе Иркутского госуниверситета такой кружок вел реэмигрант К. А. Железняков, на Слюдянской фабрике – Е. С. Березовский. Кроме того, в Иркутске жили и трудились такие переводчики китайского языка, как Е. В. Березовский, К. Ф. Петренко и П. А. Костылев. В этот период в Иркутске выходили материалы о Китае: сборник статей «Дружба навеки» (1959), брошюра «Вечер советско-китайской дружбы» (1959), разделы альманахов и журналов, статьи, очерки, заметки, выступления, посвященные 10-летию образования КНР («Ангара», «Сибирские огни», «Восточно-Сибирская правда», «Советская молодежь» и др.) [Дацышен, 2019, с. 9–14]. Большим планам Иркутского отделения ОСКД на повышение интереса к китайскому языку и китайской культуре не суждено было реализоваться в полной мере: «связи между Иркутском и Китаем, включая обмены делегациями, продолжались до середины 1960-х гг. Однако в условиях политико-идеологического противостояния между правящими партиями двух стран

отношения на всех уровнях стали сворачиваться. Как следствие, советско-китайские отношения на уровне сибирских регионов, как и развитие иркутского китаеведения, были прерваны на два с лишним десятилетия» [Дацышен, 2019, с. 17].

Именно в этот период иркутское востоковедение передало эстафету от китайского к японскому: в сентябре 1967 г. японский язык начал преподаваться на городских курсах иностранных языков, с такой инициативой выступили областное отделение Общества «СССР – Япония» и Институт иностранных языков. Заведующей курсами стала доцент М. Я. Ульянова. В первые годы занятия могли посещать только студенты Института иностранных языков, но уже с 1972 г. эта возможность предоставилась всей молодежи Иркутска.

В 1980-е гг. эстафета возвращается к китаеведению: это время возрождения советско-китайских связей, начинается и новая эпоха иркутского китаеведения, пока еще прикладного. К концу 80-х – началу 90-х в нашем регионе появилось множество совместных предприятий, китайские предприниматели активно стали посещать Иркутск в составе делегаций, в связи с этим возникла необходимость в подготовке переводчиков. В 1989 г. изучать китайский язык в Иркутском госуниверситете начинают студенты физического и исторического факультетов [Дацышен, 2020], а Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина принимает эпохальное для иркутского китаеведения решение: сделать первый экспериментальный набор на специальность «Переводчик-референт китайского и английского языков». Институт имел большой опыт преподавания иностранных языков, но с китайским это было впервые. Для работы со студентами пригласили высокопрофессиональных преподавателей, прекрасно владеющих китайским языком и влюбленных в эту страну и ее культуру. Первым преподавателем китайского языка стал Виталий Сергеевич Подзоров, а первой заведующей кафедрой – Евгения Александровна Сергеева. Эти люди в условиях практически полного отсутствия учебных пособий и материалов готовили профессиональных переводчиков для города и области.

В 1990-м в Иркутский иняз возвращается японский язык, заведующей методическим объединением японского отделения становится Валентина Петровна Пе Чун Дя. Уже с марта 1990 г. студентам ИГПИИЯ им. Хо Ши Мина была предоставлена возможность стажировки в Университете То-яма, а в 1991 г. появилась первая преподавательница-японка – Дэгуги Ма-сако. Спустя некоторое время по договоренности с администрацией Иркутской области началась реализация студенческой программы «Японский язык и культура» в побратиме Иркутска г. Канадзаве.

Этот же период в Иркутске становится знаковым для корееведения: его основоположниками принято считать крупного специалиста по новейшей истории Кореи и русско-корейских и советско-корейских отношений Бориса Дмитриевича Пака и специалиста по корейскому языку и древней истории Кореи Юрия Михайловича Бутина [История ... , 2020].

Б. Д. Пак руководил кафедрой всемирной истории Иркутского государственного пединститута с 1975 по 1990 г., а в 1999 г. стал главным научным сотрудником Института Востоковедения РАН. Одной из его важнейших заслуг является открытие в 1993 г. Международного центра азиатских исследований, который видел своей целью развитие традиций сибирского востоковедения, изучение современного состояния культурно-исторических, торгово-экономических, политико-дипломатических отношений между Россией и восточными странами. Б. Д. Пак внес существенный вклад в подготовку сибирских историков-востоковедов [Кузнецов, 2016].

Ю. М. Бутин, кандидат экономических наук и доктор исторических наук, работал сразу в нескольких направлениях: преподавал историю стран Восточной Азии и корейский язык, при этом владел корейским, китайским, японским и английским языками. Он, как и Б. Д. Пак, планировал сформировать в Иркутске сильную и профессиональную команду востоковедов разных профилей – филологов, экономистов, историков – и готовить специалистов по экономике, владеющих как европейскими, так и восточными языками. Именно при его активном участии в трех вузах Иркутска (БГУЭП, ИрГТУ, САПЭУ) в 1990-е гг. открылись кафедры восточных языков и регионоведения, изучения стран Востока, мировой экономики. В планах Ю. М. Бутина было создание в Иркутске Института восточных языков. К сожалению, эта инициатива так и не воплотилась в жизнь [Кузьмин, 2020].

В 1996-м преподавание корейского начинается и в ИГПИИЯ им. Хо Ши Мина. Первым преподавателем стала Юн Хадя Гивоновна, именно благодаря стараниям и энтузиазму которой подготовка первых выпускников-корееведов проходила на очень высоком уровне. Важный вклад в развитие корейского отделения внес профессор Пак Кун Ву: он поднял международное сотрудничество и академический обмен на новый уровень. Связи, установленные им в свое время с Республикой Корея, и сегодня способствуют укреплению дружбы Иркутска с корейскими вузами.

Новатор иркутской синологии

Вместе с тем студентов, желающих изучать китайский язык, становилось все больше и больше, а руководство иняза отчетливо понимало, что преподавателей-практиков уже недостаточно и следует усиливать научную базу преподавания. Именно с этой целью в 2003 г. ректор в то время уже Иркутского государственного лингвистического университета

Г. Д. Воскобойник пригласил в Иркутск Олега Марковича Готлиба, уроженца Читинской области, выпускника Читинского педагогического института [Константинов, 2010]. О. М. Готлиб приехал с солидным багажом: за его спиной была защита в диссертационном совете Института востоковедения РАН под руководством известного китаеведа Н. Н. Короткова, несколько значимых учебников, руководство двумя кафедрами в Чите, опыт переводчика на крупных международных мероприятиях и приглашенного преподавателя китайских и американских вузов («американский вектор» в жизни и деятельности Олег Марковича появился в значительной степени благодаря его жене Наталье Владимировне Готлиб, а также близкому читинскому другу и товарищу Ольге Исааковне Флешлер). Подробнее о читинском периоде (и не только) можно прочесть в материале Н. В. Тереховой «Олег Маркович Готлиб. Этапы жизненного пути и научного творчества» [Терехова, 2017].

Кафедра китаеведения, в то время укомплектованная как старой школой, так и молодыми выпускниками, приняла О. М. Готлиба не с распростертыми объятиями. Как потом со смехом рассказывали его ученики, они считали, что «и сами с усами». Но у Олега Марковича был весьма твердый характер, и ему постепенно удалось убедить своих новых коллег в необходимости изменения концепции преподавания китайского языка. Ведь теперь это уже была не «сиюминутная» потребность в практических переводчиках; возникла необходимость воспитать специалистов, которые впоследствии смогут работать на кафедре и заниматься наукой. Основными аспектами методики Олега Марковича были: системность преподавания, научная основа, строгость и регулярность проверки знаний. Молодой и быстро развивающейся кафедре просто необходимы были квалифицированные преподаватели-исследователи, и О. М. Готлибу удалось поставить работу кафедры на научные рельсы. Он предложил всем членам кафедры темы исследовательской работы и заразил преподавателей научным азартом. Значительная часть этих тем станет диссертациями, но несколько позже. На тот момент многие из аспирантов Олега Марковича не представляли, во что ввязываются. Многие признаются, что не подозревали, насколько серьезная и фундаментальная работа им предстоит. Он же с первого дня на кафедре стал продвигать идею, которая впоследствии стала основой всей нашей деятельности: без традиции невозможно новаторство, без новаторства невозможна наука.

Традиции и новаторство в лингвистике

Первыми ведущими научными направлениями кафедры стали два главных вектора, которые определяли научный путь самого Олега Марковича в то время: грамматология и грамматика. Его личным результатом в первом направлении стала вышедшая в 2007 г. книга «Основы грамматологии китайской письменности» – первая в России китаеведная работа в

рамках грамматологического подхода, предложенного И. Гельбом. О. М. Готлиб выдвинул новые подходы к типологии китайской письменности, уточнил и модифицировал терминологический аппарат в этой отрасли, проанализировал этимологию морфограмм и простых логограмм. Достижения Олега Марковича во втором направлении – грамматике – воплотились не только в его диссертации, но и в учебнике «Практическая грамматика китайского языка», первое издание которого состоялось еще во время работы в Чите. В основе этого учебника – структурно-семантический подход, соединяющий наработки отечественных и китайских специалистов по грамматике, а также творческий, нестандартный взгляд на подготовку упражнений на закрепление материала.

В течение нескольких лет после приезда Олега Марковича в Иркутск состоялось три ключевых защиты. В 2008 г. – защищена работа Т. Е. Шишмаревой «Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника», первая в отечественном китаеведении попытка комплексного изучения словаря «Эръя». В 2015–2016 гг. Российский гуманитарный научный фонд поддержал продолжение этого исследования, результатом стала книга «Китайский словарь “Эръя” в идеографическом и этнокультурном аспектах» (2016 г.). Кроме богатого теоретического материала она содержала полный перевод словаря на русский язык. В 2011 г. состоялась защита Е. А. Хамаевой, ее диссертация «Антропонимы в ономастической системе мифологического типа» стала монографией «Китайские антропонимы» в 2015 г. В 2012 г. С. В. Стефановская защитила диссертацию на тему «Способы семиотизации звукового мира: на материале языка с идеографической системой письма», а продолжение этой темы воплотилось в ее монографии «Семиотизация звукового мира. Звукоподражания китайского языка» в 2015 г. Эти работы отличал новаторский подход и весомый вклад в фундаментальную науку. Параллельно шла работа по восстановлению забытых традиций отечественной грамматологии китайской письменности: в 2014 г. авторский коллектив, в который, кроме О. М. Готлиба, вошли Е. В. Кремнёв и Т. Е. Шишмарева, подготовил книгу, поддержанную Российским фондом фундаментальных исследований: «Отечественные труды в области грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин».

В последующие годы, уже после ухода О. М. Готлиба, состоялись защиты диссертаций и других его учеников. В частности, в диссертации И. В. Шаравьёвой разрабатываются положения, вносящие вклад в семиотику китайского языка на основе выведения графомонады как носителя исходного семантического смысла в знаке, обладающего деривационным моделирующим потенциалом в системе, а в диссертации О. Ю. Ворониной

устанавливаются модели периодизации истории языка с идеографическим типом письменности на основе метасистематизации подходов к периодизации истории китайского языка. В настоящее время востоковедами разрабатываются и успешно защищаются работы под руководством профессора Евгении Федоровны Серебренниковой, обращенные к проблемам современных лингвистических направлений, касающихся вопросов взаимодействия языка, культуры, общества в русле лингвоаксиологии, дискурсологии, медиалингвистики: на материале японского языка в диссертации Н. Ю. Тразановой, на материале китайского языка в диссертации О. Н. Садовниковой, на материале корейского языка в диссертации А. А. Орсовой.

Регионология: новаторская наука, нуждающаяся в традиции

Параллельно с лингвистикой в научной школе О. М. Готлиба начинает формироваться регионологический компонент, логично вышедший из образовательной деятельности. Еще в 1995 г., оставив должность заведующего кафедрой китайского языка Читинского пединститута, Олег Маркович основал в Читинском государственном техническом университете кафедру регионоведения, которую он возглавлял до 2000 г. Начав работу в Иркутском лингвистическом, он сразу же подключился к обучению регионоведов: вместе с профессором, доктором физико-математических наук А. Д. Калихманом они разрабатывали новую концепцию подготовки специалистов этого профиля. Подготовка первых регионоведов в ИГЛУ была начата еще в 1992 г. с открытия специальности «Регионоведение» по двум профилям – западному (США и Канада) и восточному (Китай). А в 2001 г. была создана первая кафедра, специализирующаяся именно на регионологических исследованиях, – кафедра американистики под руководством основателя этого направления в инязе Анны Юрьевны Сусловой. Стоит сказать, что с момента своего создания кафедра наиболее активно взаимодействовала именно с представителями востоковедной школы иняза – преподаватели кафедры американистики вели английский язык у студентов факультета восточных языков. Чуть позднее, в 2012 г., вместе с профессором В. В. Назаровым была открыта первая магистратура по зарубежному регионоведению. Сам Олег Маркович активно работал в этом направлении, сконцентрировавшись на этнологии Китая: его книга «Этнология Китая (ханьцы). Обрядность и символика основных этапов жизни» – лишь начало серии, которую он предполагал издать. Сейчас над продолжением работают его ученики.

Олег Маркович имел удивительную прозорливость относительно того, в каком направлении идет современная наука. С самого начала он настаивал на том, что основная проблема современной регионологии, столь востребованной, но до сих пор не институционализированной

науки – в отсутствии системной теоретической базы и в особенности в непонимании ее корней. Позднее, уже после его ухода, идея Учителя воплотится в крупном теоретическом проекте по поиску традиций регионологии.

Комплексность как традиция, трандисциплинарность как новаторство

Регионология как наука на кафедре начала развиваться следом за образовательным направлением, хотя сам Олег Маркович предпочитал не устанавливать строгих границ между наукой и образованием: студенты всегда были частью научного процесса кафедры, а их подготовка базировалась на научном подходе. Понимая, какой потенциал несет в себе регионология, О. М. Готлиб кроме востоковедов-лингвистов стал приглашать на кафедру специалистов по АТР из других научных сфер: историков, философов, экономистов, географов, политологов и социологов. Принципиальным требованием Олега Марковича было то, что специалист-регионолог должен владеть языком страны изучения, поэтому если на кафедру приходил достойный специалист без языка, он должен был им овладеть. Такой комплексный трандисциплинарный подход позволил сформировать мощный регионологический блок специалистов, которые участвовали в подготовке бакалавров и магистров по зарубежному регионоведению и занимались научной работой в сфере регионологии. Результатом стал ряд работ: книга О. А. Хо «Культура вина в Китае», учебное пособие Е. В. Кремнёва «Социально-политическая система КНР», магистерские диссертации «Этнокультурные традиции корейской кухни» О. В. Кузнецовой, «Культура вэнь в Китае» И. В. Шаравёвой, «Динамика “измерений культуры” в условиях кросс-культурного взаимовлияния» В. В. Ананьева, «Китайский бестиарий и его социоэмблематическое проявление» Н. Л. Адилханян и многие другие работы. Кроме того, в 2014 г. кафедра американистики была переименована в кафедру зарубежного регионоведения, преподаватели кафедры начинают все активнее обращаться к исследованиям более крупных регионов, не ограничивая зону своих интересов лишь США, что приводит к появлению первых совместных научных публикаций и зарождению межкафедральных проектов. Стоит сказать, что под влиянием Олега Марковича все больше преподавателей кафедры, ранее занимающихся исключительно лингвистическими исследованиями, начинает проникаться идеями трандисциплинарности и обращаться к изучению регионологических проблем, это, в свою очередь, находит отражение в тематике научных работ (Н. А. Бунаева «Роль и место автомобилепромышленного комплекса Южной Кореи в развитии мировой экономики», В. В. Калинина «Влияние неформальных факторов на принятие политических решений в странах АТР», Н. Ю. Хлызова «Медиаобразование

в странах Азиатско-Тихоокеанского региона», О. Ю. Вербицкая «К вопросу о важности понятия “культурная среда” в регионоведении», Е. В. Лесниковская «Знание о регионе в системе социальных наук»).

Кажущаяся разнородность направлений – лингвистики и регионоведения – не имела никакого конфликта внутри кафедры, что показывает комплексность, интегративность подходов О. М. Готлиба к исследовательскому и образовательному процессу. Сегодня эти направления активно дополняют и обогащают друг друга, создавая настоящую трансдисциплинарную среду, о которой мечтал Олег Маркович. Более того, сформировалась и практика параллельной разработки разнородной тематики одним специалистом. Например, кандидат философских наук О. Г. Кобжицкая, китаевед с большим стажем, изучает проблемы культуры и религии Китая, читая курсы такого рода для регионоведов, и в то же время занимается языкознанием и лингводидактикой: она составила «Введение в стилистику китайского языка» и «Курс корректирующей фонетики китайского языка». Ваш покорный слуга с базовым лингвистическим образованием защищался по социологии управления: в первой сфере с удовольствием занимаюсь проблемами перевода художественных текстов и историей отечественной грамматологии, во второй – культурой управления и проблемами социально-политической системы КНР. Та же самая тенденция наблюдается и на кафедре зарубежного регионоведения. Так, кандидат филологических наук, магистр регионоведения О. В. Кузнецова является автором учебных пособий по английскому языку, по которым обучаются студенты-переводчики и регионоведы, и в то же время уже много лет преподает такие регионологические дисциплины, как «Процесс формирования внешней политики и дипломатия» и «Регион изучения в контексте глобального развития».

Комплексность и трансдисциплинарность подходов О. М. Готлиба отразились еще в одном векторе: расширении его идей на другие направления и факультеты. Хотя ядром работы Олега Марковича были Китай и китайский язык, в первые же годы отделения корейского и японского языка кафедры восточных языков и кафедра американистики с удовольствием присоединились к его проектам, шел набор в магистратуру по зарубежному регионоведению и лингвистике по всем трем восточным языкам и регионам, параллельно развивалось регионоведение США. Прошло несколько крупных международных конференций по востоковедению и регионоведению под руководством О. М. Готлиба. Одной из важнейших стала конференция «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур», она впервые состоялась в 2007 г., а затем стала регулярной и проводится с некоторыми перерывами до сих пор. Консолидация интересов востоковедов и регионоведов стала одной из причин, почему все они в 2016 г. сформировали общую кафедру востоковедения и регионоведения

АТР Иркутского государственного университета. В тот период Иркутский иняз стал частью Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, созданного в ИГУ в связи с объединением вузов. Уже через шесть лет, в 2022 г., бурное развитие всех направлений школы востоковедных и регионоведческих исследований О. М. Готлиба, рост числа преподавателей и студентов, а также научных и академических проектов привели к тому, что в составе ИФИЯМ появилось три новых кафедры: регионоведения АТР – под руководством О. В. Кузнецовой, китаеведения – под руководством Е. В. Кремнёва, востоковедения – под руководством Е. В. Ли, она же возглавила отделение корееведения. Отделением японоведения продолжает руководить иркутский историк И. В. Шалина, давно и успешно отвечающая за работу японоведов иняза.

Схоластика как традиция, гностика как новаторство

К концу жизни Олег Маркович был крайне удовлетворен плодами своего труда. Он много раз говорил, что его административный и научный путь был очень тернист, но в награду за это он получил кафедру, которая определенно станет последней в его жизни, потому что он ее ни за что не променяет на другую. Он в прямом смысле зажмурился от удовольствия, когда на переменах на кафедре шли жаркие споры о теориях письменности или грамматического строя китайского языка, а сам нередко в двух-трех словах подкидывал идеи для совершенно новых исследований. Сам О. М. Готлиб совмещал в себе безмерное уважение к собственным учителям и новаторский дух, умение выйти за пределы установленных границ. Как-то он написал о научных школах прошлого, что схоластика в хорошем смысле – от лат. *schola* и греч. *σχολή* – «наряду с гностикой, есть базовые составляющие любого научного контекста. Схоластическая составляющая как раз и есть тот инструментарий исследования, тот “принцип дополнительности”, без которого гностика как процесс научного познания, по сути, и невозможна» [Готлиб, Кремнёв, Шишмарёва, 2014, с. 3].

Уважая прежние школы, он строил свою, новую. Окружал себя трудолюбивыми людьми, любящими науку – такие к нему всегда тянулись, – и сам заражал страстью к исследованиям. Олег Маркович обладал редкой харизмой, обаянием, чувством юмора и научным талантом, он не искал ординарных подходов: все, что он предлагал, должно было изменить представление о привычных вещах. Иркутские ученики и коллеги души в нем не чаяли, поэтому его уход стал для всех таким внезапным и очень болезненным.

Завершить все, что хотел, он, конечно, не успел. В последние годы он очень много трудился и даже покинул место заведующего, чтобы полностью сосредоточиться на научной и научно-методической работе – последнюю он считал неотъемлемой частью научного процесса: узнал сам – научи других. За это время он подготовил к печати учебник «Китайский язык. Пособие по письму (скоропись и чжуань)» (в соавторстве с давним

коллегой Ван Ланьцзюем), к переизданию – «Китайско-русский фразеологический словарь» (в соавторстве с Му Хуаин), учебники по лингвострановедению Китая, коммерческому письму, практической грамматике, этнологии, плотно работал с магистрантами и аспирантами. К сожалению, он не застал многих защит своих учеников.

**Традиции как наследие, новаторство как мечта:
что оставил О. М. Готлиб**

Олега Марковича не стало слишком рано, но он оставил столь большое наследство, что осознание этого факта в полной мере еще предстоит его ученикам. Наиболее значительную роль в продолжении научной школы сыграла Евгения Федоровна Серебренникова, доктор филологических наук, профессор, давний друг и соратник О. М. Готлиба. Она взяла его аспирантов под свое крыло и помогла довести работы до логического завершения – и это при том, что у нее параллельно идут защиты собственных аспирантов! Под ее руководством защитилось немало востоковедов, да и на будущее запланированы новые диссертации в русле теории языка, выполненные корееведами, японоведами и китаеоведами иняза. Олег Маркович очень ценил дружбу с Евгенией Федоровной, они вместе создали несколько значимых востоковедных проектов, в том числе магистерскую программу «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», которую Е. Ф. Серебренникова возглавляет уже много лет (нынешнее название программы – «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии»). Именно под ее руководством прошли знаковые защиты, в частности упомянутая выше защита О. Ю. Ворониной. При активной поддержке Евгении Федоровны диссертация И. В. Шаравьёвой была преобразована в новаторскую по своему содержанию монографию «Китайская письменность. Грамматология в монадно-модусной модели представления». Олег Маркович долго мечтал о выходе этой работы, но, к сожалению, уже не застал тот момент, когда это, наконец, произошло. Недавно вышла в свет коллективная монография под научной редакцией Е. Ф. Серебренниковой «Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации». Ее востоковедная часть представлена достаточно широкой тематикой: статика и динамика в диахроническом моделировании истории китайского языка (канд. филол. наук О. Ю. Воронина), модусный подход к анализу аксиологических стратегий в дискурсе об инновациях на материале китайского языка (О. Н. Садовникова), моделирование гастрономического кода японской лингвокультуры (канд. филол. наук Н. Ю. Тразанова).

Очень много проектов осталось в качестве набросков и даже просто высказанных идей. Ранее упомянутая идея Олега Марковича о необходимости воссоздания традиций регионологии как теоретической базы для

дальнейшей работы вылилась в проект «История и методология регионоведческих исследований АТР в русле трансдисциплинарной регионологии», который возглавила О. В. Кузнецова, декан факультета иностранных языков. В 2019–2020 гг. это исследование получило поддержку РФФИ. В проекте поучаствовало много инязовских регионоведов и востоковедов: Е. В. Кремнёв, Е. В. Лесниковская, Н. С. Карачева, а также В. В. Ананьев, Ю. Б. Дюндик, К. А. Иванов, О. А. Хо, И. В. Шалина и др. По его результатам подготовлено к изданию несколько книг о регионологических исследованиях в России, США, Японии, Китае, Корее и других странах и регионах АТР. В последние годы интерес к регионологии все возрастает и проект оказался крайне актуальным. Стоит добавить, что в настоящее время подготовка магистров по зарубежному регионоведению осуществляется практически полностью на основе подготовленных в рамках проектов монографий; отрадно, что многие из выпускников в дальнейшем продолжают свою научную деятельность на кафедрах факультета уже в качестве преподавателей – Н. Ю. Хлызова, А. В. Чайкисова, А. А. Монтотова, К. А. Иванов, В. О. Коробко.

Еще одна идея, захватившая умы школы О. М. Готлиба, но в этом случае не регионологической, а лингвистической ее части – это «Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности» Проект, также поддержанный РФФИ, возглавила Т. Е. Шишмарева, а участниками стали Е. А. Хамаева, Д. М. Домашевская, Н. В. Терехова. Результатом работы стала оригинальная модель описания этимологий 540 ключей, выделенных Сюй Шэнем в словаре «Шо вэнь цзе цзы» во II в. н. э. Работа получилась резонансной, многие специалисты написали, что книга стала подспорьем в их работе. Как мне кажется, Олегу Марковичу больше всего понравилось то, как далеко ушли коллеги от его первоначальной идеи: при жизни он не переставал твердить, что ему удалось главное – воспитать самостоятельных ученых, имеющих свое видение научных проблем и их решений.

Все, что сегодня делается иркутской школой, сложно перечислить. Большую часть этих работ (книг, сборников, статей, видеодокладов и много другого) или информацию о их выходе и содержании можно найти на сайте Gotlib.Ru. Когда несколько лет назад я спросил Олега Марковича, как нам стоит называть сайт, на котором в будущем можно будет выкладывать работы его научной школы, он, смеясь, ответил: «Готлиб и готлибята». Сайт, к сожалению, был создан уже после его ухода, но выбор доменного имени был для всех очевиден.

Важной частью жизни факультета стали и Готлибовские чтения. На сегодня их прошло уже целых шесть. Идея возникла почти сразу после ухода Олега Марковича. После того как в 2016 г. Евразийский лингвистический институт (бывший Иркутский государственный лингвистический университет) вошел в состав Иркутского государственного университета,

руководство вуза поддержало идею ежегодной Международной научной конференции памяти Олега Марковича Готлиба. Востоковеды и регионоведы теперь работают в составе Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ. Директор института, Марина Борисовна Ташлыкова, открывая V Готлибовские чтения, отметила, что хоть и не была лично знакома с О. М. Готлибом, но не перестает радоваться тому, как достойно его ученики продолжают развивать школу своего Учителя, ведь нет лучшего способа почтить память ученого, чем воплощать в жизнь его идеи. Конференция, начинавшаяся как локальное мероприятие, быстро приобрела международный масштаб: сегодня в ней участвуют не только ученые от Москвы до Владивостока, но и специалисты из стран Востока, США, Европы.

Повлияла ли иркутская научная школа на развитие российской науки и образования? Смейся надеяться, что да. Ведущие иркутские востоковедные центры возглавляют выпускники иркутской восточки: директор Института Конфуция С. И. Байрамова, заведующая кафедрой восточных языков ИГУ Е. А. Колодина. Многие ее выпускники руководят востоковедными подразделениями и за пределами области: декан гуманитарного факультета СПбГЭУ А. А. Пруцких, заведующая кафедрой восточных языков СПбГЭУ Т. А. Пруцких. Те, кто считает себя учениками Олега Марковича, трудятся в ведущих вузах: кореевед В. В. Вишнякова – советник секретариата научного руководителя НИУ ВШЭ, китаевед Е. А. Хамаева – в МГИМО, на кафедре китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, и таких много. Они активно взаимодействуют с *alma mater* и продвигают иркутскую школу и ее достижения.

О планах и мечтах иркутской школы

Планов на будущее много. Новые проекты зреют во всех направлениях деятельности (лингвистика, трансдисциплинарная регионология, востоковедение, история, социология, политология и т. д.). Китаеведы осваивают канонические тексты, новые подходы к изучению китайского языка и письменности, особенности картины мира китайцев, современные социально-политические и культурные аспекты развития Китая, участвуют в крупных международных проектах, например в переводе на русский язык «Энциклопедии знаний о культуре Китая» совместно с Пекинским лингвистическим университетом, переводах художественной литературы (в переводе Е. В. Кремнёва уже опубликованы произведения Лю Цинбана и Чжан Вэя).

Кафедра регионоведения АТР под руководством О. В. Кузнецовой, которая также является деканом факультета иностранных языков, активно изучает опыт зарубежных коллег в сферах глобалистики, мультикультурализма, международных отношений. В настоящее время кафедра работает над учебником по практическому курсу английского языка для студентов-

бакалавров. Некоторая амбициозность проекта заключается в том, что авторы ставят перед собой задачу предложить студентам целостный курс, охватывающий четыре года языковой подготовки. Кроме того, в основу учебника положен новаторский подход, направленный не только на комплексное развитие умений и навыков профессиональной коммуникации на английском языке, но и на последовательное и целенаправленное формирование межкультурной компетенции и навыков критического мышления, так как они являются крайне необходимыми и востребованными в профессиональной деятельности регионологов. В связи с тем, что на факультете ведется подготовка будущих востоковедов и американистов, разрабатываемые задания основываются на современном аутентичном материале, отражающем актуальную проблематику регионов специализации. Особое внимание уделяется культурному сопоставлению Востока и Запада. Результатом еще одного крупного проекта, посвященного изучению научно-образовательных подходов к формированию критического мышления у регионологов в странах АТР, должны стать публикация коллективной монографии и организация международной конференции по данной теме. Кафедра стремится также расширить спектр образовательных программ – несколько лет назад начата, совместно с кафедрой китаеведения, подготовка бакалавров-лингвистов, обучающихся по профилю «Межъязыковая и межкультурная коммуникация в сфере туризма и гостиничного дела».

Корейское и японское отделения кафедры востоковедения тоже динамично развиваются. У «корейцев» под руководством Е. В. Ли сейчас крепкая команда: издана серия учебных пособий по теоретическим курсам корейского языка, отделение ежегодно получает гранты на проведение научных и научно-образовательных мероприятий. «Японцы» под руководством И. В. Шалиной имеют обширные связи с японскими партнерами, готовят учебники по теоретическим и практическим курсам. В свое время японисты выступили инициаторами проведения конференции «Культуры и языки Дальнего Востока: изучение и обучение», сейчас подключились к исследованиям в области регионологии.

Установлены тесные связи с университетами России и других стран, проводятся совместные лекции и семинары, идет подготовка научных изданий. Активно сотрудничаем с ведущими востоковедными центрами России. При активном участии Е. А. Юйшиной взаимодействуем с первой кафедрой Олега Марковича – кафедрой китайского языка ЗабГУ (ваш покорный слуга также ее выпускник). В 2021 г. при поддержке МГИМО и МГУ, а также на тот момент председателя Ассоциации преподавателей китайского языка профессора А. М. Карапетянца (1943–2021) и главы исполнительного комитета Ассоциации В. В. Круглова на базе ИФИЯМ прошло открытие Иркутского отделения. При содействии профессора В. А. Курдюмова организована совместная с МПГУ и тайваньскими партнерами

Международная конференция по проблемам преподавания китайского языка и культуры. Ведется научная и образовательная работа с востоковедами и регионоведами ВШЭ: профессором В. В. Малявиным (китаеведение), В. В. Вишняковой (корееведение, зарубежное регионоведение) и др. С 2004 г. поддерживаем непрерывную связь с ИСАА МГУ, в частности с профессором, действительным членом Академии педагогических и социальных наук Л. Т. Нечаевой (японоведение). С СПбГУ осуществляется несколько совместных проектов в области китаеведной социологии: вместе с профессором П. П. Дерюгиным и Л. А. Лебединцевой исследуются китайская экономическая социология и социология управления, их национальная и региональная специфика, проведен совместный семинар по развитию человеческого капитала в регионах, открыт Российско-китайский центр междисциплинарных исследований при Социологическом институте РАН. Тесные связи установлены с НИИ образовательного регионоведения при РГПУ им. А. И. Герцена под руководством В. В. Яковлева, организована совместная конференция «Теория и практика регионоведения», посвященная Азиатско-Тихоокеанскому региону. Этот список можно продолжать еще долго.

Вопрос, который стоит сегодня перед всеми научными школами и образовательными центрами: возможно ли развитие фундаментальной науки в современных условиях выживания в рыночных условиях и забюрократченности научно-образовательной системы? Нагрузка с обозначенных двух сторон и правда сильная. И нередко звучит мнение, что в науке сейчас только «сумасшедшие» – неисправимые оптимисты. Если воспринимать это как комплимент – да, мы такие. Да и не сломить сибиряков так просто. Впереди много проектов – уже не столько доставшихся в наследство от Олега Марковича, сколько собственных, авторских – и пока мы намерены развиваться. На нашей базе разрабатываются новые магистерские программы, учебники для лингвистов и регионоведов, планируется освоение вьетнамистики и монголоведения – кадровый ресурс для этого есть, научные и международные связи для этого уже установлены. На сегодня на трех кафедрах (регионоведения АТР, востоковедения и китаеведения), причастных к школе О. М. Готлиба, в общей сложности трудится свыше 60 человек, и у каждого есть свое направление научной работы. Мы очень надеемся, что сможем и дальше воплощать в жизнь то, о чем мечтал Олег Маркович: быть новаторами, не забывая о традициях.

Литература

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

Дацышен В. Г. Восточная Сибирь в советско-китайских отношениях в 1980-е гг. // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона

в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 декабря 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 236–252.

Дацышен В. Г. Иркутск в системе советско-китайских отношений в 1950-х – начале 1960-х гг. и проблемы иркутского китаеведения // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 4–17.

Дацышен В. Г. Иркутск и владивостокское востоковедение. Из истории становления высшего образования на востоке России // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР : материалы Междунар. науч. конф. «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Иркутск, 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 4–12.

Дацышен В. Г. Борис Климентьевич Пашков. Выдающийся русский синолог и основатель иркутского университетского китаеведения // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 83–95.

История и перспективы развития корееведения в Восточной Сибири в XXI в. на примере Иркутского государственного университета / К. В. Иванов, Е. А. Колодина, Е. В. Ли, И. В. Олейников, Д. В. Шорников // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 46–58.

Казарин В. Н. Становление и развитие исторического образования в Иркутском государственном университете. 1918–1920-е гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 156–165.

Константинов М. В. Готлиб Олег Маркович // Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2010. Ч. 1: А–М.

Кузнецов С. И. Сибирский период жизни и творчества профессора Б. Д. Пака // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2016. Т. 15. С. 155–163.

Кузьмин Ю. В. Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, востоковед, экономист и историк // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2020. Т. 34. С. 65–72.

Ремнев А. В. «Обрусение», образование и востоковедение: сибирский вариант имперской политики в интерпретации А. Н. Куломзина // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск : Восточно-Сибирская издательская компания, 2008. С. 289–316.

Терехова Н. В. Олег Маркович Готлиб. Этапы жизненного пути и научного творчества // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 4–10.

Шалина И. В. Первые японцы в России в конце XVII – XVIII вв. и начало русско-японского межкультурного взаимодействия : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Улан-Удэ, 2006. 204 с.

Е. В. Кремнёв

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в подготовке статьи Е. Ф. Серебренниковой, О. В. Кузнецовой, Е. В. Ли, И. В. Шалиной, С. В. Стефановской, Т. Е. Шишмаревой и всем своим коллегам, причастным к работе Школы востоковедных и регионоведческих исследований О. М. Готлиба.

РАЗДЕЛ I

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ К ИХ РАЗРАБОТКЕ

УДК 811.521

Л. А. Андропова, Е. В. Савкович (Томск)

Томский государственный университет

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНАЛИСТИКА В КИТАЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Аннотация. Рассматривается проблематика региональных исследований, проводимых в Китае под руководством Академии общественных наук (АОН КНР). Выделяются основные направления формирования исследований по регионоведению в Китае, их ключевые вопросы, а также разграничиваются проблемные поля «международного» и «внутреннего» регионоведения в китайской научной школе.

Ключевые слова: регионоведение, Академия общественных наук КНР, междисциплинарность.

L. A. Andronova, E. V. Savkovich (Tomsk)

Tomsk State University

REGIONAL STUDIES AND REGIONALISTICS IN CHINA: STATEMENT OF PROBLEM

Abstract. The purpose of the paper is to consider the problems of regional studies conducted under the leadership of the Academy of Social Sciences of China. In this regard, the main directions of regional studies in China are highlighted and the problem fields of “international” and “domestic” regional studies in the Chinese research school are distinguished.

Keywords: regional studies, the Academy of Social Sciences of the PRC, interdisciplinarity.

Региональными исследованиями в КНР начали заниматься сравнительно поздно. Более того, даже в современном виде они редко выходили за рамки традиционного страноведения со знанием русского (или любого другого) языка. Однако при существенной перегруженности курсов по политологии и международным отношениям, а также существенной идеологической составляющей даже это свидетельствовало о растущем интересе к регионоведению как таковому. Однако отставание Китая в данном случае фиксировалось тем, что в западной науке регионы как некие обособленные комплексы начали изучать еще в 1950-е гг., а в конце 1980-х появились исследования по так называемому новому регионоведению, что за

достаточно короткий временной промежуток стало важнейшей составляющей развития регионоведения в мире [Hettne, 2000].

Для китайского дискурса актуальность регионоведческих и страновых исследований актуализируется примерно с начала 2000-х гг., когда изучение регионов «щюйюу сюэ» (区域学) выходит за рамки непосредственно политэкономии и начинает активно обсуждаться в исследовательском поле, в том числе с точки зрения междисциплинарных исследований [翟崑]. Китайские авторы связывают это с ростом интереса к классическому востоковедению и расширению контактов с другими странами и регионами, когда только востоковедения и его подходов оказывалось недостаточно. Кроме того, активно изучались исследования по регионоведению и их влияние на общественные науки в рамках постколониальных исследований на Западе (преимущественно США, Великобритании, Франции), а также общая теоретическая база по регионоведению и региональной науке. Именно поэтому и отмечалось, что междисциплинарные исследования являются необходимыми и, кроме собственно истории, политологии и международных отношений, в ряде случаев требуется подкрепление их ресурсами ряда других наук и дисциплин: этнологии, антропологии, лингвистики, естествознания и т. д.

На практике же западная наука и исследовательская практика прихотили к созданию собственных центров (научно-исследовательская школа, площадка, центр, лаборатория и т. д.). В Китае для этого требовалось обоснование необходимости создания подобного рода структур именно под «региональные исследования». С другой стороны, собственно региональные исследования (изучение регионов Китая) также существовали в исследовательском поле, а само их наличие размывало смысл еще одного, условно «западного» регионоведения.

В КНР также с начала 1960-х гг. открывались собственные научно-исследовательские институты, призванные обеспечить контакты с зарубежными странами и создать собственные платформы для сотрудничества, а также непосредственно для изучения проблем данных регионов мира. Так, создавались институты по изучению США, стран Европы, Африки, Латинской Америки и т. д. В период «культурной революции» работа данных академических и научно-исследовательских центров была свернута, и вернулись к этой практике только после ее окончания. Период «реформ и открытости» для Китая был связан с расширением функций Академии общественных наук КНР (АОН КНР) и ее региональных филиалов, что привело к созданию крупных центров при поддержке более мелких групп, сформированных на сетевом принципе, в том числе из представителей университетов разных уровней, их авторские коллективы получали грантовую поддержку правительства.

При этом китайские авторы отмечали, что большинство исследований (и, соответственно, финансовых средств) по-прежнему сосредоточено на изучении США, Великобритании, ЕС, Японии, Южной Кореи. Недостаточно изученными остаются Франция, Германия и Россия, при этом практически совсем не изучены регионы Южной, Центральной и Северной Европы. Кроме того, достаточно небольшое количество авторов и исследователей рассматривают в качестве объекта исследования «малые страны», в том числе в региональном аспекте. Подчеркивается, что развитие данного направления Китаю необходимо в том числе для поддержания статуса «региональной державы». В качестве примера можно привести особенности взаимодействия КНР и Соломоновых островов в 2021–2022 гг. [The Deal ... , 2022]. С 2013 г. вырос интерес китайских исследователей к странам-соседям, в названиях проектов появляется «Один пояс – один путь» и позднее – «Пояс и путь». Соответственно, возникает необходимость в принципиально новой подготовке специалистов, которая не ограничивается лингвистикой или политологией. Крупные авторские коллективы также стремились найти свое место в рамках представленной концепции. Так, появляется большое количество исследований по проблематике, подкрепленное базой данных Китайского национального исследовательского индекса CNKI, где материалов по поисковому запросу «一帶一路» более 100 тыс.

При этом китайская сторона самостоятельно пытается выделить основные проблемы, некоторые из которых уже были перечислены, а некоторые являются следствием «болезни роста». В частности, исследования по-прежнему находятся в рамках определенной, заранее выбранной, разработанной и утвержденной системы. Так, регионоведческие подходы достаточно часто подменяются, в частности, разработками по пространственной экономике П. Кругмана. С другой стороны, сам автор постарался найти в данном дискурсе проблемы и несколько обособиться от китайского взгляда [Krugman]. Собственно, именно так теряется та «китайская специфика», которая характерна для других сфер жизнедеятельности государства.

В данном случае регионоведение должно отвечать задачам развития Китая, китайской научно-исследовательской практике и подкрепляться собственными теоретическими разработками, часть из которых уже сейчас становятся элементами для изучения на Западе. В частности, в декабре 2021 г. в КНР проводился первый Глобальный форум по региональному развитию (Global Regional Development), который и поставил часть вопросов к развитию регионоведения в стране [The first Global ... , 2021].

Литература

The first Global Regional Development conference in the history of regional science took place in Shenzhen (China) on December 3–5, 2021. URL: <https://www.regionalscience.org/index.php/news/recent-events/item/3055-the-first-global-regional->

development-conference-in-the-history-of-regional-science-took-place-in-shenzhen-china-on-december-3–5,-2021.html (дата обращения: 08.10.2022).

Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5, N 3 (December). P. 457–473.

翟 崑 . 中国区域国别学的核心问题是什么? URL: <http://www.igcu.pku.edu.cn/info/2313/3794.htm> (дата обращения: 01.10.2022).

Krugman P. China: The Disruptive Miracle. URL: <https://www.masterclass.com/classes/paul-krugman-teaches-economics-and-society/chapters/china-the-disruptive-miracle> (дата обращения: 01.10.2022).

The Deal that Shocked the World Inside. The China-Solomons Security Pact. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/20/the-deal-that-shocked-the-world-inside-the-china-solomons-security-pact> (дата обращения: 08.10.2022).

УДК 316.334.52

Ю. В. Козлова (Нижний Новгород)

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГОРОД – «ПЕРЕКРЕСТОК СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ»?

Аннотация. Рассматривается ландшафтно-географическое, культурное содержание понятия «евразийский город» в социальной и геополитической реальности. Дается обоснование общей для евразийских городов пространственной динамики, реализованной в предметных и знаково-символических объектах города. Характеризуются основания интеграционных процессов в социальных потоках пространства и времени, общие идентификационные признаки. Определяются перспективные возможности интеграции евразийских городов как сети особого типа.

Ключевые слова: евразийский город, социально-культурная коэволюция, евразийская мир-система, евразийский протогород, принципы евразийской интеграции.

Yu. V. Kozlova (Nizhny Novgorod)

Nizhny Novgorod State Linguistic
University named after N. A. Dobrolyubov

IS THE EURASIAN CITY A “CROSSROADS OF SOCIAL SPACE AND TIME”?

Abstract. The article examines the landscape-geographical, cultural content of the concept of “Eurasian city” in social and geopolitical reality. The substantiation of the spatial dynamics common to Eurasian cities, implemented in the subject and sign-symbolic objects of the city, is given. The bases of integration processes in the social flows of space and time, common identification features are characterized. Promising opportunities for the integration of Eurasian cities as a network of a special type are determined.

Keywords: Eurasian city, socio-cultural coevolution, Eurasian world-system, Eurasian proto-city, principles of Eurasian integration.

Интеграционные евразийские процессы, инициированные формированием глобальной экономики и актуализацией глобальных проблем, приобрели в настоящее время максимально насущный и конкретный характер. Социально-исторические изменения происходят быстро и интенсивно, они требуют таких концепций, моделей и проектов интеграции, которые

совершенствовались бы как социальную практику, так и научное познание [Козлова, Савченко, Горохова, 2020; Савченко, Козлова, 2022].

В этой связи логично было обратиться к идеям, объединяющим наследие прошлого и инновационные технологии, в том числе к идее природно-социально-культурной коэволюции. Кризисные, трансформационные процессы современного мира требуют преобразования опасностей в новые возможности [Процессы ... , 2018].

Именно в рамках Евразийского интеграционного проекта, программа которого была представлена федеральным правительством в конце 2011 г., раскрывается потенциал цивилизационно-гуманистического миропонимания и мироотношения, которые не зависели бы от политической и экономической конъюнктуры. Категории «постсоветское пространство» и «евразийское пространство» не тождественны, они являются на данный момент динамичными, формирующимися, и одним из ключей к характеристике идентичности в данной парадигме может стать изучение «евразийского города».

Мир-системный подход [Валлерстайн, 2001], в том числе и к экономико-географическому развитию, позволяет выявить объективные закономерности формирования городских структур. Так, в модели северо-евразийской мир-системы [Набиев, 2010] акцентируется тот факт, что основанием евразийских империй прошлого является единая транспортно-логистическая система, так называемый степной коридор, а также общая речная система с меридиональными водными путями [Набиев, 2019, с. 80].

Преимущество взаимодействия в границах этого «коридора» обуславливает общие экономико-хозяйственные и культурные процессы, в том числе тенденцию определения мест для городов. Пересечение сухопутных и речных путей, способствовавших политической и торговой активности, – «матрица евразийского города». На таких местах города на евразийском пространстве веками создавались и восстанавливались после разрушений. В определенном смысле «сети дорог и рек» с их перекрестками были для древних городов прообразом современных информационных сетей [Козлова, Савченко, 2021]. Расположение столичных городов стремилось к крупнейшим активным пересечениям и ближайшему крупному поселению. В соответствии с цивилизационным процессом конфигурация государств меняется, но так или иначе в рамках сетевой конфигурации активных транспортных потоков и поселений. Актуальные задачи управления и выхода на внешние мировые рынки инициируют, например, перенос столиц и определение их дублеров.

Природообусловленность локализации евразийского города [Лазарева, Мельникова, Говоров, 2018], его расположение в выразительном и функциональном ландшафте (возвышенность – река) относительно торго-

вых путей и прapоселений определяют общие признаки организации городской структуры, повторяющиеся с местными вариациями в каждой исторической эпохе.

В целом присутствует тенденция выбора мест для поселений «от простого к сложному» в соответствии с перспективными задачами. Природные доминанты (скальные, речные комплексы) инспирировали создание сложной городской структуры. Например, в европейской части это «город», «верхний и нижний посад», «заречье», в Зауралье – промышленный протогород, расположенный в местах близости рудников и проезжих трактов. Конструкция города предназначена для трансляции внутрь и вовне актуальных культурных смыслов (например, таких как безопасность, богатство среды, интеграция, упорядоченность, открытость) [Козлова, Савченко, Пикунов, 2020]. Большинство древних городов евразийского пространства так или иначе располагаются в сложных ландшафтных (структурно-тектонических) местах, воспроизводя предметную форму на уровне вещей, деятельности, мысли и предельных универсалий. Такая многомерность позволяет городу существовать одновременно в прошлом и будущем, проявляя себя в качестве социального пространства, «места», которое существует в интеграции с другими подобными местами и предписанным им функционалом.

Основными уровнями существования протогорода можно считать:

1) предметный, уровень артефактов, реальных объектов; он организует хозяйственную и властную активность, упорядочивает быт, обеспечивает существование родовых и соседских сообществ;

2) деятельностно-образный, раскрывающий систему связей, посреднических и предметных действий по отношению к предметам (помимо экономического содержания, к нему принадлежат религиозно-культурные действия, «художественная», «космогоническая» архитектура);

3) на уровне мышления действия становятся абстрактными, логическими; город представляет собой текст, в котором закодирована его актуальная структура, а также прошлый опыт и векторы будущего развития (с одной стороны, городские структуры связаны с сакральным творческим содержанием языка его жителей, а с другой – они сами являются символическим «языком», на котором город заявляет о себе);

4) архетипический уровень, символическая реальность площадей, храмовых строений, жилых массивов, тюрем, крепостей, памятников истроек, в которой происходит обогащение обыденного, феноменального существования города универсальными смыслами [Лобанкова, 2018].

В современных условиях евразийская интеграция во многом определяется пространственными, экономическими, инфраструктурными различиями на государственном и региональном уровне [Вардомский, 2021]. Построение целостной обеспечивающей инфраструктуры на столичном уровне и уровне отдельных городов направлено:

- на обеспечение торговли и трансграничной трудовой миграции на основе общих регуляторов;
- стимулирование производственной и технологической кооперации;
- системное проектирование природной и социальной среды.

Принципы евразийской экономической интеграции [Стратегические ...], на уровне городов и городских агломераций заложены в самом пространстве евразийских населенных пунктов (особенно региональных, столичных, имеющих статус университетских, промышленных, культурных центров). Транспортная и производственная специализация, территориальная, языковая и историческая сопряженность также обуславливают тождественность «пространственной матрицы» евразийского города.

Евразийский город как инвестиционный социальный проект требует прежде всего:

- 1) исследований идентификационных содержаний, которые различны в юго-восточных, дальневосточных и центральноевропейских регионах;
- 2) характеристики городской идентичности как сетевой не только в информационном, но и в культурно-историческом контексте;
- 3) конструирования вариативной модели евразийского города в качестве социального института.

Литература

- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Унив. кн., 2001. 416 с.
- Вардомский Л. Б. Пространственное измерение евразийской интеграции // Региональные исследования. 2021. № 4(74). С. 18–28.
- Козлова Ю. В., Савченко И. А. Умный город: проблема цифрового доверия // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 5. С. 23–27.
- Козлова Ю. В., Савченко И. А., Горохова А. М. Динамика массового сознания в период пандемии // Современные исследования социальных проблем. 2020а. Т. 12, № 2. С. 182–203.
- Козлова Ю. В., Савченко И. А., Пикунов О. И. Город как социально-коммуникативная конструкция // Вестник экономики, права и социологии. 2020б. № 4. С. 203–207.
- Лазарева И. В., Мельникова Г. Л., Говоров С. В. Локализация города как природообусловленный феномен // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2018. № 1(36). С. 95–99.
- Лобанкова И. П. Художественно-эстетический и мифолого-этический образ протогорода Аркаим // Мировоззренческие основания культуры современной России : сб. науч. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 10–12 мая 2018 г. Магнитогорск, 2018. С. 101–108.
- Набиев Р. Ф. Булгарский вопрос и концепция отечественной истории // Национальный/социальный характер, археология идей и современное наследие : материалы Всерос. науч. конф. М., 2010. С. 95–97.
- Набиев Р. Ф. Степной коридор и некоторые закономерности расположения столиц в Северной Евразии // Восточная аналитика. 2019. № 2. С. 75–83.
- Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г. И. Осадчей. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с.
- Савченко И. А., Козлова Ю. В. «Право на свой город»: проект эпистемологической урбанистики // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 185–201.
- Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 18.09.2022).

Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова (Иркутск)

Иркутский государственный университет
Российско-китайский центр междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Е. Ф. Серебренникова, Е. В. Лесниковская (Иркутск)

Иркутский государственный университет

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ И ЕЕ МЕСТЕ СРЕДИ ДРУГИХ НАУК

Аннотация. Рассматривается позиция, которую регионология занимает среди других наук в связи с ее вступлением на новый парадигмальный этап, выражающийся ее трансдисциплинаризацией. Анализируются подходы различных направлений и школ современной регионологии к определению их места среди смежных научных дисциплин. Сделан вывод, что концепция трансдисциплинарной регионологии позволяет регионологическому знанию интегрировать достижения и методы различных наук без необходимости жесткой дисциплинарной дифференциации.

Ключевые слова: трансдисциплинарная регионология, региональные исследования, региональная наука, мировое комплексное регионоведение, междисциплинарность, трансдисциплинарность.

E. V. Kremnyov, O. V. Kuznetsova (Irkutsk)

Irkutsk State University
Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research
of the Sociological Institute of FCTAS RAS

E. F. Serebrennikova, E. V. Lesnikovskaya (Irkutsk)

Irkutsk State University

ON THE STATUS OF TRANSDISCIPLINARY REGIONOLOGY AND ITS PLACE AMONG OTHER SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract. The aim of the article is to consider the position which regionology occupies among other sciences in connection with its entry into a new paradigmatic stage, expressed by its transdisciplinaryization. The authors study the approaches of different branches and schools of modern regionology to determine their place among related scientific disciplines. They come to the conclusion that the concept of transdisciplinary regionology allows regional knowledge to integrate achievements and methods of various sciences without the need for rigid disciplinary differentiation.

Keywords: transdisciplinary regionology, regional studies, regional science, world complex area studies, interdisciplinarity, transdisciplinarity.

Статус регионологии среди других наук остается актуальным вопросом, поскольку она продолжает занимать прочные позиции в научном знании различных стран и регионов, развиваясь при этом в рамках нескольких различных подходов к пониманию ее места и роли. На это, с одной стороны, влияет относительная «молодость» институционализированного регионологического знания, с другой – отсутствие консолидированного мнения у самих регионологов. Поиск места регионологии специфичен и в силу особой ценностной составляющей этой отрасли. Как только речь заходит об изучении того или иного региона, в дискуссию часто включаются во-

просы «специфики региона», «регионального культурного кода», а в случае осмысления региональным сообществом самое себя – проблема «особого пути», «национальной культуры», «менталитета» и т. п. Это обусловлено тем, что «внутри лингвокультурного сообщества аксиологическая настройка социального дискурса возводится к национальной аксиосфере, задающей матрицы совмещения символического и коммуникативного концептуальных пространств в лингвосомиозисе и в конечном счете в речевом поведении» [Серебренникова, 2013]. Таким образом, на определение места регионологии среди других наук влияет как минимум два важных фактора: конкретные обстоятельства, в которых сложилась та или иная регионологическая школа в частности и ее регионально-национальный контекст в общем.

В рамках влияния указанных факторов каждая школа или направление регионологии¹ самостоятельно определяет свое место. Стратегии такого самоопределения можно свести к трем наиболее базовым [Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020].

В рамках первой стратегии регионологическая школа или направление рассматриваются *в качестве субдисциплины*, иногда – на стыке двух-трех наук. Подобная позиция позволяет регионологическим направлениям закрепиться за какой-либо устоявшейся институционализированной дисциплинарной сферой. Так, мировое комплексное регионоведение функционирует в рамках политологии: оно определяется А. Д. Воскресенским как одно из предметных полей науки о международных отношениях [Воскресенский, 2013], а Е. В. Колдунова характеризует его как «исследовательский подход, сформированный на стыке теории международных отношений, сравнительной политологии и страноведения», который «концентрируется на объяснении взаимосвязи международных внутристрановых/внутрирегиональных процессов, а также на исследовании влияния особенностей внутристранового/регионального развития на глобальный уровень» [Колдунова, 2016, с. 64]. Еще одним преимуществом данной стратегии является ее соответствие требованиям номенклатуры научных специальностей. Поскольку регионология в России не признана отдельной наукой на уровне государственного регулирования, рассматриваемая стратегия дает региологам школы мирового комплексного регионоведения возможность защищать свои диссертационные исследования в рамках специальности «Международные отношения» (до принятия в 2021 г. новой номенклатуры защиты шли также по специальности «Политическая регионалистика»).

¹ Обоснование использования авторами статьи термин «регионология» в качестве гиперонима для всех направлений указанной отрасли, как и обоснование самой концепции трансдисциплинарной регионологии можно найти в книге «Трансдисциплинарная регионология: теория и методология» [Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020].

Вторая стратегия заключается в позиционировании регионологического знания *как междисциплинарной области* для взаимодействия исследователей из различных отраслей науки. В частности, Ассоциация региональных исследований (Regional Studies Association) в своем меморандуме определяет таковые как исследования, связанные с экономическими, физическими и социологическими проблемами развития регионов, а в качестве своих целей декларирует содействие образованию в сфере региональных исследований через обмен идеями и информацией, помощь в изучении регионального планирования и продвижении результатов такого рода проектов [Memorandum, 2006]. Подобной позиции придерживается и Научный совет Японии: в его составе есть несколько подразделений, занимающихся развитием региональных исследований (地域研究) [Кремнёв, Ананьев, Серых, 2020]. Такой интерес к регионологии не случаен: японское научно-образовательное сообщество отдаёт себе отчет в том, насколько специфична Япония для окружающего мира и насколько мир специфичен для нее; на решение этой проблемы направлено множество международных учебных и исследовательских программ [Шалина, Зыкова, 2020]. В докладе подкомиссии Научного совета Японии по развитию инфраструктуры региональных исследований определяют последние как ядро, способное объединить и скоординировать усилия различных наук для решения тех региональных проблем, для которых недостаточно подходов одной научной дисциплины [大学教育 ..., 2014]. Такая стратегия дает регионологическому знанию относительно независимое положение, его отстаивают те школы и направления, которые не согласны с его статусом в качестве субдисциплины, но не имеют достаточного основания отстаивать полную самостоятельность. Например, японский регионолог Ямамото Хироюки настаивает на том, что роль региональных исследований не сводится к «субподрядчику» дисциплинарного знания. Он полагает, что регионологическое знание, напротив, обладает инструментами для опережения стандартной науки, оно исследует нетипичные феномены региональной жизни, обогащая строго дисциплинарные науки [山本博之, 2012a, p. 8].

Третью стратегию – позиционирование регионологического знания *как самостоятельной научной дисциплины* – отстаивают школы, готовые обосновать собственные исследовательские подходы и методологию. Наиболее известным примером такой стратегии является У. Айзард, еще в 1950-е гг. поставивший задачу придать региональной науке (regional science) самостоятельный статус. Данный статус, по мнению У. Айзарда, обеспечивается возможностью региональной науки включать в процесс изучения подходы и методы других наук, каждая из которых обладает «уникальным ключевым направлением специализации». Указанная дисциплинарная специфика, хотя и выделяет конкретную науку из ряда других, одновременно лишает ее тех деталей, которые необходимо учитывать при

изучении региона. Так, экономика и социология достаточно часто не обращают внимания на то, как пространство и физическое окружение человека влияют на его поведение и выбор моделей использования территорий, география склонна игнорировать статическое и динамическое пространственное теоретизирование, антропология – процессы взаимовлияния региональных подсистем (политических, социальных, экономических), а политология нередко упускает видение региона как живого организма. Способность региональной науки предоставить географу экономические подходы видится У. Айзарду одним из ее основных плюсов [Isserman, 1995]. При этом сам Айзард, будучи экономистом, не смог обеспечить выход предложенной им дисциплины за пределы исследовательского поля, в рамках которого экономические проблемы региона рассматриваются с привлечением методов других наук. Другими словами, позиция региональной науки как самостоятельной отрасли базируется на аргументах двух изложенных выше стратегий: эта отрасль основана на экономике (субдисциплинарность) и привлекает методы других наук (междисциплинарность). Немного иной подход – обоснование самостоятельности науки о регионах через достижение междисциплинарным конгломератом социогуманитарного знания качественно нового этапа развития – предлагают представители школы социокультурного регионоведения. Последнее И. В. Павловский определяет как «новую гуманитарную науку, свободную от опыта ее использования в Новое и Новейшее время, когда все гуманитарные науки были направлены на поиски философского камня управления человеческим обществом, а не понимания этого общества» [Павловский, 2014а, с. 109]. Ее самостоятельный статус подкрепляется гипотезой, что полномасштабное решение указанных научных задач, связанных с пониманием региональных обществ, возможно лишь в рамках этой науки: «такую роль на себя может взять только социокультурное регионоведение, соединяющее в себе достижения всех гуманитарных наук в антропологической сфере» [Там же]. Среди таковых задач – «адекватно оценить соотношение тенденций глобализации и роста местной региональной самобытности» [Павловский, 2014б, с. 67].

Три описанные выше стратегии призваны закрепить место регионоведческого знания в дисциплинарной парадигме, которая сама по себе определяет необходимость поиска места. Однако специфика объекта исследования – региона – его комплексность и многоаспектность понуждают все больше исследователей *обращаться к трансдисциплинарной парадигме*, позволяющей отказаться от жестких дисциплинарных границ. В такой стратегии регионоведение обретает новое пространство: она пронизывает дисциплинарное научное знание и объединяет его в тех пределах, которые необходимы как для конкретного проекта в частности, так и для научных школ и направлений в целом. Это позволяет ему использовать

уже известные подходы и методы непривычным для них способом, позволяя достигать нового, интегративного уровня.

К подобным выводам приходят представители различных регионологических школ. Так, сходную гипотезу о роли регионологического знания высказывает Х. Ямамото. По его мнению, региональные исследования (地域研究) выполняют роль практикоориентированной площадки для других дисциплин, изучающих регион, благодаря тому, что они не устанавливают четких границ для своего объекта и обладают свободой выбора методов. Это позволяет региональным исследованиям оперативнее реагировать на нетипичные проявления региональной жизни, которые не укладываются в строго дисциплинарное знание. Переход от монодисциплин к региональным исследованиям Х. Ямамото характеризует как выход за рамки «ограниченного системного знания» и движение к «практикоориентированному системному знанию» [山本博之, 2012b]. И хотя японский регионолог рассуждает внутри дисциплинарной парадигмы (в связи с чем продолжает искать междисциплинарные границы), тем не менее он характеризует место региональных исследований в понятиях трансдисциплинарного знания: указывает на свободу выбора методов, практическую направленность и умение реагировать на специфичное в региональной практике.

Трансдисциплинарная регионология, в развитие ранее предложенных дефиниций [Макеева, 2018; Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020; Region ... , 2022], в настоящее время может быть охарактеризована как наука интегративного плана, изучающая культурно-историческое, социально-политическое, экономико-географическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования.

Как видим, предложенное определение дает возможность выйти за пределы влияния двух озвученных в начале этой статьи факторов. С одной стороны, трансдисциплинарность и интегративность позволяют регионологии быть не «под», «между» или «рядом» в отношении других наук, она существует одновременно «внутри» и «снаружи», стирая границы или устанавливая их самостоятельно в рамках конкретного исследования. С другой, так называемая региональная/национальная специфика обретает в рамках такого подхода двойное воплощение: как предмет исследования и как его метод. Как предмет исследования она сосуществует с закономерностями регионального развития и диктует необходимость определения границ между регионально-специфичным и универсальным в развитии региона. Как метод она, в качестве теоретико-методологической базы, разработанной в регионах – объектах исследования, сосуществует с универсалистскими теориями регионального развития, давая возможность перепроверки полученных результатов на основе двух разновекторных подходов.

Таким образом, переход от комплексности к интегративности и от междисциплинарности к трансдисциплинарности придает регионологии особую социальную роль – быть флагманом трансдисциплинаризации научного знания.

Литература

Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.

Колдунова Е. В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 50 (5). С. 63–69.

Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2 (53). С. 157–165.

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев ; отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. Кн. 2. С. 6–14.

Павловский И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность. Ч. 1 // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014а. № 2. С. 102–109.

Павловский И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность. Ч. 2 // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014б. № 3. С. 67–76.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 13–18.

Шалина И. В., Зыкова С. А. Международные программы обмена и их роль в современной политике Японии // Теория и практика регионоведения : тр. II Междунар. науч.-практ. Регионовед. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 219–223.

Isserman A. M. The History, Status, and Future of Regional Science: An American Perspective // International Regional Science Review. 1995. Vol. 17, N 3. P. 249–296.

Memorandum of Association of The Regional Studies Association. Amended Friday 11th August 2006. URL: https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/06/Memorandum_amended_2006.pdf (дата обращения: 08.08.2022).

Region as a transdisciplinary regionology object in the context of social management processes / E. V. Kremnyov, O. V. Kuznetsova, N. S. Karachyova, E. V. Lesnikovskaya // SHS Web OF Conferences. 2022. Vol. 134. 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law”. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/04/shsconf_eac-law2021_00166

大学教育の分野別質保証のための教育課程編成上の参照基準. 地域研究分野平 // 日本学術会議. 2014年9月3日. URL: <https://www.sej.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-22-h140903.pdf> (дата обращения: 29.07.2022).

山本博之. [総特集にあたって] 新しい地域研究をめざして // 地域研究方法論. 2012a. 12巻2号. P. 6–15.

山本博之. 地域研究方法論——想定外に対応する「地域の知」 // 地域研究. 2012b. 12巻2号. P. 18–27.

Л. А. Лебединцева, П. П. Дерюгин (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский государственный университет
Севастопольский государственный университет
Российско-китайский центр междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Е. В. Кремнёв (Иркутск)

Иркутский государственный университет
Российско-китайский центр междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Лю Тяньси (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНДИГЕНИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ КАК ПРОЦЕСС УКОРЕНЕНИЯ ЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (КЕЙСЫ КОРЕИ, ЯПОНИИ И ТАЙВАНЯ)

Аннотация. Рассматривается индигенизация социологической науки в качестве компонента национальной культуры. В связи с этим устанавливаются основные ключевые идеи индигенизации, такие как укорененность знания в социальной ткани общества, социокультурная, экономическая и политическая специфика социологического знания, в каждом из рассматриваемых кейсов, в частности, в Корее, Японии и на Тайване.

Ключевые слова: индигенизация, укорененность, Корея, Япония, Тайвань.

L. Lebedintseva, P. Deriugin (St. Petersburg)

St. Petersburg State University
Sevastopol State University
Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research
of the Sociological Institute of FCTAS RAS

E. Kremnyov (Irkutsk)

Irkutsk State University
Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research
of the Sociological Institute of FCTAS RAS

Liu Tianxi (St. Petersburg)

St. Petersburg State University

INDIGENIZATION OF SOCIOLOGY AS A PROCESS OF ROOTING KNOWLEDGE IN A SOCIAL CONTEXT (CASES OF KOREA, JAPAN AND TAIWAN)

Abstract. The purpose of the article is to consider the indigenization of sociological science as a component of national culture. In this regard, the main key ideas of indigenization are established, such as the embeddedness of knowledge in the social fabric of society, the socio-cultural, economic and political specifics of sociological knowledge in each of the considered cases, in particular, in Korea, Japan and Taiwan.

Keywords: indigenization, embeddedness, Korea, Japan, Taiwan.

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования
человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных
центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях
и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до
2024 года”».*

Концепция индигенизации (букв. «отуземливание», в переносном смысле – укоренение) социологии возникла в научном дискурсе ученых Востока, в том числе Кореи, Японии и Тайваня, но прежде всего – в Индии, еще в 1970-х гг. Индигенизация социологии рассматривается как неоднозначная реакция на глобализацию социологической науки, т. е. как стремление к сохранению социокультурных особенностей локальных социологий, в конечном счете – стремление ученых отдельных стран и регионов Востока к цивилизационной независимости науки [Хантингтон, 2003]. Центральная идея этой концепции заключена в выражении несогласия со сложившимися стандартами, предполагающими однозначные алгоритмы или кальки в содержании, методологии и подходах к анализу социальных реалий, а также преобладание вестернизации наук об общественном устройстве [Oguma, 2021, p. 684].

Процессы индигенизации в Корее. Во время ускоренной модернизации Кореи социология играла важную роль в академических кругах и обществе. Классические идеи социализации, распределения статусов и ролей и структурно-функционального анализа широко использовались для объяснения меняющихся установок и социальных отношений в обществе конца XX – нач. XXI в. Социологические взгляды на урбанизацию, нуклеарную семью, организацию и стратификацию оказывают влияние на понимание структурных изменений, которые обычно отождествляются с ключевыми элементами модернизации, также понимаемой в первоначальном классическом ее варианте. Во второй половине XX в. Корея приняла западную либеральную демократию, рыночную экономику, индивидуализм, правовую систему и массовое образование в качестве основ современного государства. Принятие и индигенизация социальных наук были важны для внедрения этих современных элементов.

Изучать созданные на Западе передовые технологии и научные разработки в качестве образцов необходимо для развития цивилизации, в том числе и восточной. В этом контексте сильное западное влияние проявляется в том, что «индигенизация рассматривается как необходимая для адаптации иностранных товаров к корейским условиям... процессы принятия и индигенизации – это две стороны одной медали» [Park, 2021, p. 675]. В этом же русле понимается индигенизация социологии в Корее. Внедрение идей западной социологии в корейский контекст в период динамичной модернизации страны было сложным процессом. Однако простой дихотомии между западным универсализмом и корейским партикуляризмом не было, интеллектуальные усилия по индигенизации остаются постоянной проблемой в корейской социологии. Разные социологические направления, такие как историческая социология, критическая социология, публичная социология и в целом общая социология, по-разному осу-

шествовали «диалектический процесс» восприятия, усвоения и преломления западных знаний, способов обучения, методологии, методов и подходов получения ответов на исследовательские вопросы и актуальные темы. Предпринимаемые усилия могут обеспечить хорошие ресурсы для разработки будущих теорий в корейской социологии, а также социологии в Восточной Азии и в мировом сообществе.

Таким образом, в Корее индигенизация XXI в. больше не понимается как националистический проект против универсальной теории или как прагматический активизм против академического нейтралитета. Индигенизация социологии рассматривается как процесс укоренения интеллектуальных знаний, выработанных в «другом месте и в другое время», способных объяснить исторические пути Кореи, структурные проблемы и возможное будущее; комплексный подход к творческому объединению теоретических перспектив и социально-исторических реалий.

«Органичная» индигенизация социальных наук в Японии. Социология в Японии появилась раньше, чем в других восточных странах. В этом смысле она всегда имела свои отличительные особенности. С конца XIX в. социология в Японии постоянно занималась изучением особенностей японского общества. Японских социологов привлекали уникальные характеристики своего (японского) общества, результаты своих исследований они опубликовали во множестве книг на эту тему. И, как пишет японский социолог Эйджи Огума, «даже их стремление внедрить западные теории социологии было неотъемлемой частью этих усилий по разъяснению “уникальности” Японии» [Oguma, 2021, p. 685], что напрямую отвечало национальному запросу той эпохи [Шалина, 2019]. Япония сумела развить обширный внутренний рынок образования / труда / языка / издательского дела, который сыграл определяющую роль в таком внутреннем фокусе японской социологии. И хотя специфический характер внутреннего общественного спроса начиная с 2000-х гг. постепенно меняется, подобная самодостаточность привела к слабому присутствию японской социологии в мировом академическом сообществе.

Таким образом, сами японские социологи признают, что процесс индигенизации социологии в Японии, в отличие от других стран, не был результатом определенной (сознательной) повестки дня. И также, в отличие от социологов в других странах, они отмечают и негативные последствия индигенизации. Одним из них называют оправдание авторитаризма и милитаризма японскими социологами в конце 1930-х – начале 1940-х гг. [Oguma, 2021, p. 689]. Другим является то, что послевоенная социология XX в. склонна рассматривать различные современные характеристики японского общества как его уникальные и неизменные. Это свидетельствует о внутренней «погруженности» социологов в общественный контекст своего социума; несмотря на их стремление обеспечить объективный

анализ своего общества, они были неотъемлемой частью этого общества и не могли выйти за рамки его структуры.

Принимая во внимание такую неосознанную, органичную погруженность социологии в социальный контекст их общества, японские социологи склонны к расширительной трактовке задач социологии, в частности, они задаются вопросом: является ли общество, на которое мы должны реагировать, обществом, состоящим из их внутренней широкой аудитории, или глобальным академическим сообществом?

«Двойное дно» социологии на Тайване: противоречивая индигенизация. Кейс Тайваня совершенно не похож ни на кейс Кореи, ни на кейс Японии. Социология на Тайване по своему происхождению является западным знанием [Социология в Гонконге ... , 2020, с. 127]. Последующее развитие тайваньской социологии идет по извилистому пути. Именно на этом пути индигенизация в тайваньской социологии принимает разные обличья, используя разную терминологию и объединяясь вокруг разных академических фигур, доводя процессы индигенизации до современных развитых форм. Хотя путь от китаизации к тайванизации может хорошо отражать основную линию тайваньской социологии после Второй мировой войны, но он не раскрывает деталей, которые могут указывать на более динамичную, более противоречивую сторону индигенизации. В целом авторы выделяют четыре периода индигенизации тайваньской социологии: с конца Второй мировой войны до начала 1980-х гг., с начала 1980-х по 1990 г., с 1990 по 2000 г. и с 2000 г. по сегодняшний день [Lin, Wu, Tang, 2021, p. 664]. Однако, на наш взгляд, это излишне дробная периодизация, отражающая лишь особенности двух важных вех в процессе индигенизации тайваньской социологии: во-первых, это китаизация социологии на Тайване и, во-вторых, непосредственная тайванизация социологического теоретического и эмпирического знания. В первый период (начиная с развития антропологических исследований, затем исследований народонаселения, семьи, города, проблемы преступности среди молодежи; чуть позже локальных исследований в рамках модели поведенческих наук, изучения сообществ и социальных изменений в контексте модернизации, исследования истории социальной науки, политической культуры общества и т. д.) происходит «естественное» укоренение социологических эмпирических знаний о местном контексте, пока без какой-либо дополнительной научной и теоретической рефлексии [История и современное ... , с. 132]. С содержательной точки зрения индигенизация в то время могла означать только китаизацию. Китаизировать социологию означало «национализировать» ее. Этот период активно развивался приблизительно до конца XX в., но и продолжается и позже, хотя и с меньшей интенсивностью. И уже во второй период скрытая конкуренция (или конфликт) между китайской и тайваньской идентичностями начинает проявляться открыто. Существовавшая двусмысленность как в политическом национализме, так и

в академической индигенизации постепенно уходит в прошлое. Большую интенсивность здесь приобретают стремление к самостоятельности тайваньской социологии, ее дистанцирование от социологии в материковом Китае. Тому есть веские основания. В начале XXI в. в 12 научных и учебных институтах, имеющих непосредственное отношение к социологии, работал 131 ученый-социолог. Общее количество ученых-социологов насчитывает около 200 человек. Правительство Тайваня оказывало поддержку развитию социологии. С конца 1990-х гг. Национальный совет по науке учредил Тайваньский индекс цитирования по общественным наукам (Taiwan Social Sciences Citation Index (TSSCI)), учреждена система рецензирования. Правда, из-за небольших размеров тайваньского научного сообщества она не всегда объективна [Li, 2011, p. 163–164]. Количество социологов, работающих в технических и естественно-научных институтах, превысило 40 % их общего числа работников. Современная тайваньская социология характеризуется организационной гибкостью, нацеленностью поисков на новые социальные процессы, разнообразием тематики исследований и активной связью социологов с общественно-политической жизнью. По характеристике самих тайваньских социологов, в островном регионе активно работает «миниатюрное социологическое сообщество» – Тайваньская социологическая ассоциация (ТСА) – около 500 человек. Она выпускает рецензируемый «Тайваньский социологический журнал». Действуют еще несколько ассоциаций ученых, куда входят социологи: Тайваньская ассоциация феминистских исследователей, Ассоциация культурологических исследований, Ассоциация социального благополучия Тайваня, Тайваньская ассоциация социологических исследований науки и техники [Чанг, 2015]. На наш взгляд, именно на Тайване процессы индигенизации проявляются особенно ярко и порой драматично. Тайваньская социология сформировалась как переплетение разнонаправленных научных исследований, связанных как со стремлением глубинного самопознания тайваньского общества, так и с доминированием практических исследований в сфере экономики. Немногочисленное сообщество социологов Тайваня обладает преимуществами в организации (наличие многочисленных научных и личных связей между социологами, широкие возможности публикации исследований, опыт толерантного отношения к разнообразным точкам зрения). Бывший президент Тайваньской социологической ассоциации, директор Института социологии Академии наук Тайваня Шин-Хуан Майкл Сяо так описывает ситуацию: «Социальные и политические изменения побудили местных социологов к развитию органичной связи с тайваньской действительностью, дали энергию бросить вызов авторитарному правлению посредством критических социологических исследований и даже воодушевили их на участие в демократических движениях. Действуя таким образом, тайваньская социология не только стала более либеральной, но и помогла стать более демократичным всему тайваньскому обществу»

[Сяо, 2013]. Процессы индигенизации проникают глубоко в социальную ткань общества – социологи активно участвуют в политическом преобразовании тайваньского общества. Практикующие социологи активно выражают свои позиции в эссе, в газетах и популярных журналах, участвуют в мероприятиях по развитию демократии и гражданского общества.

Рассмотренные три кейса индигенизации социологического знания в Корее, Японии и на Тайване иллюстрируют альтернативную траекторию современности, которая развивается также и в других странах и регионах [Дерюгин, Веселова, Лебединцева, 2018; Социология в Гонконге ... , 2020; Лебединцева, Дерюгин, Веселова, 2021], будучи призванной исправить историческое недопонимание современности, поддерживаемое классическими западными социологическими теориями, и построить новый синтез или новую теорию современности.

Литература

Дерюгин П. П., Веселова Л. С., Лебединцева Л. А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 124–134.

Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Веселова Л. С. Социология в Сингапуре 1960–1990-е гг.: «двойной мандат» социолога // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 128–139.

Сяо Ш.-Х. Тройной поворот тайваньской социологии // Глобальный диалог. 2013. Т. 3, № 2. С. 19–20.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. ??? с.

История и современное состояние социологии Тайваня / Ц. Цзинь, П. П. Дерюгин, Л. С. Веселова, Л. А. Лебединцева // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 126–136.

Социология в Гонконге: вызовы и перспективы / Ц. Цзинь, П. П. Дерюгин, Л. С. Веселова, Л. А. Лебединцева // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 128–138.

Чанг Мау-Куэй. О тайваньской социологии в общем и в частности // Глобальный диалог. 2015. Т. 5, № 4. С. 32–33.

Шалина И. В., Клеянкина О. А. Трансформация японского общества во второй половине XIX в. // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск, 2019. С. 492–497.

Li W. Taiwanese Academic Publishing in Sociology // International Sociology. 2011. Vol. 26, N 2. P. 160–169.

Lin F.-T., Wu H.-Ch., Tang Ch.-Ch. A concise history of sociology's 'indigenization' in post-war Taiwan: Emergence, transformation, and invisibilization // International Sociology Reviews. 2021. Vol. 36(5). P. 662–673.

Oguma E. Sociology of the Japanese, by the Japanese, for the Japanese: A short history of unintentional indigenization of sociology in Japan // International Sociology Reviews. 2021. Vol. 36(5). P. 684–696.

Park Myoungkyu. Three types of indigenization in the development of Korean sociology // International Sociology Reviews. 2021. Vol. 36(5). P. 674–683.

И. А. Савченко (Нижний Новгород – Москва)

Московский городской педагогический университет
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕРКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ: ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

Аннотация. Дается краткая характеристика исследования, направленного на понимание того, как восприятие речи (прежде всего, иностранной речи и родной речи, исходящей от тех, для кого она не является родной) влияет на социокультурный климат в регионе. Такое понимание может заложить фундамент для формирования концепции, позволяющей тестировать и прогнозировать динамику межкультурного контакта, что создает возможность предупреждения этнических конфликтов и противодействия экстремизму в современной мультикультурной региональной среде.

Ключевые слова: язык, культура, этническая общность, лингвокультурная идентичность, интеркультурное воздействие, восприятие речи, лингвистический шок, стресс, адаптация, вегетативные показатели, когнитивная нагрузка, эмоциональный ответ.

I. A. Savchenko (Moscow – Nizhny Novgorod)

Moscow City University
Linguistics University of Nizhny Novgorod

THE STUDY OF THE INTERCULTURAL PERCEPTION OF SPEECH: POTENTIALS OF TRANSDISCIPLINARY REGIONOLOGY

Abstract. A brief description of the study is given, aimed at understanding how the perception of speech (first of all, foreign speech and native speech coming from those for whom it is not native) affects the socio-cultural climate in the region. Such an understanding can lay the foundation for the formation of a concept that allows testing and predicting the dynamics of intercultural contact, which creates the possibility of preventing ethnic conflicts and countering extremism in a modern multicultural regional environment.

Keywords: language, culture, ethnic community, linguistic and cultural identity, intercultural impact, speech perception, culture shock, linguistic shock, stress, adaptation, vegetative indicators, cognitive load, emotional response.

Различные аспекты взаимодействия культур в региональных ареалах являются органичной составляющей трансдисциплинарной регионологии как области науки, интегрирующей достижения различных дисциплин, в рамках которых изучаются региональные процессы различного уровня [Kremnyov, Lesnikovskaya, Kuznetsova, 2022, p. 443]. Цель нашего исследования – обозначить пути изучения индивидуальных и групповых реакций на восприятие речи в условиях поликультурного региона.

Речевые послания можно рассматривать как сигналы, вызывающие определенную реакцию на когнитивном, эмоциональном или поведенческом уровнях. Мотивы таких реакций могут быть осознанными или бессознательными. При этом индивидуальные реакции могут существенно отличаться от групповых.

В культурно разнородном пространстве российского региона (включая цифровую интерактивную среду) звучит незнакомая речь (представителей европейских культур, жителей Кавказа, Центральной и Дальневосточной Азии и т. д.). Каковы же общие черты и отличия в реакции на речь у представителей разных культур?

На этом фоне можно сформулировать определенные исследовательские задачи. Так, нам важно понять, насколько меняется наше восприятие неродной речи в зависимости от того, понятна ли она нам (возможно, частично) или не понятна. Мы также слышим родную (русскую) речь из уст носителей других культур, и в их произношении речь приобретает разные формы акцентов. Нужно понять, как разница в акцентах («прибалтийском», «кавказском», «среднеазиатском», «китайском» и т. д.) влияет на наше восприятие слов родного языка, произносимых теми, для кого он не является родным.

Не менее важно установить, что влияет на восприятие речевого воздействия: стереотипы, этнокультурные барьеры, предрассудки или, например, фонемные характеристики речи, ее тональность, тембр, спектральный состав, темп речи и/или голоса. Следует также уяснить, насколько на нашу перцепцию речи влияет индивидуальное восприятие ее конкретного носителя и по каким параметрам индивидуальное восприятие речи отличится от группового (с учетом характеристик как говорящего, так и слушателя).

Мы предлагаем использовать различные методы прикладного и экспериментального исследования межкультурного восприятия речи. Например, потребность в изучении общественного мнения в отношении вливания в современное социокультурное пространство инокультурных речевых компонентов обуславливает необходимость разработки и проведения серии социологических опросов. Однако для детального понимания различных аспектов кросс-культурного речевосприятия необходимы более специфические методики.

Поэтому для глубинного же понимания внутренней индивидуальной реакции человека на определенное речевое воздействие мы разрабатываем и предлагаем использовать алгоритмизированные цифровые методики. Такие методики позволяют изучить ответ организма на речевое воздействие (изменение давления, пульса, сердечного ритма, частоты дыхания и уровня кислорода в капиллярной крови) и в результате – выявить истинные реакции человека на речь.

Кроме того, на наш взгляд, имеет смысл апробировать принципиально новый метод – использование инструментов биомеханики в установлении влияния речевого воздействия на эмоции человека. В свое время Н. А. Бернштейн доказал, что положительные эмоции и мотивация улучшают гибкость мышц и суставов, а противоположные личностно-психические факторы – ухудшают. С помощью новых программно-методических

комплексов или традиционных методов спортивной биомеханики возможно установление специфики воздействия речи на эмоции человека через диагностику мышечного тонуса.

Имеет смысл сравнить или соотнести данные, полученные опросными и методами с данными, полученными посредством аппаратных методик.

Таким образом, автор стремится понять характер актуальных социально-психологических индивидуальных и групповых реакций на лингвокультурную гетерогенизацию общества и на этой основе разработать комплекс методик (социологических, психологических и алгоритмизированных психофизиологических) для диагностики специфики этих трансформаций, а также для возможной позитивной коррекции характера такого рода изменений.

Такие процессы, как кризис идентичности, в том числе лингвокультурной, культурный шок и трудности культурной адаптации могут содержать конфликтогенные и потенциально разрушительные элементы, что было показано еще в работах К. Леви-Стросса и Бр. Малиновского, а затем – неоднократно подтверждено в трудах многочисленных этнических психологов, социологов и социальных антропологов. Указанные процессы могут рассматриваться для развития региона как социокультурные угрозы. Вот почему изучение характера таких процессов, наблюдение и возможная коррекция представляют собой средства противодействия подобным угрозам.

В настоящее время, помимо прочего, одной из социокультурных угроз для российских регионов становится снижение общего уровня языковой грамотности. Русский язык, с одной стороны, является важнейшим фактором социокультурной интеграции полиэтнического российского общества, но, с другой стороны, в межнациональном общении он потенциально может сохранить только свою инструментальную функцию, утрачивая ценностную. Популяризацию среди различных групп полиэтнического общества русского языка не столько как средства элементарного информационного обмена, но как ценности, за которой стоит обширный пласт истории и литературы, мы также рассматриваем как инструмент противодействия социокультурным угрозам.

Интеллектуальные производственные технологии позволяют с помощью алгоритмизированных методик тестировать воздействие речи на человека и группы людей: родной речи в устах ее носителей, родной речи в произношении иностранцев, иностранной речи в устах ее носителей и иностранной речи в произношении тех, для кого она не является родной. Кроме того, алгоритмизированные технологии позволяют понять, как жители региона воспринимают разные виды акцентов (например, русскую речь в устах армянина, таджика, китайца и т. д.). Алгоритмизированные цифровые методики могут использоваться также для диагностики стресса,

который вызывается как внутриличностными состояниями лингвокультурного дисбаланса, так и процессами перехода в речи, мышлении и слушании с одного языка на другой.

Предлагаемые автором исследования проводятся на уровне фонемного анализа (включая тональность, тембр, спектральный состав, темп речи и/или голоса), а также на уровне корреляции динамики восприятия речи с изменениями различных вегетативных функций организма, вариабельности сердечного ритма, давления, пульса и т. д.

Отметим, что попытки алгоритмизированного изучения реакций человека на речь (и текст) предпринимались и ранее. Например, исследовалось сопутствующее чтению сложное взаимодействие зрительного восприятия, окуломоторных процессов (движений глаз) и обработки вербальной информации [Барабанщиков, Жегалло, 2014], в том числе при помощи методики движущегося окна (moving window) [Rayner, 1998]. Среди современных работ особенно заметными здесь являются труды О. В. Федоровой, исследовавшей зрительное внимание говорящего и слушающего на монологических этапах естественной коммуникации [Федорова, 2020].

Разрабатываются инструментальные методы регистрации и анализа вегетативных отображений быстрых изменений субъективного состояния индивида в ситуации языкового переключения. Измеряется и анализируется динамика функционального состояния человека, характерная для реализации сложной когнитивной активности – синхронного перевода [Парина, Парин, 2019]. В данном случае изучается деятельность синхронного переводчика.

Вегетативные особенности речевосприятия отражаются в принципе работы полиграфа (изобретатель – У. Марстон). Однако здесь цель – выявление лжи, а не особенностей интеркультурного восприятия.

Активно развиваются нейросетевые исследования, обрабатываются большие данные о семантических и психологических эффектах восприятия сообщений, характерных для виртуально-сетевых коммуникаций [Pilgun, Kharlamov, 2022].

В настоящем исследовании интегрированы достижения экспериментально-прикладной науки для новых конкретных задач. Экспериментально-прикладное исследование для нас – один из элементов для построения новых методологических моделей. Мы стремимся проанализировать характер лингвокультурных трансформаций, сопровождающих развитие современного многоэтнического региона, и показать, каким образом эти трансформации проявляют себя на групповом и индивидуальном уровнях. Раскрываются природа и дихотомный характер языка как одного из факторов социальной солидаризации/десолидаризации культурно разнородного региона и определяются особенности инструментальной и ценностной функций языка в полиэтническом сообществе.

С опорой на научный инструментарий социологии, психологии, социо- и психолингвистики раскрывается природа лингвокультурной идентичности, мы намерены определить ее устойчивые и неустойчивые составляющие, уточнить ее базисные и промежуточные состояния; выявить тенденции ее развития.

Концептуализируется соотношение лингвокультурной идентичности и языкового сознания, уточняются особенности совпадения и несовпадения данных категорий. Изучается специфика лингвокультурного шока и стресса, характерных для человека, чье языковое сознание и языковые акты не совпадают (когда человек мыслит на одном языке, но обращается в иноязычной среде и постоянно осуществляет внутренние (при чтении и слушании) и внешние (при говорении) акты перевода). Раскрывается специфика возможного когнитивного диссонанса в ситуациях указанного типа.

Определяются перспективы лингвокультурного развития полиэтничного российского региона. Выявляются возможные социокультурные угрозы для регионального развития и разрабатываются методы противодействия подобным угрозам.

В целом исследование направлено на понимание того, как восприятие речи (прежде всего, иностранной речи и родной речи, исходящей от тех, для кого она не является родной) влияет на социокультурный климат в регионе. Такое понимание может заложить фундамент для формирования концепции, позволяющей тестировать и прогнозировать динамику межкультурного контакта, что создает возможность предупреждения этнических конфликтов и противодействия экстремизму в современной мультикультурной региональной среде. В результате формируется междисциплинарная модель интерпретации интеркультурного речевого взаимодействия в условиях полиэтничного региона.

Литература

Барабанщиков В. А., Жегалло А. В. Методы регистрации движений глаз в психологии: основы учебно-методического комплекса // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 132–137.

Парина И. С., Парин С. Б. Исследование уровня стресса у начинающих переводчиков-синхронистов в рамках когнитивной парадигмы // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 124–134.

Федорова О. В. Зрительное внимание говорящего и слушающего на монологических этапах естественной коммуникации: развивая идеи А. Кендона // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 17–24.

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern transdisciplinary regionalology: the goal and the objectives // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15, N 4. P. 443–452.

Pilgun M., Kharlamov A. A. Information retrieval and analysis of digital conflictogenic zones by social media data // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 236. P. 677–685.

Rayner 1998 by the American Psychological Association, Inc. 1998. Vol. 124, N 3. P. 372–422.

С. Старовойтова, Л. А. Лебединцева (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОБЩЕСТВЕ: ПРОЦЕССЫ ВНУТРЕННЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются процессы внутренней социальной интеграции и ее влияние на формирование единого социального пространства, в котором проживает большое количество различных этнических групп, образующих единое общество в рамках определенных территориальных границ. Интеграция рассматривается как процесс инкорпорации различных этносов в единое социальное пространство, который необходим для их существования.

Ключевые слова: социальное пространство, социальная интеграция, этнос, этническая группа, общество.

S. Starovoitova, L. A. Lebedintseva (Saint Petersburg)

Saint Petersburg State University

FORMATION OF THE HOLISTIC SOCIAL SPACE IN SOCIETY: PROCESSES OF INTERNAL SOCIAL INTEGRATION

Abstract. The purpose of the article is to consider the processes of internal social integration and its impact on the formation of a single social space in which a large number of different ethnic groups live, forming a single society within certain territorial boundaries. Integration is considered as the process of incorporation of various ethnic groups into a single social space, which is necessary for their existence.

Keywords: social space, social integration, ethnical group, society.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-311-90025.*

3. Бауман утверждает, что современное постмодернистское общество построено на принципах потребления, ввиду чего интеграция как процесс достижения консенсуса в рамках социальной системы теряет свой смысл. «Социальная интеграция достигалась уже не согласием, а уступками. Пусть люди возмущаются властью капитала, лишь бы ее не оспаривали. Стремления и надежды угнетенных теперь благополучно отводились от властной структуры к повышению их материальных стандартов» [Бауман, 2006]. 3. Бауман утверждает, что современное общество построено не на интеграционных процессах, а на принудительных, осуществляемых посредством «мягкой силы» в виде возможностей потребления: «Зрелища пришли на место надзора, не утратив дисциплинирующей власти своего предшественника. Подчинение стандартам... теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения, – и проявляется в личине осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы» [Бауман, 2008, с. 94]. Поэтому социальный порядок и контроль в эпоху постмодернистского общества никуда не исчезают.

Согласно Бауману человек по-прежнему зависим от общества. Однако в современном мире индивиды вступают в многообразные временные

отношения, и такой же является их групповая принадлежность. Социальные роли индивидов З. Бауман уподобляет одежде с застёжкой на молнии – эти «костюмы» легко можно снять и при необходимости столь же быстро снова надеть. Экстраполируя данные мысли на социальную систему, можно сказать, что, по мнению З. Баумана, человек предпочитает не иметь столь стойких и длительных привязанностей в обществе, совокупность его непрекращающихся интерактивных контактов больше напоминает мир вещей одноразового использования.

В постмодернистском обществе человек получил свободу, человеку приходится жить своим умом, самостоятельно принимать решения. Однако, как уже говорилось ранее, человек все же зависим от общества. Следовательно, индивиду необходима интеграция в социальную систему. Рассматривая интеграцию национальных меньшинств в то или иное общество, следует процитировать слова З. Баумана, который говорил, что «по мере разрушения суверенитета государств под давлением глобализации и значительного снижения пороговых требований, позволяющих претендовать на самоопределение, поддерживавшиеся властями обязательная ассимиляция и инкорпорирование национальных меньшинств вкупе с уничтожением их самобытности... становятся невозможными; спорадические попытки прибегнуть к подобным мерам оказываются вопиюще неэффективными» [Бауман, 2005]. Можно сделать вывод, что З. Бауман отрицает ассимиляцию принудительного характера, осуществляемую государствами в современном мире. Однако важно понимать, что существуют стандарты, которых индивиды должны придерживаться. Эти стандарты уже не носят принудительный характер, они выражаются латентно, поэтому индивид может и не ощущать осуществляемый над ним контроль.

Таким образом, постмодернистское общество по-прежнему подвержено контролю, однако данный контроль носит латентный характер. Несмотря на тот факт, что на сегодняшний день принято следовать политике интеграции для совмещения всех частей в единое целое, З. Бауман опровергает данный тезис, утверждая, что современное общество устроено на принципах удовлетворения потребностей индивидов. Удовлетворение потребностей индивидов влечет за собой их интеграцию. «Рыночная ориентация индивидов, стремящихся к удовлетворению своих постоянно растущих потребностей, – вот все, что требуется для социальной интеграции» [Бауман, 2006].

В подтверждение необходимости интеграционных процессов следует сказать, что в современном мире существует множество многонациональных стран. В связи с этим изучение термина «интеграция», а также применение теоретико-методологических разработок для изучения данной темы на практике имеют свою актуальность. Для существования государства, в

котором проживает большое количество различных этнических групп, образующих единое общество в рамках определенных территориальных границ, необходим процесс интеграции. На сегодняшний день существуют три основных типа государств: полиэтнические (многонациональные), диэтнические (двунациональные) и оноэтнические (однациональные) [Тишков, 2001].

Полиэтнические (многонациональные) государства, согласно политическому словарю, это те государства, в которых «...ни один из народов, проживающих на территории данного государства, не имеет доминирующей позиции. Другими словами, сохраняется межнациональный паритет, когда ни одна национальность не может считаться этническим большинством» [Политический словарь]. Важно отметить, что стран данного типа абсолютное большинство (около 100) [Глобальные ... , 2012] а расположены они в основном в Азии и Африке. К числу полиэтнических стран следует отнести:

- в Азии: Афганистан, Индия, Индонезия, Иран, Пакистан, Казахстан, Филиппины;
- в Африке: Ангола, Камерун, Кения, Мали, Нигерия, Танзания, ЮАР;
- в Европе: Швейцария, Босния и Герцеговина, Молдова;
- в Океании: Австралия, Новая Зеландия, Папуа – Новая Гвинея, Федеративные Штаты Микронезии, Науру и т. д. [Ивашов, 2012].

В данных странах для успешного функционирования общества необходима интеграция с целью сглаживания противоречий, способных возникнуть между различными культурами.

В двунациональных государствах, или, как их еще называют, диэтнических, преобладают два доминирующих этноса не в равной пропорции, составляющих 90 % и более от общей численности населения. При этом удельный вес каждого из этих народов должен составлять не менее 5 % населения страны. К числу таких государств относятся:

- в Европе: Бельгия, Словакия, Нидерланды и др.;
- в Азии: Ирак, Сингапур и др.

А также такие страны, как Алжир, Бурунди, Перу, Эквадор, Фиджи и другие [Глобальные ... , 2012].

Моноэтнические, или однациональные, страны представляют собой государства, в которых представители одного этноса составляют 90 % и более от общей численности населения. В то же время другие этнические группы в моноэтническом государстве составляют менее 5 % населения страны. К однациональным странам относятся:

- страны Европы: Португалия, Польша, Австрия и др.;
- в Латинской Америке: Чили, Бразилия, Парагвай и др.;
- в Азии: Япония, Китай и др.;
- в Африке: Египет, Сомали др.

– в Океании: Кирибати, Тонго и другие [Глобальные ... , 2012].

Исходя из трех типов стран (однако стоит отметить, что вышеуказанные количественные характеристики являются неуниверсальными ввиду того, что предельные границы процентного соотношения этносов могут быть разные, в зависимости от позиции исследователя по данному вопросу, так как в научном сообществе не существует консенсуса по установлению единых количественных параметров), необходимо выделить тот факт, что преобладает количество полиэтнических государств. Следовательно, интеграция как процесс инкорпорации различных этносов в единое социальное пространство необходима для их существования. В противном случае, если прибегать к иным видам межэтнического взаимодействия, таким как сегрегация (раздельное сосуществование различных этнических групп) или ассимиляция (в широком смысле подразумевает поглощение одной культуры другой), может произойти конфликт, который значительно усложнит отношения между различными этническими группами.

Литература

Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.

Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М. : Новое издательство, 2006. 132 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.

Глобальные вызовы XXI века – Геополитический ответ России : монография / Л. Г. Ивашов, А. Я. Касюк, Ю. В. Синчук, И. Л. Шершнев, Т. А. Яшкова ; под. ред. И. И. Халеевой. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 82–95.

Политический словарь. URL: <http://slovariki.org/politiceskij-slovar/3301> (дата обращения: 05.01.2017).

Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. 240 с.

THE CHANGING PUBLIC SPHERE THROUGH THE PRISM OF H. ARENDT'S THEORY: GLOBAL AND REGIONAL NARRATIVES

Abstract. This paper applies H. Arendt's theory to the analysis of the challenges today's public sphere is facing. Some of the challenges have an international reach, while others are specific for each country, although the line is rather blurred. Such concepts as "fake news", "alternative facts", "post-truths", and "double standards" related to truthfulness are applied internationally and are of high relevance for the worldwide political discourse. In contrast, the issue of exclusion from the public sphere appears to take nation-specific forms: in different societies, different forces claim to be underrepresented in the public sphere. The author argues that the challenges are shaped by two current trends: the ongoing trend for the transnationalization of the public sphere and the reinforcement of nation-states. The considered challenges are regarded as distortions of information that have political influence. These concerns viewed through the prism of H. Arendt's theory give a perspective on the processes and the challenges that the public sphere undergoes today. The paper applies the basic qualities of the public sphere defined by H. Arendt to the present state of the public sphere in the context of the information society. Arendtian idea of the communicative space as a narrative space that requires no mediator proves to be relevant for the analysis of conventional mass media as the public sphere mediator as well the positive role of the new social media.

Keywords: public sphere, public discourse, political discourse, H. Arendt, Arendtian theory, fake news, information society.

Е. В. Лесниковская, О. Ю. Вербицкая (Иркутск)

Иркутский государственный университет

МЕНЯЮЩАЯСЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ Х. АРЕНДТ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВЫ

Аннотация. Применяется теория Х. Аррендт в анализе тех вызовов, с которыми сталкивается публичная сфера сегодня. Отмечается, что такие концепты, как fake news, «альтернативные факты», «пост-правда» и «двойные стандарты», связанные с правдивостью, используются во всем мире и крайне актуальны для глобального политического дискурса (в то же время исключение из публичной сферы имеет тенденцию принимать национально-специфичные формы: в разных странах из нее исключаются различные общественные силы). Сделано предположение, что рассматриваемые вызовы определяются двумя текущими тенденциями: продолжающейся тенденцией к транснационализации, с одной стороны, и тенденцией к усилению национальных государств, с другой. Указанные концепты рассматриваются как искажения информации, имеющие политическое влияние. Рассмотрение проблемы сквозь призму теории Х. Аррендт представляет возможность интерпретации процессов, имеющих место в сегодняшней публичной сфере. Применены базовые качества, определенные Х. Аррендт в отношении актуального состояния публичной сферы в контексте информационного общества. Сделан вывод, что идея Х. Аррендт о коммуникативном пространстве как о нарративном пространстве, не требующем посредников, релевантна для анализа традиционных СМИ как посредника в публичной сфере, а также для анализа положительной роли новых социальных медиа.

Ключевые слова: публичная сфера, публичный дискурс, политический дискурс, Х. Аррендт, «фейковые новости», информационное общество.

The public sphere is in the spotlight today since some of the modern trends appear to fragment and erode it, which reflects especially well on the rise of what we can call "alternative realities", constituted by the "facts" that do not

relate to the objective reality but are borne by mass media and political technologies. These are represented by such elements as “fake news”, “alternative facts”, “post-truth”, and the like. It is also obvious that fake news is nothing new. Nevertheless, the public as well as the states have rung alarm recently having witnessed fake news influence important political events – first of all, 2016 US elections as well as Brexit, the crisis in Ukraine etc. Are such provocative elements of the public sphere as fake news, double standards, post-truths and alternative facts becoming a new normality? The issue requires placing the current complex configurations that constitute today’s public sphere into the wider social context and taking the information and communication flows that are present in our society into account. Has the public sphere of today changed so dramatically due to the advance of technologies that it has overgrown the classical framework of the public sphere theory? We believe that the rise of alternative realities, post-truths and fake news represent rapidly changing rules and standards of conduct in the public sphere, which requires a thorough reconsideration. The variable standards and fluctuating environment need benchmarks, a well-structured framing, ideal models that are able to provide us with a deeper understanding of today’s changing public sphere. In this relation, the profound analysis of the public sphere by H. Arendt is vital for understanding the issue. Further, we will examine the public sphere of today – especially, the elements of it that have intruded public consciousness in 2016 and raised significant concern – the ones that the press names “fake news” – through the prism of the principles of H. Arendt’s ideas and theory.

H. Arendt describes two polar models of the public sphere. The ideal model, the one that was typical for the ancient polis, and is the ideal type for a modern democratic society, is an open public sphere where there is pluralism, where actions confirm the words, the words reveal the gist of actions, and the participant speaks and acts on behalf of his true self. The other model is the one that is assigned to totalitarian regimes where the public sphere is filled with propaganda and ideological indoctrination. It is obviously not open, lacks pluralism, and instead of revealing the actions and the faces of the participants, it distorts, covers, and constitutes façades. The models being two extremes, the vast majority of modern societies fall in between of them. Basing on H. Arendt’s description of public sphere models, the concerns that arise in the modern society in relation to the public sphere can be categorized into the following: concerns of pluralism (entailing representation of different, ideally all, groups that are in a certain society); concerns of openness (entailing the issues of inclusion/exclusion of certain speakers in/from the public discourse); concerns of truthfulness (entailing the representation of true selves, the concordance of words and actions, and the unbiased, undistorted representation of the true objective reality).

To be able to examine the concerns, it is important to confirm that today's public sphere still bears the basic traits of the one described by H. Arendt. In order to avoid limiting the comparison to the historic period of the Greek polis, we will also include Habermasian Westphalian society ideal model in our analysis. They both represent ideal models of the public sphere, or at least the rightly functioning ones. These ideal models, self-sufficient as they are, find a lot in common. In general, Arendtian conception of the public sphere is close to that of Habermas in many aspects despite all the difference between the historic periods the two referred to. Three such common points can be defined as following: 1) the constitution of the public sphere by speech and action; 2) visibility (exclusive to the public space); 3) permanence.

Firstly, in H. Arendt's view, the public sphere is constituted by speech and action [Arendt, 2000, p. 263]. Habermas echoes her: "...The public sphere was constituted in discussion (*lexis*), which could also assume the forms of consultation and of sitting in the court of law as well as in common action (*praxis*), be it the waging of war competition in athletic games" [Habermas, 1991, p. 3].

Another inalienable quality of the public sphere is visibility. The public sphere is the place where everything comes into light revealing itself, and appears as it is. H. Arendt points out that the public sphere of the Greek polis represents total visibility and audibility. Habermas notes, "...Only in the light of the public sphere did that which existed become revealed, did everything become visible to all" [Habermas, 1991, p. 3–4].

As for the permanence, according to H. Arendt, the public sphere of a Greek polis represents organized memory [Arendt, 2000, p. 262]. The idea of permanence as organized memory is present in Habermasian theory as well. Habermas refers to the public sphere as "a realm of freedom and permanence" [Habermas, 1991, p. 3]. In his view, permanence of the public confronts the process of life reproduction that takes place in the private. Permanence is related to fame and immortality, thus, related to organized (social) memory.

Let us now turn to the question if the concept of the public sphere by H. Arendt is applicable to the public sphere of today. Speech is broadcast, spread, repeated, recorded, interpreted, analyzed and commented; sophisticated with technologies and psycholinguistic manipulation, carefully planned out and edited by the professionals – speech writers, cautious to take a wrong turn – a politically incorrect one, squeezed in between the need to sound neutral and the need to excite emotions. Actions need to stand out more in order to compete in the intensive, fullest news agenda. Arendt's idea of speech and action as the only two ways of being presented in the public sphere explains well how the forces excluded from the public discourse tend to regain representation as a result of certain actions. An example of this is the revitalization of the radical right in

Western Europe in connection with the migration crisis. An event, often a negative and a shocking one, such as a Syrian immigrant attacking a local in Germany, allows ultra-right forces to enter the political discourse.

Visibility has greatly advanced now, with the help of technology, and has resulted in the collection of personal data, the rise of big data, surveillance, exhibition of personal likes, interests, even the most intimate moments (birth, death) captured online. Visibility has obviously increased in terms of quantity, scale and reach. Although it often takes perverted and negative, even threatening, forms and often violates people's privacy and confidentiality, it has positive effects as well. "Positive visibility" results in the growing demand for transparency: for instance, government agencies and charity funds publish financial reports and give detailed accounting of their activities. For better or worse, today visibility has gone extreme.

Permanence seems to be the quality that today's public sphere lacks, due to the environment of turbulence and the changes in the public sphere itself. However, in Arendt's view, the permanence of the public sphere is not in the absence of change; this is not statics, not even stability. For H. Arendt, the permanence of the public sphere is memory [Arendt, 2000, p. 262]. Permanence allows no forgetting. Today, with the help of technology, non-forgetting concerns not only public personas but also members of general public. The reality of today provides perfect opportunities for organizing memory – a prerequisite of the public sphere, according to H. Arendt. There is even more than the ability to remember – there is present the inability of new media and the Internet to forget [Wilken, 2010]. Once it happened, it all stays there, ridding us of the right to forget and be forgotten. In the "analogue" world, the processes of information accumulation and destruction, memorizing and forgetting happen simultaneously. In the "digital" world, the more or less natural course of these processes is broken [Wilken, 2010]. This poses an even greater threat to privacy and intimacy.

In this way, an analysis of the basic qualities of the public sphere shows that the notion of the public sphere today can be efficiently considered in terms of H. Arendt theory as her ideal model provides the frames in which today's public sphere fully fits. Moreover, the qualities of the public sphere described by H. Arendt seem to have intensified, having gone extreme now.

The basic qualities of the public sphere retain their relevance in today's world; however, the stretching of the world forces the sphere to have intermediaries, or mediators, who will broadcast speeches and actions and make them visible to the world. H. Arendt provides us with an angle of vision of the intermediary in the public sphere. Interestingly enough, although Arendtian and Habermasian ideal models of the public sphere share basic qualities, as described above, the two scholars have different, even contrasting attitudes to the agents who act as mediators in the public sphere, the intermediaries between the speaker/doer and the audience/the rest of the public [Arendt, 2000, p. 262].

While in Habermasian theory, the public sphere develops in parallel with the development of the press – moreover, “the published word” acts as a prerequisite for the public sphere, H. Arendt emphasizes that the public arena needs no mediator, no-story-teller [Arendt, 2000, p. 246]. The public sphere is self-sufficient and does not need narrators. Moreover, H. Arendt warns against a possible distortion in the communicative space of the public sphere when the story is narrated. The speaker speaks on behalf on themselves, or the action speaks for itself, unveiling the persona behind it. The only true story that can speak for itself and the doer, the only narrative that narrates itself is a biography.

However, today’s world is full of narratives. The public space today, hardly having any physical restrictions to a place, needs a narrator, an intermediary. It is the intermediary who seems to be the one immediately responsible for the distortion of information in the public sphere. The public sphere has greatly changed, developed and become significantly more complicated – in Habermasian theory, has gone through structural transformation – due to the appearance and spread of the published word. Mass media reserve their role and place in today’s public sphere, continuing to act as a powerful mediator with self-interests. Organizing the communicative space, mass media at the same time present their view of reality and are often accused of biases and distortion of information.

One of the most prominent examples of distortion in the narrative fabric of today’s public sphere is fake news. In this paper, we will treat fake news as an umbrella term for the distortions in the public sphere for which the intermediary of the modern public sphere – mass media as well new media – is responsible. Such terms as “alternative facts” and “post-truths” as well as (partly) “double standards” are regarded here as related terms. We will mainly use the concept of fake news, firstly, for convenience, secondly, for it is the one most widely spread and discussed, and, thirdly, because this term has the obvious relation to the mediator of the public sphere of today – mass media.

Among a significant number of definitions, we find the following one useful for the purposes of our work. H. Allcott and M. Gentzkow speak of fake news as of “distorted signals uncorrelated with the truth” [Allcott, Gentzkow, 2017, p. 212]. To put this phenomenon into the political frame, we define fake news as distortions of information that have (or expected/perceived to have) political influence. Stating the (potential) political power of fake news is important because what alerts the public today is what fake news does in politics rather than in journalism although it doubtlessly discredits quality journalism.

Let us start with placing fake news and other distortive elements of today’s public sphere into a wide social context. The high level of concern that fake news evoke and the very popularization of this and close concepts are only possible due to the advance of information and communication technologies. We

fully agree with F. Webster, who questions the way we deal with the intensification of information flows in our society and the way scholars perceive information and shape the theory of the information society. As he points out, scholars often focus on the technical part (the quantity of information) and the means of its control. At the same time, they tend to abandon what is vitally important – the content, or meaning of information (the quality of information). F. Webster poses questions that are crucial for understanding how things work in the information society but, ironically, often neglected: “What sort of information has increased? Who has generated what kind of information, for what purposes and with what consequences?” [Webster, 2006, p. 28]. As long as these questions remain unaddressed, the information exists per se, not bound to social consequences [Ibid, p. 27].

The same disadvantageous approach is taken in relation to fake news. The technical approach is easily traced here as well: there is a focus on the technical issues of the spread and control of fake news, tracking down the agents that spread it (mainly “bots” – special technical programs – are blamed). The idea is to “clean out” the information space, getting rid of the untrue pieces of information while the most important question – who does it and with what purposes – remains in the shadows [Caplan, Hanson, Donovan, 2018]. This shift – from focusing on non-human to focusing on humans and the social context – will inevitably lead us in the effective direction of putting fake news in the wider sociological, political and cultural context. Nation states are on the edge of making and enforcing new laws (that might turn out to be contradictory by, for instance, undermining confidentiality or freedom of expression – rights and freedoms that are often at stake when it comes to information control) and to do that without the wider vision and the ability to predict possible social and political consequences seems careless.

The mankind has already dealt with fake news as it has dealt with propaganda, misinformation etc.; however, today our focus on the theoretical knowledge [Webster, 2006] provides ways for thorough studying the phenomenon. Scholars have already started, after the events of 2016, to study the peculiarities and typical traits of the spread of such type of news. For instance, a research has shown that fake news disseminate “farther, faster, deeper, and more broadly than the truth” [Vosoughi, Roy, Aral, 2017, p. 3]. There is certainly a deep and acute academic interest in fake news. Recently, the *Science* (journal) has published an article entitled “The science of fake news”. The article refers to fake news as a “scientific construct” [Lazer, 2018]. The seriousness of such an approach to fake news today can be explained by viewing it as a factor that might change the long-term political behavior of individuals and influence democratic decision-making.

In this sense, the distorted information – fake news, alternative facts, post-truths – acts as a test for a society’s ability to perceive the information correctly,

and evaluate the content of the information correctly. This challenge is closely related to critical thinking and critical discourse. After the breakout of media scandals featuring fake news and other distortions of information (or what the public have seen as such distortions) there have appeared numerous publications (in the press, special educational editions for school students, parent guides) that seek to instruct people to evaluate the information critically. The titles of the publications read “10 tips for spotting fake news”; “Fake news detection”; “Avoiding fake news and scams” etc. In this way, the coming of fake news into the spotlight has given rise to media literacy, a field of knowledge quite correlational with the modern trend of critical thinking and critical discourse but previously limited to scholars and pedagogues.

Although information security and media literacy have drawn attention for quite a number of years now, the interest in and the concern with fake news have soared up only in the last two years. Fake news as a socially important concept has formed during the United States 2016 presidential election. This event marked the recognition of the political power of fake news. Even though distortions of information having political power have been used in politics before – obviously, they often make much of the election campaigns in today’s world – but only now have they raised such great concern. Previously, such distortions used to come from within the state. What fake news is now thought to bring comes from outside the state (rival countries, enemy countries, unnamed self-interested forces). The ability to control information is becoming a matter of national security. Cyber attacks and other problems of cyber safety are on the rise today making national governments highly wary. As information has become a tool of aggression against nations, a tool of invasion into a nation’s politics, fake news is now perceived as a tool of manipulation, control, and containment. In the year of 2016 and after fake news and alternative facts threatened (really or supposedly) the sacred – presidential election in a democratic country. In the course of the US presidential campaign and election the two conditions met: what has raised such enormous concern was alleged influence over the election from outside the sovereign state. In the times when nation states regain power the issues of national security and national sovereignty are urgent. In this relation, let us compare two events in which the society had to deal with information control.

One is the case of mass surveillance leaks in 2013 in the US that has raised concern about mass surveillance activities as well as the debates on national security and espionage issues. The other one is the US 2016 presidential election. The two events show that the huge power of information may intrude and harm both the private and the public, both people and governments. In neither of the events was it clear how to deal with the situation, the public opinion, and the consequences. Although the former case was a mass surveillance issue and the public might be expected to rise against the violation of human rights, freedom

and privacy, the discussion soon shifted to the issue of national security. As we know, the public opinion was divided. A large amount of people believed the whistleblower betrayed the nation. In the latter case, the threat is thought to have come from abroad. The example can illustrate that national security issues are given priority before human rights even in democratic regimes. Even in the case of mass surveillance leaks, the debate soon shifted from privacy violation to national cyber security.

Even a quick analysis of the news and the content of the press that relate to the phenomenon shows that fake news, alternative facts, post-truths, and double standards are spoken of in terms of transnational space. In the course of the US 2016 elections fake news was associated mainly with the accusation of Russia. Double standards are often used by Russian officials to characterize Western countries, such as the USA and countries of the European Union. These communicative acts obviously operate on an international level, which constitutes yet another implication of the phenomenon: the public sphere is traditionally (for instance, both in Arendtian and Habermasian theories) limited by the boundaries of a sovereign state. As N. Fraser points out, transnational level does not get on well with the public space as public spaces tend to coincide with sovereign borders [Fraser, 2007, p. 7]. This results in a situation when "...the interlocutors are not fellow members of a political community" [Fraser, 2007, p. 8]. N. Fraser describes the problem in the circumstances of what she calls a "post-national constellation". Nevertheless, today the issue is far more urgent as the process of the reinforcement of national states is gaining momentum. The reinforcement gives birth to increasing rivalry, a more aggressive search for leadership in the economic sphere and for a prominent role on the world political arena. At the same time, nation states are not fully able to control and constrain transnational public sphere, as they possess limited power (at best, in case of leading nation states) over transnational business and international institutions [Fraser, 2007, p. 16]. What follows is the lack of ability of sovereign states to control the spread of fake news and other distortions of information. Trying hard to compensate for this inability, nation states employ various tools to promote their influence in the communicative space. As A. Mikhailenko points out, the spread of double standards is linked to the reinforcement of nation states [Mihajlenko, 2015]. They use the ambiguity and subjectivity of double standards to pursue the national interests. If double standards have virtually become tools of achieving political goals, it might be advisable for nation states to learn to use them effectively as such tools. Moreover, A. Mikhailenko argues, double standards are inevitable in the circumstances of today's world, so turbulent, unpredictable, and multipolar [Mihajlenko, 2015]. Double standards are judged and criticized in terms of moral and justice, but these are too often omitted in real politics.

Modern public sphere theories draw a dividing line between the power of the public (the power consolidated in nation states) and the power of the private

(the power consolidated in the bourgeois society) [Habermas, 1991, p. 3–5]. When people perceive that fake news has violated the legitimacy of political elections, which was the case with 2016 US elections, when they feel fake news is the tool that has influence over the course of democratic elections in a sovereign state, then fake news threatens both to the state by undermining the nation's sovereignty and the people by undermining their guarantee to control the state through their political will. The fact that the described situation unveiled itself in a powerful state, the world hegemon, seems to have shown both national governments and societies the huge political power that such sophisticated, purposeful distortions of information as fake news and alternative facts have in today's world.

Distortive elements of the public sphere seem to threaten the public – the state and the private – the citizens leaving out the social. Indeed, if we consider 2016 US elections, two spheres are under influence. The first one is the state – the sovereignty of national elections, thus, the power in the state is under threat. The second one is the electorate – plain folks, American citizens. The social sphere as represented by civic organizations seems left out. The whole issue as discussed in the public space is mainly reserved to the state, the media and the electorate. Although, as has been mentioned above, fake news and alternative facts operate on a transnational (international) level, and civic organizations are presented well by transnational organizations, they do not seem to be very actively involved in this discourse.

This seems quite thought-provoking as, in terms of the public sphere theory, what concerns the public, concern the social as well. H. Arendt conception develops the idea of the destruction of the public by the social. Habermas speaks of the depoliticized social sphere that allows no distinction between the public and the private [Habermas, 1991, p. 3–5]. The social takes in both the private and the public, depoliticizing the public and deprivatizing the intimate.

Indeed, “the public” today is associated with non-commercial organizations, non-governmental agencies, funds and associations. They represent the public – at the same time, they obviously have and pursue their own interests. Moreover, these organizations – for better or worse – take up the functions traditionally prescribed to the state. Charity funds gather money for sick children fulfilling the traditional function of social care. Human rights organizations seek to control the carrying out of human rights which is a state function, at least in the democratic world. Ecological organizations attempt to gain control over eco-unfriendly national and transnational enterprises – not only taking over the function from the state but at times confronting with the government – when it comes to state-run “dirty” enterprises and alarming projects. Even as we say “public opinion” we often imply the opinion of civic organizations, not of individual citizens. It is the organizations not the people who have “the voice” – the resources and the skills to appear in mass media, the political and media power.

These processes reshape our vision of the public sphere itself, whether perceived as rather political or mainly social. N. Fraser warns that the public sphere theory itself is “currently in danger of being depoliticized” [Fraser, 2007, p. 8]. Writing a decade from when she wrote the quoted work, we cannot but agree with her and even state that both the objective processes and the scholarly perception are only intensifying in this relation.

What consequences might this reshaping have? On the one hand, the threat to the sovereignty of the state is likely to strengthen and accelerate the processes of the reinforcement of nation states. On the other hand, it might be a starting point for the search of other channels to form and translate the public opinion and force the political/legal change. Framing this in N. Fraser’s terms, the public opinion will seek to employ its legitimacy and efficacy [Fraser, 2007, p. 8]. Predictable is an attempt to turn to the mediator – mass media. Moreover, there is an active response to the rise of fake news from the side of the mediator, namely, conventional mass media. For instance, European Broadcasting Union has made sure to respond to the scandalous issue of fake news by informing the citizens of it and providing recommendation on how to deal with this kind of information. The Union regards fake news as a threat to conventional media organization that it represents. The organization points out to one of the underlying reasons for the rise of the phenomenon – the diminishing trust to social institutions including the institution of mass media.

We might attempt to look even deeper here as to suppose that distortion of real, “true” news is the counteraction to the state of affairs in the XX century when it was the news that defined what was real. C. Dornan refers to fake news as the critique of “mainstream media”, a sort of revenge on their once monopolized power to define reality [Dornan, 2017]. Indeed, the corporate control, the concentrated ownership of conventional media in the XX century is counterweighted by the uncontrolled, superfluous new media of the XXI century. However, these two trends do not seem to have counterbalanced each other (at least not yet) but rather have combined in a certain way, keeping the advantages and disadvantages of both.

However, the rise of information and communication technologies and the new media provide great opportunities for the public sphere. They act as a technological platform and a communicative space by letting the speakers speak directly to the audience. Politicians as well as other speakers have the opportunity to do without (conventional) mediators speaking directly to the audience by making posts, “twits” and other publications on social media platforms. In this sense, the new media can be seen as an advantage for today’s public sphere.

The solutions that are suggested for dealing with fake news can be divided into three groups. The first group is constituted by technical solutions (platforms moderation, programs targeted at tackling “bots” and other harmful software,

search engines modification etc.). The second group is constituted by educational solutions (the promotion of media literacy, the measures aimed to improve critical thinking skills, informing the wide audience through educator and parent guides and instructions). The third group is constituted by legislative and administrative solutions that are supposed to regulate the communicative space. In our view, it is the third group of solutions that bears threats to the functioning of the public space. Regulation of the communicative space may lead to restrictions and even exclusion of certain voices and opinions. The calls for restriction of the public (communicative) space are already present in publicity. For instance, R. Caplan states that "...Taking a multi-stakeholder approach will not rid platform companies of user-generated content rife with racism, homophobia, misogyny, or harassment, but it will make it harder for groups espousing these reprehensible beliefs to find shelter by labeling themselves news organization" [Caplan, Hanson, Donovan, 2018, p. 28]. The suggestion is a bright illustration of exclusion of certain groups/actors from the public space. Who decides whether a certain opinion is a piece of harassment or not? Racism or not? The court and the linguistic expertise are not available for every statement on a social media platform. Attitudes to misogyny and homophobia are determined by national cultures and mentalities. Who will be responsible for drawing the dividing line between a personal negative opinion that has the right to take place and a violation that requires exclusion from the public sphere? The answers to these questions also depend heavily on the state level – the nation's laws as well as the nation's mentality. It is an axiom that values vary from country to country; they differ greatly in traditionalist and modernist societies. Certainly, the issue would be efficiently solved if each of the countries dealt with it within its sovereign borders. Nevertheless, as it has been already discussed, distortions of information in the global, Internet-fed, communicative space operate on a transnational level. In this way, fake news and other distortions in information in today's public sphere aggravate the problem of exclusion.

The lines quoted above demonstrate the predominance of liberal discourse promoting tolerance and attempting to exclude all the non-tolerant, non-liberal ideas from the discourse as radical ones. As L. Fishman points out, liberal discourse defines itself normal and classifies all other ideas and movements as abnormal or extremist. Liberal discourse needs powerful opponents; if there are no such opponents, liberalism start to invent ones naming forces that distinguish from it radical or extremist [Fishman, 2016, p. 41–43]. Indeed, the ultra-right are ultra only if we look from a liberal angle. Therefore, there is depth in the idea of pluralism in H. Arendt's conception of the public sphere. Pluralism here is having opponents of the same or proximate influence, pluralism is equals among equals. The many opponents create the equilibrium in the system of the

public sphere; they are all elements of the system [Arendt, 2000, p. 267]. Pluralism is self-evident in Arendtian theory (as well Habermasian theory) and lacks the ideological content – it is not related to liberal ideas.

In this way, fake news and other distortions of information provide yet another angle to understanding the predominant discourse in a society and how it influence defining ideas and political movements and makes their exclusion from the public discourse possible.

H. Arendt's theory provides us with tools for an analysis of why some groups are underrepresented in the public sphere. The gain of subtle representation in the public discourse by certain forces can be explained by Arendt's idea of counteractions falling out of the public sphere.

According to her, efficient in the public sphere is only the action, as contrasted to the counteraction [Arendt, 2000, p. 235]. This idea is easily applied to the representation of liberalist groups in Russia. Since the beginning of the 1990-s, liberalism in the Russian society has been seen as a counteraction to the communist powers. To make things worse, it has been seen as a failed counteraction [Sogrin, 1997; Krasin, 2005]. Both in the media and the academic sphere, the discourse of the disappointment with liberalism in Russia prevails. Being perceived as a counteraction, liberalism in Russia does not gain as much power in the public discourse as it could if it was seen as an action, regarding it in terms of Arendtian theory.

In conclusion, the distortions of information for which the press and politicians use such terms as fake news, post-truths, alternative facts etc. are on the rise these days. They indicate significant changes in today's public sphere. They push the issues of the intermediaries of the public sphere – the conventional mass media and the new media as well as the issues of information control and the exclusion (or underrepresentation) of certain groups to the forefront of public and academic debate. H. Arendt's ideas are applicable to the analysis of the changing public sphere of today and provide us with a number of ideas and tools to take a deeper look into the process of its reshaping as well as the reconceptualization of the public sphere theory.

Литература

Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 39, N 2. P. 211–236.

Arendt H. *Vita activa, ili o deyatelnoy zhizni*. St. Petersburg : Aleteya, 2000.

Caplan R., Hanson L., Donovan J. Date Reckoning: Navigating Content Moderation After "Fake News". 2018. URL: https://datasociety.net/pubs/oh/DataAndSociety_Dead_Reckoning_2018.pdf (дата обращения: 21.05.2018).

Dornan C. Dezinformatiya: the Past, Present and Future of "Fake News". 2017. URL: <http://www.unesco.se/wp-content/uploads/2017/05/2017-03-30-dezinformatiya-the-past-present-and-future-of-fake-news-by-c-dornan-ccunesco.pdf> (дата обращения: 23.06.2018).

Fishman L. Antiekhstremistskiy diskurs – vzbesivshijsyaliberalizm? // *Svobodnaya mysl': mezhdunarodnyj obshchestvennyj zhurnal*. 2016. N 4. P. 39–48.

Fraser N. Transnationalizing the Public Sphere: on the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion in a Post-Westphalian World // *Theory, Culture & Society*. 2007. Vol. 24. N 4. P. 7–30.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge : The MIT Press, 1991.

Krasin Yu. A. *Publichnaya sfera i publichnaya politika v rossijskom izmerenii*. 2005. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/12/1269113634/1.pdf> (дата обращения: 21.05.2018).

Lazer D. *The Science of Fake News* // D. Lazer, M. Baum, Y. Benkler, A. Berinsky, K. Greenhill, F. Menczer, M. Metzger, B. Nyhan, G. Pennycook, D. Rothschild, M. Schudson, S. Sloman, S. Sunstein, E. Thorson, D. Watts, J. Zittrain. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/323650280_The_science_of_fake_news (дата обращения: 20.07.2018).

Mihajlenko A. N. *Dvojnye standarty v sovremennoj mirovoj politike*. 2015. URL: <http://etnosocium.ru/mikhailenko-dvojnye-standarty-v-sovremennoi-mirovoi-politike> (дата обращения: 10.07.2018).

Sogrin V. V. *Liberalizm v Rossii: peripetii i perspektivy*. 1997. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/171/466/1216/003sOGRIN1.pdf> (дата обращения: 21.07.2018).

Vosoughi S., Roy D., Aral S. *The Spread of True and False News Online*. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aap9559> (дата обращения: 30.05.2018).

Webster F. *Theories of the Information Society*. Third edition. London: Routledge, 2006. P. 8–31.

Wilken R. *Video Stores, Media Technology and Memory*. 2010. URL: <http://mediafieldsjournal.org/video-stores-media-technologie/video-stores-media-technologies-and-memory.html> (дата обращения: 15.05.2018).

РАЗДЕЛ II

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

УДК 340.5

Т. Ф. Акчурин (Москва)

Дипломатическая академия МИД РФ
ВАВТ Минэкономразвития России

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СУДЫ КАНАДЫ И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ НОВЫХ НОРМ ПРАВА

Аннотация. Рассматриваются роль и место федеральных судебных органов Канады в формировании права Канады. Также исследуется роль Хартии прав и свобод в связи с изменением юрисдикции Верховного суда Канады.

Ключевые слова: правовая система Канады, судебная система Канады, Конституция Канады, Хартия прав и свобод Канады, судебные прецеденты Канады.

T. F. Akchurin (Moscow)

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
Russian Foreign Trade Academy

FEDERAL COURTS OF CANADA AND THEIR ROLE IN CREATION OF LEGAL PROVISIONS

Abstract. The purpose of this article is to consider the role and place of federal judicial bodies of Canada in creating the law in Canada. Also, the article reviews the role of Canadian Charter of Rights and Freedoms in the context of change in jurisdiction of the Supreme Court of Canada.

Keywords: Canada's legal system, court system of Canada, Canada's Constitution, Canadian Charter of Rights and Freedoms, court precedents of Canada.

Независимость судебной власти Канады имеет исторические предпосылки [Мазуркова, 2012, с. 98]. Это не только наследие бывшей метрополии, но и фиксация статуса независимости в Конституционном акте 1867 г. [British ... , 1867, p. 3].

К полномочиям канадских судов относятся не только применение действующего права, но и толкование положений неконсолидированной Конституции Канады, а также принятие новых норм в форме судебных прецедентов. Система судов Канады имеет собственную структуру (в силу федеративного устройства), отличную от судебной системы Великобрита-

нии, ее отличают четкость и логичность. Также необходимо сделать акцент на то, что судебная система Канады функционирует в рамках общего права, что наделяет ее определенными особенностями. Кроме территориальной юрисдикции у канадских судов есть и предметная.

Структура федеральных судов Канады состоит: из Верховного суда Канады (англ. *Supreme Court of Canada*) как высшей апелляционной инстанции, федеральных судов (среди которых необходимо выделить Федеральный апелляционный суд (англ. *Federal Court of Appeal*) и Федеральный суд (англ. *Federal Court*)), провинциальных судов, а также военных судов и налогового суда (англ. *Tax Court of Canada*) [British ... , 1867, p. 3]. У всех судов, кроме специализированных, есть общая и специальная юрисдикция [Официальный сайт Правительства Канады]. Системы федеральных и провинциальных судов существуют параллельно, так как имеют различную юрисдикцию в соответствии с конституционными нормами Канады.

К полномочиям и юрисдикции федеральных судов Канады относятся вопросы, связанные с противоречиями в федеральных законах, а также находящиеся в ведении Федерации, в том числе вопросы национальной безопасности и международных отношений Канады. Кроме того, эти суды вправе рассматривать споры между субъектами Федерации, дела аборигенов, вопросы военно-морского права, интеллектуальной собственности и иммиграции, а также иски против монархии [Официальный сайт Правительства Канады].

На уровне провинций в Канаде действуют низшие провинциальные суды или провинциальные суды (англ. *provincial courts*), высшие суды (англ. *superior courts*), которые называются «верховный суд провинции», «суд королевской скамьи» или «старший суд» в зависимости от конкретной провинции. В каждой провинции также действует апелляционный суд провинции (англ. *provincial court of appeal*), решения которого могут обжаловаться в Верховном суде Канады [Ведерникова, Сулейманова, 2013, с. 14].

Принятие судебных прецедентов в Канаде относится к исключительной прерогативе высших судов Канады на федеральном и провинциальном уровнях. Так, на федеральном уровне таковым органом является Верховный суд Канады (*The Supreme Court of Canada*). Верховный суд Канады обладает достаточно широким спектром полномочий как на федеральном уровне, так и на провинциальном, к его полномочиям относится вынесение окончательных решений по жалобам на постановления нижестоящих судов по гражданским и уголовным делам. Кроме того, он уполномочен рассматривать дела, относящиеся ко всем сферам правового регулирования, находящимся в ведении как федерального центра, так и провинций. В его компетенцию входят толкование и проверка на соответствие Конституции национального законодательства, выполнение функции высшей апелляционной инстанции, рассмотрение наиболее важных вопросов, имеющих

национальное значение. Также Верховный суд Канады вправе выполнять консультативные функции. Стоит обратить внимание на очень важный момент в деятельности Верховного суда Канады – при вынесении своих решений он может применять как общенациональное право, так и право провинций, также он вправе принимать решения на основе английского общего права или гражданского права Квебека [Официальный сайт Верховного суда Канады].

С 1982 г. Канада имеет абсолютный конституционный суверенитет, в силу чего решения, вынесенные Верховным судом Федерации, не могут быть обжалованы ни в каких инстанциях. Его решения окончательные и пересмотру не подлежат. Можно отметить, что в судебной практике Верховного суда Канады не было ни одного случая отмены Судом своих прежних решений.

В 1971 г. был сформирован Федеральный апелляционный суд, который в своей деятельности применяет исключительно федеральное законодательство. Этот суд вправе рассматривать дела, которые касаются исключительно вопросов соблюдения прав и свобод граждан. Также к юрисдикции данного суда относятся вопросы толкования международных обязательств Канады, поэтому Федеральный апелляционный суд уполномочен принимать к рассмотрению иски иностранных государств в отношении соблюдения Канадой ее международно-правовых обязательств.

Канада относится к государствам общего права, где писаное право рассматривается в тесной связи с практикой его применения [Саидов, 2005, с. 382], поэтому роль судьи несколько иная, чем в странах с иной правовой системой. Судья в Канаде – это арбитр и толкователь нормы права, поэтому он сам определяет, что именно означает конкретный акт, – толкует акты парламента [Саидов, 2005, с. 383].

Решения высших судов Канады носят обязательный характер для нижестоящих судов. Однако нижестоящий суд может отказаться от применения прецедента, принятого ранее, но только в тех случаях, когда для этого существуют веские основания [Мирошниченко, Чугунков, 2015, с. 165]. В таком случае формулируется новый прецедент, который дополняет или заменяет предыдущее решение вышестоящего суда или того же суда [Мирошниченко, Чугунков, 2015, с. 166].

Доктрина *stare decisis et non queta movere* (в пер. с лат. «держаться прецедента и не пересматривать решенного») предписывает судам следовать ранее вынесенным решениям по сходным спорам. В Канаде доктрина *stare decisis* действует в вертикальной проекции, обязывая судей нижестоящих инстанций руководствоваться прецедентным правом, сформированным вышестоящими судами [Коршунова, 2020, с. 192]. Верховный суд Канады не связан своими прежними решениями, тем не менее в Канаде отсутствует практика отмены Верховным судом своих прежних решений,

т. е. фактически Верховный суд Канады на уровне обычая все же придерживается доктрины *stare decisis* в отношении собственных решений. Для судов низших инстанций такие решения носят характер убедительных прецедентов (англ. *persuasive authority*) и имеют обязательный характер при вынесении судебных решений [Загайнова, 2002, с. 176].

В 1982 г. была принята Канадская хартия прав и свобод, открывшая новую страницу в истории Верховного суда страны и не только. Хартия обеспечила гарантию прав граждан и предоставила судебной власти более системную и независимую роль в принятии решений [Мазуркова, 2012, с. 100]. Говоря иначе, Канадская хартия предоставила Верховному суду законодательные полномочия [Hogg, 2001, p. 172]. При этом важно отметить, что федеральным судам теперь необходимо учитывать и принимать во внимание закон и доктрину стран, имеющих похожие хартии, в том числе США, а также решения международных судов и трибуналов и доктринальные источники, касавшиеся вопросов о природе прав человека [Hogg, 2001, p. 173].

Статья 1 Хартии устанавливает, что права и свободы человека, закрепленные в Хартии, могут быть ограничены только «в таких разумных пределах, которые установлены законом и которые могут быть явно оправданными в свободном и демократическом обществе» [Canadian ... , 1982]. Эта норма поставила перед Верховным судом коллизионную проблему, как можно ограничивать права человека, предусмотренные статутным правом страны [Hogg, 2001, p. 172].

Однако стоит отметить, что данная формулировка, с одной стороны, признавала отсутствие абсолютного характера прав и свобод человека и гражданина Канады, а с другой – предоставила судам *карт-блани* в отношении разрешения данных вопросов. То есть теперь только суды имели право устанавливать соответствия ограничений прав человека требованиям, установленным Хартией (иначе говоря, суды обязаны ответить на вопрос, являются ли ограничения прав человека обоснованными и накладываются ли они в разумных пределах, не посягает ли власть на права и свободы человека) [Brunnée, 2003, p. 54]. Судам в Канаде были предоставлены возможности решать вопрос о признании недействительности любого акта государственной власти, в случае, если он противоречит канадской конституции и Хартии прав и свобод.

Таким образом, можно сказать, что теория абсолютного суверенитета парламента в области нормотворчества, пришедшая в Канаду из Великобритании, сменилась другой парадигмой, в соответствии с которой у судебной власти появилась возможность влиять на законодательные органы власти путем наложения ограничений на властные полномочия законодательных органов власти в сфере прав человека ставить ее решения под контроль со стороны судебных органов [Мазуркова, 2012, с. 101]. Таким образом, установилось негласное верховенство судебных органов власти над законодательными [Mulligan, 2018, p. 3].

Можно сказать, что существующий судебный контроль, который осуществляется судами Канады, с одной стороны, позволяет сгладить и в какой-то мере разрешить противоречие между демократией, предполагающей власть большинства, и либерализмом, ставящим личность во главу угла. Нельзя сказать, что такая позиция судов Канады принимается всеми в обществе [Mulligan, 2018, p. 4], но следует признать, что, в соответствии с доктриной разделения властей, законодательная ветвь власти отвечает за демократические чаяния народа, в то время как судебная – за либеральные [Мазуркова, 2012, с. 101].

Необходимо отметить, что Верховный суд Канады в подобных случаях придерживается достаточно мягкой позиции: при вынесении решений Верховный суд подчеркивает значимость парламента в принятии законов, в толковании и определении конституционности закона [Mulligan, 2018, p. 5]. При обнаружении несоответствий закона Конституции страны Суд стремится в наименьшей мере затронуть правовую компетенцию парламента и может предоставить законодательному органу время на исправление закона [Mulligan, 2018, p. 6].

Нельзя сказать, что решения Верховного суда абсолютны (в Хартии предусмотрен механизм), так как Парламент Канады вправе отменить решение Суда в отношении соответствия закона Хартии в случае, если они с данным решением не согласны [Мазуркова, 2012, с. 101, 111]. В Канаде существует неписаный конституционный принцип, который гласит, что канадские законодательные органы являются суверенными, обладающими исключительными полномочиями в области законотворчества. При этом важно отметить, что в отношении международного права полномочия парламента и провинциальных легислатур не ограничены. Например, истец не может добиваться судебного пересмотра канадского внутрисударственного статутного права на том основании, что оно противоречит международному праву [Ert, 2010, p. 933].

Канада как бывшая колония Великобритании является государством общего права, где есть и романо-германская традиция наряду с правовой доктриной, а также обычным правом коренных народов. Длительное время судебные органы Канады находились в зависимости от метрополии. Конституционные акты 1867 и 1982 гг. вместе с вышеупомянутой Хартией прав и свобод на сегодняшний день являются важнейшей основой конституционного строя Канады. Источниками права Канады также выступают статутные нормы, судебные прецеденты, некодифицированные традиции и соглашения. Кроме того, в качестве источников права в стране действуют договоры между федеральным центром и провинциями, а также между федеральным правительством и коренными индейскими племенами, а также правовая доктрина и инкорпорированные нормы международного обычного права. Вышестоящие судебные органы Канады создают

нормы прецедентного права, обязательные для соблюдения нижестоящими судами. Верховный суд Канады уполномочен давать толкование Конституции страны. При этом важно отметить, что в Канаде действует неписаное конституционное правило, согласно которому исключительные законодательные полномочия принадлежат парламенту и легислатурам провинций. В этом отношении судебные органы призваны лишь толковать существующие нормы статутного права и создавать первичные прецедентные нормы там, где законодателем не было предусмотрено статутное регулирование. При этом в любой момент законодательные органы власти могут издать закон, изменяющий прецедентную норму права. Крайне важно отметить, что в отношении вопросов, касающихся прав человека, судебный контроль имеет первостепенное значение и «последнее слово» остается за судебными органами власти, тогда как в отношении уголовного права действует противоположное правило, согласно которому суды не вправе толковать нормы уголовного права и создавать в данной области прецедентные нормы права.

Литература

Ведерникова О. Н., Сулейманова С. Роль судебного прецедента в системе источников уголовного права Канады // Уголовное право. 2013. № 6. С. 11.

Коршунова П. В. Правовые средства обеспечения единства судебной практики в странах общего права, 2020. С. 192.

Мазуркова Т. В. Судебная власть Канады: влияние Хартии прав и свобод // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2012. № 3. С. 98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-kanady-vliyanie-hartii-prav-i-svobod> (дата обращения: 29.05.2022).

Мирошниченко О. И., Чугунков П. И. Судебный прецедент как источник права в формально-юридическом смысле: сравнительно-правовой анализ англо-американской и континентальной моделей применения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretседent-kak-istochnik-prava-v-formalno-yuridicheskom-smysle-sravnitelno-pravovoy-analiz-anglo-amerikanskoy-i-kontinentalnoy> (дата обращения: 29.05.2022).

Официальный сайт Верховного суда Канады. URL: (дата обращения: 23.04.2022).

Официальный сайт Правительства Канады. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/csjsjc/harmonization/bijurillex/polici-politi.html> (дата обращения: 23.04.2022).

Саидов А. Х. Национальные парламенты мира, 2005. С. 382.

Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения / под общ. ред. В. В. Ярков. М. : Норма, 2002. С. 176.

British North America Act, 1867, 30–31 Vict., p. 3 (U.K.).

Brunnée J., Toope S. A Hesitant Embrace: The Application of International Law by Canadian Courts. Canadian Yearbook of international Law // Annuaire canadien de droit international. 2003. N 40. P. 54.

Canadian Charter of Rights and Freedoms, 1982.

Ert Gib Van. Dubious Dualism: The Reception of International Law in Canada / Gib van Ert // 44 Val. U. L. Rev. 927, 2010. P. 933.

Hogg P. W. The Law-Making Role of the Supreme Court of Canada: Rapporteur's Synthesis, 2001. P. 172.

Mulligan P. J. Examining the Role of Courts in Canada's Policy-Making Process // Bridges: An Undergraduate Journal of Contemporary Connections, v. 3, iss. 1, 2018. P. 3.

О. О. Базина (Москва)Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. Рассматривается конституционное право Китайской Народной Республики. Китай – крупнейшая страна Азии не только по территории, но и по численности населения. История Китая насчитывает более 5 тыс лет. Специфика развития данного государства и стремительный рост экономики часто подразумевают под собой некое «чудо». Сделан вывод, что путь, по которому пришлось пройти государству для достижения данного «чуда», не является простым и однозначным. В этом контексте проанализированы современные тенденции конституционного права КНР как отражающего основные этапы развития страны.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, конституционное право, тенденции, Конституция, поправки, процедура внесения поправок, Всекитайское собрание народных представителей.

O. Bazina (Moscow)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

**CONSTITUTIONAL LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC
OF CHINA: CURRENT TRENDS**

Abstract. The purpose of the article is to examine the constitutional law of the People's Republic of China. China is one of the most interesting countries in Asia, the largest in its region not only in terms of territory, but also in terms of population. The history of China has more than 5,000 years. The specifics of the development of this state and the rapid growth of the economy often imply a kind of "miracle". However, the path that the state had to go through to achieve this "miracle" is very difficult. In this context, the author considers the current trends of the constitutional law of the PRC as reflecting the main stages of the country's development.

Keywords: Republic of China, constitutional law, trends, constitution, amendments, amendment procedure. National People's Congress (NPC).

Изучение в России конституционного права Китайской Народной Республики представляет собой неоднозначный и длительный процесс. Проблема кроется не только в языке первоисточника правовых конструкций, но и в необходимости учитывать специфику культуры Китая в целом и правовой культуры в частности, оказывающей существенное влияние на смысл права и его применение.

В настоящем исследовании попытаемся выделить этапы развития конституционного права в Китае.

Первый этап. От «ста дней реформ» до образования Китайской республики (1898–1912 гг.). К началу XX в. Китай сохранил практически неизменным сложившийся в XVII – начале XVIII в., после маньчжурского завоевания, государственный и социально-правовой строй. На протяжении XIX в. империю Цин (по имени правившей с 1644 г. маньчжурской династии) потрясали крупные народные возмущения, которые стали внутрен-

ним фактором ослабления государственности. Власть императора сохраняла идейно-правовую преемственность с положением средневекового властителя («Сына Неба»), сочетая религиозное и собственно государственное начало. Номинально император располагал абсолютными полномочиями. Но священный характер его власти определял, что монарх связан в своей деятельности неписаными ограничениями («ли»).

Загнивание старой административной системы, очевидная слабость государства сравнительно с западными державами подтолкнули «верхи» к политическим реформам. Первые попытки были связаны с деятельностью просвещенного сановника Кан Ювэя. Опираясь на авторитет по-новому истолкованного конфуцианства, он предложил преобразовать старую монархию в конституционную, образовать парламент, разработать новые законы [Омельченко, 1998, с. 405]. Попытки реформ, получившие название «Ста дней» (1898 г.), поддерживались молодым императором Гуансюем. Идеи реформаторов послужили идеологической подготовкой Синхайской революции. Однако необходимый для последовательного проведения реформ государственный переворот, намеченный на октябрь 1898 г., был сорван (реформаторов выдал генерал Юань Шикай). Император был фактически лишен регентшей Цыси возможности управлять страной, реформаторов репрессировали.

Кризис Цинской монархии в начале XX в. проявился, в частности, и в том, что пекинские самодержцы вынуждены были предпринять конституционные маневры.

Императорским указом от 20 августа 1906 г. возвещалось о предстоящем введении конституционного правления и соответствующих подготовительных мерах. Строго говоря, именно данный документ следует считать первым камнем в фундаменте китайской конституционной истории. Затем последовала серия императорских указов, направленных на создание условий для конституционного правления. Были осуществлены следующие меры:

- учреждена Конституционная палата (16 октября 1906 г.),
- уточнены подготовительные меры (17 сентября 1907 г.),
- принята Основная программа конституции (1 августа 1908 г.),
- определены общие основания конституционных законов, условия и порядок избрания членов парламента и мероприятия до его открытия (27 августа 1908 г.),
- утверждено Положение о Конституционной палате (3 июня 1909 г.).

В этих и некоторых других актах императором и его окружением была намечена программа преобразований, рассчитанная на 9 лет (с 1908 по 1916 г.) и предшествующая открытию парламента.

В 1911 г. произошла Синхайская революция.

Планам императрицы не было суждено исполниться, 30 января 2012 г. вышли три последних указа маньчжурской династии:

- первый передавал верховную власть народу и одобрял введение конституционной республиканской формы правления;
- второй содержал условия отречения Дайцинской династии от трона (12 февраля 1912 г.);
- третий поручал должностным лицам принять меры к охране порядка и спокойствия в переходное время.

Современный конституционализм берет свое начало, несомненно, на Западе. Западная теория проникала в Китай постепенно. Важно отметить, что ученые Китая относились к нововведениям очень осторожно, стараясь учитывать свою многовековую историю и культуру.

Являясь идейно заимствованным продуктом, западная теория в первую очередь столкнулась с проблемой связи с китайской языковой системой [Хамнуев, Бандеев, 2018].

Далее, в качестве переходного подпериода следует упомянуть конституционное право Китайской Республики, на котором мы не останавливаемся подробно. Напомним лишь, что в январе 1912 г. была принята первая Временная конституция нового государства. Этот период характеризуется серьезным противостоянием южного правительства, представленного Сунь Ятсеном, и северного правительства, возглавляемого Юань Шикаем. Далее принимается Конституция 1 мая 1914 г. В процессе противостояния севера и юга издается Конституция КР 1923 г. С начала 1920-х гг. на территории Китая активно развивается коммунистическое течение, весь дальнейший период становления конституционного правления проходит в процессе революционной борьбы Гоминьдана и Коммунистической партии.

Второй этап. От образования КНР до окончания «Великой пролетарской культурной революции» (1949–1976 гг.). Данный период развития теории конституционного права Китая является извилистым, прежде всего связанным со сложностями политической конъюнктуры. С образованием нового Китая наступила новая эпоха, когда развитие и изменение китайского общества отражались в конституционно-правовых актах. В 60–70 гг. XX в. конституционно-правовая наука Китая переживала период спада по причине существования внутренних идеологических конфликтов, которые оказывали существенное влияние на формирование и работу еще не окрепших институтов власти. Так, в 1978 г. была обнародована новая Конституция, которая, однако, по своему характеру и реальному положению в юридической системе лишь отражала политические веяния этого периода. Существенно была изменена структура Конституции, текст ее демонстрировал значительную трансформацию органов государственной власти. Однако после окончания «Великой пролетарской культурной революции» конституционное право ждал новый качественный этап развития.

Третий этап. Развитие конституционно-правовой науки от начала политики «реформ и открытости» до 2001 г. (1978–2001 гг.).

Этот этап можно разделить на два подпериода:

– 1978–1982 гг.;

– 1983–2001 гг.

По причине короткого исторического отрезка принятия и существования, Конституция 1978 г. стала документом, закрепившим некоторые итоги «культурной революции», она была своего рода компромиссным документом и сыграла роль переходного законодательного акта. С момента принятия на пятой сессии ВСНП 5-го созыва ныне действующей Конституции в КНР начался «золотой» период развития конституционного права.

Особенностью этого периода развития конституционного права является формирование его институциональной структуры, а также содержания конституционно-правового регулирования с учетом выдвинутого научного принципа «толковать и анализировать». Исследованиям данного периода свойственны в первую очередь толкование и анализ Конституции КНР 1982 г.

Кроме того, конституционно-правовая наука стала применять так называемый критический пересмотр конституционной доктрины для обеспечения возможности постоянного совершенствования не только текста Конституции, но и практики применения основного закона страны.

Структура и содержание Конституции 1982 г. получили довольно высокую оценку, она считается, по мнению Яна Хайшэня, «лучшей Конституцией с момента создания Нового Китая» [杨海坤, 2009].

Конституционное право данного периода можно охарактеризовать тремя особенностями:

1. Конституция постепенно стала избавляться от ранее присутствующих идеологических аспектов. Проявились элементы научной автономии. В Конституции 1982 г. китайский законодатель сознательно избежал формулирования итогов «Великой пролетарской культурной революции», восстановил структуру Конституции КНР 1954 г. и институт Председателя КНР.

2. Влияние Конституции 1982 г. на общее развитие конституционного права довольно значительно. В этот период специалисты по праву Китая при формировании структуры конституционно-правовых знаний опираются на структуру действующей Конституции: «основные принципы», «основные права и обязанности граждан», «государственные органы», «государственный герб, флаг, столица».

Именно такая структура конституционного текста стала предпосылкой для создания учебной и научной литературы.

3. В период с 1982 по 2001 г. конституционно-правовая наука уделяла большое внимание исследованиям фундаментальных конституционных

принципов. В то же время изучению основных прав и обязанностей гражданина, государственной структуры и остальным областям конституционного права должного внимания не уделялось. В этот период китайские ученые приходят к пониманию, что ключевое значение конституционного права как отрасли науки и Конституции как основного закона заключается в раскрытии соотношения между государственной властью, политической властью и гражданскими правами [童之伟, 2007]. В это же время происходят значительные изменения позиции Китая на мировой арене.

Четвертый этап. Стремительное развитие конституционного права КНР (2002 г. – настоящее время). С началом XXI в. под влиянием экономической глобализации непрерывно развивалось и конституционное право. Учеными отмечается, что применительно к конституционному праву Китая глобализация, основанная на законодательной культуре западных стран, должна быть адаптирована на основании китайской законодательной культуры. При формировании конституционного права Китая активно применяется полезный опыт других стран. Такой способ осмысления указанной отрасли нередко характеризуется через китайское выражение «шумный гость заглушает хозяина», иными словами, китайское конституционное право отходит на второй план, а западное – на первый, не обогащая китайскую правовую систему, а замещая ее [韩大元, 2012, р. 321]. При этом признается, что в силу объективных и субъективных причин китайское конституционное право отстает в своем развитии.

Поэтому, несмотря на происходящие глобализационные процессы, основываясь на заимствованиях с Запада при изучении китайского конституционного права, все-таки следует заострить внимание на вопросах развития местной, присущей именно этой стране конституционной культуры, утвердить текст Конституции этой страны и конституционную практику, полагаясь на знания местных ученых, объяснить феномен конституционного развития при помощи местных (локальных) правовых теорий, т. е. продемонстрировать «ориентированность на Китай в ходе изучения конституционного права этой страны» [韩大元, 2012, р. 322].

Опираясь прежде всего на историю конституционных поправок, стараемся выделить тенденции конституционного права современного периода. Не претендуя на всеохватывающий обзор всех новелл конституционного права, автор называет ряд ключевых направлений.

В действующую Конституцию, принятую в 1982 г., одна за другой вносились пять серий поправок, которые имеют сквозную нумерацию с 1-й по 52-ю. Руководствуясь хронологическим принципом внесения поправок в действующую Конституцию КНР, можно выделить пять этапов: первый – 1988 г., второй – 1993 г., третий – 1999 г., четвертый – 2004 г. и пятый – 2018 г.

Ряд конституционных поправок позволил руководящей идеологии страны идти в ногу со временем, совершенствовать базовую экономическую и политическую системы. Что видно прежде всего из периодизации поправок к основному закону:

1. 12 апреля 1988 г. на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва приняли конституционную поправку, предусматривающую включение в Конституцию частного сектора экономики, внесли дополнительные положения о передаче прав землепользования в соответствии с законом.

2. На 1-й сессии ВСНП 8-го созыва в 1993 г. поправки были внесены в преамбулу и в ст. 7, 8, 15–17, 42, 98.

В 7-м абзаце преамбулы появилась формулировка «Китай находится на начальной стадии социализма». Общественный строй стал характеризоваться как социализм с «китайской спецификой», который базируется на основе государственной политики «реформ и открытости».

Десятый абзац преамбулы затронул партийную систему КНР: «Система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК будет долго существовать и развиваться».

Также была включена поправка к Конституции, в которой уточнялось, что «в стране реализуется социалистическая рыночная экономика».

3. 15 марта 1999 г. на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва приняли поправки к Конституции, утвердившие теорию Дэна Сяопина в качестве руководящей идеологии страны, а XV съезд КПК предложил стратегию «управления страной в соответствии с законом и построения социалистической страны при верховенстве закона», что было вписано в Конституцию.

4. 14 марта 2004 г. на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва вносятся поправки, которые носят еще более детализированный и конкретный характер. В текст Конституции были включены «важные идеи тройного представительства» в качестве руководящей идеологии страны.

КПК, согласно новой концепции, должна представлять интересы развития передовых производительных сил, передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского населения. Таким образом, даже на идеологическом уровне компартия Китая из партии, выражающей интересы трудового населения, стала партией, представляющей интересы «широких слоев» трудового населения. Данная концепция открыла дорогу для вступления в компартию представителей средней и крупной буржуазии. Кроме того, основной целью данной группы поправок было закрепление и усиление роли частного сектора в экономике, а также защита частного бизнеса. Следующими немаловажными целями были совершенствование социальной защиты, охрана права частной собственности, признание и уважение прав человека.

5. 11 марта 2018 г. на 1-м съезде 13-го созыва ВСНП была внесена 21 поправка. Поправки закрепили концепцию научного развития и идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху в качестве руководящей идеологии страны.

Конституция – это основной закон страны, закрепляющий основополагающие тенденции развития не только права, но и всего общества в целом. При этом культурно и цивилизационно процесс развития конституционного права в КНР интерпретируется государственной идеологией как построение правовой системы, соответствующей китайской специфике и способствующей «национальному возрождению» с целью обеспечить процветание и долгосрочную стабильность партии и страны.

Процесс внесения поправок в Конституцию – это процесс укрепления и демонстрации «четырёх уверенностей в себе» (四个自信 sì gè zìxìn)¹. В поправках 2018 г. существенное внимание уделяется руководящей роли партии, дополнена ч. 2 ст. 2 Конституции КНР: «Руководящая роль Коммунистической партии Китая является самой сущностной отличительной особенностью социализма с китайской спецификой». И несмотря на то что данная поправка в целом констатирует всем известный факт, она еще раз официально закрепила руководящую роль КПК, в очередной раз подчеркнув ее авторитет и значимость [Модель ... , 2019].

Поправка к ст. 27 гласит: «При вступлении в должность государственный служащий публично приносит присягу на верность конституции в соответствии с законом». Предполагается, что внесение данной процедуры в текст Конституции будет способствовать формированию у государственных служащих чувства ответственности и стремление соблюдать принципы Конституции, продвигать ее дух и миссию [Базина, 2022, с. 25].

4 декабря 2012 г. на общем собрании представителей всех слоев общества в столице, посвященном 30-й годовщине принятия и реализации действующей Конституции, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, который в тот момент только что вступил в должность, выступил с важной речью, в которой заявил, что «мы должны настойчиво добиваться реализации Конституции и поднять полноценное осуществление Конституции на новый уровень» [在首都各界..., 2012]. Он подчеркнул, что необходимо придерживаться органического единства руководства партии, народной ответственности и правления страной в соответствии с законом, усилить реализацию и надзор за Конституцией, а также полностью инте-

¹ Доверие к пути социализма с китайской спецификой – «три уверенности в себе», а именно «дорожная, теоретическая и институциональная», представляют собой политические концепции, выдвинутые Ху Цзиньтао, тогдашним генеральным секретарем ЦК КПК, в его докладе перед 18-м съездом Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г. С 2014 г. Си Цзиньпин предложил добавить «культурную уверенность в себе» [四个自信].

гировать различные начинания и работу страны в русло управления страной в соответствии с законом и Конституцией и поднять осуществление Конституции на новый уровень [Там же].

Таким образом, партийно-государственный аппарат КНР уверен, что, изучая и популяризируя Конституцию, государственные должностные лица должны своим примером побудить население уважать основной закон и верить в него. Кроме того, в качестве важного тезиса декларируется и то, что текст Конституции должен соответствовать реалиям современной жизни, а следовательно, нужно содействовать пересмотру конституционной системы, ее обновлению и развитию.

Китай провозгласил новый этап своего развития: социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, он позиционируется как новый путь к всестороннему строительству современной социалистической страны. Следует предположить, что руководство КНР понимает, что осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации невозможно без укрепления правовой системы и ее основы – Конституции.

Литература

Базина О. О. Конституционное право Китайской Народной Республики : учеб. пособие / МГИМО (ун-т) М-ва иностранных дел РФ, кафедра конституционного права. М., 2022. 418, [3] с.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А. Д. Воскресенского ; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «МГИМО (ун-т) М-ва иностранных дел РФ». М. : Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права : учебник в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 405.

Хамнуев Ю. Г., Бандеев Г. Н. Развитие конституционного права Китая в работах китайских исследователей // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Ю. И. Скуратов. М., 2018. С. 74–84.

童之伟. 中国30年来的宪法学教学与研究 // 法律科学. 2007.

韩大元. 中国宪法学说史研究. 北京. 中国人民大学出版社, 2012.

杨海坤. 跨入新世纪的中国宪法学. 北京. 2009.

四个自信 // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/四个自信/22254293>.

在首都各界纪念现行宪法公布施行30周年大会上的讲话 (2012年12月4日) // 全国人民代表大会. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zgrdzz/2012-12/26/content_1748541.htm.

Н. И. Баранов, Е. Г. Эргардт (Санкт-Петербург)

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ШКОЛА-ЗАВОД КАК ЧАСТЬ БОЛЬШОГО СКАЧКА В КНР. ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Аннотация. Анализируется характерно-показательная картина в детской периодике как неотъемлемая часть российско-китайских культурных связей в 1959 г. Подробно рассматривается отражение в советской детской периодике школы-завода в КНР. Приводится анализ публикаций. Также изучается явление, ранее не привлекавшее внимание, а именно преломление через призму советской детской периодики отражения закладываемого фундамента Китая будущего.

Ключевые слова: советско-китайская детская периодика, десятилетие образования КНР, школа-завод, «большой скачок», журнал «Костер».

N. Baranov, E. Ergardt (St. Petersburg)

Herzen State Pedagogical University of Russia

SCHOOL-FACTORY, AS PART OF THE GREAT LEAP IN PRC. ACCORDING TO THE MATERIALS OF SOVIET CHILDREN'S PERIODICALS

Abstract. The article is devoted to a characteristic and indicative picture in children's periodicals as an integral part of Russian-Chinese cultural ties in 1959. The reflection of the factory school in China is considered in detail. The analysis of publications is given. This article examines a phenomenon that has not attracted attention before, namely refraction through the prism of Soviet children's periodicals, as a reflection of the foundation of China of the future being laid.

Keywords: Soviet-Chinese children's periodicals, a decade since the formation of the PRC, school-factory, The Big Leap, magazine Koster.

Во второй половине XX в. между СССР и КНР, взявшими коммунистический курс развития, возникли новые политико-экономические связи, что нашло яркое отображение в культуре обеих стран и добавило к перечню исследований в разных областях периодическую печать с характерно-показательной картиной идеологии и времени. Одной из главных тем периодики 1959 г. стало десятилетие образования КНР. Возрастно-адаптированные материалы впервые появились и в советской детской периодической печати. Наиболее полно – изданием отдельного номера – это событие отметил издаваемый под эгидой ЦК ВЛКСМ и Союза писателей детский журнал «Костер». Десятый номер журнала 1959 г. был не только целиком посвящен десятилетию образования КНР, что уже само по себе говорило о важности советско-китайских отношений и установлении дружественных связей юного поколения, но и демонстрировал комплексный литературно-художественный подход, привлекая авторов и художников обеих стран и адаптируя все традиционные рубрики к политически значимому празднованию [Баранов, Эргардт, 2021].

Номер открывается обращением Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжу Дэ к советским детям, в котором выражается уверенность в осуществлении «прекрасной коммунистической мечты». Следующий материал – очерк специального корреспондента ТАСС в Китае В. Н. Рогова – по сути определяет все тематическое содержание номера. «Десять шагов Великана» – так иносказательно назвал автор первое десятилетие нового государства. Текст знакомит юного читателя с историей образования Китайской Народной Республики, рассказывает о тяжелом детском труде на фабриках и в шахтах в прежние времена и основных достижениях Коммунистической партии Китая для детей: создании пионерской организации и обязательном начальном образовании. Особое внимание уделено новому курсу «Сочетать образование с трудом». Действительно, КПК сделала образование главным пунктом национального развития и восстановления страны. «Согласно “Общей программе Народного политического консультативного совета Китая”», которая в то время фактически являлась конституцией, «образование в Китайской Народной Республике должно служить народу, быть научным и универсальным» [Тарасов, 2017]. В течение нескольких лет учебный план и образовательная программа средней школы неоднократно корректировались, во многом ориентиром служили советские учебные программы. В 1956 г. в образовательной программе было увеличено количество практических уроков и занятий, нацеленных на получение базовых знаний о промышленности и сельском хозяйстве. Однако ускоренное развитие начального и среднего образования и, как следствие, увеличение числа выпускников стали причиной нехватки мест в высших учебных заведениях. Поэтому в 1957 г. Чжоу Энлай, первый премьер-министр КНР, объявил о необходимости разработать формы среднего образования, ориентированные на получение навыков для работы по специальности и конечные для большинства учащихся. Безусловно, привлечение школьников к укреплению индустриальной базы страны было частью так называемого большого скачка, экономико-политической кампании 1958–1960 гг. В этот период программы по частичной занятости в производстве получили свое развитие. Кроме того, в школьный учебный план вводился производительный труд: школьники старше восьми лет должны были уделять определенное количество учебного времени работе, назначенной руководством школы. Учащиеся работали в мастерских при школах либо на заводах и фермах по соседству. При этом время, уделяемое труду, планировалось увеличить, учителям предписывалось сократить аудиторные занятия, соответственно, от учащихся требовалось внимательное отношение к самообучению и выполнению домашних заданий.

О претворении в жизнь уникальной практики школ-заводов рассказывается и в детской периодике. Так, в очерке Ти Чэна «Они из Шанхая» подробно описаны будни второй Шанхайской школы, а начинается повествование весьма интригующе: знакомый учитель предлагает автору побывать во второй шанхайской школе, ведь там «ребята поняли, как надо плавить сталь». Любопытствуя, автор попадает в школу, где каждый ученик после уроков занимает трудовой пост [Костер, 1959, с. 37–40]. «В школе тысяча шестьсот ребят. С первого класса каждый школьник приучается к работе». На школьном заводе шестнадцать цехов (!) – есть и переплетный, швейный, юннатский, фасовочный, столярный, кролиководческий, есть даже цех... зубных щеток. Кроме того, есть своя парикмахерская и свой банк «Красный галстук». За время экскурсии Ти Чэн узнает, как все началось. «Пионеры решили капитально отремонтировать школу только своими руками и только на свои средства». Узнали, где требуются временные рабочие, договорились о товарообмене. За упаковку гвоздей для завода «Синьхуа» (любопытно, что такое же название (в переводе буквально «Новый Китай») с 1937 г. носит старейшее информационное агентство правительства КНР, созданное в ноябре 1931 г. как «Красное информационное агентство Китая») получили необходимые для смены перекрытий доски; за этим заказом последовали и другие. Корреспондент наблюдает за работой ребят и даже стрижется у шестиклассника-парикмахера, чинит ботинок в сапожном цехе и находит, наконец, цех художественного литья. Вспоминая разговор с одним из школьных бригадиров, понимает, что все-таки настоящая доменная печь – это сама школа, а «ребята – это и есть та сталь, которая проходит трудовую закалку» [Костер, 1959, с. 40].

Даже сейчас очерк оставляет впечатление сказки, в которой дети наделены волшебной силой и привилегией взрослых. Они полностью управляют производственным процессом и руководят распределением средств. Реальный лозунг «Не прерывая учения, своими силами отремонтируем школу!» только кажется утопией. Автор представляет читателю картину идеального труда: альтруизм и неистощимая радостная энергия. Именно об этом упоминал в своем очерке В. Н. Рогов: «Так произошло чудо: труд из наказания превратился в любимое дело» [Костер, 1959, с. 3–4]. Более того, труд представлен крайне важным и необходимым делом, ради которого школьники готовы (втайне от учителей!) остаться на вечернюю смену. Работа становится интереснее игры и удовольствий: «Попробуйте прогнать малышек с работы! Ничего не выйдет. Даже билет в кино не поможет». «Я» обесценивается и исчезает, остается только общее дело и коллективное сознание. На вопрос автора «А ты кем будешь, когда вырастешь?», школьный бригадир отвечает: «Мне нравится столярничать. Но я умею чинить обувь, делать зубные щетки, готовить шихту, работать

парикмахером. *Кто нужен стране, тем и буду*» (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) [Костер, 1959, с. 40].

В период 1953–1957 гг. Советский Союз оказал большое влияние на китайскую систему образования, на это указывает и появление в тексте определения «мичуринцы» – так назывались последователи «преобразователя природы» И. В. Мичурина [Лебедев, 1948; 1952], мифологизированный образ которого был широко представлен в научно-популярной литературе советским детям [Ильин, Сегал, 1957]. В очерке Ти Чэна читаем: «Мичуринцы выращивают овощи для школьной столовой, поставляют корм кроликам». Характерно, что услуги, оказываемые школьниками друг другу и учителям (стрижка, починка обуви, изготовление инвентаря, шитье), не оплачиваются, но учитываются в денежном выражении, «чтобы знать свою выработку». Необходимые материалы и инструменты покупаются на деньги школьного банка, но в большинстве случаев пользуются взаимовыгодным товарообменом с предприятиями. По существу, школа-завод оказывается маленьким государством с коммунистическим строем, большой мечтой, осуществленной в маленьком масштабе. Нельзя не обратить внимание на поддержку и расположение взрослых. Так, парикмахер бесплатно обучает школьников, чтобы они смогли открыть свою парикмахерскую, а учитель и директор школы без сомнения и страха посещают ее. Да и самому автору очерка чинят ботинок в школьной сапожной мастерской. Таким образом, литературно изложенный материал, базирующийся на политической программе, создает убедительную нарративную историю.

Укреплением этому служат и письма китайских школьников в рубрике «У костра». Так, под письмом с фотографией учеников начальной школы г. Шеньяна стоит подпись «с горячим дружеским приветом коллектив краснознаменного завода № 39». Школьники рассказывают, как построили завод на школьном дворе, нашли рабочих-учителей. «Мы делаем кухонные перочинные ножи. Хорошего качества добились не сразу. Но мы гордимся тем, что наш товар не залеживается в магазинах и покупатели охотно берут ножи с нашей маркой» [Костер, 1959, с. 27]. Ученики шанхайской средней школы Восточного района пишут о создании в школах отрядов «передовиков науки», члены которых делают точные приборы для школьных кабинетов и организации в своем классе радиокружка. «Сейчас наши народы переживают период “Большого скачка”. У вас Семилетка, у нас – призыв обогнать Англию» – так начинается письмо учеников начальной школы района Дасин города Пекина. «Наша школа напоминает завод. Да она и есть школа-завод. На классных дверях таблички: “Маслобойный цех ‘Первое мая’”, “Переплетный цех ‘Ветер с Востока’” и другие. Заработанные нами деньги мы передали в сельскохозяйственный кооператив на

покупку трактора» [Костер, 1959, с. 27–28]. «Расскажите, как вы готовитесь стать жителями коммунизма», – обращаются к советским детям китайские сверстники. Заметим, не создателями, а собственно жителями – юные респонденты воодушевлены причастностью к большим переменам, новому близкому будущему. Любопытно, что в середине пятидесятых годов китайские школьники сначала писали письма, адресованные Председателю Верховного Совета СССР, Первому секретарю ЦК ВЛКСМ и другим государственным деятелям и демонстрировавшие искреннюю любовь к Советскому Союзу. Например, в послании к МК ВЛКСМ выражалась просьба передать просьбу в редакцию «Пионерской правды», чтобы советские друзья написали ответное письмо [Дацышен, 2021]. Позже письма китайских школьников ЦК ВЛКСМ отправлял в разные регионы Советского Союза. Возможно, и письма тематического десятого номера журнала «Костер» прошли такой же путь, поскольку журнал выходил под эгидой комсомола.

В журнале помещены и стихи китайских школьников, в которых также восторженно описывается труд и очевидно стремление к слиянию «собственного я» и «великого я» народа. Например:

«Я школьник, и с бригадой других учеников
Мы лепим кирпичи, чтоб больше было стали»

или:

«Простая девушка, ты вместе с нами
Умелыми и крепкими руками
Себе построишь счастье и другим»
[Костер, 1959, с. 56].

Детям, занятым хозяйственной деятельностью, посвящена и цветная наклейка с гравюрами Цао Син-гао «Кормление уток», Лу Ти «Солнце село за горы» и Хэ «Строим свинарник». Эти гравюры можно причислить к агитационным листкам, направленным на поддержание курса партии «сочетать образование с трудом» и наглядно демонстрирующим его значимость для нового общества.

Основание КНР существенным образом изменило систему образования Китая, сделав первостепенной задачей формирование нового мировоззрения. Без сомнения, школа была благодатной почвой для взращивания человека будущего. Задача трудового обучения школьников в период кампании «Большого скачка» являлась приоритетной, широко освещалась и всячески поддерживалась. Этому способствовало издание детской художественной литературы, посвященной участию школьников во «взрослых» делах. Например, работе в сельскохозяйственных кооперативах были посвящены рассказы: «Маленький коровий начальник» Сунь Цзин-ци, «Повесть об одном лете» Сунь Цяна, «Хань Мэй-мэй» Ма Фына, последний был заказан автору «Китайской детской газетой», на русском языке напечатан в журнале «Огонек» № 39 1959 г. [Осипов, 2017]. В целом идеей

трудового воспитания пронизано большинство произведений того периода: рассказы «Служба» Ли Хуэй-синя, «Полезное дело» Бянь Цзу-фана, «Кирпичи» Чжан Ю-дэ и повесть «Как я полюбил труд» Ван Тун-чэна. Также посвящается немало произведений работе пионерских отрядов и жизни школы. Наиболее популярное: «Люй Сяо-чан и его сестренка» Жэнь Да-сина. Но на передовой литературы, детской в том числе, на защите идеологии всегда стояла периодическая печать. Периодические издания как инструмент государственного влияния на общественное сознание в детской периодике играли особенную, формирующую роль. В 1956 г. в Пекине открылось Китайское детское издательство, а в Шанхае стал выходить журнал «Детство». Ориентация на Советский Союз выражалась в интересе ко многим сферам культурной жизни, в активном внимании к советской детской литературе вообще и в частности к детской периодике. Появление жанрово разнообразных материалов о достижениях десятилетней Китайской Народной Республики и в советской детской прессе свидетельствовало об укреплении культурно-политических связей обеих стран. Включение в контекст детского журнала китайской художественной публицистики было не просто увлекательным чтением, оно поддерживало интерес советского читателя к актуальным событиям в Китае, привлекая своей эмоциональностью, личным (а значит, достоверным) отношением к описываемому. Периодические журналы нередко привлекали своих читателей в качестве авторов. Знакомство советских детей с поэтическим и эпистолярным творчеством китайских сверстников было одним из способов вовлечения детей в систему международных отношений, весомой составляющей «народной дипломатии» 1950-х гг. Дружеские отношения юного поколения воспринимались залогом будущего долгосрочного сотрудничества двух стран.

Школа-завод в Китае как яркое свидетельство экономико-политического влияния, нашедшее отражение в советских детских периодических изданиях, к сожалению, еще не стала предметом должного научного изучения. В статье были сделаны первые попытки анализа совокупности публицистических, эпистолярных, поэтических и изобразительных материалов в советской детской периодике, посвященных этой тематике.

Литература

Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Празднование десятилетия образования КНР в советской детской периодике. // V Готлибовские чтения. Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 277–287.

Дацышен В. Г. Дети и детство в советско-китайских отношениях в 1950-х годах // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 116–133. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-11.pdf>.

Ильин М., Сегал Е. Рассказы о том, что тебя окружает. Книга третья: Азбука природы. М. : Гос. изд-во дет. лит. Минпросвещения СССР, 1957.

Костер. 1959. № 10.

Лебедев В. А. Преобразователь природы. Повесть о Мичурине. М. ; Ленинград : Гос. изд-во дет. лит-ры Мин. просвещения СССР, 1948.

Лебедев В. А. Рассказы о Мичурине. М. ; Ленинград : Гос. изд-во дет. лит-ры Мин. просвещения СССР, 1952.

Осипов Ю. М. Китайская художественная проза для детей (по материалам последних лет) // Детские чтения 2017. № 1. С. 8–27.

Тарасов А. Р. Реформирование среднего образования в Китае на начальном периоде его развития (1949–1965) // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 2 (26). С. 40–44.

УДК 327.341

Т. Е. Бейдина (Чита)

Забайкальский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ И ЕГО РОЛЬ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Анализируются современное состояние международного сотрудничества Забайкальского края и его место в АТР. В результате исследования было выявлено значение приграничных регионов в экономическом, инновационном, социальном, гуманитарном, информационном, образовательном пространствах. Делаются выводы о том, что требуется модернизация восточного вектора международного сотрудничества; важно усиление страноведческих контактов Российской Федерации с Китаем и Монголией.

Ключевые слова: Забайкальский край, субъекты приграничья, Китай, Монголия, международное сотрудничество, Азиатско-Тихоокеанский регион, качество управления, депопуляция, образовательное пространство.

Т. Е. Beidina (Chita)

Trans-Baikal State University

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE TRANS-BAIKAL TERRITORY AND ITS ROLE IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. The purpose of the article is to analyze the current state of international cooperation of the Trans-Baikal Territory and its place in the Asia-Pacific region. As a result of the study, the importance of border regions in the economic, innovative, social, humanitarian, informational, educational spaces was revealed. As the results of the work have shown, we can come to the following conclusions: 1. Modernization of the eastern vector of international cooperation is required. 2. It is important to increase the country-specific contacts of the Russian Federation with China and Mongolia.

Keywords: Trans-Baikal Territory, border regions, China, Mongolia, international cooperation, Asia-Pacific region, management quality, depopulation, educational space.

Помня искрометный смех Олега Марковича Готлиба, открывшего регионоведение в Чите, его тактичность при общении с коллегами, благоприятные оценки востоковедной лингвистики и проблем подготовки специалистов по востоковедению, я решила в память о нем написать статью о международном сотрудничестве того региона, где он долго жил, творил и похоронен.

Благодарю всех, особенно его ученика – кандидата социологических наук Евгения Владимировича Кремнёва и кандидата филологических наук Юлию Борисовну Дюндик за приглашение и память о китаисте О. М. Готлибе.

Байкальский регион и Дальний Восток выступают как центры партнёрства Российской Федерации с граничащими с ней государствами (Китай, Монголия и другие). Чтобы данный макрорегион эффективно развивался, необходимо формирование таких условий, чтобы закрепить позиции как культурных, национальных приоритетов, так и международное сотрудничество на Востоке. На территории Дальневосточного региона целесообразно создать мощные производства, деятельность которых будет ориентироваться на экспорт, а также крупные исследовательские центры. Важно уделять особое внимание инвестициям в науку, образование, чтобы создавать свою собственную базу для развития высоких технологий. Также, чтобы обеспечить выходы на рынки стран Северо-Восточной Азии, важным будет создание транспортной системы.

Так как Байкальский регион и Дальний Восток находятся рядом с АТР, то их сотрудничество связано, прежде всего, со странами Северо-Восточной Азии. Отсюда следует, что Дальний Восток и Байкальский регион должны обеспечить эффективное «вхождение» в страны АТР. Так называемый восточный вектор особенно усилился в современный период.

Приграничные регионы играют роль «мостов» в сфере сотрудничества соседствующих государств, при этом их отношения во многом зависят от степени политических, экономических взаимоотношений, от соотношения контактных и барьерных функций приграничных территорий. Забайкальский край и Республика Бурятия – субъекты России, которые граничат с Монголией, а Забайкальский край еще и с Китаем. Протяженность границы Бурятии и Монголии равна 1275 км, Забайкальского края и Монголии – 800 км, Забайкальского края и Китая – 850 км. Забайкальский край и Республику Бурятия перспективными регионами для сотрудничества Китая и Монголии делают выгодное географическое положение и богатые природные ресурсы [Атанова].

Отношения между Бурятией и Монголией имеют далекие исторические корни и традиции. Сейчас они закреплены соглашением между правительствами РФ и Монголии «О торгово-экономическом, научно-техническом и приграничном сотрудничестве с Республикой Бурятия», которое было заключено в 1999 г., а также протоколом, подписанным в 2009 г., о торговом и экономическом сотрудничестве между администрацией Селенгинского аймака и правительством Республики Бурятия. Отношения между Китаем, Монголией и Бурятией закреплены только в соглашении об экономическом, торговом, культурном сотрудничестве. Это соглашение было принято в 2003 г. [Российская Федерация ...].

Забайкальский край активно ведет сотрудничество с Монголией согласно правовому акту, который был принят в 2002 г. В нем закреплены торговые, экономические и научно-технические направления сотрудничества. Край взаимодействует с такими аймаками Монголии, как Восточный и Хэнтийский. С ними тоже заключены соглашения о сотрудничестве в 2009 и 2010 гг. Бывший президент Монголии Ц. Элбэгдорж охарактеризовал основные геостратегические проблемы своей страны с трибуны ООН в 2011 г. следующим образом: «Монголия – это маленькая лошадка пони между двумя большими слонами. Россия и Китай – самые влиятельные державы в силу своего географического положения, и это неизбежно» [Яскина, 1994, с. 56]. Естественно, что влияние великих держав прямо чувствуется в маленьких соседних странах. Другой фактор заключается в том, что экономические интересы страны могут превалировать над политическими. Помимо России и Китая, на «шахматной доске» Северо-Восточной Азии также присутствуют «третьи соседи», такие как США, Япония, Южная Корея, Индия, Европейский союз, и в частности Германия, но их возможности ограничены по сравнению с двумя державами. Основанный на давнем историческом сотрудничестве, Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Россией и Монголией 1993 г. заложил правовую основу для новой эры в двусторонних отношениях. Г. С. Яскина, российско-монгольский исследователь, сказала, что договор был нейтральным, что означает «фактически уравнивал Россию в восприятии Монголии со всеми остальными ее внешнеполитическими партнерами» [Яскина, 1994, с. 110]. Транспортный сектор Монголии разделен на четыре вида транспорта – железнодорожный, автомобильный, воздушный и внутренний водный. Ввиду плохого состояния дорог, высокой стоимости воздушного транспорта и ограниченного диапазона водных путей, железная дорога практически не конкурирует в грузовых перевозках с другими видами транспорта. В июне 2010 г. Правительство Монголии утвердило «Государственную политику в области железнодорожного транспорта» [Там же, с. 137]. Развитие транспортных коридоров в СВА несет в себе идею интеграции международных отношений между странами региона. Участие Монголии в транспортной сети региона является стратегической задачей для страны, реализация которой позволяет расширить контакты с внешним миром, не ограничиваясь отношениями с Россией и Китаем.

Также в 2010 г. было заключено соглашение между народным правительством провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики и правительством Забайкальского края [Атанова]. Отношения Забайкальского края с приграничными территориями Китайской Народной Республики приобретают разный характер, в основном это связано с внешней торговлей региона, тогда как сотрудничество с Монголией носит больше гуманитарный характер.

Внешнеторговый оборот Забайкальского края с октября 2015 г. по январь 2016 г. составил 481,5 млн долл. и поднялся на 4,34 % по сравнению с 2015 г. Экспорт составил 155,3 млн долл.

Сальдо торгового баланса в 2016 г. сложилось отрицательное и составило 170,0 млн долл. Соотношение экспорта и импорта сложилось так: экспорт – 32,3 %, импорт – 67,7 %. Большая часть товарооборота приходится на страны дальнего зарубежья. Это почти 82,1 %. 74,8 % минеральных продуктов стали главными товарными группами, которые поступают на экспорт, тут имеет важное место такая товарная группа, как «сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары». Их доля в импорте составляет 50,8 %.

Сотрудничество в сфере торговли в 2015 г. осуществлялось с 52 государствами. Приблизительно 78 % всего объема приходится на обеспечение торговли Китаем. На Монголию пришлось около 0,37 %, но импортных товаров в этот год не было, а экспортируемые товары представляли собой в основном продукты питания.

Приграничные районы Китая также остаются партнерами Забайкальского края в сфере инноваций. Сейчас в крае реализуется ряд проектов с участием компаний провинции Хэйлунцзян и автономных районов Внутренней Монголии.

В округе Большой Хинган государственным лесным управлением района Синьлинь осуществляется проект по освоению лесных ресурсов западных районов Забайкальского края. Проект реализуется в две очереди: во-первых, строительство лесоперерабатывающего предприятия, которое будет содержать объекты инфраструктуры, и, во-вторых, проект по переработке древесных отходов с производством электроэнергии и пакетированного древесного угля. При реализации этого проекта объем производства лесоматериалов в год будет составлять 150,0 тыс. куб. м, а годовой объем переработки круглого леса – 250,0 тыс. куб. м. Общий объем накопленных иностранных инвестиций за весь период реализации проекта составил 546,5 млн руб.

Также идет строительство лесопромышленного комплекса на северо-востоке края Хэйлунцзянской международной инвестиционной корпорацией по освоению ресурсов «Синбан». Цель проекта состоит в том, чтобы максимально вовлечь в хозяйственный оборот лесные ресурсы низкого и среднего качества, которые не были использованы. Создание Амазарского лесопромышленного комплекса является самым крупным проектом по переработке и обработке древесины в АТР. Проект «Создание лесопромышленного комплекса в северо-восточных районах Забайкальского края», который был утвержден Приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 17 октября 2012 г. № 1508, включает

в себя перечень приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. Проекту был присвоен статус опережающего инвестиционного проекта Забайкальского края. Между администрацией городского поселения «Амазарское» и ООО «ЦПК “Полярная”» заключен договор о социальном партнерстве. Предприятие активно участвует в организации и проведении благотворительных мероприятий на территории Забайкальского края, сумма такого рода затрат в 2009–2016 гг. составила около 64,5 млн руб. Объем накопленных иностранных инвестиций за весь период реализации проекта составил 23 632,5 млн руб.

ООО «Байкалруд» строит обогатительную фабрику и объекты вспомогательного назначения на Нойон-Тологойском месторождении. Инвестором выступает «Среднеазиатская серебряная полиметаллическая группа лимитед», штаб-квартира которой расположена в Гонконге. Проект включает в себя изучение и добычу полиметаллов на этом месторождении. Реализация этого проекта поспособствовала обеспечению производительности до 500 тыс. т руды в год. Весь объем инвестиций за весь период – 5800 млн руб.

ООО «ГПК “Лунэн”» исполняет проект «Освоение Березовского железорудного месторождения». Корпорация по производству огнеупорных материалов «Си Ян», расположенная в г. Хайчэн провинции Ляонин в Китае, выступила в качестве инвестора. Цель проекта: разведка, добыча и переработка железных руд на Березовском месторождении, а также строительство горно-обогатительного комбината. С начала реализации проекта освоения Березовского месторождения предприятием ООО «ГПК “Лунэн”» было вложено инвестиций – 530 млн руб.

Также заметно прослеживается активное сотрудничество в гуманитарной сфере Забайкальского края с Китаем и Монголией.

С китайской стороны каждый год проводятся международные фестивали, где принимают участие творческие коллективы двух стран. Это фестиваль культуры семейских-старообрядцев «Семейская круговая» и фестиваль «Любовь на двух берегах». Постоянно проводится обмен художественной, энциклопедической и учебной литературой между Забайкальской краевой универсальной научной библиотекой имени Александра Сергеевича Пушкина и Хулунбуирской библиотекой Внутренней Монголии.

Забайкальский государственный университет проводит совместные программы в сфере образования с высшими учебными заведениями Китайской Народной Республики с выдачей двойных дипломов по направлению «Филология». Сейчас обучение проходит в Цицикарском (Китай) и Хулунбуирском институтах (Монголия). Обмен преподавателями и языковые стажировки реализуются более чем с 15 образовательными учреждениями Китая. Каждый год в Китай приезжает более ста студентов и пять-

шесть преподавателей. ЗабГУ осуществляет подготовку студентов из Китая по программам подготовки бакалавриата, специалитета, магистратуры, аспирантуры и докторантуры. Сейчас количество иностранных студентов, даже в условиях коронавируса, увеличилось. С каждым годом растет число студентов, обучающихся в ЗабГУ. В 2014 г. китайских студентов насчитывалось 131, а всех иностранных студентов – 190; в 2016 г. – 154 студента из Китая и 5 преподавателей. Обучение происходит в основном в дистанционном формате, при этом увеличилась подготовка горняков, строителей, экономистов на китайском языке.

ЗабГУ активно ведет сотрудничество с Маньчжурским институтом Университета Внутренней Монголии. Каждый год проводится совместный Международный российско-китайский форум под названием «Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке».

В 2016 г. в образовательных учреждениях Забайкальского края обучалось 34 студента из Монголии, из них 10 получили бесплатное образование. Вместе с администрациями приграничных аймаков Монголии и краевым правительством каждый год проводится Международная научная конференция, которая в разные годы была посвящена юбилейным датам: 75-летию боев на реке Халхин-Гол, 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны, 95-летию установления дипломатических отношений с Монголией. Также активно реализуется проект «Визиты юности, мира и дружбы».

В современном политическом процессе возрастает роль информационной составляющей. К сожалению, богатая ресурсная база Забайкальского края не способствует развитию территории, повышению качества жизни населения как в экономической, так и социальной, культурной сферах. Асимметричность управления закрепляет неравномерность международного сотрудничества и устанавливает доминанту Китая, который успешно осваивает ресурсно богатое пространство. Наблюдается односторонний характер международного сотрудничества, который в современных условиях только усиливается. Монголия в настоящее время использует китайские порты для почти всего своего импорта и экспорта, а также имеет небольшой объем грузовых перевозок через российские тихоокеанские порты для поставок товара в Северную Америку и из нее. Для получения максимальных выгод за счет географического положения, региональное сотрудничество и интеграция транспортных маршрутов являются главными национальными задачами для Монголии. Таким образом, ключевым моментом национальной безопасности для Монголии является развитие транспортных коммуникаций в стране с их интеграцией в мировую сеть. Подобная монгольская модернизация важна и для России.

Территориями приграничных регионов проводятся различного рода выставки, бизнес-площадки, фестивали. При поддержке Правительства Забайкальского края в Восточном аймаке существует клуб русского языка «Матрешка», в Хэнтийском аймаке – филиал «Катюша». Цель этих центров – популяризировать русский язык среди монгольского народа. Они обеспечивают первичную подготовку монгольских абитуриентов для поступления в учебные заведения региона.

Международное сотрудничество Забайкальского края с Китаем, Монголией и Республикой Бурятия может существенно повлиять на развитие социально-политической сферы. Так, например, международное сотрудничество существенно влияет на развитие образовательной среды, повышая ее возможности в подготовке конкурентного, способного к восприятию и реализации инноваций специалиста. Так называемый обмен студентами позволяет набраться большого опыта и знаний в определенных сферах, что может позитивно отразиться на уровне образования страны. Уместно отметить, что при сотрудничестве создается множество инновационных проектов, которые, в свою очередь, подразумевают создание каких-либо промышленных объектов или же просто строительство жилых комплексов. Тем самым создаются рабочие места, что существенно может понизить уровень безработицы.

Таким образом, состояние социально-политической обстановки в Забайкальском крае требует особого внимания в перспективе ее позитивного развития с учетом необходимости повышения качества управления в субъектах РФ. Важны в этом плане международные приоритеты Забайкалья во взаимоотношениях Китая и Монголии, реализация которых в настоящее время сопряжена с рисками, связанными с экономической слабостью, фактором географического положения, социальными проблемами, в том числе бедностью, низким уровнем жизни, депопуляцией, миграционной неустойчивостью.

Литература

Атанова Н. И. Современное состояние внешнеэкономического сотрудничества Республики Бурятия и Забайкальского края с Китаем и Монголией: доклад. URL: <http://oreibsc.ru/arhiv/2014/beu140326.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

Об азиатском обществе. URL: <https://asiasociety.org/mongolias-president-says-human-rights-universal> (дата обращения: 20.09.2022).

Российская Федерация. Министерство иностранных дел. Республика Бурятия. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/2291525 (дата обращения: 20.09.2022).

Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. М.: ИВ РАН, 1994. 173 с. URL: <http://legal-policy.mn/uploads/files/1437034307-45367886.pdf> (дата обращения 20.09.2022).

ВОСПРИЯТИЕ КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются изучение и популяризация знаний о китайской культуре в Российской империи. Проводится анализ публикаций в журналах, издававшихся российской творческой интеллигенцией. Выявляется степень заинтересованности российских ученых, художников, архитекторов в изучении восточного искусства. Особое внимание уделено анализу содержания публикаций о китайской культуре в журналах «Вестник изящных искусств», «Зодчий». Сделан вывод, что информационная насыщенность позволяет считать публикации в российских периодических изданиях важным историческим источником.

Ключевые слова: Российская империя, российская творческая интеллигенция, российская периодическая печать, китайская культура, журнал «Вестник изящных искусств», журнал «Зодчий».

Y. G. Blagoder (Krasnodar)

Kuban State Technological University

PERCEPTION OF CHINESE ART BY THE CREATIVE INTELLIGENTIA OF IMPERIAL RUSSIA

Abstract. The scientific article is devoted to the study and popularization of knowledge about Chinese culture in the Russian Empire. The purpose of the study is to analyze publications in journals published by the Russian creative intelligentsia. The relevance of the topic is determined by the fact that it allows to reveal the degree of interest of Russian scientists, artists, architects in the study of oriental art. Particular attention is paid to the analysis of the content of publications about Chinese culture in the journals "Herald of Fine Arts", "Architect". Information saturation makes it possible to consider publications in Russian periodicals as an important historical source.

Keywords: Russian empire, Russian creative intelligentsia, Russian periodicals, Chinese culture, magazine "Bulletin of Fine Arts", magazine "Architect".

Произведения декоративно-прикладного искусства Китая привлекали европейцев и россиян материалом, который не использовали в Европе и России, а также изображениями, которые не были привычными и понятными ревнителям европейской культуры. Привлекал дикий вид восточных вещей. Коллекционирование «курьезов» в аристократической среде считалось показателем изысканного вкуса и роскоши. Особо ценились фарфор и предметы искусства из ценных пород камня, кости, бронзы, дерева, а также изделия с использованием перегородчатой эмали, лака. В китайском орнаменте приверженцы европейского стиля усматривали романтическое восприятие человека и природы. Это явилось причиной его проникновения во все направления искусства. Его можно увидеть на обоях, мебели, посуде. Стилизованные образы китайского творчества начиная с XVIII в. проникают в европейское искусство.

Интерес к китайским произведениям побудил к активным действиям коммерсантов, снаряжавших караваны на Восток. Организация экспедиций в Китай требовала больших средств. Для того чтобы удовлетворить

спрос на восточные диковинки, талантливые европейские, вслед за ними и российские, ремесленники создавали произведения-подражания. Секреты китайских мастеров долгое время не были познаны европейцами, которые, впрочем, не стремились точно воспроизвести китайские оригиналы, познать глубинный смысл восточной философии. Они дополняли изображения собственными элементами. В результате появлялось изделие, в котором китайская традиция соприкасалась с европейской. «Шинуазри» представляет собой отражение своеобразного видения европейцами Китая. На вазах из фарфора, обоях, лаковых ширмах, шелковых тканях стилизованно изображались облака, горы и воды, цветы и птицы и проч. Вещицы органично вписывались в европейский декор, некоторые из них использовались в быту. Произведения декоративно-прикладного искусства вносили свою лепту в формирование представлений европейцев и россиян о китайской культуре.

Увлечение Востоком в России начинается в эпоху Петра Великого [Глушанина, Чикаева, 2008], а в XIX в. становится масштабным и разносторонним. Китайские мотивы подпитывали творчество мастеров. Особенностью этого периода стало появление интерьеров с воспроизведением элементов восточной культуры. Подлинные иноземные вещи использовались в качестве главного элемента декора. Внутреннее убранство апартаментов представлялось палитрой, смешавшей мечты заказчика обладать миниатюрным экзотическим миром, черты китайского искусства и замысел художника [Благодер, Минц, 2011]. Все сильнее заявляет о себе потребность демонстрировать свою сопричастность модным тенденциям и одновременно ценностям мирового культурного наследия.

Представителями российской творческой интеллигенции издавались печатные периодические издания. Достаточно популярным был «Вестник изящных искусств», выходивший в свет в 1883–1890 гг., прежде всего, для Императорской Академии художеств, а также Товарищества передвижников, их оппонентов и всех интересующихся художественным творчеством. Не ограничивая себя рамками узкотематического направления и определенного жанра, журнал размещал на своих страницах очерки с анализом истории русского и зарубежного искусства, проблем современной архитектуры, тенденций развития живописи.

На страницах этого периодического издания публикаций китаеведной тематики было немного, но в них китайское декоративно-прикладное искусство предстает во всем своем многообразии. Присутствуют рисунки и описания скульптурных священных изображений, ларцов, подставок под драгоценные сосуды, пуговиц, туалетных принадлежностей. Авторы статей красочно описывали изящные творения: вазы, кувшины, кубки, на которых, к примеру, можно было увидеть грациозные гирлянды листьев и

цветов, с «прелестными серебряными и золотыми лепестками» [Мишель, 1885, с. 303].

Большой интерес представляли китайские всера, а также покрытые лаком деревянные вещицы, украшенные букетами цветов, пейзажами, изображением животных. Особую ценность таким вещицам придавали резьба, инкрустация перламутром, отливающим всеми цветами радуги. Даже российские обыватели, не владеющие знанием основ художественного творчества и эстетическим восприятием, благодаря просветительской работе издателей могли познакомиться с творениями мастеров Срединной империи, которые достигли больших успехов в обработке дерева, слоновой кости, нефрита, горного хрусталя. Красочные описания резных изделий, изображающих различные виды цветка лотоса, должны были вызвать восхищение читателей. Вещи, украшенные сочетанием натуральных и фантастических цветов, плодов и растений, сплетающихся в одно целое с драконами, как писал Д. В. Григорович, «неволью останавливают на себе внимание не только живописностью сочинения, но и замечательно тонким вкусом, художественной грацией» [Григорович, 1884, с. 239]. Автор отмечает свободу и индивидуализм в работе китайского мастера.

Необходимо отметить, что представители российской творческой интеллигенции были воспитаны на классических канонах европейского искусства и стремились следовать модным тенденциям. В связи с этим произведения Китая и Японии воспринимались «отдельной, в высшей степени оригинальной группой» [Мишель, 1885, с. 302]. Художники, оказавшиеся волею судьбы на Востоке, пытались запечатлеть размеренное, лишнее суеты течение жизни ютящихся в горах монастырей и храмов. Они переносили на полотна деревья, старые стены, загнутые вверх уголки крыш, отраженные в гладкой поверхности озер, тишину и покой. Путешественники (многие из военной среды) представляют иной образ Китая. Их воспоминания, опубликованные в журналах или отдельными изданиями, наполнены описаниями опасностей и лишений, с которыми сталкивались исследователи. В периодической печати все чаще звучат призывы согласиться с мнением Н. М. Пржевальского, В. В. Верещагина и др. в необходимости скорейшего проникновения на Восток европейской цивилизации.

Несмотря на восхищение диковинками из Китая, «Вестник изящных искусств» утверждал, что «в Китае искусства в собственном смысле не существует» [Саккетти, 1887, с. 105]. Авторы статей отмечали, что среди народов Азии китайцы были «наименее эстетичными», поскольку «не понимались выше материально-утилитарного мирозерцания» и позволяли «преобладание рассудочности над воображением» [Саккетти, 1887, с. 105]. Исключение составляли китайские сады, которые «представляли

отрадное, с эстетической точки зрения, явление» [Там же] и были средоточием культурной жизни, излюбленным местом прогулок и ученых бесед, чтения, отдыха [Благодер, 2011, с. 24–28].

Благодаря журналам, уже к середине XIX в. российская общественность имела возможность познакомиться с изображениями китайского сада, в котором всегда было много построек: террас для созерцания красивых растений, беседок для уединения, небольших павильонов для чайной церемонии, музицирования, чтения, медитации, отдыха. Высокую оценку российских знатоков получило умение китайцев сочетать редкие деревья и цветы, мостики и беседки, украшать их скульптурами, выполненными из разнообразных материалов. В усадьбах состоятельных россиян английские лужайки и изысканные аллеи французского стиля соседствовали с китайскими садами – «игрушечными копиями природы с рельефом и красками» [Мишель, 1885, с. 302]. Копируя китайские образцы, в небольших пространствах удавалось создавать удивительные пейзажи с миниатюрными скалами и горами, узенькими аллеями, с водными артериями, приземистыми деревьями, причудливо подстриженными в виде портиков и драконов.

Взыскательные почитатели европейского академического искусства упрекали китайских живописцев в отсутствии фантазии, однообразной палитре цвета, своеобразной перспективе. Французский историк-искусствовед Э. Мишель видел отсутствие смысла в искусстве «дряхлого и в то же время еще не вышедшего из детства народа» [Мишель, 1885, с. 302]. Негативные оценки китайского искусства были вызваны: во-первых, европоцентристским подходом к реализации «восточного вектора» внешней политики западных государств, который разделяли представители либерального крыла российской интеллигенции; во-вторых, нежеланием Академии художеств отступать от классических канонов. В российских периодических изданиях публикаций о восточном искусстве было очень мало. Как в Европе, так и в России среди художественных критиков отсутствовали компетентные эксперты-востоковеды. Вследствие этого журнал «Вестник изящных искусств» не ставил перед собой цель дать российской общественности всесторонний анализ восточного, в том числе и китайского, искусства.

Реформы 1860-х гг. в России привели к росту городов и бурной строительной деятельности, требующей новых подходов к решению насущных задач. Обмен опытом, координация действий и объединение усилий стали для архитекторов необходимостью. В России профессиональных сообществ архитекторов было немного, но они были важными центрами накопления и передачи профессиональных знаний.

В 1870 г. в Санкт-Петербурге начинает работу Общество архитекторов. Члены объединения ратовали за активное развитие архитектурной деятельности в стране. Для популяризации знаний о новых стилях построек, удачных решениях в благоустройстве городов, а также описания истории

русской и зарубежной архитектуры, уникальных памятников ими издавался журнал «Зодчий» (1872–1917 гг.). Содержание публикаций на его страницах свидетельствовало о повышенном интересе к эстетическим формам и практическому опыту Запада, а не Востока. Статей китаеведной тематики было крайне мало. В 1870-е – 1880-е гг. здесь была опубликована лишь одна маленькая заметочка, посвященная не описаниям роскошных загородных домов в окрестностях Пекина, окружавших их сказочных садов с аллеями уникальных растений и изящными беседками, великолепного внутреннего убранства императорского дворца, а достаточно прозаичному, но, безусловно, актуальному вопросу об устройстве в Цинской империи телеграфа. В 1893 г. несколько выпусков размещают на своих страницах фрагменты труда И. Я. Коростовца «Архитектура и искусство китайцев». Активизация внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке и в Китае не осталась незамеченной российской творческой интеллигенцией. С 1902 по 1905 г. журнал «Зодчий» публикует «Проект военного собрания для Порт-Артура» А. Гогена, статью «О проектировании плана города Дальнего» К. Г. Сколимовского. Наибольший интерес обывателей могла вызвать статья «Путешествие по Китаю, Японии, Сиаму, Бирме, Индии и Цейлону» Е. К. Фаберже, опубликованная в 1905 г. [Фаберже, 1905].

Следует отметить, что произведения искусства в XVIII – начале XX в. превратились в один из важнейших каналов трансляции информации о традициях народов Китая. Они существенно влияли на формирование образа этой страны. Несмотря на это, как показало исследование исторических источников, просветительская деятельность объединений российской творческой интеллигенции (художников, скульпторов, архитекторов), издававших специализированные периодические издания, была недостаточно эффективной. В некоторой степени это компенсировалось столичными и провинциальными музейными коллекциями. Усилиями путешественников и ученых, любителей и профессионалов в них были представлены разнообразные произведения китайского искусства, предметы быта. Это позволило распространять среди российских обывателей адекватную информацию об истории и культуре Срединной империи.

Литература

Благодер Ю. Г. Образы китайских чиновников в российской публицистике XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7–2 (13). С. 24–28.

Благодер Ю. Г., Минц С. С. Образ Китая в сознании российского образованного общества XVII – начала XX в. // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. История России. 2011. С. 110–126.

Глушанина К. А., Чикаева К. С. Влияние петровских реформ на культуру российской цивилизации // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, преподавателей,

Армавир, 25 ноября 2016 г. / Армавирский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Кафедра гуманитарных дисциплин. Армавир, 2016. С. 197–199. EDN XVXFEX.

Григорович Д. В. Очерки художественно-промышленных искусств. Резьба по кости // Вестник изящных искусств. 1884. Т. 2. Вып. 4. С. 237–253.

Мишель Э. Пейзаж и его мотивы в искусстве древних народов // Вестник изящных искусств. 1885. Т. 3, Вып. 4. С. 293–319.

Саккетти Л. А. Обзор главных основ эстетики // Вестник изящных искусств. 1887. Т. 5. С. 99–119.

Фаберже Е. К. Путешествие по Китаю, Японии, Сиаму, Бирме, Индии и Цейлону // Зодчий. 1905. № 15. С. 187–192.

УДК 327

А. В. Бояркина (Владивосток)

Дальневосточный федеральный университет

ТЕОРИЯ «ОБЩИХ ИНТЕРЕСОВ» КИТАЯ В СОВРЕМЕННОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рассматривается теория «общих интересов» Китая как часть внешнеполитического курса нового типа международных отношений китайского лидера Си Цзиньпина. Отмечено, что теория «общих интересов» Китая направлена на реализацию национальных интересов КНР как ее ключевых элементов, совместное противостояние угрозам и поиску взаимной выгоды, исследование механизмов взаимодействия на двустороннем, многостороннем и глобальном уровнях.

Ключевые слова: Китай, теория общих интересов Китая, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин, концепция «сообщества единой судьбы человечества».

A. Boyarkina (Vladivostok)

Far Eastern Federal University

CHINA'S COMMON INTEREST THEORY IN CONTEMPORARY FOREIGN POLICY DISCOURSE

Abstract. With the expansion of globalization, the basis of common interests among countries is being strengthened. The purpose of this article is to consider China's common interest theory as a part of Xi Jinping's international relations of a new type. Common interest is shared and convergent parts of national interests in the state of interdependency, and provides the foundation for international cooperation under bilateral, multilateral and the global frameworks. China's common interest theory is aimed at realizing the national interests of the PRC as the core elements; composing of common benefits and common threats; exploring the interaction mechanism of common interests in bilateral, multilateral and global interaction.

Keywords: China; China's Common interest theory, Jiang Zemin, Hu Jintao, Xi Jinping, concept of a community with a shared future for mankind.

Известно, что величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь У, или Сунь Цзы¹, еще в IV в. до н. э. в трактате 孙子兵法 («Искусство войны») рассуждает об интересах, присущих человеческой природе, и важности защиты национальных интересов государства [马荣升, 2010]. В

¹ Годы жизни и смерти примерно 545–470 до н. э.

марксистской системе научных взглядов интересы пролетариата совпадают с интересами всего человечества [Маркс, Энгельс, 1974]. Особое место в истории марксизма занимает «Манифест коммунистической партии» (1848 г.). В нем провозглашается уход господства буржуазного общества в прошлое и настоящее коммунистического общества, объединенного общими интересами пролетариев и всего человечества [Маркс, Энгельс, 1989, с. 40–41]. Американский профессор М. Финнемор¹, опираясь на идеи социологического институционализма, исследует государственные интересы и поведение государств в международной системе. Она утверждает, что для понимания природы интересов государств требуется понимание международной социальной структуры, частью которой они являются [Finnemore, 1996]. По мнению Г. Киссинджера², китайцы считают неотъемлемой частью международных отношений национальные интересы, политические цели и задачи государства [Киссинджер, 2013]. Китайский профессор Мэнь Хунхуа считает, что сотрудничество между странами и народами играет решающую роль в возрастании национальных стратегических интересов КНР и ее постепенного движения от региональной к глобальной, затем к мировой державе [门洪华, 2008; 门洪华, 2013].

Китайский профессор Лю Сяоян определяет «общий интерес» как «разделяемый интерес, часть от совокупности национальных интересов, возникающих в ответ на предотвращение общих угроз и обретение выгоды, обеспечивающий основу для международного сотрудничества в рамках двусторонних, многосторонних и глобальных отношений» [刘笑阳, 2017; Liu, 2018].

Лю Сяоян выделяет три этапа развития теории «общих интересов» Китая. *Первый* – с 1989 по 2002 г.; *второй* – с 2003 по 2012 г.; *третий* – с 2013 по настоящее время. Еще до XV съезда КПК (1997 г.) руководство КНР провозглашает лозунги дружеского сотрудничества на основе разделяемых интересов между Китаем и странами Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и др. [Liu, 2018, p. 126] Начальный этап эволюции этой идеи ознаменован двусторонними отношениями КНР и США. После визита президента США Р. Никсона в Пекин в октябре 1989 г. акцент в отношениях КНР смещается в сторону США. На встрече с премьером КНР Ли Пэн³ Никсон отмечает общие сближающие КНР и США интересы. В 1997 г. в Совместном китайско-американском заявлении закреплена позиция КНР и США, разделяющих «главные общие интересы» [Press ... , 1997]. Эти интересы у КНР и США имеют отношение к таким значимым проблемам, как мир и развитие, торговля, нераспространение ядерного

¹ Представитель американской школы конструктивизма в теории международных отношений.

² Советник президента США по национальной безопасности и государственный секретарь США (1973–1977 гг.).

³ Премьер Государственного совета Китайской Народной Республики в 1988–1998 гг.

оружия, защита окружающей среды. Неслучайно, что начинается развитие концепции с двусторонних отношений КНР с развитой страной «первого мира» США.

Концепция «общих интересов» закреплена в документах XV съезда КПК, проходившего в 1997 г. (中国共产党第十五次全国代表大会, 1997 年9月12日至18日). Она направлена на продвижение «сближения (соединения) интересов» и развитие «сообщества общих интересов» во всех отношениях («利益汇合点» и «利益共同体»). На этом съезде лидер впервые упоминает понятие «общие интересы» в контексте улучшения и развития отношений с «третьим миром» на основе «пяти принципов мирного сосуществования». Цзян Цзэминь пытается сблизить интересы, расширить взаимовыгодное сотрудничество и справиться с вызовами сообщества. Несмотря на разногласия между странами, он настаивает на необходимости воздерживаться от конфронтации, исходить из долгосрочных интересов всех сторон, противодействовать произвольному навязыванию или угрозе введения санкций. («..要寻求共同利益的汇合点, 扩大互利合作, 共同对付人类生存和发展所面临的挑战。对彼此之间的分歧, 要坚持对话, 不搞对抗, 从双方长远利益以及世界和平与发展的大局出发, 妥善加以解决, 反对动辄进行制裁或以制裁相威胁。») [江泽民, 1997]. Это свидетельствует о том, что китайские лидеры не только начинают обогащать теорию «общих интересов» на регулярной основе, но и возводят ее постепенно в ранг международной стратегической инициативы с опорой на марксизм.

Взяв внешнеполитический курс на развитие партнерских отношений в начале 2000-х гг., руководители КНР во главе с Цзян Цзэминем вносят ряд новых изменений во внешнеполитическую стратегию страны, применяя в том числе и концепцию «общих интересов» [Чэн, 2014, с. 164–165].

Одновременно третье поколение руководителей КНР выдвигает новую концепцию безопасности КНР. Профессор Янь Сюэтун¹ считает, что угроза международной безопасности определяется политическими отношениями групп стран, а не различиями в военной мощи [阎学通、何颖著, 2017, с. 350–352]. Цзян Цзэминь отмечает, что с целью обеспечения международной безопасности Китай и другие страны должны отказаться от ментальности холодной войны и на основе новой концепции безопасности продвигать взаимные и общие интересы [江泽民, 2011]. Новая концепция безопасности нацелена на сотрудничество в области обеспечения безопасности на основе общих интересов и понимания проблем безопасности.

В 2002 г. председатель КНР Цзян Цзэминь и президент США Дж. Буш заявляют об общей ответственности за мир во всем мире, которая только

¹ Китайский ученый, сторонник реализма в теории международных отношений, глава факультета международных отношений Университета Цинхуа в Пекине.

возрастает [President ... , 2002]. Встречаясь с лидерами Великобритании, Вьетнама, Монголии, Японии и др. стран, Цзян подтверждает приверженность общим двусторонним интересам [Liu, 2018, p. 127]. Это свидетельствует о начале формирования теории «совмещения интересов Китая» как стратегического курса [Liu, 2018, p. 130–131]. С этого момента концепция «общих интересов» переходит из декларации в стратегический принцип.

Подчеркивая необходимость и важность решения вопросов безопасности и взаимной откровенности, Цзян призывает к уважению и признанию разнообразия мира. Особую роль он отводит совместным действиям стран и взаимодоверию в «духе Шанхая» [Галенович, 2003, с. 266–269]. «Шанхайский дух» требует признавать то, что страны и народы с различным культурным наследием могут и должны жить в гармонии. Цзян Цзэминь особо отмечает равенство стран и необходимость сократить разрыв между Севером и Югом. («上海精神»要求我们承认并尊重世界的多样性,文明背景不同的国家和民族可以而且应该和睦相处。《上海精神》要求我们加强相互协作、谋求共同发展。南北差距扩大、贫富悬殊的问题不解决,世界就得不到具有牢靠基础的安宁和稳定。)[江泽民, 2002a].

Углубленным исследованием феномена создания и развития системы общих интересов занимается автор концепции «мирного подъема» Китая (和平崛起) Чжэн Бицзянь¹. Его можно считать также одним из разработчиков теории «общих интересов» Китая. По его мнению, строительство сообществ общих интересов – долгосрочная задача и зависит от политических систем и культурных ценностей государств. Так, между Китаем, США, ЕС и другими странами могут возникнуть споры и разногласия по вопросам демократии, прав человека и верховенства закона. В этой связи сторонам следует искать новые точки роста в двусторонних и многосторонних отношениях с целью расширения совпадения выгодных странам интересов [郑必坚, 2011; Zheng, 2012].

Партнерские отношения, отношения незаключения союза, невступления в конфронтацию и ненаправленности против третьих стран, уверены китайские исследователи, лежат в основе внешнеполитического курса четвертого поколения китайских руководителей: Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао [Чэн, 2014, с. 165–169]. Этот курс находит обоснование в документах XVI съезда КПК (中国共产党第十六次全国代表大会于2002年11月8日至14日), на котором происходит переоценка китайским руководством миропорядка [江泽民, 2002b]. Политическое руководство КНР продолжает улучшать и развивать отношения с развитыми странами и расширять общие интересы на основе «пяти принципов мирного сосуществования». Вэнь Цзябао подчеркивает, что с этой группой стран необходимо совмещение и сближение

¹ Председатель Общества изучения государственной стратегии инноваций и развития, бывший проректор Партии школы ЦК КПК.

общих интересов, что должно способствовать пониманию существующих различий и продвижению стабильных двусторонних отношений на регулярной основе проведения диалога и консультаций («我们要不断加强同发达国家的关系, 努力寻求和扩大**共同利益的汇合点**, 通过平等对话与磋商, 逐步解决存在的分歧, 促进相互关系的稳定发展。») [温家宝, 2004]. Это свидетельствует о том, что фокус отношений с акцентом на общие интересы пока распространяется Китаем на двусторонние отношения с развитыми странами.

С 2005 г. изменяется внешнеполитический дискурс по вопросам общих интересов. Ху Цзиньтао впервые говорит о расширении конвергенции или сближения интересов, начиная с регионального уровня соседних стран Азии и до общих интересов всех стран и народов [中华人民共和国外交部, 2005]. В Белой книге Китая 2005 г., озаглавленной «Путь мирного развития Китая», говорится об объединении фундаментальных интересов китайского народа с общими интересами народов мира. («。。。把中国的发展与世界的发展联系起来, 把中国人民的根本利益与世界人民的共同利益结合起来。») [胡锦涛, 2005]. Представляется, что сближение общих интересов происходит на двух уровнях. *Первый* уровень включает **комбинацию** национальных интересов Китая с общими интересами стран мира и **в рамках** взаимовыгодного сотрудничества. *Второй* уровень содержит **расширение** обсуждения общих интересов от регионального формата к многостороннему.

Белая книга «Мирное развитие Китая» 2011 г. вносит уникальное положение о сообществе общих интересов, которое призвано объединять интересы КНР с общими интересами стран и народов и расширять политические, экономические, культурные и другие сферы сотрудничества. Такое сообщество общих интересов направлено в том числе на защиту общих интересов с огромной массой стран «третьего мира» (加强同广大发展中国家的团结, 深化传统友谊, 扩大互利合作, 通过援助和投资等方式, 真诚帮助发展中国家实现自主发展, 维护发展中国家正当权益和共同利益。). [中国的和平发展白皮书, 2011]. Ху Цзиньтао выдвигает цивилизационное предложение построить прежде гармоничное общество, затем гармоничный мир. Его подход к строительству гармоничного мира основан на пяти элементах: 1) политическом; 2) экономическом; 3) культурном; 4) сфере безопасности; 5) защите окружающей среды. Другими словами, Белая книга «Мирное развитие Китая» закрепляет не только идею «сообщества общих интересов», но и важный принцип «сообщества единой судьбы человечества» как основу реализации общих интересов человеческого общежития. XVII съезд КПК закрепляет положение о взаимовыгодном сотрудничестве на основе сближения интересов уже всех народов

и стран [胡锦涛, 2007]. Ху Цзиньтао заявляет о расширении зоны интересов Китая уже до глобального уровня. На XVIII съезде КПК в 2012 г. (2012年11月8日至14日, 中国共产党第十八次全国代表大会) китайский лидер призывает страны понять человеческое существование, разделить общую судьбу и реализовать общие интересы человечества [胡锦涛, 2012].

Подчеркнем, что период правления председателя Ху Цзиньтао становится новой вехой пути внешней политики к стратегии мирного развития, которая подпитывается теорией «общих интересов» Китая. По мнению китайских теоретиков, четыре фактора вносят вклад в творческое развитие этой идеи. *Во-первых*, путь мирного развития Китая, официально закрепленный в двух Белых книгах 2005 и 2011 гг. *Во-вторых*, концепция «гармоничного мира». О ней в сентябре 2005 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН торжественно уже перед мировым сообществом объявляет Ху Цзиньтао. В докладе «Стремиться построить гармоничный мир на основе прочного мира и всеобщего процветания» («努力建设持久和平, 共同繁荣的和谐世界») он призывает к решению двух основных проблем: мира и развития [胡锦涛, 2005]. Сущность гармонии состоит в поиске взаимопонимания и признании различий в общих интересах всего человечества. *В-третьих*, готовность к взаимовыгодному сотрудничеству. *В-четвертых*, трансформация международного порядка. Еще в 2003 г. Ху Цзиньтао заявляет, что в рамках нового международного справедливого порядка, который начал устанавливать Цзян Цзэминь, происходит становление Китая как глобальной державы, повышение его статуса в том числе. Это соотносится с реализацией общих интересов всего международного сообщества по проблемам предотвращения угроз и ответов на вызовы.

В январе 2013 г. председатель Си Цзиньпин делает акцент на совместном развитии мира и Китая и реализации общих интересов КНР и всех стран, более активном участии китайского государства в международных делах. Новый руководитель в выступлениях и заявлениях развивает идею об общих интересах больших и малых стран, сильных и слабых. Так, на форуме Боао (博鳌亚洲论坛) в 2013 г. Си Цзиньпин делится своим мнением о том, что все страны связаны взаимными интересами. Затем он говорит о необходимости соблюдения принципа взаимовыгоды Китая с соседними странами и выхода на более высокий уровень слияния их интересов. На конференции в октябре 2013 г., посвященной дипломатической работе с соседними странами, Си Цзиньпин делает акцент на стратегическом значении соседних стран с точки зрения географии, окружающей среды и дипломатических отношений. Руководитель Китая подчеркивает, что «осознание сообщества единой судьбы берет начало в соседних странах» [习近平, 2013]. В 2014–2015 гг. политическое руководство КНР предла-

гает построить «сообщество единой судьбы» и «сообщество общих интересов» со странами «третьего мира». Затем риторика выступлений китайского лидера на международных форумах, в официальных документах наполняется содержанием о новой форме взаимовыгодного сотрудничества и равным уважением к каждой стране и соблюдении законных интересов в процессе реализации собственных [习近平, 2016]. Это свидетельствует о том, что политическое руководство КНР планирует взаимодействие с миром не только через сообщество разделяемых совместно интересов, но и сообщество глубокого доверия. Выступая в 2017 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, председатель Си Цзиньпин, заявляя о том, что интересы Китая привержены делу создания «одного дома для всего человечества», обращается к мировому сообществу с глобальным предложением разделить интересы и возможности. («人类已经成为你中有我、我中有你的命运共同体，利益高度融合，彼此相互依存。每个国家都有发展权利，同时都应该在更加广阔的层面考虑自身利益。») [习近平, 2017].

Период правления Си Цзиньпина ознаменован нововведениями в теорию «общих интересов». После проведения XIX съезда КПК (10/18日, 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上作报告) теория «общих интересов» Китая продолжает обогащаться, а стратегия «общих интересов» расширяться. Как и концепция «единой судьбы человечества», теория «общих интересов» становится ключевой внешнеполитической стратегией КНР.

Итак, теория «общих интересов» Китая – это не только концептуальная структура внешней политики КНР, но и идея, которая постоянно эволюционирует, усиливая стремление политического руководства страны к взаимовыгодному сотрудничеству со странами всей Земли. Она основана на древнекитайских постулатах «和而不同»、«天人合一»、«以和为贵»的理念 («гармония многообразного и несходного», «единство человека и природы», «гармония – высшая ценность»). Сначала фокус общих интересов Китая смещается с двустороннего сотрудничества с развитыми странами на развивающиеся уже на глобальном уровне. Содержание этой концепции в период правления председателя Цзян Цзэминя носит декларативный характер; становится стратегическим принципом и одной из ключевых теоретических доктрин внешней политики в новую эпоху под руководством председателя Си Цзиньпина и наполняет его марксистским содержанием.

Литература

Галенович Ю. М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М. : Муравей, 2003. 335 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. М. : Изд-во полит. лит., 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Изд-во полит. лит., 1989. 63 с.

Киссинджер Г. О Китае / пер. с англ. В. Н. Верченко. М. : Астрель, 2013. 635 с.

Чэн Тяньцзоань. Путь Китая / пер. с кит. А. Н. Новобрановой. Пекин : Пекин. компания Шанс ; СПб. : Восток-Бук, 2014. 194 с.

Finnemore M. National Interests in International Society. NY. : Cornell University Press, 1996.

Liu Xiaoyang. China's common interest theory in the context of international strategy // Contemporary International Relations. March – April 2018. Vol. 28. Iss. 2. P. 124–152.

President Jiang Zemin Held Talks with Visiting US President Bush // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 2002.02.21. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus/eng/xw/t34143.htm> (дата обращения: 23.08.2022).

Press conference by President Clinton and President Jiang Zemin, 1997 // USC US China – Institute. October 29, 1997. URL: <https://china.usc.edu/president-clinton-and-president-jiang-zemin-joint-press-conference-1997> (дата обращения: 11.08.2022).

Zheng Bijian. Convergence of interests // China Daily. 2012.08.24. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/201208/24/WS5a29fa41a3101a51ddf8e10d.html> (дата обращения: 23.08.2022).

2004年3月5日在第十届全国人民代表大会第二次会议上。国务院总理温家宝 // 中国政府网,国务院公报,第13期. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62715.htm (дата обращения: 24.08.2022).

国际关系分析/阎学通、何颖著。3版。北京：北京大学出版社，2017.9。(21世纪国际关系学系列教材页数)。页数:366。

江泽民. 弘扬“上海精神”促进世界和平 — 江泽民主席在上海合作组织圣彼得堡峰会上的讲话 (2002年6月8日) // 中华人民共和国外交部. 2002a. URL: https://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gjhdqzz/lhg_59/zyjh/t10897.htm (дата обращения: 24.08.2022).

胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话 // 中央政府门户网站。2005年09月16日。 URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (дата обращения: 25.08.2022).

胡锦涛作报告. 中共十七大开 幕 (全文)。十一、始终不渝走和平发展道路 // 中国互联网络新闻中心. 2007.11.14. URL: http://www.china.com.cn/fangtan/zhuanti/djt/2007-11/14/content_9228561_11.htm (дата обращения: 25.07.2022).

胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 十一、继续促进人类和平与发展的崇高事业 // 共产党员网. 2012年11月18日. URL: https://www.12371.cn/2012/11/17/ARTI1353154601465336_11.shtml (дата обращения: 27.08.2022).

江泽民在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告 (1997年9月12日) 九、国际形势和对外政策 // 共产党员网. URL: http://www.gov.cn/test/2007-08/29/content_730614.htm (дата обращения: 22.08.2022).

江泽民. 在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 (2002年11月8日) // 复旦大学党委党校. 2002b. URL: <https://dangxiao.fudan.edu.cn/59/a0/c9736a88480/page.htm> (дата обращения: 24.08.2022).

江泽民. 增进睦邻友好共创光辉未来 — 江泽民主席在泰国国家文化中心的演讲 // 中国网络电视台. 2011年12月22日. URL: <http://news.cntv.cn/china/20111222/115918.shtml> (дата обращения: 23.08.2022).

刘笑阳. 国家间共同利益:概念与机理 // 世界经济与政治. 2017年第6期. 第102 – 121页。

马荣升. 孙子的利益观及其对我国维护国家利益的启示 // 滨州学院学报. 2010年. 第5期111 – 115. DOI: 10.3969/j.issn.1673-2618.2010.05.022

门洪华. 开放与国家战略体系. 北京: 人民出版社, 2008。

门洪华. 两个大局视角下的中国国家认同变迁(1982–2012) // 中国社会科学. 2013年第9期. 页码54–66.

温家宝指出: 我国国际地位和影响力进一步提高 // 搜狐新闻. 2004年03月05日. URL: <http://news.sohu.com/2004/03/05/45/news219304553.shtml> (дата обращения: 29.08.2022).

习近平: 凝聚共识, 促进对话, 共创亚洲和平与繁荣的美好未来 // 中国军网. 2016–04–28. URL: http://www.81.cn/2016jd95/2016-04/28/content_7103229.htm (дата обращения: 29.08.2022).

习近平: 让命运共同体意识在周边国家落地生根 // 中央政府门户网站. 2013年10月25日. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-10/25/content_2515764.htm (дата обращения: 19.08.2022).

习近平主席在世界经济论坛2017年年会开幕式上的主旨演讲(全文) // 中国共产党新闻网. 习近平主席在世界经济论坛2017年年会开幕式上的主旨演讲(全文). 2017年01月18日. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0118/c64094-29031339.html> (дата обращения: 29.08.2022).

阎学通, 何颖. 国际关系分析(第三版). 北京: 北京大学出版社, 2017年09月.

郑必坚. 中美构建“利益共同体”的条件更充分了 // 中国新闻网. 2011年01月19日. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2011/01-19/2796036.shtml> (дата обращения: 23.08.2022).

郑必坚. 全方位构建国际“利益汇合点”和“利益共同体”的几点思考 // 凤凰新媒体. 2011年06月30日 URL: <https://news.ifeng.com/c/7fZvGaP2sO0> (дата обращения: 23.08.2022).

中国的和平发展白皮书(全文) // 国务院新闻办公室网站. 2011–09–06. URL: <http://www.scio.gov.cn/xzbd/nd/2011/Document/999798/999798.htm> (дата обращения: 26.08.2022).

УДК 327.5

В. С. Васильев (Москва)
Институт США и Канады РАН

СТАНЕТ ЛИ КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА (КНР) В XXI В. ГЛОБАЛЬНОЙ «СВЕРХДЕРЖАВОЙ»?

Аннотация. Анализируются условия и факторы, которые могут как способствовать, так и препятствовать постепенной эволюции Китайской Народной Республики (КНР) в глобальную сверхдержаву в XXI в. Отмечается, что отправной концепцией глобальной сверхдержавы являются приблизительно схожие модели США и СССР, сформировавшиеся на протяжении второй половины XX в. Доказывается, что поиск ответа на вопрос о том, будет ли КНР пытаться методом «проб и ошибок» воспроизвести базовую модель сверхдержавы, представленной в настоящее время США, или попытается создать не менее эффективную модель подобного рода великой державы, опираясь в основном на сугубо китайские цивилизационные представления о державах подобного рода, является главной геополитической и геоэкономической интригой мировой политики в предстоящие десятилетия.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика (КНР), США, СССР, сверхдержава, соперничество великих держав, военно-экономический потенциал, военно-стратегические союзы, распад больших государственных образований.

WILL THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA BECOME GLOBAL SUPERPOWER IN THE XXI CENTURY?

Abstract. The purpose of the report is to analyze the conditions and factors that can both promote and hinder the gradual evolution of the People's Republic of China (PRC) into a global superpower in the 21st century. The base concept of a global superpower is approximately similar models of the USA and the USSR, which were formed during the second half of the 20th century. Will China try by "trial and error" to reproduce the basic model of a superpower currently represented by the United States or will it attempt to create an equally effective model of this kind of great power, relying mainly on purely Chinese civilizational notion about this kind of power is the main geopolitical and geo-economic intrigue of world politics in the coming decades.

Keywords: People's Republic of China (PRC), USA, USSR, superpower, great power rivalry, military-economic potential, military-strategic alliances, collapse of large state formations.

Растущее противостояние между США и Китайской Народной Республикой (КНР), которое нередко называют главным узлом международной напряженности в XXI в., побуждает проанализировать американско-китайские отношения в более широкой ретроспективе с точки зрения возможного геополитического глобального изменения сил в текущем столетии. При этом нередко проводятся параллели между соперничеством США и СССР во второй половине XX в., которое вошло в историю как период холодной войны. В рамках такого подхода КНР в текущем столетии с течением времени займет место бывшего СССР, воссоздав биполярную систему соперничества двух сверхдержав [Суйшен, Го, 2019].

Период с конца 1940-х и до начала 1990-х гг. характеризовался противостоянием, нередко на «границах ядерной войны», как это имело место в начале 1950-х гг., в октябре 1962 г. и в первой половине 1980-х гг. между союзами (блоками), во главе которых стояли две сверхдержавы – США и СССР. В ретроспективном плане это противостояние представляло собой соперничество двух более или менее *симметричных* по своей организационной структуре союзов, направляемых Соединенными Штатами и Советским Союзом. США создали в 1949 г. военно-политический блок НАТО, на что Советский Союз ответил созданием в 1955 г. Варшавского договора. Экономическому альянсу США, Канады и странам Западной Европы противостоял Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), действовавший в 1949–1991 гг. Важнейшей частью противостояния было создание ядерных потенциалов с примерно аналогичными системами доставки ядерного оружия (межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, стратегические бомбардировщики и атомные подводные лодки с баллистическими, а впоследствии и с крылатыми ракетами). Эти средства доставки ядерного оружия в совокупности образовали «триаду» стратегических систем вооружения; к середине 1970-х гг. между США и СССР был достигнут примерный паритет в системах стратегического ядерного вооружения, что позволило начать переговорный процесс по их сокращению и ограничению.

Создание двух симметричных политических и военных союзов было необходимо для обеспечения длительного по историческим меркам процесса наращивания и модернизации ядерных потенциалов двух стран, что было необходимо для экономического и инфраструктурного обеспечения перманентного процесса модернизации и создания новых, более совершенных систем вооружений. В широком политическом обороте за этими процессами прочно закрепилось выражение «гонка вооружений».

Создание союзов с другими государствами было принципиально важно по ряду соображений. Первое состояло в том, что система союзов обеспечивала мощную концентрацию экономических ресурсов, делала Советский Союз достаточно самообеспеченным с точки зрения беспрепятственного доступа к ключевым видам ресурсов, в том числе имеющих военно-стратегическое значение. Второе соображение было связано с формированием внешней границы сферы влияния и территориального контроля, которая обеспечивала географическую безопасность СССР, главным образом с точки зрения отсутствия анклавов, территорий и коридоров, которые могли быть использованы США для ведения агрессивных и провокационных действий. По сути, отсутствовали географические районы и точки соприкосновения с США и их союзниками по НАТО, что резко понижало вероятность прямых военных столкновений, в которых могли быть задействованы значительные воинские контингенты. Вместе взятые, эти два фактора позволили СССР *длительное время соперничать* с США, при этом временной горизонт этого соперничества измерялся десятилетиями.

Глобальная конфронтация политических и социально-экономических систем, которые вошли в исторические анналы XX в. как борьба государственно-монополистического капитализма и социализма, оставила в качестве наследия XXI в. классическое представление о модели глобальной «сверхдержавы». Важнейшем атрибутом этой модели является не только принадлежность к ведущей экономической державе, обеспечивающей создание передового военно-технического потенциала, гарантирующего присутствие «сверхдержавы» в планетарных масштабах, в том числе и в акватории Мирового океана. Помимо этого, «сверхдержава» имеет четко ориентированный на обеспечение ее интересов безопасности военный альянс с другими, достаточно мощными государствами, дающий ей возможность проведения военных операций практически в любом регионе планеты. Она также создала или контролирует систему достаточно мощных и влиятельных международных экономических организаций, которые обеспечивают защиту ее экономических интересов, главным образом в сфере валютного контроля, контроля над международными потоками капитала и

передачи наукоемких технологий. Помимо этого, важнейшей особенностью «сверхдержавы» является наличие ассоциируемой с ней мировой валюты, которая имеет до известной степени самостоятельное значение.

С середины XX в. понятие «сверхдержавы» ассоциируется также не только с возможностью исследования и освоения космического пространства, включая регулярные запуски спутников, создание космических станций, а также научно-исследовательской базы для полетов, но и с возможным освоением спутника нашей планеты Луны и посылкой аппаратов и исследовательских зондов к другим планетам, а также, возможно, за пределы Солнечной системы. При этом с самого начала «космической эры» в 1957 г. неизменно вставал вопрос о возможном исследовании и освоении космического пространства в военных целях, что регулярно осуществляется ведущими космическими державами.

В настоящее время КНР располагает только весьма ограниченным набором инструментов и атрибутов с точки зрения арсенала соответствующих средств влияния и обеспечения своих интересов в глобальных масштабах по сравнению с противостоящими ей США. Ситуация соответствующей асимметрии в определенной мере компенсирует географическое положение КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где ей напрямую противостоят США. Тем не менее создание в сентябре 2021 г. военно-политического союза Австралии, Великобритании и США, известного как АУКУС, лишний раз подчеркивает тот факт, что США стремятся выстроить против КНР союзную и блоковую структуру, эквивалентную НАТО в Европе. Американские вооруженные силы и базы имеются на территории Японии и Южной Кореи, хотя в силу географического фактора они играют роль скорее факторов сдерживания, нежели являются активными картами в стратегии давления на КНР. Представляется, что в роли глобальной «сверхдержавы» КНР имеет геополитического союзника только в лице Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), да и то с известными оговорками. Согласно представлениям ряда американских аналитиков, в настоящее время США рассчитывают на «победу» в новой возможной холодной войне против КНР по тем же сценариям, как и в случае с СССР [Stephens, 2021].

В отличие от взаимоотношений США и России, в том числе и во времена СССР (1917–1991), которые всегда носили конфронтационный характер, прерываемый сравнительно кратковременными периодами «разрядки напряженности», американские концепции американо-китайских отношений на первоначальном этапе глобализации стали строиться на основе теоретической модели «Чимерики», или G2, т. е. геополитического союза двух великих государств – Китая и Америки. В 2001 г. США способствовали принятию КНР в члены Всемирной торговой организации

(ВТО), рассчитывая, что китайский рынок почти с одним миллиардом потребителей, многократно превосходящий американский внутренний рынок, будет являться мощным локомотивом развития американской экономики. В действительности произошел прямо противоположный процесс. В период 2001–2020 гг. ВВП КНР, измеряемый в постоянных долларах 2015 г., увеличился почти в 5 раз – с 3,0 до 14,6 трлн долл., а среднегодовые темпы роста экономики Китая за этот период составили 8,7 %. Применительно к США, за этот же период ВВП увеличился всего в 1,4 раза – с 13,9 до 19,3 трлн долл., а среднегодовые темпы роста американской экономики составили всего 1,9 % (Рассчитано по: [United ...]). Можно констатировать, что в настоящее время правящие круги США осознали, что по сути Америка своими собственными руками вырастила себе самого главного геополитического конкурента в XXI в., при этом в регионе, откуда для США, как показал опыт Второй мировой войны, действительно исходили самые серьезные угрозы их национальной безопасности.

Взаимоотношения КНР и США по образу холодной войны XX в. между США и СССР, даже если они будут иметь место в обозримом будущем, накладываются на обширные торгово-экономические связи и позиции, которые США имеют в Китае, а Китай – в США. США имеют хронический дефицит торгового баланса с КНР, составивший 285,5 млрд долл. в 2020 г., который образовался из китайского импорта товаров и услуг в размере 450,5 млрд долл. и американского экспорта в размере 164,9 млрд долл. Китай является крупнейшим торговым партнером США в экспорте-импорте товаров; в 2020 г. товарооборот между США и КНР достиг почти 560,0 млрд долл. Американский экспорт товаров и услуг в США обеспечивает занятостью 758,0 тыс. американских рабочих и служащих (данные за 2019 г.), из которых 475,0 тыс. рабочих мест обеспечивает экспорт товаров, а 283,0 тыс. рабочих мест – экспорт американских услуг.

Прямые инвестиции США в экономику Китая в 2020 г. составили 123,9 млрд долл., а прямые китайские инвестиции в американскую экономику – 38,9 млрд долл. (в основном в такие отрасли китайской экономики, как обрабатывающая промышленность, оптовая торговля, финансовые услуги). Китай в основном инвестирует в отрасль американской оптовой торговли [Office ...].

Численность китайской диаспоры в США в настоящее время составляет 5,4 млн человек; прогнозируется, что к середине текущего столетия она увеличится в два раза. Большая часть американцев китайского происхождения проживает на западе США, главным образом в шт. Калифорния и Вашингтон [Pew ...]. В экономическом плане китайская диаспора в США относится к числу преуспевающих расово-этнических групп населения США: она является сравнительно молодой и динамичной социальной группой американского общества, которая имеет своих представителей в

политической системе США, особенно на региональном уровне (в законодательных собраниях штатов и муниципальных органов власти).

В свете этих фактов встает проблема стратегической устойчивости биполярной модели американско-китайского соперничества. В настоящее время КНР оказывается на распутье – либо постепенно стремиться выработать собственную модель эволюции в глобальную «сверхдержаву», отличную от модели СССР, либо продолжать следовать прежним курсом наращивания своей экономической и военной мощи. По мнению американских аналитиков, контуры китайской модели превращения в «сверхдержаву» основаны на региональном вытеснении США из Азиатско-Тихоокеанского региона, что открывает для Китая перспективы и постепенного ослабления американских позиций в глобальном масштабе [Brookings ...]. Ключевым фактором в этом плане является проблема Тайваня. Его присоединение к Китаю в качестве китайской провинции с правовым подчинением Пекину станет важнейшим знаковым шагом в этом направлении.

Следование модели наращивания экономической мощи без перспективы превращения КНР в «сверхдержаву» таит в себе опасность распада Китая, как это имело в прошлом до образования КНР в 1949 г. Социально-экономический прогресс Китая без перспективы перехода страны в разряд «сверхдержавы», в основе которой лежит составляющая «национальной безопасности», может привести к тому, что у китайских регионов может возникнуть соблазн обретения большей политической независимости и образования в перспективе «независимых государств», принимая во внимание тот факт, что в настоящее время население Китая составляет 1,4 млрд человек. После распада СССР в начале 1990-х гг. в американской научной и политической печати постоянно обсуждается проблема возможного распада Китая на несколько самостоятельных образований (иногда называются семь государств). Собственно говоря, распад Китая по сценарию «деколониализации» его окраин и периферии и является конечной целью США по отношению к КНР, и дезинтеграция Китая будет считаться «победой» США в американско-китайском противостоянии в XXI в. [Is China ... , 2022; Narang, 2020].

Литература

Суйшен Ч., Го Д. Новая холодная война? Причины и перспективы зарождающегося американско-китайского соперничества // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2019. № 1. С. 9–18.

Brookings. Doshi R. The Long Road: Cjina's Grand Strategy to Replace American Order. August 2. 2021. URL: <https://www.brookings.edu/essay/the-long-game-chinas-grand-strategy-to-displace-american-order/>.

Is China Declining? Experts debate the country's trajectory // Foreign Policy. August 21, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/08/21/china-decline-us-great-power-competition-theory-economy/>.

Narang A. Tibet, Hong Kong, Shanghai, Xinjiang, Manchuria, Chengdu and Zhang Zhung – China could break into 7 countries // TFIPOST. 28 June 2020. URL:

<https://tfipost.com/2020/06/coronavirus-is-chinas-chernobyl-the-new-world-order-will-oversee-china-breaking-up-into-seven-pieces/>.

Office of the United States Trade Representatives. The People's Republic of China. U.S.-China Trade Facts. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>.

Pew Research Center. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population. April 29, 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-americans/>.

Stephens B. How Will We Win the Second Cold War? // The New York Times. March 29, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/29/opinion/biden-china.html>.

United Nations Statistical Division. National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA). Country Profile. China, United States. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Country-Profile>.

УДК 930.253

А. Л. Верченко (Москва)

Институт Китая и современной Азии РАН

СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1950-Е ГОДЫ В СОВЕТСКИХ И КИТАЙСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Аннотация. Рассматриваются российско-китайские контакты по линии культуры в 1950-е гг., когда происходило всестороннее культурное взаимопроникновение, знакомство с богатейшим историческим и культурным наследием двух стран-соседей, сближавшее народы СССР и Китая. Отмечается, что архивные документы, которые готовятся к публикации в 2022 г., дают почву для объективного научного осмысления исторического опыта культурных связей с целью формирования наиболее рациональной платформы для их поддержания на современном этапе.

Ключевые слова: СССР, КНР, архивные документы, советско-китайское культурное сотрудничество.

Alla L. Verchenko (Moscow)

Institute of China and Contemporary Asia of RAS

SOVIET-CHINESE CULTURAL COOPERATION IN THE 1950s IN THE DOCUMENTS FROM RUSSIAN AND CHINESE ARCHIVES

Abstract. The importance of cultural ties in the interstate Russian-Chinese communication is steadily increasing. Today's Russian-Chinese cultural contacts go back to the 1950s, when there was established a comprehensive cultural interpenetration, acquaintance with the rich historical and cultural heritage of the two neighboring countries, bringing closer peoples of the USSR and China. Archival documents that are being prepared for publication in 2022 provide the basis for an objective scientific understanding of the historical experience of cultural ties in order to form the most rational platform for maintaining them at the present stage.

Keywords: USSR, PRC, archive documents, Soviet-Chinese cultural cooperation.

В настоящее время российско-китайские отношения находятся на беспрецедентно высоком уровне, определяются как отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, обращенные в новую эпоху. Неуклонно развиваются культурные связи, составляющие важную часть межгосударственных контактов. Сегодняшние отношения в области

культуры уходят корнями в 1950-е гг., когда они установились как по-настоящему равноправные, добрососедские отношения взаимной помощи и плодотворной совместной работы, в ходе которой происходило широкое и всестороннее знакомство с богатейшим историческим и культурным наследием двух стран-соседей, сближавшее народы СССР и Китая.

В современную эпоху существенно возросло значение культурных и в более широком смысле гуманитарных связей в межгосударственном общении. В связи с этим возникает потребность углубления научного осмысления исторического опыта этих связей с целью формирования наиболее рациональной платформы для их поддержания в нынешних условиях. В Китае говорят: «Опыт прошлого – урок для будущего» (前事不忘, 后事之师).

Возможность для углубления изучения советско-китайского сотрудничества в 1950-е гг. дает сборник документов «СССР – КНР. Культурные и научные связи. 1949–1960 гг.» [СССР – КНР], который в конце 2022 г. выйдет из печати. Сборник подготовлен в рамках деятельности Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области архивов Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству под руководством архивных служб Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Сборник продолжает практику совместной публикации документов, начатую внешнеполитическими ведомствами обеих стран, чем вносит много нового в освещение темы гуманитарного взаимодействия, позволяет ознакомиться с позицией двух сторон по проблемам сотрудничества в означенный период. Важность, которую обе страны придают изданию исторических документов, нашла отражение в программе, разработанной в 2020 г. подкомиссией по сотрудничеству в области архивов. В плане на 2021–2025 гг. предусмотрено совместное издание документов по экономическому сотрудничеству в 1949–1991 гг. [Китай ...].

Документы сборника представлены семью российскими и тремя китайскими архивами и отражают совместные мероприятия по широкому спектру гуманитарного сотрудничества между СССР и КНР. Они иллюстрируют процесс становления и развития советско-китайских культурных контактов на протяжении десятилетия после образования КНР. В комплексе общего межгосударственного сотрудничества культурные связи имеют огромное значение для установления взаимопонимания и взаимного доверия между народами, что, несомненно, благоприятно сказывается на общем межгосударственном климате. Представленные в сборнике документы позволяют проследить историю и особенности советско-китайских взаимоотношений в области культуры в 1949–1960 гг., понять причины, которые лежали в основе стремления СССР и Китая к установлению прочных дружеских связей и сотрудничества, проследить пути их практической реализации, перипетии их развития и полученные результаты.

Документы в сборнике размещены по блокам и освещают мероприятия по линии высших партийных и государственных органов и органов управления, занимавшихся культурными связями, научных, молодежных, образовательных обменов, печати, радиовещания, издательского дела, литературы, театра, кинематографии, изобразительного искусства, архитектуры, музыки, цирка, спорта. Многие документы в обеих странах проходили под грифами *секретно, совершенно секретно, для внутреннего пользования*. В китайских документах уровень ознакомления руководителей маркировался литерой А. Документы, предназначенные для высшего руководства, шли под литерами АААА.

Большинство документов в сборнике публикуется впервые. Они дают представление об участниках, целях и механизме сотрудничества, его содержании и месте в советско-китайских отношениях в 1950-е гг. Введение в научный оборот новых источников представляет широкое поле для продолжения и углубления исследований, формирования объективных оценок как в целом, так и по отдельным направлениям советско-китайского культурного сотрудничества.

Сотрудничество в области культуры базировалось на Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.) и Соглашении о культурном сотрудничестве (1956 г.) между СССР и КНР. Первый определял контуры межгосударственного сотрудничества, конкретизированного позже контрактами, соглашениями и др. документами, которые заключали министерства, комитеты, ведомства. Соглашение, подписанное министром культуры СССР Н. А. Михайловым и заместителем министра культуры КНР Цянь Цзюньжунем, юридически закрепило уже сложившиеся контакты в области культуры. Стороны заявили о решимости развивать сотрудничество по линии науки, способствовать развитию связей между вузами, направлять в Китай профессоров, деятелей литературы и искусства, работников просвещения, издательского дела, здравоохранения, радиовещания, телевидения и кинематографии для ознакомления и обмена опытом, проводить обмены студентами, аспирантами и преподавателями. Между сторонами Соглашения была достигнута договоренность обмениваться материалами по вопросам культуры, а также выставками, рассказывающими о достижениях обеих стран, произведениями общественно-политической, художественной, научной литературы и литературы по искусству. Стороны согласились содействовать обменам между культурно-просветительскими организациями, органами печати, спортивными организациями, а также демонстрировать в своих странах художественные, документальные и научно-популярные фильмы страны-партнера.

Стремление обеих сторон к углублению культурных связей проявилось и в других межправительственных документах, касавшихся контак-

тов по отдельным направлениям сотрудничества. В частности, были подписаны соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией наук КНР, об обучении китайских студентов в СССР, о подготовке научных кадров для КНР. Стороны договорились о проведении выставок, о сотрудничестве в области радиовещания и др. Соглашения, подписанные с китайской стороной в области культуры, были аналогичны по содержанию документам, подписанным с другими странами народной демократии той поры.

В структуре двусторонних советско-китайских отношений в 1950-е гг. культурные связи составляли важный по значимости участок межгосударственного взаимодействия, который отличался разнообразием форм и содержания, объема и сфер сотрудничества, что прослеживается по документам сборника. Взаимодействие двух стран в этот период дало такой уникальный пример широкого и глубокого сотрудничества, которого мир никогда не знал ни раньше, ни позже. Это десятилетие вошло в историю советско-китайских отношений как «десятилетие дружбы», «великое десятилетие», в Китае часто называемое «медовым месяцем».

Сотрудничество в области культуры постепенно приобрело плановый и системный характер, на смену личным просьбам китайских руководителей пришли официальные запросы министерств и ведомств. На первых порах из Китая приходили заявки общего содержания. Познакомившись лучше с состоянием советской культуры, именами известных деятелей науки, искусства, названиями творческих коллективов, театров, музеев, китайская сторона начала вносить в планы культурных обменов конкретные предложения. Так, большим успехом пользовались выступления Ансамбля песни и пляски Советской армии им. Александра, советского цирка, Большого театра, ансамбля «Березка». Эти коллективы неоднократно приглашали на гастроли. О масштабах обменов свидетельствуют следующие цифры: в 1949–1958 гг. в СССР побывало 34 китайских театральных и концертных коллектива, было показано 102 китайских художественных фильма. За тот же период в Китае выступили 112 советских творческих коллективов, 2 млрд китайских зрителей посмотрели 747 советских кинофильмов. В 1950-е гг. в Китае было переведено с русского языка и издано более 13 тысяч названий книг общим тиражом около 230 млн экземпляров. В Советском Союзе произведения китайских авторов переводились на многие языки народов нашей страны [История Китая ... , 2017, с. 188, 189]. Тем не менее в культурном обмене в течение всего периода существовал дисбаланс. Президент Академии наук КНР Го Можо (郭沫若) сравнивал количество поступающих из СССР произведений литературы и искусства с бурным потоком, тогда как китайскую культурную продукцию, направленную в Советский Союз, он характеризовал как горный ручеек.

Постепенно сформировался механизм двустороннего советско-китайского культурного сотрудничества. Его спецификой было то, что оно проходило по двум линиям: государственной и общественной.

Вопросами планирования и реализации сотрудничества между СССР и КНР в гуманитарной области по государственной линии занимались Министерство культуры, Министерство высшего образования, Министерство здравоохранения, Министерство просвещения, Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР (ГКСС, создан в 1957 г.), Смешанная советско-китайская комиссия. Все они имели партнеров в Китае. Планы сотрудничества составлялись ежегодно и после согласования в партийных и государственных инстанциях подписывались поочередно в Москве и Пекине.

По общественной линии двустороннее сотрудничество осуществляли общества дружбы, профсоюзы, ВЛКСМ, творческие союзы писателей, художников, композиторов, журналистов, кинематографистов, театральных деятелей, а также спортивные организации, музеи, архивы. Особенно следует отметить роль обществ дружбы. В Китае Общество китайско-советской дружбы работало с 5 октября 1949 г. В СССР его партнером сначала был Отдел восточных народных республик Всесоюзного общества культурной связи с зарубежными странами (ВОКС), позже – Общество советско-китайской дружбы, первое общество дружбы в СССР. Оно было создано 29 октября 1957 г. «Жэньминь жибао» назвала это событие имеющим «великое значение для дальнейшего укрепления братской дружбы между Советским Союзом и Китаем в деле сохранения всеобщего мира и содействия прогрессу человечества» [ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 5. Д. 25. Л. 11].

Работая с общественностью, общества дружбы сыграли огромную роль в укреплении взаимопонимания между народами, установлении и расширении культурных связей. По их приглашениям состоялись многие взаимные визиты деятелей науки, искусства, творческих коллективов и даже официальных лиц. Для ознакомления требовалось время, поэтому первые поездки были длительными, иногда продолжались месяц и более. Программы пребывания были очень насыщенными, сочетавшими профессиональные и культурно-ознакомительные цели.

Десятки тысяч советских людей работали в Китае в качестве советников / старших советников и специалистов. Первые в китайских министерствах, комитетах, других руководящих ведомствах осуществляли помощь в организации и реформировании работы, составлении планов развития той или иной сферы. Они передавали советский опыт организации государственного аппарата, управленческие технологии, формы и методы работы вновь создаваемым в КНР министерствам и управлениям культуры, образования, науки. Специалисты работали на местах, бок о бок с китай-

скими коллегами. В 1949–1960 гг. Советский Союз направил в КНР в общей сложности около 2 тыс. специалистов в области науки и культуры, часть которых составляли доктора и кандидаты наук. Было также командировано 1269 специалистов народного образования и высшей школы, которые работали в Министерстве просвещения КНР и 60 вузах [Цветко, 1974, с. 33, 37].

Советники и специалисты были ориентированы советским руководством на оказание консультационных услуг, учет пожеланий китайской стороны и уважение ее мнения. На деле советникам в первые годы сотрудничества приходилось участвовать в принятии решений, брать на себя большую ответственность. В первые годы сотрудничества мнения советских экспертов принимались безоговорочно, их рекомендации и предложения воспринимались как бесспорная истина. Нередко китайская сторона просила продлить сроки пребывания советников, обращалась к ним с просьбой «высказать мнение» для передачи в ЦК КПК, помочь составить заявку, директивный документ или план.

Из документов видно, как много советских организаций было задействовано, чтобы организовать отправку одной группы специалистов. К примеру, в Постановлении Совета министров СССР № 1170–669с (1955 г.) о направлении в Китай специалистов для работы в области науки, культуры и здравоохранения упоминались союзные министерства высшего образования, культуры, здравоохранения, иностранных дел, связи, путей сообщения, внешней торговли, радиотехнической промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности, машиностроения и приборостроения, а также просвещения РСФСР, Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, Академия наук СССР, редакция журнала «Коммунист».

Документы сборника показывают доминирующую роль КПСС и КПК в межгосударственных контактах по линии культуры. Это было естественно, так как все двустороннее сотрудничество строилось на единой идеологической основе и исходило из общих политических целей. Ни одно значимое решение не принималось без утверждения на уровне Политбюро или центральных комитетов коммунистических партий обеих стран. Например, решение о расширении преподавания русского языка в Китае принималось в ЦК КПК, а его реализация проходила через территориальные бюро ЦК КПК. Министр культуры СССР Н. А. Михайлов, пребывавший в КНР в январе 1957 г. во главе делегации для подписания плана культурного сотрудничества, в отчете о поездке указал, что имел четырехчасовую беседу с зав. отделом пропаганды ЦК КПК т. Лу Динъи (陆定一) «по конкретным вопросам идеологической работы и культурного сотрудничества» [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 519. Л. 1,3].

Бюро переводов, которое отвечало за устные и письменные переводы, связанные с русским языком, за переводы общественно-политической и художественной литературы, а также за подготовку и распределение переводчиков, работало под руководством ЦК КПК. Все поездки делегаций общественных деятелей и работников культуры в СССР согласовывались с ЦК, а отчеты о командировках китайских делегаций, как и о приеме советских делегаций, проходили через Отдел пропаганды ЦК КПК. Направленные советской стороной от имени Совета Министров СССР, ЦК ВЛКСМ, музеев, СМИ и иных организаций материалы направлялись сначала в ЦК КПК, потом рассылались исполнителям. Первые совместные кинофильмы «Победа китайского народа» и «Освобождение» вышли на экраны только после одобрения ЦК партии. Он же обсуждал порядок распространения в Китае советских фильмов и другой наглядной продукции.

Похожая ситуация была в СССР, возможно, контроль не был таким жестким и тотальным. Тем не менее, когда Министерство культуры предложило расширить обмены с Китаем, министр культуры Н. Михайлов в январе 1956 г. обратился за одобрением к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву [РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 24. Л. 115].

Интерес представляет документ о подготовке к изданию в КНР материалов XX съезда КПСС. Отдел пропаганды ЦК КПК рекомендовал опубликовать к июлю 1957 г. для изучения широкими массами доклад Н. С. Хрущева, выступления по докладу Д. Т. Шепилова, М. А. Суслова, А. И. Микояна, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, А. И. Кириченко, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, Е. А. Фурцевой, доклад Н. А. Булганина и директивы КПСС по шестому пятилетнему плану, отчет ревизионной комиссии. Отмечалось, что в случае необходимости могут быть опубликованы другие «важные выступления», постановления, поздравительные речи и письма, обсуждения. Документ был очень оперативно принят 28 февраля 1957 г., всего через три дня после закрытия съезда. О материалах закрытого заседания XX съезда не упоминалось [СССР – КНР].

Принятый в КНР во второй половине 1950-х гг. новый политический курс отразился на сотрудничестве и в области культуры. Первыми новыми веяниями ощутили наиболее идеологизированные сферы взаимодействия: печать, радио, издательская деятельность. Китайская сторона сократила издания советских книг, объясняя это планами увеличивать «издание книг других стран социалистического лагеря, а также книг таких передовых капиталистических стран, как США, Англия, Япония и др.» [СССР – КНР]. Список запланированных к выпуску в 1959 г. 359 названий книг советских и китайских авторов сначала был сокращен до 285, а затем до 90, из которых в итоге было снято еще 17 [Там же]. Уменьшилось количество публи-

каций и радиопередач о Советском Союзе и его помощи. Сократился обмен делегациями, выступлениями художественных коллективов, студентами и аспирантами. Заместитель председателя Комитета по культурным связям с заграницей КНР Чжан Чжисян (张致祥) в 1959 г. указывал, что в прошлые годы слишком много творческих коллективов выезжало за границу – это мешало повышению их художественного мастерства и подготовке новых программ. Кроме того, он предлагал резко сократить мероприятия, проводимые сверх плана, или вообще не проводить, так как, по его мнению, это вызывало «значительные трудности и неудобства» [Там же]. Это мнение было высказано советнику Посольства СССР в КНР Н. Г. Сударикову и недвусмысленно относилось к советско-китайскому сотрудничеству.

Позиция СССР сводилась к тому, что в интересах единства социалистического лагеря следует поддерживать отношения сотрудничества, и сфера культуры была тем полем, где это можно было продемонстрировать общественности нагляднее всего. В отчетах о выполнении планов культурного сотрудничества за 1957–1959 гг. отмечались укрепление и развитие культурных связей, обмены многочисленными культурными, научными, педагогическими и другими делегациями [ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 5. Д. 22. Л. 234–236].

По линии министерств культуры СССР и КНР в Советском Союзе побывало около 300 деятелей китайской культуры, в КНР – около 200 деятелей советской культуры. В VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 г. приняли участие большая делегация китайской молодежи, ансамбль песни и пляски КНР и цирковая труппа. В том же году советские ученые вместе с китайскими коллегами участвовали в разработке Перспективного плана развития науки и техники КНР на 12 лет, что свидетельствовало о планах на долгосрочное взаимодействие. На празднование 40-летия Октябрьской социалистической революции в 1957 г. прибыла высокая китайская делегация во главе с Мао Цзэдуном.

В 1959 г., в год 10-летия КНР, Госкомитет по культурным связям с зарубежными странами констатировал более высокий по сравнению с предыдущими периодами уровень организации проводимых двумя странами мероприятий. Помимо выставок, радиопередач и публикаций в прессе, состоялся обмен выступлениями крупных художественных коллективов. В Китае выступал Большой театр, в СССР гастролировали Художественный молодежный ансамбль песни и пляски КНР и Гуандунский оркестр народных инструментов.

На экраны вышел цветной художественный фильм совместного производства «В едином строю» (в китайском прокате «Ветер с Востока») известных режиссеров Ефима Дзигана и Гань Сюэвэя (干学伟). В КНР выез-

жали почти 580 деятелей советской культуры и искусства, а в СССР побывали 550 китайских представителей [ГА РФ. Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 111. Л. 222]. В Москве в Колонном зале Дома союзов торжественно отметили 10-ю годовщину КНР. На собрании и концерте присутствовал посол КНР в СССР Лю Сяо. Вечер передавался по радио и телевидению, изложение выступлений было опубликовано в центральной печати. Торжественные собрания прошли также на многих предприятиях и в учреждениях по всей стране [ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 5. Д. 37. Л. 237].

Однако политические и идеологические веяния оказались сильнее, и резко сократившиеся после 1960 г. культурные связи полностью прервались в середине 1960-х гг.

В начале XXI в., когда отношения между нашими двумя странами вступили в новый этап, исследователи и практические работники продолжают активно интересоваться предыдущим опытом советско-китайского сотрудничества в разных областях, который, как представляется, может пригодиться и сегодня. Не вызывает сомнения тот факт, что в 1950-е гг. была заложена основа советско-китайского культурного сотрудничества, которое динамично развивалось и успело дать ощутимые результаты. Прагматичные китайцы стремились взять у Советского Союза как можно больше, чтобы быстрее встать на ноги. Дэн То (邓拓), в то время главный редактор органа ЦК КПК «Жэньминь жибао», отмечал: «Надо радоваться, если друг сильнее тебя, это принесет пользу тебе самому, потому что можно у него учиться и самому расти» [Желоховцев, 1984, с. 123]. Несмотря на появившиеся во второй половине 1950-х гг. признаки ухудшения официальных отношений, организации культуры по государственной и общественной линиям в нашей стране старались поддерживать добрососедские связи и интерес советских людей к жизни соседнего народа.

Литература

- Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 111.
ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 5. Д. 22, 25, 37.
История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976). М. : Наука, 2017. 821 с.
Желоховцев А. Н. Посмертная судьба Дэн То // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 3. С. 115–126.
Китай и Россия разработали программу по сотрудничеству в области архивов на период 2021–2025 гг. URL: http://russian.news.cn/2020-09/24/c_139393934.htm (дата обращения: 21.06.2022).
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 8. Д. 519.
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 16. Д. 24.
СССР – КНР. Культурные и научные связи. 1949–1960 гг. Сборник документов (в печати).
Цветко А. С. Советско-китайские культурные связи. М. : Мысль, 1974. 131 с.

А. А. Волошин (Иркутск)

Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы
Иркутский государственный университет

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕКРУТИНГА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СТРОИТЕЛЬНОМ БИЗНЕСЕ ИРКУТСКА

Аннотация. Рассматриваются механизмы рекрутирования и правовой адаптации сезонных трудовых мигрантов, приезжающих на работу в Иркутск. Показывается и сравнивается деятельность теневых посредников, вовлеченных в инфраструктуру миграции. В качестве объектов исследования выбраны бригады рабочих из Китая и Центральной Азии.

Ключевые слова: трудовые мигранты, посредник, рекрутинг, строительство, Иркутск.

A. Voloshin (Irkutsk)

Institute of Geography of SB RAS
Irkutsk State University

FORMAL AND INFORMAL PRACTICES OF RECRUITING MIGRANTS IN THE CONSTRUCTION BUSINESS OF IRKUTSK

Abstract. The present article reviews the mechanisms of recruiting and legal adaptation of seasonal labor migrants who come to work in Irkutsk. The purpose of this study is to demonstrate and compare the activities of shadowy intermediaries involved in migration support services. The groups of workers from China and Central Asia were chosen as an object of research.

Keywords: labor migrants, intermediary, recruitment, construction industry, Irkutsk.

*Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда
№ 22-78-10075, <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>*

Миграция рабочей силы на постсоветском пространстве уже давно воспринимается как сформировавшаяся и обыденная практика с большим количеством внутренних механизмов и компонентов, каждый из которых в разной степени определяет характер и масштабы миграционных процессов. Инфраструктура трудовой миграции многосубъектна, и в ней задействован ряд акторов – это государство, общественные организации, частные «заинтересованные лица» [Xiang, 2017, p. 2–3].

Государство конструирует миграционную политику, задает нормы, в целом воздействует на микроклимат миграции. Общественные организации занимаются вспомогательной деятельностью – обращают внимание на проблемы мигрантов, оказывают социальную поддержку, информируют мигрантов. Частные «заинтересованные лица», или, другими словами, посредники, – это важные элементы во взаимосвязи многих институтов и структур. Они обеспечивают мобильность миграции, делают ее удобной для мигрантов.

В деятельности посредников и посреднических организаций накопилось огромное количество неформальных практик и вариантов оказания услуг. В условиях рынка значимость посредников возрастает и их участие

вполне естественный процесс. Для трудового мигранта, независимо какого происхождения (трансграничный, межрегиональный или внутренний), часто становится важным наличие знакомства с посредником. Это необходимый инструмент интеграции, который позволяет обеспечивать доступ на рынок труда для многих категорий трудовых мигрантов.

На уровне этнорегиональных групп посредниками становятся выходцы из диаспоральных сообществ. Внутри российских граждан посреднические услуги могут оказывать бывшие и уже интегрированные в местную среду мигранты, бывшие деятели силовых структур и т. д. Во многом они создают коннотации образа миграции, влияют на представления и ожидания потенциальных трудовых мигрантов. На первый взгляд кажется, что посредников много, их роль малозаметна, а деятельность носит теневой характер. Фактически мы наблюдаем иную картину – посреднические услуги занимают ключевое место, деятельность посредников продиктована интересами разных социальных групп – работодателей, чиновников, силовых структур, диаспор.

Посреднические сети неоднородны по своему социокультурному происхождению, этнические оттенки и особенности делают понимание процессов внутри данных групп дифференцированным, и их нельзя сравнивать по какому-то одному общему критерию. Функции и виды оказываемых посредниками услуг разнонаправленно встроены в миграционные процессы – трудоустройство и рекрутинговые услуги, обход бюрократических барьеров, решение конфликтных ситуаций.

Механизмы правоприменения в России сформированы таким образом, что зачастую для иностранного работника, приехавшего на заработки в Россию, инструментами правовой адаптации становятся неформальные практики. Принимающее сообщество России, а также институты и имеющееся, хоть и не выведенное в отдельную отрасль, миграционное право – вся эта совокупность формирует принципиально иную миграционную систему, и ее нельзя трактовать с помощью классических теорий интеграции и миграции.

По мнению Рустамжона Уринбоева, специфика правовой системы современной России обусловлена тем, что есть пересечение жестких и авторитарных недемократических принципов с прогрессирующим уровнем коррупции и теневой экономикой. Автор называет данный режим «гибридным», который в том числе заинтересован в привлечении трудовых мигрантов. Массовое привлечение трудовых мигрантов в строительную сферу постепенно сформировало ситуацию возникновения «параллельного мира мигрантов», в котором есть отдельные правила, сети участников и каналы взаимодействий [Urinboyev, 2021, p. 35–40]. Ситуация в строительном бизнесе и сопредельных отраслях раз за разом показывает,

насколько многогранны рекрутинговые процессы и какова роль посредников в рассматриваемых процессах. Обширность исследовательского поля, огромное многообразие накопленных и используемых практик заставляют продолжать изучение данной проблемы.

Основная задача исследования – на нескольких отдельных примерах показать, как и каким образом происходит рекрутирование иностранных рабочих в Иркутске, кто и по каким мотивам приезжает, как организован порядок их пребывания и работы. Специально подобраны разные варианты. В первом случае автор рассматривает крупные фирмы из строительной сферы, имеющие огромный опыт применения иностранной рабочей силы и старающиеся работать в правовом поле, но и здесь, как показывает исследование, существуют неудобные барьеры, требующие обхода. Вторая группа объектов исследования – это частные и неформальные примеры организации труда мигрантов в домохозяйствах.

Специфика работы предполагает использование качественных социологических методов, а именно метода формализованных и полуструктурированных интервью, экспертных интервью. Сосредоточение на неформальных практиках подталкивало к применению разнообразного инструментария. Для понимания специфики организации трудовых отношений автор, используя метод включенного наблюдения, находился непосредственно на рабочем месте мигрантов. Процесс сбора полевого материала происходил в разных местах – строительные площадки, офисы строительных фирм, частные домохозяйства. В качестве экспертов и респондентов задействованы представители малого и среднего бизнеса Иркутской области; трудовые мигранты из Центральной Азии и Китая, приезжающие на сезонную работу в Иркутск; представитель общественной организации по работе с мигрантами. Материалы фиксировались в полевом дневнике и аудиозаписях на телефоне.

Объектом настоящего исследования является цех по изготовлению металлоконструкций. Владелец предприятия попросил нас соблюдать условия конфиденциальности и не указывать местонахождение данного хозяйствующего субъекта. Цех использует иностранную рабочую силу только из ближнего зарубежья. Как нам пояснил работодатель, ранее привлекали китайских работников, так как на территории муниципалитета наблюдался дефицит – основная масса трудовых ресурсов из России была занята на строительстве другого предприятия. В настоящий момент основной фронт работ осуществляют представители Узбекистана. Причина пересмотра кадровой политики продиктована экономическим кризисом и усложнением миграционного законодательства. С другой стороны, отказ трудоустраивать национальные кадры спровоцирован нежеланием самих кадров: *«Интенсивность работы высокая, тем более сама по себе металлообработка подразумевает физическую силу, выносливость, потому что*

тяжелая работа, с металлом целый день. Несмотря на то что кран грузит, там все равно его нужно зацепить или застробить. И выбираем именно таких. От русских уже давно отказались, потому что нормальный человек, полный физических сил, непьющий, на эту работу не идет».

Порядок трудоустройства на предприятие представляет собой давно отработанную схему с системой посредничества, в которой главенствующая роль отдана гражданину Республики Узбекистан – это так называемый бай (в странах Центральной Азии так называют крупных землевладельцев) или бригадир (незаинтересованное в ведении деятельности в легальном поле физическое лицо со знанием русского языка и миграционным опытом не менее 15 лет), на которого возложен широкий спектр функций. В начале нулевых начинал как простой подсобный рабочий на стройке, подчиняясь аналогичному баю. В дальнейшем приобрел лидерские качества и стал заниматься самостоятельной практикой найма, реализовывая собственный экономический интерес.

Стоит отметить, что рекрутерство в данном варианте является собой незарегистрированный бизнес, приносящий достойный уровень оплаты. К примеру, на начальных этапах посредник ограничивался поставкой бригады в 5–10 человек. Количество может достигать 150, если в сезон есть повышенный спрос. Помимо данного объекта, который является основным, бай сотрудничает еще с несколькими объектами, куда он регулярно поставляет работников. На таких объектах могут трудиться близкие или дальние родственники бая, с них он взимает меньшую сумму. Бригады формируются на кланово-земляческой основе, т. е. зачастую рабочие являются выходцами из одного населенного пункта.

Посредник обеспечивает тем необходимым контингентом, который запрашивает предприятие, уведомляя его об этом заранее. В свою очередь, работодатель ежегодно формирует резерв вакансий условно в 40 человек, который привязывается к конкретным иностранным работникам. Они организованы в несколько бригад, постоянно пребывают на территории Узбекистана и ждут «сигнала» от работодателя. Иногда они прибывают в Российскую Федерацию заблаговременно, но не оформляют официально разрешительных документов на право осуществления трудовой деятельности, выход на работодателя осуществляют через посредника в лице бая. В России бригадир проводит большую часть времени (примерно 8–9 месяцев). Его задача – организовать коллектив, оказать содействие по получению государственных услуг, связанных с оформлением и выдачей патента, постановкой на миграционный учет, медицинским обследованием. Для этого бригадиру требуется простаивать в очередях, сопровождая рабочих в разных инстанциях. Очевидно, это подтверждает и владелец цеха, что за долгие годы работы бригадир накопил знакомства и связи в социальных и правоохранительных организациях.

Материалы исследования показывают, что иностранцам проще приехать на заработки, пользуясь услугами посредника своей национальности. Индивидуальное трудоустройство и оформление документов без посредничества затрудняют первый месяц пребывания иностранного гражданина. Мигрант может облегчить себе жизнь, если обратится в частную организацию и заплатит там. Либо через нелегально работающего земляка-бая. В подтверждение можно привести цитату из материалов исследования: *«Тех, кого привозит бай, – они никаких проблем не испытывают, в общежитие приезжают, селятся. У них есть штатный повар, который готовит их национальные блюда. Есть, которые покидают. К примеру, он неплохо знает русский язык, неплохой специалист по евроотделке. Если он понимает, что 25 % ему жалко платить за все обеспечения его комфортного пребывания здесь, то он разрывает устное соглашение с баем»*. Впоследствии данная категория рабочих сталкивается с проблемами, если сразу не трудоустраивается.

Сам владелец цеха напрямую ни с кем не сотрудничает, поэтому все вопросы по фактическому трудоустройству – это непосредственная компетенция бригадира. Оплату за оказанные услуги бригадир получает не с предприятия, а с самих рабочих. Стоимость привлечения одного иностранного рабочего вычисляется в процентах от заработной платы на предприятии. При одиннадцатичасовом рабочем дне стоимость одного часа работы составляет 150 руб., в месяц примерно 25 смен. Бай забирает 25 % от ежемесячной суммы.

Предприятие пыталось работать без посредника, чтобы увеличить зарплату рабочим. С китайскими гражданами именно по такой схеме происходила организация трудоустройства, но от данной практики пришлось отказаться по причине начавшихся проблем внутри коллектива – употребление спиртных напитков, деление на микроколлективы и т. д. Для работодателя вариант с посредником, безусловно, эффективнее, так как он уверен в качестве выполненных работ. Тем более сам бай регулярно присутствует на объекте и осуществляет контроль. Особенно если это какой-то ответственный объект, где требуется квалифицированная подготовка.

Трудоустройство работников организовано по двум принципам. Десятая часть бригады работает официально по трудовому договору с организацией, еще 90 % полулегально. Бай устраивает иностранцев к неаффилированным физическим лицам, у которых прописывается вся бригада, они живут и формально там же работают. Предприятие, привлекающее объем иностранной рабочей силы, официально показывает у себя трудоустроенными десятую часть от общего числа необходимых иностранных рабочих. Остальная часть закреплена на индивидуального предпринимателя, с кем предприятие заключает трудовой договор на выполнение работ,

тем самым скрывая большую часть по факту задействованной иностранной рабочей силы на производстве.

Такая форма найма связана с обоюдным желанием как работника, так и работодателя избежать большей уплаты налогов. В данной ситуации трудно не согласиться с мнением Е. Тюрюкановой, которая считает практику неформальных отношений между иностранным работником и работодателем выгодной обеим сторонам, и причина здесь не только в высоком налогообложении. Теневое ведение экономической деятельности – это не только миграционный, а общий или системный вызов дальнейшему развитию России. Если эффективность неформальных отношений будет повышаться и в дальнейшем, то это исключит возможность для институциональных и экономических стимулов легализации [Трудовая миграция ... , 2008].

В качестве первого объекта исследования была выбрана одна из крупнейших строительных фирм Иркутска компания «ВостСибСтрой». Динамично развивающееся предприятие, которое имеет огромный многолетний опыт работы по привлечению иностранной рабочей силы.

В марте 2017 г. было проведено фокусированное интервью с главным специалистом по работе с иностранной рабочей силой (ИРС) с целью сбора материала о китайских мигрантах. Это было дополнено включенным наблюдением, позволившим получить полезную информацию о повседневном пребывании китайцев на строительной площадке.

Непосредственно с рабочими из КНР компания сотрудничает с 2004 г. Как отмечает глава отдела, 90 % от общего числа рабочих, занятых на строительных площадках, – это китайцы. Он выделяет три основные причины, вследствие которых один из лидеров строительной отрасли Иркутской области отдает предпочтение работникам из Китая. Во-первых, это качество работы. По словам нанимателей, бригады из КНР выполняют объем работ значительно быстрее и эффективнее, нежели наши соотечественники. Вторую причину глава отдела ИРС видит в проблеме системы подготовки кадров: *«Система профессионального образования практически разрушена, оттого и нехватка квалифицированных кадров в строительстве. Особенно по таким специальностям, где требуется физический труд – каменщик, бетонщик...»* Третья причина – это высокая заинтересованность и мотивация китайцев, их желание приехать в Россию с целью заработать деньги, чтобы прокормить семью. Китайские строители очень дисциплинированно относятся к труду, чего нельзя сказать о русских. Здесь следует упомянуть о пресловутом уровне ответственности русских работников. Очень часто они работают до ближайшего аванса или получки, после чего могут случаться случаи нарушения трудовой дисциплины. В 2015 г. фирма заключала трудовые договора с группой русских строителей из Иркутской области в количестве 400 чел., в итоге работать

осталось около 10 %: *«Люди отучились и не хотят работать при зарплате в 25–30 тыс. Китайцы едут сюда за деньгами...»*

Механизм найма работников организован следующим образом. Все затраты и усилия на оформление документации по каждому работнику фирма берет на себя. Поскольку фирма работает в легальном поле, то возможность так называемого кидка в данном случае исключена. Процедура оформления бригады рабочих на стройку занимает до 6 месяцев. Система поиска рабочих достаточно прозрачна. Компания сотрудничает с бригадиром из Китая – это опытный рабочий, который не первый год работает в России и владеет русским языком на разговорном уровне. Бригадиру показывают всю проектно-сметную документацию строительного объекта (чертежи, расчеты и т. д.). В свою очередь, он занимается поиском рабочих в Китае с учетом сложности производства. Стандартная бригада включает в себя следующие специальности: плотник, бетонщик, каменщик, штукатур-маляр, арматурщик. Главное требование к рабочим – профессионализм. Бригадир, находясь в России, осуществляет сбор документов на всю группу рабочих. Бригадир – это хорошо говорящий по-русски человек, это посредник между работодателем и всей бригадой. Часто это может быть человек с высшим образованием. Зачастую функции бригадира не связаны со строительством, он является не мастером, выполняющим какие-либо работы, а лишь координатором и организатором. В отличие от иностранной бригады строителей с русским руководителем, группа рабочих с национальным бригадиром более устойчива, вероятность конфликтных ситуаций здесь ниже. Бригадир своей национальности лучше заботится о соотечественниках, и обычно бригадой строителей такого типа управлять проще, исключая проблемные ситуации внутри коллектива.

Рассмотрим порядок получения разрешения на работу для иностранного гражданина в Российской Федерации на время исследования. Первое, что нужно сделать, – это оформить заявку в службе занятости Иркутска о необходимости привлечения иностранного специалиста. При этом важно обосновать, почему не нашлось национальных кадров, в противном случае шансов нет. Далее направить заявление в службу миграционного контроля МВД на оформление разрешения на работу. После того как квота на руках, организация занимается оформлением других документов и медицинских справок, все эти документы на каждого персонально заверяются нотариально. Работники привлекаются на конкретный объект, разрешение действует только в пределах города. Помимо всех бюрократических трудностей, организация должна заплатить за каждого китайца государственную пошлину в размере 10 тыс. руб. и пройти целый ряд согласований, начиная от местных чиновников до управления миграционной службы в Москве. Как пояснил глава отдела, себестоимость привлечения одного китайца в

среднем оценивается от 15 до 20 тыс. руб., включая стоимость его проезда в плацкартном вагоне от Забайкальска до Иркутска.

На работу в Россию приезжают люди разных возрастных категорий от 25 до 45 лет. Уровень квалификации строителей-мигрантов разнится: часть работающих граждан из КНР имеют среднее образование, но не относящееся к строительству. Однако приезжают и такие, кто уже в юношеском возрасте получал первичный опыт работы в строительстве, работая сварщиками и плотниками. Можно утверждать, что современные направления миграционных потоков из Китая в Россию в значительной мере связаны с географией китайских провинций. Большинство китайских мигрантов приезжает в Россию из приграничных северо-восточных провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), а также автономного района Внутренняя Монголия, эти регионы характеризуются медленным экономическим развитием.

Организация внимательно относится к вопросу правовой защищенности рабочих. Как и любые работники, которые официально трудоустроены, китайцы имеют полный пакет социальных гарантий. В случае нарушения трудового законодательства они имеют полное право пожаловаться своему бригадиру. По словам представителей, за время сотрудничества с китайцами был только один случай, когда рабочие сталкивались с нарушением прав.

Использование иностранной рабочей силы для строительных работ в частных домохозяйствах – давняя и распространенная практика. Многие годы данная категория мигрантов оставалась «невидимой», так как рабочие находились на нелегальном или полулегальном положении. Одно из таких домохозяйств, где работают граждане КНР, было применено в качестве одного из объектов для исследования. При попытке сбора материала для настоящего кейса автору пришлось столкнуться с целым рядом проблем. Отчетливо наметилась проблема вхождения в поле: трудно найти и выйти на владельцев частных домохозяйств. Происходит это под разными предлогами: одни ссылаются на занятость, другие на нежелание помочь, третьи констатировали некомпетентность в данном вопросе. Владельцы частных домохозяйств и представители строительного бизнеса неохотно разрешают китайцам общаться напрямую с исследователем, а также присутствовать исследователям на строительных объектах. По их мнению, подобного рода информация считается закрытой и табуированной. Причина в отказе здесь очевидна, так как многие «серые работодатели» испытывают боязнь нарваться на санкции со стороны контролирующих органов.

Настоящий объект исследования был найден в одном из городов-спутников Иркутска. Эмпирический материал собирался в несколько этапов у бригады китайских мастеров, которые осуществляли внутренние и наружные работы, монтаж коммуникаций. Бригада состоит из рабочих

разных специальностей (штукатуры-маляры, плиточники-отделочники, электрики, сантехники и др.). Практически все члены бригады на неплохом уровне владеют и смежными специальностями, наборами необходимых навыков, которые позволяют безболезненно проводить взаимозаменяемость в случае производственной необходимости. Руководит коллективом квалифицированный бригадир, он же по совместительству и прораб, владеющий относительно неплохо разговорным русским языком. Бригадир выступает и в качестве посредника, менеджера и бухгалтера. Вся ответственность за произведенную работу ложится на него. Остальные члены бригады либо говорят, но мало и зачастую непонятно, либо же совсем не знают русского языка. С самой бригадой рабочих общение производилось непосредственно через бригадира, который согласился побыть переводчиком для всей бригады и ответить на несколько блоков вопросов.

В первом случае мы видим, что фирма заинтересована в том, чтобы ее сотрудники были трудоустроены в соответствии со всеми требованиями и имели разрешения на работу. Второй пример выглядит противоположным, и здесь стоит сказать о рисках. Так называемое трудоустройство в данном случае производится по обходным схемам и выглядит следующим образом. Как пояснил бригадир, группа китайских граждан приезжает в Россию под видом туристического визита. Срок туристической визы – 30 дней, на момент исследования у всей бригады визы были просрочены. Получить ее проще всего, достаточно предоставить данные турагентства, которое приглашает китайцев сюда. Но она не дает права на трудовую деятельность. Сам же бригадир с небольшими перерывами в течение 7 лет живет и работает в России.

Процедура найма выглядела следующим образом: бригадир, непрерывно находящийся в России, едет в Китай, где предлагает заинтересованным поработать в России. Постоянной бригады рабочих у него нет, но знакомых, которые имеют опыт работы в строительстве, много. Работодатель выдает деньги на трансферт и еду. Документов, которые регламентируют трудовые отношения, нет. Также отсутствует пакет социальных гарантий. Все перечисленное фактически обозначает, что китайцы имеют полное юридическое бесправие. Заработная плата не регламентируется, все зависит от объема и качества работ. Деньги перечисляются бригадиру, который делит зарплату на всю бригаду. В разы увеличиваются риски невыдачи (полной или неполной) заработной платы. Кроме устной договоренности между бригадой и работодателем больше ничего нет. Работодатель не несет никакой ответственности за рабочих. Самую большую роль здесь играют честность и порядочность работодателя и бригадира.

Все члены бригады, кроме бригадира, первый раз приехали в Россию. Никто из их родственников также не имеет миграционного опыта. В ходе беседы также выяснилось, что первые мысли о поездке в Россию у рабочих

возникли задолго до переезда (3–5 лет), т. е. данное решение принято не стихийно и не спонтанно, а явилось продуманным. Основными мотивами переезда в Россию чаще всего являются: необходимость обеспечения выживания семьи, поиск средств на образование для детей, потребность в покрытии частных займов и кредитов, планирование вложений в организацию и развитие собственного мелкого бизнеса на родине. На первом месте в этом ряду, безусловно, социально-экономические факторы, желание и возможность заработать. Зачастую даже сравнительно небольшая или средняя по российским меркам зарплата китайского строителя (от 500 до 1000 долл. в месяц), который работает в России, для жителей бедных районов Китая кажется очень значимым и ощутимым доходом.

Среди других причин переезда рабочие выделяют не только социально-экономические, но и геополитические. В частности, мигранты отмечают наличие здоровых и добрососедских отношений между двумя государствами – Российской Федерацией и КНР. Как следствие, китайцы представляют Россию как друга своей страны, что формирует доверительное отношение. Позитивный образ России быстро исчезает, когда мигранту приходится сталкиваться с массой проблем в адаптации. Отрицательное восприятие к стране и принимающему сообществу формируется в самом начале пребывания. Во-первых, традиционное мошенничество и вымогательство со стороны работодателей и органов правопорядка. Во-вторых, по мнению А. Г. Ларина, современные СМИ негативно воздействуют на общественное сознание, публикуя вымыслы о миллионах китайских нелегалов и тиражируя далекие от объективности мнения различных политиков, а также высказывания высокопоставленных лиц, которые заинтересованы в создании образа нового врага [Ларин, 2008]. В среде принимающего сообщества это создает почву для разговоров о «китайской угрозе». В-третьих, находясь в России, мигрант не может пожаловаться на условия пребывания и другие проблемы, так как для большей части населения они здесь чужие.

Логично, что на таком объекте речи о фиксированном рабочем дне нет, средняя продолжительность трудовой смены составляет 12–16 ч. Спецодежда и защитные средства (каска, очки, перчатки) отсутствуют, в результате чего возрастает риск травматизма на производстве. Ввиду юридической незащищенности, бригада вынуждена практически постоянно находиться на стройке. Любой выход в город грозит нежелательными встречами с сотрудниками силовых структур. Существует вероятность стать объектом внимания для местного криминалитета. Рабочие отмечают, что у них практически полностью отсутствуют внешние контакты. Бригада изолирована и всегда находится в пределах стройки, кроме бригадира.

По результатам исследования рассмотрены системы поиска, привлечения и трудоустройства иностранных граждан. Можно выделить несколько режимов доступа на рынок труда. В основной части статьи мы акцентировали внимание только на трех примерах форм организации трудовой деятельности. Проведенное исследование показало, что практики использования теневых инструментов трудоустройства в условиях действующего законодательства остаются для мигрантов одним из самых эффективных способов найти работу.

Привлечение организацией юридически незаинтересованного посредника узбекской национальности (так называемый бай), который берет на себя большой груз ответственности по поиску, оформлению и привлечению на работу иностранных граждан. При этом организация не несет финансовых затрат при сотрудничестве с баем. Услуги бая оплачиваются иностранными работниками, стоимость которых составляет четверть от заработной платы. В указанном случае немаловажно сказать и о самом трудоустройстве и договоре, который основывается на полулегальных началах и сокрытии значительного числа трудоустроенных иностранных работников.

Сотрудничество крупной строительной организации с квалифицированным китайским бригадиром, который полностью трудоустраивает работников и проводит с ними большую часть времени на производстве. Данный способ можно сравнить со вторым способом, так как есть посредник-бригадир, который выполняет все обязательства по трудоустройству. Разница в том, что в первом случае бригадир не трудоустроен и фактически это третья незаинтересованная сторона, а в данном примере бригадир так же, как и вся бригада, трудоустраивается и несет ответственность за своих работников.

Абсолютно нелегальный способ, где есть посредник в лице ассимилированного китайского бригадира, нанимающий китайских граждан в частное домохозяйство. Показательным является тот факт, что работники приезжают по туристической визе, не заключают никакого договора, работают изолированно и без разрешения, чем подвергают себя опасности в случае визита сотрудников правоохранительных органов.

Существуют примеры использования ИПС на полулегальной основе и на нелегальной основе: цех по изготовлению металлоконструкции, где официально трудоустроены всего 10 % от общего числа работников, а также пример частного домохозяйства, где трудятся мигранты из КНР, въехавшие в Российскую Федерацию на основании туристической визы и без разрешительных документов на работу. Также тренд на обход существующих норм миграционного законодательства подтверждается оценками специалистов о реальном количестве мигрантов на трудовом рынке России вкупе с модернизирующимся законодательством в сфере трудовой миграции.

Литература

Ларин А. Китайские мигранты глазами россиян // Демоскоп Weekly. 2008. № 333–334, 19 мая. URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/tema01.php#_FNR_ (дата обращения: 10.09.2022).

Трудовая миграция в Республике Узбекистан : сб. ст. / отв. ред. Е. В. Абдуллаев. Ташкент, 2008. 71 с. URL: <http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/labour-migration-uzbekistan-ru.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

Xiang Biao. The base: a case of infrastructural governance of labour outmigration in China. *Mobilities*, 2017. 15 p.

Urinboyev R. *Migration and Hybrid Political Regimes: Navigating the Legal Landscape in Russia*. Oakland : University of California Press, 2021. 186 p.

УДК 338.48(52)

В. А. Ворошилова, И. В. Шалина (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ ЯПОНИИ. БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ COVID-19

Аннотация. Отмечается, что пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, начавшаяся в 2020 г., внесла коррективы в жизнь каждого человека, а также нанесла ущерб целым системам, будь то система здравоохранения, образования или любая другая. Рассмотрены меры, которые были приняты Японией для поддержания и восстановления отрасли внутреннего туризма, максимально пострадавшей от пандемии коронавируса.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, внутренний туризм Японии, стимулирование спроса на внутренний туризм.

V. Voroshilova, I. Shalina (Irkutsk)

Irkutsk State University

DOMESTIC TOURISM OF JAPAN. FIGHTING THE CONSEQUENCES OF COVID-19

Abstract. In 2020, the world is facing an unforeseen threat – the coronavirus infection (COVID-19). The pandemic has made adjustments in the lives of every person, and also caused damage to entire systems, whether it would be health care, education or any other. In this article, we reviewed the measures that were taken by Japan to maintain and restore the domestic tourism industry, the industry most affected by the coronavirus pandemic.

Keywords: coronavirus pandemic, domestic tourism in Japan, stimulating demand for domestic tourism.

Цель статьи – рассмотрение проблемы внутреннего туризма в Японии в контексте пандемии в русле трансдисциплинарной регионологии [История ... , 2020]. В 2020 г., в первый год пандемии, к сильному страху перед вирусом и сокращением или полным отказом вследствие этого от поездок добавилось то, что многие школы сократили летние каникулы, чтобы возместить период долгой приостановки занятий по причине эпидемии весной, что также затрудило планирование путешествий. В 2021 г., устав от локдаунов, самоизоляции, а также стремясь возобновить нормальное течение жизни, и в том числе отдых, соблюдая правила безопасности, японцы вновь стали путешествовать, однако исключительно по своей стране. Таким образом, количество путешественников в 2021 г. увеличилось на

5,3 % по сравнению с предыдущим годом, тем не менее оно все еще было на 44,8 % ниже по сравнению с 2019 г. Послабление ограничений на передвижение и посещение туристических мест, связанное с мерами по нераспространению COVID-19, не привело к значительному восстановлению потока туристов (табл. 1).

Японское агентство по туризму JTA (観光庁 kankō-chō), которое было создано 1 октября 2008 г. в качестве департамента при Министерстве земли, инфраструктуры, транспорта и туризма (国土交通省観光庁 kokudo koutsuushou kankō-chō), на основе экономических показателей, бронирования поездок и предварительного анкетного опроса 10 тыс. человек оценило общее количество жителей Японии, планирующих путешествия в период летних каникул 2021 г. (20 июля – 31 августа), в 40 млн человек. Общая оценочная сумма расходов на поездки составила 1,32 трлн йен [Японское ...].

Таблица 1

Показатели статистики поездок в период летних каникул¹

	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общее количество туристов (млн чел.)	75,4	38,05	-
Из них жители Японии (млн чел.)	72,4	38	40
Средние расходы на поездки внутри страны (иен)	36 500	3 2000	33 000
Общая сумма расходов на поездки внутри страны (млрд иен)	2642,6	1216	1320

В ходе анкетирования у японцев спрашивали, будут ли они путешествовать. Общая сумма ответов «да» и «наверное, да» составила 19,8 %. Более склонны к путешествиям среди респондентов были молодые люди – 33,2 % женщин и 31,6 % мужчин в возрасте 29 лет и младше. Намерены путешествовать также 10,8 % женщин и 14,2 % мужчин старше 60 лет.

На вопрос о длительности поездки те, кто собирается путешествовать, чаще всего отвечали, что планируют одну ночевку (41,9 %). В целом до 3 ночей в путешествии собирались провести 86,8 % респондентов.

Что касается используемых транспортных средств, то чаще всего был назван автомобиль (свой или взятый напрокат) – 70 %.

Вдвоем собиралось путешествовать 25,6 %, с детьми дошкольного возраста – 22,4 %, в одиночку – 20,3 %.

Таким образом, видна тенденция к поездкам с соблюдением мер против заражения – малыми группами и семьями (рис. 1, 2).

Причины отказаться от поездок в значительной степени были связаны с опасениями заражения. За рекомендациями по полному отказу от посещения мест массовых скоплений людей (коими являются и туристические

¹ Здесь и далее таблицы приводятся в соответствии с данными Японского агентства по туризму [Японское ...].

места) последовали «послабления» в виде использования средств защиты в местах массовых скоплений людей, ограниченного количества посетителей в день, обязательной предварительной брони, приема посетителей в строго определенное время [Воронина, Волох, 2022].

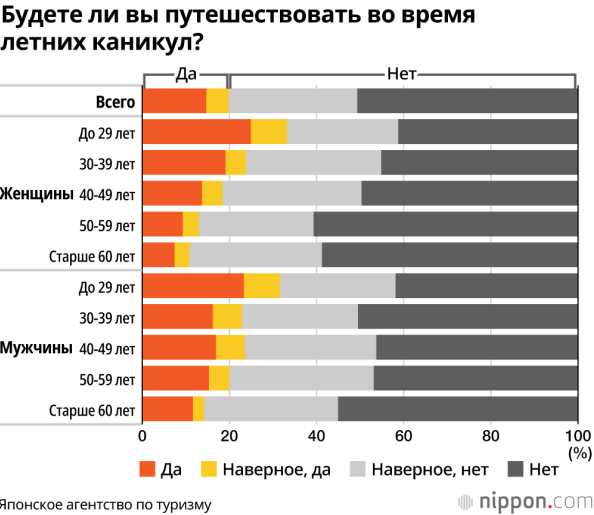

Рис. 1. Данные по планированию летних поездок

Причины отказа от поездки

Рис. 2. Данные по причинам отказа от летних поездок

С 22 июля 2020 г. Правительство Японии запустило кампанию Go To, направленную на стимулирование спроса на внутренний туризм, процент которого упал в результате распространения коронавируса. Всего действует 4 разновидности этой кампании: Go To Travel, Go To Eat, Go To Event, Go To Shopping Street. Инициатива подразумевает частичное субсидирование расходов путешественников на проживание и питание во время поездок по стране. На ее осуществление власти выделяют 1,7 трлн иен (около 15,7 млрд долл.). Для сравнения, всего на восстановление экономики Японии страна выделила 1,1 трлн долл. (22 % от ВВП страны). С помощью Go To Travel правительство надеется оживить местный турбизнес, понесший большие потери из-за вводимых в стране ограничений на фоне пандемии COVID-19. Получить компенсацию можно только при заказе тура в одном из участвующих в акции агентств. В соответствии с установленными нормами общий размер помощи государства не должен превышать половину суточных расходов человека. При этом каждый житель государства может рассчитывать на сумму не более 20 тыс. иен (185 долл.) в сутки. В последний момент из программы Go To Travel исключили г. Токио, где было зафиксировано возобновление скачков заражения коронавирусом [Арутюнов, 2021].

Программа Go To Travel была приостановлена по всей стране с 28 декабря по 11 января 2020 г., но с учетом объявления о чрезвычайном положении период приостановки был продлен до 7 февраля 2020 г. В связи с приостановкой программы в новогодний период правительство компенсировало гостиничным учреждениям 50 % от стоимости проживания, а период до 7 февраля – им было выплачено 35 %. 20 июня 2022 г. появилось сообщение о том, что правительство рассматривает возможность возобновления и расширения национальной кампании Go To Travel с 1 июля. Однако на момент августа 2022 г. программа так и не была возобновлена.

В целом в 2021 г. ситуация по стране немного улучшилась. Результаты опроса показывают, что доля внутренних поездок на два дня в 2021 г. составила 34,1 %, что на 2,9 пункта выше, чем в 2020 г. Общее количество внутренних путешествий с остановкой на ночь выросло на 13,4 % в годовом исчислении (до 82,3 перемещения), что на 39,4 % меньше, чем в 2019 г. [Японское ...].

Общая сумма поездок с остановкой на ночь внутри страны оценивалась в 4,7 трлн иен в 2021 финансовом году, что на 42,3 % меньше, чем в 2019 финансовом году. Средняя стоимость такой поездки увеличилась на 5 100 иен (до 56 900 иен по сравнению с 2020 финансовым годом) в связи с увеличением расходов на проживание и транспорт (на 2 600 иен), а также с увеличением местных расходов (на 2 500 иен) (табл. 2).

Хорошую динамику по восстановлению показали путешествия по городам на период 2021 г. Токио стал лидером среди префектур (по путешествиям с остановкой на ночь), Осака и Фукуока заняли в рейтинге 5-е и 9-е места соответственно. Хоккайдо стал лидером по количеству путешествий внутри префектуры. В целом количество поездок внутри префектур не уменьшилось за 2021 г. (табл. 3).

Таблица 2

Сумма расходов на путешествие с учетом остановки на ночь

■ 1回の宿泊旅行にかかった費用（大人1人あたり）

※金額については、百の位までの四捨五入で示しているため、合計が合わない場合がある

Таблица 3

Показатели рейтинга путешествий внутри префектур

■ 都道府県別の延べ宿泊旅行者数（推計値） ※上位10都道府県

全体						増減傾向			
2021年度 推計値	原単位	2020年度 推計値	2019年度 推計値	2018年度 推計値	2017年度 推計値	21→20	20→19	19→18	18→17
全 国	8,231万人	7,256万人	13,575万人	14,777万人	14,556万人	+	-	-	+
1位 東京都	647万人	↑ 2位 430万人	1位 1,447万人	1,573万人	1,541万人	+	-	-	+
2位 北海道	608万人	↓ 1位 528万人	2位 1,081万人	1,134万人	1,066万人	+	-	-	+
3位 長野県	414万人	↑ 4位 351万人	5位 630万人	693万人	702万人	+	-	-	-
4位 静岡県	406万人	↓ 3位 373万人	4位 665万人	733万人	773万人	+	-	-	-
5位 大阪府	382万人	↑ 7位 282万人	3位 739万人	809万人	775万人	+	-	-	+
6位 神奈川県	373万人	↓ 5位 347万人	6位 504万人	705万人	710万人	+	-	-	-
7位 京都府	335万人	↓ 6位 301万人	7位 549万人	623万人	637万人	+	-	-	-
8位 千葉県	302万人	↑ 10位 249万人	9位 510万人	619万人	553万人	+	-	-	+
9位 福岡県	233万人	↑ 11位 208万人	8位 515万人	496万人	503万人	+	-	+	-
10位 兵庫県	238万人	↓ 8位 275万人	11位 457万人	485万人	472万人	+	-	-	+

В июле 2022 г. JTB дали прогноз – ожидается, что поездки японских туристов за летние каникулы 2022 г. вернутся к уровню на 3 % меньшему по сравнению с уровнем 2019 г., т. е. летний внутренний туризм в Японии восстановится до уровня, существовавшего до пандемии [Японское ...].

В период летних каникул (с 15 июля по 31 августа 2022 г.), по прогнозам туристического агентства, количество внутренних туристов должно

было достигнуть 70 млн, что на 75,9 % больше, чем год назад, или всего на 3,3 % меньше по сравнению с тем же периодом 2019 г. Общие расходы на поездки предполагали составить 2,5 трлн иен, что на 88,3 % больше, чем год назад, или на 6 % меньше, чем в 2019 г. Ожидалось, что средний расход путешественника составит 35 500 иен, что на 7,6 % больше, чем год назад, или на 2,7 % меньше, чем в 2019 г.

Анкетирование выявило большее количество туристов, путешествующих на дальние расстояния, чем год назад, и большее количество людей, путешествующих не только с семьей, но и с друзьями. В качестве направлений предпочтительнее оказались тематические парки или парки развлечений.

Цель поездки, которую чаще всего указывают, – это «провести время с семьей» (12,3 %). Доля «мероприятий, спорта и фестивалей», а также «тематических парков и парков развлечений» увеличивается. Что касается дней в пути, то соотношение «один день – одна ночь» является максимальным – 35,7 %, но этот показатель на 6,2 пункта ниже, чем год назад. Вместо этого соотношение «два/три дня – две ночи» и «три ночи» возрастает до 33,1 и 18,3 % соответственно (табл. 4).

Таблица 4

Данные по цели поездки

(図表 10)旅行目的や動機

(単一回答、N=1,030)

	%	前年比
家族と過ごす*	12.3	▲4.0
温泉でゆっくりする	9.8	▲7.6
焼肉	9.7	▲11.8
リラクセスする、のんびりする	8.6	-
自然や風景を楽しむ	7.8	▲2.9
食事、地域の味覚を味わう	6.5	▲3.3
知人・友人・パートナーと過ごす	5.7	-
イベント・祭り・観劇・スポーツ観戦など	5.4	+4.5
テーマパークやレジャー施設	4.7	+0.9
ハイキング、登山、キャンプなど	3.6	▲2.6
海辺で保養、海水浴・水遊び	2.2	▲2.7

*昨年比は「家族や友人との親睦を深める」として調査。選択肢を変更しているため参考値

(図表 11)旅行日数

(単一回答、N=982)※海外除く

	%	前年比
1泊2日	35.7	▲6.2
2泊3日	33.1	+3.5
3泊4日	18.3	+3.0
4泊5日	4.1	▲2.1
5泊6日	3.8	+2.4
6泊7日	0.9	▲0.2
7泊8日	1.2	▲0.5
8泊以上	2.9	+0.1

(図表 12)旅行の同行者

(単一回答、N=1,030)

	%	前年比
家族づれ	60.8	▲1.0
夫婦のみ	24.5	▲1.1
子供づれ(中学生まで)	20.9	▲1.5
三世代	6.6	+0.8
それ以外(母親など)	8.8	+0.8
家族と友人・知人	5.3	+1.5
友人・知人・パートナー*	14.1	+2.7
団体(職場など)	0.8	+0.3
ひとり	18.0	▲2.3
その他	1.1	▲1.1

*昨年は「友人・知人」として調査。選択肢を変更しているため参考値

(図表 13)旅行先 (単一回答 N=1,030)

	%	前年比
北海道	10.1	+1.6
東北	8.3	▲2.1
関東	17.4	+0.1
甲信越	8.6	▲4.5
北陸	4.4	+0.5
東海	10.4	▲1.3
近畿	13.0	+0.6
中国・四国	8.8	▲0.9
九州	10.3	+1.3
沖縄	4.0	+1.3
海外*	4.7	+3.5

*昨年比: 2019年調査では海外は10.5%

(図表 14)旅行先を選んだ理由(単一回答 N=1,030)

	%	前年比
行きたい場所があるので	29.1	▲1.5
帰省先なので	16.2	▲6.4
自家用車やレンタカーで行ける場所なので	11.9	-
友人・知人など会いたい人が住んでいるので	8.9	+2.3
泊りたい宿泊施設があるので	8.5	▲6.6
自然が多いなど、3密を回避しやすい地域なので	8.4	+4.6
行ってみたいイベントがあるので	6.8	▲3.3
その他	3.8	▲3.3
友達な値段のツアーをみつけたので	1.9	▲1.4
その土地で今流行っているものを体験したいので	1.8	▲0.3
家族の仕事先なので	1.7	▲0.1
新型コロナウイルスの感染者数が少ない地域なので*	0.6	▲5.9
今年話題になっている場所なので	0.2	0.0

*海外旅行の場合、外務省の感染症危険情報レベル1相当

Самым популярным направлением является район Канто (17,4 %), за которым следуют Кинки (13 %), Токай (10,4 %), Кюсю (10,3 %) и Хоккайдо (10,1 %). Сами жители Канто планируют поехать отдыхать на Хоккайдо, Кюсю или Окинаву (табл. 5).

Таблица 5

Показатели рейтинга путешествий по районам

(図表15)居住地別 夏休みの旅行先(地方別、単一回答 N=1,030)

(JTB) (%)		夏休みの旅行先									
		北海道	東北	関東	甲信越 (山梨、長野、新潟)	北陸 (富山、石川、福井)	東海 (岐阜、静岡、愛知、三重)	近畿	中国 四国	九州 (沖縄含む)	海外
全体(1030)		10.1	8.3	17.4	8.6	4.4	10.4	13.0	8.8	14.3	4.7
居住地別	北海道(47)	72.3	6.4	10.6	0.0	0.0	4.3	0.0	0.0	2.1	4.3
	東北地方(41)	4.9	51.2	22.0	2.4	4.9	2.4	4.9	2.4	2.4	2.4
	関東地方(444)	9.7	9.7	24.1	14.4	3.4	9.9	7.4	4.7	12.2	4.5
	中部地方(173)	4.6	8.7	16.2	9.2	11.6	23.1	13.3	4.6	5.8	2.9
	近畿地方(182)	6.6	1.6	9.3	3.8	3.8	8.8	29.7	14.8	16.5	4.9
	中国・四国地方(69)	2.9	0.0	4.3	0.0	0.0	4.3	21.7	42.0	14.5	10.1
	九州地方(74)	4.1	1.4	13.5	1.4	1.4	1.4	9.5	6.8	55.4	5.4

(図表16)回答者の居住地別 夏休みの旅行先の前年増減比(地方別、単一回答)

		北海道	東北	関東	甲信越 (山梨、長野、新潟)	北陸 (富山、石川、福井)	東海 (岐阜、静岡、愛知、三重)	近畿	中国 四国	九州 (沖縄含む)	海外
全体		1.6	-2.0	0.1	-4.5	0.5	-1.4	0.6	-0.9	2.5	3.5
居住地別	北海道	-12.6	2.6	6.9	0.0	0.0	2.4	-1.9	-1.9	0.2	4.3
	東北地方	4.9	-26.6	7.1	-1.3	4.9	0.6	4.9	2.4	2.4	0.6
	関東地方	3.2	-1.7	-6.2	-4.2	0.3	-0.1	0.9	1.7	3.1	3.1
	中部地方	1.8	4.6	3.5	-8.0	0.8	-11.4	2.9	1.8	0.0	2.9
	近畿地方	3.4	0.0	4.5	-6.9	-1.5	1.8	-6.4	-4.0	5.2	3.9
	中国・四国地方	-1.1	-4.0	-2.3	-2.7	0.0	3.0	7.1	-14.0	6.5	7.5
	九州地方	2.4	-0.3	10.1	-0.3	1.4	-2.0	4.4	0.0	-19.2	3.7

Наиболее часто выбираемым видом транспорта являются «собственные автомобили или автомобили напрокат» (61,9 %), но это соотношение на 8,1 пункта ниже, чем год назад. Тогда как соотношение «железных дорог» и «самолетов» увеличивается до 43,5 и 23,3 % соответственно.

С другой стороны, опрос показал, что доля людей, не планирующих путешествовать, снизилась на 14,7 пункта до 63,9 %. Многие из таких людей заявили, что не любят стоять в заторах или не имеют достаточно средств. Заметно меньше стало тех, кто высказывал опасения по поводу риска заражения коронавирусом.

В отсутствие национальной кампании Go To Travel, большинство префектур Японии предлагают скидки жителям в рамках программы Kenminwari – скидки префектуры. В рамках постоянных усилий по стимулированию индустрии внутреннего туризма многие префектуры – в настоящее время 40 из 47 – субсидируют поездки для местных жителей в пределах своей префектуры. Точный характер каждой кампании варьируется в зависимости от префектур, но, как правило, предлагает привлекательные скидки на однодневные поездки и поездки с остановкой на ночь, включая использование купонов для покупки товаров в магазинах, участвующих в акции. На данный момент, чтобы воспользоваться скидкой, вы должны проживать в названной префектуре и иметь возможность подтвердить ваше место жительства. Территория и действия программы Kenminwari

вскоре будут расширены, чтобы люди могли выгодно путешествовать и в соседние префектуры, и, возможно, в ближайшем будущем это будет распространено на региональные блоки. Правительство также объявило, что программа для жителей префектур будет продолжаться до тех пор, пока не вернется национальная кампания Go To Travel.

В июле 2022 г. правительство Японии решило отложить запуск новой Общенациональной программы поддержки поездок (Nationwide travel support program) из-за резкого роста числа случаев заражения COVID-19 BA.5.

Удастся ли Японии восстановить уровень путешествий внутри страны в 2023 г. до уровня 2019 г., неизвестно. Однако правительство мотивирует жизнедеятельность туристической отрасли посредством поддержки обеих сторон: частичной выплаты компенсаций туристическим местам, компаниям, гостиницам, а также скидок и привилегий для туристов. Не остаются в стороне и частные компании, которые проводят коллаборации, направленные на привлечение туристов к различным аспектам отдыха внутри страны.

Литература

Арутюнов Г. Ю. Ключевые вопросы предотвращения социально-экономических последствий коронавируса // Вестник евразийской науки. 2021. Т. 13, № 5.

Воронина Н. А., Волох В. А. Социальные риски пандемии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 8–16.

История и методология региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе : коллективная монография / под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой ; отв. ред. О. В. Кузнецова. Иркутск : ИГУ, 2020. 287 с.

Японское агентство по туризму. URL: <https://www.mlit.go.jp/kankochou/> (дата обращения: 28.08.2022).

УДК 316.356.2(73)

Ю. Б. Дюндик (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ПОРТРЕТ SANDWICH GENERATION НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Отмечается, что благодаря разнообразным экономическим, социальным и культурным факторам сегодня наблюдается процесс увеличения продолжительности жизни населения в мире в целом и в США в частности, который привел к появлению и формированию «сэндвич-поколения» (sandwich generation). Подчеркивается, что представители этого поколения вынуждены одновременно ухаживать не только за своими пожилыми родителями (родственниками), но и растить детей и/или внуков, осуществляя при этом свою профессиональную деятельность, а также продвигаться по карьерной лестнице, не выпадая при этом из социума. Анализируется данный феномен в американском обществе.

Ключевые слова: поколение, сэндвич-поколение, общество, язык, репрезентация, американская семья, США.

THE “SANDWICH GENERATION” PORTRAIT
ON THE EXAMPLE OF AMERICAN SOCIETY

Abstract. Today we face a significant increase of life span in the whole world, and the USA is no exception. As a result we can observe a global phenomenon – “The sandwich generation”, determined by a great number of economic, social and cultural factors. “The sandwich generation” representatives are middle-aged people who provide financial, emotional and physical support for their young children, adult children and parents at the same time. Caring for children while caring for parents, while also managing their own household and work responsibilities is a challenging task. The aim of this article is to analyze this phenomenon in the American society.

Keywords: generation, sandwich generation, society, language, representation, American family, USA.

Сегодня наблюдается значительный рост продолжительности жизни населения во всем мире, соответственно, возникает проблема старения и способности самообслуживания среди старшего поколения. Многочисленные экономические, социальные, культурные факторы привели к росту количества людей среднего возраста, которые вынуждены оказывать финансовую, эмоциональную и физическую поддержку пожилых родителей, при этом они также имеют детей, возможно, не только несовершеннолетних, но и взрослых, имеющих либо проблемы с трудоустройством, либо слишком низкооплачиваемую работу, и они также требуют не меньшего ухода и внимания. Зачастую несколько поколений одной семьи вынуждены жить под одной крышей.

Данный феномен получил название the sandwich generation (либо, реже, the sandwiched generation). Сегодня основная масса представителей сэндвич-поколения – это поколение бумеров (the Baby Boomer generation) и поколение X (Generation X). В литературе этот термин впервые появляется в работе Миллера [1981], в настоящее время его можно встретить в отчетах правительств, в медиапространстве, в публикациях, касающихся различных отраслей науки, а также найти в некоторых, но далеко не всех толковых словарях (например, словарь Merriam-Webster дает следующее определение: *sandwich generation – a generation of people who are caring for their aging parents while supporting their own children* [Merriam-Webster]; а в словаре Oxford Learner’s Dictionary указано следующее: *No exact match found for “sandwich generation” in English* [Oxford Learner’s Dictionary]). Поколение людей среднего возраста, находящихся в подобной ситуации, достаточно многочисленно, в соответствии со статистическими данными, их количество значительно увеличилось во всем мире, и в частности в США, в последние годы.

Так, основная помощь заключается в финансовой поддержке. Согласно исследованиям, около 47 % американцев в возрасте от 40 до 50 лет (по некоторым источникам, 71 % этой группы – люди в возрасте от 40 до 59) имеют родителей, возраст которых 65 лет и старше, при этом у них есть

несовершеннолетние дети и зачастую они вынуждены поддерживать финансово уже совершеннолетних детей (18 лет и старше). Примерно один из семи людей среднего возраста (около 15 %) вынужден оказывать финансовую помощь и родителям, и обеспечивать финансово детей, при этом чаще финансовая поддержка требуется уже взрослым детям, нежели пожилым родителям [Pew Research ... , 2013]. Ожидается, что к 2030 г. более 20 % американцев будут в возрасте старше 65 лет, соответственно, увеличивая число сэндвич-поколения до 30–40 %, а к 2050 г. в мире будет в три раза больше людей среднего возраста, ухаживающих за пожилыми членами семьи (их количество ожидается порядка 2 млрд человек) [Hammer, Neal, 2008]. Родители-сэндвичи могут тратить до 10 тыс. долл. в год, помогая финансово детям и пожилым родителям. Согласно исследованию [Pew Research ... , 2013], из 2500 опрошиваемых взрослых в возрасте от 40 до 59 лет помогали финансово по крайней мере одному из детей 18 лет и старше, многие совершеннолетние дети были вынуждены вернуться в родительский дом, не найдя работу. Также отмечалось увеличение количества семей, где ребенок старше 18 лет продолжал жить совместно с родителями, при этом имея уже свою собственную семью. Тем не менее также возможны случаи, когда пожилые родители, не имея значительных проблем со здоровьем, помогают своим детям-сэндвичам финансово. Согласно информации, представленной страховой компанией New York Life, во время пандемии расходы семьи значительно выросли. Однако во время пандемии помощь со стороны сэндвич-поколения изменила вектор на большую помощь молодым, нежели пожилым, например, в июле 2020 г. 52 % детей от 18 до 29 лет вернулись к совместному проживанию с родителями. Это наивысший показатель, зарегистрированный со времен Великой депрессии [Ro, 2021].

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих финансовый аспект взаимодействия между поколениями:

Without much warning, you've become part of the sandwich generation, squeezed between the needs of your kids and your older mom and dad [Godman, 2018];

Americans supporting kids and parents as well as themselves are facing skyrocketing costs and a hit to their savings, a new report from New York Life found [Fox, 2020];

Parents feel emotionally and financially stressed by caring for young children and older relatives at the same time [Grose, 2020].

Однако вопрос заключается не только в финансовой поддержке – 4 человека из 10 (около 38 %) указывают на то, что в большей степени (параллельно) от них ожидается постоянная, не менее важная, однако при этом не менее энергозатратная, психологическая/эмоциональная поддержка. 61 % сэндвич-поколения указывает, что пожилые рассчитывают

на постоянную эмоциональную/психологическую поддержку. Чем более возрастные родители, тем больше поддержки предполагается. Однако не меньшая эмоциональная поддержка требуется и детям, независимо от их финансового положения. Поскольку зачастую большая роль с точки зрения оказания психологической/эмоциональной поддержки выпадает на женщин, которые в большей степени подвержены стрессу (*When it comes to those caring for both an aging relative and children, it's largely women and Millennials who are shouldering the burden* [Understanding ...]), можно наблюдать цепочку последствий: эмоциональный дисбаланс женщины начинает распространяться на супруга и детей, работу и т. д.:

Navigating the needs of your parents can be emotional and tricky [Bechly, 2022];

Their [our parents'] hearing weakens, their gait slows, their memories dim. That can provoke feelings of anger, anxiety, fear and frustration [Dastagir, 2021];

Adults can experience a subtle grief as their parents age and lose their ability to do the things they once did [Dastagir, 2021];

Just like any caregiver, sandwich-aged adults endure chronic stress, a nonstop version of the body's fight-or-flight response. "It's exhausting" [Godman, 2018].

Помимо заботы о членах семьи, у людей этого поколения остаются обязанности по ведению домашнего хозяйства, необходимости работать, развиваться в своей профессии и зарабатывать, реализовывать свои интересы в виде хобби и так далее: *These people experience the pressures related to raising their own children while simultaneously trying to care for their aging parents and also trying to balance other important roles and responsibilities in their lives (i.e., being a good spouse, their career progression, their health, hobbies, etc.)* [Malinoff, 2021]. Уход за близкими начинает занимать все свободное от работы время, становится второй или даже третьей работой:

The extra care your parents need is time-consuming, almost like a part-time job on top of your regular employment and parenting duties [Godman, 2018];

Carneiro is an only child, and for a few years he was caring for both of his parents, who lived in New York City. There were months when he had to drive between New York and New Hampshire several times, because of "a fall or an infection or surgery" one of his parents faced, while his wife, who is a freelance writer, took the lead on child care. Carneiro described the time commitment as a "third job" [Grose, 2020].

Все эти аспекты начинают «буксовать», возникают проблемы, такие как недостаток времени и желания на общение с друзьями, супругом, что в результате приводит к эмоциональному выгоранию:

The financial and career stress from caring for children and parents can lead to relationship strain, and 25 percent of our survey respondents who are

caretakers for older relatives said they had made sacrifices in their romantic relationships because of it [Grose, 2020];

I would like to have time for many more things: for my parents, for my son, for my friends. But I can't, I'm sandwiched. If I could buy time, but that is not possible. So I'll just have to learn to deal with that. I just have to keep going on, not reflecting too much, just put my mind at rest once in a while.

В такой ситуации происходит закономерная стагнация с профессиональной точки зрения, замедляется профессиональный рост, наблюдается профессиональное выгорание и т. д. Около 28 % отмечают, что не имеют возможности продвигаться по карьерной лестнице, а 25 % указывают, что были вынуждены уволиться, чтобы ухаживать за пожилыми родственниками. В исследовании, проведенном Rosalyn Carter Institute for Caregivers в 2021 г., выяснилось, что среди работников, которые также имеют опекаемых родственников, 73 % приходилось покидать рабочее место неожиданно и зачастую раньше положенного срока, 70 % отпрашиваются с работы на один день, а 68 % отказывались от дополнительных обязанностей или проектов. Таким образом, работодатель, в свою очередь, сталкивается с такими проблемами, как снижение продуктивности, болезни работника (представителя сэндвич-поколения), неявка на работу по этой причине, снижение мобильности и отказ от бизнес-поездки, переход с полного рабочего дня на неполный, абсентеизм, опоздания, начинает активно практиковаться презентеизм (компания Google утверждает, что более 40 % их работников являются представителями sandwich generation):

In the end, it's about trying to find a balance between your caregiving responsibilities and your retirement goals [Fox, 2020].

Необходимость принять срочные и важные решения по работе либо решать проблемы, связанные с теми, за кем ухаживаешь, и породили новый термин – суперсэндвич: *The 'super sandwich' tries to keep all the balls in the air at the same time. Often, a super-sandwich strategy is a temporary option: there is a crisis situation or a sudden change and the only choice is to throw everything into the breach. The supersandwich strategy fades away as soon as the situation has normalized or space has been found to use other strategies.*

45 % сэндвич-поколения отмечают, что постоянная работа по уходу и непрекращающаяся многозадачность негативно сказываются на возможности планировать завтрашний день (*How do I plan for my own future – my own retirement needs – while I'm also balancing the immediate needs of my family?*), на их собственном здоровье, вследствие этого появляются различные физические и психологические проблемы, в частности депрессия. Основная тревога заключается в том, что они видят свое возможное будущее и пытаются понять, как можно предотвратить подобное состояние:

Children might want to deny their parents' decline, which experts say can be amplified by a culture that suggests aging should be fought or hidden; Acceptance can be the goal, though watching a parent age can be challenging not only because of what's happening to the parent but also because of what the child knows will happen to them one day [Dastagir, 2021].

Таким образом, можно говорить об отношении сэндвич-поколения к тем, о ком они заботятся, в трех направлениях: финансовая сторона вопроса, эмоциональная/психологическая, но также не стоит забывать и о физической нагрузке – отвезти/сопроводить к врачу, помочь по хозяйству, сделать покупки и так далее, которая также является времязатратной (временные затраты на уход составляют не менее 1350 ч в год). Самым сложным моментом для представителя сэндвич-поколения оказывается найти баланс между собственной жизнью и заботой о близких без катастрофических последствий как для себя, так и для близких:

By addressing the three questions below, you can start to find your balance; Dual caregiving can be a balancing act [Bechly, 2022]; The secret to success is carving out time to take care of yourself when balancing your children and aging parents; "You're balancing the demands of raising and supporting children and worrying about your parents' independence and well-being. It's tough," says psychologist Jonathon Sikorski, director of wellness education at the University of Nebraska Medical Center [Godman, 2018]; "It's critical for the millennials of the sandwich generation to establish a financial strategy that can balance 'right now' with 'down the road,'" Huang said [Fox, 2020].

Литература

Bechly P. The Sandwich Generation: Tips to Navigate Your Parents' Evolving Needs and Finding Balance in the Chaos. URL: <https://delawarebusinesstimes.com/sponsored-content/bizinsights/bizinsights-morgan-stanley-sandwich-generation/> (дата обращения: 02.03.2022).

Dastagir A. E. 'Sandwich generation' stress: Adults caring for aging parents face stress, frustration. URL: <https://chicago.suntimes.com/2021/7/13/22569009/sandwich-generation-adult-children-aging-parents-wellness> (дата обращения: 01.03.2022).

Fox M. Rising costs, less in savings: How the pandemic is slamming the 'sandwich generation'. URL: <https://www.cnn.com/2020/11/27/how-the-pandemic-is-slamming-the-sandwich-generation.html> (дата обращения: 20.04.2022).

Godman H. Coping With Stress When You're in the Sandwich Generation. URL: <https://health.usnews.com/health-care/patient-advice/articles/2018-08-10/coping-with-stress-when-youre-in-the-sandwich-generation> (дата обращения: 02.05.2022).

Grose J. 'It's Pretty Brutal': The Sandwich Generation Pays a Price. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/11/parenting/sandwich-generation-costs.html> (дата обращения: 18.03.2022).

Hammer L. B., Neal M. Working sandwich-generation caregivers: Prevalence, characteristics, and outcomes // Psychologist-Manager Journal. 2008. № 11. P. 93–112.

Malinoff B. Strategies To Handle The 'Sandwich Generation' Squeeze. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbesagencycouncil/2021/12/22/strategies-to-handle-the-sandwich-generation-squeeze/?sh=55063454a50e> (дата обращения: 16.07.2022).

Merriam-Webster: An Encyclopædia Britannica Company. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sandwich%20generation> (дата обращения: 16.09.2022).

Miller D. The "sandwich" generation: Adult children of the aging // Social Work. 1981. N 26. P. 419–423.

Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/spell-check/english/?q=sandwich+generation> (дата обращения: 16.09.2022).

Pew Research Center. The sandwich generation: Rising financial burdens for middle-aged Americans. Washington, DC: Pew Research Center, 2013.

Ro Ch. Why the "sandwich generation" is so stressed out. URL: <https://www.bbc.com/work-life/article/20210128-why-the-sandwich-generation-is-so-stressed-out> (дата обращения: 20.03.2022).

Understanding the "new" Sandwich Generation. URL: <https://www.newyorklife.com/newsroom/understanding-new-sandwich-generation-> (дата обращения: 02.03.2022).

УДК 504.03

А. С. Игнатьева (Иркутск)

Иркутский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ТЕРРОРИЗМЕ В РОССИИ И США

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к пониманию термина «экологический терроризм» с точки зрения российских и американских исследователей. В частности, разводятся понятия «экоцид» и «экотаж», описываются причины возникновения данных явлений, деятельность, последствия и методы борьбы с ними в России и США.

Ключевые слова: терроризм, экологический терроризм, экотаж, экоцид, ALF, ELF, биоцентризм, глубокая экология, зеленый анархизм, антикапитализм, антиглобализм.

A. Ignatieva (Irkutsk)

Irkutsk State University

ON THE ECOLOGICAL TERRORISM IN RUSSIA AND THE USA

Abstract. The article considers the differences in approaching the term "ecological terrorism" in Russian and American studies. I. e. it differentiates the notions of "ecocide" and "ecotage", describes the sources, actions, consequences of these phenomena and methods of struggle with them in Russia and the USA.

Keywords: terrorism, ecological terrorism, ecotage; ecocide, ALF, ELF, biocentrism, deep ecology, green anarchism, anti-capitalism, anti-globalism.

Экономическое развитие человеческого общества, процессы урбанизации, индустриализации, многочисленные войны и другие антропогенные факторы губительно воздействуют на окружающую среду, охватывая не только биосферу Земли – поверхность и ее недра, но и околоземное пространство – ближний космос. Таким образом, в результате негативного влияния человека на окружающую среду мы становимся свидетелями иссушения рек, озер, морей, вырубки лесов, истощения земных недр, истребления животных, появления озоновых дыр, засорения околоземного пространства космическим мусором и других экологических проблем, которые носят международный, глобальный характер.

Одним из первых экологов считается американский дипломат и филолог Джордж Марш, обративший внимание на негативное влияние человека на окружающую среду в книге «Человек и природа» в 1864 г. [Марш,

1886]. Среди первых российских экологов выделяют географа Петра Кропоткина, который еще в XIX в. обратил внимание на пагубное воздействие индустриальной революции в XVIII–XIX вв. на таяние ледников [Кропоткин, 2002].

Сегодня экологические проблемы принимают широкие масштабы и решаются на международном уровне. Появляются новые явления и понятия, связанные с экологией, одним из которых является экологический терроризм.

Термин «экологический терроризм» (экотерроризм) в разных странах определяется по-разному.

Отечественные исследователи рассматривают его как экоцид (экология + геноцид) – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение других действий, способных вызвать экологическую катастрофу [Словарь основных ... , 2021].

К таким действиям относят незаконное применение боевых химических веществ, радиоактивных материалов, заражение населения инфекционными заболеваниями с помощью рыб и птиц с целью вызвать эпидемии, сжигание нефтяных скважин, выжигание лесов, попытки взорвать плотины, тепловые и атомные электростанции и некоторые другие [Богословский, Тихонов, 2015]. Термин «экоцид» был впервые введен американским биологом Артуром Гальстоном в разгар войны во Вьетнаме в ответ на разрушительные действия американских войск. В частности, американские военные распылили 80 млн л дефолианта – химического вещества, вызывающего опадение листьев растений, тем самым приведя к уничтожению лесов, а также 44 млн л диоксида, крайне опасного вещества, вызывающего серьезные заболевания печени и крови, врожденные уродства и другие неизлечимые болезни. По подсчетам современных исследователей, жертвами распыления дефолианта во Вьетнаме стали 4,8 млн человек [МИД, 2021].

На сегодняшний момент экоцид включен в разряд преступлений против мира и человечества в законодательстве таких стран, как Россия, Вьетнам, Китай, Германия и некоторых других.

Что касается законодательства США, то следует отметить, что экоцид не включен в действующее экологическое законодательство и дела, возникающие в данной сфере, рассматриваются в соответствии с нормами международного права [Левитанус, Стрельников, 2020].

В США экологический терроризм принято рассматривать как экотаж (экология + саботаж) – акт насилия, совершенный в защиту окружающей среды, против людей или собственности [Merriam-Webster, 2022]; терроризм, направленный на предотвращение уничтожения окружающей среды

и нацеленный против крупных компаний, загрязняющих природу [Collins English Dictionary, 2022].

Федеральное бюро расследований США определяет экотерроризм как применение или угрозу применения насилия криминального характера против невинных жертв или имуществу граждан со стороны экологически ориентированных, межнациональных групп по эколого-политическим причинам либо с целью привлечения внимания [Jarboe, 2021]. Материальный ущерб от деятельности экотеррористов в период с 2003 по 2008 г., по подсчетам ФБР, составил 200 млн долл.

Наиболее известными радикальными экологическими движениями в США являются Фронт освобождения животных (Animal Liberation Front, ALF), выступающий против использования животных в медицинских экспериментах, а также Фронт освобождения земли (Earth Liberation Front, ELF), борющийся за защиту окружающей среды. Методы борьбы экоактивистов включают посягательство на частную собственность корпораций и предприятий: поджоги, разбойные нападения, погромы, кражи, за исключением причинения вреда людям и животным. Федеральное бюро расследований США в феврале 2001 г. официально признало ELF «самой большой террористической угрозой в Соединенных Штатах» и причислило активистов этого движения к экотеррористам [ФБР, 2005].

Философия активистов ALF и ELF, объединившихся в конце XX в., зиждется на идеях движения за права животных, глубокой экологии, зеленого анархизма, антикапитализма и антиглобализма.

Сторонники движения за права животных утверждают, что животные не являются собственностью ученых или исследовательских центров. Они, как и люди, имеют право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Животные – это «носители жизни», равно как все живые существа на планете. Данный термин был введен американским философом Томом Риганом, чьи взгляды повлияли на современные движения за права животных [Regan, 1983]. Активисты называют свою деятельность не «воровством», а «освобождением» животных из заточения, поскольку последние никогда не принадлежали ученым. Их основные требования заключаются в стирании различий между людьми и животными, запрете рассматривать последних как частную собственность, проводить над ними научные опыты, а также убивать для получения пищи и шкуры. Философия данного движения вытекает из философии биоцентризма, которая, в отличие от антропоцентризма, заявляет о равенстве всех живых организмов, населяющих биосферу Земли [Прохорова, 2001].

Глубокая экология утверждает, что все живые существа тесно взаимосвязаны между собой, жизнь одних зависит от существования других, при этом вмешательство человека в окружающую среду недопустимо, поскольку это может привести не только к гибели людей, но и всего живого на планете [Smith, 2014].

Зеленые анархисты отрицательно относятся к индустриальной цивилизации, приветствуют небольшие экопоселения, занимающиеся натуральным сельским хозяйством. Некоторые зеленые анархисты предлагают вернуться к первобытному обществу, чтобы сохранить природу [Там же].

Антикапиталисты выступают против капитализма, заявляя, что он несет социальное неравенство, потребительское и хищническое отношение к природе, вывоз грязных отходов в «страны третьего мира», а также уклонение от решения экологических проблем [Торо, 1979].

Антиглобалисты являются противниками глобализации, считая, что доминирующие глобальные транснациональные корпорации, такие как Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и некоторые другие, эксплуатируют развивающиеся страны и используют их природные ресурсы в своих интересах [Жирнова, 2007].

В 2006 г. в США был принят закон о противодействии «экологическому терроризму» – Animal Enterprise Terrorism act (P. L. 109–374), благодаря которому для экотеррористов были установлены уголовные наказания, а также обязательное возмещение убытков пострадавшим лицам и организациям. Принятие данных мер способствовало сокращению количества случаев экотажа в США с 2006 г.

На сегодняшний день в России известны несколько случаев экотажа, произошедшие в 2000-х гг. Экотеррористы выпустили подопытных животных из научных лабораторий биологического факультета МГУ, а также НИИ им. П. К. Анохина г. Москвы. Однако в российском законодательстве экотаж – это хулиганство, нарушение общественного порядка, остающееся безнаказанным [Яминева, Хвощев, 2022].

Причина такого «равнодушного» отношения к радикальным действиям «зеленых» связана, на наш взгляд, с небольшим количеством случаев, а также с мнением многих российских исследователей о том, что радикальные действия экологических движений ничего не разрушают, а, наоборот, их деятельность направлена на защиту окружающей среды. Таким образом, экологические террористы – это не те, кто защищает окружающую среду радикальными и незаконными методами, а те, кто кощунственно на нее покушается. В российской научной среде для обозначения экотажа применяется термин «экологический радикализм» [Тисленко, 2006].

Причины экотажа лежат в росте экологических проблем, в неэффективности борьбы с ними, в преследовании государственными и частными предприятиями экономической выгоды, а также в пренебрежении сотрудничать с экологическими движениями, у которых не остается другого варианта, как идти на радикальные меры, чтобы заставить других услышать себя.

Итак, попытаемся ответить на вопрос: в чем причина различного понимания термина «экологический терроризм» в России и США?

Ключевым словом данного термина является терроризм, понимаемый в России как «система взглядов (идеология) и преднамеренная деятельность отдельных лиц, групп и организаций, преследующая, как правило, политические цели и систематически использующая методы террора» [Большая ... , 2022], а также как «незаконное применение силы и насилия против лиц или собственности, чтобы запугать или принудить правительство, гражданское население или любую их часть в рамках достижения политических или социальных целей» (Кодекс федеральных постановлений США) [Terrorism, 2005].

Как видно из приведенных определений, американское практически полностью повторяет российскую трактовку понятия «терроризм». Таким образом, важными составляющими данного понятия являются: 1) преднамеренное насилие, совершаемое против других людей или организаций, 2) преследующее политические цели, 3) использующее методы террора – запугивание и принуждение. Однако есть и отличия, которые, на наш взгляд, объясняют природу различий в подходе к пониманию термина «экологический терроризм», а именно то, что в американском законодательстве это также преступление «против собственности», которое может преследовать «социальные цели». Поскольку к экологическим методам борьбы «зеленых» радикалов относятся поджог, разбой, уничтожение техники, лабораторий, зданий, т. е. частной собственности, а также преследуются экологические цели, которые мы можем отнести к социально-экологическим, то становится очевидным, почему американские исследователи относят радикальные действия «зеленых» к терроризму. В Америке право на частную собственность – один из самых важных аспектов законодательства, нарушение которого жестко наказывается законом [Гобл, 2005].

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что экологический терроризм – это современный термин, имеющий разное толкование в России и США. В России – это экоцид (массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение других действий, способных вызвать экологическую катастрофу), в США – экотаж (терроризм, направленный на предотвращение уничтожения окружающей среды и нацеленный против крупных компаний, загрязняющих природу). Разница в трактовках термина объясняется разницей в самом понятии «терроризм» – в законодательстве США подчеркивается, что, помимо преднамеренного преступления против лиц с целью их запугивания, или принуждения для достижения политических целей, это также преднамеренное преступление против частной собственности и может быть нацелено на решение социальных проблем. Экологический терроризм включен в разряд преступлений в законодательстве каждой из этих стран и является строго наказуемым. В

обоих случаях это деятельность, связанная с окружающей средой: в России – с ее уничтожением, в США – с ее защитой при уничтожении частной собственности компаний, вредящих экологии. В первом случае – гибнут люди, флора и фауна, происходит экологическая катастрофа, во втором – вред причиняется только технике, строениям частных компаний без гибели людей. Американская версия экотерроризма (экотажа) происходила несколько раз в России и остается ненаказуемым хулиганством, российская версия экотерроризма «экоцид» – ни разу не происходила на территории США, однако сами Штаты неоднократно совершали экоцид в отношении других стран и не несли ответственности за причиненный ими вред.

В результате проведенного анализа подходов к пониманию термина «экологический терроризм» можно сделать вывод о том, что российские исследователи рассматривают его как преступление против человечества, в то время как американские – как преступление против частной собственности, защищая интересы и капиталы владельцев компаний. Несмотря на все эти различия, экологический терроризм – относительно новый феномен человеческой истории, требующий своего дальнейшего изучения, а также разработки и применения эффективных методов борьбы с ним как в России, так и в США.

Литература

Богословский М. М., Тихонов М. Н. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Атомная стратегия. 2015. № 12. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=6404> (дата обращения: 01.09.2022).

Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4189950# (дата обращения: 12.05.2022).

Гобл П. Говорите с Америкой. 2005. URL: <https://www.golosameriki.com/amp/a-33-2005-07-09-voa8/632983.html?> (дата обращения: 12.04.2022).

Жирнова Е. А. Причины возникновения антиглобалистского движения // Сибирский аэрокосмический журнал. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-antiglobalistskogo-dvizheniya> (дата обращения: 10.05.2022).

Кропоткин П. А. Анархия : сборник. М., 2002. 576 с. URL: http://www.belousenko.com/books/kropotkin/kropotkin_anarkhija.htm (дата обращения: 10.08.2022).

Левитанус Б. А., Стрельников С. В. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах. 2020. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44155891_45382516.pdf (дата обращения: 10.08.2022).

Марш Г. Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. 1886 (2016). URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/216753/1/MDAyXlJfMjAxNi0wOC0wOS0xNyczMyczMS5wZGY> (дата обращения: 20.08.2022).

МИД: Вьетнам поддерживает требования жертв АО о справедливости. Иллюстрированный журнал Вьетнам (5 февраля 2021). 2021. URL: <https://web.archive.org/web/20210730012847/https://vietnam.vnanet.vn/russian/ /478477.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Прохорова И. А. Экологическая этика и биоцентризм: анализ философских подходов // Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. С. 108–111.

Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. URL: <http://structure.sfu-kras.ru/files/structure/slovar.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

Тисленко Д. И. Международно-правовые меры противодействия экологическому терроризму // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : материалы Общерос. науч. юрид. интернет-конф. аспирантов и студентов. Тамбов, 2006. С. 257–261.

Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Наука, 1980.

ФБР: экотеррористы – новая угроза Америке. 2005. URL: <https://web.archive.org/web/20130516065348/http://newsru.com/world/20may2005/fbiter.html> (дата обращения: 10.05.2022).

Яминев Ю. Б., Хвощев Е. В. Современный мир: возрастание угроз экологического терроризма. URL: <https://www.polit.susu.ac.ru/articles/enviroterrorism.shtml> (дата обращения: 12.05.2022).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ecotage> (дата обращения: 10.05.2022).

Jarboe J. “The Threat of Eco-Terrorism”. Federal Bureau of Investigation. 2021. URL: <https://web.archive.org/web/20080311231725/http://www.fbi.gov/congress/congress02/jarboe021202.htm> (дата обращения: 10.09.2021).

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ecotage> (дата обращения: 10.05.2022).

Regan T. The Case for Animal Rights. University of California Press, 1983.

Smith M. Deep Ecology: What is Said and (to be) Done? // The Trumpeter. Vol. 30. № 2. 2014. URL: <https://trumpeter.athabascau.ca/index.php/trumpet/article/view/1378/1660> (дата обращения: 01.05.2021).

Terrorism 2002–2005. Federal Bureau of Investigation. 2005. URL: <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/terrorism-2002–2005#:~:text=Terro-rism%20is%20defined%20in%20the,Section%200.85> (дата обращения: 12.05.2022).

УДК 75.03

А. Д. Калихман (Иркутск)
ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»

ПРОСТРАНСТВО В КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ И ОЦЕНКИ АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДИЯ

Аннотация. Определяется современный взгляд на способы передачи пространства в традиционной китайской живописи, естественно, с ориенталистскими ограничениями. Анализируется статья архимандрита Палладия, который достаточно прямолинейно высказал свои критические оценки китайской живописи, исходя из принятого в то время общего понимания европейской живописи. Выделено подобие в подходах к анализу пространственных построений в китайской живописи и ренессансной научной перспективы в европейской живописи.

Ключевые слова: китайская живопись, глубина пространства картины, аксонометрия, воздушная перспектива, линейная перспектива.

A. D. Kalikhman (Irkutsk)
FSBO “Zapovednoe Pribaikalie”

SPACE IN CHINESE PAINTING AND EVALUATIONS OF ARCHIMANDRITE PALLADY

Abstract. The purpose of the article is to define a modern view on the ways of transferring space in traditional Chinese painting, naturally with orientalist restrictions. As a basis, an article by Archimandrite Pallady is analyzed, who rather straightforwardly expressed his critical assessments of Chinese painting, based on the general understanding of European painting accepted at that time. The similarity in approaches to the analysis of spatial constructions in Chinese painting and the Renaissance scientific perspective in European painting is highlighted.

Keywords: Chinese painting, depth of space painting, axonometry, aerial perspective, linear perspective.

Глава православной миссии в Китае архимандрит Палладий (Кафаров Петр Иванович) в 1867 г. опубликовал статью «Китайская живопись» в журнале «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Петра Кафарова, известного синоведа, составителя краткого Китайско-русского словаря, по его словам, «...поразила отличительная особенность и яркая пестрота китайской живописи». «Мне преимущественно хотелось ознакомиться с нею; с немалым трудом собрал я необходимые сведения о живописи в Китае, и вот взгляд мой на настоящее состояние ее у китайцев» [Отец Палладий, 1867, с. 592]. Если не придавать особого значения высказываниям о малом художественном значении древней китайской живописи, об упадке ее творческого начала, превращении в итоге в ремесло, то заслуживают внимания его замечания о «правильности» живописи. Кафаров пишет: «Конечно, некоторые места, взятые отдельно в картине, могут понравиться, но в общности она уродлива. Несоразмерность частей с целым, несоблюдение перспективы, совершенное незнание в расположении теней: таковы грубые ошибки, коими резко отличается китайская живопись от европейской. При перспективной и архитектурной живописи заметно еще более грубости и неправильности. Работы при ней много, а толку мало. Ландшафтная живопись сноснее, но она также не выдержит никакой художественной критики» [Отец Палладий, 1867, с. 594]. Подобное отношение к китайской живописи, звучавшее в то время даже из уст знатоков истории и культуры Китая, вполне объяснимо. С одной стороны, сказывались ограничения ориенталистского подхода ко всем проявлениям культуры, сложности в понимании тысячелетних традиций китайской живописи, системы их эволюции. С другой стороны, проблемой являлась задача определения сложившихся с древности художественных приемов, используемых для передачи изображаемого пространства на плоскости полотна картины или свитка в Китае. Открытие и формулировка в эпоху Ренессанса метода, названного «научной перспективой» (линейной перспективой), основанного на принципах естественного зрительного восприятия изображения, не могли быть перенесены на китайскую живопись без ясного понимания общей для художников всех времен проблемы передачи пространства на плоскости.

Гораздо полнее отмеченное архимандритом Палладием отношение к китайской живописи упоминалось известным американским знатоком китайского искусства Дж. Роули в появившейся в 1947 г. книге «Принципы китайской живописи». На русском языке книга вышла в 1989 г., причем перевод с английского был выполнен В. В. Малявиным, не менее известным китаеведом и культурологом [Роули, 1989], сопроводившим перевод

обширным послесловием. Дж. Роули в предисловии выступает гораздо самокритичнее архимандрита: «Если мы будем смотреть на китайскую живопись “современными” глазами, мы не увидим ее смысла. Нам нужно со всей решимостью преодолевать самих себя и заодно наш механистический, насквозь пропитанный психологизмом век. Только на этом пути мы откроем в себе созвучия с китайским духом, который с таким неподражаемым совершенством раскрыт в живописи Китая» [Роули, 1989, с. 5–6].

Ниже, на основе статьи архимандрита Палладия, дается обзор наиболее значимых исследований по передаче пространства в китайской живописи, которые во многом связываются с историей философских представлений о пространстве в китайской цивилизации. Делается попытка выделить подобие в подходах и принципах пространственных построений китайской живописи и ренессансной научной перспективы в европейской живописи, а также подчеркнуть редко упоминаемое для них отличие в учете известных законов естественного зрительного восприятия при передаче реальных и воображаемых представлений изображаемого пространства в рисунке и живописи.

В истории китайской и европейской живописи отмечается использование различных способов передачи изображаемого пространства на плоскости картины, хотя выбор их во многом определялся решаемой художественной задачей. Можно задаться вопросом, о какой перспективе и ее несоблюдении, какой несоразмерности целого и его частей писал в обсуждаемой статье Кафаров, а также вопросом о справедливости высказанных претензий. Следует предположить, что подразумевались устоявшиеся к середине XIX в. понятия о перспективе, пропорции, ритме, свете и тени. Особенный акцент делался Кафаровым на критике передачи открытых пространств в ландшафтной живописи: «В ландшафтах китайцы подражают более искусству, а не природе. Говорят с большой похвалой о китайских искусственных садах, и их-то преимущественно и списывают пейзажисты. Положим, что сады действительно хороши, но картина с таких садов, при несоблюдении перспективы, смешна, если в ней расположены по порядку пропасти и горы, водопады и реки, беседки и огромные строения, и все это вместе составляет какой-то живописный хаос, в котором не найдешь и тени изящного» [Отец Палладий, 1867, с. 594].

Первые формулировки принципов передачи пространства в китайской живописи сделаны, вероятно, поэтом, художником и теоретиком живописи Ван Вэем в 760 г. в двух небольших эссе «Тайна пейзажа» (*Шаньшуй (би) цзюэ* 山水訣) и «Рассуждения о пейзаже» (*Шаньшуй лунь* 山水論), перевод которых выполнил В. М. Алексеев [1934]. Цитаты из его трудов даются по книге П. А. Белецкого в переводах В. М. Алексеева: «Далекий холм сольется с ликом туч, а горизонт небес свой свет с водой соединит... Далекие горы нужно снижать и раскладывать; близким же рощам надо скорее дать

вынырнуть резко... Далекие фигуры все без ртов, далекие деревья без ветвей, далекие вершины без камней; они, как брови, тонки, неясны, далекие течения без волн, они в высотах с тучами равны» [Белецкий, 1957, с. 74].

Очевидно, что в поле зрения архимандрита Палладия не попал один из трактатов Го Си 郭熙 о пространственных построениях в китайской живописи «Линь цюань гаочжи цзи» 林泉高致集 («Заметки о высокой сути лесов и потоков») [Кравцова, 2010]. В Средние века у китайских художников уже давно использовалась передача пространства тремя глубинами, когда на картине выделялись передний, средний и задний планы. Подобный подход отмечался у художников в других культурах при попытках передачи глубины. Дж. Роули пишет: «Древние художники располагали свои плоские планы ярусами, словно галереи в старинных театрах, и помещали планы на более высоком уровне для обозначения ухода в глубину. Эта условность сохранилась во многих картинах эпохи Ренессанса» [Роули, 1989, с. 99].

В выполненном Е. В. Завадской переводе книги «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» («Цзецзыюань хуачжуань» 芥子園畫譜, 1679–1818 гг.) в сопровождающей за ее авторством статье-комментарии в разделе «Теория пейзажа» дан детальный обзор трактата Го Си [Слово о живописи ... , с. 391–401]. Трактат был составлен его сыном Го Сы по фрагментам записей отца в виде пяти частей, с наиболее важной первой, названной «Шаньшуй сюань» («Заметки о пейзаже»). В конце первой части изложены ключевые понятия Го Си о воздушной перспективе в изображении пейзажа в виде теории *сань юань* 三遠 (три дали). В общем случае под воздушной перспективой подразумевалась передача глубины пространства увеличением размытости контуров изображаемых объектов по мере их удаления. В трактате Го Си воздушная перспектива включала: *гао юань* 高遠 (высокие дали), когда взгляд на гору направлялся снизу вверх; *шень юань* 深遠 (глубокие дали), когда взгляд направлялся сверху вниз; *пин юань* 平遠 (ровные дали), когда взгляд на горы шел над низкими холмами. Именно в таком порядке можно было интерпретировать выделение ближнего, среднего и дальнего планов. В своей книге Дж. Роули напомнил, что подобное определение «трех далей» художник XII в. Хань Чжо дополнял разновидностями *го юань* 廣遠 (широкие дали), когда взгляд охватывал близкий берег, водный простор и горы вдалеке, *ми юань* 失遠 (теряющиеся дали), когда взгляд падает на окутанные туманом горы, с неразличимой водой и равниной, *юй юань* 余遠 (уединенные дали), когда взгляд не различает объекты [Роули, 1989, с. 112]. Следует отметить, что использование воздушной перспективы для усиления иллюзии пространственности было известно и в европейской живописи в те же исторические периоды.

Замечание архимандрита Палладия о том, что «при архитектурной живописи заметно еще более грубости и неправильности», отсылает к использованию в китайской живописи так называемой аксонометрии, или параллельной перспективы, при изображении на картинах и свитках относительно близких открытых пространств в застройке, отдельных зданий и сооружений. По мнению Л. В. Мочалова, такой прием получил законченное развитие в живописи средневекового Китая, обеспечивая позицию отстраненности и удаленности взгляда зрителя на изображаемое [Мочалов, 1983, с. 56]. При этом вид с возвышенного положения делал незаметными перспективные сокращения, создавая глубину путем заслонения ближними объектами более удаленных и формируя последовательно удаленные планы. Подобная аксонометрическая объемность изображения не требовала дополнительной моделировки форм, связанной со светотенью. Именно поэтому в китайской живописи практически отсутствовали эффекты солнечного света и тени. Мочалов, например, обобщая философские трактовки искусствоведов, заключал: «Вообще тот факт, что китайские художники, увидевшие атмосферу, воздух, туман, мглу, снег, дождь, наконец луну, не увидели солнце, не увидели солнца и тени, на первый взгляд поражает и кажется загадочным. В китайском искусстве светотеневая характеристика предмета “снималась”, выносилась за скобки как нечто, не имеющее собственной субстанции, случайное. Туман, мгла, дымка – явления ощутимые, почти осязаемые; свет – неосязаем, неошутим, переменчив» [Мочалов, 1983, с. 64].

Известно, что аксонометрия, как и обратная перспектива, составляющие одну из сторон естественного зрительного восприятия, математически логично вытекают из общей теории научной перспективы. Показавшаяся архимандриту Палладию «неправильность» или условность аксонометрии как способа изображения во многом связана с тем, что аксонометрия, как и обратная перспектива, в европейском представлении остались в античности и Средневековье. В работах Б. В. Раушенбаха было показано, что в общей теории перспективы аксонометрия и обратная перспектива описываются теми же уравнениями, что и линейная перспектива, а их использование вполне разумно согласуется с естественным видением человека [Раушенбах, 1980; Раушенбах, 1986; Раушенбах, 2001]. Об этом сказано: «Параллельная перспектива (аксонометрия) является правомерным частным случаем общей системы перспективы. Она закономерно возникает дважды: при изображении небольших и близких объектов и при передаче не слишком больших и сильно удаленных объектов. Это свойство аксонометрии – быть уместной для очень близкого и далекого планов, – вероятно, способствовало тому, что она завоевывала и средний план, как это случилось в средневековом китайском искусстве» [Раушенбах, 2001, с. 96]. Дополнительное подтверждение такого заключения обнаружива-

ется в примерах использования приемов аксонометрии и обратной перспективы в средневековой китайской живописи в работе, посвященной обзору приемов передачи глубины на картинах и свитках [Белозерова, 2012]. В этой же работе предпринята попытка сравнить терминологически не всегда однозначные представления о передаче пространства в китайской живописи с известными из теории перспективы: «Теория “трех далей” соотносилась китайскими авторами, прежде всего, с пейзажным жанром *шань-шуй* 山水 “горы и воды”, а линейная перспектива – с жанром архитектурного пейзажа *цзехуа* 界畫 “живопись по линейке”, имевшего не самый высокий статус. Остается предположить, что знания по перспективе передавались изустно, при этом самого термина “перспектива” не существовало, как и термина “пространство”. Вместо последнего использовался бином *сюй-ши* 虛實 “пустое – заполненное”» [Белозерова, 2012, с. 373].

На подобном сравнении следует ограничиться, поскольку в традиционно канонизированной и консервативной китайской живописи отсутствовали представления как о закономерностях естественного зрительного восприятия, так и о перцептивном пространстве (пространстве зрительного восприятия). Художники не видели в них необходимости, поскольку зритель должен был увидеть в изображаемых сюжетах их творческие поиски и находки в попытках воплощения известного ряда догматов даосизма и конфуцианства. В книге В. В. Малявина «Пространство китайской цивилизации» помещено приложение «Джордж Роули о пространстве в китайской живописи», где давался их детальный разбор с точки зрения европейского постренессансного подхода [Малявин, 2014]. По сути, это очередное повторение упомянутой выше книги Роули, но только второй главы «Стиль». Роули высказывался достаточно прямолинейно: «Поскольку китайцы не разделяли европейских подходов к тайне художественного творчества, будь то наука, изучающая механические аспекты изображения, эстетика, занимающаяся природой прекрасного, или психология, выявляющая мотивации выражения, термины, посредством которых мы определяем основные свойства картины, такие как единство, уравновешенность, масштаб, сочувствие, а также категории прекрасного, возвышенного отсутствуют в сочинениях китайских критиков. Вместо этого китайцы пользовались терминами, заимствованными из лексикона поэзии и каллиграфии или же, когда они старались поведать о невыразимых качествах живописи, восходившими к традициям мистицизма» [Малявин, 2014, с. 312]. В числе используемых догматов упоминались: *ци*, или дух, обозначающий полноту присутствия Дао; *цзы-жань*, или естественность; *и*, или произвольность; *ли*, или всеобщие принципы; *гу-фа*, или костяк образа; *ши*, или изобразительная реальность; *цзин*, или время года; *шен-дун*, или движение жизни; *би*, или кисть и ее сила; *мо*, или тушь и ее качества; *кай-хэ*, или единство целого; *ин-янь*, или единство противоположностей; *чжан-фа*,

или композиция; *ци-фу*, или построение картины по глубине; *лун-мо*, или построение картины по плоскости; *кун*, или пустоты [Малявин, 2014].

В свою очередь, для европейской живописи следование ренессансной системе перспективы при передаче глубины изображаемого пространства требовало допуска определенных отклонений и искажений [Раушенбах, 1986]. Можно упомянуть неизбежность искажений передаваемого без разрывов картинного пространства, в отличие от китайской живописи с органичными пустотами и разрывами. Однако в перцептивной системе перспективы удалось решить задачу представления любой точки изображаемого пространства. Художник получил возможность минимизировать отклонения в передаче геометрии зрительного восприятия путем выбора или усиления нужных признаков глубины, учитывать способность неискаженной передачи объема и формы в аксонометрии и обратной перспективе сравнительно небольших и близких предметов. По заключению Б. В. Раушенбаха, «любая научная система перспективы обязательно содержит ошибки, и поэтому при искусствоведческом анализе надо сравнивать перспективные построения с естественным зрительным восприятием, а не с какой-либо системой, принимаемой за научно правильную, даже ренессансную» [Раушенбах, 1986, с. 125].

В попытках определить подобие в передаче пространства в китайской и европейской живописи приходится с неизбежностью упоминать о духовных основах, на которые обычно ссылаются культурологи. В китайской живописи привычно начинать с даосизма, фундамента всего сущего, подкреплять его гуманитарными догматами конфуцианства и растворять их вместе в бесконфликтном обволакивающем буддизме. В европейской живописной традиции доминировали две парадигмы: сначала теократическая с идеей «бог создал человека», а затем ренессансная с идеей «человек создал бога». Но в результате, для понимания художественных приемов передачи глубины изображаемого пространства на плоскости картины, на первый план выдвигались представления о соответствии используемых живописных приемов естественному зрительному восприятию [Калихман, 2003].

В «Книге прозрений» В. В. Малявин предваряет главой «Душа китайского художника» следующую далее в его же переводе книгу Дж. Роули «Принципы китайской живописи». В качестве противовеса детальному анализу Роули принципов передачи пространства Малявин утверждает, что «китайская картина – это не копия какого бы то ни было предмета материального или идеального мира, а пространство “совместного рождения” (*бин шен*) всего сущего – пространство активное, энергетически заряженное и функциональное по своей природе» [Книга ... , 1997, с. 194]. В другой книге утверждается, что «реальность пространства в китайской культуре – это не идея, не форма, не сущность, не субстанция и даже не

факт, а, скорее, нечто удостоверяемое самим фактом ее не-данности» [Малявин, 2014, с. 8]. Остается предположить существенную удаленность в китайской культуре художественной и научной модели мироздания, в отличие от европейской. При этом большинство знатоков китайской живописи в своих работах обязательно подчеркивают необходимость глубокого погружения в философские и психологические истоки изобразительного своеобразия, включающего эстетические начала каллиграфии, поэзии и музыки, декорирования, символики.

Именно подобного погружения, по-видимому, не хватило архимандриту Палладию, решившемуся на публикацию собственных оценок китайской живописи. Некоторым оправданием таких оценок, данных полтора столетия назад, могли бы стать не менее прямолинейные и безапелляционные высказывания автора книг о культуре Китая в начале прошлого столетия Анны Столповской: «Живопись у китайцев отличается чистотой исполнения и яркостью красок, но вовсе не даровитостью композиции и не чувством изящества в контурах. Она выражается не в монументальных фресках, а служит только украшением для мелких вещей: фарфоровых чашек, ваз и подносов, или выполняется в небольшую всегда величину на рисовой бумаге. Сюжетами для изображения, из уважения к церемониалу и установленному обычаю, служат, большей частью, картины из семейной китайской жизни, а где изображение захочет быть поживее, там оно впадает в гримасу или пошлость. О перспективе нет ровно никакого понятия, моделировки очень мало; но в оправдание себя китайцы говорят по этому поводу, что тень есть нечто случайное, что ею только мутится живость красок. Не признавая, чтобы живописец передавал лишь со своей точки зрения тот образ вещей, который рисуется в собственном глазу его, они уверяют, что перспективное умаление свойственно только недостаточности наших зрительных органов и что гораздо вернее изображать так, как они есть, не уменьшая отдаленных» [Столповская, 1891, с. 332–333].

Литература

- Алексеев В. М. Выставка китайской живописи: каталог. Л. : Изд. Гос. Эрмитажа, 1934. С. 45–47.
- Белецкий П. А. Китайское искусство. Очерки. Киев : Изд-во изобр. иск. УССР, 1957. 207 с.
- Белозерова В. Г. Пространственные построения в китайском изобразительном искусстве от Хань до Тан // Общество и государство в Китае : XLII науч. конф: Т. 2 / Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2012. С. 373–379.
- Калихман А. Д. Пространственные построения в рисунке и живописи. Курс лекций. Иркутск : ИрГТУ, 2003. 99 с.
- Книга Прозрений / сост. В. В. Малявин. М. : Наталис, 1997. 448 с.
- Кравцова М.Е. Го Си // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. 2010. С. 554–556.
- Малявин В. В. Пространство в китайской цивилизации. М. : Феория, 2014. 372 с.
- Мочалов Л. В. Пространство мира и пространство картины. М. : Советский художник, 1983. 365 с.

Отец Палладий. Китайская живопись // Записки СОИРГО, кн. IX–X, Иркутск, 1867. С. 592–598.

Раушенбах Б. В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб. : Азбука-классика, 2001. 320 с.

Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. М. : Наука, 1980. 288 с.

Раушенбах Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М. : Наука, 1986. 256 с.

Роули Дж. Принципы китайской живописи ; пер. с англ. и послесл. В. В. Малявина. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 160 с.

Слово о живописи из сада с горчичное зерно / пер. и коммент. Е. В. Завадской. М. : Изд-во В. Шевчук, 2001. 509 с.

Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. М. : К. Т. Солдатенков, 1891. 477 с.

УДК 502(571.53)

Т. П. Калихман (Иркутск)

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОХРАНА ПРИРОДЫ УЛАН-БАТОРА

Аннотация. Анализируется состояние экологического каркаса столицы Монголии по состоянию на 2020 г., в том числе его «коричневой» (промышленные и транспортные зоны) и «зеленой» частей: особо охраняемых природных территорий и иных озелененных участков. Приведена классификация составляющих зеленой части каркаса. Важным компонентом признаны связующие элементы между узлами каркаса. Продемонстрирован диссонанс кажущегося благополучия в интегральных формальных величинах площади озеленения города с проблемами достижения показателей озеленения на уровне жилых микрорайонов давно существующей и новой застройки.

Ключевые слова: агломерация Улан-Батора, озеленение города, национальный парк, строго охраняемая территория, парки.

T. Kalikhman (Irkutsk)

V. B. Sochava Institute of Geography of SB RAS

TERRITORIAL NATURE PROTECTION OF ULAN-BATOR

Abstract. The purpose of the article is to analyze the state of the ecological framework of the capital of Mongolia as of 2020, including its “brown” (industrial and transport zones) and “green” part: specially protected natural areas and other green areas. The classification of the components of the green part of the frame is given. The connecting elements between the frame nodes are recognized as an important component. The dissonance of apparent well-being in the integral formal values of the green area of the city with the problems of achieving greening indicators at the level of residential microdistricts of long existing and new buildings is demonstrated.

Keywords: agglomeration of Ulaanbaatar, landscaping of the city, national park, strictly protected area, parks.

Улан-Батор – это официально выделенная административная единица – «столица государства», имеющая строго определенную границу и состоящая из трех кластеров (собственно Улан-Батор с окрестностями, включающими г. Налайх и иные поселки, а также два отдельных участка, ставших административными округами Улан-Батора: г. Багануур с прилегающими территориями и участок вокруг пгт/станции Багахангай) [Мон-

гол Улсын ... , 2013]. Население города по состоянию на конец 2020 г. соответствует следующим показателям: 844 818 человек в собственно Улан-Баторе и более 1,5 млн – в Большом Улан-Баторе.

Оценка количества и качества экологического каркаса города базируется на представлениях о территориальной охране природы, или деятельности по сохранению, поддержанию и восстановлению природной среды на специально выделенных участках при существенном ограничении использования природных ресурсов [Калихман, 2011]. Составными элементами «зеленого каркаса», помимо особо охраняемых природных территорий (ООПТ), являются парки, скверы, бульвары, а также городские леса, лесопарки, участки пригородных лесов. Общие требования к наличию и функциональности зеленых зон декларируются в Градостроительном кодексе, в соответствии с которым обязательно выделяются зоны рекреационного назначения и зоны особо охраняемых территорий, а также частично зоны специального назначения (например, территории кладбищ). В состав зон рекреационного назначения могут включаться участки, занятые городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, береговыми полосами водных объектов общего пользования, а также другие территории, используемые и предназначенные для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом.

Анализ основывается на представлениях об иерархии элементов «зеленого каркаса» городов. При этом проблему составляет разнородность базовых сведений о существующих зеленых зонах и ООПТ внутри агломераций между составляющими их населенными пунктами. В связи с этим стало необходимым выявление классифицирующих признаков природных участков, составляющих «зеленый каркас» города. Главный показатель классификации природоохранных территорий – это их институциональность, а именно наличие принятых решений различного уровня (общегосударственного, регионального, муниципального) в отношении отдельных участков. Второй показатель – категория природного участка, связанная с наличием уровня строгости природоохранного режима. Третий – соответствие декларируемого и реального использования природного участка.

В соответствии с первым критерием «зеленый каркас» крупного города, как показало исследование Улан-Батора, включает следующие структурные компоненты территориальной охраны природы:

– особо охраняемые природные территории, имеющие статус и категорию в соответствии с перечнем, специально установленным законами об ООПТ; закон в данном случае может быть как общегосударственный, так и региональный;

– охраняемые природные территории, выделяемые в соответствии с иными, не обязательно природоохранными законами, постановлениями, распоряжениями, приказами и сводами правил;

– участки, представляющие собой ценные природные объекты города и управляемые муниципалитетами при условии создания специальных структур для сохранения рекреационных и оздоровительных ресурсов и других целей;

– участки, которые важны для оздоровления окружающей среды, относящиеся к сложившимся природным объектам города, но не имеющие охранного статуса.

Структура экологического каркаса

Экологический каркас города составляют его зеленая часть (ООПТ, парки, зеленые зоны, городские леса и пр.), а также «коричневая» (промышленные и транспортные зоны).

Три кластера территории «столицы государства» занимают общую площадь 470 440 га. 13 ООПТ с официальным особым природоохранным статусом составляют 225 781,8 га, или 48 % от общей площади Улан-Батора (табл.). Помимо ООПТ важными природоохранными участками являются особые для горожан исторические и природные объекты.

Следует отметить, что, несмотря на значимость доли зеленой части каркаса, распределение озеленения в границах «Большого Улан-Батора» неравномерно. Так, в наиболее населенной центральной части города озеленение крайне скудно.

Таблица

Перечень ООПТ в границах Улан-Батора

№ п/п	Категория	Наименование	Год организации	Площадь, га	Местоположение	Примечание (срок функционирования, лет)
Общегосударственные						
1	Строго охраняемая территория	Богдхан уул	1957	42 192,36	Улаанбаатар, Хан Уул и Баянзүрх дүүрэг; аймак Төв, Сэргэлэн сомон	Впервые была создана в 1778 г.
2	Национальный парк	Горхи-Тэрэлж	1995	293 535,45	Улаанбаатар, Налайх дүүрэг; аймак Төв, Эрдэнэ сомон	В границы города входит частично
3	Природный резерват	Баянзүрх уулын	1997			
4	Природный резерват	Чингэлтэй Хайрхан уул	2012	4 385,56	Улаанбаатар, Чингэлтэй дүүрэг	
5	Природный резерват	Сэлбэ голын эх	2012	2071,5	Улаанбаатар	

Окончание табл.

№ п/п	Категория	Наименование	Год организации	Площадь, га	Местоположение	Примечание (срок функционирования, лет)
Общегородского подчинения						
6	Столичная (Нийслэлийн) ООПТ	Мааньт	2000	23,8500	Улаанбаатар (Багахангай)	Бывший советский аэродром
В ведении административного района города						
7	Районная (Дүүргийн) ООПТ	Гөлтгөнө-1	2000	23,85	Улаанбаатар (Багахангай)	(15)
8		Сонгино Хайрхан уул	2013	691,70	Улаанбаатар (Сонгинохайрхан дүүрэг)	
9		Бурхантын ам	2013	466,39	Улаанбаатар (Сонгинохайрхан дүүрэг)	
10		Гөлтгөнө-2	2016	9,71	Улаанбаатар (Багахангай)	(15)
11		Улаан худаг-1	2016	3,9800	Улаанбаатар (Багахангай)	(15)
12		Улаан худаг-2	2016	12,4200	Улаанбаатар (Багахангай)	(15)
13		Өндөртөлгойн баруун урд	2016	4,0400	Улаанбаатар (Багахангай)	(5)
Священные и исторические объекты, расположенные на природной части города						
14	Памятник истории и культуры	Мэргэн Тоньюкукын гэрэл хөшөө, бунхант булш				
15		Гүнжийн сүм				
16	Священные горы	Цэцэгун Оргил уул				
17		Сонгино Хайрхан уул				
18		Чингэлтэй уул				
19		Баянзүрх Хайрхан Уул				
Парк с совместным управлением в ведении мэрии						
20	Парк в курортной зоне	Сэлбэ голын эх	2018	2 071,5	Улаанбаатар (Сухбаатар)	Без статуса ООПТ

В ходе исследований отмечено, что территориальная охрана природы обеспечивается на разных уровнях. Крайне редкой можно считать ситуацию, сложившуюся в Улан-Баторе, когда в границы городской территории входят участки с наиболее строгим природоохранным режимом (соответствующим российским заповедникам) и часть национального парка.

Например, самая крупная в Улан-Баторе ООПТ строгого природоохранного режима «Богд-Хан уул», известная как самая древняя из упоминаемых в письменных источниках (1778 г.) и считающаяся священной [Калихман, 2007]. Но положения общегосударственного закона об ООПТ соблюдаются не всегда [Mongolian Environmental, 1996], и даже строго охраняемые участки могут подвергаться заметным антропогенным воздействиям: вырубке леса, пожарам, повышенным посетительским нагрузкам, добыче кедрового ореха с серьезными последствиями для деревьев сосны сибирской (*Pinus sibirica*) [Савенкова, 2002] и лиственницы сибирской (*Larix sibirica*) [Цэндсүрэн, 2009]. В западной части заповедника в конце XX в. возникли многочисленные турбазы, с северной стороны в нижней части руч. Зайсан Толгой за последние 10 лет появились целые многоэтажные микрорайоны (район Гандан площадью 57 га выделен постановлением Хурала в 2001 г., здесь проживает более 900 семей, 90 % земельных участков находится в частной собственности), пять горнолыжных курортов с использованием искусственного снега, на северо-восточной оконечности – площадка на 18 лунок гольф-клуба «Маунт Богд гольф» [Улаанбаатар хотыг, 2013]. В пределах национального парка «Горхи-Тэрэлж» помимо существующих многочисленных туристских баз появились так называемые дачи – огороженные участки, где в теплое время года действуют фактически не управляемые дирекцией ООПТ юрточные зоны отдыха.

Кроме ООПТ и городских лесов в черте города расположены Государственный ботанический сад (18 га) [Кузеванов, Энхтуя, Очгэрэл, 2021], Национальный парк культуры и отдыха (35 га) и относительно значимые по площади озелененные скверы: между проспектом Мира и площадью Сухэ-Батора, Дома Правительства, Государственного университета Монголии, Посольства Китая, Детский сад им Д. Сухэ-Батора. Помимо названных озелененных участков в мэрии Улан-Батора составлен перечень всех значимых для озеленения города скверов, газонов, дворов, небольших зеленых уголков, которых насчитывается более сотни. В центре Улан-Батора наиболее известны участки на бульварах Нарны, Ж. Самбууг, Энх Тайван, Бээжинг.

Город находится в географической зоне перехода тайги к лесостепи. Городские леса Улан-Батора – это включенные в границы поселений и сохранившиеся в окрестностях городов лесные насаждения, а не специально выращенные лесные угодья в границах города, как это наблюдается, например, во многих европейских странах или в Японии и Южной Корее.

Леса зеленой зоны городов выполняют значительные социально-экономические, санитарные и рекреационные функции, защищая город от неблагоприятных природных явлений, уменьшая шум, очищая воздух, улучшая микроклимат, образуя благоприятные условия для отдыха, занятий спортом, кратковременных прогулок и туристских походов. Ухудшению

состояния городских лесов способствует застройка, в том числе нелегальная, отрицательные тенденции для состояния древостоев обусловлены такими основными антропогенными воздействиями, как пожары, рубки и механические повреждения, загрязнение воздуха и рекреационная нагрузка.

В границы Улан-Батора входят леса окружающих его возвышенностей. Близость мегаполиса со значительным населением сказывается на состоянии лесного фонда. Площади лесов сокращаются, их состояние ухудшается [Цэндсүрэн, Нандин эрдэнэ, Амартувшин, 2016], что связано с быстрым ростом заселяемых городских участков при массовом переселении сюда из скотоводческих местностей представителей разорившихся домохозяйств. Массовый падеж скота – основного источника дохода домохозяйств – наблюдался во время нескольких многоснежных и очень холодных зим (1999–2000 гг.; 2009–2010 гг.; 2017–2018 гг.). Районы проживания переселенцев представляют собой юрточную застройку, отапливаемую углем, поднимающуюся все выше по склонам гор на северной, западной и восточной оконечностях города. По данным последней переписи населения, число жителей юрточной части города увеличилось с 359 297 чел. в 2000 г. до 717 446 чел. в 2010 г., а соотношение благоустроенного жилья и юрточной застройки менялось, соответственно, от 80,2 и 19,8 % в 1999 г. до 38 и 62 % в 2009 г. [Улаанбаатар хотыг ... , 2013]. В настоящее время ситуация еще более осложнилась, поскольку жители этих районов не всегда в состоянии приобрести благоустроенное жилье.

Преобладающая порода в лесах Монголии – лиственница сибирская. Она широко распространена на значительном протяжении вдоль северной границы страны от Улангома на западе до среднего течения Онона на востоке. В качестве примеси в лиственничных насаждениях встречаются сосна обыкновенная, кедр сибирский, реже ель, береза плосколистная (особенно в местах вырубок) и осина. В поймах рек растут тополь лавролистный, различные виды ив и кустарниковые березы, в горных долинах и по берегам временных потоков – вяз приземистый. Сосна занимает значительные площади в Восточном, Хэнтэйском, Селенгинском и частично Центральном аймаках, а также встречается в виде примеси к лиственнице.

Законом о лесах (1957 г.) были выделены запретные лесные полосы шириной 5 км вдоль крупных рек, а также установлены защитные полосы до 1 км шириной вдоль железных и шоссейных дорог. Тогда были намечены зеленые зоны вокруг городов: Улан-Батора (радиусом 50 км), Сухэ-Батора и Зун-Хора (радиусом 25 км), аймачных центров (радиусом 15 км), госхозов и других населенных пунктов (радиусом 10 км). Были регламентированы объемы и правила рубок, лесная таксация, определены меры по охране лесов и лесных пастбищ от пожаров. Все леса государственные. Лесохозяйственная деятельность координировалась Министерством лесов

и деревообрабатывающей промышленности МНР. В 1990-х гг. лесное хозяйство находилось на хозрасчете и финансировалось за счет 15 % таксовой стоимости леса, разрешенного для рубки.

Изучение состояния лесов, вошедших в границы столицы Монголии, показало существенное различие между различными их участками. Общая площадь лесного фонда зеленой зоны города составляет 227 263 га, из них площадь городских лесов занимает 212 442 га (93,48 %), а незалесенная площадь – 14 821 га (6,52 %) [Удвал, Батхуу, Цэндсүрэн, 2016]. Из общей площади городских лесов в официальных документах мэрии указано, что реально покрыто лесом 171 935 га (81,0 %) и 40 507 га (19,0 %) не покрыто. По лесоустроительным материалам 1998 и 2008 гг. покрытая лесом площадь сократилась на 15,6 тыс. га, из них 7,3 тыс. га поражены пожарами, 1,8 тыс. га вырублены и 5,4 тыс. га повреждены насекомыми. К настоящему времени общая площадь лесов столицы составляет 116 257 га. Таким образом, лесная площадь зеленой зоны Улан-Батора подвергается существенной деградации под влиянием антропогенных факторов. На схеме показано соотношение лесов и селитебной зоны города, на рисунке представлен фрагмент карты лесоустройства Улан-Батора.

Заметно, что в центре города существенных по площади лесных участков нет, хотя предпринимаются попытки высаживать хвойные деревья вдоль улиц (в основном сосна обыкновенная, лиственница сибирская), и даже в некоторых случаях ель сибирскую, причем, как правило, крупномерные экземпляры. Территория муниципальных лесных охраняемых территорий, т. е. на уровне районов города, сопоставима с площадью лесов строго охраняемой территории «Богд-хан уул» (19,4 %) и лесами зеленой зоны вокруг города, причем последние имеют максимальную площадь.

В период 2000–2016 гг. в лесном фонде вокруг Улан-Батора произошли значительные негативные изменения. Основные факторы, способствующие этому процессу: лесные пожары, незаконные рубки, повреждения (особенно кедровые насаждения в период сбора ореха), распространение инвазионных заболеваний, хаотичная застройка. Все эти тенденции в последние годы только усилились. Кроме того, отметим, что в мэрии нет специального лесного департамента, а только отделы по озеленению города и по ООПТ, которые занимаются и вопросами лесоведения. Таким образом, современное состояние городских лесов Улан-Батора требует систематизации и активизации мероприятий по их охране, поддержанию и восстановлению.

По инициативе президента Монголии У. Хүрэлсүха 4 октября 2021 г. в Монголии стартовало национальное движение «Миллиард деревьев», направленное на борьбу с опустыниванием и изменением климата [Диркес, Жангар, 2022]. Его цель – восстановление пострадавших лесных участков, а также озеленение городов.

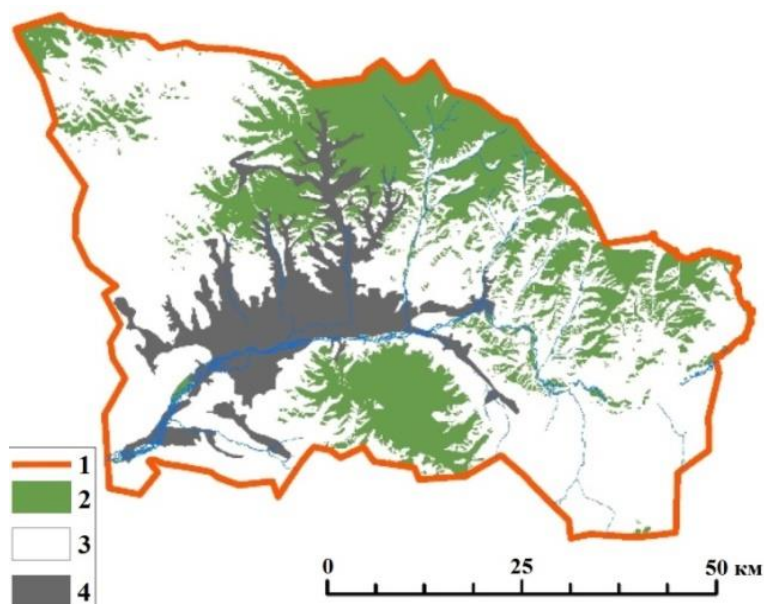

Рис. Соотношение площади лесов и селитебной зоны Улан-Батора
Условные обозначения: 1 – граница г. Улан-Батора, 2 – зона лесов, 3 – зона степей и иных незалесенных территорий, 4 – селитебная зона

Альтернативные составляющие озеленения

Помимо ООПТ, городских лесов, парков, скверов и бульваров, в городах в «зеленую» часть экологического каркаса входят озелененные территории курортов и санаториев (зоны отдыха и курортные зоны), а также действующих, закрытых и мемориальных кладбищ (так называемой зоны специального назначения).

Официально в Улан-Баторе курортных зеленых зон в пределах жилой застройки нет. Но в северной части города, в административном районе Улан-Батора Сухбаатар, создан *парк совместного управления* «Сэлбэ голын эх» («Источник р. Сельбе, впадающей в р. Туул»). Он расположен вокруг курорта «Борный» (боросиликатные целебные источники) и, по сути, является рекреационным парком. Парк уникален в смысле организации охраны территории. Граждане города подписали петицию о необходимости сохранения этого участка природы в городской черте, затем руководство хурала представителей граждан обсудило петицию и сделало объявление о регистрации верховьев р. Сельбе общей площадью 2 071,5 га в качестве природного парка вокруг курорта и поручило городской мэрии

взять под контроль его охрану совместно с жителями города, общественными организациями, частными предпринимателями. Проект решения о регистрации территории р. Сельбе был представлен хуралу представителей граждан и принят хуралом 2012 г. Общая площадь бассейна р. Сельбе составляет 342,2 км², она расположена в наиболее густонаселенном юрточном районе города. Уровень загрязнения почвы и воды в реке существенно растёт по мере ее течения с севера на юг, т. е. при приближении к центру столицы. В плане классификации уровней зеленого каркаса города парк «Сэлбэ голын эх» представляет собой некое промежуточное звено между ООПТ, которой он формально не является, городскими лесами (в которых он расположен) и городскими парками. По сути, это рекреационный природный парк для оздоровительных и познавательных прогулок с обустройством территории: автостоянки на въезде в парк с целью запрета въезда на территорию, создание санитарной зоны для сбора мусора и обеспечения бытовых нужд посетителей, дорожек для пешего перемещения по территории и пр. [Selbe river ... , 2012; Батсайхан, 2018].

Территории кладбищ обычно представляют собой существенные по площади «зеленые острова» среди сплошной застройки городов. В Улан-Баторе находятся следующие кладбища: Наран (100 га), Чимээгүй хот (0,05 га), Далан-Давхар (0,5 га), мемориальное русское, или Семеновское, на ул. Б. Доржи (0,03 га), микрорайона Нисэх (0,04 га), «Нью семетри» (0,5 га), Улаанбаатар Буян (0,2 га), три кладбища района Баянзурх (19-й микрорайон – 50,5 га, около Хужирбулана – 0,33 га, Баяндухум – 0,01 га), а также мемориальное Алтан-Ульгий (0,05 га). Следует отметить, что кладбища здесь традиционно представляют собой слабоозелененные сухостепенные участки.

Связующими элементами узлов «зеленого каркаса» города должны стать линейные структурные элементы: приречные зоны (набережные, пляжи, аквапарки), бульвары, хорошо озелененные улицы. Живописные острова в акватории реки и пока частично обустроенные набережные имеют главные городские реки в Улан-Баторе: р. Туул с притоками Сэлбэ, Дунду-Гол, Баянзурх и Улиастай.

«Коричневая» часть экологического каркаса

В противовес «зеленому каркасу» в городах присутствует «коричневая» [From Brown ... , 2013], или промышленно-техническая, составляющая общего экологического каркаса (промышленные, транспортные и складские зоны, гаражные кооперативы, мусорные полигоны и пр.).

В Улан-Баторе существуют три сертифицированные свалки отходов: Цагаан Даваа, Морингийн энгэр и самая крупная – Нарангийн энгэр (100 га). Наносит вред окружающей среде и уже захороненная в 2008 г. свалка Улаан-Чулуут (8 га). Действуют еще три точки для сбора мусора в пригороде. Накопившиеся проблемы мусорных полигонов (их перезагру-

женность; протесты населения из-за землеотводов под захоронение мусора; появление отравленных зон вокруг мусоросжигающих заводов с низкой температурой сжигания отходов) решаются медленно. Администрация города решила очистить и реабилитировать две крупнейшие свалки (Улаан-Чулуут и Цагаан-Даваа) и превратить их в зеленые парки. Кроме того, на них планируется построить заводы по переработке и высокоэффективному безопасному сжиганию твердых отходов; ожидается, что строительство должно быть завершено в 2022 г. [Нарангийн энгэр ... , 2014].

Традиция российских городов устраивать довольно большие по площади гаражные кооперативы в Улан-Баторе не наблюдается. Промышленность города в основном связана с легкой и пищевой отраслями. Значительными в смысле загрязнения атмосферы и по площади признаны территории нескольких теплоэлектростанций.

Впечатляет цифра в 48 % для Большого Улан-Батора за счет включенных в состав столицы прилегающих участков лесов. В этом случае речь может идти скорее не о количественном показателе, а о важности его качественного роста, особенно о необходимости озеленения внутри городской застройки, которой интенсивно ведется.

Озеленение Улан-Батора осуществляется в соответствии с Генеральной схемой зеленых насаждений, разработанной и утвержденной в 1990 г. Согласно этому документу, на одного человека здесь должно приходиться 15 м² к 2010 г. и 20 м² к 2020 г. [Улаанбаатар хотыг ... , 2013]. Следует отметить, что, хотя численность населения Улан-Батора в последние 20 лет быстро увеличивалась, количество и площадь участков зеленых насаждений в городе почти не росли, составляя суммарно 303 119 га. Реальные показатели суммарного озеленения городов, в десятки раз превышающие формальные «душевые» нормативные показатели, тем не менее в очень редких случаях могут соответствовать конкретным районам жилищной застройки, торговым, культурным, офисным и производственным участкам. Детально подобная ситуация рассматривалась в единственной статье [Озеленение крупных городов ... , 2018], где отмечалось, что по состоянию на 2018 г. из 1 118 обследованных объектов озеленения на девяти типах территорий (парки, участки вокруг общественных зданий, образовательных учреждений и учреждений здравоохранения, в жилой застройке, водохранимые и санитарно-защитные зоны и др.) только 13 % условно соответствовали регламенту нормативных требований и показателям состояния и качества озеленения. Еще около 20 % отмечались как почти соответствующие, т. е. насаждения и структура озелененной территории имели 50 % соответствия нормам. Около 40 % обследованных объектов вообще не имели насаждений, на остальных 27 % посадки были отмечены единично.

Результаты нашего анализа ситуации демонстрируют определенный диссонанс кажущегося благополучия в интегральных формальных величинах площади озеленения городов с проблемами достижения показателей

озеленения, нормируемых документами по градостроительству, на уровне жилых микрорайонов давно существующей и новой застройки. Обычно в большом городе на 1 человека должны приходиться минимальные 10 м² озелененных территорий.

Тем не менее формирование городского зеленого каркаса путем как создания новых территорий озеленения, так и сохранения существующих, не противоречит требованиям достижения нормативов на уровне локального озеленения. Остается актуальным требование создания зеленых коридоров, или транзитных зон, связывающих узлы экологического каркаса города. Важными являются перевод существенных по площади «коричневых» зон городов в зеленые, а также систематизация сохранения городских лесов.

Таким образом, выполненный анализ потенциала озеленения позволил определить необходимость существенного сдвига от количественных к качественным показателям, а также требования и возможность перевода и трансформации отдельных коричневых зон в структуру зеленой части экологического каркаса города.

Литература

Диркес Дж., Жангар Ц. Почему Генеральный секретарь ООН сажал деревья в Монголии? Участие Антонио Гутерриша в церемонии посадки деревьев стало важным стимулом для кампании правительства Монголии «Один миллиард деревьев» // CentralAsia.media. URL: <https://centralasia.media/news:1798218?ysclid=16qkyvlhwn845067658> (дата обращения: 21.03.2022).

Калихман Т. П. Особо охраняемые природные территории Байкальского региона // Изв. РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 75–86.

Калихман Т. П. Территориальная охрана природы в Байкальском регионе. Иркутск : Изд-во Института географии СО РАН, 2011. 238 с.

Кузеванов В. Я., Энхтуя Л., Очгэрэл Н. Академический ботанический сад как экологический ресурс для социально-экономического и устойчивого развития Монголии // Hortus Botanicus. 2021. Т. 16. URL: <https://hb.karelia.ru/journal/article.php?id=7685> (дата обращения: 08.04.2021).

Савенкова Т. П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал: Атлас. Иркутск : Оттиск, 2002. 96 с.

Озеленение крупных городов Байкальского региона – Иркутска, Улан-Удэ, Читы и Улан-Батора / А. П. Суходолов, Е. В. Потапова, А. А. Измestьев, И. К. Гусева // Известия БГУ. Экология. 2018. Т. 22, № 2. С. 342–356.

Удвал Б., Батхүү Н., Цэндсүрэн Д. Лесные экосистемы зеленой зоны г. Улан-Батор // Abstracts of International Expert Workshop on Ecosystem Services and Natural Hazards of Mountain Forests in Central Asia. Bishkek (Kyrgyz Republic) : Parks print, 2016. С. 26–28.

Цэндсүрэн Д. Состояние лиственных насаждений (*Larix sibirica* Ledeb.) зеленой зоны г. Улан-Батор и перспективы их рекреационного использования : автореф. дис. ... канд. сельхоз. наук. СПб., 2009. 24 с.

Цэндсүрэн Д., Нандин эрдэнэ Г., Амартүвшин С. Исследование лесных экосистем зеленой зоны г. Улан-Батора (2014–2016 гг.). Научный отчет. Улан-Батор : Ин-т географии и геоэкологии МАН, 2016. 118 с.

Батсайхан Ж. «Сэлбэ голын эх» парк нээгдлээ // МОНЦАМЭ, 2018–12–06. URL: <https://montsame.mn/ru/read/173521> (дата обращения: 21.03.2022).

Монгол Улсын нийслэл Улаанбаатар хотын түүх // Улаанбаатар. URL: <https://www.ulaanbaatar.mn/Home/newsdetail?dataID=3583> (дата обращения: 08.04.2021).

Нарангийн энгэр, цагаан давааны хогийн цэгүүдэд хог боловсруулах үйлдвэр барина // IKON. Next horizon 30.07.2014. URL: <https://ikon.mn/n/8z1> (дата обращения: 08.04.2021).

Улаанбаатар хотыг 2020 он хүртэл хөгжүүлэх Ерөнхий төлөвлөгөөний тодотгол, 2030 он хүртэлх хөгжлийн Чиг хандлага. Нийслэлийн зураг төслийн хүрээлэн тайлан. Улаанбаатар хот: Барилга, Хот байгуулалтын яам, 2013. 187 х.

From Brown Growth to Green: the Economic Benefits of Climate Action // The World Bank, 25.07.2013. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2013/06/25/growing-green-europe-and-central-asia> (дата обращения 08.04.2021).

Mongolian Environmental Laws. Ulaanbaatar : Uyarhan Zambuutiv, 1996. 152 p.

Selbe river area registered as a Natural Reserve, Posted on 29 November 2012. URL: <https://mongolia.panda.org/en/?206883/Selbe-river-area-registered-as-a-Natural-Reserve> (дата обращения: 21.03.2022).

УДК 338.48

О. В. Кумялова (Иркутск)

Иркутский национальный исследовательский
технический университет

ПРОБЛЕМАТИКА СФЕРЫ ТУРИЗМА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Исследуется развитие туристической отрасли в Иркутской области в до-ковидный период и ее состояние в настоящее время. Рассматриваются основные проблемы, препятствующие созданию более благоприятных условий для приема туристов в регионе.

Ключевые слова: въездной туризм, туризм в Иркутской области, пандемия.

O. Kumyalova (Irkutsk)

Irkutsk National Research Technical University

CURRENT PROBLEMS IN THE TOURISM FIELD IN IRKUTSK REGION

Abstract. This article examines the development of the tourism industry in Irkutsk region in pre-COVID-19 period, and its current state. The article considers main problems that prevent the creation of more favourable conditions for the reception of tourists in the region.

Keywords: inbound tourism, tourism in Irkutsk region, pandemic.

Туризм – это сложное и многогранное явление современного информационного этапа развития общества, важная сфера человеческой деятельности. На основании выводов Всемирной туристической организации, туризм должен стать двигателем мировой экономики. Развитие туризма может помочь развитию сопутствующих отраслей, что позволит, в частности, развивать инфраструктуру, увеличить количество рабочих мест, уровень жизни населения в целом.

Въездной туризм все еще находится на стадии развития для нашего региона. В регионе имеются туристические ресурсы, способные как удовлетворить как духовные и культурные потребности туристов, так и содействовать восстановлению и укреплению их здоровья.

Потенциальные возможности Иркутской области позволяют при соответствующем уровне развития туристической инфраструктуры принимать до 2 млн иностранных туристов в год, однако на 2019 г. количество посетивших Иркутскую область иностранных гостей с деловыми, туристическими и частными целями не соответствовало ее туристическому потенциалу, и составило почти 1 млн человек. По данным агентства туризма Иркутской области, наш регион в 2018 г. с туристическими целями посетило 296 тыс. туристов из 10 стран мира, что, по информации экспертов, на 8,5 % больше показателей предыдущего года. С 2016–2018 гг. число иностранных туристов возросло на 10 % [Потенциал ...].

Доходность туризма в Иркутской области достаточно высока, в основном благодаря приоритетному развитию международного туризма, связанному с высокой платежеспособностью иностранных туристов. Однако, в сравнении с иностранными туристами, платежеспособность местного населения и туристов из других регионов России гораздо ниже, что создает определенные препятствия для развития туризма в виде недостатка финансов для улучшения инфраструктуры, облагораживания территории туристических объектов и т. д. В то же время Иркутская область обладает всеми условиями для расширения туристических территорий, развития всех форм туризма. К таким условиям относятся достаточно отлаженная на данный момент инфраструктура, готовность сферы обслуживания к приему туристов из разных стран, высокое качество подготовки специалистов в сфере туризма, имидж Иркутской области как открытого и гостеприимного района.

В развитии туризма в регионе можно выделить несколько тенденций: разработку правил организации туризма и отдыха в Иркутской области; появление в области инвестиционного проекта «Туристско-рекреационный кластер “Ворота Байкала”», реализацию мероприятий по созданию туристско-рекреационного объединения «Байкальское созвездие»; реализацию мероприятий по пресечению незаконной предпринимательской деятельности на Байкальской природной территории в границах Иркутской области и г. Иркутска [Отчет ... , 2019].

При организации туризма, построении туристической отрасли экономики местные власти сталкиваются с такими проблемами, как несоответствие гостиничной базы мировым стандартам; завышенная стоимость на гостиничные и ресторанные предложения в городах; несовершенство законодательного и финансового стимулирования российского въездного и внутреннего туризма на муниципальном и местном уровне.

В регионе сложились основные маршруты и места посещения туристов. К основным можно отнести Иркутск, Листвянку, о-в Ольхон, заливы Малого Моря, КБЖД, Б. Голоустное, Байкальск. Благодаря расширению географии полетов в аэропорт Иркутска, возможности принимать гостей

из разных регионов также выросли. Основу туристического потока составляли граждане КНР (включая Гонконг и Тайвань), Южной Кореи, Таиланда, Японии, США, страны Евросоюза, Монголии.

В целом сфера туризма рассматривалась как динамично развивающаяся отрасль с ежегодным ростом показателей. Ситуация кардинально изменилась в связи с появлением новой коронавирусной инфекции в 2020 г. Пандемия повлияла на всю экономику региона в целом, но наибольшее влияние оказала на сферу обслуживания, куда и относится туристическая отрасль.

2020-й г. был очень тяжелым для всей обслуживающей отрасли региона. В первую очередь из-за того, что были введены ограничения, так, например, с 31 марта по 1 июня было запрещено размещение в гостиницах, а также был введен режим, который затруднял передвижение даже внутри страны.

По оценке специалистов, туристический поток в 2020 г. сократился на 46 %, и в первую очередь это связано с закрытием международных рейсов и карантинными ограничениями, такими как запрет на размещение в гостиницах. Однако следует отметить, что туризм на Байкале носит сезонный характер: ярко выражено два высоких сезона, это зимний Байкал, который начинается с конца декабря и длится по первую декаду апреля, и летний сезон, который начинается с конца мая и длится до середины сентября. Начало действия ковидных ограничений как раз затронуло конец зимнего сезона на Байкале 2020 г., таким образом, выпал практически месяц. К началу летнего сезона большинство ограничений были уже сняты либо значительно смягчены, кроме того, произошло перераспределение и импортозамещение отечественными туристами, которые выбрали Байкал как цель своего путешествия, таким образом, с середины июня турпоток наладился и вышел практически на допандемийный уровень по показателям за аналогичный период 2019 г. В целом, если сравнивать 2019 и 2020 гг., количество туристов, посетивших Байкал с января по сентябрь, составило 1 278 000 и 663,7 тыс. туристов соответственно [Туристический поток ...].

Несмотря на, казалось бы, неплохую ситуацию с российскими туристами, рынок услуг на Байкале в первую очередь был ориентирован на иностранного потребителя. В связи с этим возникли проблемы в некоторых отраслях. Во-первых, местные турфирмы должны были в очень быстром порядке переориентироваться на отечественного потребителя и предоставить продукт, который был бы интересен нашим согражданам. Большинство объектов размещения, которые строились на о-ве Ольхон, исходили из запросов иностранного потребителя соотношения цены и уровня сервиса, в то время как большинство туристов из нашей страны стремятся к более дешевому и экономичному отдыху. Так как несколько последних

лет перед пандемией поток туристов перманентно рос, многие решили открыть свое дело и, взяв в кредит средства, строили базы размещения, рестораны и другие объекты туристической инфраструктуры. В начале пандемии из-за отсутствия постоянного спроса и ковидных ограничений многим пришлось отказаться от этой идеи, или законсервировать строительство, или продать его.

Еще одним наглядным примером, как пандемия отразилась на туристической отрасли, может служить работа и занятость гидов, которые являются посредниками и фактически лицами, которые оказывают услуги и непосредственно работают с туристами. Например, в Иркутске около 200 гидов, которые с разной степенью активности работали с китайскими группами. После того, как границы были закрыты, в отсутствие китайских туристических групп большинство гидов оказались перед выбором смены профессии. По истечении двух лет только около трети гидов с китайским языком от ранее существовавшего корпуса гидов работают в сфере туризма до сих пор или готовы вернуться в профессию с возвращением китайских туристов в регион.

В настоящее время, несмотря на существенные спады во въездном туризме, общая его динамика положительна для Иркутской области. В нашем регионе наиболее популярными видами туризма являются культурно-исторический, образовательный, горнолыжный, событийный и деловой.

В рамках улучшения инфраструктуры и организации туризма проводятся развитие транспортной и туристической производственной инфраструктуры, расширение количества земель, переданных под туристическо-рекреационные цели, обеспечение безопасности туристов, формирование особой кадровой политики в туристической сфере, реклама пос. Листвянка и о-ва Ольхон как туристических районов, улучшение обслуживания туристов, прибывших из других стран.

Необходимо комплексное стратегическое планирование по развитию въездного и внутреннего туризма Иркутской области. Для рационального инвестирования государственных и частных средств необходимы глубокий анализ современного состояния отрасли, выявление основных проблем в его развитии и разработка рекомендаций по их решению. В этом случае при наименьших расходах может быть достигнут максимальный социально-экономический эффект. Расширение объема туристических потоков может быть достигнуто благодаря сотрудничеству Иркутской области с близлежащими областями (Бурятией, Забайкальским и Красноярским краем) и соседними государствами (Китаем, Монголией).

Для целей развития экономики Иркутской области следует уделить больше внимания развитию туристической деятельности региона, качеству обслуживания, улучшению гостиничных комплексов.

Литература

Отчет агентства по туризму Иркутской области о проделанной работе за январь – март 2018 года. URL: <https://docplayer.ru/80611686-Otchet-agentstva-po-turizmu-irkutskoy-oblasti-o-prodelanno-y-rabote-za-yanvar-mart2018-goda.html>

Потенциал Иркутской области представили делегации послов стран Евросоюза. URL: https://irkobl.ru/news/1342986/?sphrase_id=26073536.

Туристический поток в Иркутской области с начала года составил 1,1 млн человек. URL: https://irkobl.ru/news/1305872/?sphrase_id=26073536.

УДК 94

Б. Х. Кушхов (Москва)

Институт востоковедения РАН

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОНГОЛИИ НА СПЕЦИФИКУ ЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ

Аннотация. Анализируется влияние специфического географического положения Монголии на конкретные черты ее внешней политики, которые прослеживаются на различных этапах существования этой страны. Устанавливается влияние внутриконтинентального и географически изолированного положения страны на такие черты ее внешней политики, как стремление следовать тенденциям мирового политико-социального пространства, выражение своего географического положения в надрегиональных понятиях, а также стремление укреплять отношения с крупными, но удаленными странами.

Ключевые слова: Монголия, регионоведение, история, география, международные отношения, мировоззрение.

B. H. Kushkhov (Moscow)

Institute of Oriental Studies RAS

INFLUENCE OF THE GEOGRAPHICAL POSITION OF MONGOLIA ON ITS FOREIGN POLICY. COMPREHENSIVE HISTORICAL STUDY

Abstract. The article analyzes the influence of the specific geographical position of Mongolia on the specific features of its foreign policy, which can be traced at various stages of the existence of this country. The influence of the inland and geographically isolated position of the country on such features of its foreign policy as the desire to be part of the world political and social space, the expression of its regional position in supra-regional terms, as well as the desire to strengthen relations with large but remote countries is established.

Keywords: Mongolia, regional studies, history, geography, international relations, political outlook.

Внешняя политика – явление, восприимчивое к переменам. Тем не менее некоторые ее характерные черты имеют склонность сохраняться столетиями, зачастую даже переживая конкретные государственные образования. Одной из сил, оказывающих свое влияние на внешнюю политику государства, всегда являлось его географическое положение. По причине значительной хронологической устойчивости, оно является одним из немногочисленных факторов, способных к обеспечению многовекового существования одних и тех же особенностей внешней политики конкретного народа.

В данном исследовании предпринимается попытка изучить взаимосвязь географического положения и отдельных характеристик внешней политики страны на примере Монголии. В первой части исследования будет дано краткое определение географического положения страны. Во второй – перечислены проистекающие из него черты внешней политики и внешнеполитического мировоззрения, характерные для Монголии и монголов. Для определения устойчивого характера выделенных особенностей внешней политики каждая из них будет прослежена на разных этапах существования страны: от времен начала кочевой экспансии (XIII в.) до теократической монархии (1911–1918) и современного государства Монголия (1991 – настоящее время). Эти три хронологически короткие эпохи были выбраны для исследования как времена наибольшего проявления внешнеполитической самостоятельности Монголии, во время которых она наиболее самостоятельно выстраивала свою внешнеполитическую стратегию.

Оценка географического положения Монголии

Если изучать местоположение Монголии посредством анализа ее экономико-географического положения (ЭГП), то можно скоро прийти к выводу о его неблагоприятном характере. Страна не имеет выхода к морю, граничит лишь с двумя иностранными государствами (Россия и Китай), примыкая к малозаселенной таежной части северного соседа и к такой же малозаселенной пустынной части соседа южного. Расположение между двумя историческими центрами силы позволяет назвать Монголию государством с уникальным местоположением [Баясах, 2016, с. 105], однако его уникальность лишь усугубляет степень географической изолированности страны от внешнего мира. Территория страны обладает низким потенциалом межрегионального транзита в силу изменяющегося характера рельефа, а также удаленности от ключевых континентальных маршрутов. Весьма невелик и «демографический» потенциал местности, на которой расположена Монголия: большая часть страны расположена на плато со средней высотой более полутора километров, которое отгорожено от теплых ветров Гималаями [Моторнов, 2009, с. 4]. Это привело к крайне низкой плодородности местных земель, равно как и к суровому континентальному климату. Подобные условия привели к крайне низкому уровню демографической нагрузки, которую может выдерживать территория Монголии, и, следовательно, к низкой численности ее населения, всегда значительно уступавшей таковой у окружающих ее государств.

Большая часть этих характеристик применима не только к современному государству Монголия, но и к Монгольской Народной Республике, теократической монархии Богдо-Гэгэна и даже к протогосударственному образованию, начавшему под предводительством Чингисхана континентальную кочевую экспансию в XIII в. Следовательно, основные и исторически устойчивые характеристики географического положения Монголии следующие:

- отсутствие прямого доступа к крупным континентальным или морским коммуникациям;
- полная «зажатость» между двумя центрами силы (а иногда и всего лишь одним);
- достаточная удаленность от крупных хозяйственных и культурно-цивилизационных центров;
- малочисленность населения в силу географических и климатических факторов.

Проистекающие из специфики географического положения вне-временные черты внешней политики и внешнеполитического мировоззрения

Исследование выделяет следующие черты внешней политики и внешнеполитического мировоззрения, определяемые как результат влияния географических факторов:

- стремление укреплять отношения с крупными, но удаленными странами;
- стремление следовать тенденциям мирового политико-социального пространства;
- выражение своего географического положения в надрегиональных понятиях.

Удаленность и «выключенность» из международных социальных и политических процессов исторически заставляла Монголию тратить значительные усилия на снижение их негативного влияния на развитие страны. Эти самые усилия, прежде всего, направлялись на попытки установить устойчивые связи с другими государствами и социально-экономико-культурными центрами. Первая черта является наиболее значимой в этом плане, ведь именно для содействия ее полноценной реализации сформировались последующие две. В свою очередь, последние две черты имеют и своеобразное психологическое значение: посредством их реализации монгольская политическая элита разных веков стремилась преодолеть некоторый «комплекс неполноценности», который возникал у нее из-за географической отстраненности ее государства.

Хронологический анализ проявления выделенных особенностей внешней политики Монголии

Стремление укреплять отношения с крупными, но географически удаленными странами проявлялось практически на всех исторических этапах монгольского «этногенеза» и политического развития. В XIII в. можно проследить у начинающего экспансию Чингисхана стремление установить дипломатические связи с крупнейшими оседлыми государствами, находящимися далеко от «Великой степи». В частности, можно отметить отправку им послов к Хорезм-шаху, к арабским правителям, а также ко двору династии Цзинь – еще до непосредственного выхода к их

границам [Фокс, 1941, с. 45]. Особое место в миссиях Чингисхана занимали торговые представители – в то время монголы искали в крупных, пусть и удаленных, державах место доступа к мировым торговым маршрутам [Мелехин, 2018, с. 68]. Подобные действия основателя монгольского государства были напрямую направлены на преодоление таких издержек неблагоприятного географического положения страны, как отсутствие доступа к торговым маршрутам, низкая численность населения, заставлявшая максимально тщательно оценивать глобальную расстановку сил и «мирополитические» колебания, равно как и зажатость между различными вассалами Китайской империи (тангуты, чжурчжени, кидани).

Все это очень напоминает и первые внешнеполитические устремления теократической Монголии (1911–1918): в первые же дни с момента провозглашения независимости от династии Цин Богдо-Гэгэн направляет письма с предложением об установлении дипломатических отношений в Российскую империю, Францию, Великобританию, Германию, Японию и Соединенные Штаты Америки [Яскина, 2007, с. 32]. Все эти державы, за исключением первой, находились максимально далеко от границ теократической монархии. Стремление установить с удаленными центрами постоянные контакты проявилось и во время миссии Цин-вана Ханддоржа в Петербург (1912), в ходе которой, наряду с развитием монгольско-российских взаимодействий, он уделял значительное внимание визитам в посольства вышеуказанных держав [Батбаяр, 2011, с. 14]. Подобная приоритетность внешнеполитических связей с крупными внерегиональными державами была спровоцирована все тем же стремлением обеспечить стране выход к мировым центрам и торговым маршрутам, преодолев тем самым географическую «зжатость» между двумя державами-соседами (в этом случае Российская империя и Китай).

История повторилась и в 1990-е гг., когда Монголия перестала быть государством – сателлитом Советского Союза в силу его распада и была вынуждена собственными усилиями преодолевать «недути» своего географического положения. В первой же концепции внешней политики страны, равно как и в стратегии национальной безопасности, было зафиксировано стремление страны установить широкие политические и экономические связи с внерегиональными центрами, такими как США, Германия, Япония, Южная Корея и Великобритания [Баясах, 2015, с. 327].

Это направление внешней политики позиционировалось политиками того времени как «40 процентов внешнеполитических усилий Монголии», в то время как остальные 60 были поровну распределены на отношения Монголии с двумя державами-соседами: Российской Федерацией и КНР (т. е. по 30 % на каждую) [Баясах, 2015, с. 329]. К середине 1990-х гг. данное «распределение приоритетов» получило в Монголии название «политика третьего соседа» или «политика многоопорности» [Баясах, 2018,

с. 201]. Причины формирования подобных концепций по своей сути ничем не отличаются от таковых в начале XX или в начале XIII в.

Таким образом, стремление укреплять отношения с крупными, но географически удаленными странами было присуще Монголии на протяжении целых семи столетий.

Стремление следовать тенденциям мирового политико-социального пространства точно также успешно накладывается на хронологическую перспективу. В XIII в. Чингисхан стал едва ли не пионером политики «религиозной терпимости». Он и его преемники относились к любым мировым культам с уважением, освобождая их от уплаты налогов, распространяя на них статус так называемых дарханов [Великая Яса ... , 2015]. Заложенный его преемником Угэдэем Каракорум – столица Монгольской империи, сам по себе был воплощением стремления монгольского хана приобщиться к глобальному культурно-цивилизационному пространству: до него кочевники почти никогда не строили себе городов. В городе имелись кварталы с разными архитектурными стилями, выражавшими тренды строительства в разных странах Ближнего и Дальнего Востока и Европы [Уэзерфорд, 2017, с. 292–296]. Первые ханы стремились набирать себе в толмачи и писари людей, знающих восточные и западные языки международного общения, охотно принимали ислам, христианство различного толка, а также буддизм различных школ [Уэзерфорд, 2017, с. 262]. Таким образом, стремление «влиться» в мировое политико-социальное пространство отчетливо прослеживалось в каждом мероприятии ранних монгольских правителей.

В годы теократической монархии это же стремление заключалось в искусственной «вестернизации» политического управления страной: при безоговорочном доминировании Богдо-Гэгэна в политической жизни страны в ней был образован парламент, учреждены министерства и должность премьер-министра [Яскина, 2007, с. 28]. Немалые средства были затрачены из казны на обучение перспективной монгольской молодежи в ведущих университетах Западной Европы. В частности, классик монгольской литературы – поэт Дашдоржийн Нацагдорж обучался в университете в Германии. Получается, что незначительная по своему политико-экономическому потенциалу страна, не признанная ни одной страной в мире, отделенная тысячами километров и многими государствами от мировых социально-политических центров, все же стремилась походить на них в максимально возможной в подобных условиях степени. Также теократическая Монголия даже проявляла оформленное желание стать участницей Версальского мирного договора, определившего существовавшую в 1919–1939 гг. систему международных отношений [Батбаяр, 2011, с. 73].

С начала своего существования современная демократическая Монголия все время выражает свое желание быть видной частью мирового сообщества. Это желание реализовывалось в двух направлениях: в приобщении страны к так называемому коллективному Западу, а также к расширению участия в международных соглашениях и организациях. Первое направление наиболее ярко иллюстрируется всецелым (и добровольным) принятием Монголией западного восприятия демократии. Страна сильно гордится своим достаточно высоким «индексом демократии» [Democracy ... , 2022], многопартийной и конкурентной политической системой [Митупов, Батмунх, 2018, с. 32], развитым парламентаризмом (страна решила развиваться в духе парламентских республик).

Помимо этого, Монголия принимала и принимает активное участие в ряде мероприятий, проводимых странами Запада: в войне 2003 г. в Ираке в составе коалиционных сил, в 2010 г. в составе возглавляемых НАТО Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, а также в возглавляемых НАТО Силах для Косово (СДК) с декабря 2005 г. по март 2007 г. [Монголия и НАТО]. Второе направление проявилось в утверждении Монголии в качестве нейтрального и безъядерного государства [Монголия стремится ... , 2019] , в ее активном участии в работе ООН и в миротворческих миссиях данной организации [Үндэсний ... , 2001], а также в становлении страной – членом ОБСЕ [Россия и Монголия ... , 2011, с. 62]. Стремление быть частью большого мира проявляется и в более нетривиальных деталях. В современном Улан-Баторе, столице Монголии, одной из самых географически удаленных столиц мира, есть Сеульская и Токийская улицы, улица Фредерика Шопена, Махатмы Ганди – это только начало списка подобных названий [Одну из улиц ... , 2021].

Выражение своего географического положения в надрегиональных понятиях также прослеживается во все периоды существования Монголии. В XIII в. глубоко периферийное положение Монголии компенсировалось в сознании монголов и в их внешнеполитическом «позиционировании» понятием «Вечного синего неба» [Абаева, 2019, с. 164], которое связывало весь мир в единое целое, в котором нет центра и окраин. Достаточно рано в монгольском языке сформировались такие понятия, как *мир* (дэлхий) и *вселенная* (ердонц, хорвоо, огторгуй). Великая Яса Чингисхана декларировала мировое верховенство закона и порядка, не определяя какие-либо центры или окраины мира [Великая Яса ... , 2015]. Отсутствием иерархии отличалась и Монгольская империя: нигде не прослеживается какая-либо установленная иерархия между отдельными улусами, так как все они признаются равными [Уэзерфорд, 2017, с. 154].

Свидетельств подобного позиционирования за короткое время существования теократической монархии в Монголии найти не удалось. Тем не

менее стоит отметить тот факт, что правительство Богдо-Гэгэна в принципе не стремилось характеризовать свое региональное положение каким-либо определением или понятием [Балдано, 2017, с. 102]. Уже сам этот факт многое говорит о сохранявшемся и в те времена «комплексе изолированности».

В современной Монголии стремление определить свое «региональное» положение «надрегиональным» понятием проявляется в переходе от применения в адрес Монголии термина «центральноазиатское государство» к более общим и масштабным «восточноазиатское» [Россия и Монголия ... , 2011, с. 285] и даже «азиатско-тихоокеанское государство» или «страна АТР» [Баясах, 2018, с. 211]. Этот транзит произошел в 1990-е гг. и на мотивационно-идеологическом уровне компенсировал имевшийся у страны комплекс «географической удаленности и зажатости». Также в стране набирает значительную популярность понятие «Индо-Пацифика», к которому, вероятно, она тоже скоро себя приобщи́т.

Таким образом, данное исследование определило те черты внешней политики и «внешнеполитического самовосприятия» Монголии, которые напрямую происходят от специфики ее географического положения и отличаются многовековым постоянством своего проявления и существования. К их числу следует относить стремление выстраивать и укреплять отношения с крупными, но удаленными странами, следовать тенденциям мирового политико-социального пространства и быть частью глобальной «семьи народов», а также выражение своего регионального географического положения в надрегиональных понятиях. Каждая из этих черт в равной степени происходит от следующих территориальных, политических, климатических и торгово-экономических факторов, имеющих свой корень в географическом положении страны: отсутствия прямого доступа к крупным континентальным или морским коммуникациям, полной «зажатости» между двумя центрами силы или одним единственным, достаточной удаленности от крупных хозяйственных и культурно-цивилизационных центров, а также малочисленности населения в силу географических и климатических факторов.

Литература

- Абаева Л. Л. Концепт власти в религиозной культуре монгольских народов // Власть. 2019. № 1. С. 162–165.
- Балдано М. Н. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) // Вестник Томского ГУ. 2017. № 419. С. 99–107.
- Батбаяр Ц. Богд Хаант Улс гуравдахь хоршийн эрэлд. Улаанбаатар : Бемби сан, 2011. 134 с.
- Баясах Ж. Mongolian foreign policy from the 1st to the 2nd foreign policy doctrine // Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл). Улаанбаатар : Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи, 2015. С. 319–338.

Баясах Ж. Монгол улс, БНХАУ-ын харилцаа: Стратегийн туншлэлээс иж бүрэн стратегийн туншлэлийн зугт // Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл). Улаанбаатар : Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи, 2016. С. 104–109.

Баясах Ж. Монгол Улсын тусгаар тогтнол ба гадаад бодлогын тулгын гурван чулу // Монгол Улсын гадаад харилцаа: туух ба орчин үе. Улаанбаатар : Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи, 2018. С. 196–214.

Великая Яса (уложение) Чингисхана. URL: <https://greylib.align.ru/556/velikaya-yasa-ulozheniya-chingisxana.html> (дата обращения: 29.08.22).

Мелехин А. В. Чингисхан. М. : АСТ, 2018. 320 с.

Митупов К. Б.-М., Батмунх О. Монгольская демократия: краткий исторический очерк // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 4. С. 27–34.

Монголия и НАТО. URL: <http://vsenato.ru/mongoliya-i-nato/> (дата обращения: 27.08.2022).

Монголия стремится стать азиатской Швейцарией. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoysheycsaryey/?phrase_id=73250193 (дата обращения: 27.08.2022).

Моторнов К. М. Региональная физико-географическая характеристика Внешней и Внутренней Монголии. М., 2009. 16 с.

Одну из улиц Улан-Батора назвали в честь Шопена. URL: <https://asiarussia.ru/news/29934/> (дата обращения: 27.08.2022).

Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. М. : Институт востоковедения РАН, 2011. 440 с.

Уэзерфорд Дж. Чингис-хан и рождение современного мира. М. : Колибри, 2017. 384 с.

Фокс Р. Чингис-хан. Издание первое. Лондон, 1936 / пер. Ф. Т. Агалаков. М. : Московский Институт Востоковедения ВКВШ при СНК СССР, 1941. 126 с.

Яскина Г. С. История Монголии. XX век. М. : Институт Востоковедения РАН, 2007. 448 с.

Democracy report 2022. University of Gothenburg : V-Dem institute, 2022. 60 p.

Үндэстний аюулгүй байдлын тухай. 2001 оны 12 дугаар сарын 27-ны өдөр Монгол улсын хууль. URL: <http://mfa.gov.mn/documentation/55576> (дата обращения: 26.08.2022).

УДК 910.26:93

А. Д. Леонкин (Хабаровск)

Дальневосточный институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КНР: РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ ПРИ ОТОБРАЖЕНИИ НА КАРТАХ ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Рассматривается проблематика некорректного обозначения на топографических картах Китайской Народной Республики российско-китайской границы. Отмечается, что несмотря на то, что руководство Китая заявляет об отсутствии территориальных споров между Российской Федерацией и КНР и пограничный вопрос окончательно урегулирован в 2004 г., факты «картографической агрессии» проявляются до сих пор, в том числе и со стороны органов государственной власти КНР.

Ключевые слова: Россия, Китай, государственная граница, территориальные споры, топография, международные отношения.

THE STATE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE PEOPLE REPUBLIC OF CHINA:
DIFFERENCES IN APPROACHES TO DISPLAYING BORDER TERRITORIES ON MAPS

Abstract. This article discusses the problem of incorrect designation of the Chinese-Russian border by the People's Republic of China on topographic maps. Despite the fact that the Chinese leadership declares that there are no territorial disputes between the Russian Federation and the PRC and the border issue was finally settled in 2004, the facts of "cartographic aggression" still appear, including those from the side of the PRC state authorities.

Keywords: Russia, China, state border, territorial disputes, topography, international relations.

В российской научной литературе и средствах массовой информации отмечается, что Китайская Народная Республика начала предъявлять территориальные претензии Советскому Союзу в 1964 г. Во время встречи Мао Цзэдуна с японскими социалистами в июле этого года лидер КНР заявил: «Примерно 100 лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск (говоря о Владивостоке и Хабаровске, он употреблял не общепринятую для китайского языка транскрипцию иностранных топографических названий Fuladiwositouke (符拉迪沃斯托克) и Habaluofusike (哈巴罗夫斯克), а специальные топонимы, которые применяются только в КНР – Haishenwai (海参崴) по отношению к Владивостоку и Boli (伯力) для Хабаровска), Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру. Что касается Курильских островов, то для нас этот вопрос ясен. Они должны быть возвращены Японии» [Беседа ... , 1964]. Хотя Мао Цзэдун впоследствии немного смягчил свое заявление, сказав на встрече 10 октября 1964 г. министру обороны Албании Бекиру Балуку: «Возможно, Вы считаете, что мы и вправду хотим возвратить 1 млн 540 тыс. кв. км земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим» [Гончаров, Ли, 2004, с. 50]. Вскоре на протяжении всей советско-китайской границы произошло множество конфликтов, которые привели к появлению пострадавших, а также жертв как среди военных, так и среди гражданского населения [Фотодокументы ... , 1969].

Еще в начале 1964 г. на советско-китайских консультациях по пограничным вопросам советская делегация согласилась отступить от фактически установленной между странами предыдущими договорами линии прохождения границы на речных участках по китайскому берегу и закрепить ее по фарватеру рек или по середине русла, если река не судоходная в соответствии с международной практикой (хотя эта практика возникла только в XX в. при заключении Версальского мирного договора после Первой мировой войны [Версальский ... , 1925], фактически через 60 лет

после заключения Айгуньского и Пекинского договоров, когда установилась граница между Российской и Дайцинской империями.

При этом стоит отметить, что если внимательно посмотреть на карту-приложение к Пекинскому договору, видно, что граница проходит не только по китайскому берегу. На карте, для большего понимания прохождения границы, была проведена красная черта, и часть островов на Амуре оставлена за Дайцинской империей, а некоторые острова, например остров Гольдинский (кит. 八岔, Бача) в районе российского поселения Петровское (акватория Амура у современной Еврейской автономной области), разделены на 2 части.

16 мая 1991 г. между СССР и КНР было подписано соглашение о восточном участке границы, а 13 февраля 1992 г. Верховный Совет РФ принял постановление «О ратификации Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской границе на ее восточной части». В соглашении было оговорено, что вопрос разграничения у о-ва Большой (Читинская область) и так называемого Хабаровского архипелага (группа островов у Хабаровска, среди которых самый большой – о-в Большой Уссурийский) «вынесен за скобки». Сами работы по демаркации границы начались весной 1993 г. [ГААО] и велись на 10 участках [ГАЕАО] но, как сказано выше, этот вопрос не касался о-ва Большой и Хабаровского архипелага.

Процесс демаркации еще не был завершен, но стороны уже «присваивали» острова своим государствам. Так, на китайских картах, включая национальный атлас Китая, изданный в 1995 г. в Великобритании, о-ва Хабаровского архипелага были показаны принадлежащими Китайской Народной Республике [Современное ... , 1997, с. 3]. Некоторые китайские источники утверждают, что СССР аннексировал Большой Уссурийский в 1929 г. во время конфликта на КВЖД [抚远市]. Но при этом стоит отметить, что еще в конце XIX – начале XX в. на о-вах Хабаровского архипелага существовали российские речные предприятия [РГИА ДВ].

Глава администрации Хабаровского края В. И. Ишаев в 1999 г. выдвинул идею закрепить территорию о-ва Большой Уссурийский за Российской Федерацией, поставив там православный храм-часовню, возведение которого производилось за счет внебюджетных средств, для чего в Хабаровске был открыт специальный счет [ГАХК]. 26-метровая часовня была возведена в рекордные сроки: с 17 сентября по 20 октября 1999 г., несмотря на протесты с китайской стороны [Фомина, 2004].

14 октября 2004 г. в Пекине министр иностранных дел РФ Сергей Лавров и министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин подписали «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской границе на ее Восточной части». В этот же день председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что подпи-

сание этого соглашения обозначает окончательное урегулирование пограничных вопросов между двумя странами [Президент ...]. Демаркационные работы, в рамках этого соглашения, были завершены ровно через 4 года – к 14 октября 2008 г. Таким образом, к КНР отошла половина о-ва Большой и половина Хабаровского архипелага, и пограничный вопрос между двумя странами был урегулирован на всем протяжении границы.

Однако, несмотря на слова Ху Цзиньтао об окончательном урегулировании пограничных вопросов, со стороны КНР периодически наблюдается «картографическая агрессия» на о-ва Хабаровского архипелага, в том числе исходящая и от органов государственной власти.

В КНР существуют, помимо электронных картографических сервисов, таких как maps.baidu.com, бумажные топографические карты и атласы, выпущенные уже после окончания демаркации, на которых Большой Уссурийский и прилегающие острова изображены принадлежащими КНР. Это касается и карт мелкого масштаба, например окрестностей городского округа Цзямусы [佳木斯市], и крупномасштабных карт уезда Фуюань, куда административно относится китайская часть Хабаровского архипелага [同江市]. Помимо обычных топографических карт, эта же проблематика наблюдается и на туристических картах, включающих описания достопримечательностей уезда Фуюань, рекомендуемых к посещению внутренним китайским туристам [抚远县]. Хабаровск на этих картах обозначен двумя наименованиями: 哈巴罗夫斯克 (Habalufusike) и 伯力 (Boli).

Государственным бюро геодезии и картографии КНР в октябре 2010 г. создан картографический сервис Map World [国家地理信息公共服务平台], техническое обеспечение которого осуществляется специалистами Министерства природных ресурсов КНР (после упразднения бюро его функции были переданы в министерство). Российско-китайская граница на указанном сервисе обозначена вокруг Хабаровского архипелага с включением его в состав территории Китая. Некорректное отображение российско-китайской границы отмечается и на картографических материалах, расположенных в помещениях народного правительства города и уезда Фуюань: острова показаны «китайскими» на визуальных материалах административных границ уезда. Такие изображения есть в малой переговорной комнате [何大海主持召开] и в большом конференц-зале [何大海调研].

Возвращаясь к встрече Мао Цзэдуна с японскими коммунистами в 1964 г. и его словам: «Что касается Курильских остров, то для нас этот вопрос ясен. Они должны быть возвращены Японии», упомянем тот факт, что острова Кунашир, Итуруп и Малая Курильская гряда (так называемые Северные территории, яп. 北方領土) китайцами изображаются на своих картах как территория Японии [亚洲地图]. Хотя такая «солидарность» не присуща японцам и они употребляют «русское» название о-ва Большой

Уссурийский – Dai Usuri: To: (яп. 大ウスリー島) [大野正美, 2013], а не аналог китайского Хэйсяцзыдао (о-в Черного Медведя, кит. 黑瞎子岛).

Учитывая то, что в Китае с января 2018 г. производство любой печатной продукции, а картографической – в особенности, проходит процесс строгого редактирования [Lew, 2019] (с марта 2018 г. полномочиями в данной сфере наделено Министерство природных ресурсов КНР), подобные публикации материалов с обозначением о-ва Большой Уссурийский принадлежащим Китаю можно рассматривать частью официальной политики. В условиях декларируемых лидерами России и Китая «отношений стратегического партнерства» [В. Путин] указанный подход формирует определенную «зону конфликтности», которая в современных условиях не является оптимальным элементом в отношениях между нашими странами.

При этом отметим тот факт, что к моменту визита председателя КНР Си Цзиньпина на китайскую часть о-ва Большой Уссурийский в мае 2016 г. провинциальным и уездным руководством был подготовлен макет Хабаровского архипелага и прилегающих территорий. На нем государственная граница Российской Федерации и КНР указана корректно: в соответствии с подписанными ранее межправительственными документами [习近平].

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что подобная практика «картографической агрессии» со стороны КНР одобряется не на уровне высшего руководства Китайской Народной Республики, а провинциальными властями Хэйлунцзяна или окружной администрацией г. Цзямусы, куда административно относятся город и уезд Фуюань. Однако, второе представляется наименее вероятным в связи с тем, что комитет по развитию и строительству о-ва Хэйсяцзыдао народного правительства города и уезда Фуюань подчинен напрямую народному правительству провинции Хэйлунцзян. На официальном сайте правительства Хэйлунцзяна, в разделе об административно-территориальном делении, о-ва Хабаровского архипелага также представлены как территория КНР [黑龙江省人民政府]. В этой связи возникает вопрос о причинах расхождения между официальными заявлениями с китайской стороны и практикой отражения на картографических материалах линии прохождения границы между Россией и Китаем.

Литература

- Беседа Мао Цзэ-дуна с японскими социалистами // Правда. 1964. 2 сент.
Версальский Мирный договор: Полный перевод французского подлинника / под. ред.: Ю. В. Ключникова, А. Сабанина. М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. С. 19.
Гончаров С. Н., Ли Д. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Россия и АТР. 2004. № 4 (46). С. 50.
Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 154 Л. 3.

Государственный архив Еврейской автономной области (ГАЕАО). Ф. Р-500. Оп. 1. Д. 97. Л. 32.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 675. Л. 230.

Современное состояние природной среды и хозяйственное использование островов Тарабаров и Большой Уссурийский / А. Н. Махинов [и др.]. Хабаровск : Приамурское географическое общество, 1997. 173 с.

Президент России. Заявления для прессы после подписания российско-китайских документов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22636> (дата обращения: 27.07.2022).

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

Синьхуа. Новости. В. Путин через информационное агентство «Синьхуа» публикует авторскую статью под заголовком «Россия и Китай: стратегическое партнерство, ориентированное в будущее». URL: http://russian.news.cn/2022-02/03/c_1310451663.htm (дата обращения: 19.08.2022).

Фомина Т. Епископ Южно-Сахалинский и Курильский Даниил: Нашему народу нужен нравственный стержень // Южно-Сахалинск сегодня. 2004. 25 ноября.

Фотодокументы разоблачают налетчиков // Тихоокеанская звезда. 1969. 12 июля.

Lew L. Chinese censorship laws could prompt foreign book publishers to look elsewhere for printers. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3024150/chinese-censorship-laws-could-prompt-foreign-book-publishers> (дата обращения: 22.08.2022).

抚远市人民政府. 黑瞎子岛 = Народное правительство города Фуюань. Хэйсяцзыдао. URL: <http://hljfy.gov.cn/Hxiazidao/index.html> (дата обращения: 27.07.2022).

佳木斯市地图高清版 = Карта города Цзямусы в высоком разрешении. URL: <http://www.onegreen.net/maps/HTML/50097.html> (дата обращения: 27.07.2022).

同江市, 抚远市地图 = Карты городов Тунцзян и Фуюань. URL: <http://www.onegreen.net/maps/html/38514.html> (дата обращения: 27.07.2022).

抚远县旅游交通图 = Карта туристических маршрутов уезда Фуюань. URL: <http://book.kongfz.com/8108/246219095> (дата обращения: 27.07.2022).

国家地理信息公共服务平台 = National Platform for Common Geospatial Information Services. URL: <https://www.tianditu.gov.cn> (дата обращения: 19.08.2022).

何大海主持召开抚远市防范应对新一轮寒潮暴雪工作会议 = Хэ Дахай председательствовал на совещании по предотвращению и реагированию на новую волну холода и снежную бурю в городе Фуюань. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_15487576 (дата обращения: 27.07.2022).

何大海调研指导边境视频系统建设工作 = Хэ Дахай изучает и руководит строительством пограничной видеосистемы. URL: <http://www.hljfy.gov.cn/News/23/18225.html> (дата обращения: 27.07.2022).

亚洲地图 = Карта Азии. URL: <http://www.onegreen.net/maps/HTML/62331.html> (дата обращения: 27.07.2022).

习近平登上黑瞎子岛: 保护生态, 留一张白纸 = Си Цзиньпин об острове Хэйсяцзы: Берегите экологию, оставьте чистый лист бумаги. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-05/25/c_1118926335.htm (дата обращения: 19.08.2022).

黑龙江省人民政府 = Народное правительство провинции Хэйлунцзян. URL: <http://hlj.gov.cn/34/index.html> (дата обращения: 27.07.2022).

大野正美. 領土交渉、相手の癖を読め = Оно М. Территориальное взаимодействие, изучайте привычки вашего партнера // 朝日新聞. 2013. 8月15日.

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. На материале интервью с китайскими мигрантами, проживающими в Хабаровске, рассматриваются изменения, которые произошли в их трудовой деятельности и социальном самочувствии за двухлетний период. Сделан вывод, что произошедшие изменения, несмотря на некоторые негативные последствия, привели к повышению сплоченности и укрепили связи внутри общины.

Ключевые слова: китайские мигранты, пандемия, диаспора, Дальний Восток.

E. Leontyeva, N. Van (Khabarovsk)

Pacific National University

CHINESE MIGRANTS OF THE FAR EAST AFTER COVID-19 PANDEMIC

Abstract. Based on the material received from the in-depth interviews of Chinese migrants, living in the Far East, the alterations that happened in their work and social well-being for the biennium are considered. The authors conclude that despite some negative consequences these changes led to an increase in cohesion and strengthened the inner community's relations.

Keywords: Chinese migrants, pandemic, diaspora, the Far East.

Проблема и рамки исследования. Обобщение опыта почти трех пандемийных лет имеет особую актуальность в отношении мигрантов как наименее защищенных социальных групп, играющих важную роль в жизни принимающего сообщества. Несмотря на то что китайские мигранты, проживающие в дальневосточных городах России, не являются многочисленной группой, их присутствие в хозяйственной жизни региона довольно заметно: рынки, овощные базы, кафе китайской кухни, автомастерские, точки по ремонту обуви – всем известные этнически маркированные сегменты, присутствие которых давно стало частью повседневной жизни и быта дальневосточников. В своем исследовании китайской этнической общины в дальневосточных городах мы попытались выяснить, что изменилось за два пандемийных года в этом сегменте и – самое главное – как изменилась жизнь тех, кто в нем работал. Китайские мигранты в этом отношении отличаются от других мигрантских групп тем, что именно Китай ввел самые жесткие ограничения на перемещения. Это привело не только к изоляции местных экспатов, привыкших к частому и простому пересечению границ, но и практически к остановке туристических потоков, на которые у многих из них был ориентирован бизнес.

Как и все, что связано с миграцией, влияние пандемии на мигрантов является привлекательной для исследователей темой [Денисенко, Мукомель, 2020а, 2020б, 2021; Дьяченко, Пекчуров, Мамина, 2020; Разин, Караваев, Стурова, 2020; Рязанцев, Брагин, Рязанцев, 2020; Рязанцев, Вазиров,

Гарибова, 2020]. Однако нам не встречалось таких исследований в отношении китайских мигрантов; есть лишь немногочисленные работы о том, как изменилось российско-китайское сотрудничество за этот период [Зуенко, 2020]. Общим местом почти для всех работ является негативная оценка влияния пандемии на мигрантские сообщества.

Не подвергая сомнению полученные выводы, мы хотим отметить и другие стороны. Так, если говорить о микроуровне, то здесь процесс более сложный: благодаря включению практик адаптации «снизу» (переключение на альтернативную деятельность, переход на онлайн-платформы, переквалификацию, корректировку планов) получилось минимизировать убытки или – в некоторых случаях – даже получить рост доходов. Эти практики адаптации не являются специфическими для китайцев, но войти в них и освоить их в чужой культурной среде мигрантам гораздо сложнее. В этой работе мы рассматриваем практики адаптации на материале интервью с китайскими мигрантами, проживающими на Дальнем Востоке России. Базу эмпирического исследования составили 35 глубинных интервью с семьями этнических китайцев, проживающих в дальневосточных городах России от 3 до 20 лет. Опрос проводился с января 2019 г. по январь 2022 г. очно, а также через мессенджеры (WeChat, WhatsApp) и в онлайн-формате.

Опыт адаптации к пандемии и ее последствия. Все наши респонденты заняты в традиционных для китайских мигрантах сферах, таких как торговля, ремонт автомобилей, рестораны и кафе китайской кухни, туристические компании, преподавание китайского языка.

Проведенное исследование не показало ни однозначного ухудшения социально-экономического положения китайских мигрантов за пандемию, ни его улучшения. В разных сегментах деятельности мы наблюдаем разную динамику: у кого-то наблюдается рост клиентов и доходов, кто-то был вынужден закрыться, а кто-то не заметил существенных изменений.

Так, сильнее всего пострадали те, кто был занят в ресторанном и туристическом бизнесе, что соответствует общемировым трендам. Однако для тех, кто нашел возможность переключиться на другие сферы деятельности, адаптация прошла успешно, например для гида-переводчика, ставшего преподавателем китайского языка.

«Никогда не думал, что я буду работать учителем, вот времена заставили нас менять профессию» (Александр/Цзян, мужчина, 32 года, бывший переводчик, гид и сейчас владелец языковой школы).

В сфере торговли и образования смена форм взаимодействия с клиентами также позволила выйти из ситуации с небольшими потерями. Владельцам торговых точек пришлось пересмотреть каналы поставок и формы торговли, а преподавателям китайского языка освоить дистанционные формы работы.

Одной из новых форм ведения бизнеса для китайских мигрантов, получивших распространение в период пандемии, стало торговое посредничество со стороны физических лиц (закупка по поручению (代购)), основанное на разнице между ценами на брендовые товары в разных странах. Закупщик, живущий в России, отправляет товар китайским клиентам за комиссионные. В полном смысле слова эту деятельность нельзя назвать бизнесом, это скорее неформальная практика, получившая название «продажный стриминг». Так, одна из наших респонденток до пандемии делала закупки для знакомых, но затем стала принимать заказы и от других клиентов, стала вести блог и постепенно расширила свою сеть. На такой вид деятельности пандемия повлияла даже благоприятно, приведя к увеличению клиентской базы.

С большими проблемами столкнулись предприятия, основанные на привлечении китайской рабочей силы. Наши респонденты говорили о приостановке работы кафе, автомастерских, лесопилок из-за закрытия границ и возможности привлекать соотечественников в качестве работников.

«У меня закрылась автомастерская во время пандемии, а деревообрабатывающий завод тоже еле-еле работает, потому что рабочие не могут прибыть в Россию» (Миша/Чжан, мужчина, 52 года, семейный деревообрабатывающий бизнес, ремонтная мастерская).

«Во время пандемии у меня закрылся ресторан китайской кухни, потому что я не смог найти повара» (Вова/Ли, мужчина, 49 лет, бывший владелец ресторана китайской кухни).

Нехватка рабочих рук, высокая конкуренция за поваров китайской кухни привели к тому, что когда-то очень популярные китайские кафе стали редкостью – так, в г. Хабаровске им на смену почти везде пришли точки среднеазиатской кухни. Дефицит рабочей силы вынуждает предпринимателей конкурировать за работников и предлагать им более высокую зарплату. Таким образом, квалифицированные мигранты, оставшиеся в России в качестве наемных рабочих в этническом секторе, остались востребованными и хорошо оплачиваемыми.

«У меня 3 работника потребовали повышения зарплаты и требуют у меня компенсацию. Я, конечно, понимаю их, и сейчас негде найти других работников, я подняла зарплату» (Наташа/Чжан, 51 год, семейный деревообрабатывающий бизнес, ремонтная мастерская).

Многие из наших респондентов, рассказывая о своем опыте адаптации к пандемии, отметили, что оставшиеся в России мигранты пережили его легче, чем те, кто вынужденно остался на этот период в Китае. Поскольку закрытие границ произошло внезапно, многие уехали на Новый год домой и не смогли вернуться. По словам оставшихся здесь, адаптироваться к новым условиям на родине оказалось сложнее, и уехавшие ждут благоприятных условий, чтобы вернуться.

Роль пандемии в повышении сплоченности китайской общины.

Обобщение опыта адаптации мигрантов к пандемии приводит к интересным наблюдениям, позволяющим говорить не только об изменении структуры этнического предпринимательства и уровня благосостояния мигрантов, но и о некоторых сдвигах в качестве связей между мигрантами. Мы полагаем, что пандемия стала тем катализатором, который ускорил процесс становления диаспоры, формирующейся на Дальнем Востоке за последнее десятилетие [Киреев, 2013]. Так, к числу факторов, необходимых для перехода «дисперсной группы» в статус диаспоры, относят «высокий уровень развития ее институциональной структуры» [Киреев, 2013, с. 39]. Пандемия стала тем вызовом, который испытал на прочность такие структуры и показал, что реально рабочими из них являются две – это национальная электронная платформа WeChat и Генеральное консульство КНР, также часто использующее WeChat как средство обращения к соотечественникам. Возможно, эти структуры не отвечают требованиям «высокого уровня», с которым ассоциируются традиционные способы консолидации диаспор – изданий собственных СМИ, официальных союзов и организаций, – однако с поправкой на изменение средств коммуникации во всем мире национальный электронный мессенджер вполне логично считать преемником прежних способов организации связей внутри сообщества.

Роль WeChat в повседневной жизни китайских мигрантов была очень значимой и до пандемии, но в этот период он оказался тем инструментом, который позволил быстро и безболезненно перенаправить личную и деловую активность в виртуальное пространство.

«Я получаю информацию через WeChat, там я могу видеть статус китайских друзей и мигрантов, которые живут в России и общаются с нами. Еще я каждый день общаюсь с родителями, чтобы им не скучно было» (Сергей/Гуань, мужчина, 43 года, ремонт обуви и изготовление ключей).

Генеральные консульства КНР в Хабаровске и Владивостоке стали официальными центрами (формальными институциональными структурами), которые высказали необходимость «сопровождать китайских граждан, находящихся в консульском округе, помогать им в борьбе с эпидемией, оказывать всевозможную поддержку и практическими действиями демонстрировать принцип «Народ и жизнь народа превыше всего» [Преодолевая трудности ...]. В качестве конкретных мер поддержки со стороны консульства мигранты отметили раздачу масок, лекарств, материальной помощи, размещение полезной информации в WeChat. Однако участие консульств в поддержке соотечественников больше оценивалось как морально-психологическое, что было важнее, чем раздача масок. Введение ограничительных мер пришлось как раз на то время, когда китайские семьи отмечают Новый год – самый большой и важный семейный праздник,

собирающий всех родственников под одной крышей. Официальные заявления консульств, несмотря на их формально-декларативный характер, позволяли легче пережить не осуществленные планы на праздник, тоску по дому, подавленность от неопределенности ситуации. Например, некоторые из наших респондентов проживают отдельно от детей, которых воспитывают бабушки и дедушки в Китае, и у них уже более двух лет отсутствует возможность увидеться с ними.

«Мы с женой уже два с половиной года не ездили домой в Китай, у нас маленькая дочь, которая сейчас живет у тещи, мы очень скучаем по ней» (Витя/Чжоу, мужчина, 29 лет, работник в китайской компании в ЕАО).

Еще одним аргументом в пользу того, что пандемия сработала на укрепление диаспоральных связей, можно считать то, что не только виртуальные, но и личные контакты между мигрантами стали более частыми. Так, одна из наших респонденток рассказала, что они стали посещать китайское кафе, в которое раньше не ходили, потому что там готовят «как дома».

В заключение отметим следующее. Исследование показало, что, несмотря на потери и убытки, имеется много примеров успешной адаптации мигрантов к новым реалиям. Те из них, кто быстро переориентировался на новые формы ведения бизнеса или переквалифицировался, вышли из ситуации с наименьшими потерями. Наиболее уязвимыми оказались отрасли, ориентированные на китайских туристов, или те, где задействована китайская рабочая сила.

Произошедшие события внесли изменения не только в текущее планирование жизни, но и в долгосрочные стратегии. Всем очевидно, что прежнее «маятниковое» существование между двумя странами если и вернется, то еще не скоро и не в прежнем виде, поэтому дальневосточные китайцы стали больше склоняться к тому, чтобы укорениться здесь. Несколько семей за пандемию приобрели жилье, многие, у кого есть финансовые возможности, думают об этом. Почти все стали более уверены в том, что их детям необходимо российское образование и одновременно дополнительное изучение китайского языка: до пандемии вопрос об изучении китайского не был проблемой – дети часто ездили к родственникам, общались с бабушками и дедушками в Китае.

Сейчас, когда основные проблемы, связанные с пандемией, уже в прошлом, примерно проясняются новые контуры китайского предпринимательства и новый образ китайской диаспоры. Возможно, период ее становления на Дальнем Востоке еще не закончился, однако уже сейчас можно сказать, что пандемия, как и всякий опыт коллективного переживания кризиса, внесла свой вклад в ее укрепление.

Литература

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020а. № 7. С. 51–54.

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 74–82.

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020б. Т. 7, № 3. С. 84–107.

Дьяченко А. Н., Печкуров И. В., Мамина Д. А. Миграционная ситуация в России в период пандемии COVID-19 (на примере трудовой миграции) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020 № 5. С. 65–72.

Зуенко И. Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество // Известия Восточного института 2020. № 2 (46). С. 15–28.

Киреев А. А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 4. С. 28–47.

Преодолевая трудности продвигаться вперед. Интервью Генерального Консула Китайской Народной Республики господина Цуй Гоцзе агентству EastRussia. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/preodolevaya-trudnosti-prodvigatsya-vpered/> (дата обращения: 10.11.2022).

Разин М. В., Караваев Е. С., Стурова Н. А. Особенности миграционной ситуации в РФ в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 92–95.

Рязанцев С. В., Брагин А. Д., Рязанцев Н. С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Сер. 1 Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21.

Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М. «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1 Экономика и право. 2020. № 3. С. 45–58.

УДК 130.2

Н. Р. Музафарова (Улан-Удэ)

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЕМАНТИКИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА

Аннотация. Исследуется философская составляющая семантики головных уборов духовенства северного буддизма. Отмечается, что степень изученности проблемы недостаточна и требует современного осмысления, а задачи, решаемые для ее достижения, следующие: сбор, систематизация и анализ информации об исследованиях, посвященных философии, семантике, традициям северного буддизма. Сделан вывод о том, что семантика головных уборов духовенства имеет философскую составляющую. Информация, полученная в ходе исследования, применена в педагогической практике высшей школы по таким дисциплинам, как философия, религиоведение, обществоведение, антропология, культурология.

Ключевые слова: северный буддизм, философия, семантика, традиции, головные уборы.

THE PHILOSOPHICAL COMPONENT OF THE SEMANTICS OF THE HEADDRESSES OF THE CLERGY OF NORTHERN BUDDHISM

Abstract. The aim of the study is to study the philosophical component of the semantics of the headdresses of the clergy of Northern Buddhism. The tasks to be solved to achieve it are as follows: collection, systematization and analysis of information about research on philosophy, semantics, traditions of northern Buddhism. In the course of our study, the following conclusions were made: the semantics of the headdresses of the clergy has a philosophical component. The object of the research is the philosophy and traditions of Northern Buddhism. The subject of the study is the philosophical component of the semantics of the headdresses of the clergy of Northern Buddhism. Descriptive, comparative, analytical research methods were used to solve the tasks set in the work. The research material was selected from available literary and electronic sources, published monographs and articles by Russian and foreign authors. The information obtained in the course of the study has been successfully applied in the teaching practice of higher education in the following subjects: philosophy, religious studies, social science, anthropology, cultural studies. As work with available sources has shown, the degree of knowledge of the problem is insufficient and requires modern understanding.

Keywords: northern Buddhism, philosophy, semantics, traditions, headwear.

Любое организованное сообщество, специализирующееся на определенной функции, имеет свою структуру и иерархию. Отличительные знаки на стандартизированной спецодежде сотрудников дают возможность соблюдать субординацию и определять функционал каждого в многочисленном коллективе. Особенно это выражено в структурах типа полиции, армии, флота и т. д. Погоны на кителе дают понимание уровня их носителя в таблице о рангах. Это упрощает решение множества жизненно важных задач в условиях быстрого реагирования в сложных ситуациях. Но есть общественные структуры, в которых нет такой сложной системы, но требуется разграничение уровня подготовки и компетенций их членов (медицина, сообщение, религия и т. д.).

В религиозных системах члены духовенства должны отличаться от мирян и между собой в зависимости от занимаемого поста, уровня посвящения и образования. При том что одежда служителей культа обычно унифицирована как символ равенства, их головные уборы дают возможность распознавания школ и направлений, а также уровня образования и посвящения индивида в системе. К тому же это имеет и практическое значение, поскольку бритые головы необходимо защищать от солнца и холода.

Социально-иерархическая структура буддийского монашеского сообщества / сангха (санскр.) / dge 'dun, гендюн (тиб.) пришла из Тибета в Монголию, Бурятию, Туву, Калмыкию, а в наше время еще более распространилась на запад, не утратив своих канонов, но приобретая некоторые заимствования из ассимилированных регионов. В северном буддизме / ваджраяна (санскр.) / rdo rje theg pa, дордже тегпа (тиб.) функционирует четыре основные школы: гелук, dge lugs pa (тиб.), кагью, bka' brgyud (тиб.), нигма, rnying ma (тиб.), сакия, sa skya (тиб.). В быту их последователи носят одинаковое монашеское одеяние бордового цвета / тра че, grva chas (тиб.). Облечение буддийского духовенства жестко регламентируется правилами

Буддийского монашеского кодекса / Винаи (санскр.) / 'dul ba, дулва (тиб.), сложившегося еще в III в. до н. э. В его тексте даны рекомендации относительно всего монашеского одеяния (количество элементов, крой, размер, вид ткани, цветовая гамма и т. д.). Но благодаря климату и сложной тантрической литургии тибетские ламы одевают ритуальные и повседневные одежды, не описанные в Винае. Отличить представителей разных школ можно только по головным уборам, имеющим разные форму и цвет. Они также различаются по ситуации (повседневные и ритуальные), по времени года (зимние и летние), по положению в иерархии (для глав школ и простых монахов) [Далай-Лама, 1996, с. 251].

В самой «молодой» по времени возникновения в Тибете и распространенной на территории нашей страны школе гелук приняты желтые или шафрановые головные уборы остроконечной каплевидной формы с длинными «ушами» / шанаринг, rap zhva sne ring ser po (тиб.) и с «гребнем» / нэринг, gnas rnying (тиб.). История их возникновения имеет несколько интерпретаций. Одна из них рассказывает о тибетском монахе Луме, обучавшемся в Индии ради возрождения буддизма в Тибете после гонений царя Ландармы. Перед возвращением на родину его учитель Гонгпа Рабсел велел ему перекрасить свою бонскую шапку в желтый цвет. Он наказал ему носить ее в память о своей учебе и практике. Луме возвратился в Тибет и основал несколько монастырей. Несколько столетий спустя, когда монашеская дисциплина в Тибете пришла в упадок, лама Цонкапа (1357–1419 гг.) начал реформу в XIV в., которая привела к появлению традиции «новая кадам», bKa' gdams gsaṅ-pa (тиб.), или гелуг, dGe lugs (тиб.). Он предписал своим ученикам-монахам носить желтые шапки как знак возвращения в монастыри нравственной дисциплины, как это раньше сделал Луме. Так традиция гелуг получила известность как «желтые шапки» [Берзин, 1993, с. 75].

Появление шапок с заостренным верхом, согласно описанию в книге «Гьягар чойджуг», написанной Джонванг Тарантхи (1575–1634 гг.), произошло в Индии, где однажды буддийский мудрец Биндупихара сомневался в своей победе перед диспутом с иноверцами. Внезапно перед ним возникла небесная танцовщица / дакия (санскр.) / кхандрома, mkha' 'groṃa (тиб.) и посоветовала ему надеть остроконечную шапку для остроты ума. Это помогло, и с тех пор все ученые / пандиты (санскр.) носили такие головные уборы. Они и передали эту традицию в Тибет [Келсанг бакша. Тибетские ... , 2012].

Современный глава школы гелук Его Святейшество Далай-лама XIV отличается демократичностью и секулярным мышлением. Во время религиозных ритуалов и тантрических учений он надевает только канонические головные уборы, а во время публичных лекций и светских конференций носит разные светские головные уборы, козырьки, бейсболки и др.

В Монголии и Бурятии ламские головные уборы / номын малгай (бур.) различаются в зависимости от ранга, духовного звания и должности. Кроме вышеперечисленных церемониальных, в быту зимой ламы носят стеганные шапки с твердой конусообразной желтой тульей и вытянутой вверх макушкой, похожие на тубетейку с полями. Верх шапки кроится из треугольных клиньев, что создает своеобразный граненый силуэт / орой (бур.). Отороченные темным мехом поля шапки отгибаются в теплую погоду вверх, закрывая большую часть тульи, а в холодную опускаются вниз и завязываются тесемками, закрывая уши. Летний вариант такого головного убора без меха. Во время богослужения в храме ламы надевают специальные головные уборы, отличающие их должность. К примеру, лама, наблюдающий за порядком в храме / ширетуй (бур.), имеет желтую высокую, каплевидную, шапку с загнутыми вверх полями из темной ткани. Высшие ламы Бурятии носят сердцеподобную шапку / ниншу (бур.). Ее зимний вариант по краям обшивается темным мехом. У настоятелей монастырей по краям околыша и в центре, надо лбом, проходит одна полоса каймы, у Дид Хамбо лам – две полосы, у Хамбо ламы – три.

Головной убор главы монгольской сангхи / Богдо-гэгэн (монг.) имеет форму пирамиды с усеченной вершиной. Он изготавливается из черной или пяти цветной парчи. Борт на передней стороне головного убора состоит из двух различного размера валиков, набитых мягким материалом. На передней стороне – три нашивки, изображающие глаза и брови. В четырех местах тульи по выступающим углам нашиты шарики из меха, к которым прикреплены кисточки из плетеного красного шнура и медные бубенчики. С боков пришиты две тканевые петли, к одной из них прикреплена голубая завязка из ткани [Музафарова, 2021, с. 150].

Монахи более старых, не реформированных тибетских буддийских традиций носят красные шапки, формой как у гелук, иногда со слегка скругленным верхом / *pan chen zhva dmar* (тиб.), следуя обычаю ученых наставников / пандита (санскр.) индийского буддийского монастыря Наланда. Красный головной убор с тремя горизонтальными желтыми полосами (*jo zhva gling gsum*) введен в Тибете индийским архатом Атишей (982–1054 гг.), прибывшим для распространения учения в страну снегов из Индии по приглашению царя и основавшим школу кадам [Терентьев, 2003, с. 10].

Церемониальные шапки высшего духовенства, сшитые из разноцветной парчи типа *dag zhva ri* ‘*gra*, *dgon* ‘*dus dbu*, *jo zhva rgyun*, *saks z’u*, *sgom zhva dbus* ‘*gyud*, *mkha* ‘*gro* ‘*i dbu skra*, *skar ma za zhva* (тиб.), могут иметь желтый, красный или черный цвет. Разноцветный головной убор *sa skyu khri zhva* (тиб.) увенчанный алмазом / ваджра (санскр.) / *rdo rje* (тиб.) или драгоценностью / *ratna* (санскр.)| *rin po che* (тиб.) носят только великие учителя. Головной убор такого типа, увенчанный пером, встречается

только у изображений индийского мастера Падмасамбхавы (VIII в.), пришедшего в Тибет и основавшего школу нигма. Головные уборы Падмасамбхавы бывают трех видов и знаменуют значимые события его жизни. Когда он родился чудесным образом из цветка лотоса посреди молочного озера, дакини поднесли ему головной убор «бутон лотоса» / падмаи бел мик, *padma'i sbal mig* (тиб.). Когда он выполнил на восьми великих кладбищах особые йогические практики, дакини поднесли ему как символ его величия головной убор «оленья шапка». Когда царь Аршадхара безрезультатно попытался заживо сжечь Гуру Ринпоче, потрясенный этим чудом царь поднес Падмасамбхаве разноцветный головной убор «лотос, освобождающий того, кто его зрит, с лепестками пяти семейств». Внутренняя и наружная стороны этого убора символизируют единство стадий зарождения и завершения. Три остроконечные верхушки – три Тела / кая (санскр.) / *sku* (тиб.). Пять его цветов символизируют пять глав будда-семейств. Украшения в виде солнца и луны – символы искусных метода и мудрости. Синяя окантовка направленных вверх концов – символ безграничных обязательств / самаи (санскр.) / *dam tshig* (тиб.). Венчающая ваджра – символ неколебимого сосредоточения / самадхи (санскр.) / *ting nge 'dzin* (тиб.), а перо грифа сверху – символ постижения высшего воззрения и обретения плода [Берзин, 1993, с. 81].

Основатель школы кагью Кармапа носит Ваджрную корону, или Черную шапку, сплетенную из волос 100 тыс., 300 тыс. или даже 1 млн, дакинй. Они подарили ее первому Кармапе в честь достижения им просветления. Считается, что таких головных уборов два: аутентичную чудесную корону могут видеть только высокореализованные практики, а ее мирской аналог, датируемый XV в., – все. Черная шапка, сшитая из черной ткани и усыпанная драгоценными камнями, стала символом духовного авторитета Кармапы и центральным предметом в самом главном из ритуалов кармакагью – церемонии интронизации. Считается, что, надевая эту корону, Кармапа становится живым воплощением бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары (санскр.) / Ченрези (тиб.) [Браун, 2008, с. 22].

Во время тантрических посвящений участники надевают сложные головные уборы бодхисаттв, состоящие из черного или красного многоярусного парика с ушнишей (санскр.) / зугдор, *gtsug gtor* (тиб.), увенчанной ваджром и пятилепестковой короной с длинными матерчатыми «серьгами». Еще более сложные головные уборы у участников мистерии Цам. Самый сложный и тяжелый головной убор, весящий более сорока килограмм, у оракула Нейчунга. Он украшен павлиньими перьями и флагами в традиции одеяний тибетских средневековых генералов. Его надевают только для церемоний предсказаний. Его вес обусловлен предотвращением левитации оракула. До сих пор в ходу светские средневековые металлические шляпы с полями наподобие английского котелка, увенчанные

драгоценностью / сетхеб, bse theb (тиб.). Главы школ их редко надевают во время путешествий и официальных визитов как символ власти. Проще всего выглядят шапки для медитации / гомша (тиб.) и с бахромой для глаз практиков Чод / чеша (тиб.).

Головной убор патриархов добуддийской национальной тибетской религии бон, увенчанный тройной драгоценностью, имеет синий цвет тульи и восемь красно-желтых лепестков короны. У многих азиатских народов синий цвет имеет отсылку к главному богу неба / Тигри (бур.). В отличие от четырех основных школ, имеющих желтые вставки в монашеские жилетки, бонские монахи носят жилетки с синими вставками. Помимо прочего, это символизирует древность патриархального культа.

Форма и цвет головных уборов духовенства северного буддизма имеют параллели и в других культурах. Иногда это свидетельствует о прямом заимствовании, иногда – об универсальности человеческого опыта. Так, например, некоторые исследователи считают, что «гребни» на головных уборах являются копированием плюмажей шлемов воинов македонской армии. Но такое заимствование исключается, например, при схожести форм с коронами древнеегипетских царей или буденовок.

Головной убор в ваджраяне не только символ сигнальной системы, но нечто гораздо большее и сакральное, имеющее не только исторические, но философские и мистические корни. В связи с этим примечательна история одного из известнейших учителей – Гампопы (1079–1153 гг.). Когда он начал учить, то обрел тысячи учеников, тремя главными из них стали: Первый Кармапа Дюсум Кьенпа (1110–1193 гг.), Пагмо Друпа (1100–1170 гг.) и Салтонг Шогом. Однажды Гампопа дал им по куску красивой ткани и велел изготовить из нее головные уборы за семь дней. Пагмо Друпа был очень послушным и трудолюбивым. Поэтому он тут же принялся за выполнение задачи и изготовил шляпу тонкой работы, украсив ее прекрасной вышивкой и шелковыми свисающими кистями. У Кармапы был другой склад ума. Он внимательно выслушал Гампопу, но и не думал о шляпе, пока не настал последний день. У него оставалось мало времени, поэтому он взял ткань и просто сложил ее замысловатым образом. Салтонг Шогом отнесся к заданию учителя совсем легкомысленно и забыл о нем. Когда настал назначенный день и ученики встретились, двое других спросили его: «Где твоя шляпа? Сегодня нужно отдать ее гуру». Салтонг Шогом поспешно схватил материю и изобразил из нее нечто, слабо напоминавшее заданный предмет. Троица отправилась к Гампопе и поднесла ему свои шляпы. Сначала Гампопа взял ту, что сделал Пагмо Друпа, остался очень доволен и сказал: «Это сделано очень тонко и красиво. Значит, у тебя будет много учеников, твоя линия станет великой и разделится на много ветвей». Далее он взглянул на шляпу Кармапы и сказал: «Ты тоже сделал все очень хорошо. Твой головной убор – довольно простой и без украшений. Это

лишь один предмет, но он очень компактный и надежный. Это значит, что у тебя будет лишь одна линия, однако эта линия будет сильной и в будущем станет лишь крепнуть с годами». Наконец, он взял то, что изготовил Салтонг Шогом, и сказал ему: «Ты был слишком небрежен, у тебя вообще не будет линии» [Рингу Тулку Ринпоче, 2011, с. 261].

В северном буддизме очень важна традиция передачи учения от учителя к ученику. Так образуется соответствие или связь / тен дрел, *ten 'brel* (тиб.). Это не просто опыт практики учения со всеми его деталями, но и результат или плод реализации в виде особого рода энергии. Это переводится как «связь» или «встреча с основой», в том смысле, что все возникает в силу причин и условий. В этой истории проиллюстрирована идея того, как незначительная причина может вызвать серьезные последствия. Неслучайно анахроничное название северного буддизма – ламаизм, в котором лама-учитель становится четвертой драгоценностью наравне с Просветленным / Буддой (санскр.) / Сангей (тиб.), его учением / дхармой (санскр.) / чой (тиб.), его последователями Сангхой (санскр.) / Гендун (тиб.).

Буддизм является многовековой философской традицией, отличающейся практичностью и логичностью во всем. За годы существования он трансформировался в религию, оброс сложной и экзотичной ритуальной составляющей. Каждая деталь в его конфессиональной системе имеет философское значение, транслируя определенные концепции учения, зашифрованные в образы и символы. Для личностей, прошедших даже базовое обучение в буддийских университетах, их понимание не составляет труда. Любой наглядный образ буддийской культуры является опорным конспектом по буддийской философии.

Литература

- Берзин А. Общий обзор буддийских практик. СПб. : Нартанг, 1993. С. 183.
- Браун М. Танец 17 жизней. Невероятная и правдивая история 17-го Кармапы Тибета / пер. с англ. Н. Афанасьева, Л. Ефимовских, Е. Маслова. М. : Открытый мир, 2008. С. 432.
- Далай-лама. Мир тибетского буддизма. СПб. : Нартанг, 1996. С. 389.
- Келсанг бакша. Тибетские ламы-перерожденцы: история и современность. Улан-Удэ, 2012. С. 96.
- Музафарова Н. Р. Традиции изобразительного искусства северного буддизма. Чусовой : Дом печати, 2021. С. 186.
- Рингу Тулку Ринпоче. Путь к бесстрашию. Три колесницы буддизма / пер. с англ. К. Петровой. М. : Ганга, 2011. С. 320.
- Терентьев А. Определитель буддийских изображений. СПб. : Нартанг, 2003. С. 304.

А. А. Пруцких, Т. А. Пруцких (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ТЕОРИИ ДЭН СЯОПИНА

Аннотация. На материале известных цитат выдающегося китайского государственного деятеля Дэн Сяопина представлен краткий обзор основных принципов модернизации общества в период «реформ и открытости» с целью построения социализма с китайской спецификой. В качестве иллюстраций использованы комиксы изучаемого периода времени.

Ключевые слова: Китай, Дэн Сяопин, модернизация, реформы и открытость, развитие, китайский язык.

A. Prutskikh, T. Prutskikh (St. Petersburg)
Saint Petersburg State University of Economics

MAIN PRINCIPLES OF SOCIETY MODERNIZATION IN THE THEORY OF DENG XIAOPING

Abstract. Based on well-known quotes from the prominent Chinese statesman Deng Xiaoping, this article provides a brief overview of the basic principles of modernizing society in the period of “reform and opening up” for the purpose of building socialism with Chinese characteristics. The comics of the studied period of time are used as illustrations.

Keywords: China, Deng Xiaoping, modernization, reforms and opening up, development, the Chinese language.

Любое самое современное общество нуждается в развитии и модернизации, только тогда можно говорить об эволюции и прогрессе человечества. Темпы, содержание и направленность реформ зависят от конкретной ситуации в отдельно взятой стране, но есть множество общих универсальных принципов, на которые правильно ориентироваться при принятии сложных управленческих решений и планировании инновационных процессов. Учиться на чужих ошибках, перенимать чужой опыт, взаимодействовать, сотрудничать и дополнять друг друга, держать курс на мир и соизидание – это залог благополучия любой страны.

В истории разных стран мира есть трудные периоды, которые требуют мудрых решений правителей, сплоченности народа и коренных изменений общества. Нам представляется полезным и познавательным изучить опыт Китая, огромной, самой многонаселенной страны мира, который сумел решить свои политические, экономические и социальные проблемы, преодолеть негативные последствия «большого скачка» (1958–1960 гг.), извлечь уроки из «культурной революции» (1966–1977 гг.), выйти на путь «реформ и открытости», обеспечив стабильное социально-экономическое развитие страны, которое продолжается и по сей день в формате «новой эпохи социализма с китайской спецификой».

Автором и идейным вдохновителем глобальных своевременных и, как показала практика, эффективных преобразований Китая 80-х гг. XX в.

был выдающийся государственный деятель – Дэн Сяопин. Жизнь этого великого человека является примером жизненной стойкости и мудрости, любви к своей Родине и служения китайскому народу – взлеты и падения в карьере Дэн Сяопина отражают сложный процесс трансформации китайского социума – путь к самостоятельности, новаторству, стабильности и благосостоянию.

Начиная с эпохи Нового времени, длительный период истории Китая и всего мира можно назвать эпохой войн и революций. Именно Дэн Сяопин поставил и успешно решил задачу изменить тенденцию разрушения на тенденцию мира и развития. «Человечество нуждалось в мире, отсталый Китай нуждался в развитии, Китай смог выиграть возможность иметь международную среду для мирного развития. Совпадение потребности и возможности сделало развитие Китая реальностью» [Мировоззренческий ... , 2022].

Последовательность проведения реформ была определена Дэн Сяопином следующим образом: 我国经济发展分三步走, 本世纪走两步, 达到温饱和小康。下个世纪用三十年搭配五十年时间再走一步, 达到中等发达国家的水平。这就是我们的战略目标。这就是我们的雄心壮志 [影响 ... , 1996, с. 134]. «Развитие экономики Китая делится на три этапа, за два этапа этого века будет достигнут уровень безбедной жизни и умеренного благосостояния. За 30–50 лет следующего столетия продвигаются еще на один этап, достигают уровня жизни среднеразвитых стран. Это и есть наша стратегическая цель, наше великое устремление». Сроки прохождения заявленных трех этапов скорректировала реальная жизненная ситуация, так, второй этап – достижение уровня 小康 сяокан средней зажиточности состоялся уже в новом веке – 1 июля 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил об искоренении абсолютной бедности в ознаменовании 100-летия КПК. К 2049 г. к столетней годовщине основания КНР запланировано превращение Китая в «сильное, демократическое, цивилизованное, гармонизированное и современное социалистическое государство» [Си Цзиньпин ... , 2021].

стратегические приоритеты, — это сельское хозяйство, энергетика и транспорт, образование и наука [影响 ... , 1996, с. 138]. «Стратегически важное значение имеют, во-первых, сельское хозяйство; во-вторых, энергоресурсы и транспорт; в-третьих, образование и наука» (рис. 1). Последовательность расставленных приоритетов убедительна и логична – многочисленное население огромной страны необходимо накормить и обогреть, дать возможность передвижения в рамках города и страны – решить насущные материальные вопросы бытия, а затем перейти на более высокий уровень сознания – заниматься подготовкой высококлассных специалистов, развивать передовые технологии и стремиться к научному прогрессу.

Работа в сфере образования и науки была определена ключевым звеном проводимых реформ: 从长远看, 要注意教育和科学技术。否则, 我们已经耽误了二十年, 影响了发展, 还要再耽误二十年, 后果不堪设想 [影响 ... , 1996, с. 142]. «В долгосрочной перспективе необходимо обратить внимание на образование, науку и технику. В противном случае, мы уже отстали на 20 лет, что повлияло на наше развитие, если еще задержим развитие лет на 20, то последствия будут невообразимыми». 教育要面向现代化, 面向世界, 面向未来 [影响 ... , 1996, с. 144]. «Образование должно ориентироваться на модернизацию, на весь мир, на будущее». Прозорливый руководитель, по мнению Дэн Сяопина, не должен пренебрегать вопросами образования, иначе строительство модернизации будет невозможным.

Для ускоренного экономического роста необходимо опираться на науку и образование 科学技术是第一生产力 [影响 ... , 1996, p. 146], наука и технологии – главные производственные силы. Важная роль в осуществлении модернизации отводилась интеллектуальному труду, значительно повысилось положение интеллигенции в обществе. В стране открываются новые учебные заведения, правительство выделяет средства на обучение китайцев за границей, приглашаются иностранные преподаватели и ученые, финансируются совместные исследовательские проекты. 中国必须发展自己的高技术, 在世界高技术领域占有一席之地 [影响 ... , 1996, p. 148]. «Китай должен развивать собственные высокие технологии, чтобы занять свое место в мировой сфере высоких технологий» (рис. 2).

Основная задача образования – подготовка высококвалифицированных кадров, в период реформ эта задача усложняется в связи с тем, что обществу нужны гибкие, универсальные, многофункциональные, быстрообучаемые талантливые специалисты:哪一天中国出现一大批三四十岁的优秀的政治家、经济管理家、外交家就好了。同样, 我们也希望中国出现一大批三四十岁的优秀的科学家、教育家、文学家和其他各种专家 [影响 ... , 1996, p. 152]. «Будет здорово, когда в Китае появится много выдающихся политиков, экономистов, менеджеров и дипломатов в возрасте от тридцати до сорока лет. Точно так же мы надеемся, что в Китае будет много выдающихся ученых, педагогов, писателей и других разнообразных специалистов в таком же возрасте» (рис. 3). Китайцы – долгожители, в древней китайской возрастной периодизации жизненного цикла человека возраст до 40 лет называется возрастом выполнения общественных обязанностей, это зрелая молодость, когда человек уже получил образование, имеет небольшой опыт работы, создал семью и несет ответственность перед социумом и государством.

Рис. 1

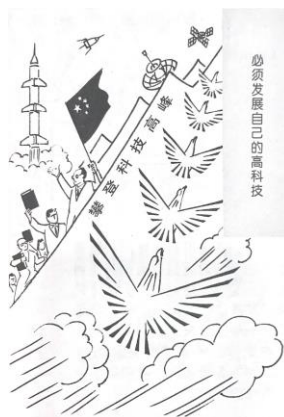

Рис. 2

Мощь государства и результативность экономического развития определяются мастерством рабочей силы, количеством и качеством интеллигенции. Если в большой стране с миллиардным населением образование продвинулось вперед, то огромное преимущество человеческих ресурсов не имеет себе равных ни в одной стране. 有了人才优势, 再加上先进的社会主义制度, 我们的目标就有把握达到 [影响 ... , 1996, p. 154]. «Получив кадровые преимущества, и с учетом передовой социалистической системы, наша цель с уверенностью может быть достигнута». Развитие общества тесно связано с развитием каждого человека, а последнее невозможно без знаний и образования. Лозунг 尊重知识, 尊重人才 («Уважать знания, уважать таланты!») – это призыв не только к решению вопроса безграмотности населения, который Китай успешно решает, приняв в 1986 г. закон об обязательном 9-летнем среднем образовании первой ступени (初中), но и через централизованную системную работу с одаренными детьми повышению интеллектуально-творческого потенциала кадров как средства достижения экономического благополучия и процветания.

Рис. 3

要创造一种环境，使拔尖人才能够脱颖而出。改革就是要创造这种环境。团结人才，使用人才，使领导者成熟的主要标准之一[影响 ... , 1996, p. 156]. «Необходимо создать среду, в которой выдающиеся таланты смогут проявить свои способности. Реформа заключается в создании такой среды. Умение объединить таланты, использовать таланты – один из главных критериев зрелости руководителя».

Патриотическое воспитание – важная задача китайской системы образования на всех уровнях, при решении которой нужно учитывать исторические традиции и современные стратегии развития системы образования КНР. Дэн Сяопин придал новое понимание патриотизму как личному и коллективному содействию быстрому развитию Китая, обеспечению процветания страны в целях повышения уровня жизни народа. 凡是中华儿女，不管穿什么服装，不管是什么立场，起码都有中华民族的自豪感 [影响 ... , 1996, p. 226]. «Все китайские сыновья и дочери, какую бы одежду они ни носили, какое бы положение они ни занимали, как минимум, все испытывают гордость за китайскую нацию» (рис. 4).

Рис. 4

Запущенный процесс реформ является необратимым, долгосрочным и перспективным, поэтому вопрос преемственности поколений, наращивания потенциала и углубления преобразований весьма актуален. 解决组织路线问题，最大的问题，也是最难，最迫切的问题，是选好接班人 [影响 ... , 1996, p. 192]. «После решения вопроса организационной линии, самой большой, но также и самой сложной и неотложной проблемой является выбор преемника».

Следует обратить внимание, что провозглашенное строительство социализма с китайской спецификой – это небывалый по масштабам смелый

эксперимент комбинации планового социалистического хозяйства и рыночной экономики, сильной государственной власти и частной собственности на землю в терминах долгосрочной, практически пожизненной, аренды. Это критическое осмысление и разумное применение опыта советской экономики в годы НЭПа и тяжелые послевоенные времена и впечатляющих успехов «азиатских тигров» – Сингапура, Южной Кореи, Тайваня.

Закрытый от всего мира Китай боялся международного взаимодействия, капитализм всегда представлялся в образе злейшего врага, поэтому методы и модели рыночной экономики следовало вводить очень осторожно. 不要以为搞点市场经济就是资本主义道路，没有那么回事。计划和市场都得有。不搞市场，连世界上的信息都不知道，是自甘落后 [影响 ... , 1996, p. 168]. «Не следует думать, что привлечение рыночной экономики – это капиталистический путь, это совсем не так. Должны быть и план, и рынок. Если вы не занимаетесь рынком, вы даже не знаете информации в мире – вы добровольно соглашаетесь со своим отставанием» (рис. 5).

Рис. 5

Дэна Сяопина отличали мышление образами, практическая мудрость, использование народных выражений. Он считал, что метафоры помогают выйти за рамки строгой логики и добиться понимания у народа. Для объяснения процесса модернизации экономики и перехода на «рыночные рельсы», для доступности и понятности простым людям появились знаменитые цитаты Дэн Сяопина про кошку – 不管黑猫白猫，捉到老鼠就是好猫 «Неважно, белая кошка или черная, если ловит мышей, значит, хорошая кошка», про камни в реке – 摸着石头过河 «переходить реку, ощупывая камень за камнем», про бесстрашие – 要维护我们独立自主、不信邪、不怕鬼的形象 «Мы должны поддерживать образ нашей страны как независимой, не верящей в зло и не боящейся призраков».

Цифра «четыре» для современных китайцев несет весьма негативную окраску, поскольку созвучно со словом «смерть» (四 sì четыре, 死 sǐ смерть), однако в древней культуре Китая число «четыре» имеет вполне нейтральное значение, обозначает 4 части света, 4 времени года, 4 великих

изобретения Китая (四大发明) – компас, порох, бумага и книгопечатание, 4 драгоценности кабинета (文房四宝) – бумага, кисть, тушь и тушечница и др. В программе реформ и открытости Дэн Сяопина тоже встречается цифра «четыре»:

✓ четыре модернизации – это модернизация промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники.

✓ четыре основных принципа политической стабильности реформ: социалистический путь развития, демократическая диктатура пролетариата, руководство компартии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна.

✓ четыре основных принципа кадровой политики: революция,年轻化,知识化,专业化 [影响 ... , 1996, p. 194]. «Четыре модернизации кадров – это революционизирование, омоложение, приобретение знаний и специализация кадров».

✓ четыре основных принципа кадровой политики: революция,年轻化,知识化,专业化 [影响 ... , 1996, p. 211]. «Необходимо воспитать людей, чтобы они стали людьми, обладающими “четырьмя качествами”, и воспитать кадры, чтобы они стали кадрами, обладающими “четырьмя качествами”» – 有理想、有道德、有文化、有纪律 (высокоидейность, высоконравственность, культура и дисциплинированность).

В появившейся в 70-х гг. промышленной зоне Шэкоу был выдвинут лозунг 时间就是金钱, 效率就是生命 «Время – деньги, эффективность – жизнь», который получил всекитайскую известность. Дэн Сяопин призывал постоянно наращивать темпы реформ, но при этом всегда продолжал руководствоваться китайской мудростью «торопись медленно», что проявляется в постепенном, поступательном, эволюционном процессе реформирования. «Отсюда – взвешенный и ответственный подход к последовательности, глубине и темпам преобразований, стремление по возможности избежать радикализма в принятии решений» [Смирнов, 2004, с. 26].

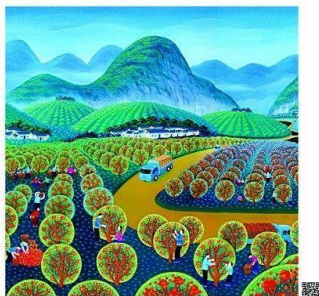
Модернизация китайского общества, начатая Дэн Сяопином, продолжается в формате «китайской мечты» под руководством нового лидера страны Си Цзиньпина. 29 ноября 2012 г. во время посещения выставки «Путь к возрождению» Си Цзиньпин впервые ввел в оборот выражение «китайская мечта», он сказал, что китайская мечта (рис. 6) – это мечта страны, всей китайской нации и каждого китайца.

Китайская мечта – это в конечном счете мечта народа. Претворяя в жизнь китайскую мечту, необходимо идти по китайскому пути, развивать китайский дух и сплотить силы Китая. Китайская мечта – это мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимном выигрыше, что осчастливит не только китайский народ, но и все народы мира. Чтобы воплотить мечты в жизнь, нужно много работать [Китайская ... , 2022]. Китай показал пример всему миру, как добиваться реальных успехов во всестороннем масштабном реформировании государства путем модернизации экономической, политической, социальной и морально-нравственной системы общества.

讲文明树新风 公益广告

中国精神 中国形象 中国文化 中国未来

中华圆梦
满园吉祥

中国网络电视台制 广东厦门 黄伟中 陈成成作

Рис. 6

Литература

- Китайская мечта. URL: <https://ruchina.org/chinadream.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- Мировоззренческий универсум Дэн Сяопина. URL: <http://www.svom.info/entry/760-mirovozzrencheskij-universum-den-syaopina/> (дата обращения: 01.10.2022).
- Си Цзиньпин заявил о построении Китая общества средней зажиточности. URL: <https://news.ru/asia/si-czinpin-zayavil-o-postroenii-kitaem-obshestva-srednej-zazhitocnosti/> (дата обращения: 01.10.2022).
- Смирнов Д. А. Дэн Сяопин и модернизация Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5. С. 21–29.
- 影响二十世纪中国历史的三巨人说 (第三册) 邓小平说: 建设有中国特色的社会主义 (漫画本). 广东经济出版社, 1996. 274 页.

ИЗРАИЛЬ И КУРДЫ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ОТНОШЕНИЙ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Аннотация. Отмечается, что израильтяне и курды имеют много общего в своей истории (оба народа подвергались постоянным гонениям, вели борьбу за сохранение идентичности в окружении превосходящих по численности и агрессивно настроенных в их отношении национально-этнических групп). Обобщается история израильско-курдских отношений, складывавшихся в условиях сложных перипетий биполярной конфронтации второй половины XX в. и непрекращающихся вызовов международной безопасности XXI в.

Ключевые слова: израильско-курдские отношения, Израиль, курды, Ближний и Средний Восток.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10179).

A. Sennikov (Kirov)

Vyatka State University

ISRAEL AND KURDS: THORNY PATH OF RELATIONS (HISTORY AND MODERNITY)

Abstract. Israelis and Kurds have a lot in common in their history. Both relatively small peoples were subjected to constant persecution, fought to preserve their identity in the environment of peoples that were superior in number and aggressive towards them. This report summarizes the history of Israeli-Kurdish relations that developed in the complex ups and downs of the bipolar confrontation in the second half of the 20th century and the ongoing challenges to international security in the 21st century.

Keywords: Israeli-Kurdish relations, Israel, Kurds, Near and Middle East.

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-78-10179).

Два народа – евреи и курды – имеют давнюю историю совместного проживания и сотрудничества, которая уходит в древние времена. Их сожителство зачастую имело толерантный характер, заключавшийся в веротерпимости, экономической кооперации и обоюдном противостоянии внешней агрессии в лице более многочисленных и сильных соседних народов и наций: турок, персов, арабов [Bengio, 2014, p. 2].

Израильско-курдские отношения прошли длинный и тернистый путь с начала 1950-х гг. до настоящих дней и имели комплексный характер. На их выстраивании сказывались динамика международных отношений, влиявшая на израильскую внешнюю политику, арабо-израильские противоречия, формирование курдского национально-освободительного движения, сложившиеся за годы добрососедства двусторонние социальные и культурные связи. В силу совпадавших по многим параметрам интересов на Ближнем Востоке, руководители Израиля и отдельных курдских диаспор находили точки соприкосновения, налаживали связи и не утрачивали их даже в самые тяжелые периоды. Современная историческая наука уделяет

все больше внимания изучению израильско-курдских связей для понимания эволюции политического процесса на Ближнем и Среднем Востоке во второй половине XX – начале XXI в.

Образование государства Израиль в 1948 г. привело к трансформации взаимного восприятия и изменению форм сотрудничества. С одной стороны, победа евреев в первой арабо-израильской войне и создание ими собственного государства подавали пример курдам, не обретшим к середине XX в. суверенной территории. С другой стороны, будучи национальными элементами государств, чьи правительства не признавали Израиль или находились с ним в противоречивых отношениях, курды вынуждены были занимать позицию антисемитизма или нейтрализма с тайной симпатией к еврейскому этносу. Тель-Авив, после 1948 г. оказавшийся в окружении антагонистически настроенных арабских режимов, открыто заявлявших о стремлении «сбросить евреев в море», попал в сложнейшую международно-политическую ситуацию и стремился найти любую точку опоры на Ближнем и Среднем Востоке, любую брешь в арабской антиизраильской коалиции. В силу последнего обстоятельства наиболее приемлемыми для израильского руководства партнерами оказались иракские курды.

Первое соприкосновение с курдами у Израиля случилось в 1950–1951 гг., когда в Ираке на фоне недавно проигранной арабо-израильской войны стала нарастать волна еврейских погромов [Минасян, 2007, с. 92–93; Mamikonian, 2005, с. 387]. Часть иракской еврейской общины смогла найти убежище в Иракском Курдистане, среди известных своей терпимостью по отношению к иудеям курдов. Израильская разведывательная организация (с 1 апреля 1951 г. получила официальное название «Моссад») в мае 1950 – декабре 1951 г. провела операцию «Ездра и Неемия» (также встречается название «Али-баба» [Минасян, 2007, с. 93]) по репатриации иракских евреев самолетами через Кипр [Khosravi, Kalhori, Namahmorad, 2016, p. 172; Mamikonian, 2005, ч. 388]. После вскрытия части агентурной сети «Моссада» иракской контрразведкой во второй половине 1951 г., масштабы операции были сокращены, а поток еврейских беженцев перенаправлен на зеленый коридор из Иракского Курдистана через Иран и Турцию. По оценкам западных исследователей, Ирак покинуло порядка 120–130 тыс. евреев, из которых чуть меньше трети – через зеленый коридор в Северном Ираке [Минасян, 2007, с. 92–93; Bengio, 2014, p. 2; Mamikonian, 2005, p. 387–388, 390].

Кооперация с иракскими курдами была личной инициативой директора «Моссада» Р. Шилоя и осуществлялась агентами Я. Карозом (в 1950–1954 гг.) и Я. Нимроди (в 1954–1978 гг.) [Cooley, 2005, p. 80]. Иракские и курдские евреи в будущем станут важным звеном в политике взаимодействия с курдским национально-освободительным движением в Ираке. Хотя операция 1950–1951 гг. положила начало контактам израильских

спецслужб с курдами (через иракских курдов были налажены связи с их сирийскими, иранскими и турецкими собратьями, параллельно открылись связи с курдскими беженцами в Ливане), широкого взаимодействия налажено не было [Воробьева, Юнгблюд, 2019, с. 2].

Следующим шагом для Израиля, предопределившим установление более прочных отношений с курдами, стало конституирование периферийной стратегии, или доктрины Бен-Гуриона (по имени на тот момент премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона) [Bishku, 2018, p. 52]. Она подразумевала налаживание тайных отношений с неарабскими и немусульманскими силами Ближнего и Среднего Востока, будь то государства, такие как Иран, Турция и Эфиопия, или отдельные религиозные и этнические меньшинства, такие как курды, ливанские христиане, ассирийцы, южные суданцы и пр. [Bishku, 2018, p. 52, 54; Mamikonian, 2005, p. 392]. Осуществление подобной стратегии стало возможно после изменений, произошедших в международных отношениях после Суэцкого кризиса 1956 г. (в котором Израиль принимал непосредственное участие, не получив от военной победы существенных политических дивидендов), а также Ливанского и Сирийского кризисов и Июльской революции в Ираке 1958 г. – событий, совокупность которых усилила конфронтацию в регионе.

В 1961 г. в Иракском Курдистане вспыхнуло восстание под руководством курдского лидера Муллы Мустафы Барзани против центрального правительства в Багдаде за права автономии, а потенциально – и за образование независимого курдского государства. Действия иракских курдов привлекли внимание израильской разведки, увидевшей в них эффективных союзников в борьбе с наиболее последовательными противниками Израиля в регионе [Bengio, 2014, p. 4]. Однако взаимодействие с курдами могло осуществляться через территорию другого субъекта. Такое взаимодействие Тель-Авиву удалось организовать только во второй половине 1960-х гг., когда иракским курдам поддержку стал оказывать шахский Иран [Воробьева, Юнгблюд, 2019, с. 2; Сенников, 2018, с. 41].

В 1963 г. были налажены непосредственные контакты представителей израильской разведки и движения Барзани, состоялась их личная встреча в Париже. Осенью 1964 г. с согласия премьер-министра Л. Эшколя и под присмотром директора «Моссада» М. Амита началась операция «Ковер» по поддержке иракских курдов, руководство которой было поручено военному атташе Израиля в Иране Нимроди [Bishku, 2018, p. 55; Mamikonian, 2005, p. 395]. В 1968 и 1973 гг. Мустафа Барзани лично посещал Израиль и контактировал с его руководством [Дюрре, 2018, с. 2; Bengio, 2014, p. 5; Cooley, 2005, p. 82].

Тель-Авив наравне с Тегераном стал главным спонсором курдского сепаратизма в Северном Ираке, поставляя вооружение, боеприпасы, лег-

кую технику и инструкторов, а также организова центры разведки в Иракском Курдистане [Минасян, 2007, с. 97–98; Bengio, 2014, р. 5–6; Bishku, 2018, р. 56–57; Mamikonian, 2005, р. 393]. Израильцы потратили порядка 10 млн долл. в 1965–1975 гг. на поддержание курдского движения [Mamikonian, 2005, р. 395–396]. Лично для Мустафы Барзани было установлено ежегодное пособие в 50, а затем 100 тыс. долл. [Bishku, 2018, р. 59; Khosravi, Kalhori, Namehmo-rad, 2016, р. 172]. Ирано-израильская поддержка позволяла курдам сковывать иракские силы, а также создавала угрозу Сирии, чье руководство с 1963 г. опасалось восстания в Сирийском Курдистане. Значительные формирования сирийских и иракских войск были отвлечены от Израйля [Минасян, 2007, с. 96; Mamikonian, 2005, р. 394].

Помимо военной области, Израиль оказал значительную помощь в области сельского хозяйства, образования и медицины. Наряду с предоставлением прямой спонсорской поддержки, он стал своеобразным лоббистом курдских интересов на международной арене – в Иране, Турции и, самое главное, в США. Совместными усилиями Тель-Авиву и Тегерану, на фоне усиливавшегося влияния Москвы на Багдад, удалось склонить Вашингтон к оказанию поддержки иракским курдам, которая началась летом 1972 г. Помощь Израйля курдам воспринималась иракским правительством как угрожающая непосредственно суверенитету и территориальной целостности Ирака. В самом Тель-Авиве в конфиденциальных беседах с эмиссарами Барзани не скрывали благожелательного отношения к планам создания иракскими курдами суверенного государства. Официальная иракская пропаганда прямо обвиняла курдов в стремлении превратить Иракский Курдистан во «второй Израиль» [Дюрре, 2018, с. 2; Минасян, 2007].

Поддержка курдов принесла свои плоды во время арабо-израильской войны в октябре 1973 г. Иракская армия не смогла оказать существенного влияния на конфликт, ограничившись символическим участием в обороне Дамаска. Тем не менее, вопреки желаниям правительства Г. Меир, требовавшего начала наступления сил Барзани в Иракском Курдистане, Мустафа Барзани, после консультаций с Вашингтоном и Тегераном, от такой авантюры отказался. Неучастие курдов в противодействии арабам в ходе третьего арабо-израильского конфликта охладило израильско-курдские отношения, но лишь на короткий срок [Дюрре, 2018, с. 2].

Сотрудничество Израйля, Ирана и США с иракскими курдами продолжалось вплоть до марта 1975 г. и было резко прервано по инициативе иранского монарха М. Р. Пехлеви. Шаху удалось договориться с баасистским руководством Ирака о редемаркации границы и взаимном невмешательстве в дела этнонациональных меньшинств, что поставило крест на дальнейшей операции по поддержке иракских курдов. Вашингтон без особых препирательств принял позицию Тегерана [Сенников, 2018, с. 41], тогда как в Тель-Авиве этот курс вызвал непонимание и противодействие

[Дюрре, 2018, с. 2]. Израилу пришлось отозвать своих агентов с территории Иракского Курдистана, но не всех, последние из них покинули этот регион только в 1979 г. [Сенников, 2018, с. 42].

Во второй половине 1970-х гг. Тель-Авив продолжал тайно сотрудничать с отдельными представителями расколовшегося после марта 1975 г. курдского движения, помогать курдским беженцам из движения Барзани в Иране и США, а также лоббировать возобновление западной поддержки курдам Ирака [Минасян, 2007, с. 98; Mamikonian, 2005, p. 395]. Благодаря еврейской интеллигенции на Западе складывался позитивный образ иракских курдов, который в случае надобности активно используется западной пропагандой и по сей день [Khosravi, Kalhori, Namehmo-rad, 2016, p. 174].

Исламская революция в Иране 1978–1979 гг. стала следующей вехой во взаимоотношениях Израиля с курдами. Она привела к утрате израильскими спецслужбами связи с иракскими курдами в Иране (в феврале 1979 г. иранское правительство свернуло дипломатические отношения с Израилем) [Воробьева, Юнгблюд, 2019, с. 7] и заставила часть самих курдов, в первую очередь из числа наследников движения Барзани, переориентироваться на теократический режим аятоллы Р. Хомейни. В силу антиизраильской позиции иранского режима происходило свертывание израильско-курдских связей. Вторая по влиянию группа иракских курдов во главе с Дж. Талабани стала сотрудничать с режимом Х. Асада в Сирии, что также исключало взаимодействие с израильянами [Bishku, 2018, p. 57; Mamikonian, 2005, p. 396].

В 1980-е гг. израильяне продолжали поддерживать контакты с курдской диаспорой на Западе, участвовали в гуманитарной помощи беженцам и жертвам ирано-иракской войны, освещали бедствия курдского народа в Ираке и Иране, в том числе насильственное переселение курдов в южные районы Ирака и применение против курдских повстанцев химического оружия в 1987–1989 гг. [Bishku, 2018, p. 60]. Однако попытки Тель-Авива перезапустить периферийную стратегию наталкивались на нежелание Вашингтона погружаться в хитросплетения курдского вопроса [Минасян, 2007, с. 98–99; Mamikonian, 2005, p. 397].

Восстановлению прямых связей между Тель-Авивом и иракскими курдами способствовало сворачивание биполярной конфронтации и установление нового мирового порядка, закрепленное в 1991 г. военной победой международной коалиции во главе с США над Ираком после его вторжения в Кувейт. С созданием летом 1991 г. бесполетной зоны над Иракским Курдистаном, курды получили фактическую самостоятельность от Багдада, ограниченную скудными ресурсами и волей западных спонсоров. Израиль в этой ситуации выступил локомотивом международной солидарности с судьбой курдов и одним из основных источников гуманитарной поддержки [Минасян, 2007, с. 99; Mamikonian, 2005, p. 397–398].

В 1994 г. в Иерусалиме была создана лига дружбы Израиль – Курдистан, объединившая курдских и еврейских интеллектуалов и поддержанная влиятельной лоббистской организацией американской еврейской общины – Американо-Израильским комитетом по общественным связям [Дюрре, 2018, с. 2–3; Bengio, 2014, р. 3]. Вместе эти две структуры выступили с поддержкой независимости Иракского Курдистана.

Окончательное конституирование израильско-курдских отношений сдерживала позиция Турции, боровшейся с собственным курдским сепаратизмом. Сохранение позитивной повестки с ключевым союзником из стран Ближнего Востока было во второй половине 1990-х гг. важной задачей израильского руководства [Минасян, 2007, с. 99]. Израильтяне даже оказали помощь Турции, совершив налеты на лагеря беженцев Рабочей партии Курдистана в Ливанской долине Бекаа в ходе операции «Гроздь гнева» (1996 г.) и содействовав установлению местонахождения и захвату лидера турецких курдов А. Оджалана (1999 г.) [Минасян, 2007, с. 100; Bengio, 2014, р. 7; Bishku, 2018, р. 61].

После 1998 г., когда в Вашингтоне было принято решение об устранении режима С. Хусейна в Ираке, Израиль начал наращивать военное и разведывательное присутствие в Иракском Курдистане, помогая готовить курдские вооруженные формирования [Bishku, 2018, р. 62]. Этот процесс укрепился после свержения режима Хусейна в 2003 г. в результате военной интервенции США. Иракские курды, союзные США, получили юридическое оформление своей автономии, а их политические лидеры стали частью управленческой элиты оккупированного американцами государства [Дюрре, 2018, с. 3; Минасян, 2007, с. 100–101].

Открылись легальные пути для укрепления израильско-курдских связей, которые сместились с военных и политических аспектов на экономические. Сотрудничество стало развиваться в таких областях, как сельское хозяйство, нефтедобыча, транспортная и социальная инфраструктура, информационные технологии и цифровые коммуникации [Дюрре, 2018, с. 3; Минасян, 2007, с. 103; Bengio, 2014, р. 8; Bishku, 2018, р. 63]. Однако, влившись в политическую элиту Ирака, курдские лидеры вынуждены были лавировать и оправдывать свои связи с израильтянами, поскольку общие антиизраильские настроения среди арабов оставались сильными и в годы американской оккупации, и тем более после ее окончания [Bengio, 2014, р. 9; Bishku, 2018, р. 63–64].

С выводом американских войск из Ирака при Б. Обаме, израильское руководство задумалось об укреплении собственных позиций в Северном Ираке. Это было связано с потенциальной угрозой безопасности, исходящей от ядерной программы Ирана [Дюрре, 2018, с. 4]. В 2011 г. израильская разведка возобновила постоянное присутствие в Иракском Курди-

стане, организовав, как и в 1970-е гг., разведывательные базы для слежения за территорией Ирана и, в случае необходимости, осуществления диверсионных операций [Khosravi, Kalhori, Namehmodad, 2016, p. 175–176].

Одновременно важнейшими в регионе контрагентами Израиля стали сирийские курды, оказавшиеся в ходе Гражданской войны в Сирии (начавшейся в 2011 г.) в стане противников как легитимного правительства Б. Асада, так и исламских фундаменталистов из Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) [Bengio, 2014, p. 10–11]. С 2015 г. курдские районы Сирии и Ирака, богатые запасами углеводородов, стали энергетическо-сырьевой базой для Израиля, активно закупавшего нефть и газ через посредничество Турции. Частично такое взаимодействие было свернуто после утраты контроля иракскими курдами над Киркуком (в 2017 г.), но продолжается в отношении нефтеносных бассейнов Сирийского Курдистана (где расположены американские военные контингенты) [Власти Сирии ...; Bishku, 2018, p. 67].

Осенью 2017 г. Израиль оказался одним из немногих государств, поддержавших курдский референдум за отделение от Ирака [Дюрре, 2018, с. 4; Bishku, 2018, p. 68]. Тем не менее реальных действий в поддержку курдского выбора Тель-Авив не предпринял, поскольку администрация Д. Трампа, на которую ориентировалось правительство Б. Нетаньяху, не поддержала ни проведение референдума, ни его итоги [Bishku, 2018, p. 69]. В настоящее время сотрудничество Израиля и Курдского автономного региона Ирака продолжается во всех плоскостях: открыто в социально-экономической и культурной, неафишируемо – в разведывательной и военной.

Израильско-курдские отношения прошли долгий путь, практически всегда осуществлялись в условиях взаимной терпимости и схожести региональных интересов. Связи Израиля и иракских курдов были важным фактором международных отношений на Ближнем Востоке во время холодной войны, в настоящее время они являются серьезным стабилизирующим и институционализирующим элементом ближневосточного политического процесса, в который вовлечены глобальные и региональные интересы многих государств, включая Россию, США, Иран, Ирак, Турцию и Сирию.

Литература

Власти Сирии заявили, что почти всю добываемую на востоке страны нефть похищают // ТАСС, 3 февр. 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10613923>.

Воробьева Т. А., Юнгблуд В. Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // История. 2019. Т. 10, Вып. 3 (77). URL: <https://history.jcs.su/s207987840005469-4-1>.

Дюрре И. Иракский Курдистан во внешней политике Израиля: истоки отношений и современное состояние // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11. URL: <https://doi.org/10.24158/per.2018.11.5>.

Минасян С. Израильско-курдские отношения в контексте политических процессов на Ближнем и Среднем Востоке // X век. 2007. № 2 (6). С. 89–92.

Сенников А. И. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1977–1978 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 41–47.

Bengio O. Surprising Ties between Israel and the Kurds // Middle East Quarterly. 2014. Vol. 21, N 3. P. 1–12.

Bishku M. Israel and the Kurds: A Pragmatic Relationship in Middle Eastern Politics // Journal of South Asian and Middle Eastern studies. 2018. Vol. 41, N 2. P. 52–72.

Cooley J. An Alliance Against Babylon: The U.S., Israel, and Iraq. London : Pluto Press, 2005. 258 p.

Khosravi J., Kalhori J., Hamemhorad L. The Presence of Israel in Iraqi Kurdistan and its Security Challenges for Iran's National Security // Journal of Politics and Law. 2016. Vol. 9, N 7. P. 169–177.

Mamikonian S. Israel and the Kurds (1949–1990) // Iran & the Caucasus. 2005. Vol. 9, N 2. P. 381–399.

УДК 327

В. А. Слепенков (Саратов)

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Аннотация. Рассматриваются вопросы политики и экономики во взаимодействии между Европейским союзом и Китайской Народной Республикой в конце XX – начале XXI в. Исследованы аспекты двустороннего сотрудничества акторов международных отношений на материале официальных документов Европейского союза и Китая, при этом делается акцент на военно-стратегические и торговые связи.

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, сотрудничество, политика, экономика.

V. Slepencov (Saratov)

Saratov National Research State University
named after N. G. Chernyshevsky

THE NATURE OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE EUROPEAN UNION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AT THE TURN OF THE XX – XXI CENTURIES

Abstract. This article examines the issues of political and economic relations between the European Union and the People's Republic of China in the late 20th – early 21 centuries. The paper examines aspects of bilateral cooperation between the actors of international relations. The author analyzes the official documents of the European Union and China, focusing on military-strategic and trade ties.

Keywords: European Union, China, cooperation, politics, economics.

В начале 1990-х гг. политические и экономические амбиции государств – участников Евросоюза оказали большое влияние на определение внешнеполитической стратегии интеграционного объединения по отношению к Китаю. Доклад Европейской комиссии «К новой стратегии в Азии» от 1994 г. стал первым программным документом, в котором было уделено внимание важности выстраивания полноценных контактов с Китаем, как и

с другими государствами Азиатского региона. Значительную роль в становлении направлений политики ЕС относительно КНР сыграл поворот политики правительства США в сторону налаживания контактов с КНР в политическом и экономическом аспектах. Усилившееся внимание со стороны США требовало от ЕС учреждения соответствующих мер по защите собственных экономических интересов.

5 июля 1995 г. Европейская комиссия опубликовала доклад «Долгосрочная политика Европейского союза в отношении Китая», который заложил основы политики взаимодействия интеграционного объединения с данным государством. Большое внимание было уделено координации действий государств – членов Союза, в документе был сделан акцент на политику конструктивного вовлечения КНР в международные политические и экономические процессы. Кроме того, в рамках ЕС предполагалось поощрение развития внутренних реформ в различных сферах жизни общества. Евросоюз отметил наличие планов относительно широкого участия КНР в решении глобальных и региональных проблем, включая вопрос о правах человека [Oetzel, 2004]. Документ закрепил соблюдение мировых стандартов в сфере защиты прав человека и гражданина на одном уровне, что и развитие политической либерализации.

В данном контексте стоит указать, что Европейский союз выражал надежды относительно проведения в КНР основательных экономических реформ, что позволит наладить и улучшить уровень сотрудничества между ними. Большое внимание также уделялось различного уровня обучающим программам Евросоюза и Китая, т. е. предполагался обмен научными знаниями в области технологий. Необходимо отметить заинтересованность ЕС в построении полноценного диалога с правительством Китая, так, например, Европейская комиссия рассчитывала на согласованность действий институтов Евросоюза и большинства стран-участниц на китайском направлении.

Что касается вопроса соблюдения прав человека в КНР, то вплоть до середины 1990-х гг. ЕС неоднократно выступал за подписание документов ООН, которые подтверждали нарушение в Китае базовых свобод человека и гражданина. Однако, по мнению некоторых исследователей, это могло напрямую сказаться на уровне развития торгово-экономических отношений Евросоюза и Китая, особенно на фоне того, что ЕС фактически никак не мог повлиять на разрешение данного вопроса. В итоге администрация ЕС приняла решение об изменении стратегии в отношении КНР и начала организацию полноценного диалога с правительством Китая по вопросу прав человека и гражданина. Одним словом, политика конструктивного вовлечения, выработанная Евросоюзом, представлялась попыткой ЕС в области примирения аспекта прав человека и экономических интересов стран Европы и КНР.

Регулярные встречи между представителями Евросоюза и Китая начали проводиться с 1997 г. Их главная цель заключалась в оказании содействия в области перехода КНР к открытому демократическому сообществу с учетом законов и уважения свобод человека. Диалог основывался на трех главных составляющих: переговоры на высшем уровне между официальными представителями, проведение экспертных семинаров в области научно-технических связей, а также разработка проектов по стабилизации и ускорению программ сотрудничества [Chen Zhimin, 2007, p. 98].

Следующим основополагающим аспектом в определении политики Евросоюза по отношению к КНР стало принятие 25 марта 1998 г. документа «Строительство всеобъемлющего партнерства с Китаем». Причиной к разработке данного сообщения стали внутренние перемены в структуре Европейского союза, а также изменения в правительстве Китая. В 1997 г. был учрежден Амстердамский договор, фактически определивший направления интеграционного реформирования в связи с расширением ЕС двумя годами ранее [Европейский, 2015, с. 286–289]. Что касается Китая, то администрация была обеспокоена его внутривластной ситуацией, изменившейся вследствие смерти Дэн Сяопина в 1997 г., кроме того, важное значение в данном контексте занимает передача Гонконга под контроль правительства КНР. Представители Союза считали, что эти факторы могут негативно повлиять на дальнейшее выстраивание диалога между интеграционным объединением и азиатским государством.

В сфере выстраивания взаимодействия с Китаем Евросоюзу было необходимо брать во внимание и ряд внешних факторов. В докладе Еврокомиссии 1998 г. указано, что ЕС должен быть готов в непродолжительные сроки адаптировать свою политику в соответствии с любыми непредвиденными событиями [Цыплин, 2020, с. 155]. Включение Китая в круг партнеров форума «Азия – Европа» существенно изменило уровень отношений между странами Европы и КНР. В начале апреля 1998 г. в столице Великобритании Лондоне состоялась первая встреча в рамках форума «Азия – Европа» с участием представителей ЕС и КНР. Задачи, поставленные перед участниками переговоров, во многом отражали пункты, представленные в документе 1998 г. [Müller, 2002, p. 22]. Кроме того, администрация Евросоюза была заинтересована во вступлении Китая в число членов ВТО. Данная мера, по мнению западных исследователей, могла бы гарантировать соблюдение КНР рыночных механизмов экономики, расширение внутреннего рынка экспортных товаров и услуг, а также развитие кооперационного предпринимательского сотрудничества [Casarini, 2006, p. 56–57].

В мае 2000 г. Европейский союз и КНР подписали двусторонний договор в сфере тарифных уступок, финансовых и страховых услуг, телеком-

муникаций, который определил условия для последней и выступил основой для последующего вступления Китая в ВТО. В мае следующего, 2001 г. Европейская комиссия разработала очередной доклад «Стратегия ЕС в отношении Китая: дополнения к документу от 1998 г. и дальнейшие шаги для более эффективной политики ЕС», который определил краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные перспективы политики Евросоюза [EU, 2001]. Важное внимание следует уделить пункту, в котором было заявлено о намерении ЕС улучшать и расширять всестороннее партнерство с Китайской Республикой.

События 11 сентября 2001 г. значительно сблизили Евросоюз и Китай не только в экономическом плане, но и в области военно-политического и стратегического партнерства [Кузнецов, 2012, с. 59]. Задача обеспечения международной безопасности и борьба с проявлениями терроризма и экстремизма в мире стали основой сотрудничества ЕС и КНР наряду с торговыми отношениями.

Необходимо отметить экономическую составляющую отношений ЕС и КНР, которая являлась фундаментом для дальнейшего развития их связей. По состоянию на 2001 г. товарооборот между интеграционным объединением и государством Азии превысил 100 млрд евро, увеличившись в 2,6 раза в сравнении с данными 1995 г. Дефицит торгового баланса, в свою очередь, в 2000 г. достиг показателя в 46 млрд евро в пользу Китая. Кроме того, в декабре 2001 г. Китай стал полноправным членом Всемирной торговой организации, что, очевидно, усилило влияние КНР на глобальные экономические процессы [Ван, 2007, с. 22–24].

Таким образом, период 1995–2001 гг. был отмечен сближением правительств европейских государств и Китая не только в сфере экономики, но и в области политического взаимодействия. Провозглашая стратегию конструктивного вовлечения КНР, администрация Евросоюза была нацелена на установление с ним прочных партнерских связей. Китай, в свою очередь, был заинтересован в увеличении числа стран в сфере расширения экспорта товаров и услуг собственного производства, а также привлечении потоков иностранных инвестиций. Кроме того, превращение ЕС в глобального актора международных отношений конца XX – начала XXI в. полностью отвечало интересам правительства КНР по причине необходимости союзника против глобальной гегемонии США. Экономический рост Китая способствовал его возрастающему политическому влиянию на международной арене, против чего не высказывались представители администрации Евросоюза.

Американская операция против Ирака сыграла важную роль в свете дальнейшего развития отношений Евросоюза и Китая. На рубеже 2002–2003 гг. произошли серьезные разногласия между Соединенными Штатами и тройкой ЕС – Германией, Францией, Великобританией, причем

США и Великобритания в данном отношении занимали одинаковую позицию. Французские и немецкие руководители критиковали американских лидеров за вмешательство во внутригосударственные дела суверенной страны, а британских – за поддержку ими высших политических кругов США [Троицкий, 2004, с. 108–109]. Правительство КНР считало соответствующее поведение лидеров Германии и Франции признаком возрастающей независимости и роли Евросоюза в глобальной политике.

В июне 2002 г. представители ЕС и КНР приняли решение об обновлении существовавшего между ними политического диалога. В частности, большое внимание уделялось обсуждению актуальных вопросов, касающихся всеобщего мира и безопасности, предотвращения и урегулирования конфликтов, борьбы с любыми проявлениями терроризма и экстремизма [Berkofsky, 2006, p. 187]. Осенью того же года в столице Дании Копенгагене состоялся очередной саммит Евросоюза и Китая в рамках форума «Азия – Европа», на котором представители сторон подтвердили взаимные амбиции государств в усилении сотрудничества во всех областях, включая взаимодействие по преодолению глобальных проблем.

Важное значение для активизации двусторонних контактов имел документ, разработанный Европейской комиссией в 2002 г., под названием «Стратегия в отношении Китая на 2002–2006 гг.». Документ закреплял основополагающие аспекты сотрудничества: поддержку социально-экономических реформ, дальнейшее развитие взаимодействия с КНР в области окружающей среды и ее устойчивого развития, а также поддержку многих китайских проектов по усовершенствованию демократических элементов и институтов в стране [Shambaugh, 2004, p. 245].

В сентябре 2003 г. Комиссия ЕС опубликовала новый доклад под названием «Зрелое партнерство: общие интересы и проблемы в отношениях ЕС – КНР», главная роль в котором отводилась новым ориентирам политики ЕС в отношении Китая. Положения документа закрепили усовершенствованные направления повышения эффективности политического и экономического диалога с КНР, а именно – увеличение количества контактов на официальном и неофициальном уровнях и усиление координации государств – участников Евросоюза в отношении Китая. МИД КНР, в свою очередь, в октябре того же года опубликовал собственный документ, в котором были определены основные направления взаимодействия с ЕС. Данный аспект наглядно показывает уровень заинтересованности обеих сторон в развитии сотрудничества друг с другом.

В конце октября 2003 г. в рамках VI саммита ЕС – КНР представители построили планы относительно полноценного стратегического партнерства. В ходе переговоров было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере спутниковой навигационной системы «Галилео», предусматривав-

шее взаимодействие в области разработки технологий, производства и лицензирования спутникового оборудования. Кроме того, 12 декабря 2003 г. на заседании Европейского совета в Брюсселе была утверждена Европейская стратегия безопасности, согласно которой КНР была включена в ряд стратегических партнеров Евросоюза [European ... , 2003].

В апреле 2004 г. состоялся визит председателя Комиссии ЕС Р. Проди в Китай, во время встречи с председателем КНР Ху Цзинтао представитель ЕС назвал отношения между интеграционным объединением и Китаем «лучшими в истории» [Jing, 2008]. Китайский лидер, в свою очередь, заявил о том, что правительство КНР выражает надежду на процесс дальнейшего расширения Евросоюза и полностью поддерживает усиление роли организации на международной арене.

Несмотря на многообещающие отношения Евросоюза и Китая, перед сторонами, в частности перед последней, стояли две основные задачи: отменить эмбарго на поставки вооружений в страну, а также признать за государством статус рыночной экономики [Stumbaum, 2009, p. 97]. Руководство КНР было осведомлено относительно трудностей процедуры принятия данных решений в Европейском союзе, однако оно стало активно призывать к ним государства-участники и основные структуры ЕС. Реакция стран Западной Европы была неоднозначной – с одной стороны, Германия и Франция (как основные политические и экономические акторы Евросоюза) поддержали данный шаг китайского правительства, с другой – страны Скандинавии и Восточной Европы воздерживались от принятия решения по данному вопросу, очевидно, опасаясь отрицательной реакции руководства США [Цыплин, 2018, с. 23].

8 декабря 2004 г. в рамках VII саммита ЕС – КНР европейские представители стали инициаторами пересмотра действовавшей на тот момент нормативно-правовой базы, например, было предложено доработать текст Соглашения о торговле и экономическом сотрудничестве, а также составить Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. В ходе переговоров лидеры подписали комплекс договоров в сфере таможенного регулирования, научно-технологического взаимодействия сторон. Кроме того, также была подписана Декларация о нераспространении и контроле над вооружениями, свидетельствующая о расширении взаимодействия сторон в сфере международной безопасности [Holslag, 2011, p. 303].

В 2004 г. Европейский союз стал крупнейшим экономическим и торговым партнером КНР, в свою очередь, Китай – вторым по значению партнером ЕС после Соединенных Штатов. Товарооборот между объединением и азиатским государством достиг 177 млрд евро, а доля ЕС во внешней торговле КНР составила 5 % от совокупного объема экспорта и 12,5 % – от показателей импорта. В данный период наблюдался стремительный рост торгового дефицита в пользу Китая с 50 млрд евро в 2001 г. до 80 млрд евро в 2004 г. Кроме того, полноправное членство КНР в ВТО

позволяло выстраивать планы по усовершенствованию дальнейших торгово-экономических отношений.

С 2005 г. в европейско-китайских отношениях начала возникать некоторая напряженность – весной того же года имел место торговый спор относительно импортируемой текстильной и обувной продукции из КНР. Кроме того, разногласия усиливал затяжной характер процесса по поводу отмены эмбарго на поставки вооружений в Китай. Ослабление позиций приверженцев отмены эмбарго вылилось в различные политические события – французский президент Ж. Ширак, агитировавший за принятие Конституции Европейского союза в 2005 г., столкнулся с определенными проблемами в стране, пришедшая на должность канцлера ФРГ А. Меркель выступала строго против отмены запретов на ввоз военной продукции в КНР. Данные инциденты значительно осложнили отношения между акторами, добавив в них неопределенность [Xinning, 2012, p. 24].

В июле 2005 г. состоялся визит председателя Европейской комиссии в Пекин, в ходе которого была подчеркнута необходимость заключения нового соглашения в сфере развития политического взаимодействия между странами Европы и Китаем. Данный шаг, ровно как состоявшийся в сентябре того же года очередной саммит ЕС – КНР, не убедил правительство Китая в отношении вопроса об отмене эмбарго. Стратегическое партнерство Евросоюза и КНР получило закрепление в нормативно-правовой базе, однако его дальнейшее развитие становилось маловероятным [Small, 2007, p. 77]. В политических кругах Китая, в свою очередь, наблюдался процесс переоценки роли Евросоюза и значения сотрудничества с ним. Кроме того, правительство Китая начало использовать международные институты для развития собственных государственных инициатив, зачастую не считаясь с интересами Евросоюза.

Коренное изменение политики ЕС в отношении КНР наступило в следующем году и нашло отражение в опубликованном Европейской комиссией в августе 2006 г. Докладе о политике Евросоюза в отношении Китая [Stumbaum, 2007, p. 59]. Данный документ кардинально отличался от предыдущих и закреплял «нежелание» китайской стороны продолжать двустороннее сотрудничество во многих областях, а ЕС указал на приверженность принципам прав и свобод человека и европейских ценностей в продолжении двусторонних контактов.

Литература

Ван Ин. Присоединение Китая к Всемирной торговой организации: условия и последствия. М. : МГИМО (У), 2007. 43 с.

Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред.: А. А. Громыко, М. Г. Носова. М. : Весь мир, 2015. 592 с.

Кузнецов А. В. Перспективы отношений ЕС и Китая // Китай и глобализация / отв. ред.: В. Б. Амиров, В. В. Михеев. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 55–66.

Троицкий М. А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М. : НОФМО, 2004. 252 с.

Цыплин В. Г. Актуальность российско-китайских энергетических контактов // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. материалов XIII Междунар. науч. конф. Саратов, 13 февраля 2020 г. Саратов : Амирит, 2020. С. 151–156.

Цыплин В. Г. Российско-китайские энергетические контакты на фоне американских санкций // Современные евразийские исследования / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2018. Вып. 3. 2018. С. 14–25.

Berkofsky A. Sicherheit und Frieden (S+F) // Security and Peace. 2006. Vol. 24, N 4. P. 185–191.

Casarini N. A critical analysis of European Union foreign policy towards China (1995–2005): PhD thesis // London School of Economics and Political Science (United Kingdom), 2006. 301 p.

Chen Zhimin. The Limits of EU as a Strategic Actor: the Case of Ending EU's Arms Embargo on China in Current situation and future prospects of Asia-Europe security co-operation: proceedings of the fifth Shanghai Workshop on Global Governance, January 23–24, 2007, FES China // Shanghai Institute for International Studies, June 2007. P. 95–110.

European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/10/11/1df262f2-260c-486f-b414-db8dc112b6b/publishable_en.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

EU Strategy towards China: Implementation of the 1998 Communication and Future Steps for a more Effective EU Policy. Brussels, 15.5.2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0265:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 15.09.2022).

Holslag J. The Elusive Axis: Assessing the EU-China Strategic Partnership // JCMS. 2011. Vol. 49, N 2. P. 293–313.

Jing Men. EU – China Relations: from Engagement to Marriage? // EU Diplomacy Paper 7/2008. 2008. URL: http://aei.pitt.edu/9602/1/EDP_7_2008.Men.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

Müller K. Diplomatic Relations and Mutual Strategic Perceptions: China and the European Union // The China Quarterly. 2002. N 169. P. 10–32.

Oetzel N. Europa – VR China Europa – VR China: Auf dem Weg zu einer politischen Partnerschaft? Die europäisch-chinesischen Beziehungen 1995–2002 // Kölner China Studien Online. 2004. N 1. URL: <https://uni-koeln.de/phil-fak/ostas/moderne/papers/No%202004-1.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

Shambaugh D. China and Europe: The Emerging Axis // Current History. 2004. September. P. 243–248.

Small A. The US Factor // China – EU: A Common Future / ed. by S. Crossick and E. Reuter. Singapore : World Scientific Publishing, 2007. P. 73–80.

Stumbaum M. B. Engaging China – Uniting Europe? EU Foreign Policy Towards China // European foreign policy in an Evolving International System / ed. by N. Casarini, C. Mussu. London: Palgrave-MacMillan, 2007. P. 57–75.

Stumbaum M. B. The EU and China. EU Decision-Making in Foreign and Security Policy toward the People's Republic of China // Baden-Baden, 2009. 250 p.

Xinning Song. Challenges and Opportunities in EU China Relations // Europe and China: Strategic Partners or Rivals? / ed. by R. Vogt. Hong Kong: University Press. 2012. P. 19–36.

А. В. Степанов (Иркутск)

МБОУ г. Иркутска СОШ № 18

Т. В. Федорова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОРПОРАЦИЙ КНР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ XXI ВЕКА

Аннотация. Изучаются проблемы развития крупных международных корпораций Китая и их функционирование в сложных экономических, политических и социальных условиях, происходящих в XXI в. Рассматривается влияние пандемии COVID-19 на политические и экономические изменения в государстве. Сделан вывод о том, что данные проблемы затронули практически все корпорации мира.

Ключевые слова: Китай, международная корпорация, экономика, политика, COVID-19, пандемия.

A. Stepanov (Irkutsk)

MBOU of Irkutsk school № 18

T. Fedorova (Irkutsk)

Irkutsk State University

DEVELOPMENT OF PRC INTERNATIONAL CORPORATIONS IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC OF THE XXI CENTURY

Abstract. This article reveals the problems of development of large international corporations in China and their functioning in the difficult economic, political, and social conditions taking place in the 21st century. The issue under study examines the impact of the COVID-19 pandemic on political and economic changes in the state. An important provision is that these problems have affected almost all corporations in the world.

Keywords: China, international corporation, economics, politics, COVID-19, pandemic.

Крупные международные корпорации стран АТР являются могущественными инструментами управления экономическими, политическими и социальными процессами, многие из которых располагают ресурсами намного большими, чем некоторые государства. Масштабы операций и протяженность территорий, на которой они действуют, значительны в связи с интеграцией в мировую экономику. Как любые организации, крупные международные корпорации претерпевали экономические кризисы и переживали различные процессы, такие как пандемия, влекущие за собой экономические последствия, а также серьезные социальные и политические проблемы.

Успехом китайской экономики в настоящее время является политика «реформ и открытости» КНР – курс экономической политики, которую проводило государство после анализа экономического развития других азиатских стран, таких как Япония, Сянган, Сингапур, Тайвань и Южная Корея. Исследования внешнеэкономического курса привели китайское правительство к выводу, что закрытость от внешнего мира только усугубляет деградацию экономики государства, поэтому после третьего пленума

ЦК КПК правительство приняло решение осуществления политики открытости внешнему миру. «Достоинством экономической политики открытости является то, что Китай сотрудничает не только с развитыми странами с высокими темпами экономики, такими как США, Япония и страны Западной Европы, но в то же время открылся для таких развивающихся государств, как страны Юго-Восточной Азии и страны Восточной Европы, для взаимодействия не только во внешнеэкономической сфере, но и политической» [Ковалев, Жуджунь Дин, 2002, с. 269].

«В период проведения государственных реформ в условиях либерализации китайской экономики, Правительству Китая удалось сохранить долю государственного управления в деятельности транснациональных компаний. Высшее руководство Китайской Народной Республики (далее – КНР) осознавало ключевую роль транснациональных корпораций в развитии инновационных технологий, поддержке юаня, рациональном использовании материальных и нематериальных ресурсов, при этом усиливают свое влияние на международной арене» [Ли Шуаншуан, 2019, с. 120].

«Реформы и открытость» Китая как экономический курс были нацелены на формирование социализма с китайской спецификой, что значит сочетание научного социализма с экономической теорией, которая более свойственна КНР, т. е. использование рыночной экономики [Цзянь Цзэминь, 2002, с. 364]. Характерные черты направлений внешней торговли КНР связаны с созданием собственной экономической базы, которая может быть использована не только для экспорта, но и для удовлетворения нужд внутри государства.

Первые международные корпорации КНР появились в 1980-х гг., к ним можно отнести Friendship store, территориально расположенную в окрестностях Пекина. В 1979 г. в Японии ею была создана совместная компания Куова, что способствовало стремительному развитию инвестиционных процессов. Основным видом деятельности являлось открытие сети ресторанов китайской кухни в Токио, а также продажа оборудования для китайской пищевой промышленности. К наиболее ярким примерам создания транснациональных предприятий на тот период относится китайская логистическая компания «Объединенные морские международные перевозки», созданная вместе с Гонконгской корпорацией региональных и всемирных перевозок и Китайской фрахтовой компанией. Представительство располагалось в Гонконге и на Бермудских островах [Ли Шуаншуан, 2019, с. 120].

В рейтинге Forbes-2000 список ведущих компаний мира возглавляли «три банка из Китая. Всего же в нем присутствует 24 китайских банка. Среди компаний нефтегазовой сферы на 17-м месте в общем рейтинге и на 2-м в отраслевом (после ExxonMobil) присутствует PetroChina (China National Petroleum), на 31-м и 5-м местах – Sinopec (China Petroleum and Chemical). На 11-м месте среди крупнейших нефтегазовых компаний мира

находится также китайская CNOOC (China National Offshore Oil Corp). В сфере high-tech в топ-10 попали следующие компании, предоставляющие телекоммуникационные услуги, – China Mobile (3-е место), China Telecom (8-е место); услуги для бизнеса и населения – Alibaba (1-е место); компьютерное оборудование – Lenovo (6-е место); компьютерные услуги – Tencent (4-е место), Baidu (6-е место); интернет-торговля – JD.com (4-е место); электроника – BOE Technology Group (8-е место). Среди китайских компаний лидерами по рыночной капитализации стали China Mobile, PetroChina, Alibaba и Tencent, вполне сравнимые по этому показателю с ведущими корпорациями мира» [Лучко, 2017, с. 45].

Вспышка COVID-19 значительно притормозила экономические процессы. Замедление международной интеграции стало первым шагом, принятым большей частью национальных правительств в момент начала распространения вируса. Вся уязвимость глобализации была продемонстрирована приостановкой мировых процессов, что доказало зависимость глобализации от влияния извне. Открытые межгосударственные границы и распространенные авиасообщения можно считать олицетворением глобализации наряду с путешествующими гражданами, что сказалось на экономической ситуации ТНК многих связующих формирований. Профессора Джорджтаунского университета Х. Фаррел и А. Ньюман отметили, что «когда важнейшие логистические цепочки начинают рушиться, а страны запасают медицинские принадлежности и ограничивают перемещения, кризис приводит к масштабной переоценке взаимосвязанной глобальной экономики. Глобализация не только поспособствовала быстрому распространению вируса, она также обусловила глубокую взаимозависимость фирм и государств, которая делает их более уязвимыми к неожиданным последствиям» [Farrel, Newman, 2020].

В первом квартале 2019 г. произошел спад экономики КНР в связи с позицией правительства страны по сдерживанию влияния COVID-19. По наблюдениям международного сотрудника и журналиста, глобальное макроэкономическое воздействие ТОРС оценивалось в 30–100 млрд долл., или около 3–10 млн долл. на каждый случай [Smith, 2006, p. 3113–3123]. Вспышка атипичной пневмонии в 2003 г. привела к потерям в размере 12,3–28,4 млрд долл. и, по оценкам, к снижению ВВП на 1 % в Китае и на 0,5 % в Юго-Восточной Азии [MacKellar, 2007, p. 429–451]. Социальное бремя атипичной пневмонии в Гуанчжоу означало меньшие доходы и расходы, при приблизительной оценке общего экономического бремени в 11 млрд юаней [Study ... , 2006, p. 274–276].

В результате пандемии COVID-19 макроэкономические показатели роста ВВП КНР в 2019 г. снизились. После того как предприятия лишились дохода, их прибыль упала на 38 %. За первые два месяца почти полмиллиона компаний закрылись. Особенно уязвимы были малые и средние

предприятия. Они уже боролись за финансирование с начала кампании по сокращению доли заемных средств в 2018 г. и не имели кредитных линий, которые есть у крупных корпораций. Это привело к увольнениям и снижению заработной платы в тот период, который обычно является ключевым сезоном найма после китайского Нового года. Риск новых банкротств и дефолта возрастал с каждым месяцем. Правительство КНР внедряло новые методы по снижению влияния пандемии на экономику. Введенные с 2020 г. меры были направлены на развитие частного сектора.

Беспрецедентная изоляция большей части общества китайским правительством в ответ на вспышку COVID-19 привела к тому, что экономический рост сократился на 6,8 % в первом квартале. По сравнению с предыдущим кварталом рост снизился почти на 13 %. Номинально ВВП сократился чуть меньше – на 5,3 %. Это намного ниже роста кредитования, а значит, финансовая ситуация значительно ухудшилась. Закрытие большинства производственных предприятий в феврале и постепенное возобновление производства в марте 2020 г. серьезно повлияли на вторичный сектор. Производство и строительство сократились на 10,2 в феврале и 17,5 % в марте соответственно. Карантинные меры также серьезно повлияли на снижение темпов развития сферы услуг на 5,2 %.

Промышленное производство снизилось на 8,4 % за первые три месяца 2020 г. В то время как производство государственных предприятий сократилось на 7,9 % за первые два месяца, частные и иностранные производители пострадали более серьезно, сократившись более чем на 20 %. Улучшение экспорта в марте 2021 г. помогло облегчить свободное падение экономики, но не смогло предотвратить резкое сокращение на 13,3 % за квартал.

Слабый импорт указывал на то, что большие отрасли экономики находились в кризисном режиме, но в целом держались стабильно, уровень их развития сократился на 2,9 % в марте. Отражая падение спроса на энергоносители во время блокировки COVID-19, поставки природного газа упали на 16,8 % за первые три месяца. Одним из ярких моментов стали высокие показатели импорта интегральных схем (11 %) по мере оживления электронных цепочек поставок. Кроме того, импорт сельскохозяйственной продукции и свинины из США резко вырос, но для Китая будет тяжело выполнить свои обязательства по импорту. Осложняет ситуацию ужесточение экспортных ограничений на высокотехнологичные товары, которые в настоящее время находятся на рассмотрении Министерства торговли США.

Снижение курса доллара США к юаню ослабло, но самое резкое падение валютных резервов с ноября 2016 г. указывает на необходимость серьезного вмешательства со стороны Национального банка Китая (НБК).

После блокировки COVID-19 НБК использовал все имеющиеся в его распоряжении политические инструменты для борьбы с экономическим спадом и связанными с ним проблемами ликвидности. Процентные ставки были снижены, огромные суммы наличности были введены, и резервы банков были снижены, высвобождая большие суммы на рынки. В ответ на ухудшение экономических перспектив и ослабление денежно-кредитных условий ставки казначейства постоянно падали.

Рост большинства кредитных агрегатов ускорился ко второй половине первого квартала 2021 г. непогашенные банковские кредиты в марте выросли почти на 13 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Большинство из них пришлось на корпоративный сектор, в то время как потребительское кредитование замедлилось. Чистое финансирование облигаций росло еще быстрее – на 17,4 %. непогашенные теневые банковские кредиты стали ниже, чем в то же время в прошлом году, но они восстанавливаются.

В сложных условиях местные органы власти, предприятия и работники борются за сокращение спада доходов. Те, кто может, берут кредиты, а другие выходят из бизнеса. С начала 2021 г. индекс Shanghai Composite упал примерно на 9 % – это гораздо лучше, чем 20–30%-ное падение международных индексов. Этому есть несколько причин. Во-первых, Китай строго контролирует отток капитала, что затрудняет бегство внутренних инвесторов на оффшорные рынки. Во-вторых, государственная поддержка способствовала росту фондовых показателей. И в-третьих, как видно из использования механизма Hong Kong Stock Connect, международные инвесторы переводили деньги в Китай, надеясь, что его рынки будут лучше работать во время кризиса.

Инвестиции в основной капитал резко снизились в январе и феврале 2021 г., на 25 % ниже, чем годом ранее. В марте наблюдалось оживление, но инвестиции в первом квартале все еще были на 10 % ниже, чем в прошлом году. Инвестиции частного сектора сократились больше, чем инвестиции государственных предприятий в первом квартале (–18,8 % по сравнению с –12,8 % соответственно). Государственные предприятия получили более широкий доступ к капиталу, и Государственный совет призвал их активизировать свою деятельность. Инвестиции в обрабатывающую промышленность сократились на –25,2 %. Особенно сильно пострадали инвестиции в инфраструктуру. В общей сложности они сократились на 19,7 %. Некоторые подотрасли, такие как воздушный транспорт, сократились почти на 60 %. Сделки с землей были на 18 % ниже, чем в предыдущем году. Это негативно скажется на бюджетах местных органов власти, поскольку продажа земли является для них источником дохода. Кроме того, это, скорее всего, будет означать меньшее строительство в течение оставшейся части года. Инвестиции в недвижимость снизились на 8 %, что

может привести к падению цен, что, в свою очередь, приведет к уничтожению большого количества благ.

В результате вынужденного закрытия крупных районов экономической активности по всей стране в Китае показатели безработицы в городах подскочили до рекордных 6,2 % в феврале, немного снизившись до 5,9 % в марте. По мере того как лишённые наличности компании объявляют о банкротстве и разворачивается глобальная рецессия, проблемы с занятостью становятся все более очевидными.

Впервые Китай может бороться за достижение уровня занятости, которая в 2020 г. составила 11 млн новых рабочих мест. К марту было создано 1,08 млн новых рабочих мест в городах, что на 38 % ниже прошлогоднего показателя и очень мало по сравнению с 8 млн увольнений. Рекордное число выпускников университетов страны – 8,74 млн человек сталкивается с низким рынком труда.

Правительственная блокировка и разворачивающийся экономический кризис вызвали одновременный шок спроса и предложения, который повлиял на общий уровень цен. Общее низкое инфляционное давление создает возможности для более экспансионистской фискальной и денежно-кредитной политики для поддержки экономического роста. Потребительские цены достигли пика в январе 2021 г. на уровне 5,4 %. Базовая инфляция (без учета цен на продовольствие и топливо) постепенно замедлилась.

Строгие карантинные меры ускорили переход от обычных покупок к онлайн. Доля, получаемая от интернета, в своем объеме расходов выросла с 20,7 % в декабре прошлого года до 23,6 % в первом квартале. Однако падение потребительских настроений также привело к сокращению онлайн-продаж на 0,8 % за первый квартал.

С целью снижения влияния эпидемии на экономику, уменьшения ущерба и продолжения процесса развития экономики государства, правительство КНР вынуждено принять определенные меры. «Министерством промышленности и информатизации было выпущено уведомление о реагировании на эпидемическую ситуацию с новой коронавирусной пневмонией и оказании помощи малым и средним предприятиям в возобновлении работы, производства, и преодолении трудностей» [Цзоу Сютин, 2021]. В данном документе четко сформулирована мысль о том, что правительство на протяжении всего кризиса будет поддерживать граждан, среднему и малому бизнесу осуществлять выдачу кредитов. Государство гарантирует обеспечение предприятий сырьем, обязуется предоставлять рабочие места, снабжать всех средствами индивидуальной защиты в целях профилактики заболеваний. Также государство рекомендовало позволить гражданам получить отсрочку по выплатам за коммунальные услуги, при условии, что отсрочка не повлияет на бесперебойную подачу электричества, воды и газа.

Освещая проблемы, с которыми столкнулись ТНК с момента начала кризиса из-за пандемии в 2020 г., необходимо помнить, что большинство крупнейших корпораций КНР преуспели в экономике. Согласно данным о выручке крупных ТНК за 2020 г., можно сделать вывод о том, что потребители были более заинтересованы в сфере интернет-услуг и сервиса во время карантина и самоизоляции, введенных правительством. Говоря о выручке, мы имеем в виду тенденцию потребителя чаще пользоваться интернет-услугами, такими как просмотр рекламы в соцсетях, совершать онлайн-покупки в интернет-магазинах.

О том, что Китай преодолел первоначальный шок от коронавирусной инфекции, можно судить по процессу возвращения китайцев к привычному руслу жизни. Свою работу вновь возобновляют различные заводы, закрытые на период блокировки, фабрики. В 2021 г. экономика КНР выросла на 8,1 %, «Этому способствовал резкий рост мировой торговли: обнародованные в середине января 2022 г. данные показали, что экспорт из Китая в 2021 г. вырос до рекордных \$3,36 трлн. Наиболее серьезный рост китайская экономика показала в первом квартале 2021-го – 18,3 %. экономика продолжает восстанавливаться, а все цели развития на 2021 г. были достигнуты. Объемы экономики страны за 2021 г. превысил 114 трлн юаней, что соответствует примерно \$18 трлн. Вырос товарооборот России и Китая в 2021 г. на 35,8 %, до \$146,88 млрд. Китай наращивает объемы торговли со своим давним партнером США. Китайско-американская торговля увеличилась в 2021 г. на 28,7 %, превысила \$755,6 млрд. Китайский импорт из США вырос на 2,7 % до \$179,53 млрд, экспорт Китая достиг \$576,1 млрд, рост – 27,5 %. В целом объем внешней торговли Китая за 2021-й вырос на 30,3 %, до рекордных \$6,05 трлн» [Импорт и экспорт ...].

«По данным государственного статистического управления Китая сельское хозяйство в стране по итогам 2021 г. показало годовой рост на 7,1 %, до 8,3 трлн юаней (около \$1,3 трлн). Промышленность и строительство выросли на 8,2 %, до 45,09 трлн юаней (\$7,09 трлн). Госстат КНР также сообщил, что инвестиции в основной капитал коммерческих организаций Китая, за исключением аграрных домашних хозяйств, в 2021 г. выросли на 4,9 %, до 54,45 трлн юаней (около \$8,56 трлн)» [Импорт и экспорт ...].

Таким образом, можно говорить как об эффективности государственной политики, так и о том, насколько серьезно экономический и медицинский кризисы подорвали национальное благосостояние. Однако новые задачи выдвигают и новые подходы к их решению: в центре повестки дня саммита G20 в Риме в октябре 2021 г. обсуждались различные глобальные меры, включая задержку выплат и попытки выработать общую платформу для разрешения долгового кризиса [European Council ... , 2021]. Кроме того, меры экономической поддержки, которые включают повышение прямых доходов, облегчение бремени задолженности и/или фискальные стимулы, существенно различаются в разных странах. Учитывая, что эти

ответные меры могут иметь последствия для продолжительности кризиса, они, вероятно, окажут непропорционально большое влияние на развитие международных корпораций.

Можно предположить, что пандемия также усиливает преимущества ТНК из-за неравномерных волн пандемии. Кроме того, производственные мощности дочерних компаний в разных странах мира могут стать опорной точкой в кризисные периоды, поскольку очевидно, что пики и спады заболеваемости COVID в разных странах присутствия ТНК различаются. Такая волнообразная интенсивность COVID может позволить некоторым ТНК перенести производство из кризисных районов вспышки заболеваемости в те регионы, где число случаев заболевания относительно не высоко, что сделает любые негативные последствия пандемии менее серьезными для ТНК.

Начало кризиса COVID-19 непропорционально повлияло на некоторые отрасли промышленности КНР по сравнению с другими. Например, индустрия путешествий и туризма, развлечения и рестораны оказались более уязвимыми к вызванному кризисом ограничениям во всем мире, о чем свидетельствует их ухудшение показателей [The impact ... , 2021]. Стоит отметить и всплеск нового варианта вируса – Omicron в конце 2021 г., который привел к отмене тысяч рейсов по всему миру. В основном это связано с возобновлением ограничений на международные поездки, а также нехваткой персонала (летного экипажа и обслуживающего персонала), вызванной ужесточением политики тестирования и карантинных требований.

О том, что Китай преодолел первоначальный шок от коронавирусной инфекции, можно судить по процессу возвращения китайцев к привычному руслу жизни. Свою работу вновь возобновляют различные заводы, открываются магазины, закрытые на период блокировки фабрики. Но в это же время Китай снова сталкивается с определенными проблемами, а именно с проблемами спроса. Что касается внутреннего спроса, то он набирает обороты очень медленно. Причиной этому является тот факт, что население еще не оправилось от волны эпидемии. В опросе, проведенном пекинской финансовой фирмой, около 65 % респондентов намерены сдерживать свои привычки к большим расходам. Если же говорить о спросе за рубежом, то здесь тоже не все так гладко. Китай первый столкнулся с вирусом COVID-19, поэтому поборол инфекцию к тому времени, как во многих других государствах вирус только начал распространяться. Все страны постепенно вводили ограничения на ввоз и вывоз товаров, закрывались границы для иностранных граждан. Меры по сдерживанию инфекции в других странах стали причиной того, что Китай не может осуществлять экспорт своей продукции за рубеж, что привело к переизбытку товаров на рынке Китая.

Таким образом, на сегодняшний день влияние пандемии COVID-19 на ТНК неоднозначно: при любом исходе влияния кризиса на ТНК суще-

ствует один ключевой фактор в лице работающих на них кадров. Значительной части всех ТНК мира пришлось прибегнуть к сокращению большого процента сотрудников на пути к восстановлению корпоративной экономики. Но несмотря на экономический успех крупного бизнеса, большой процент работающих сотрудников на этих предприятиях попали под сокращение. Тем не менее экономика ТНК пережила потрясения: вне зависимости от сохраненного внутри корпорации капитала целые штаты сотрудников были сокращены, а значит, структура корпорации была упразднена, кроме того, ТНК видели в рецессии хороший предлог для сокращения расходов на рабочую силу. При любом исходе современная экономика является экономикой потребления, однако для решения этой проблемы высокодоходные компании не занимаются обеспечением насущных человеческих потребностей, а ориентированы на материализм.

Литература

- Импорт и экспорт Китая. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Импорт_и_экспорт_Китая (дата обращения: 08.08.2022).
- Ковалев М. М., Жуджунь Дин. Китайские экономические реформы: опыт, возможности применения в Беларуси. Минск, 2002. 227 с.
- Ли Шуаншуан. Основные этапы развития транснациональных компаний Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 11. С. 119–125.
- Цзоу Сютин. Китайские инвестиции в Россию: состояние дел и перспективы // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 199–206.
- Цзянь Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 16–17.
- Лучко М. Л. Китайские ТНК на мировом инвестиционном поле // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 9. С. 45–53.
- Study on Social Burden of ASRS in Guangzhou / L. Du, B. Luo, J. Wang, B. Pan, J. Chen, J. Liu // Chinese Journal Of Public Health Management. 2006. Vol. 22. P. 274–276.
- European Council. G20 summit, Rome, Italy, 30–31 October 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2021/10/30–31/> (дата обращения: 30.03.2022).
- Farrel H., Newman A. Will the Coronavirus End Globalization as We Know It? // Foreign Affairs. March 16, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it> (дата обращения: 21.03.2022).
- MacKellar L. Pandemic fluence: A review, Population and Development Review 2007. N 3. P. 429–451.
- The impact of the COVID-19 pandemic on firm performance / H. Shen, M. Fu, H. Pan, Y. Yu Chen // Emerging Markets Finance and Trade. 2021. 56(1). URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1540496X.2020.1785863> (дата обращения: 20.04.2022).
- Smith. Responding to global infectious disease flashes: lessons from SARS on the role of risk perception, communication and management // Social science & medicine. 2006. Vol. 63, N 12. P. 3113–3123.

Д. О. Тимошкин (Иркутск)

Иркутский государственный университет
Сибирский федеральный университет

К. А. Иванов (Иркутск)

Иркутский государственный университет

Т. К. Ермаков (Красноярск)

Сибирский федеральный университет
Иркутский государственный университет

П. В. Тарасов (Тбилиси)

Независимый исследователь-разработчик

ПОДГОТОВКА ОБУЧАЮЩЕГО МАССИВА ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРАКТИК ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОСЕТИ BERT

Аннотация. Описывается алгоритм по подготовке обучающего массива нейросети, предназначенной для анализа практик интеграции мигрантов в российские города, представленных в нарративах пользователей тематических цифровых коммуникационных площадок. Цель исследования заключалась в том, чтобы создать нейросеть, способную выделять в текстовом массиве упоминания ключевых практик, обеспечивающих мигрантам доступ к ресурсам и социальным сетям принимающего города, а также связывать эти практики с определенным пространственным контекстом. Дается определение интеграции, на основе которого формируется алгоритм подбора релевантных цели исследования текстов, созданных пользователями крупнейшей в России социальной сети «ВКонтакте». Описываются механика подбора релевантных текстов и разработка цифрового интерфейса для их категоризации. Приводится предварительный обзор собранного материала.

Ключевые слова: миграция, практики интеграции, «структурная адаптация», нейросети, «ВКонтакте».

D. Timoshkin (Irkutsk)

Irkutsk State University,
Siberian Federal University

K. Ivanov (Irkutsk)

Irkutsk State University

T. Ermakov (Krasnoyarsk)

Siberian Federal University,
Irkutsk State University

P. Tarasov (Tbilisi)

Independent Researcher, Developer

PREPARATION OF A TRAINING DATASET FOR EXTRACTING AND CATEGORIZING REPRESENTATIONS OF MIGRANT INTEGRATION PRACTICES IN THE “VKONTAKTE” SOCIAL NETWORK USING THE BERT NEURAL NETWORK

Abstract. The article describes an experimental algorithm to prepare a training dataset for a neural network designed to extract representations of integration practices in Russian cities from the narratives of users of Russian-language social media platforms. The choice of the integration approach within the concept of “structural adaptation” is argued. The mechanics of the selection of relevant texts and the development of digital interface for their categorization are explained. A first overview of the collected material is given.

Keywords: migration, integration practices, “structural adaptation”, neural networks, VKontakte.

В русскоязычном сегменте интернета можно встретить значительное количество групп в социальных сетях «ВКонтакте», Youtube и Telegram, созданных эмигрантами и иммигрантами. Генерируются огромные массивы текстов, в которых обсуждаются особенности переезда и интеграции в разные города мира, включая российские. Здесь возникает специфическая инфраструктура, обслуживающая и эксплуатирующая миграционные потоки.

Уже давно исследователи обратили внимание на то, как массовое распространение цифровых коммуникационных площадок непосредственно влияет на планирование миграционных траекторий, процессы накопления мигрантами социального и финансового капитала [Haynes, Wang, 2019; Dekker, Engbersen, 2013]. В исследовательском сообществе практически с момента зарождения цифровой гуманитаристики идет дискуссия о том, насколько традиционная социально-антропологическая методология подходит для сбора и анализа материала в подобном поле [Markham, 2013]. Консервативная методология (наблюдение онлайн, с активной и пассивной позицией наблюдателя, ретроспективное наблюдение, интервью в цифровом пространстве) позволяет собрать значительный материал. Контент-анализ, дискурс-анализ, тематическое кодирование, драматургическая метафора и другие традиционные методы позволяют выделять ключевые для рассматриваемых нарративов категории и определять, какие группы пользователей какими смыслами их наделяют.

Работа с традиционными методами предполагает два основных этапа. Первый – поиск релевантных цели исследования цифровых площадок, второй – поиск в их пределах сообщений, которые касаются поставленных целей и задач. Далее собранный массив можно анализировать любым общепринятым методом, подходящим для работы с расшифровками интервью, медийными текстами и т. д. Качественная методология приносит неплохие результаты, которые отражаются в публикациях о мигрантской экономике, идентичностях, практиках интеграции, не претендующих на какие бы то ни было обобщения, выходящие за пределы проанализированных цифровых площадок [Тимошкин, 2019]. Однако, выбирая консервативные методы, исследователь практически неизбежно столкнется с рядом очевидных проблем, таких как чрезмерная величина массива, вопрос глубины погружения в результаты выдачи, адекватность выделения категорий. Дополнительные трудности создает невозможность заранее определить все варианты ключевых слов, которые могут использовать пользователи для описания интересующих исследователя процессов. Помимо всего этого, учитывая, что на мигрантских площадках генерируются сотни тысяч и миллионы сообщений, возникает необходимость искусственного

ограничения массива. Все это актуализирует использование автоматизированных средств поиска и сбора информации, в частности нейросетей, а также создания и категоризации массива для их обучения. В настоящее время существует огромное разнообразие подобных инструментов, способных выполнять самые сложные подобные задачи.

Наиболее близкие к социологической проблематике средства для обработки больших массивов данных – это инструменты-сервисы для маркетологов, используемые в области таргетирования и SMM. Обычно они доступны рядовым пользователям, работают в облаке по подписке, однако едва ли пригодны для применения в научном исследовании, так как имеют крайне специализированный функционал. Например, даже определение коннотации производится в контексте реакции клиента на продукт или компанию. В качестве альтернативы можно воспользоваться множеством выложенных в свободный доступ нейросетей и моделей, запустив их в каком-либо облачном сервисе вычислений. Но это требует серьезных технических знаний, во-первых, для самого запуска, во-вторых, для первичного сбора данных. Поэтому нашей исследовательской задачей стала попытка создания базового прототипа (proof-of-concept) сервиса с максимально простым интерфейсом для проведения автоматизируемых социологических исследований пользователями, не обладающими глубокими техническими знаниями. В качестве основы нейросети была выбрана языковая модель BERT¹, находящаяся в свободном доступе и демонстрирующая хорошие результаты, в том числе при работе с русскоязычными предтренированными моделями [Rogers, Kovaleva, Rumshisky, 2020].

Первоочередной задачей стало уточнение понятия интеграции, что сделало бы возможным определение ключевых слов для формирования обучающего массива. Ориентируясь на работы Владимира Малахова, Виктора Дятлова, Евгения Варшавера и других исследователей миграции, мы определили интеграцию как, прежде всего, включение в социально-экономическую жизнь страны.

Как пишет Евгений Варшавер, «интеграция, таким образом, является совокупностью взаимодействий разного рода между мигрантами и принимающим обществом, поэтому как ход, так и результат интеграции является функцией частично от характеристик мигрантов, частично – и, вероятно, в гораздо большей степени, от структур принимающего общества: рынка труда и процедур приема в гражданство для структурной интеграции, характеристик соседских отношений и уровня расизма для социальной интеграции, а также национальной концепции и характеристик символического ряда для идентификационной интеграции» [Варшавер, Рочева, 2016].

¹ Bidirectional Encoder Representations from Transformers.

Фактически мы исследуем то, как осуществляется взаимодействие двух структур: города как социально-пространственной целостности и маргинальных групп мигрантов. Задачи существования первой структуры – концентрация, производство и перераспределение ключевых благ: безопасности, еды, жилья, энергии. Структура нужна для того, чтобы перераспределение благ было процессом максимально предсказуемым и воспроизводимым, чтобы каждая часть структуры знала, какие действия и в каких местах можно совершить, чтобы получить эти блага. Мигрант, таким образом, представляет собой человека, который только обучается взаимодействию с этой структурой, адаптируется к ней, так как в прошлом он работал с другой.

Соответственно, интеграцию можно определить как овладение мигрантом алгоритмами, предусмотренными принимающим сообществом как социальной системой. Исследуемые цифровые площадки можно в этом случае рассматривать как интерфейсы, пространства и механизмы контакта между маргинальными сообществами и городскими сетями. Ключевым показателем успешной интеграции в данном случае является то, как мигрант ориентируется на рынке труда, какой доход имеет, есть ли у него крыша над головой. Интеграция приравняется в данном случае к включению в экономические сети, получению работы и жилья, иначе говоря – к «структурной адаптации».

Исходя из данного понимания интеграции, мы поставили для нейросети следующую цель: на примере конкретных миграционных траекторий установить, какие инструменты изобретают мигранты, чтобы повысить собственный уровень функциональной включенности в экономические сети, и, в частности, какую роль в этих процессах играют цифровые медиа. Нейросеть должна определять пространства и практики, составляющие процесс включения мигрантов в экономику принимающих городов.

Определив интеграцию, мы сформулировали вопросы, ответы на которые будут интересовать нас в первую очередь и на основании которых мы составляли список ключевых слов:

- 1) Места контакта двух систем. Где осуществляется взаимодействие? В каких районах города? В каких зданиях?
- 2) Практики трудоустройства. На какие должности претендуют мигранты? Как они находят работу? Сколько получают?
- 3) Жилье. Как мигранты находят жилье? Как они платят за него?

Подобный подход существенно сужает поле, однако мы пошли на такое искусственное усечение фокуса для того, чтобы сделать первую задачу для нейросети максимально простой и минимизировать возможность ошибок. Поскольку нас интересовала «структурная адаптация», мы искали тексты, содержащие упоминания жилья, трудоустройства и всего, что с этим связано. Список ключевых слов распределился следующим образом:

- Работа – «работ», «труд», «вахт», «занятие», «занятость», «професс», «специальность», «калым», «вкалывать», «халтур», «подряд», «ваканс», «подработк» (мы не стали включать в список ключевых слов названия конкретных профессий, предполагая, что все они подразумеваются предыдущими ключевыми словами).

- Жилье – «квартир», «комнат», «дом», «снять», «сниму», «аренд», «подсел», «впишусь», «вписать», «жилищ», «пожить», «прописк», «регистрац», «прописать», «ВНЖ», «РВП».

Было решено создать нейросеть для работы именно с социальной сетью «ВКонтакте» в силу следующих причин. Во-первых, из-за того, что это крупнейшая по количеству пользователей сеть в русскоязычном сегменте¹. Во-вторых, как показал процесс сбора материала, именно здесь сосредоточено максимально значительное количество мигрантских сообществ. В-третьих, «ВКонтакте» имеет достаточно удобный, хорошо документированный API², позволяющий производить поиск и выгрузку постов и комментариев в обезличенном виде, но с сохранением уникального идентификатора автора (числовое значение без персональных данных).

Мы искали «мигрантские» группы для формирования массива во встроенном поиске социальной сети, используя фильтры по количеству участников и по географии групп. Использовались ключевые слова «мигрант», «приезж», а также – этнохронимы, обозначающие выходцев из ключевых стран – доноров для Российской Федерации до начала пандемии COVID-19 в сочетании с «в» и названиями крупнейших городов России.

Рассматривались только те группы, основным языком которых является русский и которые указывали своим местоположением Российской Федерации. Еще одним обязательным условием было наличие в группах не только постов, но и пользовательских комментариев, поскольку, во-первых, внутренние лингвистические структуры поста и комментарии имеют очевидные отличия – такие как, например, используемые речевые обороты, лексика и т. д. В целом пост больше комментария по объему. При обучении только на постах процент ошибок категоризации комментариев мог значительно возрасти. Во-вторых, нам важно было добавить в обучающий массив нарративы мигрантов, порожденные «коммуникативным соавторством» [Винокур, 1993, с. 84–86], т. е. тексты-фрагменты структурированного диалогического взаимодействия, структурирующего социальные порядки. Всего для подготовки массива было задействовано более 800 групп «ВКонтакте».

¹ «ВКонтакте» подвела итоги первого квартала 2022 года: количество российских пользователей в месяц – 73,4 млн, ежедневных просмотров VK Видео – 2,45 млрд. URL: <https://vk.com/press/q1-2022-results>.

² Application Programming Interface.

На языке Python был написан парсер – программа для сбора данных, которая, проходя по списку групп/пабликов, в каждом делала поисковые запросы к API ВК по списку ключевых слов, получая список подходящих постов, последовательно выгружая комментарии к ним. Полученные данные складывались в csv-файл, так как первоначально предполагалось, что разметку (обучающий набор данных должен быть уже размечен вручную) можно будет производить в MS Excel, выставляя соответствующее значение в ячейке напротив комментария.

Опыт показал, что это невозможно – Excel отказался открывать файл из-за размера (суммарно ~220 тысяч строк и ~50 мегабайт), к тому же стало очевидно, что в таком виде на разметку будет затрачено слишком много времени. Поэтому было принято решение написать доступное через интернет веб-приложение для разметки данных, при разработке которого главным принципом было минимизировать количество действий: по одному клику на выбор поста, выбор категории комментария и на сохранение данных. Приложение было реализовано на Python, с использованием функционала фреймворка Flask-SQLAlchemy, в качестве системы управления базами данных был выбран MySQL с двумя таблицами – для постов и комментариев. Для авторизации пользователей (так как приложение было доступно через интернет) запросы проксировались через веб-сервер nginx.

На фронтэнде для уменьшения уставания глаз была применена темная тема MDBootstrap5, которая также позволила вести разметку со смартфона. Далее был описан Docker Compose, чтобы приложение можно было развернуть в одну команду на любом хосте с Docker. Приложение позволило, во-первых, вести одновременную разметку данных сразу нескольким соавторам исследования, во-вторых, наблюдать актуальную статистику, но в первую очередь – максимально уменьшить временные затраты на разметку обучающего набора данных. Суммарно было размечено ~10 и ~90 тыс. постов и комментариев соответственно. Из них примерно 5 % оказались «целевыми», т. е. относились либо к поиску жилья, либо к поиску работы.

Набранный массив представлял собой пул текстов, содержащих данные для парсинга ключевые слова. В веб-интерфейсе для разбора данного массива к каждому выделенному посту и комментарию был привязан категоризатор, включающий пункты «жилье», «работа» и «остальное». Первые два пункта предназначались для сортировки сообщений, содержащих тексты и практики, подпадающие под понятие «структурной адаптации». Однако, поскольку сбор сообщений производился массово и без указания контекста, заранее предполагалось, что выделенные автоматизированным поиском тексты могут либо быть связаны теми или иными аспектами поиска жилья и работы опосредованно, либо не иметь отношения к

искомому вовсе. В целях сужения синтаксических и лексических особенностей, необходимых для обучения нейросети текстовых конструкций, была введена третья категория, которая также потенциально позволит повысить эффективность отбора релевантных сообщений путем отброса близких, но не соответствующих критериям поиска.

Уже на начальном этапе разбора массива мы обратили внимание на обилие текстов, содержащих в основном описание юридических процедур и соответствующих алгоритмов действий, актуальных для трансграничных мигрантов, попадающих в правовое поле принимающей страны. По наблюдениям, вероятнее всего, данные тексты были собраны по заданным парсеру ключевым словам, таким как «РВП» (разрешение на временное проживание), «ВУ» (временное убежище), «ВНЖ» (вид на жительство), «патент» и прочие термины и аббревиатуры, связанные с юридическим статусом мигранта. В рамках данного разбора мы решили исключить из массива тексты, содержащие формальные юридические нормы, путем усечения по наличию в них данных ключевых слов. Тематика релевантных сообщений условно делится на две основные линии – предложение и поиск.

Предложения, касающиеся трудовой деятельности, можно условно поделить на индивидуальные и коммерческие. В первом варианте потенциальный работодатель ищет конкретных людей под конкретную деятельность, часто с указанием пола и/или количества работников. В основном это поиск помощников по домашнему хозяйству – сиделок, нянь, горничных, разнорабочих на участки, смотрителей загородных домов и т. д. Часто подобные вакансии сопровождаются и предложением дешевого жилья. Другой нередко встречающийся параметр в данном типе сообщений – это указание места исхода искомых кандидатов, часто подаваемый в виде помощи землякам. Во втором варианте обычно указывается учреждение, имеющее в своем штате открытые вакансии на конкретные специальности либо виды работ. Основные сферы деятельности здесь – производственные предприятия, строительство, коммерческие услуги, сельское хозяйство и логистика. Виды предлагаемых вакансий вращаются либо вокруг рабочих специальностей, либо связаны с низкоквалифицированным трудом. Сообщения о поиске работы условно можно поделить на «прощупывание» и непосредственно поиск. К «прощупывающему» варианту относятся тексты, содержащие поиск совета или информации по потенциально рассматриваемому для переезда месту, обычно сопровождаемые перечислением конкретных искомых специальностей или вопросами о размере средней заработной платы. Характерно, что данная практика не направлена на извлечение формализованной информации, а скорее формулируется в виде обмена мигрантским опытом, часто конституируя своеобразный доверительный дискурс, имеющий в итоге функциональное значение

для интересанта. Непосредственно поиск можно, в свою очередь, подразделить на экстренный и прагматический. В первом случае это поиск любой работы, часто с описанием тяжелой жизненной ситуации соискателя и перечислением сфер предыдущей трудовой деятельности. Второй тип более конкретный, часто сопровождается указанием регалий и всевозможных разрядов по узкой специализации с указанием трудового стажа. Основные специальности – квалифицированные рабочие, медицинский персонал и работники сферы торговли.

Основными видами предлагаемых помещений выступают комнаты или однокомнатные квартиры. Также распространены сообщения о сдаче в аренду домов, в основном в сельской местности, с условиями поддержания хозяйства или присмотра за придомовой территорией на бартерной основе в счет оплаты. Среди объявлений поиска жилья по аналогии с поиском работы выделяются «разведывательные» тексты. Однако их особенность выражается в выяснении таких вопросов, как отношение местных жителей к представителям страны исхода; наличие сложностей устройства детей в детские сады и школы; развитость социальной и рекреационной инфраструктуры; уровень цен и социального благополучия. Что касается чисто функциональных сообщений, то основным типом являются тексты о поиске аренды небольших помещений – комнат и однокомнатных квартир, что в целом коррелирует с предложением. Отдельно стоит упомянуть локус спроса и предложения на прописку и регистрацию, что, с одной стороны, имеет явно юридический фокус, но с другой – опосредует локализацию мигранта и, в свою очередь, детерминирует вопросы трудоустройства, получения медицинских и образовательных услуг. Также в данном ключе особо развиты практики противодействия мошеннической деятельности и сопротивления органам контроля, в частности мониторинг проверок по адресам регистрации и обмен информацией по «резиновым квартирам».

Следующим шагом в русле нашего проекта предполагается обучение набранным и отсортированным массивом нейросети. Будущий механизм позволит сделать некоторые обобщения, касающиеся главного вопроса – насколько схожи механизмы интеграции внутренних и трансграничных мигрантов? Если наша главная гипотеза о схожести этих механизмов верна, то обученная на трансграничном материале нейросеть должна хорошо работать в пространстве цифровых сообществ внутренних мигрантов, а также потенциально подтверждать результаты анализа консервативными методами.

Литература

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 3. С. 315–330.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993. 172 с.

Тимошкин Д. О. Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 5. С. 53–73.

Dekker R., Engbersen G. How social media transform migrant networks and facilitate migration // Global Networks. 2013. Vol. 14, Iss. 4. P. 401–418.

Haynes N., Wang X. Making migrant identities on social media: a tale of two neoliberal cities on the Pacific Rim // Media, Culture & Society. 2019. Vol. 42, iss. 1. P. 1–10.

Markham A. N. Fieldwork in Social Media: What Would Malinowski Do? // Qualitative Communication Research. 2013. Vol. 2, N 4. P. 434–446.

Rogers A., Kovaleva O., Rumshisky A. A primer in BERTology: what we know about how BERT works // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2020. Vol. 8. P. 842–866.

УДК 7.072.5

М. А. Титова (Москва)

Государственный музей искусства народов Востока

ТАНКИ СТИЛЯ ИМПЕРАТОРА ЦЯНЬЛУНА (1735–1796) В ФОНДЕ НАСЛЕДИЯ РЕРИХОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА

Аннотация. Рассмотрены две танки, относящиеся к художественным традициям периода правления императора Цяньлуна, представляющие ценность как с исторической, так и с художественной точек зрения.

Ключевые слова: буддизм, китайский буддизм, буддийская иконография, танка, тибетская живопись, Цяньлун, династия Цин, живопись эпохи Цин, Рерихи, Юрий Рерих.

М. Titova (Moscow)

The State Museum of Oriental Art

QIANLONG EMPEROR (1735–1796) STYLE THANGKAS IN THE ROERICH HERITAGE FUND OF THE STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART

Abstract. Thangka – is one of the types of traditional Tibetan painting. The funds of the State Museum of Oriental Art contain thangkas from the collection of G. Roerich, who became one of the first researchers of this art form. The report examines two thangkas related to the artistic traditions of the reign of the Qianlong Emperor (1735–1796). These works are valuable, both from a historical point of view and from an artistic one.

Keywords: Buddhism, Chinese Buddhism, Buddhist iconography, thangka, tibetan painting, Qianlong, Qing dynasty, Qing dynasty painting, Roerich family, George Roerich.

В коллекции произведений декоративно-прикладного искусства, предметов быта и этнографии из наследия семьи Рерихов Государственного музея Востока (ГМВ) находятся образцы тибетской живописи танка (тханка, танкха, тангка, тхангка).

Традиционная разновидность танки представляет собой следующее: живопись выполняется на грунтованной ткани растительными и минеральными красками на клеевой основе; зеркало (живописную часть танки) обшивают тканью; в верхней части вшивается деревянная штанга; для защиты зеркала в верхней части вшивается пелена в виде прямоугольного отреза шелка жаккардового плетения, которой накрывают фронтальную

часть танки; в нижней части вшивается деревянный отвес с латунными наконечниками. Конструкция танки подразумевает возможность свернуть произведение в рулон, и этим определяется назначение произведения: одна из функций танки состоит в том, чтобы быть мобильной «иконой».

Танки задействованы в медитативных практиках и могут выполнять роль «точки опоры». Эти произведения помещают в храмах и домашних алтарях. Танка может быть преподнесена в качества дара или награды чиновнику, военачальнику или духовному лицу [Набатчиков, 2002, с. 6].

В основном этот вид искусства является атрибутом тибетского буддизма, поэтому живопись танок иллюстрирует сакральные образы, а именно: персонажей пантеона, геометрические мандалы, изображения местопребываний богов.

Коллекционирование произведений восточного искусства являлось общим увлечением всех членов семьи Рерихов. Однако систематическое изучение художественных традиций и отбор выдающихся образцов в наибольшей степени является заслугой Юрия Николаевича Рериха, тибетолога, этнолога и лингвиста, старшего сына художника Н. К. Рериха.

Начало коллекции танок было положено в 1924 г. Ю. Н. Рерих организовывал экспедиции отца и принимал в них участие. Первые танки приобретались им в Сиккиме по пути следования Центрально-Азиатской экспедиции, которая была предпринята Рерихами в 1923–1928 гг. [Елихина, 2011, с. 241; Рерих, 2000, с. 120]. Год спустя, в 1925 г., Ю. Н. Рерих опубликовал одно из первых исследований буддийских изобразительных традиций – «Тибетская живопись». В этой работе ученый рассматривает историю тибетского искусства и систематизирует богатейший пантеон буддийских божеств.

Коллекция танок выдающегося востоковеда формировалась во время путешествий по различным регионам Азии, поэтому в этой коллекции находятся не только типичные произведения, но и раритетные образцы. К такого рода произведениям относятся танки с изображением Махапатисары ГМВ КП 26038 (инв. 8318 II) и Будды Випашына ГМВ КП 25961 (инв. 6527 II).

Эти произведения поступили в фонд ГМВ в 1977 г. в составе коллекции произведений, принадлежавшей семье Рерихов. Это был дар ГМВ от гражданки США Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, которая являлась доверенным лицом семьи Рерихов.

В 2014 г. изображения танок были опубликованы в каталоге О. В. Румянцевой «Щедрый дар. Коллекция Рерихов из собрания К. Кэмпбелл в Государственном музее Востока» [Румянцева, 2014, с. 288–289, 296–297].

Изобразительный канон танок строится на иконометрии, т. е. определенных моделировках частей тела и лика того или иного персонажа и со-

отношении пропорций. Таким образом, с точки зрения тибетского художника, физическое совершенство отражает духовное [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 275].

Художник, который создает танки, пишет образ по специальной разметке, в которой выверена каждая мера и каждое очертание лика и тела божества [Gega, 1983, p. 211]. В основе иконометрического канона танок лежат древнеиндийские пособия, которые содержат подробную систему мер, определявшую пропорции фигуры того или иного персонажа [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 19].

Однако, несмотря на строгую нормативность, искусство танки предусматривает возможность создания особой творческой манеры, которая может быть свойственна художникам определенных локаций и определенных исторических периодов. Живопись танок является примером того, как могут соединяться творчество мастера, вдохновленного религиозным образом, и точная дисциплина.

Танка с изображением Махапратисары из коллекции семьи Рерихов относится к особому стилю живописи, который получил свое развитие во время правления императора Цяньлуна (1735–1796).

Начиная с XI в. в Китае складывается религиозный синкретизм трех учений: даосизма, конфуцианства и буддизма [Непомнин, 2005, с. 623]. Буддизм оказался единственным учением, которое было привнесено извне, укоренение этого учения в культуре Китая происходило постепенно через отдельные точки соприкосновения с религиозными представлениями жителей Китая. Тибетский буддизм – направление, получившее развитие в Тибете, а также в Монголии, Бурятии и ряде других регионов, – представляет собой комплексное учение, которое сложилось на основе Махаяны и Ваджраяны [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 182]. Доминирующей школой тибетского буддизма является гелуг. Также в тибетском буддизме существует социально-религиозный институт, основанный на особой системе реинкарнации – тулку. Этим титулом называют высших лам традиции гелуг: далай-ламу, панчен-ламу и монгольского Богдо-гэгэна, т. е. представителей трех линий перерождений.

К XVIII в. в цинском Китае в период правления императоров маньчжурского происхождения сложилась особая религиозная политика, в которой одновременно поддерживались традиционные государственные культы, имеющие отношение к даосизму и конфуцианству, и буддизм. Государственные культы включали в себя почитание императора, народные культы, культы предков и играли административную и организующую роль, поскольку охватывали все слои китайского общества. Буддизм играл весомую роль во внешней политике экспансии в Тибете [Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 182].

В Тибете далай-ламы и панчен-ламы являлись одновременно как религиозными, так и политическими лидерами. Поэтому стратегия экспансии Китая в Тибете строилась с опорой на буддизм.

Как оценивают это явление исследователи, буддизм был поставлен «на службу цинской дипломатии» [Думан, 1977, с. 68]. На практике это выражалось в таких жестах, как приглашения тибетских тулку в Пекин [Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 73]. Также маньчжурские правители на фоне гражданских противостояний, которые происходили в Тибете, исполняли миротворческую роль, закрепляли за далай-ламой и панчен-ламой функции правителей и при этом принимали участие в идентификации тулку. Таким образом, цинский Китай осуществлял патронаж над Тибетом [Люлина, 2015, с. 47–48].

При этом тибетский буддизм являлся официальной религией цинского императорского двора. В период правления этой династии издавались указы о строительстве буддийских храмов и монастырей, маньчжурские правители инициировали производство буддийской скульптуры и живописи. Поэтому можно говорить о том, что тибетский буддизм выступил как инструмент экспансии, но непосредственно в Китае это учение способствовало развитию художественных традиций.

В 1735 г. на престол вступил император Хунли, который правил под девизом «Цяньлун». Одним из увлечений Цяньлуна была живопись, причем император не только коллекционировал образцы традиционной китайской живописи, но также проявлял интерес к достижениям иностранных художественных школ. В период правления императора Цяньлуна итальянский монах-иезуит Джузеппе Кастильоне являлся придворным художником и создавал живописные произведения по заказу императора. В этих произведениях соединяются художественные и композиционные элементы китайских и европейских школ.

Для живописи Джузеппе Кастильоне характерны новые для китайской живописи приемы перспективы и объемные трактовки изображаемых предметов, придававшие его произведениям визуальную глубину [Дубровская, 2019, с. 759–760; Kleutghen, 2015, p. 331–332].

Также Цяньлун был горячим приверженцем школы гелуг тибетского буддизма. Духовным наставником цинского императора был Панчен-лама VI, и его религиозный авторитет был настолько велик, что император называл его «Живым Буддой» [Кузьмин, 2010, с. 58].

Одним из самых многозначительных произведений, которое указывает на разносторонние вкусы императора, является танка, которую написал Джузеппе Кастильоне по заказу Цяньлуна. В этом произведении император Китая изображен в виде бодхисаттвы Манджушри [Kleutghen, 2015, p. 328].

Квалификация художников, которые пишут танки, включает в себя знание священных текстов и ритуальных практик. В данном случае танка была выполнена европейским художником и христианским миссионером, и это не соответствует тибетской традиции изготовления танок.

Произведение хранится в Галерее искусства Фрир (Freer Gallery of Art) Смитсоновского института (Smithsonian Institution) в Вашингтоне. Учетное обозначение: F.2000.4.

В тибетском буддизме существует традиция почитания земных воплощений бодхисаттв, в качестве которых провозглашали правителей, их жен и наиболее выдающихся подвижников Учения, которые внесли значительный вклад в распространение и развитие буддийских традиций. Среди трех главных бодхисаттв тибетского буддизма Манджушри считается покровителем Китая [Шоннупэл, 2001, с. 443]. Определяющие атрибуты Манджушри, а именно меч («кхадга») и книга («пустака»), расположены на раскрытых цветках лотоса возле плеч Цяньлуна. Над фигурой императора изображен Цзонкапа – основатель школы гелуг, который при жизни почитался как земное воплощение бодхисаттвы мудрости [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 223].

В этом произведении фотографический реализм образа императора сочетается с тщательно прописанными персонажами буддийской иконографии и стилизованными элементами, которые фигурируют в китайских танках.

Цяньлун поддерживал традицию тибетской живописи. И одним из выдающихся показателей являлось появление особого стиля танок, который в англоязычных источниках называют стилем императора Цяньлуна, или, если использовать более точное определение, стилем Чэндэ.

С г. Чэндэ, который с 1703 г. стал местом летней резиденции маньчжурских императоров, связан вклад Цяньлуна в дело распространения тибетского буддизма в Китае. В 1767–1771 гг. по приказу императора Цяньлуна в Чэндэ был построен храмовый комплекс Путоцзунчэн, который по замыслу императора должен был представлять собой копию Поталы – резиденции далай-ламы в Тибете.

В 1780 г. Панчен-лама VI был приглашен на празднование семидесятилетнего юбилея Цяньлуна. К этому году в Чэндэ был воздвигнут храм Сюмифушоу, за основу архитектурного образа которого был взят монастырь Ташилунпо – тибетская резиденция панчен-ламы. Этот храм был украшен серией танок, объединенных общей стилистикой [Kelenyi, 2009, p. 519].

Мы не располагаем данными о том, какое количество художников было задействовано при создании этой серии танок и были ли это исключительно китайские мастера.

Точное количество танок стиля Чэндэ, созданных для храма Сюмифу-шоу к 1780 г., неизвестно. Также не исключено то, что произведения, выполненные в аналогичной стилистике, могли быть созданы ранее или созданы в этот же период для других храмов Чэндэ. Существует несколько произведений, которые исследователи относят к убранству храма Сюмифу-шоу 1780 г., однако большую часть произведений этого стиля датируют более широко – в пределах XVIII в.

Образцы танок стиля Чэндэ периода правления императора Цяньлуна находятся в собраниях Музея искусств Филадельфии / Philadelphia Museum of Art (Филадельфия), Азиатского музея искусств / Asian Art Museum of San Francisco (Сан-Франциско), Художественного музея Рубина / Rubin Museum of Art (Нью-Йорк), Библиотеки редких книг и рукописей в Бейнеке / Yale University Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Нью-Хейвен), Музея Восточноазиатского искусства Ференца Хоппа / Ferenc Hopp Museum of Eastern Asiatic Art National Gallery (Будапешт), Национальной галереи Праги / National Gallery (Прага) и др.; также находятся в частных коллекциях и фигурируют на аукционах (см. онлайн-каталог аукционного дома Sotheby's: Important Chinese Works of Art, апрель 2015 г. Гонконг, лот № 3653) [Sotheby's ... , 2015].

Обращаясь к художественной манере танок стиля Чэндэ, можно отметить то, что для них характерно тонкое письмо и высокий уровень детализации. Их объединяют общие композиционные приемы, а также особая трактовка растительности, которая фигурирует у китайских пейзажистов эпохи Цин. В качестве примеров можно привести работы У Ли (пиньинь Wu Li) и Ван Цзяня (пиньинь Wang Jian), а также Фан Конга (пиньинь Fang Cong) и Дзина Тинбао (пиньинь Jin Tingbiao), которые работали над пейзажами в произведениях Джузеппе Кастильоне (см. живопись на шелке Peacock Spreading It's Tail Feathers (1858 г.) в собрании Музея императорского дворца в Тайбее) .

Природный ландшафт в танках стиля Чэндэ выполнен волнообразными «текучими» формами глубоких сине-зеленых оттенков. Это соответствует одному из традиционных видов китайской пейзажной живописи, в котором использовались натуральные пигменты на основе лазурита и малахита.

Для танок стиля Чэндэ характерен определенный выбор цветов: в образах божеств преобладают кожа белого цвета, зеленые нимбы и розовые мандорлы. Изображения украшений бодхисаттв выполнены золотой тушью.

Композиция выглядит следующим образом: пространство делится на нижнюю и верхнюю части. Пространство нижней части заполнено пышной растительностью и изображениями гор сине-зеленых оттенков. Верхняя половина пространства отведена изображению небес, также задействованы сине-зеленые оттенки более светлых тонов, группы витиевато прописанных облаков изображены симметрично. Центральное божество

изображено восседающим на лotosовом пьедестале, в нижнем левом и правом углах расположены Белая Тара и Зеленая Тара, в верхней части в центре – Будда Амитаюс. Слева и справа от него расположены группы небожителей на облаках.

Стилистика этой серии танок включает в себя как китайские, так и тибетские элементы. Образы божеств статичны и полностью соответствуют традиционной иконометрии.

Танки стиля Чэндэ периода правления императора Цяньлуна представляют собой интерес с точки зрения иконографии. Центральными персонажами танок являются бодхисаттвы, реже – Будды и подвижники Учения. В некоторых танках задействованы распространенные образы, но также фигурируют персонажи, не поддающиеся точной идентификации. Данная сложность связана с тем, что в танках стиля Чэндэ изображены персонажи, относящиеся к иконографическим системам китайских буддистов. В Китае развивались собственные буддийские школы, и местный буддийский пантеон стал включать в себя малоизвестные и новые формы персонажей тибетского буддизма [Kelenyi, 2009, p. 519]. Тантрические формы божеств пользуются популярностью в школах китайского буддизма.

В случае с танкой ГМВ КП 26038 из коллекции Ю. Н. Рериха ранее существовало несколько версий. Первоначальная атрибуция «Белозонтичная Тара» не соответствует действительности, поскольку у изображенного персонажа отсутствует главный определяющий атрибут. В каталоге О. В. Румянцевой танка атрибутирована как Манджушри, видимо, вследствие того, что есть такие атрибуты, как меч и книга. У бодхисаттвы Манджушри действительно существует многорукая и многоликая форма – Манджуваджра Манджушри. Однако эта ипостась бодхисаттвы мудрости обладает телом оранжевого цвета, тремя ликами и шестью руками, в которых держит лотос, меч, лук, стрелу и книгу [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 323]. В пантеоне тибетского буддизма был обнаружен персонаж, который в большей степени соответствует божеству, представленному на танке ГМВ КП 26038 из коллекции Ю. Н. Рериха.

Махапратисара – это богиня, которая фигурирует в буддийских тантрических текстах. Тантра – совокупность практик, направленная на достижение состояния Будды. Согласно суждениям последователей этих традиций, просветление и освобождение из круговорота перерождений является результатом единения двух аспектов: метода и мудрости. Тантрические формы божеств многолики и многоруки, поскольку наглядно иллюстрируют эту концепцию.

Махапратисара описана у Ю. Н. Рериха в работе «Тибетская живопись». Богиня обладает телом белоснежного цвета, четырьмя ликами и восемью руками, в которых держит атрибуты: меч, лук, стрелу и др. [Рерих, 2000, с. 85, 86]

Атрибуты, расположенные в правых руках богини (меч, стрела, ваджра), символизируют метод, в левых (книга, лук и колокольчик) – мудрость. Основная пара рук Махапратисары сложена в жесте дхармачаркап-равартана-мудра, символизирующем первую буддийскую проповедь.

Также в произведениях искусства фигурируют одноликая, трехликая, шестирукая, десятирукая, двенадцатирукая формы, лики богини могут быть желтого, белого, красного и зеленого цветов, тело – желтого цвета.

В индо-тибетской традиции Махапратисара состоит в группе Панчаракша – это пять богинь-защитниц. Затем пять богинь-защитниц вошли в пантеон буддизма Махаяны и Ваджраяны в качестве ипостасей богини Тары. Махапратисара обладает схожей зоной ответственности, защищая от болезней, опасностей и последствий неблажной кармы.

Существует трактовка, которая роднит Махапратисару с китайской Гуаньинь, обладающей особой ипостасью подательницы детей [Hsiao-i, 1996, p. 82–83]. В представлениях китайских буддистов Махапратисара является покровительницей рожениц и маленьких детей.

Танка ГМВ КП 26038 из коллекции Ю. Н. Рериха стилистически и технологически соответствует аналогам стиля Чэндэ периода правления императора Цяньлуна.

В этот период появился еще один узнаваемый стиль танок, появление которого также связано с приверженностью императора тибетскому буддизму. В 1777 г. Панчен-лама VI подарил императору Цяньлуну набор из семи танок с изображениями Семи Будд прошлого, которые иллюстрируют идею о том, что до Сиддхартхи Гаутамы существа, достигшие высшей формы духовного развития, уже приходили в мир. Будда Шакьямуни в этой последовательности является последним.

В настоящий момент эта серия танок хранится в собрании Дворцового музея Запретного города в Пекине. Многочисленные копии произведений, подаренных Панчен-ламой VI, были созданы придворными художниками для китайских храмов, монастырей и дворцов [Berger, 2003, p. 186–188]. Аналогичный набор из семи танок был преподнесен императором в дар Далай-ламе VIII, учителем которого был Панчен-лама VI [Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 91]. Эти произведения хранятся в собрании Дворца Потала.

В этой серии танок живопись выполнена золотой тушью на черной бумаге. Подобный выбор цветов может быть связан с тем, что Семь Будд прошлого в традиционной иконографии обладают телами черного и золотистого цветов.

Особенностью стилистики этой серии является то, что пространство, окружающее персонажей, заполнено орнаментами с изображением драконов, следующих за жемчужинами, и благих символов буддизма [Бир, 2003, с. 22]. В верхней части танок находятся надписи на китайском, маньчжурском, тибетском и монгольском языках. Особенностью иконографии танок

этой серии является то, что Будды изображены в сопровождении родственников Сиддхартхи Гаутамы и его учеников.

У этого стиля нет названия, в литературе эти произведения обозначают как танки стиля императора Цяньлуна, выполненные на черном фоне.

Помимо упомянутых ранее музейных собраний, образцы находятся в Художественном музее Рубина / Rubin Museum of Art (Нью-Йорк) и в частных коллекциях.

Танка ГМВ КП 25961 из коллекции Ю. Н. Рериха представляет собой копию конца XVIII–XIX вв., выполненную на бумаге золотой тушью. На танке изображен Будда Випашьин (первый в последовательности Семи Будд прошлого). Слева и справа от него изображены ученики Будды Шакьямуни Шарипутра и Маудгальяяна. Ниже расположены члены семьи исторического Будды: отец Шуддхохана, сын Рахула, двоюродный брат Ананда и Махамая.

Коллекция танок Ю. Н. Рериха содержит редкие образцы, ценные как с исторической точки зрения, так и с художественной. Уровень исполнения говорит о том, что эти произведения были собраны выдающимся экспертом в области этого искусства, поэтому коллекция танок Ю. Н. Рериха представляет большую ценность для исследователей. В настоящий момент части коллекции хранятся в ГМВ (Москва), Эрмитаже (Санкт-Петербург), фонде Мемориального кабинета Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения РАН (Москва).

Литература

- Бир Р. Тибетские буддийские символы. М. : Ориенталия, 2003.
- Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура Северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ. М. : УРСС, 2004.
- Дубровская Д. В. Джузеппе Кастильоне (Лан Шини; 1688–1766) в русле китайской живописной традиции: европейский подход к вопросам перспективы // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 9. МГУ им. М. В. Ломоносова. СПб., 2019. С. 759–760.
- Думан Л. И. Внешняя политика государства Цин в XVII в. М. : Наука, 1977.
- Елихина Ю. И. Дворцы земные и небесные на танках из коллекции Ю. Н. Рериха, хранящейся в Эрмитаже // Рериховское наследие : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Т. 8. СПб. : Музей-институт семьи Рерихов, 2011.
- Люлина А. Г. Тибет под патронажем Цин в XVIII в.: особенности взаимодействия // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2015. № 4. С. 47–48.
- Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб. : Нартанг, 2010.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М. : Восточная литература, 2005.
- Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М. : Наука, 1975.
- Набатчиков В. А. Священные образы Тибета. Традиционная живопись Тибета в собрании Государственного музея Востока. Самара : Агни, 2002. 248 с.
- Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин XVII – начало XX века. М. : Восточная литература РАН, 2005.

- Рерих Ю. Н. Тибетская живопись. Самара : Агни, 2000.
- Румянцева О. В. Щедрый дар. Коллекция Рерихов из собрания К. Кэмпбелл в Государственном музее Востока. М. : Государственный музей Востока, 2014. С
- Титаренко М. Л., Кобзев А. И., Лукьянов А. Е. Духовная культура Китая. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007.
- Шоннупэл Г. Синяя летопись. История буддизма в Тибете. М. : Евразия, 2001.
- Berger P. Empire of Emptiness: Buddhist Art and Political Authority in Qing China. Honolulu : University of Hawai'i Press, 2003.
- Gega Lama. Principles of Tibetan Art: illustrations and explanations of Buddhist iconography and iconometry according to the Karma Gardri School. V. I. Darjeeling : Jamyang Singe, 1983. 211 p.
- Hsiao-i. Ch. A Special Exhibition of Recently Acquired Gilt-Bronze Buddhist Images. Каталог. Taipei : National Palace Museum, 1996.
- Kelenyi B. Iconographical Suppositions in Connection with a Thangka Series Made in the Qianlong Period // Prajnadhara: Essays on Asian Art History Epigraphy and Culture in Honour of Gourishwar Bhattacharya. New Delhi : Kaveri Books, 2009. 519 p.
- Kleutghen K. Bringing Art to Life: Guiseppe Castiglione and Scenic Illusion Painting // Portrayals from a British Divine: A Special Exhibition on the Tricentennial of Guiseppe Castiglione's Arrival in China. Taipei : National Palace Museum, 2015.
- Sotheby's, онлайн-каталог аукционного дома. Аукцион Important Chinese Works of Art, апрель 2015 г. Гонконг, лот № 3653. URL: <https://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2015/important-chinese-works-of-art-hk0571/lot.3653.html> (дата обращения: 13.07.2022).

УДК 111.82+165.22

Н. А. Трубина (Москва)

Московский городской педагогический университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ КАК ОСНОВЫ МОДАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. Представлена специфика и значимость модальной методологии, актуальность которой обусловлена ростом междисциплинарных объектов, требующих единого, целостного понимания. Рассмотрено модальное изучение объекта в единстве модусов, которые самotoждественны и тождественны самому объекту. Показано, что модусы раскрываются как проекции модального объекта на какой-либо уровень реальности и отражают качества объекта, которые свернуты в нем. Выявляется, что основой формирования модальной методологии являются онтологические идеи Древней Индии, в которых единство объективного бытия и индивидуального сознания выступает главным постулатом.

Ключевые слова: онтология, модальная методология, модус, единство, целостность, индуизм, буддизм.

N. Trubina (Moscow)

Moscow City University

ONTOLOGICAL IDEAS OF ANCIENT INDIA AS THE BASIS OF MODAL METHODOLOGY

Abstract. The article presents the specifics and significance of the modal methodology, the relevance of which today is due to the growth of interdisciplinary objects that require a unified, holistic understanding. The modal study of an object allows us to consider it in the unity of modes that are identical and identical to the object itself. Modes are revealed as projections of a modal object to some level of reality and reflect the qualities of the object that are rolled up in it. The basis for the formation of the modal methodology is the ontological ideas of Ancient India, in which the unity of objective being and individual consciousness is the main postulate.

Keywords: ontology, modal methodology, modus, unity, integrity, Hinduism, Buddhism.

Человечество на протяжении всей истории познавательной деятельности стремится к постижению основ мироздания и порядка мирового устройства в целостности и универсальном единстве. В современном поле познания это становится не только ценностью, но и необходимостью, поскольку область междисциплинарных исследований расширяется, объекты изучения освещаются как с рационального, так и иррационального ракурсов. В современной западной философии увеличивается тенденция к исследованию онтологических проблем в единстве, что подтверждается методологическими моделями синергетики, квантовой онтологии, генологии, интегральной философии. Особенностью такой парадигмы является понимание объектов в множестве разнообразных структурных элементов, тождественных целостности. Таким образом, объект предстает не в единстве неделимых однородных качеств, а в отношении совокупности частей как целого.

Альтернативной методологией, актуальность которой сегодня возрастает в разных областях познания, является модальная методология. Автором понятия «модальная методология» является Д. Б. Зильберман, он называет модальную методологию «онтологическим пониманием», которое «в отличие от “психологического”, связанного с субъективно переживаемым и интроспектируемым опытом откровения в “тебе конкретном”, или же пониманием во мне, могущим быть постоянно прихваченным полнотой откровения», дает объяснение объекта в целостности, освещая его с разных сторон. Модальная методология при изучении объекта исключает обращение к существующим трактовкам об объекте, исключает модельное и апперцептивное понимание, оно рассматривает его в «кристальной» чистоте [Зильберман, 1998, с. 66].

Латинское понятие «модус» и предшествующее ему древнегреческое понятие «тропос» (способ, манера, образ) лежат в исторической основе и смысловом содержании понятия «модальность». Обращение к этим понятиям в древнегреческой философии и далее в греческой патристике позволили развить логику, в частности, учение о силлогизмах, где Аристотель вводит троп для обозначения логических фигур, а каппадокийская богословская мысль прояснить тайну Божественного триединства и сформировать логику ипостасности. Таким образом, на начальном этапе обращения к понятию «модус» сформировалось его значение как проявление единого начала в различных формах, образах и состояниях. А. А. Мёдова является современным разработчиком теории модальности; в своем исследовании она указывает, что «к группе значений, раскрывающих сущность модальности, относятся такие варианты переводов и толкований, как план, проявление, режим, порядок, состояние. Модальные термины отражают идею соотношения разных состояний или форм одного объекта в перспективе их исходного онтологического тождества» [Мёдова, 2016, с. 16].

Спецификой модального подхода является понимание объекта в единстве его модусов (форм) как самотождественных и через тождественность модуса самому объекту. Модусы представляют собой проекции модального объекта на какой-либо уровень реальности, т. е. отражают качества объекта, которые свернуты в нем. В онтологическом плане модальность предстает как основание, а модусы осуществляют его реализацию. А. А. Мёдова обозначает такие синонимы понятия «модус», как «тропос, образ, ипостась, качественование» [Мёдова, 2017, с. 128], которые расширяют понимание его семантического значения.

Модальность формирует онтологическую организацию объекта по принципу «все во всем», прежде всего, так организовано само бытие: «все существующее представлено на уровне единства, в нем зафиксирован объединяющий все существующее онтологический предикат “быть”» [Трубина, 2013, с. 120]. Модальный объект разворачивается, проецируется, и модус реализуется, а его инварианты остаются свернутыми, объект транспонируется по принципу инобытия. Модальный характер придается объекту и «бытию значимым присутствием или отсутствием в нем признака “мочь”... разные градации “мочь” соотносятся с бытием» [Трубина, 2012, с. 135] и иным объектом. Модальный объект существует по фрактальному принципу, где модусы как части целого равны самому целому, они проецируются в реальности и отражают грани модальности, которые свернуты в ней.

Наилучшим образом в русской философии модальная онтология представлена концепцией всеединства В. С. Соловьева. В работе «Чтения о богочеловечестве» мыслитель дает описание модальной модели бытия: «Для того чтобы все могло быть содержанием безусловного начала, необходимо, чтобы это все само представляло определенное содержание, т. е. необходимо, чтобы каждая единица, составляющая это все, каждый член этого целого был чем-нибудь особенным, не мог быть заменен или смешан с чем-нибудь другим, необходимо, чтобы он был вечной, пребывающей идеей» [Соловьев, 2010, с. 135]. Если рассматривать модус как единицу, содержащуюся в безусловном начале и имеющую свои особенности, он тождественен вечному началу как целому, он проецирует основу бытия, при этом не сводится к другим модусам. Л. Р. Миркушина отмечает, что в учении о всеединстве В. С. Соловьева лежат идеи Платона, которые образуют суть модальной онтологии, при этом само модальное объяснение бытия в учении Платона не реализовано: «Мир воспринимается как универсальное целое, иерархически структурированное, где все в конечном итоге должно стремиться к Богу, который и есть высшее Добро, Истина и Красота» [Миркушина, 2018, с. 68]. Модусами Бога как основы мирового устройства являются Добро, Истина и Красота, которые в своем содержа-

нии отражают одно из проявлений Бога, они тождественны ему, но различны по отношению друг к другу, а Бог не сводится к тождеству с частями, так как он основа, первопричина существующего.

По мнению Д. Б. Зильбермана, западная философия не имеет подобного подхода к исследованию объектов, ее истинная история еще не началась [Гурко, 1998, с. 8]. Фундаментами модальной методологии, формирующей целостное представление об объектах, являются онтологические идеи индийской философии.

Онтологические идеи Древней Индии – это исторически первая модель модальной онтологии, которая сформировалась благодаря стремлению к целостности в постижении основ мирового устройства, в то время как онтология Древней Греции сформировалась в результате дихотомии разделения первосущего на материальное и идеальное Платоном. Обращение к онтологии Древней Индии необходимо для понимания основ, сущности модальной методологии, подтверждения ее состоятельности и практического значения в развитии как онтологического, так и философского знания в целом.

В индийском учении адвайта-веданте («не-двойственная веданта») отражено онтологическое единство бытия и сознания, где главным объектом бытия является Брахман. В Упанишадах Брахман представлен как «реальность, сознание, бесконечное» [Зильберман, 1998, с. 309]. В священных текстах индуизма Брахман представлен как целостный и единый, не имеющий частей. В Ведах представлен тезис: «Брахман есть Атман», где Атман понимается как сознание индивидуального субъекта. Модусами Атмана являются сознания отдельных индивидов: «Первичное сознание есть лишь единственное (экам эва). Оно проникает собой все предметы (сарва-вьяпи) и на все проливает свет. Оно образует и внутренний орган, и его модификации, и объект» [Радхакришнан, 1993, с. 433]. Модальность бытия реализуется через модусы индивидуального сознания индивидов, которые тождественны Брахману, это единое целое, представляющее собой некую фрактальную схему. Отсюда следует, что истина бытия есть сама объективная реальность, что разрешает основной вопрос гносеологии.

В буддизме модальное отношение объективного бытия и индивидуального сознания представлено в процессе достижения нирваны, которое возможно в состоянии иллюзорности бытия, т. е. полной отрешенности сознания от объектов, что в итоге приводит к слиянию сознания с бытием, они становятся тождественными. Таким образом, сознание индивидов выступает как модусы бытия.

Идеи модальной онтологии Древней Индии послужили основой формирования модальной методологии, а также базисом для некоторых западных онтологических концепций.

Таким образом, модальная методология имеет ряд преимуществ в современном научном дискурсе: она позволяет исследовать объекты в целостности ее неразложимых модусов, увидеть в разных спектрах его сущностное содержание, раскрыть перспективы существования, что является ключевыми характеристиками предмета философского знания. В целом модальная методология снимает противоречия среди существующих методологических подходов, примиряет их в объяснении единого объекта.

Литература

- Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана // Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. М. : Эдиториал УРСС, 1998. С. 3–62.
- Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма. М. : Эдиториал УРСС, 1998. 448 с.
- Миркушина Л. Р. Образ женщины как социокультурный феномен в русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. М. : Центральное издательство учебно-методической и научной литературы, 2018. 211 с.
- Мёдова А. А. Онтология модальности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. Омск, 2016. 38 с.
- Мёдова А. А. Онтология модальности : монография. Ч. 1. Логические, богословские и философские основания. СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2017. 152 с.
- Радхакришнан С. Индийская философия. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. под ред. А. А. Якушева. М. : Миф, 1993. 732 с.
- Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. СПб. : Азбука-классика, 2010. 384 с.
- Трубина Н. А. Модальная сущность бытия // Омский научный вестник. 2012. № 5(112). С. 134–136.
- Трубина Н. А. Модальный анализ бытия: уровневый подход // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 3 (13). С. 120–125.

УДК 338.23

Е. А. Черных (Иркутск)

Иркутский государственный университет

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КНР В ОТНОШЕНИИ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД COVID-19

Аннотация. Исследуются меры поддержки предприятий КНР в период пандемии COVID-19. Выделены наиболее важные положения государственной политики в отношении среднего и малого бизнеса, призванные не только поддержать предприятия в сложные времена, но и стимулировать их дальнейшее развитие и процветание.

Ключевые слова: COVID-19, государственная политика КНР, КНР, малый и средний бизнес.

TO THE QUESTION OF THE STATE POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC
OF CHINA REGARDING THE SUPPORT OF ENTERPRISES DURING COVID-19

Abstract. In 2020 the humanity faced a new pandemic that triggered huge loss of life and global economic, political, and social upheavals. The People's Republic of China is the first country to suffer from a new virus. Many country's enterprises suffered significant losses and many of them even closed down. Therefore, the purpose of this article is to study and analyze the support measures for enterprises in China during the epidemic. Article highlights the most important provisions of state policy regarding medium and small businesses, designed not only to support enterprises in difficult times, but also to stimulate their further development and prosperity.

Keywords: COVID-19, Chinese public policy, Peoples Republic of China, small and medium businesses.

В настоящее время интерес к политическим, экономическим, культурным вопросам стратегического партнера России – Китая – набирает обороты. Многие проблемные и острые из них освещаются в следующих статьях [Дюндик, Крипак, 2016; Дюндик, 2020; Dyundik, 2019; Dyundik, Kuznetsova, 2020], освещаются вопросы управления страной со стороны партийных органов [Баринкова, Кремнёв, 2015], в настоящий момент особое внимание привлекает государственная политика в отношении пандемии. Для достоверного исследования подобных вопросов, на наш взгляд, крайне важно обращаться к лингвистическому анализу масс-медиа источников КНР. Материалом для нашей статьи, кроме публикаций на русском языке, послужили также 6 статей из официальных массмедиа источников КНР.

Декабрь 2019 г. ознаменовал собой начало нового этапа в жизни всего человечества. Именно в это время в китайском городе Ухань был зафиксирован первый случай заболевания новым типом коронавируса, после чего произошла первая вспышка заболеваемости, а уже в марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии COVID-19 [Cucinotta, Vanelli, 2020]. Едва ли кто-то мог предположить, к каким последствиям способно привести распространение данного заболевания и насколько пагубным окажется его влияние на весь мировой порядок и мироустройство.

Новый коронавирус – это новый чрезвычайно заразный вирус. Некоторые люди описывают сложившуюся ситуацию следующим образом: «Китай сейчас будто сдает экзамен, не имеющий материалов для повторения» [王克大使 ..., 2020]. Однако сильное и слаженное руководство Китая способствовало резкому перелому развития пандемии, а также быстрым темпам противостояния ей. Проводимая широкомасштабная профилактическая деятельность, комплексные меры борьбы и ее положительные результаты получили общемировое признание.

Несмотря на достаточно оперативное подавление распространения заболевания в стране и значительное улучшение внутренней эпидемиологической обстановки, все четче стали проявляться тяжелые последствия карантинных мероприятий, которые отразились на экономике страны. Так,

по итогам на февраль 2020 г. объем промышленного производства в стране снизился на 13,5 %, инвестиционные объемы снизились на 24,5 %, а снижение показателей розничной торговли составило 20,5 %. Уже в январе того же года спад промышленности составлял 26,63 %. Больше всего пострадала автомобильная промышленность, где снижение объемов выпуска составило 31,8 %. Повышение объемов производства было отмечено только в газо- и нефтедобыче, а также в производстве табачной продукции [Красноруженко, 2020, с. 37].

Установившаяся тяжелая экономическая ситуация требует активного государственного вмешательства. Одним из важнейших приоритетов является разработка и внедрение новых политических мер помощи малому и среднему бизнесу, наиболее пострадавшему, а также наиболее важному компоненту китайского экономического развития. Согласно официальным данным, эти предприятия внесли вклад в обеспечение 80 % занятости в городах и в предоставление 90 % новых рабочих мест в 2019 г. [Liu Qiao, 2020].

Ради уменьшения отрицательного воздействия на предприятия, для оказания им посильной помощи и стимулирования дальнейшей экономической активности руководство КНР осуществило внедрение целого ряда специальных экономических мер, условно подразделяемых на несколько узкоспециализированных групп.

1. Финансово-кредитная политика

Предоставление корпоративных кредитов для охраны предприятий стало важным элементом противодействия последствиям пандемии в 2020 г. В соответствии со специальным рефинансированием Народного банка Китая центральные финансовые органы осуществляли поддержку в виде добавочных скидок на кредиты, увеличения периода кредитования, а также в предоставлении повторных займов. В частности, в Шанхае для ключевых предприятий по производству, продаже и транспортировке основной медицинской продукции и предметов первой необходимости были выделены кредиты с льготной процентной ставкой. Для того чтобы процентная ставка по корпоративным кредитам составляла менее 1,6 %, половина скидки предоставляется министерством финансов.

Правительство Пекина объявило, что на время пандемии для малых и средних предприятий, соответствующих определенным правительственным требованиям, будет возмещено 30 % от взносов социального страхования, подлежащих уплате за 3 мес. Правительство же Шэньчжэня поощряет предприятия, производящие противоэпидемические товары, к увеличению инвестиций в технологические преобразования. Закупленное с февраля по март 2020 г. оборудование будет субсидироваться в размере, не превышающем 50 % от капиталовложений [柳维伦, 2020].

2. Налоговые льготы

С начала 2020 г. компании, предоставляющие услуги общественного транспорта, услуги жизнеобеспечения, а также доставку товаров первой необходимости для жителей, освобождаются от уплаты налога на добавленную стоимость, полученного от своей деятельности. С марта по май 2020 г. мелкие налогоплательщики НДС со ставкой налога 3 % провинции Хубэй будут освобождены от выплат. В других же регионах возможно понижение ставки налога с 3 до 1 %. Более того, предприятия, производящие основные защитные товары от пандемии, в конце налогового периода могут ходатайствовать о полном возмещении НДС, уплаченного с 1 января 2020 г. [财政 ... , 2020].

В феврале 2020 г. Государственный совет постановил, что корпоративная пенсия, страхования от безработицы и выплаты в случае производственного травматизма должны быть постепенно освобождены от налога, чтобы смягчить влияние пандемии на предприятия, в особенности на средние и малые. Муниципалитет Гуанчжоу объявил, что предприятия, испытывающие серьезные трудности с уплатой налога на недвижимость и налога на использование городских земель, могут подавать заявки на получение налоговых льгот. В свою очередь, Шэньчжэнь объявил, что компании, испытывающие трудности в связи с пандемией, на три месяца будут освобождены от налога на недвижимость и налога на использование городских земель, также снижается ставка выплат в фонд жилищных накоплений до минимальных 3 % [柳维伦, 2020].

3. Политика снижения арендной платы или освобождения от нее

Местные органы власти разных уровней ввели политику снижения арендной платы и освобождения от нее для компаний, которые арендуют муниципальные и районные государственные предприятия. Если же они продолжают работать согласно государственным предписаниям, не сокращая штат или не превышая предельный процент разрешенного сокращения, то их арендная плата может быть снижена на период от 2 до 6 мес. или же вовсе отменена. В Пекине для серьезно пострадавших от пандемии или обеспечивающих базовые потребности городского населения ресторанов общественного питания, овощных магазинов, магазинов шаговой доступности и других торговых точек полностью покрыта аренда помещения и оказана прочая поддержка [Е, Шерешева, 2020].

4. Снижение комиссионных сборов

С 30 сентября 2021 г. Хайнань осуществил широкомасштабную реализацию льгот по снижению платежей в целях реализации работы Народного банка Китая и других четырех министерств и ведомств по осуществлению снижения комиссионных сборов и обслуживания реальной экономики. Работа провинции по снижению выплат комиссий для малых и сред-

них предприятий включает семь видов бизнеса. В общей сложности существует 17 операций, охватывающих 9 операций, которые наиболее часто используются предприятиями (сборы за управление личным счетом и годовые взносы, комиссии за межбанковские денежные переводы и др.), а также 8 прочих операций. Из 17 операций 5 полностью освобождены от каких-либо сборов, а 4 освобождены или получают 50 % скидку. После осуществления соответствующих мер ожидается, что рыночные субъекты провинции сократят расходы на выплату комиссий примерно на 230 миллионов юаней [海南... , 2021].

Вышеупомянутые и некоторые другие меры помощи и поддержки уже смогли принести Китаю первые успехи. Во втором квартале 2020 г., в момент выхода первых китайских городов с карантина (опережая весь мир), ВВП страны увеличился на 3,2 %, более того, он также смог избежать технической рецессии [Пехтерева, 2020, с. 39]. Из чего можно заключить, что китайская экономика оказалась намного сильнее, чем могли предполагать зарубежные специалисты.

Льготное кредитование, снижение налогов, размеров арендной платы и банковских комиссий, финансовые субсидии и многие другие меры поддержки буквально спасли малый и средний бизнес от банкротства, содействовали продолжению работы предприятий и стимулировали стабилизацию внутриэкономической ситуации. Основные положения экономики Китая в долгосрочной перспективе не изменились. Влияние и воздействие пандемии являются краткосрочными и в целом поддаются контролю. Также во многом благодаря пандемии особое внимание и развитие получили искусственный интеллект, биомедицина, интернет-магазины, а также новая экономика и новые бизнес-форматы, такие как удаленная работа, дистанционное образование и онлайн-развлечения, известные как «экономика домоседа», которые, вполне возможно, станут основными направлениями экономической трансформации и модернизации Китая [国务院... , 2021]. В конечном счете по мере дальнейшего контроля и смягчения пандемии временно подавленный потребительский спрос Китая будет активно высвобождаться в будущем, в очередной раз разразится потенциал роста, а экономика Китая вернется в нормальное состояние и продолжит быть «двигателем» и «якорем стабильности» для мирового роста и развития.

Литература

Баринкова А. В., Кремнёв Е. В. Партийная система КНР в типологическом аспекте: однопартийность или неконкурентная многопартийность? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 3. С. 129–142.

Дюндик Ю. Б., Крипак А. В. Влияние уровня развития информационного социума на возможности участников лингвистического образовательного процесса // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков : сб. науч. тр. Российский ун-т дружбы народов ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. 2016. С. 107–117.

Дюндик Ю. Б. Южно-Китайское море – регион противостояния США и Китая // Теория и практика регионоведения : тр. II Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / под общ. ред. В. В. Яковлева. СПб., 2020. С. 141–148.

Е Симэн, Шерешева М. Ю. Государственная политика КНР в отношении китайских малых и средних предприятий в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 25–50.

Красноруженко М. С. Эпидемия коронавируса. Последствия и угрозы для экономики Китая. Промышленность и рынки // Финансовые рынки и банки. 2020. № 2. С. 36–40.

Пехтерева Е. А. Влияние пандемии коронавируса на экономику Китая // Экономические и социальные проблемы России. 2020. № 3. С. 13–36.

Cucinotta D., Vanelli M. WHO declares COVID-19 a pandemic // Acta Biomed. 2020. Vol. 91, N 1. P. 157–160.

Dyundik Yu. B. Fight for the global leadership: US – China conflict in the South China // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 10–16 сент. 2019 г.) / ФГБОУ ВО «ИГУ»; отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск, 2019. С. 151–155.

Dyundik Yu. B., Kuznetsova O. V. One method of developing critical thinking: News analysis with students of regional studies and translation specialization // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 7–9 дек. 2020 г.) / ФГБОУ ВО «ИГУ»; отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск, 2020. С. 447–451.

Liu Qiao. Measures must be commensurate with impact. URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/202002/24/WS5e5334d7a310128217279c19.html> (дата обращения: 21.01.2022).

财政支持新冠肺炎疫情防控政策措施问答 [电子资源]. URL: http://czt.hebei.gov.cn/xwdt/gzdt/202004/t20200403_1200121.html (дата обращения: 27.11.2021).

国务院联防联控机制2021年8月13日新闻发布会介绍进一步做好疫情防控有关情况 [电子资源]. URL: <http://wsjkw.hebei.gov.cn/xwfb/381493.jhtml> (дата обращения: 10.10.2021).

海南发放支付减费大礼包 将惠及127万家小微企业和个体工商户 [电子资源]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-10/03/content_5640831.htm (дата обращения: 13.11.2021).

柳维伦. 政策将如何扶持企业渡过疫情难关 / 柳维伦, 李颖欣, 黄一匀. 专题报告. 2020 年. 14 页.

王克大使在新冠肺炎疫情媒体见面会上的吹风和答问实录 [电子资源]. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cetz/chn/sgdt/t1752937.htm> (дата обращения: 22.11.2021).

Т. Н. Чунихина, Н. В. Чунихин (Краснодар)
Кубанский государственный технологический университет

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ В ОСНОВНЫХ ЗАКОНАХ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Рассматриваются формы взаимоотношений между государственными и религиозными институтами в странах СНГ, оцениваются сложившиеся правовые традиции регламентации этой сферы в основных законах государств. Утверждается, что сохранение и использование религии как важнейшего политического и социального фактора во всех постсоветских государствах является убедительным средством решения сложных общественных проблем, а также строжнейшим формированием национального самосознания, национальной идеологии развития общества и государства.

Ключевые слова: религия, многоконфессиональность, свобода вероисповедания, свобода совести, светское государство.

T. Chunikhina, N. Chunikhin (Krasnodar)
Kuban State Technological University

TO THE QUESTION OF NORMATIVE CONSOLIDATION OF THE PRINCIPLES OF INTERACTION OF INSTITUTIONS OF THE STATE AND RELIGION IN THE BASIC LAWS OF THE POST-SOVIET COUNTRIES

Abstract. The paper examines the forms of relationships between state and religious institutions in the CIS countries, evaluates the established legal traditions of the regulation of this sphere in the basic laws of the states. Since the beginning of the 1990s, a sharp increase in religious tendencies has been observed in the geopolitical space under consideration, however, the political elite that came to power was unable to offer or copy an ideological base similar to Western democracies. The traditionalism and religiosity of the bulk of the population required their own approach to the normative consolidation of ideological values. The preservation and use of religion as the most important political and social factor in all post-Soviet states is a convincing means of solving complex social problems, as well as the core of the formation of national self-consciousness, the national ideology of the development of society and the state.

Keywords: religion, multi-confessionalism, freedom of religion, freedom of conscience, secular state.

На сегодняшний день вера остается одной из принципиальных мировоззренческих ценностей людей, стержнем как материальной, так и духовной культуры человечества. Вместе с тем в условиях мультикультурного и мультиконфессионального пространства, ставшего реальностью практически любого современного общества, данная ценность несет в себе и значительный конфликтный потенциал [Яковлева, Романова, 2014]. Закрепление такой духовной основы конституционного строя, как идеологический плюрализм, характерной для всех современных демократических стран, позволяет провозглашать и гарантировать возможность удовлетворения нравственных потребностей личности в рамках законных нормативов, реализовывать этические предпочтения членов любого общества. Государствам приходится строить взаимоотношения с религиозными организациями в духе мирного сосуществования, на основе компромисса и диалога, веротерпимости, гражданского консенсуса.

Страны, образовывавшие в недалеком прошлом Союз Советских Социалистических Республик, стали современными демократическими публичными образованиями, самостоятельно реализующими свою внутреннюю культурную и конфессиональную политику. Как цивилизованные современные территориальные единицы они признали для себя обязательными положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г., закрепляющей свободу мысли, выбор вероисповедания, свободу совести как неоспоримые и самостоятельные правомочия личности. Принципами отношения государства и религиозных институтов в постсоветских странах стали «апробированные в большинстве государств Европейского сообщества такие категории, как отделение, паритет, невмешательство, нейтральность и толерантность» [Мирошникова, 2007].

Часть государств постсоветского пространства входит в состав Содружества Независимых Государств. В статье 10 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. закреплено, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания. Детализируется это право возможностью выбирать свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию и убеждения как персонально, так и коллективно, отправлять религиозный культ, следовать и выполнять определенные религиозные и ритуальные обряды и поступать в повседневных практиках в соответствии с ними. Свобода вероисповедания «подлежит лишь ограничениям, предусмотренным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц» [Конвенция СНГ ... , 1999]. Государства СНГ приняли общий модельный закон «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)» в 2014 г. [О свободе ... , 2014]. Принципиальным достоинством этого правового акта является введение единого терминологического глоссария: дается определение понятиям «вероисповедание», «миссионерская деятельность», «секта» и т. п.

Проведя сравнительный анализ текстов основных законов государств постсоветского пространства, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, ни одно государство бывшего СССР не провозгласило единственную государственную религию и не отошло от такой духовной конституционной основы государственности, как светское государство. Светскость государства предполагает соответствующее разделение сфер реализации компетенции церкви и государственной власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга. В сферах, граничащих с нравственностью и связанных с ней (например, образование, культура, творчество, наука), государство и религиозные объединения должны сотрудничать.

Однозначно светским является такое государство, которое не строит свою деятельность на основе религиозных источников права, не вмешивается во внутренние дела церкви, а религиозные институты не влияют на внутреннюю и внешнюю политику страны. Вместе с тем такая ситуация не исключает в полной мере религию из общественной жизни человека и народа в целом. Светскость государства, с одной стороны, способствует разделению сфер влияния официальных властей и религиозных организаций, а с другой – предполагает их взаимодействие, поскольку религиозные структуры выступают хранителями норм нравственности, которые субсидиарны нормам права, регулирующим внутреннюю жизнь самих религиозных организаций. При этом, по мнению А. М. Осавелюка, «должна сохраняться роль государства как основной формы организации общественно-политической власти» [Осавелюк, 2020].

Во-вторых, ряд конституций государств, наряду с провозглашением принципа светскости государства и отделения государства от церкви, в той или иной степени отмечают особую роль государствообразующей церкви. Например, ст. 8.1 Конституции Республики Армения и ст. 9 Конституции Грузии установили, что церковь отделена от государства, но установления этих статей закрепляют особую роль доминирующего национального религиозного объединения в духовной жизни армянского и грузинского народов. Религия сохраняет свои позиции как ведущая идеологическая основа и в Российской Федерации. Глава государства России В. В. Путин в феврале 2007 г. четко указал, что «и традиционные конфессии, и ядерный щит России являются теми составляющими, которые укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны» [Стенографический ... , 2007].

В России, Белоруссии, Украине, Молдове преобладает православие. Именно оно выступает политически целесообразным средством единения населения, основанным на исторической памяти и преемственности государственных институтов. Но стоит признать, что данная религия не может оказывать серьезного влияния на политические процессы, не имеет доминирующей социально-политической значимости, а власть, в свою очередь, не имеет возможности оказывать приоритетную поддержку ни ей, ни какой-то другой.

В странах Центральной Азии большинство населения принадлежит к мусульманству, однако дестабилизирующим фактором социального развития является распространение его многочисленных течений и сект, вследствие чего каждая из конфессиональных групп признается только частью населения. Наиболее гармонично регламентированы вопросы вероисповедания в многоконфессиональном Казахстане, где четко обозначено толерантное отношение ко всем конфессиям, что поставило ислам в равные условия с другими религиями.

Доминирующее место в многоконфессиональных государствах занимают те религии, которые смогли предложить населению идеологические, мировоззренческие, символические механизмы, позволяющие наиболее безболезненно перенести прежние «советские» элементы идентичности в новые.

В-третьих, положения практически половины основных законов, например, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Литвы, Молдовы, Украины, Эстонии запрещают распространение и пропаганду религий, унижающих достоинство личности и противоречащих принципам гуманизма и человечности.

В-четвертых, во всех бывших республиках, по мнению А. А. Дорской, «были созданы необходимые правовые условия для деятельности религиозных организаций. Они были приравнены к общественным организациям, получили статус юридического лица» [Дорская, 2012]. Однако есть некоторые особенности. Так, конституции Туркменистана, Узбекистана и Киргизии не допускают создания политических партий на религиозной или национальной основе.

В-пятых, большинство конституций, устанавливая недопустимые, незаконные формы поведения в сфере религиозных отношений, запрещают лишь дискриминацию. Например, в Конституции Эстонской Республики закреплено, что «разжигание... религиозной ненависти, насилия и дискриминации запрещается и карается по закону».

Значимость религиозного фактора на современном этапе формирования цивилизованного демократического государства в странах бывшего Советского Союза обусловлена многими вызовами современных реалий: миграционным кризисом, появлением новых религий и теософских течений, своеобразным «растаскиванием» идентичности, крайними формами регионализации. А религия, как считает О. К. Шиманская, становится «наиболее понятной массовой аудитории духовной альтернативой идеологии тоталитарного режима» [Шиманская, 2020]. По мнению А. Ф. Гавриленко, сегодня «верующие идентифицируют себя скорее не с религией, а с определенной культурой, национальными особенностями, которые сформировались под влиянием религии» [Гавриленко, 2008]. Нельзя не отметить, что некоторые авторы на современном этапе исторической геополитики относят религию и к определенному виду символики, от правильного понимания и применения которой во многом зависит решение тех или иных задач как мирного, так и военного направления общественного развития [Бочкарева, 2015].

Религия воспринимается населением не просто как социальный институт, а как система взаимоотношений человека и государства, обеспечивающая политическую и социальную стабильность, как важный элемент гражданской и этической идентичности.

Конституционное закрепление светского государства в главных документах постсоветских стран является своеобразной правовой традицией, сознательно поддерживаемой как официальными институтами, так и гражданами этих стран. Такой принцип выступает в повседневной жизни своеобразным сдерживающим фактором, обеспечивающим комфортное сосуществование разных вероисповеданий в рамках многонациональных и многоконфессиональных государств. Утрата политической самостоятельности, зависимость от западных источников финансирования способна привести к ослаблению нации, потере национальной идентичности, созданию новых экстремистских идеологий.

Литература

Бочкарева А. С. Политическая символика и пропаганда Первой мировой войны // Первая мировая война как пролог XX века – века войн и революций. К 100-летию первой мировой войны : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015. С. 40–49.

Гавриленко А. Ф. Трансформация религиозного сознания в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 34–38.

Дорская А. А. Свобода совести и проблема типологии светских государств на постсоветском пространстве // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 4 (28). С. 101–106.

Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Бюл. международных договоров. 1999. № 6.

Мирошникова Е. М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. М. : ИЕ РАН, 2007. 181 с.

Осавелюк А. М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8 (117). С. 32–42.

О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях): принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ : постановление № 41–22 от 28 нояб. 2014 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31674492&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения 23.06.2022).

Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. 1 февр. 2007 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24026> (дата обращения 21.06.2022).

Шиманская О. К. Республика Молдова: религия и политика в оптике демократических реформ конца XX – начала XXI в. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. С. 330–340.

Яковлева И. П., Романова М. Л. Методика формирования конфликтологической компетентности студентов // Научные труды КубГТУ. 2014. № 3. С. 183–194.

应用型俄语人才服务“一带一路”建设路径探讨 ----- 以山东省为例

摘要: 2016年青岛上合峰会之后, 山东省经济发展机遇显著增加, 参与“一带一路”经济建设的能力不断增强。经济发展, 人才引领。在人才培养方面, 山东省还需要加大力度, 构建应用型人才培养和服务体系, 提升人才培养与服务区域经济建设的双向驱动能力。文章以山东省为例, 探讨高校俄语人才培养与服务“一带一路”经济建设的路径。

关键词: 山东省, “一带一路”建设, 应用型俄语人才培养, 服务路径。

课题项目: 本文是2019年山东省高等教育研究项目《山东省应用型俄语人才培养与服务“一带一路”建设路径研究》(19GDJ047) 阶段性成果。

Shi Xiuzhen (Qingdao)
Qingdao Binhai Institute,
The institute of foreign languages

THE ENGAGEMENT OF TALENTED RUSSIAN-SPEAKING WORKERS IN THE IMPLEMENTATION OF PROJECT “ONE BELT – ONE ROAD” (ON THE EXAMPLE OF SHANDONG PROVINCE)

Abstract. After the 2016 SCO summit, the potential of economic growth in Shandong province increased considerably, and so did the opportunities of participation in economic developing under project “One belt – one road”. The more the economy grows, the more skilled workers are attracted. In the field of training talented people in Shandong, it needs more efforts to build a system of engaging qualified people in the project and to promote dual economic developing in the area of recruiting and training such people. In the article, Shandong province is shown as an example, and the author analyzes the methods of engaging Russian-speaking workers with university degrees in the implementation of project “One belt – one road”. This article is a result of the intermediate stage of researching project involving the universities of Shandong province “Engaging talented Russian-speaking workers of Shandong in the implementation of project “One belt – one road”” (19GDJ047).

Keywords: Shandong province, developing under project “One belt – one road”, the methods of training and engaging capable workers.

Ши Сюэжэнь (Циндао)
Циндаоский приморский институт
Институт иностранных языков

ПРИБЛИЖЕНИЕ ТАЛАНТЛИВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, ВЛАДЕЮЩИХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ, К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ШАНЬДУН)

Аннотация. Анализируется, что в 2016 г. после саммита ШОС заметно выросли возможности экономического развития провинции Шаньдун, что стимулировало расширение путей ее участия в рамках проекта «Один пояс – один путь». Рассмотрим на примере провинции Шаньдун пути подготовки и приобщения русскоговорящих работников высших учебных заведений к реализации проекта «Один пояс – один путь». Показаны результаты промежуточного этапа исследовательского проекта при участии высших учебных заведений провинции Шаньдун «Приобщение талантливых кадров провинции Шаньдун, владеющих русским языком, к реализации проекта “Один пояс – один путь”» (19GDJ047).

Ключевые слова: провинция Шаньдун, строительство в рамках проекта «Один пояс – один путь», пути подготовки и приобщения талантливых специалистов.

一、山东省深度融入“一带一路”及对俄贸易趋势

“一带一路”倡议实施以来日益展现出其巨大而深远的国际影响力，推动世界经济、人文的发展和交流。国内各省市积极对接国家战略，创设发展机遇，扩大国际经贸合作，加强人文交往，助推中国改革开放新格局。山东省在“一带一路”沿线上的区位优势和经济引领作用日益凸显，青岛上合峰会之后山东融入“一带一路”建设发展速度明显提升，基本形成了以青岛为龙头，覆盖全省、辐射全国、联通世界的发展格局。

2019年7月11日山东省工商联第十三届四次常委会议指出，山东近年来对“一带一路”相关国家的进出口不仅在总量上明显增加，在贸易方式、进出口国别以及主要商品等方面都有了显著且积极的变化。据中国一带一路网发布的信息，山东省属企业在“一带一路”沿线12个国家已推进实施项目18个，民营企业乘势发展，成为充满活力的主力军；山东省是“一带一路”重要交汇枢纽，欧亚班列线路途径俄罗斯、哈萨克斯坦、塔吉克斯坦、白俄罗斯、乌兹别克斯坦等，自2015年起青岛、潍坊、临沂、滨州、济南、淄博、威海、日照、济宁等市均开行欧亚班列，2018年经资源整合后的“齐鲁号”欧亚班列首发。欧亚班列激活了山东省对外联系与合作的密码，使山东发展走上了快车道和宽渠道。2019年上半年，山东省对“一带一路”沿线国家进出口2786.6亿元人民币，比去年同期增长20.2%，东盟、俄罗斯和印度为主要市场，其中对俄罗斯进出口额增长最快，达到27%。^[1]

2019年7月24日中央全面深化改革委员会第九次会议审议通过《中国-上海合作地方经贸合作示范区建设总体方案》使青岛在国家开放大局中的战略地位得到进一步明确，即打造“一带一路”国际合作新平台，密切中国与上合组织国家互联互通。山东在对外开放新格局中将大有作为，与上合组织成员国中俄语国家的往来必定更加频繁。

二、山东省高校俄语人才培养与服务区域经济建设现状

教育部最新统计数据显示，截止2019年6月15日，山东省普通高等学校共计146所，而开设俄语专业的高校只有十多所，且每年招生规模都有限。从各校俄语人才培养目标及教学实际情况来看，除中国石油大学（华东）等个别专业特色比较突出的学校之外，大部分学校仍以较传统的培养模式为主，开设课程以基础课程和文学（化）课程为主，实践课程和专业类课程占比不大，学术型培养目标明显，考研是大多数学生选择知识提升和就业的渠道；从实践实训情况来看，大部分学校都重视学生的语言实践，开展校企合作或其他实训形式，但由于诸多现实因素制

约，校企合作实效性较低；从国际合作角度看，很多高校都有与俄罗斯（俄语国家）合作，开展多种多样、形式不一的合作项目，为学生提供出国进修、深造的机会，然而多以语言进修为主，专业、行业知识能力提升因进修时间、专业难度等诸多因素影响而收效甚微。因此，近年来俄语专业学生语言实践能力不足、对口就业率不高，这也是国内高校俄语专业人才普遍不能很好地适应市场需求、造成高水平复合型俄语人才缺口较大的主要因素。

鉴于上述原因，山东省高校俄语专业人才培养与服务区域经济建设存在很大程度的脱节。在每年就业季的各类招聘会上，很多省内对俄贸易企业逢会必来，却往往收获寥寥，还有部分被招聘的学生在岗位上因综合能力不能达到既定要求、业务任务压力太大而无力胜任等原因辞职转行，形成了高校“闭门造才”和企业“无才可用”的尴尬现状，背离了高校人才培养服务经济社会、助力区域经济发展的宗旨。

对外经贸、文化交流归根结底需要人才的支持。诸多利好因素使得山东省对俄（俄语国家）贸易朋友圈不断稳固和扩大，这就意味着未来将需要更多更高层次的俄语专业人才服务区域经济建设。在深度融入“一带一路”背景下，山东省高校俄语人才培养对接区域经济发展的脱节现状亟需得到扭转。

三、山东省应用型俄语人才培养与服务“一带一路”路径

社会发展需要更多高水平应用型人才。应用型人才培养不仅需要高校优化顶层设计、准确定位人才培养目标，但更需要高校与企业合力跳好“双人舞”，而校企跳好“双人舞”还需要各级政府主管部门的参与设计、大力推进，提供政策、财政等后台支持。2018年4月27日教育部发布《普通本科院校深化产教融合、校企合作情况介绍》，提出优化人才培养类型结构，加大应用型人才培养力度；实施“卓越工程师教育培养计划”，创新协同育人机制；实施产学研合作协同育人项目，推动社会优质资源向育人资源转化；2019年2月18日，教育部与山东省等四省市签署《推进共建“一带一路”教育行动国际合作备忘录》，以推动相关省市积极对接“一带一路”倡议，发挥自身区位优势，着力提高教育对外开放水平，写好教育“奋进之笔”，全面推进共建“一带一路”教育行动；2019年4月4日，山东省“一带一路”建设工作协调推进领导小组会议强调，要在增强要素支撑上下功夫，把融入“一带一路”建设的重点放在教育、科技、人才、金融等方面，加快引进和培养各类急需人才。诸多利好政策为高校俄语人才培养和俄语人才贡献“一带一路”建设提供了新的机遇，山东省

各高校应抓住机会,创新俄语人才培养模式,探索服务区域建设的合理路径。

(一) 创新应用型俄语人才培养模式

在推进“一带一路”建设进程中各行各业对俄语人才的知识领域需求不同,催生了复合型人才模式不断升级,形成了针对不同行业的“俄语+”模式的共识。这是发展需求、大势所趋,但是行业众多,复合型人才培养难度可想而知,也因此成为高水平复合型俄语人才培养质量提升的一个瓶颈,高水平、复合型俄语人才需求的急症依然未得到缓解。因此,突破传统教学理念和教育体制束缚,创新人才培养模式是必经之路。

1. 转变人才培养观念

山东省受深厚的孔孟文化传统影响,教育开放速度和程度还远远不够。近几年来依托“一带一路”山东省抓住时机、准确定位,实施新旧动能转换,为经济发展注入新能量的同时也倒逼着高等教育的改革。

应用型人才是助推经济发展的不竭动力。随着社会和经济发展的需要,高校人才培养需要转型,应在适量培养基础型、学术型人才的同时,着力培养多规格、多样化、复合型的应用型人才,把办学思路转到服务地方经济社会发展、产教融合校企合作、培养应用型技术性人才上^[2]。

应用型俄语人才培养需要社会化、国际化视野。无论是教育部门还是教学单位都应尽快转变人才培养观念,调整人才培养结构,以开放的眼光、务实的政策推进国际化应用型人才的培养。

2. 优化课程设置

课程设置是人才培养的核心要素,社会需求导向是优化课程设置的依据。俄语作为小语种,大部分学生都是在大学零基础学起。语言学习的特点使得在课程设置方面必须在一二年级大量开设基础语言理论和言语实践课程,使学生在相对较短的时间掌握所学语言规律和交际能力;而三四年级则是专业学习和职业语言能力强化的关键时期。各高校在语言基础知识教学方面都很扎实,需要优化设计的是专业知识和职业能力素养的课程,增设特色选修课程,如一带一路俄语国别课程、企业管理课程或文化专题系列讲座等^[3]。为此,需要各兄弟院校联合调研,以参与“一带一路”企业需求为切入点,避开重复建设、依托各校自身师资条件,制定培养方案和专业课程,打造各校有特色、方向各不同、课程可共享的开放教育平台。

3. 改革课堂教学

以生为本的课堂教学是应用型人才培养模式的标配。俄语教师需要积极转变教学理念,改变传统的以教师主讲的课堂教学定式,系统而深入地研究培养目标、教学内容、学生特点,充分调动学生学习主动性,师生共建学习愿景。以理论为基础,帮助学生构建俄语知识体系;以输出为目标,引导学生培养语言实践能力;以行业为标杆,培养职业素养、社会责任和国际视野。

4. 强化实践教学

社会对人才需求的变化使得实践教学的重要性越来越凸显。应用型外语人才的培养离不开外语应用的环境。因此,创设语言交际环境、对接语言服务的行业是实现语言实践教学的有效途径。

创设语言交际环境是校内实践教学的基本形式。以口语课堂为中心,加大第二课堂学习形式的探索,发挥外教和留学生语境引导作用,营造每天有讨论、每周有辩论、每月有演讲、每学期有汇报的语言氛围。

对接语言服务行业是实践教学的最终目标。建立校企合作,既要“请进来”,也要“走出去”。请企业专家到校讲学,让在校学生进企实训,这种模式在工科专业虽已较为普遍,但对于俄语专业学生而言,一直以来障碍较多、实施难度较大,校企合作形同虚设。在“一带一路”新机遇背景下这一难题不能回避,务必解决。

5. 着力联合培养

“一带一路”信息国际化和资源社会化背景下联合培养应用型人才是高等教育的趋势。联合培养可通过三种途径实现,即校际、校企、中外。山东高校俄语专业应建立俄语教育联盟,整合现有资源,推进校际课程共商共建共享,筹办俄语赛事以赛促教促学;建立校企信息沟通、资源分享、互相服务的常态机制,促进人才结构调整、落实语言实践教学、服务企业对外联系;与更多俄语国家高校开展联合培养,拓宽师生进修的专业面,建立进修考评机制,提升联合培养质量。

(二) 应用型俄语人才服务山东“一带一路”建设的路径

俄语人才作为经济发展的智力支撑要素,在山东省深度融入“一带一路”建设中的作用不可忽视,而破解产学研脱节老问题、激发高校社会服务新动能是高校应用型人才服务区域经济建设的金钥匙。

1. 人才战略引领、政策制度支持

2018年新出台的山东“人才新政20条”以引进高端人才为主,这是为山东省新旧动能转换提供智力支持、快速提升人才工程品牌效应的重大举措之一,但从经济社会实际发展需求和长远发展来看,需要的是大批量掌握扎实知识和技能的 application 型人才。而随着参与“一带一路”的企业逐渐增加,对语言服务的需求也不断扩大,掌握语言与专业的复合应用型人才必将是企业发展的推手。因此,今后的人才政策应不断调整,引育并举,提升教师专业水平和实践教学能力,以才育才,着力培养语言能沟通、文化能融通、专业能精通、国际能流通的外向复合型人才,厚植高质量发展人才支撑^{[4][5]}。建立企业育才制度,鼓励省内“一带一路”对俄贸易企业与高校建立互助伙伴关系,为俄语专业人才培养建言献策,把业务需求带进课堂和科研,把教师和学生带上工作岗位。由此形成政府积极引领、企业积极参与、院校重点培养的联动机制,为俄语人才贡献区域经济建设创设服务环境、扫除行业壁垒。此外,承办国际商贸和文化交流活动,扩大山东影响力的同时为学生提供实践和服务的机会。

2. 社会需求驱动、学校输出对接

学校是人才培养的主体,应积极寻求社会合作,为学生提供学习、实践和服务渠道。坚持高水平专业人才引进与应用型人才培养相结合,坚持行业专家进校园,坚持校园职业精英育人思路,以培养过程为导向,以社会需求为抓手,产学研有机结合,使学生树立理论知识扎实、专业技能过硬、服务经济建设的学习目标和服务意识。

在教学过程中增加实践教学比重、改革实践教学模式是学校培养和输出合格的应用型人才的重要举措。在校企合作模式下,在校生大三阶段开始通过网络处理企业日常俄语文件、熟悉行业流程、开发潜在客户,参与校企横向课题研究;大四以毕业实习形式深入企业实践,体验真实工作环境,为企业解决与俄语相关的问题;创造条件并鼓励学生积极参与俄语相关的竞赛、会议、会展、人文交流活动^[6],使学生不仅提升实践能力,也能更有针对性地了解所感兴趣行业的相关情况,在就业时便能准确定位、高质量服务该行业。

四、结语

不断研究应用型人才培养模式、探索人才服务经济社会发展的途径是校企共同的责任和社会使命。转变学校育人、企业用人的方式是提升应用型人才培养和服务社会能力的最佳途径。语言服务是外贸型企业良性发展的先导性因素,合力打造高水平应用型俄语人才应该成为山东省、高校和“一带一路”对俄贸易企业的共识。

参考文献

- [1] 中国一带一路网, <https://www.yidaiyilu.gov.cn>.
- [2] 中华人民共和国教育部高等教育司, 普通本科院校深化产教融合、校企合作情况介绍, 2018年4月27日.
- [3] 彭新媛, 王忻昕 “一带一路倡议下山东全面提升对外开放水平的对策研究”, [J], 时代经贸, 2018, (34), 39-40
- [4] 陈飞宇, 王坦. 高等教育融入“一带一路”经济发展与路径选择 ---以山东省为例, [J], 山东社会科学, 2019年第1期, 182-187
- [5] 沈琦, 夏天. “一带一路”语言战略规划的基本问题, [J], 新疆师范大学学报 (哲学社会科学版), 2018, 39 (01), 36-43
- [6] 曲晶. “一带一路”背景下中俄边境高校俄语专业人才培养路径研究, [J], 新西部, 2018, (05), 44-45.

РАЗДЕЛ III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 809.51

В. В. Ананьев (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ПРИЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ИЕРОГЛИФОВ КАК ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Аннотация. Выявляются приемы создания иероглифов в процессе языковой игры и механизмов, лежащих в их основе. На материале знаков, опубликованных организаторами Конкурса иероглифического творчества (*Со:саку кандзи контэсудо*), выделяются две основные группы приемов (изменение исходной формы существующего иероглифа и создание нового знака) и такие механизмы, как визуализация, фонетический ребус, графофонетический ребус и графический ребус.

Ключевые слова: иероглиф, языковая игра, семантический треугольник, грамматология, японский язык.

V. Anan'ev (Irkutsk)

Irkutsk State University

TECHNIQUES AND MECHANISMS OF CREATING CHINESE CHARACTERS AS A LANGUAGE GAME

Abstract. The purpose of this article is to single out techniques of creating Chinese characters in the process of a language game and the underlying mechanisms. Using the characters published by the organizers of the Creative Kanji Contest (*Sōsaku Kanji Contest*) as the material for the research two main groups of techniques (changing the original form of an existing characters and creating a new character) and such mechanisms as visualization, phonetic rebus, graphophonetic rebus, and graphic rebus) are singled out.

Keywords: Chinese characters, language game, semantic triangle, grammarology, the Japanese language.

Иероглифическое письмо часто используется для реализации языковой игры и представляет собой систему сложных языковых знаков.

Й. Хэйзинга определял игру как «добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием “иного бытия”, нежели “обыденная жизнь”» [Хэйзинга, 1992, с. 41].

Рассматривая феномен языковой игры, следует отметить, что, с одной стороны, границы места и времени могут быть довольно нечеткими, когда при письменной коммуникации автор и адресат произведения существуют

в разных местах и в разное время, однако, с другой – они определяются рамками «обыденной жизни». Если обыденное меняется или исчезает с течением времени, пропадает «фон», который делает возможным игру; если игра становится привычной, например, в результате частого употребления, она перестает вызывать «чувство напряжения и радости», вплоть до полного перехода в разряд обыденного.

Касаясь вопроса важности правил в игре, Н. Д. Арутюнова отмечает, что хотя «всякое нарушение правил в канонических играх карается... нарушение правил выполняет еще одну функцию. Оно может создавать игру» [Арутюнова, 2006, с. 13]. Языковая игра может рассматриваться как нарушение правил (например, сочетаемости слов, орфографии, пунктуации и т. д.), однако есть и нерадикальная игра, т. е. такая, при которой языковые правила не нарушаются (анафорические высказывания, построение нарочито длинных синонимических рядов и т. п.). Игра в таких случаях возникает, если ощущается отличие от обыденного.

Положение о цели, заключенной в самом действии либо занятии, формулируется также в теории А. Н. Леонтьева: «...игра характеризуется тем, что мотив игрового действия лежит не в результате действия, а в самом процессе. ...Не выиграть, а играть – такова общая формула мотивации игры» [Леонтьев, 1983, с. 307]. Процесс же этот притягивает человека возможностью ощутить чувство «напряжения и радости», напряжения – из-за необходимости решения каких-либо задач, радости – в результате их решения или просто от соприкосновения с чем-то новым. А. В. Сосланд отмечает: «Без расчета на новизну и непредсказуемость не существует ни одного из видов игр» [Сосланд, 2006, с. 109]. Тяга к новизне объясняется особенностями функционирования человеческого мозга, для которого «новая информация – это отдельный источник положительных эмоций» [Дубынин, 2021, с. 128].

Таким образом, следует определить языковую игру как создание или употребление языковых средств отличным от обыденного способом, которое выступает как самоцель (для развлечения, а не для передачи информации).

Иероглиф, будучи сложным языковым знаком, предоставляет специфические возможности для реализации языковой игры. Связано это с наличием в его структуре двух планов выражения, а именно графической формы (далее – ГФ) и звуковой (далее – ЗФ), связываемых как с референтом (предметом или явлением), так и друг с другом опосредованно [Ананьев, 2021]. На рис. 1 представлены связи, образуемые, во-первых, референтом (элементом реальности), понятием (феноменом сознания) и ГФ (в данном случае – 牛), во-вторых, референтом, понятием и ЗФ, в-третьих, между ГФ и ЗФ. При этом пунктирные линии между референтом и вариантами формы отражают опосредованную связь между ними, а тонкий

пунктир между ГФ и ЗФ – связь еще более слабую, независимость знака от его чтения.

Рис. 1. Двойной семантический треугольник

Такая структура позволяет использовать имеющиеся связи между ее элементами, отказываться от них или переформировывать, в том числе для реализации языковой игры. Связь между ГФ и ЗФ существует, поскольку звучащее слово в естественных языках первично и понятия формулируются в словах, однако она может быть разорвана практически в любой момент после ее образования. ЗФ-форма может модифицироваться в ходе изменений фонемной системы, литературной нормы, перехода иероглифики в другой язык и т. д. Однако связь между ГФ и означаемым будет сохраняться – или же изменяться – сама по себе [Стефановская, 2015, с. 140–141].

Игра на уровне сопоставления лексических единиц и словосочетаний, с одной стороны, и иероглифов и их сочетаний, с другой, рассматривалась в [Ананьев, Кустова, 2015; Ананьев, Максимова, 2018; Ананьев, 2021]. В качестве основных вариантов языковой игры с использованием иероглифики выделяются трансформация значения, трансформация или замена ЗФ, а также изменение ГФ иероглифа. Механизмы первых двух представлены в работе 2021 г.

В данной статье рассматривается языковая игра на уровне отдельно взятого иероглифа, реализуемая за счет ГФ, на материале искусственно созданных знаков, опубликованных организаторами Конкурса иероглифического творчества (創作漢字コンテスト *Co:saku кандзи контэсудо*) [創作漢字コンテスト]. Аналогичные примеры встречаются в рекламе в Японии и Китае, а также в виде индивидуального творчества в социальных сетях и творческих работах школьников. Работы, представленные на конкурс, были выбраны в качестве материала в связи с их массовостью: прочие источники дают единичные примеры либо являются творчеством одного автора, в то время как конкурсные работы принадлежат разным авторам, входящим в различные возрастные и социальные группы, что обеспечивает большую объективность исследования.

Конкурс проводится газетой «Санкэй» с 2010 г. Задание формулируется в самом общем виде: «Придумайте иероглиф, отражающий дух или быт современной Японии, мечты о будущем. Укажите в описании *кунъёми*,

значение, приведите пример употребления. Произведение оценивается комплексно: не только форма, но также чтение, значение, разъяснение и пример употребления» (указывать *онъёми* необязательно) [創作漢字コンテスト]. Таким образом, участники не получают никаких установок относительно способов создания новых иероглифов. Работы отправляются в оргкомитет в рукописном виде; призовые работы, выставленные на сайте конкурса, очевидно, в некоторой степени графически редактируются, с тем чтобы максимально приблизиться к стандартизированной форме (шрифту MS Gothic).

Материалом исследования послужили работы 2018–2021 гг., их общее число составило 129 (2018 г. – 37, 2019 г. – 35, 2020 г. – 32, 2021 г. – 25). Организаторы не устанавливают количество призовых работ заранее, вместо этого выделяется некоторое число лучших работ (4–10) в определенной категории участников (общая категория, учащиеся старшей школы, учащиеся начальных и средних школ и др.).

Изучение этого материала позволило выявить приемы и механизмы создания новых иероглифов в процессе языковой игры. Под *приемами* мы понимаем конкретные технические способы создания иероглифа, не используемого в японском языке. *Механизмы* представляют собой более общие принципы, делающие возможными появление новых иероглифов.

На материале традиционно используемых иероглифов можно выделить три основных механизма изменений иероглифов как языковых знаков: *переход на основе ЗФ*, *переход на основе значения* и *переход на основе контекстуально обусловленной связи*. Переход на основе ЗФ широко известен под названием фонетического ребуса: так, иероглиф 露 *ро*, изначально имея значение «роса», в результате использования для записи слова 露西亞 *росиа* «Россия» получил значение названия страны [Ананьев, 2021, с. 65]. Переход на основе значения происходит при заимствовании иероглифики в другой язык: тот же иероглиф получил японское чтение *цую*, когда это японское слово, которое сначала поясняло его значение, закрепилось за ним в качестве нового чтения, т. е. еще одной ЗФ [Там же]. Переход на основе контекстуально обусловленной связи аналогичен переходу на основе значения, однако в этом случае он становится возможным за счет гиперсемьи. Так, в графической записи японских песен иероглифы 女 «женщина», 男 «мужчина» или сочетания 彼女 «она», 友達 «друг», 存在 «существо» получают фонетический комментарий (ЗФ) *хито* «человек».

На материале иероглифов, представленных на конкурс, нами было выявлено две группы приемов: 1) изменение исходной формы существующего иероглифа. 2) создание нового знака. Следует отметить, что новизна

знаков при этом не абсолютна, поскольку практически во всех случаях используются как минимум элементы уже существующих иероглифов; лишь в одном случае были употреблены не элементы иероглифической системы, а буквы латинского алфавита, что тоже нельзя считать абсолютной новизной. В связи с этим под «новым знаком» понимается иероглиф, не использующийся в японском языке.

Первая группа, *изменение исходной ГФ*, включает следующие приемы: а) изменение начертания исходного знака без добавления элементов (изменение формы линий; перемещение элементов); б) добавление отдельных черт к исходному знаку; в) удаление отдельных черт; г) графическая трансформация ключа при сохранении общей формы знака; д) пликация; е) добавление диакритики (рис. 2).

Рис. 2. Примеры изменения исходной ГФ:

- а – ノートパソコン *но:то-пасокон* «ноутбук»; б – はしごしや *хасигосья* «автомобиль-лестница»;
 в – もくそく *мокусoku* «измерение на глазок»; г – めぼし *мэбоси* «метка»;
 д – がりべん *гарибэн* «усердная учеба»; е – あせだく *асэдаку* «вспотеть»

Вторая группа, *создание нового знака*, включает следующие приемы: а) соединение существующих иероглифических ключей; б) соединение ключа и иероглифа; в) соединение ключа и фонограммы (знака латинского алфавита или японской азбуки); г) соединение иероглифа и фонограмм(ы); д) соединение двух иероглифов в один без изменения их внутреннего состава; е) соединение двух и более иероглифов с заменой элемента одного иероглифа вторым иероглифом; ё) соединение ключей или иероглифов с дополнительной визуализацией; ж) соединение фонограмм со стилизацией под иероглиф (рис. 3).

Здесь необходимо сделать еще две оговорки. Во-первых, некоторые примеры могут быть отнесены к двум категориям. Так, использование исходной ГФ с графической трансформацией ключа можно рассматривать как соединение двух иероглифов с заменой элемента одного иероглифа вторым. Трактовка таких примеров, как использование исходной формы, основывается на субъективной узнаваемости исходного знака и большом сходстве изменяемого ключа и нового варианта (изменить 日 «солнце» на 目 «глаз» можно, добавив всего одну черту). Во-вторых, в большинстве

случаев сложно разграничивать ключи и самостоятельные иероглифы, поскольку в основном авторы работ используют ключи, являющиеся и иероглифами, в связи с чем трактовать их роль можно по-разному.

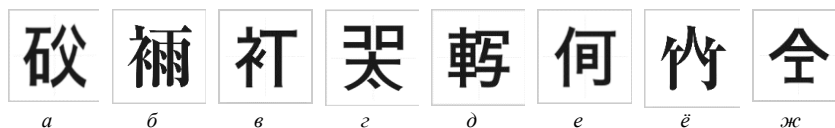

Рис. 3. Примеры создания нового знака:

а – ちち (がんこおやじ) *тити (ганко-ояджи)* «отец (упрямый отец)»; б – レインコート *рэйнко:то* «плащ»; в – てい-しやつ *ти:сяцу* «футболка»; г – ふとる (ころなふとり) *футору (корона-буклор)* «полнеть (полнота вследствие карантина)»; д – くるまえいぞう *курумаэйдо:о* «видеорегистратор»; е – かれんだ *карэнда:* «календарь»; ё – たけうま *такэума* «ходули»; ж – じんこうちのう *дзинко:тино:* «искусственный интеллект»

В табл. 1 показана частота использования приемов создания иероглифов в целях языковой игры.

Таблица 1

Частота использования приемов создания иероглифов в целях языковой игры

Прием	Количество приемов	Процент от общего количества
<i>Изменение исходной ГФ существующего иероглифа</i>		
Изменение начертания исходного знака без добавления элементов	17	13
Добавление отдельных черт к исходному знаку	13	10
Удаление отдельных черт	9	7
Графическая трансформация ключа при сохранении общей формы знака	11	8,5
Пликация	1	0,8
Добавление диакритики	1	0,8
<i>Создание нового знака</i>		
Соединение существующих иероглифических ключей	3	2,3
Соединение ключа и иероглифа	17	13
Соединение ключа и фонограммы	2	1,6
Соединение иероглифа и фонограмм(ы)	4	3,1
Соединение двух иероглифов в один без изменения их состава	9	7
Соединение двух иероглифов с заменой элемента одного иероглифа вторым иероглифом	32	25
Соединение ключей или иероглифов с дополнительной визуализацией	9	7
Соединение фонограмм со стилизацией под иероглиф	1	0,8
<i>Итого</i>	129	100

В качестве *механизмов* создания иероглифов при реализации языковой игры мы выделили следующие:

- визуализация в двух вариантах: а) пиктограмма, б) визуализация через элемент знака (при этом иероглиф может замещать рисунок обозначаемого, а визуализирующий элемент выступает именно как рисунок);
- фонетический ребус – переход по ЗФ;
- графофонетический ребус – загадка, решаемая через фонетическую форму исходного знака, к которой добавляется какой-либо элемент, зашифрованный во внесенном в графическую форму изменении; иными словами, чтение, семантизирующее знак, вытекает из описания новой формы;
- графический ребус – переход через ГФ или ее элементы, т. е. графическая загадка, решаемая через значения элементов ГФ без привлечения звуковой формы.

Рис. 4. Примеры знаков, созданных с использованием разных механизмов:

а – пиктограмма ノートパソコン *но:то-пасокон* «ноутбук»: форма иероглифа отображает вид открытого ноутбука; б – визуализация через элемент знака ホッチキス *хоттикису* «степлер», где исходный знак «бумага» замещает рисунок соответствующего объекта, а дополнительные линии изображают скобки; в – фонетический ребус: знак читается ふとる (*ころなふとり*) *футору* (*корона-бутори*) «полнеть (полнота вследствие карантина)», при этом чтение в скобках складывается из звуковых соответствий элементов: 口 *коро*, затем горизонтальная линия и откидная влево составляют букву ナ *на*, а вся нижняя часть знака – это иероглиф 太 *футору* «быть полным»; г – графофонетический ребус: чтение знака *якугирэ* «рассердиться в ответ» является логической основой для его создания (или описанием ГФ), так как в качестве графической основы взят знак 逆 *яку* «наоборот, напротив», который «разрывается» (*кирэру*) удалением части элементов; д – графический ребус: знак *сюва* «жестовый язык» основан на иероглифах 音 *он/ото*, нэ «звук» и 目 *моку/мэ* «глаз», т. е. новый знак можно интерпретировать как «звук, воспринимаемый глазами», при этом ЗФ иероглифов основы никак не используется в новом знаке

В табл. 2 показана частота использования механизмов создания иероглифов в целях языковой игры.

Соотношение приемов и механизмов создания новых иероглифов в процессе языковой игры представлено в табл. 3.

Таблица 2

Частота использования механизмов создания иероглифов в целях языковой игры

Механизм	Количество примеров	Процент от общего количества
Визуализация (пиктограмма)	9	7
Визуализация через элемент знака	15	12
Фонетический ребус	2	1,6
Графофонетический ребус	57	44
Графический ребус	46	35,4
<i>Итого</i>	129	100

Таблица 3

Приемы и механизмы создания иероглифов в целях языковой игры

Прием	Механизм				
	Визуализация		Фонетический ребус	Графофонетический ребус	Графический ребус
	пиктограмма	через элемент знака			
<i>Изменение исходной ГФ существующего иероглифа</i>	4	15	1	18	14
– изменение начертания исходного знака без добавления элементов	3	9		2	3
– добавление отдельных черт к исходному знаку	1	6			6
– удаление отдельных черт				7	2
– графическая трансформация ключа при сохранении общей формы знака				8	3
– пликация				1	
– добавление диакритики			1		
<i>Создание нового знака</i>	5		1	39	32
– соединение существующих иероглифических ключей					3
– соединение ключа и иероглифа	1			4	12
– соединение ключа и фонограммы				2	
– соединение иероглифа и фонограмм(ы)			1	2	1
– соединение двух иероглифов в один без изменения их состава				2	7
– соединение двух иероглифов с заменой элемента одного иероглифа вторым иероглифом				26	6
– соединение ключей или иероглифов с дополнительной визуализацией	4			2	3
– соединение фонограмм со стилизацией под иероглиф				1	

Итак, наиболее часто использовались такие приемы игрового создания иероглифов, как соединение двух иероглифов с заменой элемента одного иероглифа вторым иероглифом (25 %), изменение начертания исходного знака без добавления элементов (13 %), добавление отдельных черт к

исходному знаку (10 %). Такое их преобладание можно объяснить тем, что употребить уже готовые знаки проще. Самыми употребимыми механизмами стали графофонетический ребус (44 %), графический ребус (35,4 %) и визуализация через элемент знака (12 %). Самые частотные сочетания механизмов и приемов: графофонетический ребус в виде соединения двух иероглифов с заменой элемента одного иероглифа вторым иероглифом (20 %), графический ребус в виде соединения ключа и иероглифа (9 %), визуализация через элемент знака в виде изменения начертания исходного знака без добавления элементов (7 %).

Основой языковой игры, осуществляемой с иероглифическим материалом, с точки зрения семантики является сложная структура иероглифа как знака, включающая две формы – звуковую и графическую. Наиболее простым и поэтому наиболее частотным является создание знака, опирающееся на ЗФ слова, при этом ГФ нового знака либо производится на материале исходных, которые использовались для записи ЗФ, либо отражает ЗФ, которая выступает как описание ГФ. С другой стороны, ЗФ может игнорироваться, и тогда знак создается за счет непосредственной связи ГФ и понятия, либо на основе визуального сходства ГФ с каким-либо объектом.

Литература

Ананьев В. В. Китайские иероглифы сквозь призму семантического треугольника // Вестник ЮрГУ. Сер. Лингвистика. 2021. Т. 18, № 1. С. 63–68. <https://doi.org/10.14529/ling210110>.

Ананьев В. В., Кустова О. О. Проблемы перевода языковой игры в романе В. Пелевина «Generation П» на японский язык // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21–23 мая 2015 г.). Иркутск, 2015. С. 374–383.

Ананьев В. В., Максимова Т. С. Реализация языковой игры посредством атэджи // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР : материалы Междунар. науч. конф. «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Иркутск, 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск, 2018. С. 22–30.

Арутюнова Н. Д. Концептуальные поля игры // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. член-корр. РАН Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006. С. 5–16.

Дубынин В. А. Мозг и его потребности: от питания до признания: научно-популярное издание. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 572 с.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М. : Педагогика, 1983. 392 с.

Сосланд А. В. Концепт «игра» в свете аттрактив-анализа // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. член-корр. РАН Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006. С. 98–110.

Стефановская С. В. Семантизация звукового мира. Звукоподражания китайского языка : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 200 с.

Хёйзинга Й. HOMO LUDENS. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. ; общ. ред. и послесл. П. М. Тавризяна. М., 1992. 464 с.

創作漢字コンテスト URL: <https://sousaku-kanji.com/about.html> (дата обращения: 20.08.2022).

Ван Сюэцзяо, Хань Шу (Шэньян, КНР)

Ляонинский университет)

Сюэ Шибяо (Хух-хото, КНР)

Сельскохозяйственный университет
Внутренней Монголии

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ «ЦИ» И «ИНЬ-ЯН»)

Аннотация. На основании теории метафорического познания предпринимается попытка проанализировать некоторые аспекты языка традиционной китайской медицины, в частности, механизм отображения метафорических терминов китайской медицины. Изучается уникальная когнитивная модель метафорических терминов традиционной китайской медицины, что способствует прояснению ее теории, пониманию языковых особенностей, преодолению барьеров при ее изучении в культурных обменах и помогает лучшему пониманию китайской культуры.

Ключевые слова: механизм, метафора, традиционная китайская медицина, когнитивная лингвистика, терминология, философия.

Wang Xuejiao, Han Shu (Shenyang, China)

Liaoning University

Xue Shibiao (Huh Hoto, China)

Inner Mongolia Agricultural University

THE METAPHOR MECHANISM OF TRADITIONAL CHINESE MEDICINE TERMS (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPTS OF “QI” AND “YIN-YANG”)

Abstract. The language of traditional Chinese medicine is a language based on metaphorical cognition. To study the linguistic features of traditional Chinese medicine, it is necessary to have metaphorical thinking [Fatkulina, 2004; Fatkullina, 2020]. Based on the theory of metaphorical cognition, this article analyzes the language of traditional Chinese medicine, especially the mechanism of displaying metaphorical terms of Chinese medicine. It is aimed at studying a unique cognitive model of metaphorical terms of traditional Chinese medicine, which contributes to clarifying its theory, understanding its linguistic features, overcoming barriers in its implementation, participation in cultural exchanges and contributes to a better understanding of the national mentality.

Keywords: mechanism, metaphor, traditional Chinese medicine, cognitive linguistics, terminology, philosophy.

Британский ритор И. А. Ричардс писал: «В любом дискурсе достаточно трех предложений, чтобы обнаружить существование метафоры» [Ричардс, 1936, с. 92]. В США и Европе история исследований метафоры условно разбивается на три этапа: риторический, семантический и междисциплинарный этап, в Китае же изучение метафоры на сегодня пока не получило подобного развития, несмотря на то что метафора как значимый элемент текста существует давно. Так, метафора содержится в таких древних текстах, как «Трактат Желтого императора о внутреннем» (黄帝内经), «Канон перемен» (周易), «Книга песен» (诗经) и «Беседы и суждения» (论语). Интерес к китайской культуре породил значительное количество ис-

следований и программ в европейских и американских университетах [История ... , 2020], однако изучение китайской метафоры пока остается узкой сферой. Тем не менее как в западной науке, так и в китайской современное исследование метафоры перешло от традиционной риторики к трансдисциплинарной проблематике, что должно содействовать перспективе углубленного ее понимания.

Сущность метафоры – в построении таких отношений между двумя вещами, когда первая дает представление о второй. Как может работать подобный механизм? Попыткой ответить на этот вопрос является «Теория отображения» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, изложенная в работе «Метафоры, в которых мы живем». В ней вводится понятие «проекция», отсылающее к метафорической проекции, которая несет функцию отображения элементов, относящихся к первичному и вторичному объектам. Таким образом, первичный объект (источник) становится так называемой «областью отправления», а вторичный (цель) – «областью прибытия» [Лакофф, Джонсон, 1980, с. 171]. В 1987 г. Дж. Лакоффом был введен термин «картографирование», предложенный в работе «Женщина, огонь и опасные вещи». Он был уточнен в 1989 г. Дж. Лакоффом и М. Тернером в их общем труде «Более чем крутая причина»: под «картографированием» в этой работе подразумевается набор соответствий между двумя концептуальными областями [Лакофф, Тернер, 1989, с. 4].

Метафоричность традиционного китайского дискурса изучается через самые различные подходы: анализ семиотических кодов [Терехова, Шматкова, 2020], обоснование китайского этнотезауруса [Кошель, Домашевская, 2018] и др. Поясняя универсальность метафорического мышления в традиционной китайской медицине, специалист в этой области, профессор Цзя Чуньхуа, пишет, что сам язык традиционной китайской медицины – это язык, в основе которого лежит метафора [Цзя Чуньхуа, 2016, с. 3]. Указанная отрасль демонстрирует человеческое тело через метафорические явления, в связи с чем понимание языка традиционной медицины невозможно без раскрытия ее уникального метафорического мышления. Этот феномен порожден богатой философской мыслью и такими специфическими древнекитайскими методами исследования как «цзюй сянь би лэй» (取象比类, «сопоставление и классификация»).

Поскольку влияние традиционного мышления на формирование всех сфер китайской культуры остается важным фактором существования любого дискурса [Кремнёв, 2007], традиционная китайская медицина не осталась в стороне. Она развивалась в значительной степени под влиянием китайской философии: именно оттуда заимствованы многие теоретические понятия и термины. В частности, наибольшим образом на теорию китайской медицины повлиял даосизм. С точки зрения даосизма даосская он-

тология является древнейшей, поскольку она предшествует появлению понятий пространства и времени. В даосском утверждении «одно рождает два, два рождает три, а три рождает все вещи» под «одним» подразумевается ци (气), происходящее из Дао (道), которое наполняет весь хронотоп Вселенной и дает начало всему материальному миру [Сунь Гуанжэнь, 2002, с. 162]. «Два» – это инь и ян (阴阳), воплощающие единство противоположностей всех вещей. «Три» (Небо, земля, человек) воплощается в процессе и результате оппозиции, трансформации и роста инь и ян, в итоге появляется все сущее. Вышеуказанное положение даосизма оказало наиболее глубокое влияние на такие теории китайской медицины, как теория ци, теория инь-ян, а также концепции диалектического мышления в традиционной медицине. Вместе с тем, развиваясь в медицинском русле, эти представления обросли собственными коннотациями. Например, в даосской философии стали тождественными понятия «цзин» (精, сущность) и «ци»: «Ци может преобразовываться в цзин, цзин же представляет собой тонкую ауру, которая может двигаться и меняться» [Сунь Гуанжэнь, 2002, с. 26]. В медицине они разведены: цзин включает приобретенную ею сущность питания (水谷) и врожденную унаследованную сущность размножения (先天遗传的生殖之精). Ци представляет собой тонкую субстанцию, из которой сформировано человеческое тело, а движение ци отвечает за обмен веществ и жизненные процессы в организме.

Приведенные примеры – лишь малая толика того, как функционирует метафора в текстах традиционной китайской медицины, они призваны продемонстрировать, насколько высок ее потенциал в создании целостной концепции, базирующейся как на древнекитайской философии, так и на эволюции внутри системы образов. Данная тема требует углубленного изучения и может дать богатый материал для анализа и понимания китайской метафоры.

Литература

История и методология региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе : коллективная монография / под общ. ред. О. В. Кузнецовой, науч. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск : ИГУ, 2020. 287 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Кошель А. М., Домашевская Д. М. К проблеме обоснования термина «этнотезаурус» // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР : материалы Междунар. науч. конф. «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Иркутск, 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск, 2018. С. 188–195.

Кремнёв Е. В. Взаимодействие традиционных ценностей и западного опыта в процессе формирования культуры госаппарата КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : сб. науч. докл. Междунар. конф. Иркутск, 20–31 янв. 2007 г. Иркутск, 2007. С. 128–131.

Лакофф Г., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Чикаго : Изд-во Чикаг. ун-та, 1980. 237 с.

Лакофф Г., Тернер М. Более чем крутая причина: Практическое руководство по поэтической метафоре. Чикаго : Изд-во Чикаг. ун-та, 1989. 215 с.

Ричардс И. А. Философия риторики. Оксфорд : Изд-во Оксфорд. ун-та, 1936. 246 с.

Сунь Гуанжэнь. Базовая теория традиционной китайской медицины. Пекин : Изд-во кит. традиц. медицины, 2002. 307 с.

Терехова Н. В., Шматкова Е. В. Семiosфера традиционной китайской чайной церемонии // Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10, № 3. С. 126–134.

Цзя Чуньхуа. Традиционная китайская медицина – Метафорический мир. Пекин : Изд-во народ. здравоохранения, 2016. 368 с.

УДК 81'373.2

Гао Цзяньго (Улан-Удэ)

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКИХ ГАСТРОНИМОВ С КОМПОНЕНТОМ- АНТРОПОНИМОМ

Аннотация. Исследуется информационный потенциал гастрономической культуры Китая с учетом ее самобытности и своеобразия. Выявляются общечеловеческие и национально-специфические особенности китайских гастронимов с компонентом-антропонимом. Данные гастронимы рассматриваются в категории мемориальных названий, так как они образованы «в честь и по поводу»: в честь китайских императоров (Хуньу), высокопоставленных сановников (Ли Хуанчжан), исторических личностей (полководец Цао Цао), известных ученых (философ Ху Ши), деятелей литературы, культуры (писатель Пань Цзуин, поэт Ли Бай) и др. Выявляется, что небольшая группа гастронимов содержит прозвищные именованья (*гоубули, уксусники*) или отражает реальные факты или события, связанные с появлением того или иного названия блюда и нашедшие отражение в коллективной памяти (Копытца Ваньсань).

Ключевые слова: лингвокультурология, ономаснология, гастрономическая культура Китая, антропонимы, мемориальные названия, прозвищные именованья.

Gao Jianguo (Ulan-Ude)

Banzarov Buryat State University

INFORMATION POTENTIAL OF CHINESE GASTRONYMS WITH THE ANTHROPONYM COMPONENT

Abstract. The article explores the information potential of the gastronomic culture of China on the basis of various extralinguistic factors, taking into account their originality and originality, identifying universal and national-specific features of Chinese gastronomy with an anthroponym component. This category of gastronomy can be considered in the category of memorial names, because they are named “in honor and about”: in honor of the Chinese emperors (Hongwu), high-ranking dignitaries (Li Huangzhang), historical figures (commander Cao Cao), famous scientists (philosopher Hu Shi), literary and cultural figures (writer Pan Zuying, poet Li Bai), etc. A small group of gastronyms contains nicknames (goubuli, vinegars) or reflects real facts or events related to the appearance of a particular dish name and reflected in the collective memory (Wansan Hooves).

Keywords: linguoculturology, onomasiology, Chinese gastronomic culture, anthroponyms, memorial names, nickname names.

Изучение ономастической лексики в этнолингвистическом аспекте является важным фактором (а иногда и единственным), позволяющим реконструировать территорию и язык различных этносов, изучать миграции

и смену этносов, населявших данную территорию. Именно эти свойства онимов являются эмпирической основой для обоснованных теоретических выводов в ономастике, служат дополнительным ценным материалом для лингвоисторического, этноисторического и в целом культурно-исторических исследований. Топонимы и антропонимы кристаллизуют этническую картину мира, отражая ценности и верования данного общества в свернутом виде.

Мы разделяем точку зрения Р. А. Агеевой о том, что исследование ономастической лексики позволяет не только уяснить социальную природу имени, его возникновение и функционирование в обществе – как в синхронном, так и в диахронном планах, – но и реконструировать мотивы номинации людей и географических объектов, проследить языковые изменения, исторические процессы в развитии общества и его культуры [Агеева, 1990, с. 14].

Подтверждение этой мысли находим у известных российских ученых Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова: «Имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 103].

По мнению А. В. Суперанской: «Культура – совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, это результат взаимодействия двух элементов: самого человека и внешней природы, которая дает ему запас необходимой материи, из которого сила человека создает построение культуры. Поэтому имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть соотнесено с культурой и культурно-исторической традицией народа» [Суперанская, 2007, с. 39].

Любая национальная культура является отражением этнических, психологических особенностей, морально-нравственных норм, национального «видения мира» при помощи дискретных единиц – знаков языка и в первую очередь при помощи номинативных единиц, в данном конкретном случае антропонимических единиц. Лингвоисторическая и этнокультурная информация антропонимов разнообразна и многоаспектна. В данной статье рассматриваются важнейшие из ее составляющих – этноисторическая и этнокультурная информация.

По утверждению А. В. Суперанской, «любое региональное исследование оказывается вкладом в общую теорию имени собственного» [Суперанская, 2008, с. 4]. Каждая антропонимическая система имеет общие универсальные признаки, и в то же время развивается по своим внутренним законам, обладает своими специфическими характеристиками.

Цель статьи – изучение информационного потенциала гастрономической культуры Китая на основе различных экстралингвистических факторов с учетом их самобытности и своеобразия, выявление общечеловеческих и национально-специфических особенностей китайских гастрономов с компонентом-антропонимом.

Новым для терминологического аппарата гастрономической науки является интеграция данного научного направления с терминологиями смежных наук, что полностью соответствует общей тенденции развития лингвистической науки на стыке XX и XXI вв. В связи с чем многие гастрономические термины являются лексическими или семантическими дериватами терминов различных, давно существующих наук. Гастрономия (от греч. γαστήρ – желудок и νόμος – закон, обычай) – наука, изучающая связь между культурой и пищей [БСИС, 2008, с. 118]. Термин «гастроним» предполагает не только изучение происхождения названий национальных блюд, но и их тесную связь с природно-географическими и климатическими особенностями среды обитания, а также историко-культурными и национальными традициями питания различных народов в лингвокультурологическом и ономаσιологическом аспектах.

Проблеме разработки своей собственной понятийно-терминологической системы, без которой не может произойти становление и признание гастрософии (термин А. В. Павловской) как самостоятельной научной дисциплины, уже посвящены многочисленные публикации (А. В. Павловская, Г. Г. Молчанова, В. О. Пигулевский, Т. Ю. Загрязкина, А. И. Драбязг, Е. Д. Мелешко, Л. Н. Набилкина, Ван Цзыхуэй, Лян Люсиль, Фан Нгок Шон, Сюй Идандь и др.).

Как показывает анализ теоретического и практического материала, характер номинации и этимологическая интерпретация китайских гастронимов с компонентом-антропонимом требуют учета особенностей социальной, политической организации общества и мировоззрения народа-имеядателя, а также исторического и культурного контекста возникновения того или иного гастронима.

Данную категорию гастронимов можно рассматривать в категории мемориальных названий, так как они названы «в честь и по поводу»: в честь китайских императоров (Хунъю), высокопоставленных сановников (Ли Хуанчжан), исторических личностей (полководец Цао Цао), известных ученых (философ Ху Ши), деятелей литературы, культуры (писатель Пань Цзуин, поэт Ли Бай) и др. Наиболее известные кулинарные рецепты, обогатившие китайскую традицию приготовления блюд, поднимают тот или иной гастроним до уровня торговой марки, превращают в общеизвестный бренд (свинина Су Дунпо).

В нашем материале небольшая группа гастронимов содержит прозвищные именованья (*гоубули*, *уксусники*) или отражает реальные факты или события, связанные с появлением того или иного названия блюда и нашедшие отражение в коллективной памяти (Копытца Ваньсань).

Рассмотрим каждую группу гастронимов из приведенной классификации.

1. Имена китайских императоров и сановников

Ху Ши ипиньго (胡适一品锅)

Названия анхойским блюдам присваивали сами императоры. Так, имя знаменитому ‘рагу ипиньго’ дал цинский правитель Цяньлун, который попробовал его во время одной из своих инспекционных поездок на юг страны. В то время это было довольно простое, но весьма насыщенное крестьянское блюдо из тофу и овощей. Освященное императорским вниманием блюдо стало совершенствоваться. До идеала его довели повара, готовившие для философа и дипломата Ху Ши. В 1938–1942 гг. он был послом Китайской Республики в США, где угощал ипиньго американских партнеров. К тому времени это яство уже принадлежало к императорской кухне и слабо напоминало свой первоначальный вид. Помимо тофу и овощей в него добавляли мясные фрикадельки и яичные пельмени, которые от обычных отличаются тем, что начинку заворачивают не в тесто, а в тонкий листок омлета (тоже исконно анхойское новшество). Все это укладывалось в большой чугунок и тушилось в мясном бульоне. Блюдо настолько пришлось по вкусу американцам, что в китайской диаспоре в США его называли в честь Ху Ши : Ху Ши ипиньго (胡适一品锅) [Щепин, 2018, с. 11].

Хунью доуфу (洪武豆腐)

Из множества блюд, известных в провинции Анхой, наиболее популярен соевый творог ‘Хунью доуфу’. Блюдо названо в честь основателя китайской династии Мин (1368–1644 гг.), императора Хунью (Чжу Юаньчжана, 朱元璋). Рано оставшись сиротой Чжу Юаньчжан, чтобы не умереть с голоду, ушел в монастырь. Будущему монарху приходилось просить милостыню на улицах, поэтому в истории за ним закрепилось прозвище «император-попрошайка». Правителем Поднебесной Чжу Юаньчжан стал благодаря активному участию в восстании против монгольского владычества династии Юань (1271–1368 гг.). Во главе повстанческих войск он свергнул монгольское иго и провозгласил себя императором. Стремительная карьера не изменила его кулинарных предпочтений: в течение всей жизни император Хунью отдавал предпочтение обжаренному в яичном желтке фаршированному тофу, которое было названо в его честь: Хунью доуфу (洪武豆腐). Блюдо напоминало ему те времена, когда ему приходилось побираться на улице. Однажды у одной из местных харчевен оборванцу кинули объедки, среди них был и фаршированный тофу [Щепин, 2018, с. 10]. На наш взгляд, эмоциональное переживание истощенного голодом человека сохранило в его сознании позитивные ассоциации с этим блюдом.

Аньхойское рагу Ли Хунчжан дацзахуэй (李鸿章大杂烩)

С еще одним политиком связано рождение знаменитого аньхойского рагу Ли Хунчжан дацзахуэй. Ли Хунчжан – один из наиболее влиятельных сановников периода упадка Цинской империи. В конце XIX в. Ли Хунчжан руководил внешней политикой Китая. Именно он подписал Симоносекский договор с Японией и Союзный договор с Российской империей, по которому Россия арендовала земли в Маньчжурии и начала строить Китайско-Восточную железную дорогу. В России Ли Хунчжан пользовался уважением: в 1896 г. к его приезду в Москве на ул. Мясницкой был оформлен чайный дом в китайском стиле. Российское правительство видело в Ли «верного союзника, полагавшего, что в силу исторических и географических условий Россия является для Китая единственным естественным союзником, с которым он связан общей пограничной линией в 9000 верст и с которым он не вел ни одной войны».

В 1896 г. из России Ли Хунчжан отправился в турне по Европе, а затем в Америку, где и появилось блюдо, позже названное в его честь. По воспоминаниям устроителей пышного банкета, они не рассчитали с количеством блюд и сановник приказал поварам в срочном порядке приготовить рагу из всего, что оставалось на кухне. В ход пошли морские огурцы, жирные рыбы брюшки, ветчина, грибы, тофу и многое другое. Американские дипломаты остались в восторге от этого импровизированного блюда и спросили Ли, как оно называется. Сановник ответил: «Дацзасуэй» (букв. «мешанина» или «всего понакрошено»). Поскольку он говорил с сильным аньхойским акцентом, присутствующие восприняли название как дацзахуэй (大杂烩) – «всего понатушено». Этот факт и послужил причиной появления названия этой «горячей аньхойской окрошки» [Щепин, 2018, с. 12].

2. Имена известных людей

Свинина Дунпо (东坡肉)

Названо это блюдо в честь вельможи и поэта Су Дунпо (苏东坡), который был прекрасным кулинаром и совершил настоящую революцию в китайской традиции приготовления свинины. Поэт жил в XI в. во времена династии Сун, когда свинину обычно отваривали крупными кусками в большом количестве воды. Мясо полностью не проваривалось, оставалось чуть сырым внутри, «с кровью» – именно так его подавали на стол. Новшеством в рецепте поэта стало тушение мяса в небольшом количестве воды довольно продолжительное время – около двух часов – с добавлением имбиря, соевого соуса и вина. Блюдо стремительно обрело популярность, поскольку томленная свинина от Су Дунпо не просто вкуснее, а гораздо лучше усваивается и не создает ощущения тяжести в желудке. За это изобретение древнему поэту в Китае до сих пор благодарны. Его имя стало брендом и в его честь называют многие рестораны чжэцзянской, цзянсуской и кантонской кухонь [Юй Пэн, Цзяо Юймэй, 2020, с. 17].

Цыпленок гунбао (гунбао цзи дин, 宫保鸡丁)

Дин Баочжэнь был государственным сановником и большим гурманом. Во время службы в Шаньдуне он предпочитал знаменитое местное блюдо «Рубленный цыпленок в соевом соусе». В 1867 г., на второй год правления императора Гуансюя, его перевели на должность наместника Чэнду, и его кулинарное пристрастие осталось с ним. В то время в Сычуане набирали популярность острые блюда и густой соус из перца был пока в новинку. Дин решил следовать местным традициям, однако мучной соус из шаньдунского блюда он заменил на острый соус из бобов, а традиционную остроту лука – на остроту перца, добавив в блюдо сычуаньский перец и арахис. В результате острейший перец и хрустящий арахис в сочетании с нежным цыпленком создали совершенно новый, богатый вкус и блюдо на различных банкетах стало привлекать внимание гурманов. Из-за того, что Дин Баочжэню в годы правления императора Тунчжи дали титул «гунбао – опекун Наследника» и уважительно называли Дин гунбао, усовершенствованное им блюдо также стали называть «Цыпленок гунбао». Со временем оно получило широкую известность в мировой кулинарии [Цуй Дайюань, 2020, с. 297–298].

Цао Цао Цыпленок (曹操鸡)

Цао Цао (155–220) – китайский полководец, автор сочинений по военному мастерству и поэт. В период Троецарствия, когда Цао Цао находился в порту Сяояоцзинь округа Лучжоу, его одолел сильный недуг. Шеф-повар добавил к курице китайские лекарства, чтобы приготовить лечебную еду, после чего состояние Цао Цао значительно улучшилось. Этот эпизод послужил мотивом появления этого гастронима [Десять ...].

Пан-рыба (潘鱼)

Блюдо «Пан-рыба» было создано Пань Цзуинем (1830–1890), писателем поздней династии Цин. Он считал, что сочетание двух продуктов рыбы и баранины в одном блюде будет более вкусным, поэтому тушил рыбу в супе из баранины. Ожидания оправдались, кулинары сочли, что баранина на вкус очень нежная и суп наваристый [Десять ...].

Утка Тайбай (太白鸭)

«Утка Тайбай» – это блюдо сычуаньской кухни, которое связано с именем знаменитого поэта Ли Бай. Он приготовил утку для Сюань-цзуна (712–756), императора династии Тан, с вином Хуадяо и лайчи. Император оценил это блюдо, поэтому его назвали «Утка Тайбай» (Тайбай бессмертный – детское имя поэта) [Десять ...].

3. Прозвища

Гоубули – «собачьи пирожки», «собаке не до вас» (狗不理包子)

Тяньцзиньские «собачьи пирожки» знамениты не только на весь Китай, но и далеко за его пределами. Это приготовленные на пару пирожки гоубули (狗不理), дословный перевод ‘собаке не до вас’. Автором

этого блюда является Гао Гуйю (高贵友), которому родители во младенчестве дали пожелательное имя-прозвище Собака (狗子), чтобы он был счастлив, как жизнерадостный щенок. В 14 лет Гао уже работал поваренком в одном из местных ресторанов, где особо отличился в приготовлении паровых пирожков. Он довел процесс до совершенства, учитывая все нюансы: от толщины теста до количества защипов на поверхности пирожка (классическая школа гоубули требует, чтобы их было не менее 15, обычно их 18). Со временем Гао Гуйю стал настоящей знаменитостью в кулинарных кругах. В 1858 г. он открыл свою пирожковую, где готовил в присутствии покупателей, специально приходявших подивиться на его мастерство. Он настолько погружался в процесс приготовления, что ни на что не реагировал, а посетители говорили: “狗子卖包子，不理人” – ‘Собака продает пирожки, ему ни до кого нет дела’. Именно так и родилось название блюда. Искусство приготовления гоубули постоянно развивалось и совершенствовалось. За прошедшие полтора века было изобретено 98 видов этих паровых пирожков с разнообразными начинками. Однако главная изюминка пирожков осталась неизменной: это повышенное внимание к толщине теста и вкусная начинка [Щепин, 2018, с. 77–78].

Уксусники (лаосир, 老醃儿)

Шаньсийская кулинарная традиция в Китае прочно ассоциируется не только с лапшой, но и с уксусом. Не зря выходцев из этой провинции в Поднебесной называют ‘лаосир’ – «уксусники». Коренной шаньсиец относится к уксусу не просто как к приправе, а как к напитку, подобному доброму вину. Раньше в китайских поездах жителей Шаньси было довольно легко вычислить по тому, что они любили сидеть и мирно беседовать, распивая бутылку уксуса. Говорят, что привычка пить уксус пошла от первой и единственной в китайской истории императора-женщины У Цзэтянь. Согласно преданию, когда у правительницы пропал аппетит, многие придворные доктора были казнены за то, что не могли решить эту проблему. Помог монаршей особе один бродячий монах, который посоветовал ей перед обедом принимать рюмочку рисового уксуса, что мгновенно облегчило страдания правительницы [Щепин, 2018, с. 206].

4. Имена поваров

Ван Чжихэ (王致和)

До слез – но по совершенно другой причине – может довести едока и ‘пекинский вонючий тофу’ «зеленые кубики» – цифан (青方). История его изобретения связана с неудавшимся чиновником и рассеянным поваром Ван Чжихэ. Уроженец провинции Аньхой, в 1669 г. он приехал в Пекин сдавать императорские экзамены, которые успешно провалил. Оставшись в столице без средств к существованию, Ван был вынужден заняться един-

ственным знакомым ему ремеслом – приготовлением тофу, чтобы накопить денег на путь домой. Однажды летом Ван не успел распродать весь соевый творог. Остатки было жаль выбрасывать, и он запечатал их в горшке, сдобрив для сохранности солью и перцем. Про горшок Ван благополучно забыл, когда все-таки вспомнил и открыл его, был сражен отвратительным запахом. Однако, попробовав просроченный продукт вместе с соседом, оба пришли в восторг от его вкуса. В 1678 г. Ван Чжихэ открыл лавку и начал торговать вонючим тофу, слава о вкусовых качествах которого быстро разлетелась по всему Китаю. Это необычное яство полюбила императрица Цыси (慈禧). Однако ей претило название блюда, и она переименовала его в «зеленые кубики» за зеленовато-серый цвет продукта. Под этим названием пекинский вонючий тофу вошел в кулинарные книги. Имя Ван Чжихэ позже стало брендом, под которым сегодня работает крупная корпорация, производящая этот специфический продукт. Пекинцы едят «зеленые кубики», намазывая как паштет на лепешки или добавляя в разнообразные рисовые каши. Последний вариант более приемлем для иностранцев, поскольку другие ингредиенты в кашах сбивают запах вонючего тофу, но остается его насыщенный солоноватый вкус [Юй Пэн, Цзяо Юймэй, 2020, с. 56–57].

Копытца Ваньсяня (Ваньсянь ти, 万三蹄)

Чжоучжуан – место, где состоятельный владелец Шэнь Ваньсянь основал свое дело в начале правления династии Мин. В Чжоучжуане сохранилась резиденция семьи Шэнь с вывеской «Копытца Ваньсяня». За стеклянной витриной разложены большие округлые свиные рульки, смазанные соевым соусом и острым маслом. На севере это называется «голяшка» (酱肘子), к югу от Янцзы именуется «рулька» (卤蹄髈). Блюдо с именем Ваньсяня имеет свою историю.

Изначально это блюдо было связано с трудной задачей, которую задал Шэнь Ваньсяню император Чжу Юаньчжан (朱元璋). С того момента, как Чжу стал императором, он пытался расправиться с Шэнем. Заставив его в очень короткий срок пожертвовать деньги на строительство городской стены, под предлогом благодарности прибыл к Шэню домой на банкет. Увидев, что на стол подали целый зажаренный окорок, император спросил: «Что это вы мне подсунули?» Глядя на горячий окорок, Шэнь Ваньсянь на секунду задумался, ведь если сказать «свинья» – ‘чжу’, то это будет созвучно с фамилией императора, якобы намек на его собственное мясо. И тогда на Шэня повесят ярлык непочтительности. Благодаря своей находчивости, он поспешил ответить: «Это копытца Ваньсяня, копытца вашего покорного слуги Ваньсяня!» Чжу Юаньчжан приказал: «Ну, тогда режь, поем!» А про себя император подумал: «Если ты возьмешься за нож и отрежешь кусок, то я схвачу тебя и обвиню в заговоре». Но мясо во время жарки стало очень мягким, и кость не развалилась. Шэнь Ваньсянь вынул

из окорока кость и разделил мясо на тонкие кусочки, отчего император пришел в добродушное настроение. С этого времени, если в семье Шэнь был пир, на нем всегда подавали «мягкие копытца», а «копытца Ваньсяня» стали не только фирменным блюдом в его резиденции, но и символом изобилия [Цуй Дайюань, 2020, с. 273–274].

На протяжении веков в Китае сложилась одна из наиболее интересных национальных кухонь, которая считается самой разнообразной и наиболее распространенной за пределами Китая.

Российско-китайские экономические и культурные связи имеют продолжительную историю и отличаются заметным развитием в последние десятилетия. Обмен делегациями, специалистами разных сфер производства, учебные стажировки студенческой молодежи предполагают знание и знакомство с культурой и традициями принимающей стороны.

Владение фоновыми знаниями не менее важно, чем знание языка, так как они включают систему мировоззренческих взглядов, этические оценки, эстетические вкусы, нормы речевого и неречевого поведения, т. е. большую часть знаний, которыми обладают все члены данного общества. Важное место в парадигме общекультурной компетенции любого специалиста занимает знание обычаев и традиций страны, этикетных правил поведения, в том числе и гастрономической культуры.

Литература

- Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М. : Наука, 1990.
- БСИС: Большой словарь иностранных слов. 7-е изд. испр. и доп. / сост. А. Ю. Москвин. М. : Центрполиграф, 2008. 685 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : ЛКИ, 2007. 368 с.
- Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века. М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2008. 80 с.
- Цуй Дайюань. Словарь китайского гурмана / пер. с кит Е. И. Митькина, А. А. Родионов, О. П. Родионова. СПб. : Гиперион, 2020. 368 с.
- Щепин К. Китай кулинарный. 2-е изд. испр. и доп. Пекин : Междунар. издат. компания «Шанс», 2018. 292 с.
- Юй Пэн, Цзяо Юймэй. Китайская кухня в рецептах и историях. М. : Междунар. издат. компания «Шанс», 2020. 103 с.
- Десять самых известных блюд, названных в честь людей. URL: www.yezicc.com/shenghuo/2021102029917.html. (дата обращения: 16.09.2022).

Е. В. Кремнёв (Иркутск)

Иркутский государственный университет
Российско-китайский центр междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

ГРАММАТОЛОГИЯ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ПРЕДИКАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Аннотация. Рассматривается китайская письменность в русле предикационной концепции языка. На основании анализа традиционных и новейших грамматологических теорий выдвигается гипотеза о том, что китайская письменность как система отвечает общим представлениям предикационной концепции языка о трансформации языковых структур по модели «топик – комментарий».

Ключевые слова: грамматология китайской письменности, предикационная концепция языка, ТК-структуры.

E. Kremnyov (Irkutsk)

Irkutsk State University
Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research
of the Sociological Institute of FCTAS RAS

GRAMMATOLOGY OF CHINESE WRITING AND THE PREDICATIONAL CONCEPT OF LANGUAGE (POSING A PROBLEM)

Abstract. The purpose of this article is to examine Chinese writing in the framework of the predication concept of language. Based on the analysis of traditional and recent grammatological theories, the author hypothesizes that Chinese writing as a system complies with the general notions of the predication concept of language about the transformation of language structures according to the “topical-commentary” model.

Keywords: grammatology of Chinese writing, predication concept of language, TK-structures.

Благодарности. Автор выражает глубокую признательность профессору Евгению Федоровне Серебренниковой и профессору Владимиру Анатольевичу Курдюмову за помощь в концептуализации основных положений работы, а также Владимиру Валерьевичу Ананьеву и Дарье Михайловне Домашевской за обсуждение и ценные комментарии.

Вопросы, связанные с моделированием сущностных, порождающих эволюционных процессов, обуславливающих феноменологию языка, приобретают в настоящее время особую актуальность исходя из того, что «дихотомия “статика и динамика”, отражая дуализм познания мира человеком, представляет фундаментальную эпистему в познании реальности языка» [Серебренникова, 2021, с. 5]. В этой связи лингвисты, встречая ранее не объясненные или игнорируемые проблемы изучения языков, все чаще обращаются к концепциям, включающим динамические процессы в языке в качестве базовой составляющей. Предикационная концепция языка, разработанная В. А. Курдюмовым на основе исследования китайского языка [Курдюмов, 1999; Курдюмов, 2005] и в развитие идей американских ученых Чжао Юаньжэня [Chao, 1968], Чарльза Ли и Сандры Томпсон [Li, Thompson, 1981; Ли, Томпсон, 1982], предлагает рассматривать

любую категорию языка в качестве преобразования ТК-структур (структура «топик-комментарий»). Это распространяется на все области: синтаксис, морфологию, лингвистику текста и т. д. Язык в этом отношении представляется постоянным потоком бинарных ТК-структур, проходящих через бесконечные изоморфные трансформации. Как полагает В. А. Курдюмов, «топик и комментарий позволяют построить стройную систему координат, где по горизонтали будут представлены этапы порождения – восприятия, а по вертикали – уровни. Нулевой единицей при этом станет монопредикативное нераспространенное предложение как итог порождения первичной коммуникативно автономной единицы, все остальные уровни станут свертыванием и разворачиванием такого нуля – базовой ТК-структуры. Количество уровней/подуровней не ограничено, но принципиальными являются «свертки (“вниз”)» – словосочетание, лексема, морфема, фонема; развертки (“вверх”) – СФЕ, текст, дискурс, речь, язык, отрицание языка» [Курдюмов, 2019].

В этой связи в рамках предикационной концепции невыясненным остается статус китайского письменного знака (иероглифа, логограммы, синограммы). В случае, если бы китайская письменность была фонетической и сформировалась исключительно как инструмент фиксации устной речи, данный вопрос не стоял бы на повестке дня. Однако особый статус синографического письма¹ как имеющего открытую систему возможных чтений в синхронии и диахронии, но структурно-семантически сформировавшегося в значительном отрыве от устной речи делает указанную проблему весьма актуальной.

Вместе с тем есть предпосылки утверждать, что китайская письменность как система отвечает общим представлениям предикационной концепции языка о трансформации ТК-структур. Этот тезис, как мы увидим далее, ярче всего подтверждается анализом этапа ее формирования и активного преобразования в современную. Указанный этап предположительно завершился к концу эпохи Хань, когда, по утверждению О. М. Готлиба, сложилась письменная система, близкая современной: она характеризовалась устойчивой и воспроизводимой системой минимальных единиц (графем, или черт), а также сформированной структурой, «правилами» взаимодействия черт и более сложных элементов внутри знака (в частности, стало регулярным положение простых знаков внутри сложных) [Готлиб, 2019]. Также есть основания полагать, что динамическая природа языка позволяет письменности эволюционировать и далее, а происходящие изменения могут быть объяснены с точки зрения предикационной концепции языка.

¹ Сущность китайского письменного знака как синографа подробно раскрывается, в частности, в докладе А. М. Карапетянца «Формирование китайской письменной традиции (памяти О. М. Готлиба)» [Карапетянец, 2021].

Среди предпосылок, позволяющих усматривать в основе процессов формирования китайской письменности принципы трансформации ТК-структур, можно выделить следующие.

Китайская письменность обладает системой координат, соединяющей горизонтальную структуру (этапы порождения – восприятия) и вертикальную структуру (уровни). Горизонтальная цепочка «порождение – восприятие» выражена, в частности, на уровне образования знаков: каждый знак мог стать «топиком» для порождаемого знака, который, в свою очередь, становился «топиком» для следующего. Таким образом, эволюция китайской письменности представляет собой бесчисленные цепи преобразований бинарного типа, где каждый знак способен породить бесконечное число новых знаков через процесс его комментирования. Вертикальная цепочка уровней представлена структурой знака, в котором последовательно выделяются (в терминологии О. М. Готлиба) графема (черта), морфограмма (ключ, детерминатив), логограмма (иероглиф, синограмма) [Готлиб, 2019]. Данная предпосылка раскрывается через две последующие.

Процесс эволюции китайской письменности может быть представлен в виде преобразования бинарной ТК-структуры. Такое свойство письменности было отмечено уже довольно давно. Так, еще в XIX в. В. П. Васильев в своей работе «Анализ китайских иероглифов», заложившей основы отечественной грамматики [Готлиб, Кремнёв, Шишмарева, 2014], указывал на цепочки порождения знаков, в которых первоначальный порождающий знак относится к «фигуральным» (в его же терминологии – «изобразительным»), постепенно преобразуясь в «идеографические» и «тоносогласительные»¹. При этом каждый последующий знак на следующем этапе порождения воспринимается комплексно и становится порождающим для нового путем добавления «приставки», именно так В. П. Васильев именовал так называемые ключи. В пример он приводит такие цепочки:

古 → 固 → 涸;
弓 → 躬 → 窮 → 窮;
工 → 貢 → 賴 → 瀨.

Первая из предложенных В. П. Васильевым цепочек может быть в наиболее общем виде представлена и проанализирована следующим образом.

古 встречается уже в цзягувэнь²:

¹ В классификации В. П. Васильева к «фигуральным» (или «изобразительным») знакам относятся такие древнекитайские категории как “象形” и “指事”, к «идеографическим» – “會意” и “轉注”, к «тоносогласительным» – “諧聲” и “假借”. В каждой из трех предложенных категорий Васильев считает второй тип знаков подвидом первого.

² Все знаки в древних написаниях приведены по данным портала этимологии китайских знаков [Chinese Etymology].

固 впервые зафиксирован в цзиньвэнь:

涸 появляется в чжуани:

В этой цепочке знак 古 «древний» путем добавления знака 口 «ограда, граница» получает значение «прочный, твердый», а получившийся 固 при присоединении к нему 水 «воды» приобретает значение «высыхать, пересохший». Кроме того, каждый предыдущий знак становится фонетиком для новой логограммы.

В. П. Васильев указывал, что понимание процессов знакообразования, их анализ и запоминание невозможны без построения этих цепочек порождения, и сетовал на то, что лексикография отдает ведущее место «ключам», тогда как они являются лишь «приставками», служащими инструментом для образования новых знаков. При этом словари по ключам разрывают цепочки, не давая увидеть эволюции знака [Васильев, 1898]. Это важное замечание не отражает всего многообразия инструментов порождения китайских знаков, но уже ставит вопрос о наличии процессов предикации.

Приведенные выше знаковые цепочки, как и любые другие, нельзя анализировать без двух предварительных соображений. Первое заключается в том, что выявить доподлинно, какие именно знаки появились раньше, а какие позже, часто не представляется возможным. Вместе с тем тот факт, что какие-то из более простых знаков могли сперва существовать в составе сложных, а затем выделиться в качестве самостоятельных, лишь подтверждает наличие знаковой предикации как динамического процесса. Второе соображение состоит в том, что автор прекрасно отдает себе отчет, какие существенные изменения в графике и семантике происходили в процессе эволюции знаков, поэтому качественный анализ конкретных предикационных цепочек невозможен без учета этих трансформаций. Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что открывающиеся со временем неточности и новые гипотезы о первоначальных значениях самостоятельных и несамостоятельных знаков будут раскрывать лишь новые данные о графико-семантических трансформациях, в основе которых будет лежать все тот же процесс предикации.

Выделение моделей предикации в китайской письменности должно стать предметом отдельного исследования, однако очевидно, что к ним относятся как первоначальные и наиболее простые модели, например, приращения (см. выше примеры из В. П. Васильева) и пликаций (木, 林, 森), а также многие другие, так и сложные, более поздние и длительные по своей природе модели, от формирования грамматологической гипергипонимии [Шишмарёва, 2016] (образование названий металлов путем добавления знака 金, газов – знака 气 и т. д.) до процессов стандартизации, систематизации и упрощения (преобразование знаков в разные эпохи в более доступные для использования единицы, от реформ Цинь до масштабных реформ XX в.).

Последний пример, кстати, дает возможность предположить, что бесконечная цепочка порождения как условие процесса предикации на уровне языка в целом работает и для китайской письменности, не заканчиваясь в эпоху Хань. Отдельного рассмотрения требуют и современные процессы преобразования способов употребления логограмм: так, в современном информационном пространстве могут создаваться отдельные высказывания или целые тексты, написанные путем замены знаков на другие, сходные по звучанию. Кроме того, в этой же плоскости лежат процессы усвоения китайской письменности другими странами. Как указывает В. В. Ананьев, «принцип звукового ребуса был применен сначала корейцами, а затем японцами, когда они начали записывать китайскими иероглифами исконно корейские и японские слова и позже морфемы. В корейском языке такие системы письма получили общее название иду (кор. 吏讀 иду (сев. риду) «чиновничье письмо»). В японском на принципе звукового ребуса была основана маньёгана (яп. 万葉仮名 man'yōgana) – система фиксации японских слов, в которой иероглифы использовались в качестве силлабограмм, в настоящее время его можно наблюдать в атэдзи (яп. 当て字 ateji букв. «подобранные знаки»)» [Ананьев, 2021, с. 65].

Возвращаясь к первоначальным и более простым моделям, проиллюстрируем предикационную природу этих процессов на примере модели приращения. О. М. Готлиб предлагает сведение вещественных значений простых логограмм и морфограмм к имени и признаку [Готлиб, 2019, с. 70]. Подобное сведение позволяет нам увидеть процессы предикации на основе выделенных ученым вариантов комбинаторики: 1) «имя + имя»: 灶 – очаг, печь (земля, на которой развели огонь); 看 – смотреть (глаз, к которому приставили руку); 利 – польза, прибыль (злак, который срезали ножом); 私 – частный (злак, который получен при помощи сохи); 2) «имя + признак»: 夯 – трамбовка, трамбовать (большая сила); 劣 – плохой, неполноценный (малая сила); 3) «признак + признак»: 尖 – острый (сверху маленький, снизу большой); 參 – чрезмерный, открывать (большой +

много); «модальный признак + признак»: 漠 – пустыня (отсутствие воды); 歪 – кривой (непрямой); 甬 – не надо (не использовать).

В случае пликации порождение нового знака происходит в связи с тем, что уже существующему знаку (топику) придается множественность (комментарий). Это хорошо демонстрирует классификация семантических реляций простых знаков в рамках сложного, представленная Д. М. Домашевской в результате анализа пликации [Смолова, 2015, с. 184–187]: 1) семантическое сложение: 佰 двести (сто + сто), 屾 две горы (гора + гора), 孖 близнецы (ребенок + ребенок), 勹 объединить усилия (сила + сила + сила), 湄 две реки (река + река) и т. д.; 2) недифференцированная множественность: 隹 стая птиц, 磊 гряда камней, 羴 табун лошадей, 𪔐 заросли и т. д.; 3) интенсификация признака: 皛 молочно-белый, 赫 огненно-красный, пламенеющий, 凜 сильный ветер, ураган; 犇 вонючий (козел + козел + козел); 𠂇 тугой (лук + лук); 4) метафора «со-действия»: 犇 мчаться, спасаться бегством (корова + корова + корова), 𠂇 громко разговаривать, кричать (рот + рот), 姦 коварство, разврат, обман (женщина + женщина + женщина) и др.

Наличие процессов «свертки» и «развертки» уровней/подуровней от условно нулевой единицы – простой логограммы. Нулевой единицей письменности в рамках предикационной концепции можно признать логограмму. Если нулевой единицей речи является «монопредикативное нераспространенное предложение как итог порождения первичной коммуникативно автономной единицы» [Курдюмов, 2019, с. 288], то на уровне письма минимальной автономностью обладает логограмма. Кроме того, В. А. Курдюмов совершенно справедливо указывает, что «лексический уровень в китайском языке – слабый и представлен размытыми, легко соединяющимися в целое и легко разъединяющимися единицами. При этом морфема, соответствующая слогу и иероглифу, имеющая четкую фонетическую формулу (1–2–3–4), для китайца – сильная единица, воплощение иероглифа, фактического божества китайского языкового сознания» [Курдюмов, 2019, с. 288–289]. Если же признать, что китайский текст, в отличие от речи, графически и семантически дискретен именно на уровне логограммы, то последняя оказывается в нулевой точке, именно она первично коммуникативна и автономна.

«Свертывание» уровней в традиционных подходах в китайской письменности будет заключаться в нисхождении на уровень морфограмм как минимальных и семантически неделимых, но несамостоятельных знаков, а от них – к графемам (чертам), несущим только «смыслосозидательную и смысловозначительную функции» [Готлиб, 2019]. Все это делается с оговоркой на то, что и первые, и вторые указанные выше единицы выделены

в составе простой логограммы в связи с позднейшим анализом сложившейся системы письменности, порой вопреки этимологии знака.

Масштабного «развертывания» надстоящих уровней в грамматологическом измерении не происходит: с началом «развертки» логограмма вписывается в языковые процессы уже как морфема и в основном начинает играть по общим правилам предикации, реализуясь дальше внутри лексем, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств, текста, дискурса и т. д. Однако следует обратить пристальное внимание на те случаи, когда графо-семантическая природа знака позволяет ему образовывать на ее основе «сверхзнаковые единства». Такими примерами могут служить, в частности, иероглифические загадки с объединением в одну структуру четырех знаков, имеющих общую морфограмму, а также антропонимы, построенные на графо-семантической игре (𪛗 晶 досл. «шепот хрустала»; 𪛗 磊 досл. «шепот камней»; 𪛗 卉 досл. «шепот трав» [Хамаева, 2019]) и т. д. Что касается горизонтальных цепочек порождения на уровне логограммы, то здесь вступают уже описанные правила игры: трансформация сложных логограмм выстраивается в цепь почти бесконечных вариантов порождения новых знаков по ТК-модели.

Следует также отметить, что уровневость идеографического письма в русле предикационной концепции гораздо нагляднее подтверждают новейшие модели анализа китайской письменности как системы. Таким, в частности, является монадно-модусный подход, предложенный И. В. Шаравьёвой [Шаравьёва, 2015; 2020]. В этой модели уровневость определяется семантической и графической дискретностью (рис. 1). Нулевой единицей по-прежнему остается логограмма. Простая логограмма при «свертывании» расчленяется на графомонады (наименьшие значимые единицы письменности); те, в свою очередь, разделяются на графемы (черты). Горизонтальные цепочки порождения выражены через взаимоотношения дискретных и недискретных единиц: графомонады как недискретные единицы порождают обладающие дискретностью графоморфограммы, а простые логограммы (文) образуют сложные логограммы (字).

Так, в рамках вертикального «свертывания» простая логограмма 川 «поток» свертывается до графомонады 氵 «вода». Горизонтальная динамика выражена порождением графомонадой 氵 «вода» графоморфограмм 𣶒 и 𣶓 со значением «водный поток», а простая логограмма 川 «поток» порождает множество сложных логограмм: 圳 «оросительная канава», 馴 «приручать, дрессированный», 钏 «браслет» и т. д.

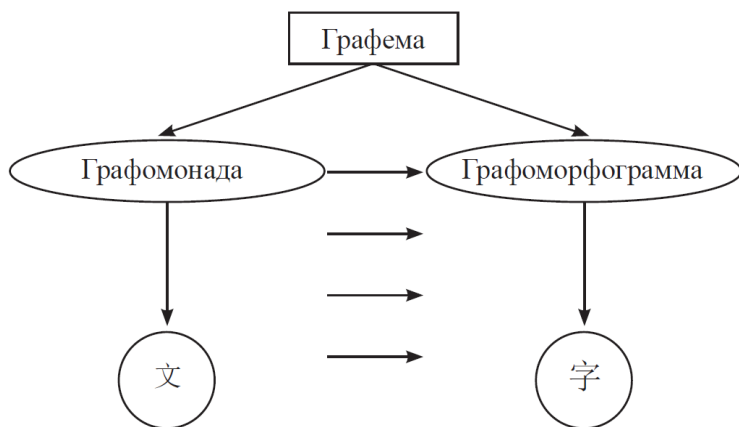

Рис. Модель порождения знаков в связи с их графико-семантической дискретностью [Шаравьёва, 2020, с. 80]

Из представленной модели видно, что ни порождение, ни восприятие китайской письменности на этапе ее формирования не являются комбинированием «строительных» знаков. Напротив, знаки актуализируются и выделяются в процессе динамического взаимодействия. Так, графомонада, будучи имплицитной единицей, необязательно была когда-либо самостоятельным знаком, редуцированным впоследствии: для нее важнее обладать наиболее простой семантикой и быть графически выраженной неделимым далее знаком. Это, с одной стороны, не мешает ей реализовывать свой порождающий потенциал внутри более сложных знаков, с другой – лишает ее автономности, что возвращает нас к необходимости придать статус нулевой единицы именно логограмме.

Все вышеизложенное позволяет также утверждать, что *грамматика китайского письменного знака может быть представлена как третий раздел грамматики наряду с морфологией и синтаксисом*. При этом, как полагал В. В. Виноградов, «нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике» [Виноградов, 1972, с. 31]. Для китайского языка данная идея легко распространяется и на третий уровень языка, имеющий сходные с предложением и лексемой принципы порождения – письменный знак. Именно в силу этих особенностей письма О. М. Готлиб утверждал, что в китайском языке речь идет о таких видах грамматик как *句-грамматика (句法)*, *词-грамматика (词法)* и *字-грамматика (字法)* [Gotlib, Kremnyov, Shishmaryova, 2015]. А поскольку предикационная концепция языка сформировалась на основе изучения грамматических процессов в китайском языке, она в той же мере способствует пониманию процессов эволюции китайской письменности.

Наконец, *эволюция китайской письменности соответствует трем целям, совпадающим с триединством функций языка: координации деятельности, совершенствованию знания, прояснению сущности мира*. По мнению В. А. Курдюмова, предикационное движение последовательно реализует три этих цели [Курдюмов, 2014]. Предикационные цепи постепенно усложняющейся китайской письменности на первоначальном этапе, как нам представляется, выполняли первую, базовую задачу – координацию деятельности, в которой требовалось применение письменности. Однако со временем идеографическое письмо, в значительной степени определяющее развитие китайской культуры, стало служить совершенствованию знания. Это ускорило процессы порождения новых знаков и дальнейшей метафоризации их значений, с одной стороны, и интенсифицировало процессы их стандартизации, систематизации и упрощения – с другой. Наконец, формирование языковой картины мира (отраженной в древних словарях, процессах знаковой таксономии окружающего мира, создание родовидовых отношений знаков, описывающих этот мир) сделали китайское письмо полноценным инструментом прояснения сущности мира.

Таким образом, следует предположить, что китайская письменность представляет собой систему, основанную на процессах языковой предикации, но обладающую выраженной спецификой, изучение которой в рамках предикационной концепции позволит глубже понять динамические процессы формирования и эволюции идеографического письма.

Литература

Ананьев В. В. Китайские иероглифы сквозь призму семантического треугольника // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2021. Т. 18, № 1. С. 63–68.

Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 1-я. Изд-е 2-е. СПб. : Тип. Безобразова и Комп., 1898. 133 с.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М. : Высш. шк., 1972. 616 с.

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности : монография. 2-е изд., перераб. М. : ВКН, 2019. 312 с.

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

Карапетьянц А. М. Формирование китайской письменной традиции (памяти О. М. Готлиба) // V Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба. Иркутск, 19–21 октября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : ИГУ, 2021. С. 51–61.

Курдюмов В. А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. М. : Цитадель ; Лада, 2005. 576 с.

Курдюмов В. А. Динамический подход к научному изучению китайского языка // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона

в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 285–291.

Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ун-т, 1999. 194 с.

Курдюмов В. А. Китайский язык как идеальный/экзистенциальный объект лингвистики // Проблемы рациональной философии: 108-е засед. регулярного теорет. сем., Институт философии РАН (18 марта 2014 г.). URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М. : Прогресс, 1982. С. 193–235.

Серебrenникова Е. Ф. Введение // Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации : монография / под общ. ред. Е. Ф. Серебrenниковой. Иркутск : ИГУ, 2021. 285 с.

Смолова Д. М. Повтор в грамматолого-семантическом аспекте // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение : материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16–17 октября 2014 г.). Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 181–191.

Хамаетова Е. А. Китайские антропонимы : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : ВКН, 2019. 264 с.

Шаравьёва И. В. Китайская письменность: грамматология в монадно-модусной модели представления : монография. М. : ВКН, 2020. 168 с.

Шаравьёва И. В. Монадно-модусная модель как способ представления китайской письменности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 10 (721). С. 101–108.

Шиншарева Т. Е. Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах : монография. М. : ВКН, 2016. 288 с.

Chao Y. R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: Univ. of California Press, 1968. XXXI. 848 p.

Chinese Etymology. URL: <https://hanziyuan.net> (дата обращения: 26.10.2022).

Gotlib O. G., Kremnyov E. V., Shishmaryova T. E. Some Aspects of Chinese Grammar Teaching // Methods of Teaching Oriental Languages. Actual Problems and Trends: IInd International Conference Proceedings (Moscow, NRU HSE, May 14–15, 2014). Moscow : Grifon. 2015. P. 31–40.

Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkley : Univ. of California Press, 1981. XVIII. 691 p.

В. И. Коваль (Гомель, Республика Беларусь)

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

К ВОПРОСУ О ДЕШИФРОВКЕ ДАОССКИХ ТАЛИСМАНОВ 符咒 (符咒)

Аннотация. Делается попытка выявления содержания даосских талисманов, представляющих собой свернутый текст-заклинание. Подробно анализируется структура и взаимосвязь отдельных элементов талисманов, определяется сакральный характер символов, которые создают внутреннюю энергетику условных начертаний. Отмечается преобладание в талисмане императора сложных символов, связанных с космическими силами и божественными персонажами. Выявляется, что общенародный талисман, предназначенный для защиты от демонических сил, характеризуется наличием узнаваемых иероглифических знаков.

Ключевые слова: китайская культура, даосизм, талисманы фучжоу, символика, дешифровка.

V. Koval (Gomel, Republic of Belarus)

Gomel State University named after F. Skoriny

ON THE QUESTION OF DECRYPTION THE TAOIST TALISMANS OF FUZHOU 符咒

Abstract. The article attempts to identify the content of Taoist talismans, which are a rolled-up text-spell. The structure and interrelation of the individual elements of talismans is analyzed in detail, the sacred character of the symbols that create the internal energy of the conventional outlines is determined. The predominance of complex symbols associated with cosmic forces and divine characters in the emperor's talisman is noted. At the same time, a nationwide talisman designed to protect against demonic forces is characterized by the presence of recognizable hieroglyphic signs.

Keywords: Chinese culture, Taoism, fuzhou talismans, symbolism, decryption.

Важным проявлением магических действий даосов было (и остается) использование ими заклинательных талисманов *фучжоу 符咒*, которые, как считается, не только предохраняют их владельцев от воздействия нечистой силы и различных болезней, но и содействуют успеху в различных жизненных сферах. Даосские талисманы были известны в Китае еще в начале нашей эры, но позднее «(с конца III – начала IV в.) смысл их символики был утрачен, и в дальнейшем даосы лишь воспроизводили уже имеющиеся образцы» [Путь ... , 2007, с. 54].

В связи со сказанным особый интерес представляет рассмотрение «внутренней логики» даосских талисманов *фучжоу 符咒*. Специалисты обращают внимание, прежде всего, на наличие в этих древних магических начертаниях многочисленных «трансформированных» иероглифов, а также обладающих разной степенью «затемненности» символов и других условных знаков, создающих особый ореол таинственности, сакральности. По мнению Е. А. Торчинова, «амулеты представляли собой специфические графические фигуры, в которых можно усмотреть стилизованные особым образом иероглифы и астральные символы – контуры различных созвездий, почитавшихся даосами» [Путь ... , 2007, с. 55]. Более ста лет

назад основоположник российской и советской синологии В. А. Алексеев, обстоятельно описывая китайские заклинательные выражения, отмечал, что «талисманные письма и графические заклинания <...> представляют из себя произвольно прихотливые изломы и извивы черт, входящих в состав китайских знаков, самые знаки и, наконец, символы звезд, влияющих на судьбу человека». В качестве примера ученый приводил талисман, в котором при внимательном рассмотрении обнаруживаются «всяческими способами прихотливо замаскированные знаки *лэй* 雷 (гром) и *гуй* 鬼 (бес)» [Алексеев, 1912, с. 2] (рис. 1).

Нельзя исключать и воздействие на графику заклинательных талисманов *фучжоу* 符咒 древних иероглифических надписей для гадания *цзягувэнь* 甲骨文 (рис. 2). По замечанию Е. А. Кравцовой, «использование письменности в процедуре гадания означало наделение ее особым сакральным смыслом, способностью быть посредником между людьми и высшими силами». В свою очередь, одухотворение «протоиероглифов» не могло не оказать влияния на возникновение даосских талисманов: «Вера в магические свойства иероглифики сохранялась в Китае на всем протяжении его истории, вызвав к жизни практику создания графических амулетов, заклинательных и охранительных надписей» [Кравцова, 2008, с. 522].

В равной степени написание талисманов *фучжоу* 符咒 могло быть сориентировано и на принятый при династии *Цинь* 秦 (221–207 гг. до н. э.) письменный стиль *чжуаньшу* 篆书, используемый в настоящее время лишь при изготовлении китайских печатей (рис. 3).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

В. А. Алексеев подчеркивал, что написанию даосами магических заклинательных текстов предшествовал особый ритуал, свидетельствующий об особом, мистическом отношении к каллиграфии как виду искусства и к каллиграфическим атрибутам – «четырем драгоценностям кабинета ученого» – *вэнь фан сы бао* 文房四宝: кисти, туши, тушечнице и бумаге. Для каждой из названных драгоценностей читались особые заклинания:

– для кисти (*Кисть моя – не простая кисть. Она – приказ от Верховного Неба, данный руководящему моей рукой духу. Она теперь, как мощный меч, разрубает бесов и оборотней. Как только упадет на бумагу моя чудодейственная кисть, миллионы бесов бледнеют, меркнут, исчезают*);

– для бумаги (*Северный владыка неба приказывает: моя бумага для писания заклинаний побивает бесов. Пусть кто-то из них посмеет не сократиться – сейчас же будет отправлен через адовы ворота в подземное царство*);

– для тушечницы (*Священная тушечница четырехгранна, как четыре стороны света, как четыре стихии – гром, ветер, дождь, молния. Стоит лишь легонько потереть тушь на этой тушечнице, как этим я вызову блеск и треск грозы с молнией*);

– для туши (*Вода эта – не простая вода. Она – жертвенная вода для Северного Владыки. Даже одна капля ее в тушечнице вмиг вызовет тучи и дождь. Большой ее проглотит – все бесы исчезнут, бес проглотит – разлетится в прах*) [Алексеев, 1912, с. 5–6].

Современный китайский исследователь даосских талисманов Лю Сяомин также указывает на то, что «существуют определенные правила рисования талисманов, и если эти нормы нарушаются или в процессе написания заклинаний допускаются ошибки, то талисманы утрачивают свою эффективность» [刘晓明, 2013, 72页].

Среди талисманов, представленных в монографии Лю Сяомина «Исследование культуры китайских заклинаний» [刘晓明, 2013], особый интерес вызывает амулет под названием «талисман императора» (рис. 4), подробное описание которого помещено на с. 79–84. «Сильной позицией» этого «текста», воспринимаемого сверху вниз и справа налево, является верхний правый угол, в котором нетрудно увидеть стилизованное изображение иероглифа *ди*帝 (император) (рис. 5). «Привилегированное» расположение данного иероглифа отнюдь не случайно, поскольку в этом случае он реализует два значения, определяющие статус самого талисмана: «Одно значение указывает на то, что талисман предназначен исключительно для использования монархом, другое означает, что талисман является божественным символом». При этом исследователь считает необходимым подчеркнуть идеографический характер иероглифа *ди*帝, что отражено в следующем ниже знаке (рис. 6): «Иероглиф *император* похож по форме на связку дров, и его первоначальное значение – ‘сжигать дрова, чтобы принести жертву богам’» [刘晓明, 2013].

Расположенные горизонтально три извилистые линии (рис. 7) трактуются ученым двояко: и как символ трех основных элементов – неба, земли и воды, и как условное обозначение *сань хуан* 三皇 – трех легендарных властителей, которые правят миром. К их числу древние китайцы отно-

силы различных обожествляемых персонажей: по одной версии – предка *Фу-си* 伏羲, изобретателя огня *Суй-жэня* 燧人 и покровителя земледелия *Шэнь-нуна* 神農; по другой – *Фу-си*, прародительницу *Нюй-ва* 女媧 и *Шэнь-нуна*; по третьей – *Фу-си*, бога огня *Чжу-жуна* 祝融 и *Шэнь-нуна* [Рифтин, 2007б, с. 560].

Следующий условный знак (рис. 8), изображенный как в правой, так и в левой части талисмана, объясняется Лю Сяомином как символ небесной энергии *ци* 气, воплощающей божественную волю, а знак под этим символом (рис. 9) – как условное обозначение понятия «шэнь сюэ» 神学 (божественное учение).

Не менее важным символом является знак, завершающий правую часть рассматриваемого талисмана, – вертикально расположенная непрерывная извилистая линия, определяемая в данном случае как «символ веревки, которая используется для изгнания злых духов» (рис. 10). Лю Сяо-мин ссылается при этом на такой авторитетный источник, как «Шаньхайцзин» 山海經 (Каталог гор и морей): «В Шаньхайцзине есть запись об использовании веревок, сплетенных из полыни, для изгнания злых духов». Для более полной информации автор поясняет знак, расположенный слева от этих линий (рис. 11): «Изогнутые линии слева означают, что это не обычная веревка, а небесная» [刘晓明, 2013].

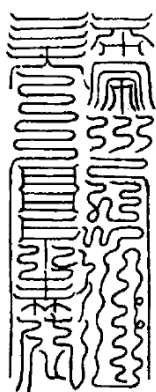

Рис. 4

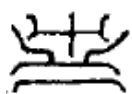

Рис. 5

Рис. 6

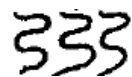

Рис. 7

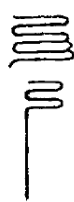

Рис. 8

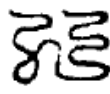

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Можно предположить, что сакрализация веревки в даосских талисманах связана с известным мифом о сотворении богиней *Нюйва* 女媧 первых людей с использованием веревки: «Желая заселить всю землю разумными маленькими существами, Нюйва трудилась очень долго и, еще не выпол-

нив желаемого, очень устала. В конце концов она взяла нечто вроде веревки, опустила ее в топь и, когда та покрылась жидкой желтой глиной, стряхнула эту глину на землю. В местах, куда падали кусочки глины, появлялись кричащие «уа-уа» и радостно прыгающие маленькие человечки» [Юань Кэ, 1987, с. 49]. Известна также легенда о введении легендарным императором *Хуан-ди* 黃帝 специальных обрядов, направленных на изгнание бесов, для чего было необходимо нарисовать на дверях изображения «дверных богов» *Шэнь Ту* и *Юй Лэя*, тигра, а также повесить на дверях тростниковую веревку» [Юань Кэ, 1987, с. 288].

Что касается левой части «талисмана императора», то в ней, кроме уже ранее упоминавшихся символов, имеющих значение ‘император’ и ‘небесная энергия *ци*’, присутствует знак (рис. 12), трактуемый автором как слияние иероглифов *жи* 日 (солнце) и *юэ* 月 (луна), что может восприниматься и как гармоничное соединение понятий «инь» и «ян».

Нижеследующий знак в левой части талисмана (рис. 13) определяется Лю Сяомином как условное обозначение *Tai-u* 太一, которым называется и звезда, и дух этой звезды. Тай-и – «отец дао, предшествующий небу и земле, находящийся над всеми девятью небесами; некое первоначальное дыхание, дающее миру и всем существам жизнь» [Рифтин, Тай, 2007, с. 599]. В традиционном мировоззрении китайцев *Tai-u* понимается также как «Великий Единственный», и включение данного знака в талисман подчеркивает неповторимость, исключительность, богоизбранность императора.

В левом нижнем углу «талисмана императора» расположен двучленный символ (рис. 14), верхняя часть которого, согласно Лю Сяомину, представляет собой трансформированный иероглиф *чжун* 重 ‘главный, важный, значительный’, а следующий знак, фактически завершающий сакральный талисманский «текст», является условным обозначением иероглифа *фу* 符 ‘талисман’. Семантика этого символа имеет исключительно важное значение, поскольку сам этот знак-символ является своего рода магической «закрепкой», указывающей на обереговый характер «талисмана императора».

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Более «прозрачной» является символика талисмана, имеющего не индивидуальную (как в предыдущем случае), а временную «привязку»: он использовался самыми разными людьми во время праздника *Дуань-у* 端

午 – Дня двойной пятерки, поскольку это событие приходится на пятый день пятого месяца по лунному календарю. *Дуань-у* известен так же, как Праздник драконьих лодок, во время которого проводятся состязания на лодках, украшенных изображениями дракона. Согласно традиции этот день посвящается памяти выдающегося поэта-патриота *Цюй Юаня* 屈原, бросившегося в воды р. Милó, протестуя против гегемонии царства Цинь.

Одновременно день *Дуань-у* совпадает с наступлением в Китае летней жары и опасностью различных заболеваний, средством борьбы с которыми являлись различные амулеты. Лю Сяомин в связи с этим поясняет, что именно в Праздник драконьих лодок обостряется борьба между инь и ян, между жизнью и смертью. Причину неприязни людей к этому дню ученый видит в том, что после этого праздника «энергия *инь* постепенно возрастает в связи с повышением температуры воздуха, и заболеваемость людей резко увеличивается, а их способность противостоять различным демонам и силам зла ослабевает». Именно с целью «отведения» от людей сил зла во время Праздника драконьих лодок использовался «специализированный» талисман-оберег [刘晓明, 2013, 192页] (рис. 15).

В этом талисмане, прежде всего, выделяется иероглиф *ли* 力 ‘сила, мощь’ (рис. 16), шестикратное повторение которого подчеркивает не только его физическую силу, но и магическую значимость, поскольку в традиционной китайской нумерологии цифра «шесть» обладает позитивной «янской» энергией. Кроме того, в значительно большем количестве (26 единиц) в этом талисмане изображен еще один позитивно осмысляемый знак (рис. 17), представляющий собой «упрощение» рассмотренного ранее условного знака (см. рис. 12): это «два символа солнца и луны, написанные вместе» [刘晓明, 2013, 81页].

Апотропейная энергетика названных символов отчетливо противопоставлена в рассматриваемом талисмане знаку (рис. 18, 19), стилизованно представляющему иероглиф *гуй* 鬼, который неизменно ассоциируется в китайской культуре с комплексом негативных представлений. Значения названного иероглифа в «Большом китайско-русском словаре»: ‘душа умершего’, ‘оборотень’, ‘привидение’, ‘нечистая сила’ ‘злой дух’, ‘черт, бес, демон’ [Большой ... , 1984, с. 478]. Я. Я. де Гроот определял *гуй* как «частицу *инь* – начала мироздания, отождествляемого с мраком, холодом, смертью и разрушением» [Гроот, 1907, с. 7]. Согласно мифологическим представлениям *гуй*, понимаемый как душа умершего насильственной смертью или самоубийцы, «боится крика, чтения классических конфуцианских книг или буддийской “Сутры Авалокитешвары”, календарей, меча, которым зарубили много людей, мочи, плевка, тростника, персикового дерева, различных амулетов» [Рифтин, 2007а, с. 424].

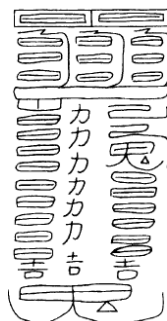

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

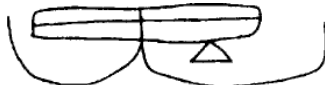

Рис. 19

Совершенно очевидно, что реконструкция подлинной природы и глубинной символики закликательных даосских талисманов *фучжоу* 符咒 весьма затруднена не только из-за их древности, но и изначальной таинственности, сакральности этих предметов, используемых для влияния на судьбы людей и воздействия на окружающий мир. Вместе с тем даже в первом приближении обращение к лингвокультурологическому анализу этих предметов позволяет полнее понять традиционную картину мира китайского народа.

Литература

Алексеев В. М. О некоторых главных типах китайских закликательных изображений по народным картинками и амулетами // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 20. 1910. СПб. : Типогр. Импер. академии наук, 1912. С. 1–76.

Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М. : Наука, 1983. Т. 4. 1062 с.

Гроот Я. Я. М. де. Демонология древнего Китая. Лейде, 1907. 207 с.

Кравцова Е. М. 2008. Цзягувэнь // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока [Т. 3] Литература. Язык и письменность. М. : Вост. лит., 2006. С. 521–522.

Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение, 2007. 480 с.

Рифтин Б. Л. Гуй // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. М. : Восточная литература, 2007а. С. 424–425.

Рифтин Б. Л. Сань хуан // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. М. : Восточная литература, 2007б. С. 560.

Рифтин Б. Л. Тай И // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. М. : Восточная литература, 2007. С. 599–600.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая ; пер. с кит., послесл. Б. Л. Рифтина. Худож. Л. П. Сычев. М. : Гл. ред. Вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. 527 с.

刘晓明. 中国符咒文化研究. - 北京: 中央编译出版社, 2013, 412页。

О. А. Козодой, Н. Ю. Тразанова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ПЕСНЬ О ДОЖДЕ: ВАРИАТИВНОСТЬ НОМИНАЦИИ МЕТЕОНИМА «ДОЖДЬ» В ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Исследуется проблема номинации метеонима «дождь» в японской лингвокультуре. Отмечается, что для японского языка характерными чертами являются многообразие и вариативность названий природных явлений, эстетизм, метафоричность и образность. Выявляются тематические группы языковых единиц, обозначающих названия дождя, а также изучаются контексты, содержащие данный метеоним.

Ключевые слова: метеоним, названия дождя, японская лингвокультура, онomatopoeические выражения, пословицы, тексты песен.

O. Kozodoy, N. Trazanova (Irkutsk)

Irkutsk State University

A SONG OF RAIN: THE VARIETY OF NAMES FOR RAIN IN JAPANESE LINGUOCULTURE

Abstract. This research is devoted to the problem of nomination of the metonym "rain" in Japanese linguoculture. The variety and variability of names of natural phenomena, aestheticism and imagery are the characteristic features of the Japanese language. In the course of this study, we identify thematic groups of linguistic units denoting different names of rain, as well as the contexts containing this metonym are studied.

Keywords: metonym (proper name of weather event), rain, Japanese linguoculture, onomatopoeic expressions, proverbs, texts of songs

На протяжении всей истории дождь играл важную роль в жизни человека. Под влиянием климатических изменений, которые могли проявляться в увеличении или сокращении количества осадков, происходили миграции людей между регионами.

Частота и интенсивность дождей напрямую влияла на судьбы отдельных семей и целых народов. Эта огромная власть природы над жизнью человека не оставалась незамеченной. Дождю поклонялись и обожествляли его. В мифах и легендах разных народов мира боги дождя и грома являются одними из самых могущественных.

На мезоамериканских наскальных рисунках изображено поклонение дождю. В греческой, скандинавской, славянской и других мифологиях боги – повелители дождей, грома и молнии – обладали огромной силой и властью. Зевс, Один, Перун и другие громовержцы – властители небес, на протяжении веков вселяли в людей страх и уважение.

Шквальный ветер с дождем, цунами, потопа воспринимались как наказания, ниспосланные людям за проступки и преступления. В то же время такие явления, как радуга и тучи, тоже не оставляли людей равнодушными. Богиня радуги Ирида в греческой мифологии исполняла роль вестницы богов, в ее честь назван красивый цветок ирис.

Дождь и сопутствующие ему феномены издревле вдохновляют людей. Одновременно с этим не прекращаются попытки взять природу под контроль, научиться управлять дождем, ветром и другими природными стихиями.

Эта значительная роль осадков и связанных с ними явлений в жизни и культуре отражена в языках разных народов, поэтому является предметом исследований не только метеорологии, но и других наук.

Что касается лингвистики, понятие «дождь» изучается в качестве концепта, знака языка и культуры, компонента фразеологических выражений [Васильев, 2003; Федорова, 2015 и др.]; разрабатывается проблема номинации природного явления «дождь» [Хайруллина, Гилязова, Базарова, 2021].

В настоящей статье мы рассмотрим проблему вариативности номинации метеонима «дождь» в японской лингвокультуре. Под *метеонимами* (от греч. «метео» – первая составная часть сложных слов, которая соответствует по значению слову *метеорологический* и лат. «номен» – *название*) понимаются имена существительные, обозначающие разнообразные состояния природы, такие как изменение погоды (температура, ветер, осадки и т. д.) и стихийные явления (вода, огонь, пар и т. п.) [Федорова, 2015].

В рамках исследования были сформулированы следующие задачи: 1) изучить и установить разновидности и особенности названий природного явления «дождь» в японском языке; 2) выявить тематические группы метеонима «дождь».

Для осуществления поставленных задач были использованы следующие методы исследования: описательно-аналитический метод, элементы метода компонентного анализа.

Выбор формулировки темы исследования «Песнь о дожде» обусловлен тем, что понятие «песнь» 歌 *ута* в японском языке является более широким, охватывающим не только песни, но и стихи, поэмы, пятистишья и другие поэтические жанры, исполняемые как под аккомпанемент музыкальных инструментов, так и без них.

Согласно словарю デジタル大辞泉 *Дэджитару дайджисэн* слово 歌 *ута* употребляется в следующих значениях [デジタル大辞泉]:

1. Общий термин для обозначения текстов, исполняемых с ритмом и нараспев. А также их пропевание. Существует множество типов, начиная от 神楽歌 *кагура-ута* «синтоистских песнопений» до более современных 唱歌 *сё:ка* «песня», 民謡 *минъё* «народная песня» и т. д.

2. Стихотворная форма выражения эмоций, при которой подбор слов осуществляется в соответствии с определенным количеством слогов. Общий термин для обозначения 長唄 *нагаута* «песни-баллады» (букв. «длинная песня» в древней поэзии), 短歌 *танка* «пятистишье» (стихотворенье размером 5–7–5–7–7 слогов), 旋頭歌 *сэдо:ка* «шестистишие» (размером 5–

7-7-5-7-7 слогов) и современной поэзии. В современной поэзии также имеет название 詩 *си* «стих» (в том числе свободного размера).

3. Японская поэма, особенно это касается танка.

4. Термин для обозначения 謡物 *утаимоно* «музыкально-певческий сказ» под аккомпанемент сямисэна. Включает в себя 長唄 *нагаута* «баллада», 端唄 *хаута* «короткая любовная песня», 小唄 *коута* «баллада» (букв. «короткая песнь») и 地唄 *дзиута* «народная песенка».

В данном исследовании в «песнь о дожде» вкладывается смысл, близкий ко второму определению японского слова *ута*, иначе говоря, изучение метеонима «дождь» представляет собой форму восхищения этим природным явлением и его реализацией в японском языке оригинальными языковыми средствами.

В японском языке существует большое число названий атмосферных и погодных явлений, а также сезонов, что вызвано такими характерными категориями японской культуры, как эстетизм, стремление жить в гармонии с миром природы, а также яркой выраженностью смен времен года.

В ходе исследования названия дождя, представленные в японском языке многообразием иероглифических сочетаний (общее количество – 143 единицы), были распределены в несколько тематических групп: 1) состояние дождя и способ выпадения осадков; 2) дождь как дар (благословение) небес; 3) «цветной» дождь; 4) образы дождя («лики»); 5) «сезонный» дождь.

В первую группу входит ряд названий дождя, отражающих такие характеристики, как интенсивность, продолжительность, образность, наличие сопутствующих погодных явлений [いろいろな雨の呼び名]:

- 1) 冷雨 *рэйу* «холодный дождь»;
- 2) 驟雨 *сю:у* «проливной дождь, ливень» (кн.);
- 3) 霖雨 *ринъу* «затяжной дождь» (кн.);
- 4) 雷雨 *райу* «гроза» (т. е. дождь, сопровождающийся громом);
- 5) 風雨 *фуу* «дождь с ветром»;
- 6) 霧雨 *кирисамэ* «мелкий дождь» (морось, похожая на капли тумана);
- 7) 微雨 *биу* «небольшой дождь» (кн.);
- 8) 涙雨 *намида амэ* «небольшой дождь» (подобный слезам);
- 9) 暴雨 *бо:у* «ливень, проливной дождь».

Вторая группа состоит из названий, которые имеют отношение к дождю изначальному, почитаемому, священному, поскольку от него зависело благополучие и успех сельскохозяйственных работ, богатый урожай.

В мире японских божеств *ками* существовал и дух дождя 雨女 *Амэ онна* «Женщина дождя», прабразом которой послужила китайская богиня Ушань, по древним поверьям являвшаяся утром в облаке, а вечером в дожде.

Отношение к дождю как к дару небес, божественной милости, проявилось в следующих именовании [Там же]:

- 1) 穀雨 *коку* «злаковые дожди»;
- 2) 膏雨 *ко:у* «благословенный дождь, орошающий землю»;
- 3) 甘雨 *канъу* «дождь, питающий травы и деревья»;
- 4) 慈雨 *дзю* «благодатный (долгожданный) дождь»;
- 5) 瑞雨 *дзуйу* «благословенный дождь, способствующий росту злаков»;
- 6) 喜雨 *ки* «долгожданный дождь после продолжительной засухи».

В первом примере обнаруживается название одного из 24 сезонов традиционного японского календаря, который начинался с 21 апреля, в третьем и шестом примере в состав слова входит знак, который характеризует дождь как положительное явление: 「甘」 *кан* «сладкий», 「喜」 *ки* «радость».

Третью группу наполняют названия дождя, компонентом которых является знак цвета [Там же]:

- 1) 白雨 *хаку* «ливень, проливной дождь, град» (букв. «белый дождь», *поэт.*);
- 2) 黒雨 *коку* «сильный дождь на фоне темного неба» (букв. «черный дождь»);
- 3) 紅雨 *ко:у* «обильный дождь, поливающий цветы» (букв. «красный дождь»);
- 4) 緑雨 *рёку* «дождь в начале лета» (букв. «зеленый дождь», в период появления молодой зелени);
- 5) 青葉雨 *аоба амэ* «дождь в начале лета» (букв. «зеленый дождь», в пору молодой листвы).

Метеонимы данного ряда включают в себя элемент одного из цветов, которые входят в группу основных: 白 *сиро* «белый», 黒 *куро* «черный», 紅 *ко:* «красный», 緑 *мидори* «зеленый» и 青 *ао* «сине-зеленый». Свойство цветности проявляется как в буквальном, так и в переносном смысле.

Четвертую группу образуют названия дождя, которые формируют некие образы или «лики» дождя [Там же]:

- 1) 女梅雨 *онна амэ – цую* «моросящий дождь»;
- 2) 男梅雨 *отоко цую* «бурный, проливной дождь»;
- 3) 鬼雨 *киу* «необычный дождь»;
- 4) 血雨 *кэцуу* «дождь с песком и вулканическим пеплом» (букв. «кровавый дождь»);
- 5) 糸雨 *сиу* «дождь тонкий, подобный нитям»;
- 6) 狐の嫁入り *кицунэ но ёмэри* «мелкий дождик в солнечную погоду» (букв. «лисья свадьба»).

В первом и втором примерах дождь предстает в образах мужчины и женщины, обладает характеристиками, которые отличают два противоположных начала: выпадающий мелкий дождик противопоставляется бушующей стихии. В составе третьего названия знак 「鬼」 *они* «демон, дух» указывает на неординарный характер осадков, как будто в дождь вселился дух. Именование *кэцуу* «кровавый дождь» означает «приносящий страдание и боль».

В пятую группу входят метеонимы, которые обозначают определенный период выпадения осадков [Там же]:

- 1) 梅雨 *онна цую* «сезон дождей» (длится с июня до середины июля);
- 2) 五月雨 *самидарэ* «сезон дождей» (старое название, букв. «майский дождь»);
- 3) 梅霖 *байрин* «сливовые дожди» (то же, что и «сезон дождей» весной);
- 4) 桜雨 *сакура амэ* «дождь, который идет в период цветения сакуры»;
- 5) 雪解雨 *юкигэ амэ* «весенний дождь, растапливающий снег»;
- 6) 秋雨 *аки амэ / сю:у* «осенний дождь»;
- 7) 冬時雨 *фую сигурэ* «зимний моросящий дождь»;
- 8) 鬼洗い *они араи* «дождь в канун Нового года»;
- 9) 御山洗い *ояма араи* «дождь во время завершения сезона восхождения на г. Фудзи»;
- 10) 山茶花時雨 *садзанка сигурэ* «дождь в пору цветения красных камелий».

Данный ряд именований дождя является самым многочисленным – около 60 единиц. В примерах восемь и девять наблюдается ритуальная функция дождя (потоков воды), который служит для очищения. В канун Нового года он избавляет от злых духов, смывая их вместе с каплями холодного зимнего дождя. В период завершения туристического сезона на г. Фудзи дождь омывает священное место, возвращая состояние чистоты. В обоих случаях в составе метеонима используется компонент 「洗い」 *арай*, который в общем смысле обозначает «очищение».

Способы выпадения дождя отражены в ономастических выражениях японского языка [日本語使いさばき辞典]:

- 1) ぽつぽつ *поцу поцу* / ぽつりぽつり *поцури поцури* / ぽつんぽつん *поцун поцун* «накрапывающий» (о начинающемся дожде);
- 2) ぱらぱら *пара пара* / ばらばら *бара бара* / ぱらりぱらり *парари парари* «капающий», а также «редкий дождь» (о дожде, набирающем силу);
- 3) しとしと *сито сито* / шьとりと *ситтори то* «моросящий»;
- 4) ざあざあ *дза: дза:* / じゃあじゃあ *дзя: дзя:* / じゃんじゃん *дзян дзян* «проливной».

Кроме того, в пословицах и народных изречениях также упоминается метеоним «дождь» [ことわざ辞典オンライン]:

- 1) 雨降って地固まる *Амэ футтэ, дзи катамару* «Когда идет дождь, земля твердеет»;
- 2) 雨は花の父母 *Амэ ва хана но фубо* «Дождь для цветов и отец и мать»;
- 3) 雨晴れて笠を忘れる *Амэ харэтэ каса о васурэру* «После дождя зонты забывают»;
- 4) 朝雨に傘要らず *Аса амэ ни каса ирадзу* «Для утреннего дождя зонт не нужен»;
- 5) 雨だれ石を穿つ *Амадарэ иси о угацу* «Капля дождя камень точит»;
- 6) 朝虹は雨夕虹は晴れ *Аса нидзи ва амэ ю: нидзи ва харэ* «Утренняя радуга – к дождю, вечерняя – к ясной погоде».

Наиболее известной и употребительной в повседневной речи является пословица, представленная в первом примере. Она говорит об укреплении человеческих отношений: чем чаще совместными усилиями разрешаются сложные ситуации, конфликты, проблемы, тем прочнее становятся узы, связывающие друзей, коллег по работе, супругов.

Во втором устойчивом выражении подобно заботливым родителям дождь поливает цветы, обеспечивая их жизненно необходимой влагой, способствуя их росту и цветению.

В третьем примере дождь олицетворяет беды, неприятности и страдания, а зонт – защиту от них. Пословица указывает на то, что, когда невзгоды закончились, человеку свойственно забывать о благодарности по отношению к тому, что помогло эти трудности разрешить.

В четвертом примере подразумевается, что утренний дождь заканчивается быстро и защита от него не требуется.

Пятая пословица очень близка по значению русскому аналогу «Капля камень точит» и повествует о том, что даже небольшие усилия, если они прилагаются постоянно, приведут к успеху, подобно тому как капля воды, падая на твердый камень всякий раз во время дождя, разрушает его.

Шестой пример представляет собой пословицу-примету, в которой говорится о прогнозировании погоды: если радуга появляется с утра, то ожидается дождь, если вечером, погода на следующий день будет ясной.

О дожде слагаются стихи, он является лирическим героем в классических и эстрадных музыкальных произведениях, окружает аурой ритмического рисунка персонажей книг и песен. Журналист-эколог Синтия Барнетт, которая посвятила свое исследование дождю, пишет: «Пожалуй, в большей степени, чем в музыке или любом другом жанре искусства, дождь, так и напрашивающийся на ритм и метафору, разговаривает на языке поэзии» [Барнетт, 2020, с. 245].

Если говорить о музыке, то в рейтинге десяти наиболее популярных песен о дожде от 18 апреля 2022 г. в первую пятерку входят такие хиты, как レイニーブルー *Рэйни: Блу*: «Дождливая грусть» (Хидэаки Токунага, 1997 г.), 雨 *Амэ* «Дождь» (Тисато Моритака, 1995 г.), Endless Rain «Бесконечный дождь» (X-Japan, 1989 г.), 雨のち晴レルヤ *Амэ ноти харэруя* «Славься солнце после дождя» (Юдзу, 2013 г.), 傘がない *Каса га най* «Без зонта» (Иноуэ Ёсуи, 1972 г.).

Прежде всего, обнаруживается, что лидирующие позиции занимают произведения, проверенные временем, не только не потерявшие свое очарование, но, напротив, набирающие популярность, в том числе и среди слушателей за пределами Японии.

Предпочтения отдаются ностальгическим песням о несчастной любви, прощании с возлюбленным или возлюбленной во время холодного ливня. Например, в тексте レイニーブルー *Рэйни: Блу*: «Дождливая грусть» находим такие строки:

冷たい雨に打たれながら

哀しい物語思い出した

Цумэтай амэ ни утарэнагара
Канасий моногатари омоидасита
«Охваченный холодным дождем,
Вспомнил печальную повесть...»

На третьем месте размещается всемирно известная баллада Endless Rain от рок-группы X-Japan, которая звучит как обращение к дождю в поисках успокоения, освобождения и исцеления от душевных ран:

Endless rain, fall on my heart
心の傷に *кокоро но кидзу ни*
Let me forget all of the hate,
All of the sadness.
«Бесконечный дождь,
Омывая раны моего сердца,
Позволь забыть о ненависти
И печали».

На пятом месте самый старый в данном рейтинге, но узнаваемый и все еще любимый хит 傘がない *Каса га най* «Без зонта» (Иноуэ Ёсуи, 1972 г.). Несмотря на простоту текста, в словах песни проводятся параллели между дождем и общественными событиями, которых невозможно избежать, поскольку защиты, символически представленной зонтом, от них нет.

Также в песне читается история любви и спасительный образ возлюбленной, к которой герой стремится сквозь ливень:

行かなくちゃ 君に逢いに行かなくちゃ
君の街に行かなくちゃ 雨に濡れ
Иканакутя кими ни аи ни иканакутя
Кими но мати ни иканакутя амэ ни нурэ
«Мне нужно бежать, бежать тебе навстречу,
Бежать в твой город под этим проливным дождем».

Следует отметить, что метеоним «дождь» обладает высокой ценностью для японской лингвокультуры, поэтому варианты номинации данного явления многообразны и оригинальны. В результате проведенного изучения языкового материала нам удалось распределить названия дождя по тематическим группам: 1) состояние дождя и способ выпадения осадков; 2) дождь как дар (благословение) небес; 3) «цветной» дождь; 4) обrazy дождя; 5) «сезонный» дождь. Наиболее многочисленной оказалась последняя группа, что подтверждает высокую значимость и внимание к смене сезонов в японской лингвокультуре.

Также необходимо указать, что данное исследование является перспективным для продолжения изучения как метеонима «дождь», так и особенностей номинации иных природных явлений японской лингвокультуры.

Литература

Барнетт С. Дождь в истории, науке и искусстве. Первая книга об истории дождя / пер. с англ. В. Бойко. М.: Лайвбук, 2020. 376 с.

Васильев В. П. Концепт дождь и особенности его организации // Мир человека и мир языка. 2003. Вып. 2. С. 184–229.

Федорова К. Л. Семантические особенности процессуальных фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке // Вестник ЮУрГПУ. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-protsessualnyh-frazeologizmov-s-komponentami-meteonimami-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 18.09.2022).

Хайруллина Д. Д., Гилязева Э. Н., Базарова Л. В. Особенности номинации природного явления дождь в английском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики = Philology. Theory & Practice. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 918–922.

いろいろな雨の呼び名 // KOTONOHAウェブ. URL: <https://kotonohaweb.net/rain-name/> (дата обращения: 11.09.2022).

デジタル大辞泉. URL: <https://kotobank.jp/word/歌-440066> (дата обращения: 18.09.2022)

ことわざ辞典オンライン URL: <https://kotowaza.jitenon.jp/kanji/41.php> (дата обращения: 11.09.2022).

日本語使いさばき辞典 // JLogos. URL: <http://www.jlogos.com/d010/4381032.html> (дата обращения: 11.09.2022).

УДК 81'373.612.2

В. А. Курдюмов (Москва)

Московский городской педагогический университет

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЯХ ЯЗЫКА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Выявляется, что языковые уровни организованы системно и иерархически, на этих уровнях свертывается и развертывается идея (начальная и финальная) в процессе порождения и восприятия, уровни онтологически значимы при изучении языка: разные типологии языков обеспечивают разную значимость уровней и разное построение единиц. Отмечается, что в русском языке сильными (до предложения включительно) являются фонемный, лексемный и уровень предложения, а в китайском языке – морфемный, словосочетание, уровни выше предложения (сферхфразовое единство и т. д.).

Ключевые слова: уровни языка, типология русского языка, типология китайского языка.

V. Kurdyumov (Moscow)

Moscow City University

ONCE MORE ON THE LANGUAGE LEVELS IN RUSSIAN AND CHINESE

Abstract. Language levels are systematically and hierarchically organized, folding and unfolding (the initial and the final) idea during generation and perception; the levels are ontologically significant in language learning: different typologies provide different significance of levels and different construction of units. In Russian the following levels (up to and including the sentence) are strong: phonemic, lexeme, sentences; and in Chinese the following ones (up to and including the sentence) are strong: morphemic, phrases, above the sentence (SSU etc.).

1. Понятие языкового уровня рассматривается в российских вузовских курсах языкознания со времен «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Противопоставляя язык («склад знаков») и речь (то, что реально говорится), Ф. де Соссюр полагал, что уровни характеризуют лишь язык (как «социальный» компонент языковой деятельности – *langage*), и ограничивал число уровней фонемным, морфемным и лексическим, предполагая, что словосочетание и предложение относятся к речи, т. е. к индивидуальному творчеству говорящих.

2. Уровни языка – типы или объединения одноранговых знаков (единиц), каждый из которых может служить «строительным материалом» для вышестоящего, и, наоборот, единицы вышестоящих уровней «состоят» из единиц нижестоящих. Безусловно, такая характеристика не является сущностной, но в учебных целях она вполне приемлема. Сущностно же, уровни свертывания и развертывания идеи [Курдюмов, 1999].

3. В западной лингвистике, большей частью чуждой стремления к глобальным обобщениям, уровни не декларировались, однако в соответствии с ними строилось изложение в большинстве учебников языкознания. Известный нам случай внимания к проблеме уровней как самостоятельной – онлайн-лекции профессора Р. Хики [Hickey, 2022], предлагающего выделять фонетику, фонологию, морфологию, синтаксис, а также семантику и прагматику. К схеме Ф. де Соссюра добавлен синтаксис, кроме того, к уровням причисляются семантика и прагматика, которые у Р. Хики именуются не только уровнями (*levels*), но и «полями» (*fields*), хотя, очевидно, не имеют отношения к уровням как «вертикальной» иерархии единиц языка. «Семантика» присуща единицам любых уровней (т. е. любая единица имеет «план содержания» в терминах Ф. де Соссюра), и в реальности имеет отношение к «горизонтали»: процессам порождения и восприятия, а не к «вертикали». Так же обстоит дело с прагматикой: любой знак – продукт деятельности первого коммуниканта (говорящего) и необходимое начало восприятия вторым (слушающим). Прагматика и семантика, если их рассматривать не обособленно, – сферы «означивания», операций коммуникантов с языковыми единицами, и к уровням их относить бессмысленно. Более того, Р. Хики никак не затрагивает единицы выше предложения: сверхфразовые единства, текст, дискурс и выше, которые могли бы играть значительную роль при изучении восточных языков.

4. В широко изучаемых в странах китайского мира трудах австралийского лингвиста Майкла Хэлидэя [Halliday, 2007] язык рассматривается как некая многомерная семиотическая (знаковая) система, что, казалось бы, предполагает описание системы уровней. Однако и здесь уровни слу-

жат лишь основанием формальной стратификации, при этом они постоянно смешиваются с понятиями из сферы семантики. Основой лингвистики М. Хэллидэя является лексико-грамматика (lexicogrammar) [Halliday, 2007, p. 194]; о порождении и восприятии языка как операциях на различных уровнях речи не идет; на первый план выдвигаются взаимоотношения между языком (language) и «до-языком» (protolanguage), где значение подлечит преобразованию в «лексикограмматику» при взаимодействии с внешней средой (однократная структурная операция, но не процесс). В более поздних трудах М. Хэллидэй говорил о тексте и дискурсе, не рассматривая, однако, их в качестве единиц, представляющих уровни.

5. Тайваньские учебники языкознания, за некоторыми исключениями, копируют американские курсы, ориентированные на дескриптивизм, генеративизм или этнолингвистику. В учебнике, подготовленном авторским коллективом наиболее авторитетного тайваньского вуза: Государственного тайваньского университета под редакцией Хуан Сюань-фаня [黃宣範, 2021], замечательном по охвату особенностей и гоюй, и языков аборигенов острова, об уровнях можно судить лишь по структуре книги. Последовательно излагаются разделы: морфология, функциональная грамматика и когнитивная лингвистика, лексикология и семантика, фонетика и фонология, и далее – разделы о национальных языках, языках жестов, проблемах языка и старения и т. п. В учебнике Шу Чжао-миня [舒兆民, 2021, p. 9–11] разделы выстроены последовательно: фонетика, фонология, морфология, синтаксис, семантика, прагматика, анализ дискурса представлены как «языковые знания» (語言知識, linguistic knowledge): фонологическое (語音及其結合形態的知識), семантическое (語義知識), лексическое (詞彙知識), словообразовательное (構詞知識, названное по-английски morphological морфологическим, что, впрочем, простительно для носителя китайского языка), синтаксическое или «предложение-образовательное» (構句知識). Далее [舒兆民, 2021, p. 228–255] следует достаточно объемный раздел с начальными сведениями о лингвистике текста, и финальный раздел книги посвящен китайской письменности и ее эволюции. Учебник «Введение в современную лингвистику» Чжун Жун-фу [鐘榮富, 2006], один из наиболее продаваемых на острове, построен на принципах генеративной лингвистики, значительное внимание уделяет нейролингвистике, связям языкознания с социологией и психологией. Уровни языка как самостоятельно значимое явление также не упоминаются, при этом порядок «уровневых» разделов построен как фонетика, фонология звука и слога, лексикон, синтаксис предложения, семантика, прагматика, что опять же не свидетельствует о системности представлений в этой области. Аналогичным образом построены и многие другие курсы: уровни, понимаемые достаточно просто, – лишь интуитивная основа порядка изложения.

6. Единственным тайваньским учебником, где упоминаются и кратко описываются уровни языка, является курс «Введение в языкознание» под общей редакцией Гэ Бэнь-и [葛本儀, 2017]. Учебник во многом копирует советские курсы языкознания, что не удивительно: профессор Гэ Бэнь-и, ушедшая из жизни в 2020 г., – континентальный автор из провинции Шаньдун. Перечисляемые ею «уровни и ранги» (層和級) включают низший уровень (底層): формальный аспект фонем и слогов (音位和音節等形式方面), и высший (上層), в свою очередь, состоящий из «единиц первого ранга»: морфем (詞素, 第一級), «единиц второго ранга» – лексем (詞, 第二級), «единиц третьего ранга» – предложений (句子, 第三級) [葛本儀, 2017, р. 14]. Скорее всего, речь идет о том, что «формальные» единицы или «оболочки» типа звуков или слогов противопоставляются «содержательным» типа морфем, лексем или синтаксем (и в пределах традиционной лингвистики фонемы «не имеют плана содержания»). Помимо такой границы, в рамках системы уровней совмещаются и слоги, и морфемы (которые совпадают в китайском языке, но при этом представляют разные аспекты системы). Разделы изложения включают в себя фонетику, семантику, лексику и грамматику, язык описывается и как система знаков (符號系統) [葛本儀, 2017, р. 10, 28], и как «наиболее важное средство человеческого общения» (人類最重要的交際工具) [葛本儀, 2017, р. 16, 28]. Гэ Бэнь-и – единственная из авторов, упоминающая «статическую» и «динамическую» формы существования языка (они же: статическое и динамическое понимание языка [葛本儀, 2017, р. 28]: 靜態和動態存在形式 / 語言的靜態和動態含義, при этом под динамической подразумеваются процессы и в диахронии (во времени), и в синхронии (в текущий момент). Как справедливо отмечает автор, синхронные процессы – это операции с языком в рамках мышления (思維) и коммуникации (交際, континентальный термин; на Тайване все же принят термин 溝通).

7. Если же говорить о достаточно многочисленных грамматиках, издаваемых на Тайване, то чаще всего изложение строится начиная с фонетики и фонологии через морфологию и синтаксис, и в большинстве современных учебников и справочников также объясняются основы лингвистики текста (章法).

8. Почему уровни языка актуальны как объект? Как указывал А. М. Ефремов [1987], а его диссертация до настоящего времени остается наиболее аргументированным исследованием типологии уровней, в китайском и русском языке отнесенность к типу обуславливает разную значимость уровней. Следовательно, при обучении китайскому и русскому как иностранному уровни должны быть задействованы как ключевые понятия.

Мы уже упоминали эту проблему, предыдущий труд на эту тему представлен в 2016 г. [Курдюмов, 2016]. В какой-то степени проблема уровня затронута в нашей «Грамматике...» [Курдюмов, 2005].

9. Звук и фонема. В фонологии звуку соответствует фонема, которая в разных школах понимается неодинаково: если абстрагироваться от деталей, то для ленинградской школы наиболее важен сам звук: звукотип, а для московской – его смысловоразличительные характеристики. При позиционных изменениях звука (часто в качестве примера приводят пару *зуб* /зуп/ – *зубы* /зубы/) для ленинградской школы важно, что меняется качество звука, для московской же – то, что не меняется морфема (корень). Применительно к китайскому языку проблема «усложняется» (хотя китаисты предпочитают этого не замечать): а) при изучении языка в (русском) вузе тщательно отрабатывается нормативное произношение отдельных звуков; б) в реальной речи носители языка не обращают внимания на многочисленные акценты, и диапазон «звукотипа» в значительной степени варьируется (приводя в ужас студентов, попадающих в языковую среду – «учили четкие звуки, а на месте каждый произносит как хочет», – и вариации/аллофоны не «позиционные» (нет оглушения, озвончения и т. п.), а, условно говоря, «региональные»); в) определяющую роль играет тон, присущий и слогаобразующей гласной, и слогу в целом. Таким образом, и «звукотип», и «смысловоразличитель» в реальной речи сильно размыты, что легко объясняется с точки зрения типологии – фонема не слишком важна для китайца, наиболее важную роль играет слог, совпадающий с морфемой и закрепленный на письме как иероглиф.

10. Слогоморфема. В традиционном понимании морфема – «минимальная значимая часть слова», однако для китайского языка такая трактовка не приемлема: китаец не слишком понимает, что такое «слово» и не стремится его выделять. Более универсальным является другое определение: «минимальная значимая единица языка», т. е. первая «снизу» единица, которой присуще играющее огромную роль значение, обобщенное или категориальное: 鳥 *niǎo*, 魚 *yú* – как «птичность», как «отнесенность к морским животным» и т. п. (фонема же, если отвлечься от деталей и дискуссий, не соотносится со значением). В китайском языке морфема является особой единицей – слогоморфемой, т. е. всегда (с незначительными вариациями, типа 玻璃 *bōli* *стекло*) совпадает со слогом и иероглифом: как пишется в учебниках, китайскому языку присуща морфологическая значимость слогаделения. Китайский слог строится в соответствии с формулой Е. Д. Поливанова (1–2–3–4: четыре неизменных позиций звука, 1–3–4 – в кантонском). В русском языке слог морфологически не значим, возможны произвольные сочетания звуков, произвольная протяженность и т. п.

11. Лексема. Обычно принято говорить о «словах», т. е. целостных эквивалентах конкретных понятий, которые самостоятельно фигурируют

в предложениях. Устойчивого определения слова нет, и оно вряд ли возможно, поскольку лексемы в различных языках не одинаковы. Если для европейца слово – некое «божество», центральная единица, из которой (якобы) «строятся предложения», которая трактуется в словарях, то для китайца слово фактически не существует в стабильном виде. Мы можем говорить о лексических единицах, комплексах морфем, связанных в целое с разной степенью устойчивости при помощи синтаксических связей (микросинтаксис).

12. Словосочетание. Это сочетание лексических единиц, относительно произвольное в русском языке, но вполне устойчивое в китайском. Словосочетание так или иначе стремится к совпадению с синтагмой (отрезком речи между двумя вдохами).

13. Предложение. Это минимальная коммуникативно автономная единица. Автономность (возможность, в отличие от лексемы или словосочетания, быть самостоятельно понятым в коммуникации) формирует предикативность, т. е. набор тех формальных или структурных признаков, которые в каждом языке такой автономности (и минимальному соотношению с конкретной картиной действительности) соответствует. В русском языке предложение целостно и базируется на согласованной паре «подлежащее и сказуемое», в китайском языке оно формируется как пара вполне самостоятельных частей – топика и комментария.

14. Сверхфразовое единство (СФЕ). СФЕ (или ССЦ – сложное синтаксическое целое, не слишком удачный термин) – относительно самостоятельный фрагмент текста. На практике, исходя из опыта, мы членим текст на СФЕ, расставляя абзацы, главы, так или иначе разделяя текст на важные для автора и потенциально значимые для читателя отдельные части.

15. Текст. Текст обычно определяется как совокупность связанных предложений, объединяемых общим замыслом, что эмпирически (на практике) верно во многих случаях, но далеко не всегда. Иногда формально одно предложение может растягиваться на многие страницы и включать (!) сверхфразовые единства и тексты (различные нормативные документы с перечислением). Кроме того, текстами могут быть отдельные высказывания, выкрики и пр. С нашей точки зрения, текст – единство, соответствующее идее отправления, полностью заполняющее акт коммуникации и «присвоенное» автором, вне зависимости выкрик это или роман Ба Цзиня. Наиболее приемлемое определение: текст – целостное личное послание, не более и не менее.

16. Дискурс. Дискурс часто видится (якобы) туманным и трудно определяемым объектом бесконечных научных околонучных спекуляций. Определение «текст, погруженный в жизнь» – остроумно и понятно, однако раз за разом дискурс сводят либо к текстам, либо нагромождаются

бесконечные рассуждения, чтобы «приземлить» его до банальной лексической статистики (многие современные исследования о дискурсе – (лишь) подсчет пропорций употреблений тех или иных лексем). Дискурс включает множество текстов, уже созданных и/или потенциальных (которые будут созданы), и объединяет их. Он разворачивает тексты с общим топиком или общей идеей (топиком и комментарием, которые сами становятся топиком – тогда это дискурс идеологии: внушения чего-то устойчивого, вариации комментария не допускаются). В отличие от других единиц дискурс не является завершенным, он «открыт», т. е. уровни от дискурса и выше представлены бесконечными единицами. Дискурс многовариантен (дискурс вокруг текста, личность, учреждение, страна, функциональный стиль, религия, идеология и пр.), текст – суть пересечение дискурсов, поэтому, когда мы говорим об уровне, уместней назвать его «область дискурсов». Учитывая динамический характер языка, наиболее ясным будет следующее определение: бесконечная генерация текстов, объединенных общим топиком.

17. Уровни языка выше дискурса. Уровни выше дискурса могут быть условно перечислены как «всеобщее говорение» (речь), затем как «абсолютно всеобщее говорение всех обо всем» – язык. Основой уровневости неизменно является потенциальное свертывание до исходной идеи, «изначальной» пары топик-комментарий. Выше – «отрицание языка», уровень коммуникации вне языка, экзистенциальный, малодоступный в рамках банальных практик.

18. Отправным пунктом для изложения теории может стать понятие предикативного отношения как основы структур единиц коммуникации, «скелета вербализации». Коммуниканты общаются текстами, ограниченными коммуникативным актом, не важно – монологичными или диалогичными, и в основе текстов (до/после разворачивания) лежит идея, подлежащая утверждению в речи (утверждение суть «присвоение» структуры говорящим для «отправления» слушающему). Идея реализует предикативное отношение и в виде элементарного предложения «движется» на поверхность, т. е. каждое предложение текста так или иначе изоморфно изначальной идее порождения; предикативная цепь выстраивается из непрерывных свертываний и разворачиваний изначальной идеи, – с целью побудить слушающего свернуть текст обратно до изначального замысла и скоординировать деятельность (что в идеале не достижимо, понимания – нет). На поверхности в виде предложения идея вербализуется/формализуется в двух (или четырех, или более, что не так важно) основных синтаксических типах, связанных с выбором: 1) «топиковой» стратегии (утверждением отношений характеристики между двумя независимыми частями – топиком и комментарием, что характерно для китайского, вьетнамского и др. языков); 2) «подлежащей» стратегии (утверждением отношений действия

или псевдо-действия между согласованными подлежащим и сказуемым, — чем отличаются литературные английский, русский, литовский и др. языки). Языки типа турецкого, японского, тагалога и илокано укладываются в модели «и топик, и подлежащее», «ни топика, ни подлежащего» [Ли, Томпсон, 1982], и до сих пор, насколько нам известно, в этом плане системно не изучены (хотя ясны как тип). Теоретически в турецком или японском языках топик приобретает черты согласования, оставаясь при этом выделенным. В тагалоге или илокано на первом месте в предложении — глагольная часть, затем два именных компонента, которые в современных филиппинских учебниках характеризуют как топик и не-топик.

19. В динамическом понимании язык изучается не как система знаков, которые вступают в парадигматические и/или синтагматические отношения, а как совокупность процессов порождения и восприятия, если угодно — тексто-порождения и тексто-восприятия, идее-порождения и идее-восприятия, создания дискурсов и существования в них и прочее, т. е. как совокупность предикационных цепей. Драматические проблемы с «неподчинением» китайского языка якобы универсальным законам связаны в том числе с разной ценностью уровней. Уровни, которые условный русский (и любой европеец) осознает как ключевые, китаец не воспринимает в принципе, уровни же, важные для китайца, европейский лингвист предпочитает не замечать. Проблемы и недочеты в обучении также вызваны этим. Отправляя студента-китаиста на обучение в Китай, вуз ожидает совершенствования произношения, а получает учащегося, чьи произносительные нормы на уровне фонемы непростительно испорчены (для русского уха): ведь большинство преподавателей-носителей не обращает внимания на чистоту звуков, отслеживая лишь единство и тонированность слога; население Китая говорит с акцентами, которые начинающим переводчикам кажутся «диалектами». Китаец не слышит и не выделяет отдельные звуки, отводит им второстепенную роль. Фонема для него — слабый уровень, в то время как для условного русского (и европейца) — сильный.

20. Носитель китайского четко очерчивает и тонирует слог, совпадающий с морфемой и имеющий формулу «1+2+3+4»: «согласный + промежуточный гласный *u/i/ü* + слогаобразующий гласный + конечный гласный/носовой/инспираторный звук, подобный европейским носовым или согласным»: *h-u-a-ng*, *c-u-e-i*, *zh-u-a-n*, *y-a-'t* (1+3+4, кантонский) и т. д. Слогоморфема для китайца — сильный уровень, обозначаемый на письме иероглифом, чуть ли не основа китайской вселенной. Во флективных же языках морфема произвольна по границам, т. е. допускает произвольные сочетания согласных и гласных.

21. Для русского (и европейского) языкового сознания основой основ является слово, в китайском же уровень лексики представлен слабыми и довольно размытыми, легко соединяющимися и легко распадающимися

единицами. Другими словами, лексический уровень сильный для русского (и европейца) и слабый для китайца. Долгая и бесполезная дискуссия, что считать словом, не имеет смысла. Вьетнамцы, чей язык еще более изолирующий, предпочли при переходе на латиницу не фиксировать многосложные «псевдослова», а оставить отдельные слоги-морфемы, которые пишутся через пробел.

22. Уровень словосочетания для китайца совпадает с синтагмой, достаточно спаянной и значимой, он сильный; при обучении языку значительную роль играет заучивание устойчивых фраз. Для русских же многие словосочетания аморфны и произвольны.

23. В нормативном русском предложении – сильная спаянная единица с согласованием форм, китаец же воспринимает ее как слабое сочетание рассогласованных топика и комментария. Именно поэтому внедренные в китайский язык знаки препинания часто отсутствуют в личной переписке: носитель сам знает, что и как членить. Сильный для носителей флективного языка уровень предложения – слабый для китайца.

24. Уровни выше предложения, видимо, нуждаются в дальнейшем изучении: для китайца гораздо более важен контекст, нежели для европейца, но каким образом сильные и слабые уровни чередуются «после» предложения, чередуются и выделяются ли вообще – конкретно не изучалось. Огромную роль играют сверхфразовые единства, идущие за слабым предложением. Возможно, расположенный выше СФЕ текст можно признать слабым (?), а дискурс сильным, но это лишь предположения, тем более большинство китайских якобы морфологических показателей (видовые суффиксы глаголов) имеют явную опору в контексте. Такая проблематика весьма перспективна для изучения, но, к сожалению, научные школы и традиции, ориентированные на глобальные обобщения, складывавшиеся к финалу 1980-х гг., в настоящее время безвозвратно утрачены, уступили место либо эмпирике, либо культурологии.

25. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- уровни языка системно и иерархически организованы;
- основа иерархии – не «строительство» из нижележащих единиц, не «вкладывание» таких единиц друг в друга, а свертывание и развертывание идеи в ходе порождения и восприятия;
- уровни онтологически значимы при изучении языка: разная типология обеспечивает разную значимость уровней и разную конструкцию единиц;
- применительно к китайскому языку не следует говорить о значимости уровня фонем, аллофония для носителя предельно широка и «региональна» по сути;

- применительно к китайскому языку не следует говорить о «словах»: лексический уровень представлен слабыми, легко соединяющимися и легко расщепляющимися единицами;
- применительно к китайскому языку не следует говорить о целостных предложениях, а, скорее, о слабой сочетаемости в парах «топик-комментарий»;
- в русском языке следующие уровни (до предложения включительно) являются сильными: фонемный, лексемный, предложения;
- в китайском языке следующие уровни (до предложения включительно) являются сильными: морфемный, словосочетания, выше предложения (СФЕ);
- возможно (но не доказано), дискурсивные уровни в китайском более сильные, чем в русском.

Литература

- Ефремов А. М. Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 166 с.
- Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ун-т, 1999. 194 с.
- Курдюмов В. А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. М. : Цитадель, Лада, 2005. 576 с.
- Курдюмов В. А. Иерархия языковых уровней как ценность для русского и китайского языкового сознания и типологических исследований (Russian / Chinese Language Levels Hierarchy as Value in the National Consciousness and to the Comparative Studies) // 臺灣斯拉夫學刊一(Slavica Formosana I), 2016. P. 265–281.
- Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М. : Прогресс, 1982. С. 193–314.
- Halliday M. A. K. /韓禮德. 論語言和語言學 (On Language and Linguistics). 北京: 北京大學出版社, 2007. XXIII, 476 p.
- 葛本儀. 語言學概論, 第二版, 台北市: 五南, 2017. IV, 312 p.
- 黃宣範, 連金發, 蘇以文, 呂佳蓉 etc. 語言學: 機構、認知與文化的探索(Linguistics: An Inquiry Into Structure, Cognition and Culture). 初版. 台北市: 國立台灣大學出版中心, 2021. XVII, 445 p.
- 舒兆民. 現代漢語語言學概要 (Introduction of Chinese Linguistics for Teaching Chinese as a Second Language). 台北市: 新學林, 2021. VI, 326 p.
- 鐘榮富. 當代語言學概論 (Introduction to Modern Linguistics), 初版. 台北市: 五南, 2006. 11, 530 p.
- Hickey R. Levels of language. URL: <https://www.uni-due.de/ELE/LevelsOfLanguage.pdf>. Accepted: September 28, 2022.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ, УРОВНИ ЯЗЫКА И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. С учетом данных китайского языка как изолирующего топикового и на основе контрастивного сравнения с русским языком предлагаются пролегомены новой теории словоизменения в зависимости от уровней языка. Отмечается, что в разных языках неодинаково проявляется согласование на уровне лексемы, словосочетания, предложения, текста, дискурса, речи, языка.

Ключевые слова: словообразование, формоизменение, типология русского языка, типология китайского языка.

V. Kurdyumov (Moscow)

Moscow City University

NEW WORDS, FORMS OF WORDS, LEVELS OF LANGUAGE AND CHINESE LANGUAGE. POSING A PROBLEM

Abstract. On the basis of the Chinese language as an isolating topical one and of a contrastive comparison with the Russian language, prolegomena of a new theory of inflection (forms of the lexical unit) are proposed, depending on the levels of the language. In different languages, coordination is manifested in different ways at the levels: of lexeme, phrase, sentence, text, discourse, speech, language.

Keywords: word formation, word forms, typology of the Russian language, typology of the Chinese language.

1. Проблема разделения и различения формообразования и словообразования – одна из традиционных в советской/российской лингвистике (включая школьную грамматику). К примеру, на определенном этапе обучения ставится проблема, является вид глагола формой или признаком другого (нового) слова («школьный» ответ: «новое слово»). Аналогичные дилеммы связаны с причастиями и деепричастиями («особые формы глагола», чаще всего трактуемые как «отдельные» слова), мужским и женским родом у имен существительных и т. п.

2. В англоязычных учебниках такая (для «западного» мышления – достаточно схоластическая, «не-эмпирическая») проблема не ставится, однако рассматриваются различия между «связанными» и «свободными» морфемами (*bound & free morphemes*: морфема, формально совпадающая с границей слова, будет «свободной», а та, которая функционирует в пределах слова, – «связанная»; в русистике – проблема нулевой формы слова).

3. По отношению к английскому языку существует проблема так называемой конверсии, выдвинутая (как уже решение проблемы) советским лингвистом А. И. Смирницким, с точки зрения которого различные частеречные варианты одной и той же единицы (без аффиксации) являлись бы «конверсионными омонимами», т. е. разными сущностями (*the Venetian school of painters* ↔ *school bus*, *school day* ↔ *schoolroom*, *schoolwork* ↔ *I was schooled by the famous painter when I was studying impressionism*: *школа*

↔ *школьный*, *школы* ↔ *школьный/«школо-»* (как морфема) ↔ *обучать, готовить, «школить»*). В СССР «конверсионная омонимия» была перенесена и на китайский язык, о ней фактически говорится в известной грамматике А. А. Драгунова, ярким приверженцем такого взгляда был В. М. Солнцев.

4. Поскольку формоизменение, подобное русскому, в китайском языке (КЯ) не наблюдается, то лингвисты, изучающие КЯ как родной, в учебниках по языкознанию смешивают разделы «Морфология» (т. е. формообразование) и «Словообразование». К примеру, в большинстве изданных на Тайване курсов языкознания раздел «Морфология» (Morphology) именуется 構詞法 или 構詞學, а не 形態學, и объяснить разницу с позиций носителя русского языка достаточно сложно (понятно, что 構詞法 так или иначе связана с добавлением морфем, так что логика прослеживается, хотя правильной назвать такой раздел морфемикой 語素學; кстати, в тайваньских учебниках «конверсия» не упоминается).

5. В англоязычных источниках словоизменение называется *inflection/inflection*, что отсылает к флексиям, т. е. к флективным языкам. Но формы слова образуются и (как минимум) агглютинативно, что опять же говорит об ограниченной эмпиричности такого типа лингвистики.

6. Наша точка зрения на части речи в китайском (и любом языке изолирующего типа) неоднократно отражена в книгах и статьях [Курдюмов, 1999, 2005]: исследователь имеет дело с *позиционной морфологией*, т. е. одной и той же (не разными) лексической единицей, занимающей разные позиции («морфологические» позиции, производные от синтаксических, но все же – отдельные от синтаксиса, поскольку в *гойюй/путунхуа* наблюдается определенная – и вполне типологически объяснимая – язык движется во времени – стабилизация употреблений). Таким образом, речь идет о позициях существительного, прилагательного, наречия, глагола и т. д., – вплоть до мельчайших нюансов: позиций причастия, деепричастия, герундия и т. д. Если в *вэньяне* синтаксис диктует почти полную произвольность движения знаменательной лексемы, то в *гойюй/путунхуа* стабилизация употреблений позволяет говорить о трех основных категориях: конкретной *позиции* (в сочетании/предложении: 中國很大 *Китай* большой), *диапазоне* колебания единицы между частеречными позициями «в словаре» (中國人民, 她很中國 *китайский народ*, Она очень «*китайская*»), «*маршруте*» – выходе за пределы нормы (她很中國了 Она «*окинула*»). Подобные безаффиксальные (без деривационной морфемы) переходы хотя и не доминируют, но вполне распространены и в русском языке: причастия переходят в прилагательные и затем в существительные (*ученый, почтенный, уважаемый* и т. п. – искусственную разницу в одинарное или двойное -н- можно не принимать во внимание), деепричастия –

в предлоги: *исходя из, несмотря на*, предлоги – «обратно» в глаголы: *Он в Тайбэе* – русский предлог *в* де-факто становится глаголом (= 他在台北); в КЯ связь и переходы *глагол ↔ предлог* более очевидны (他在台北 Он находится в Тайбэе ↔ 他在台北讀碩士 Он в Тайбэе обучается в магистратуре).

7. С позиции типологии частей речи языка можно разделить на те, где часть речи совпадает со словарной единицей (русский), и те, где часть речи – это словоупотребление (китайский). Видимо, возможны и промежуточные типы. С точки зрения семантического согласования лексемы в КЯ «изменяются по частям речи» – подобно склонению в русском языке.

8. Типология китайского языка не позволяет говорить о «словах». При общении с тайваньскими лингвистами часто возникает формулировка «китайское слово подобно западному словосочетанию». Мы предлагаем в принципе не использовать термин «слово» для КЯ, поскольку более удачен термин ЛЕ (лексическая единица) [Курдюмов, 2016]. «Европейских» слов в китайском языке нет, многосложные ЛЕ – единства, которые легко сочленяются и легко «расщепляются», их компоненты (слогоморфемы) объединяются с разной степенью устойчивости. Вопрос, к примеру, «Сколько слов в единицах типа 資本主義 *zī běn zhǔ yì* капитализм, 候車線 *hòu chē xiàn* линия ожидания (вагона метро), 投幣式自助洗 *tóu bì shì zì zhù xǐ* прачечная самообслуживания?» не имеет смысла. В 資本主義 можно насчитать от одного до четырех «слов», в 候車線 – от одного до трех, в 投幣式自助洗 – от двух до шести. По «словности-несловности» китайские ЛЕ подобны русским аббревиатурам или идиомам, и многие исследователи говорят, что китайские уровни языка «сдвинуты вверх»: к словосочетанию. Другая трактовка, которой мы обычно придерживаемся [Курдюмов, 2016]: лексический уровень в КЯ – «слабый», в отличие от русского, где он «сильный». Сильными уровнями в КЯ являются – ниже лексического: морфемный (морфема = слог = иероглиф) и выше лексического (словосочетание = синтагма). Как мы многократно упоминали, структура многосложных ЛЕ в КЯ описывается при помощи правил (микро)синтаксиса («модели китайского слова» из учебников лексикологии): определительная (公車 *gōng chē* автобус, 自助餐 *zì zhù cān* буфет самообслуживания), копулятивная (美麗 *měi lì* прекрасный, 多少 *duō shǎo* сколько), глагольно-объектная (動員 *dòng yuán* мобилизация, 吃飯 *chī fàn* кушать), предикативная (國產 *guó chǎn* отечественного производства, 地震 *dì zhèn* землетрясение, 心虛 *xīn xū* виноватый) и пр.

9. Типология КЯ позволяет по-новому взглянуть на разделение словообразования и словоизменения, с учетом важности системы уровней языка, неодинаковой в каждом языке значимости каждого уровня.

10. Если понимать формоизменение как способ обеспечения связи в предложении при помощи реляционных морфем (обычно любые определения сводятся именно к этому), то идеальными являются русские склонения существительных и прилагательных, которые участвуют в согласовании и управлении. Однако в русском языке существуют и временные формы глагола, для которых и согласование, и управление безразличны.

11. В китайском языке также существуют «формы глагола» с «суффиксами» 了 *le*, 過 *guo*, 著 *zhe*, ошибочно считающиеся «временами»; большинство исследователей однако же говорит о видах глагола: совершенном, многократном в прошлом, продолженном. Для передачи же эквивалента русского времени добавляются лексические элементы. Видовые суффиксы также никак не согласуют элементы предложения (да и само предложение в КЯ – слабая единица, объединяющая топик и комментарий, «рассогласованная») [Курдюмов, 2016]. Кроме того, чистой агглютинативной морфемой является суффикс множественности 們 *men*, который нельзя отнести к реляционным – согласования он также не обеспечивает. Если исходить из классификации «вещественные – деривационные – реляционные», то 們 *men* будет морфемой, корректирующей исходное лексическое значение, т. е. деривационной (как ни парадоксально).

12. В русском языке функционируют инкорпоративные (многокорневые с единым окончанием) по сути лексемы типа *импорт_озамещение*, *пищеварение*, *судопроизводство*, *паровоз*, *снегоход* и т. п. В школьных учебниках элемент между корнями описывается как некая «соединительная гласная», в вузовских как интерфикс (что формально ближе к истине). Но русисты не знают китайского языка, поэтому аналогии с микросинтаксисом не проводятся, хотя перед нами явный пример определительных отношений.

13. Исходя из перечисленных частных случаев, можно построить уровневую модель формо-/словообразования **на разных уровнях языка**. Обычное формообразование обеспечивает согласование и управление на уровне предложения. В русском языке это склонение (+ род, + число) существительных и прилагательных, согласование имен и глаголов в лице и числе, китайский аналог – бессуффиксальные частеречные переходы (семантическое согласование). Видовременные формы глагола как в русском, так и в китайском языке обеспечивают согласование уровня соответствия коммуникативному акту сферхфразового единства или даже текста. Русские модели типа *судопроизводство*, *паровоз* – суть атрибутивные с согласованием корней: первый элемент определяет следующий, при этом так называемый интерфикс *-о-, -е-* в реальности флексия притяжательной формы первого компонента («падеж первого слога»).

14. Образование различного рода именных и притяжательных форм от глаголов (а в русском языке, мы убеждены, этимология, включая общеславянскую (и далее), обеспечивает формирование громадного количества

существительных как изначальных форм глагола: что-то как то, что обеспечивает функцию: *учитель* ← *учить*, *корова* ← *кар-ва* /«рогатая», *стол* ← *стьлати* и т. п.), скорее всего, функционирует на уровне дискурса, или при полном укоренении в узусе (точнее, в зависимости от степени такого укоренения) – на уровне речи или языка (см. наши статьи об уровнях языка).

15. Тезисы выше – лишь предварительный набросок, который можно рассматривать как основу для построения общей мультязыковой теории формо- и словообразования (с учетом их процессуальности, взаимного перехода, как и всего в языке). Как мы показали выше, модели, даже формальные, не имеют смысла без учета системы уровней языка и значимости уровней в языках конкретных типологий. Структуралистский подход, когда исследователь должен взять систему языка (гумбольдтовского *эргона*, готового продукта – в статике), разделить ее на отдельные явления, дать им наименования и затем требовать от всех лингвистов беспрекословного следования, не срабатывает при вскрытии сущности реального системного процесса. Кроме того, модели не могут замкнуто строиться в рамках только одного языка или группы схожих языков, крайне полезны контрастивные сравнения, выстраивание параллелей и дальнейшее детальное исследование комплексов типологических характеристик (как минимум между флективными и изолирующими языками, хотя бы между русским и гоюй).

Литература

Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ун-т, 1999. 194 с.

Курдюмов В. А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. М. : Цитадель, Лада, 2005. 576 с.

Курдюмов В. А. Иерархия языковых уровней как ценность для русского и китайского языкового сознания и типологических исследований (Russian / Chinese Language Levels Hierarchy as Value in the National Consciousness and to the Comparative Studies). // 臺灣斯拉夫學刊—(Slavica Formosana I), 2016. P. 265–281.

**КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ:
ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА КОЛИЧЕСТВО
ВЫДЕЛЯЕМЫХ ВИДОВ ЗАЛОГА**

Аннотация. Рассматривается проблема выделения глагольных блоков внутри категории залога. Анализируются и систематизируются способы образования спорных залоговых форм, а также приводятся аргументы в пользу различных точек зрения. Актуализируется тема, которая обусловлена необходимостью систематизации научных фактов по данной проблеме.

Ключевые слова: японский язык, теоретическая грамматика, категория залога.

P. Lyaschenko, I. Shalina (Irkutsk)

Irkutsk State University

**THE CATEGORY OF VOICE IN JAPANESE:
TWO PERSPECTIVES ON THE NUMBER OF DISTINGUISHABLE TYPES OF VOICE**

Abstract. This article is devoted to the problem of separating verbal blocks within the category of voice. It analyzes and systematizes the ways of formation of controversial voice forms, as well as provides arguments in favor of different points of view. The relevance of the article is due to the need to systematize the scientific facts on this problem.

Keywords: Japanese language, theoretical grammar, category of voice.

Проблема разработки вопросов грамматики восточных языков, а также новых методик обучения на основе современных достижений лингвистики [Готлиб, Кремнёв, Шишмарёва, 2012] стоит на повестке дня по многим причинам: сложность самих языков, их значительное отличие от индоевропейских, необходимость отхода от прямого наложения грамматических матриц европейских языков на восточные с применением критических подходов [Кузнецова, Дюндик, 2019]. Японский язык имеет богатую грамматическую систему, среди ее блоков выделяется система глагольных залогов, используемых для выражения того или иного грамматического значения. В. М. Алпатов в своей работе «Теоретическая грамматика японского языка» поднимает проблему выделения глагольных блоков залога в японском языке. Японец утверждает, что существуют две различные точки зрения на данную проблему. Одни лингвисты склонны выделять пять видов залога: действительный, потенциальный, страдательный, побудительный и побудительно-страдательный. Другие же склоняются к тому, что их всего три, т. е. выделяют лишь действительный, побудительный и страдательный залогов. Объясняется это причислением побудительно-страдательного залога к сочетанию грамматик побудительного и страдательного залогов, а также отнесением потенциального залога к потенциальному наклонению [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008].

В качестве рабочего определения залога взята дефиниция С. Е. Яхонтова, согласно которой залог – это противопоставленные друг другу глагольные формы, которые, употребляясь в одной и той же синтаксической функции, различаются по управлению [Яхонтов, 1974]. Все его типы в японском языке (за исключением действительного) образуются путем присоединения одного или нескольких суффиксов к уже имеющейся основе глагола, т. е. при помощи агглютинации. Каждый аффикс в японском языке требует присоединения к определенной флексии, что определяет японский язык как язык агглютинативно-флективного строя.

Залог в японском языке образуется синтетическим способом, путем присоединения различных суффиксов. При этом образование залоговых форм идентифицируется как словообразование, так как присоединять залоговые суффиксы возможно не к каждому глаголу, а только к определенной их группе.

Мотоки Токиэда и ряд других лингвистов заметили, что залоговые суффиксы сочетаются не с каждой глагольной основой, это дало основание для отнесения образования залоговых форм к словообразованию. Как следствие, среди блоков залога в японском языке выделяются словообразовательные и словоизменяемые. К первым относятся пассив, каузатив и потенциалис, а ко вторым исходный (действительный) залог.

Рассмотрим существующие залоговые с точки зрения грамматики и приведем аргументы в пользу их выделения в системе глагольных блоков залога или же их упразднения.

Формы **страдательного залога**, или иначе пассива, образуются путем присоединения к основе глагола суффикса *-(p)aru-*. Используется пассив в японском языке в двух случаях:

1. Когда объект действия в высказывании важнее, чем субъект
本は私に読まれました。(Книга прочитана мной.)

Ситуация, обозначенная глаголом, каким-то образом влияет на лицо, обозначенное подлежащим, затрагивая его эмоциональное состояние

私は妹にケーキを食べられた。(Торт был съеден моей младшей сестрой.)

В данном примере мы видим, что страдательный залог включает в себе значение, когда ситуация негативно влияет на эмоциональное состояние лица, выраженного подлежащим.

В предложениях со сказуемым в побудительно-страдательном залоге, как и в действительном, субъект действия выражен подлежащим в именительном падеже, оформленным послелогом *は(-wa-)*, но действие совершается по принуждению третьего лица. Если принуждающее лицо в предло-

жении указано, оно оформляется дательным падежом при помощи послелога に (-ни-). Прямое дополнение, если оно есть, стоит в винительном падеже, оформленное послелогом を (-о-).

Побудительно-страдательный залог образуется в японском языке двумя способами:

1. При помощи сочетания двух суффиксов: せ (-сэ-) с побудительным значением и られ (-рарэ-) со страдательным значением.

а) 子供は父に掃除をさせられました。(Ребенок был заставлен отцом убираться.)

б) 朝ご飯は食べたくなかったのに、食べさせられた。(Мне пришлось съесть завтрак, хотя я и не был голоден.)

в) 親に毎日宿題をさせられている。(Родители заставляют меня делать домашнюю работу каждый день.)

2. При помощи суффикса され (-сарэ-), который является сращением двух вышеупомянутых суффиксов. Данный способ подходит только для преобразования в побудительно-страдательный залог глаголов первого спряжения.

а) 娘は母に食器を洗わせられました。(Дочь была заставлена мамой мыть посуду.)

б) 日本では、お酒を飲まされることが多い。(В Японии существуют многочисленные факты принуждения употреблять алкоголь.)

в) あいつに二時間も待たされた。(Мне пришлось ждать его два часа.)

Чтобы понять, является ли побудительно-страдательный залог сочетанием побудительного и страдательного залогов, а не отдельным видом залога, нужно выяснить, имеет ли он дополнительный, не выраженный в страдательном и побудительном залогах оттенок значения.

Каузатив (или же побудительный залог) в японском языке имеет самое общее значение каузации, т. е. связи двух ситуаций, где вторая является следствием первой. Образуется каузатив при помощи суффикса - (с)асэ-. По характеру связи каузатив делится на три следующих типа:

1. Фактитивный (принуждение)

私は息子に本を読ませました。(Я заставил сына читать книгу.)

2. Пермиссивный (разрешение)

私は息子に学校を休ませました。(Я разрешил сыну прогулять школу.)

3. Ассистивный (способствование)

私は息子を留学させました。(Я отправил сына учиться за границу.)

Таким образом, в побудительном залоге выделяются значения при-
нуждения, разрешения и способствования.

Проведя анализ значений, мы пришли к выводу, что побудительно-
страдательный залог не имеет дополнительных значений, не выраженных
ранее в побудительном или страдательном залоге. Однако побудительно-
страдательный залог имеет сокращенные формы для глаголов первого
спряжения и суффикс *され* (-сарэ-), использующийся в сокращенных фор-
мах. Данную форму невозможно разделить на части, принадлежащие от-
дельно к побудительному или страдательному залогу. Таким образом, мы
пришли к выводу, что побудительно-страдательный залог имеет отдель-
ные от побудительного и страдательного залогов грамматические формы,
поэтому стоит выделять его как отдельный вид залога.

Далее рассмотрим **потенциальный залог**.

Потенциальный залог, или иначе потенциалис, в японском языке
имеет общее значение возможности совершения действия:

1. Как постоянная характеристика:

а) おじいさんは遠く見られません。(Старик не способен далеко
видеть.)

б) 飛行機は一時間に900キロメートルを飛べられます。
(Самолет может пролететь девятьсот километров за один час.)

2. Возможность/невозможность в определенный момент времени
или при определенных условиях:

а) 女の子はこの漢字が読めません。(Девочка не умеет читать иеро-
глифы.)

б) このカードにお金がないから払えません。(Я не смогу распла-
титься, так как на этой карте нет денег.)

В примере 2а предполагается, что девочка в будущем научится читать
незнакомый иероглиф, однако тот факт, что старик из примера 1а станет
лучше видеть с течением времени, маловероятен.

Образуется потенциальный залог при помощи суффикса *られ*
(-(р)арэ-), омонимичного суффиксу пассива, или при помощи четвертой
основы глагола.

Выше мы упоминали, что потенциальный залог некоторые японоведы
относят к наклонению. Рассмотрим, что собой представляет наклонение.

О. С. Ахманова определяет наклонение глагола как грамматическую
категорию глагола, выражающую отношение содержания высказываемого
к действительности [Ахманова, 2004]. Иными словами, наклонение выра-
жает модальность, т. е. нам необходимо понять, насколько «модален» по-
тенциальный залог, чтобы его можно было отнести к наклонениям.

Вопрос о границах категории модальности решается по-разному. Мо-
дальность выражает отношение содержания предложения к действительно-

сти в плане осуществяемости и неосуществяемости. Происходят видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выражаемые при помощи глагольных единиц. Как нам известно, залоговые формы образуются внутри слова при помощи присоединения различных суффиксов к основе глагола, т. е. синтетическим способом. Тогда как значение «потенциальности» может выражаться и аналитическим, и синтетическим способами:

1. При помощи суффикса られ (-*(p)arē*-)

生の魚が食べられません。(Я не могу есть сырую рыбу.)

2. При помощи субстантиватора こと (кото) и глагола できる (дэкиру) мочь

早く起きると、朝日を見ることができます。(Если рано проснуться, можно увидеть рассвет.)

Второй способ образования грамматической формы является аналитическим, характерным для образования наклонений (изъявительное, повелительное, запретительное, сослагательное и т. д.). Таким образом, можно причислить потенциалис как к наклонению, так и к залогу.

Вышеизложенное позволяет нам поддержать точку зрения тех лингвистов-японистов, кто склоняется к выделению пяти залоговых форм в японском языке.

Литература

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М. : Наталис, 2008. 560 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2004. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/world-documents/_8.htm (дата обращения: 17.09.2022).

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарёва Т. Е. О принципах и моделях организации работы по составлению учебно-методических комплексов по обучению китайскому языку // Китайский язык: создание учебных пособий, стандарты преподавания и нормативы оценки знаний : сб. тез. докл. участников рос.-кит. конф. Москва, 12 дек. 2012 г. М. : Грифон, 2012. С. 7–8.

Кузнецова О. В., Дюндик Ю. Б. Из опыта формирования критического мышления у студентов, обучающихся на профилях, связанных с регионаловедческими исследованиями // Педагогический журнал. 2019. Т. 9, № 4–1. С. 430–442.

Яхонтов С. Е. Грамматика древнекитайских стихов // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М. : Наука, ГРВЛ, 1974. С. 66–75.

Т. Г. Мазур (Улан-Удэ)

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАНЬ ЮЯ, АДРЕСОВАННЫХ ДАОССКОМУ БЕССМЕРТНОМУ ХАНЬ СЯН-ЦЗЫ

Аннотация. Анализируются поэтические произведения Хань Юя, адресованные его внучатому племяннику – даосскому бессмертному Хань Сян-цзы. Показано, что стихотворения могут рассматриваться как источник, позволяющий судить о взаимоотношениях Хань Юя и Хань Сян-цзы, а также как своего рода комментарии Хань Юя к его работе – записке «О кости Будды».

Ключевые слова: эпоха Тан, Хань Юй, служилое сословие (чиновничество), записка «О кости Будды», Хань Сян-цзы, Восемь бессмертных, конфуцианство, даосизм.

T. Mazur (Ulan-Ude)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(IMBTS SB RAS)

ABOUT HAN YÜ'S WORKS ADDRESSED TO THE TAOIST IMMORTAL HAN HSIANG-TZU

Abstract. The article presents the poetic works of Han Yü addressed to his grandnephew, the Taoist immortal Han Hsiang-tzu. It is shown that the poems can be considered as a source to judge the relationship between Han Yü and Han Hsiang-tzu and as a kind of commentary by Han Yü on his work "Memorial on the Buddha Relic".

Keywords: Tang epoch, Han Yü, service class (bureaucracy), "Memorial on the Buddha Relic", Han Hsiang-tzu, The Eight Immortals, Confucianism, Taoism.

*Работа выполнена в рамках государственного задания (проект
«Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия
с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода
распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай –
II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв., № 121031000261-9*

Хань Юй (768–824) – мыслитель, поэт, чиновник-конфуцианец эпохи Тан, оставивший после себя богатое литературно-философское наследие. К анализу его творчества неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи [Гусаров, 1977; Желоховцев, 1974; Кириченко, 2018; Конрад, 1966; Старостина, 2020; Терехов, 2018; Hartman, 1986; 卞孝萱, 1998; 羅克典, 1982; 羅聯添, 1981; 譚繼山, 1983; 韩愈研究 ..., 1988]. Вместе с тем творческое наследие Хань Юя остается недостаточно изученным, большая часть его работ на русский язык не переведена, переведенные же работы создают неполный образ их автора, презентуя его, прежде всего, как критика буддизма и даосизма.

В данной работе рассмотрены поэтические произведения Хань Юя, адресованные одному из Восьми бессмертных в даосском пантеоне – Хань

Сян-цзы (韓湘子): стихотворение «Отправившись в ссылку и добравшись до перевала Ланьтянь, излагаю внучатому племяннику Сяну» (左遷至藍關示侄孫湘) [韩愈, 1997, р. 98] и двухчастное стихотворение «Остановившись на ночлег у устья реки, излагаю внучатому племяннику Сяну» (宿曾文口示侄孫湘) [韩愈, 1997, р. 102]. Произведения на русский язык не переведены.

Хань Сян-цзы (韩湘子), второе имя Бэйчжу (北渚) и Цинфу (清夫), был внуком старшего брата Хань Юя – Хань Хуэя (739–780?, 韩会), в семье которого Хань Юй воспитывался, оставшись сиротой в трехлетнем возрасте, – и, соответственно, внучатым племянником самого Хань Юя. О Хань Сяне известно, что он был старше сына Хань Юя, Хань Чана (799–855, 韓昶), на четыре года и что в третьем году Чанцин (823 г.) в возрасте 30 лет он получил степень цзиньши [卞孝萱, 1998, р. 192], таким образом, он родился в 793 г. или 795 г. Согласно даосской традиции Хань Сян уже с рождения имел задатки будущего бессмертного, рано увлекся алхимией, был учеником и последователем Чжунли Цюаня и Люй Дунбиня¹ и обрел бессмертие при парадоксальных обстоятельствах: пытаясь вскарабкаться на священное дерево в поисках персиков бессмертия, упал, разбился и в тот же момент превратился в бессмертного [Ежов, 2004, с. 176–177]. В даосских притчах Хань Сян фигурирует, как правило не сам по себе, а в паре со своим двоюродным дедом Хань Юем, и основные легенды о Хань Сяне посвящены показу превосходства даосов над конфуцианцами [Ежов, 2004, с. 177; Духовная ... , Т. 2, 2007, с. 655].

Рассматриваемые стихотворения написаны Хань Юем в 819 г. [卞孝萱, 1998, р. 547] по дороге к месту ссылки в Чаочжоу, на самый юг Китая. Этой ссылкой с понижением в должности была заменена Хань Юю смертная казнь, назначенная ему за поданную на имя императора записку «О кости Будды». В записке Хань Юй выразил протест против распоряжения императора доставить во дворец буддийскую реликвию – кусочек кости самого Будды – и попытался описать последствия, к которым может привести это действие. В отечественном китаеведении записка «О кости Будды» считается одним из основных произведений Хань Юя, характеризующего его как яркого противника буддизма.

Стихотворения объединены общей темой и настроением – переживанием Хань Юя по поводу того, что поданная им записка возымела такие серьезные для его карьеры и жизни последствия. Во всех стихотворениях чувствуется подавленность автора, удрученность текущими событиями, сожаление о случившемся.

¹ Чжунли Цюань и Люй Дунбинь – старейшие из Восьми Бессмертных в даосизме, считающиеся главными.

В первых строках стихотворения «Отправившись в ссылку и добравшись до перевала Ланьтянь, излагаю внучатому племяннику Сяну» Хань Юй заостряет внимание на том факте, что расплата за подачу записки наступила очень быстро: «Утром я выступил с предостережением, а вечером меня понизили в должности и перевели в Чаочжоу, в восьми тысячах миль от Пекина» [韩愈, 1997, р. 98]. Создается впечатление, что Хань Юй искренне не понимает, чем прогневал императора, пытается оправдать себя, объяснить причину, побудившую его подать записку: «Желал огрadyть императора от обманных жертвоприношений: согласившись принять эту разложившуюся гниль, будешь сожалеть оставшуюся жизнь» [Там же]. В завершении стихотворения он напрямую обращается с просьбой к своему внучатому племяннику Хань Сяну¹, в которой явственно слышатся фаталистические нотки: «Я знаю, ты пришел издалека, так как знал, что мне не повезет. Прибери мои кости на берегу реки!» [Там же].

Обе части второго стихотворения «Остановившись на ночлег у устья реки, излагаю внучатому племяннику Сяну» также пронизаны мыслью о вероятной смерти на земле варваров и сожалением о невозможности вернуть все в прежнее русло. Первую часть стихотворения Хань Юй заканчивает следующими словами: «Смотрю на созвездие Большой Медведицы, не знаю, вернусь ли обратно!» [韩愈, 1997, р. 102]. Во второй части Хань Юй, метафорично уподобляя свой жизненный путь движению лодки, пишет: «Лодка идет не в прежнее русло. Поворот – и среди высокого леса. В лесу ничего нет, лишь шум стремительного течения. Увы! Я – плохой стратег. Меня сослали к южным варварам. Я прибыл, упавший духом и лишившийся крова. Не зная дороги, как можно вернуться?» [韩愈, 1997, р. 102].

Значимость данных стихотворений Хань Юя обуславливается, на наш взгляд, следующими моментами. Во-первых, тем, что эти стихотворения могут рассматриваться как источник, позволяющий судить об отношениях между Хань Юем и Хань Сяном. Стихотворения демонстрируют нам их родственную и духовную близость: именно своему внучатому племяннику Хань Юй жалуется на судьбу, именно его просит позаботиться насчет похорон в случае его смерти на чужбине. В то время как даосская традиция, как было сказано выше, изображает их отношения как постоянный спор и соперничество, в котором Хань Юй непременно проигрывает, уступает Хань Сяну по своим способностям. Стихотворения подтверждают тот

¹ Согласно легенде, Хань Юю, попавшему в пургу на хребте Циньлин, в облике даоса явился Хань Сян, который целую ночь рассказывал ему о даосских таинствах, доказывая превосходство своего учения. На прощание Хань Сян подарил Хань Юю фляжку из тыквы горлянки с пилюлями от малярии и исчез навсегда [Ежов, 2004, с. 177; Духовная ..., Т. 2, 2007, с. 655].

факт, что даосские адепты просто использовали в своих притчах столь значимую в конфуцианстве фигуру, как Хань Юй, для того чтобы нагляднее показать превосходство даосизма над конфуцианством¹.

Во-вторых, тем, что они могут быть рассмотрены как своего рода комментарии самого Хань Юя к его записке «О кости Будды», содержащие указание на причину написания записки, описание последствий ее подачи и реакции Хань Юя на эти последствия. Так, в отечественном китаеведении данная записка считается антибуддийским трактатом. По сути, в содержательном плане она таковым и является. Однако в своем стихотворении сам Хань Юй указывает на менее амбициозную и более конкретную причину подачи им записки: «Желал оградить императора от обманных жертвоприношений...» [韩愈, 1997, р. 98]. Таким образом, непосредственным импульсом к написанию записки стало конкретное ритуальное действие императора, и негодование Хань Юя вызвала, прежде всего, сама реликвия – кусочек кости, а уже потом то, что она является буддийской. Здесь уместно вспомнить, что для китайца отдельная часть тела в принципе не могла являться реликвией. Согласно традиционным представлениям китайцев даже мертвое тело необходимо сохранять в целостности, по возможности не давать ему разлагаться и ограждать от каких-либо внешних повреждений, так как душа (魄, по) после смерти человека посредством этого тела удовлетворяет свои естественные потребности в еде, питье и всякого рода развлечениях. Именно поэтому китайцы всегда так ревностно охраняли целостность своей плоти еще при жизни: для преступника не могло быть более тяжкого наказания, чем отсечение членов [Рубец, 2009, с. 158]. На то, что Хань Юй искренне возмущен предстоящим ритуалом и не наделяет «кость Будды» сакральным смыслом, указывает, в частности, то, что он как в своей записке, так и в стихотворении называет реликвию «полуистлевшей костью», «зловещим свидетельством распада» [Хань Юй, Лю Цзунъюань, 1979, с. 30], «разложившейся гнилью» [韩愈, 1997, с. 98]. Таким образом, стихотворения показывают, что в своей записке «О кости Будды» Хань Юй выступает, прежде всего, не как идейный противник буддизма, а как чиновник, выполняющий свой долг. Это подтверждается также и тем, что, судя по стихотворениям, Хань Юй сам не предполагал, что записка возымеет такие последствия, и весьма раскаивался в содеянном.

¹ Тот же прием применялся и буддистами. См.: Мазур Т. Г. Чаньский компендиум «Собрание из зала патриархов» («Цзу тан цзи») о Хань Юе // Вестник БГУ. Философия. 2019. № 4. С. 25–

Итак, стихотворения Хань Юя, адресованные Хань Сяну, написаны практически в конце его жизненного и чиновничьего пути, причем в один из труднейших его периодов. Они проливают свет на отношения Хань Юя с его внучатым племянником, а также являются своего рода комментарием Хань Юя к его записке «О кости Будды».

Литература

Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока. 1972. М. : Наука, 1977. С. 197–203.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология. Религия. М. : Вост. лит., 2007. 869 с.

Ежов В. В. Мифы древнего Китая. М. : Астрель : АСТ, 2004. 495 с.

Желоховцев А. Н. Литературные взгляды Хань Юя и Лю // Историко-филологические исследования. М. : Наука, 1974. С. 200–208.

Кириченко А. Д. «Служба и затворничество»: проблема невестребованности ученого-конфуцианца в произведениях Хань Юя жанра цзэнсюй // Проблемы литератур Дальнего Востока : сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. 24–28 августа 2018 г. / отв. ред.: А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. СПб. : НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 30–39.

Конрад Н. И. Хань Юй и начало китайского ренессанса // Запад и Восток. М. : Наука, 1966. С. 119–151.

Мазур Т. Г. Чаньский компендиум «Собрания из зала патриархов» («Цзу тан цзи») о Хань Юе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. № 4. С. 25–31.

Рубец М. В. Восприятие тела в китайской традиции // Телесность как эпистемологический феномен / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. И. А. Бескова. М. : ИФРАН, 2009.

Старостина А. Б. Конфуцианская концепция передачи Пути в работах Хань Юя // Orientalistica. 2020. № 3 (1). С. 70–83.

Терехов А. Э. Благие знамения в жизни и письменном наследии Хань Юя // Проблемы литератур Дальнего Востока : сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. 24–28 августа 2018 г. / отв. ред. :А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. СПб. : НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 60–72.

Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Соколовой. М. : Худ. лит., 1979. 230 с.
Hartman Ch. Han Yü and the T'ang Search for Unity. Princeton : Princeton University Press, 1986. 459 p.

卞孝萱. 韩愈评传 / 卞孝萱等著. 南京: 南京大学出版社, 1998. 586 页.

羅克典. 論韓愈. 臺北市 : 國家, 民71[1982]. 242 页.

羅聯添. 韓愈研究. 臺北市: 臺灣學生書局, 1981. 457 页.

譚繼山. 韓愈. 臺北市 : 萬盛, 民72[1983]. 219 页.

韩愈全集. 上海: 上海古籍出版社, 1997. 390 页.

韩愈研究论文集. 广州: 广东人民出版社出版, 1988. 406 页.

ДЕТЕРМИНАТИВЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ С ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Аннотация. Рассматриваются детерминативы сложных китайских иероглифических знаков с процессуальной семантикой. В связи с этим устанавливается набор детерминативов, входящих в состав иероглифов, номинирующих действия различного типа, выявляются релевантные признаки, обуславливающие включение разных детерминативов в иероглифические знаки с процессуальной семантикой, определяются особенности вариативности детерминативов в графике знаков, обозначающих действия различного характера.

Ключевые слова: детерминатив, знак, процесс, семантика.

N. Mikhalkova (Minsk, Republic of Belarus)

Minsk State Linguistic University

DETERMINATIVES OF PROCESS NOMINATION CHARACTERS

Abstract. The purpose of the article is to consider the determinants of complex Chinese characters with semantics of process. In this regard, a set of determinants in the characters that nominate actions of various types is established, relevant features are identified that determine the inclusion of different determinants in the character signs with the semantics of process, features of the variability of determinants in the graphics of signs denoting actions of a different nature are determined.

Keywords: determinative, sign, process, semantics.

Интерес исследователей к вопросам определения компонентов иероглифических знаков китайского языка не ослабевает, несмотря на уже множество выполненных в этом направлении исследований как отечественными (А. Н. Алексахин, Ю. В. Бунаков, А. Ф. Кондрашевский, А. Н. Гордей, О. М. Готлиб, А. М. Карапетьянц, М. В. Крюков, А. А. Пруцких, В. М. Солнцев, М. В. Софронов, А. Г. Сторожук, А. Я. Шер, А. Г. Шпринцин, И. М. Ошанин, В. Ф. Резаненко, В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, К. В. Карасева и др.), так и зарубежными синологами (Сюй Шэнь, Ван Ляои, Гао Мин, Лян Дунхань, Се Гуанхуэй, Чэнь Фэн, Чэнь Чжимин, Фэн Гочао, Гу Янькуй, Хуан Дэкуань, Цзян Шаньго, Сюй Шэнь, Ли Сюэцин, Линь Юнь, Лю Чжичэн, Ван Боси, Су Пэйчэн, Цю Сигуй, Дин Ичэн, Тан Хань, J. DeFrancis, R. Harbaugh, R. Sears, L. Wieger, Karlgren и др.) [Карасева, 2019; Лян Дунхань, 1989; Шаравьёва, 2017; Wieger, 1965 и др.].

Самые ранние исследования структуры китайских иероглифов династии Си-Хань и Дон-Хань показали, что иероглифические знаки могут быть дифференцированы по структурному принципу и, соответственно, классифицированы согласно общим компонентам – детерминативам 部首 [许慎, 2006; Резаненко, 1985; Пруцких, 2003]. Направленность в большей степени на выявление структуры и видов иероглифов (шесть категорий иероглифов Сюй Шэня; четырехкомпонентная модель Ся Чжунхуа и Чжан Юйцзыня; учение о

трех категориях Тан Ланя; классификация Цю Сигуя; Яна Розвадовского; двухчастная модель Ван Ли; три типа иероглифических знаков О. М. Готлиба; базовые категории знаков В. Ф. Резаненко и др.) не позволила в определенный момент перейти к разработке их семантических особенностей как оснований организации системы в целом [Гордей, 1998; Готлиб, 2007; 裘锡圭, 2013]. Наименее изученным остается установление свойств, детерминирующих конструирование семантической части иероглифики китайского языка. Данные свойства оказываются связанными с разными характеристиками объектов окружающей человека действительности, их пересечение, сходство или подобие являются определяющей линией при построении инвентаря знаков китайского языка. Одним из ключей к выявлению релевантности и салиентности семантических компонентов разного типа в конструировании сложного иероглифа становится анализ, прежде всего, детерминативов знаков китайской письменности.

Смысловые определители сложносоставных логограмм являются исходными производящими основами, образующими особым образом семантически составленные иероглифические гнезда. Так, например, сложные знаки с детерминативом 扌 'рука' могут быть объединены в единую подсистему, где релевантными характеристиками для его включения в иероглифический знак могут быть следующие свойства: 1) «инструмент удержания/хватания» (扌 (брать, хватать), 捏 (брать в щепоть, зажимать в руке), 捉 (брать в руки, хватать)); 2) «инструмент удара» (搥 (бить, избивать, колотить; ударять в барабан), 摔 (разбить), 撇 (бить, ударять)); 3) «инструмент вытаскивания / способ тянуть, тащить» (抻 (тянуть, тащить), 拖 (тянуть, тащить; техн. тяга), 拉 (тянуть, тащить (на себя); выдвигать), 拽 (тянуть на себя, волочить), 扞 (потянуть)); 4) «инструмент/способ подъема» (擡 (приподнимать, засучивать рукава), 担 (поднимать вертикально, воодружать, ставить), 攘 (закатывать, завертывать, засучивать; поднимать, подбирать)); 5) «инструмент черпания» (掬 (черпать, напр. воду), 捧 (черпать пригоршнями), 掬 (черпать, грести, загребать), 抗 (черпать; переливать из посуды в посуду)); 6) «инструмент трения, глажения» (按 (гладить, проводить рукой), 搔 (гладить, тереть), 揉 (гладить, тереть)); 7) «инструмент разделения» (扯 (рвать), 拆 (разрывать, надирать, ломать), 摔 (разделять тушу), 拗 (ломать рукой), 拉 (ломать), 拌 (расколотся)) и др.

Следовательно, возникает вопрос не только относительно того, какие области формируют каждый из детерминативов, но и каким образом они графически отображают представления определенного типа. Анализ детерминативов, составляющих графику знаков с процессуальной семантикой, показал, что в репрезентацию на письме различных действий

включены 17 детерминативов китайского языка. Это такие смысловые указатели, как 人/亻 ‘человек’, 心 ‘сердце’, 土 ‘земля’, 虫 ‘насекомое’, 扌 ‘рука’, 目 ‘глаз’, 口 ‘рот’ и др.

Широкую группу знаков с процессуальной семантикой образуют такие детерминативы, как 人/亻 ‘человек’ и 扌 ‘рука’. Антропоцентризм иероглифических номинаций закономерно проявляется в обозначениях действий, осуществляемых человеком с помощью рук (攴 ‘держат в руках; бить ладонью’, 付 ‘передавать; вручать’), относительно точки в пространстве (仆 ‘падать вниз’, 伋 ‘поднять голову’, 佞 ‘опрокидывать’), требующие приложения силы (仉 ‘стараться’, 任 ‘справляться’, 伉 ‘противостоять; сопротивляться’, 伤 ‘ранить’), связанные с появлением/исчезновением (仆 ‘погибнуть, умереть’, 化 ‘рождаться, появляться’) и др. При этом не менее частотно вхождение детерминатива 人/亻 ‘человек’ в знаки, описывающие действия, производимые умом человека (化 ‘усваивать’, 仕 ‘учиться’, 佔 ‘гадать’, 侶 ‘становиться очевидным’ и др.), выражающие чувства (仇 ‘ненавидеть’, 倪 ‘нравиться’, 伐 ‘хвастаться’, 伤 ‘печалиться’, 仰 ‘гневить’, 怂 ‘бояться, испугаться’, 伫 ‘надеяться’, 何 ‘бранить’, 征 ‘испугаться’, 体 ‘почувствовать’, 佚 ‘наслаждаться’, 作 ‘ощущать, чувствовать’ и др.), эмоциональное отношение к происходящим явлениям (仁 ‘гуманно относиться’, 仗 ‘помогать’, 信 ‘верить; доверять’, 伧 ‘относиться с уважением’ и др.).

В то же время значительная часть сложных иероглифов китайского языка, описывающих чувства и эмоции, образована также с помощью иных смысловых указателей, например, детерминатива 心 ‘сердце’: *волноваться, нервничать, тревожиться* (急, 悠, 惑), *стыдиться, конфузиться, стесняться, изменяться (в лице), смущаться* (忸, 忤, 惡). Не менее частотно включение детерминатива 心 ‘сердце’ в иероглифические занки, номинирующие поступки (*уступить, подчиниться* (慤), *клеветать, оговаривать* (慝), *ставить в тяжелое (затруднительное) положение* (慥), *умолять* (愿, 恳, 懇), *соглашаться* (慭, 慫, 慴), *баловаться* (恣), *обижаться, жаловаться* (怨), *поощрять* (忻)), мыслительные процессы (*быть вдумчивым, вникать в существо дела, размышлять, соображать, думать, мыслить, обдумывать* (忤, 恩, 忖, 想, 思), *ошибаться, допускать ошибки* (愆), *сомневаться, предаваться сомнениям* (惑)), действия, связанные с памятью (*помнить, хранить в памяти* (忆, 念, 思, 志), *забывать* (忘)), быстродействием (*спешить, торопиться* (忙, 急, 𢦏, 𢦁)) и отдыхом (*отдыхать* (惓, 息, 憇, 憩), *утомиться, устать* (怠)) и др.

При описании действий, производимых животными или насекомыми, закономерным является использование в графике китайской письменности

детерминативов-зоонимов, описывающих живых существ, для которых данное действие оказывается наиболее характерным или прототипичным. Например, детерминатив-зооним 虫 ‘насекомое’ в составе многокомпонентных иероглифов может указывать значение иероглифа, связанное с описанием физических состояний и свойств живых существ, организмов, их жизнедеятельность, например: 1) описывают движение, при котором тело живого организма изгибается (蠕 quán ‘извиваться (как червяк)’, 蠕 rán ‘витья, извиваться, обвиваться, свернувшийся клубком’, 蠕 xiān ‘извиваться; извивающийся (о червяке)’, 蚩 yǒu ‘извиваться (о драконе, змее)’); 2) связаны со значением замедления жизненных процессов, а также с процессом смены и восстановления покровов животных (蛰 zhé ‘зарываться в землю, прятаться, скрываться (напр. о насекомом), (зимняя) спячка’, 蛰 yǐn ‘выходящий из состояния спячки (о червяке)’, 蛻 tuì ‘линять, сбрасывать кожу (зародышевую оболочку)’, 蛰 yú ‘выделять воск (из брюшка насекомого)’); 3) отображают процесс перемещения (蠕 gú ‘медленно двигаться, ползти’, 蠕 qí ‘ползать’); 4) описывают процесс укуса, ужаливания (蜚 zhē ‘ужалить, укусить’, 蜚 shì ‘жалить, кусать (о насекомых)’, 蠱 dù ‘быть изъеденным (поврежденным) насекомыми-вредителями’, 蠱 lì ‘точить, глодать, вгрызаться’); 5) имеют значение боязни (蜚 qióng ‘бояться, дрожать от страха’); 6) обозначают действия, связанные с насекомыми (蚕 cán ‘заниматься шелководством, разводить шелковичных червей’, 蜡 là ‘вощить, наващивать, покрывать воском’) и др.

Включение детерминатива в состав иероглифов с процессуальной семантикой часто бывает мотивировано указанием на инструмент, с помощью которого данное действие производится. Это становится очевидным на примере детерминативов-соматизмов: 1) 目 ‘глаз’ – 瞠 ‘всматриваться’, 眈 ‘смотреть вдаль’, 瞪 ‘пристально смотреть’, 眯 ‘щуриться’ и др.; 2) 扌 ‘рука’ – для характеристики процессов, связанных с действиями удержания, хватания, переноса, копания и др. (捉 ‘брать в руки, хватать’, 搥 ‘брать, тянуть’, 捧 ‘брать обеими руками’, 执 ‘держат в руках’, 扒 ‘брать, цепляться’, 托 ‘подносить, подавать’, 把 ‘крепко держать, сжимать в руке’); 3) 口 ‘рот’ – при описании информационных процессов говорения (召 ‘звать, приглашать’, 呻 ‘бормотать, стонать’, 吵 ‘шуметь, скандалить’, 告 ‘говорить, объявлять’, 呶 ‘орать, вопить, галдеть’, 嗥 ‘кричать, орать, звать’, 噪 ‘шуметь, галдеть, кричать’, 吡 ‘порицать, осуждать’) или выражения эмоциональной оценки (呶 ‘вздыхать, охать’, 呶 ‘вздыхать над, восторгаться’, 晒 ‘улыбаться, смеяться, насмехаться над кем-либо’) и др.

Салиентными могут также являться дифференциальные принаки, что приводит к включению в графику сложной логограммы детерминативов, описывающих размер, например, 小 ‘маленький’, 么 ‘крошечный’ и 大 ‘большой’. Иероглифы, в состав которых входят данные детерминативы, могут номинировать передвижение в пространстве (夨 (𠂔) ‘быстро проистекать’, 奔 ‘быстро бежать’, 奋 (奮) ‘расправлять крылья перед полетом, взлетать’), 奮 ‘хлопать крыльями, взлетать’), описывать чувства (𠂔 ‘сердиться, гневаться’) и физические воздействия (攸 ‘удерживать тяжелое’, 夺 ‘отнимать силой, захватывать’, 夹 ‘зажимать, сдавливать, стискивать’), состояния (奄 ‘покрывать, охватывать’, 𠂔 ‘свисать’), интеллектуальную (𠂔 ‘сравнивать’, 𠂔 ‘распределять, рассредоточивать’) и речевую деятельность (𠂔 ‘шуметь’), утрату чего-либо (失 ‘терять’, 夭 ‘умереть в молодом возрасте’), взаимодействие (奠 ‘предподносить еду или напитки в знак поклонения духам (предкам)’) и др.

Сложность определения представлений, связанных с номинацией чувств, эмоций, явлений абстрактного характера, приводит к вариативности детерминативов иероглифических знаков с процессуальной семантикой, например, «𠂔 ‘пугаться, быть испуганным’, детерминатив 人 / 亻 ‘человек’ ↔ 𠂔 ‘пугаться, быть испуганным’, детерминатив 心 ‘сердце’», или «何 ‘бранить, выговаривать’, детерминатив 人 / 亻 ‘человек’ ↔ 呵 ‘ругать, бранить’, детерминатив 口 ‘рот’ ↔ 诃 ‘ругать, бранить’, детерминатив 讠 ‘речь’», а также 侑 ‘уговаривать’, детерминатив 人 / 亻 ‘человек’ ↔ 宥 ‘уговаривать’, детерминатив 宀 ‘крыша’, 侏 ‘успокаивать, усмирять’ ↔ 救 ‘успокаивать, усмирять’, 𠂔 ‘уходить, отходить’ ↔ 𠂔 ‘уходить, отходить’ и др.

Таким образом, отображение китайской письменностью единиц с процессуальной семантикой подчиняется общим для иероглифической графики закономерностям выделения наиболее релевантного признака, прототипического свойства или характеристики описываемого представления. Для репрезентации действий различного характера в китайском письме могут быть использованы как детерминативы, отражающие категориальную характеристику, так и объект, на который направлено действие, субъект – производитель действия, а также дифференциальные признаки, включающие инструмент, с помощью которого производится действие, размер объекта, степень прикладываемой силы и др. Сложность определения абстрактных понятий, действий, связанных с чувствами и эмоциями человека, приводит к вариативности детерминативов иероглифических знаков с процессуальной семантикой, обусловленной различиями контекстуального употребления и функционирования.

Литература

- Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск : [б. и.], 1998. 156 с.
- Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 284 с.
- Карасева К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. Минск, 2019. 126 с.
- Лян Дунхань. Структура китайской письменности // Новое в зарубежной лингвистике. 1989. Вып. 22: Языкознание в Китае. С. 334–362.
- Пруцких А. А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом “женщина” : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. М., 2003. 141 с.
- Резаненко В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности. Киев : КГУ, 1985. 132 с.
- Wieger L. Chinese characters. Their origin, etymology, history, classification and signification. NY. : Paragon Book Reprint Corp., 1965. 820 p.
- Шаравьёва И. В. Лингвосомиотика знаков идеографического письма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; АТР ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». Улан-Удэ, 2017. 24 с.
- 袁锡圭. 文字学概要. 上海 : 商务印书馆, 2013. 342 页.
- 许慎. 说文解字. 岳麓 : 岳麓书社, 2006. 540 页.

УДК 372.881.1

М. С. Неклюдова, И. В. Шаравьёва (Иркутск)

Иркутский государственный университет

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ЧЭНЫЙ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО СЕРИАЛА 靠近你, 温暖我)

Аннотация. Анализируются идиоматические единицы в китайском языке на примере современного китайского сериала 靠近你, 温暖我 («Мне с тобой тепло»). Предложен комплексный анализ фразеологических единиц, основанный на семантико-концептуальном критерии. В качестве примеров рассматривается фразеологизм 公事公办 gōngshìgōngbàn, эксплицирующий концепт «работа» и 空头支票 kōngtóu zhǐpiào, представляющий концепт «обещание».

Ключевые слова: китайский язык, фразеологические единицы, анализ идиоматических выражений, семантико-концептуальный критерий.

M. Nekludova, I. Sharavieva (Irkutsk)
Irkutsk State University

THE COMPLEX APPROACH TO THE ANALYSIS OF IDIOMATIC EXPRESSIONS CHENGYU (BASED ON THE CHINESE SERIES «靠近你, 温暖我»)

Abstract. The article is dedicated to the questions of the analysis of idiomatic units in the Chinese language which is shown on the example of the contemporary series «靠近你, 温暖我» («It is warm with you»). The complex analysis of phraseological units is offered in this article. This approach consists of syntactic, figurative, historical, valuable and pragmatical levels, this analysis lets to consider phraseological units from different aspects. As examples, we consider the phraseological unit 公事公办 gōngshìgōngbàn, which expresses the concept of “work” and 空头支票 kōngtóu zhǐpiào, which represents the concept of “promise”.

Keywords: Chinese language, phraseological units, analysis of the idiomatic units, the semantic-conceptual criterion.

Изучение идиоматических выражений являлось предметом описания многих лингвистов. Фразеологические единицы представляют собой знаки культуры, отражающие этнолингвистические особенности и содержащие в себе различные культурные коннотации по связи с концептами культуры. Большой вклад в изучение фразеологизмов был внесен Ю. С. Степановым, В. Н. Телия и другими учеными.

Так, например, Ю. С. Степанов выделяет три уровня для работы с концептом во фразеологизмах. К ним относятся буквальный смысл или внутренняя форма; дополнительный (исторический) признак, а также новейший наиболее актуальный признак [Степанов, 2007].

В. Н. Телия предлагает четыре уровня исследования фразеологических выражений [Телия, 1996]:

- 1) поверхностный синтаксический уровень;
- 2) семантический и образный уровень (рассматривается сценарий ситуации);
- 3) интерпретативный уровень;
- 4) прагматический уровень.

Основываясь на базовых подходах к изучению фразеологизмов, нами был разработан комплексный анализ фразеологических единиц по семантико-концептуальному критерию. Данный подход содержит в себе синтаксический, образный, исторический, ценностный и прагматический уровни.

Далее проведем комплексный анализ фразеологических единиц, эксплицирующих различные концепты в современном китайском сериале 靠近你温暖我 («Мне с тобой тепло») с целью способствовать дальнейшей разработке проблем обучения китайскому языку на материале аудиовизуального контента [Кремнёв, Ван, 2014].

Рассмотрим идиоматическое выражение 公事公办 gōngshìgōngbàn на синтаксическом уровне. Данный фразеологизм состоит из морфем 公 – служебный, официальный, 事 – дело, 公 – служебный, официальный, 办 – делать, исполнять. Вышеуказанный фразеологизм используется в следующих значениях: «дружба дружбой, а служба службой; ничего личного; официальное дело будет и решаться по-официальному; руководствоваться строгими правилами в общественной деятельности» [БКРС, 2021].

Образный уровень можно проследить на основе семантического значения идиомы. Китайский словарь дает следующее значение фразеологизма: “公事按公家制度办理. 比喻不讲私人情面” [词典网, 2021] – «Служебные дела решаются в соответствии со служебной системой. Иносказательно говорится о том, что в расчет не принимаются личные отношения

частных лиц». Вышеупомянутый фразеологизм 公事公办 встречается в романе «Полночь» китайского писателя Маодуня.

Исторический уровень данного фразеологизма дает отсылку к роману китайского писателя Маодуня «Полночь»: «茅盾《子夜》三: “谁希罕你记功劳呢! 公事公办就好了。” [词典网, 2021] – «Кому важны твои заслуги?! Просто займись служебными делами».

Также данное выражение можно встретить в историческом романе китайского писателя Фэн Минчжи «Ли Шиши».

冯明之《李师师》12回: «高太尉连声陪笑, 一面假装小心地说道: 这不过是公事公办, 希望姑娘格外原谅!» [词典网, 2021].

В двенадцатой главе романа «Ли Шиши» Фэн Минчжи говорится: «Начальник военного приказа Гао не переставал смеяться, но между тем, притворно остерегаясь, сказал: «Ничего личного, надеюсь, девушка простит меня».

Исследуя ценностный уровень можно отметить, что при помощи фразеологизма 公事公办 героиня сериала акцентирует внимание на том, что ее школьный приятель общается с ней исключительно по деловым вопросам и не проявляет никакой инициативы в личном общении. Здесь можно выделить основное значение фразеологизма «исключительно рабочие отношения, ничего личного».

Прагматика фразеологизма в контексте выражается в том, что, используя данное идиоматическое выражение, героиня фильма хочет сообщить своему собеседнику, что между ней и ее школьным товарищем, который сейчас является деловым партнером компании, существуют только рабочие отношения, без каких-либо намеков на романтику.

Фрагмент сериала с фразеологической единицей 公事公办, эксплицирующий концепт «работа»:

- 怎么了? 你们进展不顺利?
- 什么事? 你们的事不顺利?
- 根本就没进展, 半个月了连一个电话都没通过。
- 绝对没有任何进展, 连一个电话都没有。
- 那你主动约他呀。
- 在这样情况下你表现出主动性, 以便邀请他。
- 上次就是我主动约他的, 昨天还给他发了一个短信, 说是广告做好了, 请她来看样片。他居然要何经理来安排时间, 完全是公事公办的样子。我都觉出疏远来了。你怎么看着我干嘛呀?

– В последний раз, когда я взял на себя инициативу пригласить, я вчера отправил ему текстовое сообщение о том, что реклама выполнена, и попросил ее посмотреть демоверсию. Он неожиданно попросил какого-то менеджера договориться о времени, совершенно ничего личного. Я чувствую себя чужим. Что ты смотришь на меня?

Проведем комплексный анализ фразеологизма 空头支票 kōngtóu zhīpiào. На синтаксическом уровне данный фразеологизм состоит из морфем 空 – пустой, 头 – голова, 支 – выплачивать, выдавать, 票 – билет. Идиоматическое выражение 空头支票 встречается в следующих значениях: «1) необеспеченный чек, чек без покрытия; 2) пустые обещания» [БКРС, 2021].

На следующем этапе определим семантическое значение фразеологизма. В китайском словаре приводится такое значение: “原指不能兑现生效的支票, 现多比喻不能实现的诺言. 多用于表现社会生活中虚假欺诈的行为。” [词典网, 2021] – «Первоначально выражение означало недействительный, необеспеченный чек. В настоящее время оно используется как метафора для невыполненных, пустых обещаний. Также имеет значение мошенническое поведение по отношению к людям.

На историческом уровне: вышеупомянутый фразеологизм 空头支票 можно встретить в книге «Размышления и заметки» китайского писателя Ба Цзиня.

巴金《随想录》三一：“倘使支票到期兑不了现，那就叫做空头支票，这种支票还是少开的好，开多了会吃官司，名誉扫地。” [词典网, 2021]. В тридцать первой главе книги «Размышления и заметки» Ба Цзиня говорится:

«Если чек не может быть погашен в срок, он называется необеспеченным чеком. Лучше не выписывать большое количество таких чеков. В противном случае можно попасть под суд и запятнать свою честь».

Также данная фразеологическая единица встречается в произведении «Разные личные конфузы» китайского писателя Цзоу Таофэня.

Ценностный уровень: 邹韬奋《经历·种种尴尬》：“我们和工头种种交涉，他总是很慷慨给我们以空头支票，于是我们不得不和那个公司的经理麻烦。” [词典网, 2021] – «Во время наших переговоров с подрядчиком он всегда так щедро выписывал нам чеки без покрытия, что мы вынуждены были связаться с руководителем их компании». При помощи фразеологизма 空头支票 герой сериала заявляет о том, что его друг дает своей любовнице пустые обещания о разводе. Здесь можно выделить основное значение фразеологизма – невыполненные обещания.

Прагматика фразеологизма в контексте, на наш взгляд, заключается в том, что, используя вышеупомянутое идиоматическое выражение, герой сериала акцентирует внимание на том, что его друг поступает очень некрасиво и жестоко по отношению к любящей его женщине, давая ей ложные надежды и пустые обещания, которые он не готов выполнить. Герой сериала резко критикует такое недостойное поведение своего друга, поскольку считает, что друг жестоко использует женщин ради своей выгоды.

Фрагмент сериала с фразеологизмом 空头支票, эксплицирующим концепт «обещание»:

- 你到底想怎么着吧？
 - Как ты все-таки думаешь поступить？
 - 什么怎么着？
 - В смысле？
 - 我刚见过丁爱羽。
 - Я только что встречался Дин Айюй.
 - 见了？你们都说什么了？
 - Встречался？ О чем вы говорили？
 - 你到底是想离还是不想离婚了？
 - Вы все-таки хотите разводиться или нет？
 - 我离不了。
 - Я не могу уйти.
 - 你离不了，你干吗给丁爱羽开空头支票？你想让她等你一辈子啊？
 - Ты не можешь уйти, почему ты даешь пустые обещания Дин Айюй？ Хочешь, чтобы она ждала тебя вечно？
 - 我是想跟她说实话，可是我一见到她，我是真的不忍心伤害她。
 - Я хотел сказать правду, но когда увидел ее, действительно не смог причинить ей боль.
 - 你哪是不忍心哪？你是太残忍。吃着碗里看着锅里的。都这样了，你还逗她玩儿。你不觉得这么做太恶劣吗？我真没想到你会是这么一个人。
 - Как это ты не выдержишь？ Ты слишком жесток, не довольствуешься тем, что имеешь. Уже дошло до такого, а ты все еще дразнишь ее. Тебе не кажется, что это слишком плохо？ Я не ожидал, что ты окажешься таким человеком.
 - 你听我说啊。
 - Послушай, что я скажу.
 - 我不敢听，不管是秦书雁，丁爱羽，现在再加上我，我真不敢听你说什么了。我不知道从你嘴里说出来的哪个字是真的。
 - Я не смею слушать, будь то Цинь Шуянь или Дин Айюй, и теперь я действительно не могу слушать, что ты хочешь сказать. Я не знаю, что же из того, что ты говоришь, является правдой.
- Таким образом, комплексный подход при анализе фразеологических единиц, представленных в различных фрагментах китайского сериала *靠近你温暖我* («Мне с тобой тепло»), дает возможность исследовать чэньюй на синтаксическом, образном, историческом, ценностном, а также прагматическом уровнях, что позволяет выявить этнокультурные характеристики китайских фразеологизмов.

Литература

Кремнёв Е. В., Ван Ланьцзюй. К вопросу о подходах к формированию ключевых компетенций бакалавра и магистра-востоковеда на материале художественного кино // Системно-деятельностный подход в разноуровневом вариативном образовании: опыт реализации и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Иркутск, 21–26 апр. 2014 г. Иркутск, 2014. С. 55–62.

Онлайн-словарь «БКРС». URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=独守空房> (дата обращения: 30.08.2022).

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славян. культур, 2007. 248 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурные аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

词典网. URL: <https://www.cidianwang.com/lishi/diangu/5/65155vt.htm> (дата обращения: 30.08.2022).

УДК 81.1

Е. Ф. Серебренникова, А. А. Орсова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

АТТРАКТОРЫ ЦЕННОСТНОГО ТИПА КАК СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОБЫТИЯ В КОРЕЙСКОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются способы достижения событийности дискурса коммуникативного события в южнокорейском медийном пространстве на основе аттракторов, фокусирующих ценности. Проводится анализ и моделирование когнитивных механизмов аттракции, формирующихся на основе фокализации ценностных установок в корейском медийном пространстве и выявление средств и способов ее конструирования.

Ключевые слова: эффективность дискурса, событийность дискурса, аттрактивность, фокализация ценностных установок.

E. F. Serebrennikova, A. A. Orsoeva (Irkutsk)

Irkutsk State University

ATTRACTORS OF VALUE TYPE AS WAYS OF CONSTRUCTING AN EVENT IN THE KOREAN MEDIA SPACE

Abstract. The purpose of the article is to consider ways to achieve the eventfulness of the discourse of a communicative event in the South Korean media space based on attractors that focalize values. The analysis and modeling of the cognitive mechanisms of attraction, which are formed based on the focalization of value attitudes in the Korean media space, and the identification of means and methods for its construction are carried out.

Keywords: efficiency of discourse, eventful nature of discourse, attractiveness, focalization of value attitudes.

В современном информационном мире одним из наиболее актуальных вопросов является определение наиболее эффективных инструментов создания, передачи и хранения информации в медийном пространстве. Интерес к данному вопросу усиливается постоянно возрастающей конкуренцией в медийном пространстве, вынуждающей искать способы максимального воздействия на массового адресата. Эффективность дискурса в дан-

ных условиях напрямую зависит от качества событийности, способствующего привлечению внимания, принятию адресатом позиции адресанта, иному видению предмета или ситуации.

Событийность, заложенная в самой природе дискурса [Арутюнова, 1990, с. 136–137], предполагает сдвиг, смену, изменение в настоящем положении дел [Демьянков, 1983; Шмид, 2003, с. 10–11] в ситуации; в лингвокогнитивном плане – изменение в ходе мышления, достигаемое путем «пересечения границы» в ментальном пространстве [Лотман, 1998, с. 282], прерывающем когнитивную когерентность в процессах интерпретации. Для обозначения данного явления используем термин «эффект “Н”» – эффект неожиданного, непривычного, ненормального, действие которого нарушает привычный, нормальный, обыденный ход процесса интерпретации, приводя адресата к столкновению и противопоставлению личностных установок на основе отклонения от нормы, лежащей в основе картины мира адресата, нарушение которой, в свою очередь, подвергает его сознание большему воздействию.

Конструирование события происходит на базе лингвокогнитивных структур – аттракторов, обеспечивающих аттракцию – привлечение к себе в точке бифуркации, точке выбора позиции по отношению к предмету в процессе интерпретации за счет прерывания когнитивной когерентности и направления адресата в ожидаемом для адресанта направлении. Аттракторы оказывают синергийный эффект воздействия, привлекая внимание, вынуждая адресата переосмыслить, изменить свою точку зрения и принять точку зрения адресанта, стать вовлеченным в ситуацию.

Возможно выделить несколько типов аттракторов, наиболее частотных при конструировании событийности в медийном пространстве. В основе аттрактивного механизма может лежать перформативность, вовлекающая адресата в совместное переживание ситуации, помещающая его в позицию со-актера. Событийным потенциалом обладают аттракторы, основанные на реализации людической функции, формирующей аттрактивность за счет пересечения нормального, стандартного процесса восприятия с помощью создания нового, креативного подхода к обсуждаемому вопросу. Вовлечение адресата в данном случае происходит за счет создания креативной загадки, требующей решения эвристической задачи. Столь же эффективным можно назвать аттрактор, конструирующий контраст в процессах восприятия, концептуализации и оценивания. Аттракторы этого плана ставят адресата на границу между привычным и непривычным, старым и новым, стандартным и нестандартным, вынуждая его разрешить ситуацию противоречия.

В основе аттрактора может лежать фокализация ценностей, обладающая значительным потенциалом воздействия. Ориентирование заданного вектора внимания и принятия заданной позиции происходит за счет

направленности на ценностные установки адресата, переводя его видение предмета или ситуации в концепт нужного, желаемого в его оппозиции к реальному, что и задает конструируемый эффект воздействия.

Особый интерес вызывает конструирование события с помощью аттракторов в разных медийных пространствах, функционирующих в различных лингвокультурных пространствах. Так, европейская и азиатские лингвокультуры имеют разные характеристики и особенности, что объясняет разный выбор типа аттрактора при конструировании медийного события. Количественный анализ аттракторов в текстах, предвещающих, сопровождающих и продвигающих коммуникативное событие в русскоязычном, англоязычном и южнокорейском медийном пространстве, показал, что аттракторы приведенных выше типов в равной степени формируются в русскоязычном и англоязычном медиапространстве, однако фокализация ценностных смыслов является преобладающей в южнокорейском медиапространстве [Орсоева, 2022, с. 102].

Задачей данного исследования является анализ и моделирование когнитивных механизмов аттракции, формирующихся на основе фокализации ценностных установок в корейском медийном пространстве и выявление средств и способов ее конструирования. Материалом для исследования являются тексты продвигающего типа [Ухова, 2018, с. 72] разных жанров, предвещающих и сопровождающих событие, в том числе слоганы, программы развития, плакаты, заголовки статей и т. д. Источниками примеров послужили южнокорейские интернет-ресурсы, связанные с различными сферами жизни человека – политической, бытовой, социальной и т. д.

Конструирование и продвижение события, происходящее с помощью аттрактивных механизмов, тесно связано с концептосферой народа. Без учета картины мира механизм аттрактивизации не способен действовать, так как подразумевает отсылку к нормам – базовым установкам каждого индивидуума в частности и общества в целом, на нарушении, столкновении с которыми базируется эффект «Н». Для создания контраста, противопоставления нормального и ненормального, обыденного и необычного, формирующего эффективность, т. е. событийность дискурса, необходимо ориентироваться, точно знать, где та граница в ментальной сфере адресата, которую можно и необходимо пересечь для прерывания когнитивной когерентности, а следовательно, оказания воздействия.

Особый потенциал воздействия аттракторов, основывающихся на ценностных установках события, и, соответственно, их частотность в текстах продвигающего типа в корейском медийном пространстве объясняется особым отношением корейского народа к традициям, сформировавшимся под влиянием конфуцианства [손, 2019]. Несмотря на стремительное экономическое развитие Республики Корея, позволившее стране инте-

грироваться в мировое сообщество в разных сферах, а также огромное влияние мировой, в особенности американской, культуры, южнокорейское медиапространство отличается склонностью к сдержанности, преобладанием вежливого выражения смысла [정, 2020]. Для корейцев крайне важны общественные ценности, «мы» преобладает над «я», важно стремление к идеалу во всех аспектах жизни, однако не только личное, но и в первую очередь общественное. Ценности и традиции служат объединяющей силой, основой жизни южнокорейского народа. Вследствие этого в южнокорейском медийном пространстве аттракторы, фокусирующие ценности, обладают особым воздействующим потенциалом при формировании и продвижении коммуникативного события.

Рассмотрим некоторые способы реализации аттракторов данного типа в текстах, относящихся к различным сферам жизни Южной Кореи.

Особое значение в сфере экономики имеет продвижение не одного конкретного товара, а бренда, обеспечивающего рост востребованности на рынке компании-производителя, создающего позитивный образ в глазах покупателя по отношению ко всему объему товаров. Южная Корея широко известна как страна с высоким уровнем экономики, обеспечиваемым не в последнюю очередь крупнейшими компаниями, основной целью которых является продвижение себя в медийном пространстве в условиях жесткой конкуренции. Южнокорейские компании мирового уровня делают акцент на ценностях, касающихся общества и человека. Так, каждый бренд провозглашает ценность человека и общества как основополагающие аспекты своих целей и принципов.

Программа бренда компании «Хёндэ», крупнейшей в Южной Корее и четвертый по объемам производства в мире, звучит следующим образом: кор. 네가 만드는 세상. 당신만의 특별한 공간. 미래에 대한 우리의 비전. 미래 모빌리티에 대한 우리의 생각은 이 사회에 대한 강한 헌신에 기반합니다. 우리는 인류를 위해 옳은 일을 하고자 존재합니다. 우리의 목표는 모두에게 똑같이 주어진 하루 24 시간을 가치 있는 시간으로 새롭게 바꾸고, 모든 순간을 보다 의미 있게 만드는 것입니다. 단지 이동을 위한 것이 아닌, 모두의 삶을 가장 가치 있는 순간으로 이어주는 것으로 만드는 것입니다 (Мир, который ты создаешь. Особое пространство только для Вас. Наше видение будущего. Наше представление о мобильности в будущем основано на твердой приверженности этому обществу. Мы существуем, чтобы делать то, что будет полезным для человечества. Наша цель – превратить 24 часа в сутки в ценное время для каждого человека и

сделать каждое мгновение более значимым. Речь идет не просто о передвижении, речь идет о том, чтобы сделать жизнь каждого человека наполненной самыми ценными моментами) [현대]. В данном тексте наблюдается связь с нарастающим масштабом «ты – мы – общество – человечество», обращение как к личности, так и к члену общества. Текст аттрактивен благодаря отсылке к ценностям разного порядка, главным образом ценностям единства, благополучия, комфорта. Позитивный образ бренда создается с помощью аттракторов, привлекающих за счет создания концепта нужности, полезности, позитивности не только для одного человека, но и для многих людей.

Крупнейший южнокорейский конгломерат «Лотте» при продвижении бренда использует следующий текст, основанный на аттракторах, базирующихся на ценностных установках адресата: **кор. 사회가 더욱 풍요로운 세상이 될 수 있도록 사회적 인프라를 구축하고 소외계층의 권리와 인식 개선을 위해 보다 다양한 형태의 나눔활동을 전개하고 있습니다. 롯데는 우리나라의 발전에 기여하고 국민을 위해 헌신하는 분들을 기억하기 위해 다양한 보은사업을 진행하고 있습니다. CSR 통합브랜드인 ‘mom 편한’을 만들어 저출산 문제 해결에 기여하고 여성과 엄마의 마음이 편한 세상을 만들기 위해 앞장서고 있습니다. 아이들의 꿈을 키워주는 사업** (Чтобы создать более процветающее общество, мы строим социальную инфраструктуру и проводим различные общественные мероприятия для защиты прав и обеспечения обездоленных. Lotte воплощает в жизнь различные благотворительные проекты, чтобы вспомнить тех, кто внес свой вклад в развитие нашей страны и посвятил свою жизнь людям. Мы вносим свой вклад в решение проблемы низкой рождаемости, создавая бренд корпоративной социальной ответственности «Мама Пхёнхан» и играем ведущую роль в создании мира, в котором женщины и матери чувствуют себя комфортно. ...Бизнес, который лелеет детские мечты) [롯데]. При продвижении брендов такого типа частотны обещания, перечисления достижений, однако компания «Лотте», поражающая масштабами производства и влияния во всем мире, предпочла обратиться к ценностям, обладающим наибольшим аттрактивным потенциалом в южнокорейском обществе: ценностям семьи, общества, доброты, детства. Бренд достигает своей цели, создавая с помощью аттракторов у адресата ощущение вовлеченности в важное совместное действие, единение с другими людьми, помощь своей стране.

Рассмотрим текст продвижения бренда компании «Самсунг», включающий следующие строки: кор. 재와 기술을 바탕으로 최고의 제품과 서비스를 창출하여 인류사회에 공헌하는 것, 삼성전자가 추구하는 궁극적인 목표입니다. 삼성전자는 사람과 사회를 생각하는 글로벌 일류기업을 추구합니다. ... '기업은 사람이다'라는 신념을 바탕으로 인재를 소중히 여기고 마음껏 능력을 발휘할 수 있는 기회의 장을 만들어 갑니다. 우리는 사회의 일원으로서 더불어 살아간다는 마음을 가지고 지역사회, 국가, 인류의 공동 번영을 위해 노력합니다 (Вклад в развитие человеческого общества путем создания лучших продуктов и услуг на основе материалов и технологий – основная цель Samsung Electronics. Samsung Electronics стремится стать первоклассной международной компанией, которая заботится о людях и обществе. ...Основываясь на убеждении, что «компания – это человек», мы ценим талантливых людей и создаем для них возможности в полной мере проявить свои способности. Мы нецелены на общее процветание местных сообществ, стран и человечества, стремимся жить как часть общества) [삼성]. В данном случае аттрактивизация происходит за счет отсылки к ценности таланта, успеха, но в первую очередь адресат вовлекается за счет объединения с брендом в качестве частей одного целого общества. Компания создает положительный образ, указывая на важность развития талантливых людей в частности и развития человечества в целом, давая адресату возможность участия в глобальном, имеющем особое значение для каждого действии.

Аттракторы ценностного плана являются основой политических лозунгов, призванных привлечь как можно больше внимание и убедить как можно больше людей в своей точке зрения, вовлечь их в совместное действие, направленное на поддержку своего курса власти. Ярko демонстрируют данное явление лозунги и предвыборные программы кандидатов в президенты Республики Корея, принявших участие в выборах в начале 2022 г.

Кандидат Сим Санчжон, предвыборный лозунг которой звучал как 내 삶을 바꾸는 대통령. 일하는 시민의 대통령 (Президент, который меняет мою жизнь. Президент народа, который трудится), сделала ставку на ценность изменений, новизны, всегда привлекающих внимание благодаря надежде людей на улучшение и процветание. Обещание становится ответом на запросы и нужды людей. Кроме того, важным кажется и построение фразы от первого лица, создающее представление о том, что интерпретатор и является адресантом сообщения, что активно вовлекает его в событие, демонстрирует важность его для каждого человека, чью жизнь обещает изменить Сим Санчжон. Особое внимание, уделенное ценности

труда, объясняется исторически сложившимся отношением корейского народа к работе. После оккупации Японией, корейской войны и других исторических потрясений Корея в середине XX в. являлась отсталой страной, имеющей, по оценкам экономистов, немного перспектив развития. Однако благодаря неустанному труду людей Южная Корея достигла высочайшего уровня экономического развития и уровня жизни населения, вследствие чего корейский народ проявляет особое уважение к труду и осознает его ценность [Пак, 2015]. Кандидат Ан Чхольсу также избрал путь обновления и изменений, однако помимо этого обратил внимание и на иные ценности – честность и справедливость: **바르고 깨끗한 과학경제강국. 시대교체** (Честная и чистая страна с высоким уровнем экономики и науки. Смена эпохи). Кроме того, политик создает образ сильной, процветающей страны, основу которой составляют наука и экономика. Ориентируясь на такие ценности, как любовь к Родине, богатство, успех и развитие, Ан Чхольсу обращается к гражданам страны, призывая их стать частью движения, вовлекая в общие действия, направленные на рост страны.

Один из лидеров предвыборной гонки И Джемён продвигал свою кандидатуру на пост президента страны с помощью лозунга **새로운 대한민국. 대한민국 재성장. 이대명 합니다** (Новая Республика Корея. Новый рост Республики Корея. Все это делает И Джемён). Ценность новизны подчеркивается так же, как и в лозунге кандидата Сим Сангчжон. Однако Сим Санчжон сделала акцент на изменении жизни личности, в то время как И Джемён говорит о Республике Корея, о стране, т. е. о едином для всего народа. Учитывая стремление корейцев к единству, можем предположить, что больший успех кампании И Джемёна объясняется направленностью в большей степени на общество, нежели на личность, так как «мы» стоит выше, чем «я», в сознании корейцев, менталитете всего народа.

Особое внимание стоит уделить победителю выборов и нынешнему Президенту Республики Корея Юн Согёлю. В основе предвыборной кампании политика лежат лозунги, полностью основанные на аттрактивных механизмах ценностного плана: **국민이 키운 윤석열. 내일을 바꾸는 대통령. 걱정 없는 나라를 만들겠습니다** (Юн Согёль, которого взрастила страна. Президент, который меняет завтрашний день. Я создам страну, у которой не будет волнений). Юн Согёль использовал отсылки к ценностям любви, семьи, единства, патриотизма, новизны, стабильности. Значительным потенциалом воздействия является фраза **국민이 키운 윤석열** (Юн Согёль, которого взрастила страна. Данное выражение указывает и на любовь политика к стране, соотносимой с любовью к родителям, и на

единство – страна является семьей, в которой вырос кандидат. При восприятии и интерпретации сообщения в координатах концепта семьи и единства создается эффект семейной связи, наиболее крепкой и надежной в культуре корейского народа. В истории человечества нет примеров развития стран в атмосфере спокойствия и мира, каждая из них испытала войны, кризисы и волнения. Все это является наибольшей проблемой для каждого общества. Однако Юн Согёль обещает то, чего хотел бы каждый человек и каждый народ – жизнь без волнения, отвечая на главные желания каждого, переориентируя его взгляды на поддержку именно его кандидатуры на пост президента страны.

Таким образом, в результате анализа можем сделать вывод о том, что в корейском медийном пространстве наиболее частотным способом достижения аттрактивности дискурса коммуникативного события является отсылка к ценностным установкам адресата. Фокализация сообщения на ценностных смыслах, являющихся основой лингвокультуры корейцев, придаст ему качество аттрактивности, формирует событие, привлекая внимание, переориентируя осмысление ситуации в статус значимой, инициирует субъектно-личностное вовлечение в нее.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168> (дата обращения: 10.06.2022).

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42, № 4. С. 320–329.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство СПБ, 1998. С. 14–285.

Орсоева А. А. Способы достижения аттрактивности дискурса коммуникативного события : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Улан-Удэ, 2022. 155 с.

Пак Е. Г. Социально-философский анализ истории формирования менталитета корейского народа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–2 (61). С. 151–155.

Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

손현주. 한국인의 가치관과 미래 선호가치. 한국지역사회학회. 서강대학교, 2019. 제 27 권 제 2 호. P. 179–205.

정상호 불평등 시대의 한국 시민사회 연구: 조직과 가치, 그리고 공론장을 중심으로. 시민사회와 NGO. 한양대학교, 2020. 제 18 권 제 1 호. P. 3–47.

Список источников примеров

현대. URL: <https://www.hyundai.com/kr/ko/e> (дата обращения: 14.09.2022).

롯데. URL: <https://www.lotte.co.kr/main.do#> (дата обращения: 15.09.2022).

삼성 . URL: <https://www.samsung.com/sec/aboutsamsung/vision/philosophy/samsung-spirit/> (дата обращения: 11.08.2022).

汉字中的文化精神 ——以辩证法精神和婚姻文化为例

摘要: 汉字中蕴含着丰富的文化内容。站在哲学角度思考汉字,我们发现部分汉字文化精神暗合辩证法三大规律,如“戎、趋、妖、醉、武、嫁”等汉字。通过分析这些汉字,再现了中华民族造字思想的伟大之处,是中华民族的一份宝藏。汉字也较好地保存了婚姻文化,我们可以从一些基础汉字得到印证。“婚、姻、嫁、娶、媒、妁、聘、归”等汉字就是典型的例子,通过分析这些汉字,再现了远古时代栩栩如生的抢婚场面,是中华文化的一份宝藏。

关键词: 汉字; 辩证; 矛盾统一; 度; 婚姻; 嫁娶。

Zhang Guanlong (Qingdao)

Qingdao Binhai University,

The International institute of cooperation

THE CULTURAL POTENTIAL OF CHINESE HIEROGLYPHS ON THE EXAMPLE OF THE DIALECTICAL METHOD AND THE CULTURE OF MARITAL RELATIONS

Abstract. Chinese hieroglyphs contain deep cultural meaning. When pondering about hieroglyphs in terms of philosophy, we have identified a part of them that coincidentally corresponds to the three main dialectical methods. Some of such hieroglyphs are, for example, «戎、趋、妖、醉、武、嫁». When analyzing them closely, we have figured out the ideological side of the creation of hieroglyphs by Chinese people, and it is a great treasure trove of the nation. Chinese hieroglyphs have preserved the culture of marital relations well enough, and some basic hieroglyphs prove that. Hieroglyphs婚、姻、嫁、娶、媒、妁、聘、归, and others are suitable examples. When conducting the analysis of them, the scene of bride kidnapping has been imagined vividly, so that is exactly a part of the treasure trove of Chinese culture.

Keywords: hieroglyphs, dialectic, unity of opposites, extent, matrimony, marriage.

Чжан Гуанлун (Циндао)

Циндаоский приморский университет,

Международный институт сотрудничества

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ НА ПРИМЕРЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И КУЛЬТУРЫ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Рассматривается китайская письменность с точки зрения философии, выявляются знаки, духовное и культурное содержание которых совпало с тремя законами диалектики, в частности, 戎、趋、妖、醉、武、嫁 и др. Раскрывается идейная составляющая процесса формирования китайской письменности как одной из главных ценностей китайской нации. Отмечается, что китайские иероглифы сохранили отпечаток культуры брачных отношений, в качестве примера приводятся знаки 婚、姻、嫁、娶、媒、妁、聘、归.

Ключевые слова: иероглифы, диалектика, единство противоположностей, степень, супружество, бракосочетание.

汉字, 古老而神奇, 承载着五千年的中华文明, 记录着悠久的历史文化, 它超越了空间的界限, 维系着中华民族跨区域的沟通。

一、汉字中的辩证法

恩格斯从《逻辑学》一书中概括提炼出辩证法的三大规律即对立统一规律、量变质变规律和否定之否定的规律, 这要求我们在为人处事的

过程中要运用矛盾和发展的观点看问题，并且要坚持适度原则。巧合的是，三千年前的中国在创造汉字的过程中已经暗合了这些辩证法思想。

汉字与矛盾统一

汉字本身即是一个矛盾体，方块汉字中包含着相反相成的辨证精神，我们从军事、礼俗方面各选取一个汉字来说明。

(1) 戎与军事思想

攻守结合。戎字甲骨文作“𠄎”，从戈从十（甲）。戈是进攻性的武器，甲是盔甲是防守型武器。古人已经深刻认识到作为武器一定是攻守兼备的。古人没有对战争这一矛盾的两个主要方面的正确认识，是无法造出如此合理的文字的。在战争中，荷戈行走攻击敌人消灭敌人固然重要，穿上盔甲保护自己同样重要，自身生命不受威胁在任何时候都是第一位的。

作战的第一位是为了消灭敌人的有生力量，消灭了敌人才能更好地保护好自己。另一方面，有时对手过于强大，强打硬攻势必置自身于危险之中，要想让自己立于不败之地，此时必须退守才能转危为安，进攻和防守二者同等重要，不可偏废。

(2) 趋与见面礼俗

快慢并存。《礼记·曲礼上》：“遭先生于道，趋而进，正立拱手。先生与之言，则对；不与之言，则趋而退”孔颖达疏：“此明道路与师长相逢法，……拱手见师而起敬，故疾趋而进就之。”在古文献中，趋多表示的是一种礼节，即在尊者长者面前要趋，表达的是恭敬。学生和老师之间的关系是有不可逾越的鸿沟的，学生见了老师必须行礼，老师是长辈。至今在日本依然保留着这样一种见面礼俗，就是日本女子碎步行走的状态。

《战国策·赵策四》“太后盛气而胥之，入而徐趋，至而自谢”。文献中的“徐趋”真的很难做到，趋小步快走，即要求你作出迫不及待非常急切想见到你的样子，而又不能大踏步走，所以只能小碎步前进，前又加一“徐”字，奥妙无穷。

“戎”字体现了汉民族对战争的相对全面的认识，既要手持长戈，又要身穿盔甲，一进一退一攻一守。而“趋”字要求遇见长者时，位卑者既要快又不能太快的姿态。两个字巧妙地展现了一个汉字中的辨证统一的思想。

汉字与量变质变（度）

任何事物、任何事情都在变化之中，其中有量变也有质变，我们要让世界向着我们有利的方向发展，当量变引起质变不符合我们的要求时，我们就要控制量变，要把握住度，使其变化保持在对我们有利的范围之内，我们结合审美和饮酒的两个汉字来说明。

（1）妖与民族审美

美非无限度。妖，在中国古代指美女，可以是美女的外貌，也可以是美女的姿态。曹植《美女赋》“美女妖且闲，采桑歧路间。”赋中描绘美女就用了“妖”一字。蒲松龄在《聊斋志异》里描绘的妖女的形象都是非常美而且身材非常好，但是任何美都是有一定限度的，超过了一定的度，美就不美了，所以当代中国人往往把妖和怪放在一起，妖怪一词既包含美若天仙的大美女，也有各种丑的鬼怪，《西游记》里的妖怪很多，这本身就是一个很好的例子。女人都爱化妆，化妆其实有一个前提就是要保证我们认清你是谁，化妆超过一定度，就不能认识清楚人物面貌，那么和魔鬼本质上没有太大区别。

当代百家讲坛主讲人之一马未都提出了中国人审美的境界一说，其中审美的最高层次是病态审美。在古代中国，知识分子审美和审美对象普遍存在问题。作为审美者，其审美心态是变态的，作为审美对象，其实质是一种病态的存在。先生举了“缠脚”现象，还有《红楼梦》中的“林黛玉”等人物来说明这个问题。脚之大小，天生注定，但是封建社会千万女性为了迎合男性审美需要，绑脚束腰，好端端一个人身体变得惨不忍睹。虽然三寸金莲早已成为过去时，但不表明当代国人不存在审美的问题。

（2）醉与饮酒境界

醉美不及乱。《论语》“唯酒无量，不及乱”，无量是对社会整个整体来说的，而对于每一个人，饮酒的量始终是有限的，而有限的限度就是指不及乱，这就是每个人饮酒的终极或者说顶点，超过了这个终极，人是会犯错误的，会闹事的。

中国古代爱饮酒的人追求的一个境界是一个醉，“一醉方休”“有饮辄醉”，醉是饮酒的一种境界，一种美境。多少诗人、书法家都是在醉境中创造出流芳百世的作品，陶渊明喝酒就喝出了超然的境界，身心绝美的境界。但要想获得这种舒适，绝不可向着那个“卒”字毫无顾忌地喝下去。北宋欧阳修《醉翁亭记》中就塑造了醉翁的形象，“醉翁之意不在酒，在乎山水之间也”，便成了表示形在此而意在彼的一种意思。

“妖”是美的，但是结局又超过了当代国人审美的限度；酣畅淋漓，醉卧沙场，“醉”活脱脱成了饮酒的最高境界，但是饮酒量再过一丁点就会“及乱”，适度饮酒不醉最好。

汉字与否定之否定

任何事物、任何事情都在发展之中，没有一成不变的东西，人的思想也是如此。我们要用发展的眼光看问题。

（1）武与武术精神

崇尚和平。中国人是爱好和平的，但中国人并不害怕战争。古代有著名的军事家孙臆、孙子等，“武”从止从戈，在甲骨文里“𠄎”，造字之初我们依稀还能看出远古时代的中国作战战争的场面，一个个士兵奋勇向前持戈杀敌，武指的是战争。可能我们的先人都认识到了战争的破坏力的巨大，都不想再发生战争，所以在汉代，《说文解字》“楚莊王曰：夫武，定功戢兵。故止戈爲武。”许慎对武术的理解已经超越了文字本身意义的范畴，包含了武德的精神在里面，止戈为武意即停止战争。“武”字意义的转变巧妙的反映出中国人对战争思维的辩证发展的思想。

（2）嫁与家文化

娘家婆家都是家。嫁，《说文解字》“从女从家，家亦声。女适人也。”女子成家便有了家，但是在结婚之前古人认为女孩子是有家的，“娘家”只不过是闺女寄养的地方，她迟早是要嫁人的，婆家丈夫之家才是她的最终归宿。《孟子·滕文公下》“丈夫生而愿为之有室，女子生而愿为之有室”。新时代的中国，几乎没有人再认为女子生下来就是无家可归的了，在结婚之前似乎也不说娘家一词。结婚成家之后，原来的家变成了“娘家”，自己的家也从“娘家”转移到婆家了。

“武”与“嫁”的文化内涵的丝微变化，说明了中国人战争的观念和家庭文化观念的改变，任何事物都处在否定之否定的变化发展之中，汉字也不例外。

每一个汉字里都有一个活生生的故事，每一个汉字都包含着无穷尽的奥妙，辩证法的思想无处不在，我们结合六个汉字，说明汉字之中蕴藏的辩证法精神，以此揭示古人在造字思想的伟大之处。

二、汉字中的婚姻文化

自从有了人类，人就不得不面对结婚生子成家立业这样的问题，在古人朴素的认知领域里，婚姻和家庭是难以分割的一个整体概念。没有婚姻就无从谈起家庭，大家常说的“成家”本身就有婚姻的意思，所以很多时候我们不能将婚姻和家庭分裂开来谈问题，本文仅仅以八个汉字为

例来说明汉字中蕴含的丰富的婚姻文化，八个汉字分别是“婚、姻、嫁、娶、媒、妁、聘、归”。

1、婚姻

《诗经》里有“宴尔新昏，如兄如弟。”“宴尔新昏，不我屑以。”至少在西周甚至更早的年代，人结婚用的汉字是“黄昏”的“昏”，结婚为什么称“昏”，因为古代婚礼是在黄昏这个时间进行的。

昏，《说文解字》“日冥也。从日氏省。礼：娶妇以昏时。”按照《说文》的解释，“昏”是黄昏的意思，黄昏这个时间概念在古代是用空间物体来表示的，就是太阳落到底下了，所以“从氏省”，低底氏这几个字是同源字，意思互通。东汉许慎按照阴阳五行的观念进行了解释，其实婚礼在黄昏进行并不是在阴阳观念流行以后才有的，婚礼定在黄昏是古代抢婚制的遗留。今天我们举行婚礼（正婚）时间一般定在中午，二婚一般定在晚上，可能是由于各种经济文化的因素综合作用的结果。婚礼着装也有了较大变化，一般都是白婚纱西装，这也和我们文化传统相背，办丧事时，我们才穿白色服装，当代的这种婚礼风尚是中西文化交融的结果。

婚，《说文解字》“妇家也”，妇家就是女子家，站在丈夫的角度来说的。昏和婚是古今字。

姻，《说文解字》“婿家，女之所因，故曰姻。从女从因，因亦声。”姻是站在女子的角度说的，婿家是女子的终生依靠，“女之所因”就是女子的依靠。在结婚之时，女方家属都要给姑爷交代许多话，比如说“以后就靠你了”“以后要好好对我女儿”等等。“因者，就也”，甲骨文，口（wei）是草垫子，大是人，草垫子是人休息时的依靠。今天我们说的“因为、因此”中的“因”也是依据依靠的意思。

2、嫁娶

取，《说文解字》“取，捕取也。从又从耳，《周礼》获者取左耳。”古代战争中将捕获的俘虏割下左耳请功，左耳和右耳是不同的。战争中不仅可以捕获年轻力壮的士兵充当奴隶，而且可以捕获美貌的女子作为妻妾。《诗经》“取妻如之何，匪媒不得”《史记》“吴起取齐女为妻”中的“取”并不是一般的“取得”，是抢劫。说明最初的媳妇是抢劫来的。我们今天很多婚姻风俗都是古代抢婚遗留，试想结亲的时候娘家人为什么会安排人堵门？接走之时，岳母为什么会哭？为什么有藏鞋这个环节？新媳妇为什么会盖红盖头？新郎为什么要抱着新媳妇下车入洞房？这都是因为最初抢那女子之时，娘家人拼死堵在门外，把女儿的鞋

子藏好就不能步行，无奈被抢走的时候，母亲心情错综复杂所以会哭个不停。而作为抢劫的土匪，生怕女子记住回家的路线，所以要给女子盖上盖头，又因为最初手脚是被捆着的，所以只能抱着下车，送入的也是“洞房”。唯一不同的是最初土匪穿的衣服可能不是红色，而是黑色衣服，盖在女子头上的盖头也不是红色，而是黑色罢了。

取字后来增加女字底，取和娶是古今字的关系。显然是随着时间推移抢婚影响慢慢消失，只演变成了婚姻的一个形式而已。

嫁，本义是女子出嫁。《说文解字》“从女从家，家亦声。女适人也。”从女从家，就是说女子有了家就是嫁，女子在成年之后，结婚之前其实是没有家的，所以我们经常说到“娘家”这个词，娘家还不是自己的家。当然男子娶亲并不是对什么样的女子都满意的，《国语》“罢女无家”，“罢女”就是这样嫁不出去的女子，“罢女”并不太好翻译，“罢”大概和贤惠的贤相对吧。古人非常重视人力资源，鼓励早婚多子，所以就有法律规定，《国语》“女子十七未嫁，其父母有罪”。女子就必须结婚，看得出那个年代对婚姻的重视程度。

女子有了家，家就是丈夫，有了家就是嫁，男子有家曰有室，妻称室夫称家源于男女社会分工不同，男子是一家之主，女子主闺内之事。

《孟子·滕文公下》“丈夫生而愿为之有室，女子生而愿为之有室”。

3、媒妁聘归

媒，《说文解字》“媒，谋也，謀合二姓。从女某声。”《说文注》“虑难曰谋。媒之言谋也。谋合异类使和成者”媒，就是我们所说的媒婆，“媒之言谋也”通过声训用“谋”字来解释“媒”，媒婆谋虑的事情就是“合二姓”，让两个不同姓氏的“异类”成亲，之前婚姻讲究同姓不通婚的原则，称为“异类”，实则是男女之别。“虑难曰谋”说明媒婆的工作并不好做，需要付出许多才能达到目的。

妁，《说文解字》“酌也，斟酌二姓也。”“妁”字的解释方法和“媒”相同，都是用声训的办法。《说文注》里又打比方进一步解释说“如挹彼注兹欲其调适也。”古代婚姻还是有所讲究的，不是什么人想结合都可以，“门当户对”就是这么来的，门当门，户对户。这个汉字是和媒的意思是一样的，在古代男女结合是需要媒人介绍才能成立的，否则都不能成为正式夫妻。

聘，《礼记·内则》“聘则为妻。”下了聘礼（彩礼）才能成为正式合法夫妻，从这个字能够看出古人对婚姻礼仪的重视程度，不下聘礼当然也就不能办理后面的婚姻仪式，以后也无立足，只能私奔，没有聘

礼，也不可能成为正式的夫妻，当今社会聘礼风气水涨船高虽不值得提倡，但和古代对聘礼的重视这种习气是分不开的。

归，繁体字作“歸”，《说文解字》“女嫁也。从止，从婦省，duì声。”止是停下的意思，夫家也就是女子最终应该停下的地方，字意不言自明，本义就是女子出嫁。《诗经》“之子于归，宜其室家”。中的“归”就是女子出嫁的意思。在公羊传、毛传皆谓女子出嫁为“归”。

通过对八个汉字文化内涵进行分析，我们发现婚姻文化在汉字中保留了大量的讯息，给我们今人学习汉字理解文化提供了一个新角度。

汉字是中华文化的瑰宝，通过本文的阐释力求让全球热爱汉语汉字的学习者，全面的了解汉字，热爱汉字，正确理解规范使用汉字，并从中接受优秀传统文化的熏陶。

参考文献

- 许慎，说文解字[M]北京:中华书局,2013.
段玉裁，说文解字注[M]北京:中华书局,2013.
何九盈，胡双宝，张猛，中国汉字文化大观[M]北京:北京大学出版社,1995.
万献初，《说文》学导论[M]武汉:武汉大学出版社,2014.
李索，汉字与中华传统文化[M]北京:高等教育出版社,2015.

РАЗДЕЛ IV

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ АТР

УДК 811.133

О. В. Захарченко (Рязань)

Рязанское гвардейское высшее
воздушно-десантное командное училище

ЗАДАЧИ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА В ХОДЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Рассматриваются основные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика в зоне международного конфликта. Отмечается, что основной задачей специалиста в таких условиях является лингвистическое обеспечение переговоров различной тематики: дипломатическое и военное сотрудничество, гуманитарная помощь, постконфликтное урегулирование и т. д.

Ключевые слова: военный переводчик, международный конфликт, переговоры, гуманитарная помощь, миротворчество.

O. V. Zakharchenko (Ryazan)

Ryazan Guard Higher Airborne Academy

THE AIMS OF A MILITARY INTERPRETER IN THE LINGUISTIC SUPPORT OF INTERNATIONAL MILITARY CONFLICTS

Abstract. The purpose of this article is to consider main points concerning military interpreter professional activities in the zone of international conflicts. The main mission of the specialist in this situation is to provide linguistic support in the negotiations on different topics: diplomatic and military cooperation, humanitarian aid, post conflict peacebuilding and others.

Keywords: military interpreter, negotiations, international conflict, humanitarian aid, peacekeeping.

В настоящее время значительно увеличилось международное сотрудничество в различных сферах, таких как образование и культура, экономика, политика, военное дело. Нарращивание взаимосвязей между государствами немыслимо без владения иностранными языками. Знание иностранных языков особенно важно с целью определения партнерских взаимоотношений между организациями, ведомствами, социальными организациями, учебными заведениями, некоммерческими организациями.

К сожалению, реалией сегодняшнего международного сотрудничества является не только мирное развитие, но и возникновение опасных зон напряженности, зон международных военных конфликтов. И в этой ситуации представляется важной профессиональная деятельность военного переводчика.

Основным видом деятельности военного переводчика в зоне международного конфликта является лингвистическое обеспечение переговоров между враждующими сторонами и между союзниками. Цель нашего исследования – проанализировать, как обеспечивается лингвистическая поддержка разного рода мероприятий в условиях вооруженного конфликта со стороны военного переводчика.

В ходе международных конфликтов для проведения переговоров создаются координационные центры (*coordination centers*) между сторонами, вовлеченными в конфликт. На данный момент такие центры существуют в Сирийской Арабской Республике и Нагорном Карабахе. Основной задачей центров является постконфликтное урегулирование в зоне боевых действий (*post-conflict peace-building in war zone*) совместно со сторонами конфликта. В ходе ведения боевых действий каждая из сторон преследует свою цель, однако взаимодействие между ними необходимо, для этого проводятся переговоры. В целях лингвистического обеспечения переговоров задействуют военных переводчиков.

Основные требования к переводчику следующие:

1. Точный перевод. Как военный человек переводчик должен делать точный и четкий перевод, потому что любая, даже самая незначительная, ошибка в переводе может стать роковой.

2. Конфиденциальность. Зачастую информация на военно-политические темы бывает засекреченной, и на переводчика возлагается ответственность за ее нераспространение.

3) Знание грамматических основ языка, общественно-политической и военной терминологии.

4) Умение достойно держаться. Военный переводчик в ходе своей профессиональной деятельности представляет Вооруженные Силы РФ в частности и государство в целом.

5) Знание национально-культурных особенностей противоположной стороны. Это необходимо в том числе для осуществления корректного перевода и понимания значения слов оппонента.

6) Внимательность и отличная память. Как правило, стенограммы переговоров пишутся непосредственно после переговоров, впоследствии их прочитывают и анализируют. Несмотря на то что все переговоры записываются на диктофон, запись может быть местами нечеткой, а каждая деталь в разговоре важна [Захарченко, Чернявская, 2020].

Обычно переговоры начинаются с приветствия, при этом следует соблюдать правила речевого этикета:

Glad (Nice) to see you. – Рад Вас видеть.

Did you enjoy your trip? – Как Вы доехали?

Come this way, please. – Проходите сюда, пожалуйста.

I would like to... – Я хотел бы...

Be so kind as... – Будьте добры...

I am very grateful to you. – Очень признателен Вам.

It's all right. – Не стоит благодарности.

Цель любой встречи на международном уровне – расположить к себе своего партнера для достижения цели. При этом важное значение имеет знание элементарных национальных особенностей, традиций, принятых в данной стране [Тер-Минасова, 2007]. В восточных странах принято:

1. Для приветствия обычно используется рукопожатие, при этом очень важно поприветствовать всех присутствующих. Во время рукопожатия не нужно смотреть в глаза собеседнику, держать другую руку в кармане или интенсивно размахивать ею. Хорошие знакомые символически троекратно целуются.

2. В знак благодарности местные жители прикасаются ладонью ко лбу и к области сердца. Существует очень сложная система жестов. Поэтому не стоит активно жестикулировать, иначе можно случайно обидеть местных. Привычные нам европейские жесты по местным нормам могут оказаться просто неприличными. Но и сдержанность в жестах может быть расценена как неудовольствие чем-либо.

3. Не стоит отказываться от предложенного кофе и любого угощения.

4. Не следует отказываться от приглашения в гости, хозяева могут обидеться.

В ходе переговоров могут быть затронуты разнообразные вопросы, зачастую по определенной тематике, которая уточняется непосредственно перед проведением переговоров.

По нашему мнению, наиболее употребляемыми в ходе переговорного процесса на общественно-политические темы могут быть следующие термины: данные, сведения – *data, information*; вопрос – *issue*; цель – *purpose, goal*; нарушение – *violation*; намерение – *intention*. Темы переговоров могут быть разнообразны, в связи с чем мы проанализировали различные слова и термины, реализуемые в ходе их ведения.

В современных международных конфликтах большое внимание уделяется гуманитарным вопросам, в том числе различным аспектам, связанным с гуманитарной помощью (*humanitarian aid*), беженцами (*refugees, desperate civilians, to flee the fighting, seek refuge*) и внутренне перемещенными лицами (*internal replaced persons*). В связи с этим в ходе переговоров

по вопросам оказания гуманитарной помощи будут использоваться следующие термины: груз – *cargo, goods, freight, load, weight*; продукты – *products*; медикаменты – *pharmacons, medicaments*; доставка – *delivery*; конвой – *convoy*.

Стоит отметить, что Россия оказывает Сирии не только эффективную военную поддержку, но и проводит гуманитарные операции (*humanitarian operations, peace initiatives and efforts, long-standing ties*) на территории Сирийской Арабской Республики. Российская сторона на регулярной основе доставляет в Сирию большое количество продуктовых и вещевых грузов, которые в буквальном смысле спасли страну от гуманитарной катастрофы (*humanitarian catastrophe, social disaster*).

Координационный центр по примирению враждующих сторон в Сирии (*conciliation between the parties in dispute*) проводит гуманитарные акции (*humanitarian action*) в населенных пунктах. Военный эксперт отметил, что сирийцы прекрасно понимают, что военная и гуманитарная поддержка России позволила перевести вооруженный конфликт в мирную фазу урегулирования.

Главная цель Центра – реализация механизма контроля за соблюдением режима прекращения огня (*cease fire*). Основными задачами Центра является активное содействие переговорному процессу о примирении (*conciliation*) между представителями легитимных сирийских властей и мятежной оппозиции (*hostile sides, opposing parties*) [Центр ...].

Также ключевыми задачами Центра являются мониторинг гуманитарной обстановки в стране, содействие возвращению беженцев в свои дома, выполнение мероприятий постконфликтного урегулирования: взаимодействие с международными организациями, такими как ООН, МККК (*United Nations Organization, International Committee of the Red Cross*), ведение деятельности по подписанию соглашений о присоединении к режиму прекращения боевых действий, восстановление объектов инфраструктуры (*ancient ruined city of Palmyra, the Great Mosque of Aleppo, aqueduct, archeological relics, UNESCO World Heritage Site, Armenian Genocide Memorial Church, extensive reconstruction, act of barbarity, precious legacy, cultural heritage*) и др. [Haslett, 1987].

Миротворчество (*peacekeeping, U. N. peacekeepers' presence*) и постконфликтное урегулирование (*post-conflict peace-building*), безусловно, являются не менее важными темами для обсуждения. Речь пойдет о безопасности (*security, safety*) населения и установлении стабильности (*stability*) в регионе, сотрудничестве и взаимодействии (*cooperation and interaction*) по данному вопросу вовлеченных в конфликт сторон. Огромное внимание уделяется деятельности военных наблюдателей (*military observers*). Не исключено, что также будут обсуждаться операции по принуждению к миру

(*peace enforcement operations*) противоборствующих сторон и поддержание мира (*peace support, maintenance of peace*) в регионе.

В ходе операций по поддержанию мира российские советники в составе миротворческих соединений (*peacekeeping large units*) могут выступать посредниками (*mediators, through the mediation of smb, accept mediation, collective mediation*) враждующих сторон в зоне конфликта. В данном случае посредничество (*mediation*) – это процесс, при котором третья беспристрастная (*impartial*) сторона помогает другим прийти к рациональному соглашению споров и конфликтов. Здесь переводчику также будет необходимо знание миротворческой лексики (*deploy unarmed observers, allied nations*) и опять же знание и понимание национально-культурных особенностей населения в стране пребывания для определения общих интересов (*common interests*) и разногласий (*disagreements*), а также основ для принятия решения.

Одним из важнейших вопросов является дипломатическое и военное сотрудничество. Установление дипломатических отношений происходит в результате переговоров между представителями заинтересованных государств и оформляется в виде обмена посланиями, письмами и нотами (*diplomatic notes*). Бывают случаи, когда в переговорах дипломатических представителей, а также глав государств, вовлеченных в зону международных конфликтов, принимают участие военные переводчики (например, встреча Владимира Путина и Башара Асада в Дамаске 7 января 2020 г.).

В ходе переговоров могут быть затронуты вопросы работы дипломатических миссий (*legations, diplomatic missions*) и деятельности группировок войск союзных государств, а также аспекты военной интеграции (*military integration*), которая включает в себя поставки образцов вооружения и военной техники (*ordnance delivery*), деятельность военных советников (*military advisers activity*) и другие вопросы.

Но не всегда речь идет о миротворчестве, дипломатическом и военном сотрудничестве. Вооруженные конфликты подразумевают проведение переговоров по вопросам ведения боевых действий, а также деятельности незаконных вооруженных формирований (*illegal armed groups*), зачастую действующих в интересах одной из вовлеченных в конфликт сторон или же самостоятельно при внешнем финансировании.

В ходе переговоров по данной тематике переводчик встретит обилие военной терминологии. В настоящее время наиболее распространенными являются термины в области применения ракет (*missiles*), средств объективного контроля (*objective control means*), авиации (*aviation*), артиллерии (*artillery*), а также деятельности разведывательных органов (*intelligence activities*). Если же речь идет о деятельности незаконных вооруженных формирований, то, скорее всего, будет составлено заявление одной из сторон

с указанием документа, на котором оно обосновывается. Переводчик должен знать корректный перевод названия данного документа и его содержание (хотя бы кратко), чтобы представлять, о чем идет речь, и понимать дальнейшую тактику проведения переговоров [Переговорный ...].

Военные переводчики – это кадровые офицеры, не просто знающие язык, но прекрасно ориентирующиеся в терминологии и различных вопросах от технических до дипломатических. Военные переводчики работали и работают и в разведке, и в подразделениях пропаганды, занимаясь информационным обеспечением боевой деятельности войск; они принимали участие в переговорах с союзниками на Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференциях, впоследствии осуществляли синхронный перевод во время Нюрнбергского процесса [Военный ...].

Многогранность деятельности военного переводчика в зоне боевых действий требует от него высокой языковой компетентности, знания военных основ и способов реализации лексического материала в зависимости от ситуации и проводимого мероприятия.

Литература

Военный переводчик: требования и компетенции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyu-perevodchik-trebovaniya-i-kompetentsii>.

Захарченко О. В., Чернявская Е. С. Профессиональная языковая подготовка военных переводчиков: история и современные реалии // Научный резерв. 2020. № 3 (11). С. 103–108.

Переговорный процесс и его стадии. URL: <https://spravochnik.ru/konfliktologiya/peregovornyy-process-i-ego-stadii/>.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации : учеб. пособие. М. : АСТ, 2007. 172 с.

Центр по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев: электронная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Центр_по_примирению_враждующих_сторон_и_контролю_за_перемещением_беженцев.

Haslett B. Communication, strategic action on context. N. J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1987. 287 p.

УДК 316.77

О. А. Каверина (Иркутск)

Иркутский государственный университет

МАРКЕРЫ ФАКТОИДНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Выявляются фактоидные маркеры в аутентичном тексте. Отмечается, что фактоиды представляют собой коммуникативные образования, имитирующие реальное положение дел, искусно маскирующиеся под факты, они создаются с целью манипулятивного воздействия на адресата.

Ключевые слова: информация, фейк, факт, фактоид, манипуляция.

THE MARKERS OF FACTOID INFORMATION IN THE REGIONOLOGICAL ASPECT

Abstract. The article is aimed at identifying factoids in an authentic text. Factoids are believed to be communicative units imitating the real state of affairs, skillfully camouflaging themselves with facts. Factoids are created to manipulate the receiver of the information.

Keywords: information, fake, fact, factoid, manipulation.

Развитие информационных технологий открыло уникальную возможность перед человеком третьего тысячелетия получать разнообразную информацию. В настоящее время ряд ученых отождествляет информацию со знанием как языковой категоризацией опыта [Кубрякова, 2004; Залевская, 2009]. Сведения, передаваемые средствами языка в виде текстов, как раз являются языковой манифестацией различных видов знания как категоризованного опыта [Кравченко, 2013, с. 94].

Сегодня большое внимание уделяется трансформации знания, а именно резкому увеличению объективного совокупного декларативного знания и сокращению таких знаний в индивидуальном сознании; карнавализации научного знания (созданию посредством языковой игры действительности, отличной от реальной); размыванию прототипной информации в массовом сознании; популяризации недостоверной информации; продвижению визуального модуса восприятия знания; замещению фактической информации различными имитациями, подобиями и масками [Карасик, 2021, с. 10–23].

Ложная репрезентация информации, вымысел, имитация реального положения вещей и маскировка нереального события, сплетен, слухов, фейков под факты относят к квазифактам или фактоидам. В. И. Карасик определяет фактоид как коммуникативное образование, имитирующее информацию о действительности или маскирующееся под факт. При этом для массового адресата отличие факта от фактоида становится затруднительным либо вообще непринципиальным ввиду сниженной способности критически воспринимать недостоверную информацию. Семантика фактов и фактоидов зачастую схожа, так как фактоиды – имитации личностей, объектов, событий. Однако прагматика фактоида имеет ряд отличительных характеристик, среди которых создание позитивной/негативной картины мира, развлечение аудитории или ее устрашение с целью идеологического воздействия [Карасик, 2021, с. 25–42]. Н. Г. Комлев относит фактоид к «информации, недостойной доверия, или событию сомнительной ценности» [Комлев, 2006].

Исследователи языка плодотворно работают в области выявления фактоидной информации. Так, применяется процедура фактчекинга, ориентированная на установление достоверности/недостоверности информации [Бочаров, 2020, с. 107], техника предположения/предостережения – не

брать получаемую информацию на веру, а подвергнуть ее анализу и проверке [Маркеры ... , 2020].

Примером создания негативного образа чужой реальности может служить один из текстов в сети Интернет. Необходимо отметить, что данный текст предлагают следующие сайты, по адресам которых нетрудно определить их содержательную направленность – популяризация английского языка, а также выделить целевую аудиторию – людей, изучающих английский язык или преподавателей, использующих аутентичные тексты для разных целей обучения: <https://www.esl-lounge.com/student/reading/4r5-siberian-winter.php>; <https://englishroselearning.co.uk/wp-content/uploads/2020/09/Reading-Advanced.pdf>; https://www.inflamestory.website/2020/07/short-stories-with-moral_22.html.

A Siberian winter

It was only minus 28 degrees Celsius when we landed in Irkutsk. But that was cold enough to make breathing an effort – the air felt like ice as it scraped the back of my throat. Five minutes later, I needed a second pair of gloves and pulled my scarf tight over my nose and mouth. I was obviously a beginner at this.

At the petrol station, Mikhail the attendant laughed when we asked if he wasn't freezing. He'd spent the whole day outside with no more than his fur hat and a sheepskin coat for warmth. It was mid-afternoon and icicles were hanging from his moustache like Dracula's fangs. He said he never drank to stay warm – unlike many others.

- ***Vodka***

There's a belief in Siberia that enough vodka will insulate you from the cold. It's been proved tragically wrong in the past few weeks. Dozens of bodies of the homeless or men walking drunkenly back from the pub were hauled out of the snowdrifts, frozen or so badly frost-bitten that many will never walk again.

The local hospital in Irkutsk is overwhelmed. Ironically, it's the burns unit that's taken all the frostbite victims – 200 of them in just two weeks in one town. Even here, icicles are hanging down on the inside of the windows, though the heating is on full power. The doctor was too busy performing amputations to talk to us.

- ***Shortages***

But we could hear the screams from the operating room. They'd run out of anaesthetic after performing 60 amputations that week. The other patients could hear it too, and one girl in the corridor, clinging to her mother for support, was near to tears.

Nastya is only 16. Last week she missed her last bus home, so she walked instead – seven kilometres through the snow, in temperatures of minus 40. She had no gloves. Now her hands are bandaged and hang down uselessly. She'll find out soon if they need to be amputated.

She was far from the worst case. In one bed, Nikolai Dobtsov lay quietly staring at the ceiling. Underneath the sheets, blood was seeping through his bandages, from where his feet and hands had been amputated the day before. He was a truck driver, he explained, with a good job delivering wood and recently there'd been a lot of demand. So he'd set out to deliver a last load up-country. The weather forecast – just minus 25 in Irkutsk – seemed to suggest that the journey was safe. It wasn't. His truck broke down miles from anywhere, and for 6 desperate hours he fought to repair the axle. He even greased his hands for protection, and finally managed to get the truck going again. Somehow he found the strength to drive himself back and straight to hospital, but it was already too late.

I asked Nikolai what would happen to him now. He just laughed, and shrugged. Nikolai has no wife or family in Irkutsk and invalidity benefit is a pittance. Life in an institution may be the best he can hope for, and he'll almost certainly never work again.

- *Resilience*

That incredible stoicism is everywhere. In Irkutsk at least, people seem simply to accept that winter is harsh and this one especially so. It is without doubt the cruellest Siberian winter in living memory. Yet outdoors, everything appears to function normally – even schools re-opened as the temperature rose briefly to minus 25.

The trams and buses are back on the roads, though everyone drives slowly to avoid skidding on the layers of ice below the grit. The main street bustles with people wrapped in layers against the cold. But even indoors, the chill is inescapable. After her shift as a tram conductor, Natasha Fillipova comes home to a freezing house. She shows us the bedroom where ice has built up on the inside walls. She scrapes it off with her fingers, but that has little effect. One night, Natasha says, she washed her hair before going to bed. When she woke up, it was frozen solid to the wall. The children are doing their homework in the bathroom – the only room warm enough to sit in. Natasha doesn't want to complain. But she is angry with the state and the architects for building shoddy houses.

The flats here are supposed to withstand up to minus 40 degrees. They don't, and her children are ill with coughs and colds. Natasha's anger is brief, and she seems faintly embarrassed about it. Siberians are used to cold weather, she explains. Here, she tells us, people prefer to rely on themselves – and the knowledge that eventually, spring will come.

Перед нами, на первый взгляд, рассказ о посещении некоторого места в холодное время года и проблемах, с которыми сталкиваются местные жители из-за суровых климатических условий местности. Информация выглядит вполне достоверно, но только не для человека, который на самом деле проживает в Иркутске.

Заголовок

Заголовок текста *A Siberian winter* можно причислить к разряду образных, ориентирующих читателя на определенный эмоциональный настрой. Заголовок предполагает скорее вызов положительных эмоций у читателя, основанных на общеизвестном знании о красоте сибирской природы (в том числе и суровости климата), или, по крайней мере, нейтральных ощущений. Заголовок – ключ к пониманию текста, его основная идея. Однако после прочтения текста усматривается диссонанс между смыслом заголовка и содержанием текста, которое оставляет негативное впечатление, фокусируясь на тяготах, боли людей, пострадавших от сильных морозов.

Автор

Автор текста не указан ни на одном из сайтов, что характерно для фейкового сообщения, дабы снять ответственность за недостоверность информации.

Структура

Текст начинается с параграфа, вкратце описывающего морозную погоду, но автор больше акцентирует внимание на одежде. Далее текст разделен на блоки, которые должны логично излагать материал, следуя предложенным подзаголовкам. Фактически содержание блоков не точно соответствует их названиям и лишено коммуникативной ясности, что ведет к намеренному затемнению смысла.

Место описываемых событий

Автор текста пишет о конкретном, реально существующем г. Иркутске. Иркутск – город в Российской Федерации на р. Ангаре, важный административный, экономический, транспортный, научный и культурный центр Восточной Сибири [Энциклопедия ...]. Подобно любому населенному пункту, городу присущи как положительные, так и отрицательные характеристики, касающиеся разных сторон его жизни. Автор текста, в свою очередь, акцентирует внимание на следующих моментах: в Иркутске живут пьющие люди; в Иркутске плохое медицинское обслуживание; в Иркутске одна больница; социальная поддержка неудовлетворительная; городская среда не благоустроена; жилищный фонд ветхий и не соответствует климатическим нормам региона. Представленные пропозиции формируют отрицательный образ локации.

Время описываемых событий

Дата выхода оригинальной версии текста отсутствует. Некоторые сайты указывают 2018 и 2020 гг. Скорее, это время размещения текста в сети, однако некомпетентные читатели могут принять это за современное состояние. Интересной представляется информация о количестве ампутаций – 200 за две недели. Цифры крайне преувеличены, но в личной беседе с врачом анестезиологом-реаниматологом Л. Г. Антипиной, работающей в ожоговом отделении городской клинической больницы № 3 г. Иркутска (единственного регионального ожогового центра) многие годы, был

назван период начала 2000-х гг., когда докторами центра осуществлялось большее, чем обычно, количество операций по ампутации конечностей – около 200 за весь зимний период. Зимние температуры 2000–2001 гг. были ниже обычных и составили 23,6 и 25,6 °С ниже нуля, тогда как с 2002 г. по настоящее время средние зимние температуры составляют 15–17 °С мороза [Погода ...]. Таким образом, можно предположить время выхода анализируемого текста – 2000–2001 гг., а также признать, что в настоящее время информация значительно устарела. Несведущий читатель может воспринимать описываемые события как актуальные и правдивые.

Статистика

Как было сказано выше, количество ампутаций за две недели составило 200. *«Десятки тел бездомных или пьяных мужчин, возвращавшихся из питейных заведений, были вытащены из сугробов, замерзшие или настолько сильно обмороженные, что многие никогда больше не смогут ходить»*, – говорится в тексте. Цифры намеренно преувеличены с целью нагнетания страха, навязывания адресату негативного представления о действительности, формирования эмоциональной реакции ужаса.

Участники событий

Автор текста упоминает четырех человек – автозаправщика Михаила, двух пострадавших от мороза – 16-летнюю Настю и Николая Добцова, водителя, а также кондуктора трамвая Наташу Филипову. Имена выглядят правдоподобно, но верификация личностей невозможна. Автор несколько раз называет уменьшительное имя *Natasha (Наташа)*, и даже в первом упоминании, где следовало бы указать полное имя *Наталя*, соответствуя правилам представления человека. Однако имя *Nikolai (Николай)* ни разу не сокращается. То же самое можно сказать и про два других имени – *Nastya (Настя)* и *Mikhail (Михаил)*. Подобное вольное, неединообразное употребление форм имен, на наш взгляд, выглядит странным и неправдоподобным. Заслуживает внимания социальный статус людей – автозаправщик, водитель грузовика, кондуктор трамвая. Престиж данных профессий невысок в любом современном обществе, и автор посредством упоминания профессий пытается сделать людей реалистичнее, но, с другой стороны, можно усмотреть в этом субъективное (в данном случае создание неуважительного, уничижительного образа) отражение социальной структуры российского общества в целом.

Ошибки

Наличие в тексте разного рода ошибок и опечаток снижает доверие к представленной информации. Ошибки выступают маркерами фейковой/фактоидной информации. В анализируемом тексте встречается опечатка в фамилии *Fillipova*. Русская фамилия Филипова содержит одну букву *л* и две буквы *п*. Автор, видимо, ориентировался на имя *Fillip* в родном языке, однако в русском языке такой фамилии не существует. В тексте также присутствуют пунктуационные ошибки.

Анонимная атрибуция

Характерным индикатором недостоверной информации в тексте служит отсутствие реальных источников, которые предоставляют информацию, например: *There's a belief in Siberia that enough vodka will insulate you from the cold. It's been proved tragically wrong in the past few weeks* (В Сибири верят, что достаточное количество водки защитит от холода. За последние несколько недель было доказано, что это трагическая ошибка). В следующем примере медицинские работники обобщены местоимением *they* в первом упоминании – *They'd run out of anaesthetic after performing 60 amputations that week* (У них кончился анестетик после 60 ампутаций на той неделе). Местоимение, как правило, выполняет в тексте функцию субститута и соотносится с субъектом – референтом. Однако в примере выше автор намеренно выбирает местоимение, а не имя, что лишает информацию достоверности и свидетельствует о пренебрежительном отношении автора к медперсоналу в целом.

Манипулятивная семантика и тональность

Использование лексики, влияющей на оценку события, ситуации, человека, приемов упрощения, стереотипизации, утверждения, повторения, выводов, срочности, сенсационности, оказывает манипулятивное влияние на потребителя информации [Кара-Мурза, 2005, с. 284–295]. В данном тексте автор использует оценочные суждения, описывая пострадавшего от обморожения, прогнозируя возможное развитие событий по деструктивному сценарию, например: *Life in an institution may be the best he can hope for, and he'll almost certainly never work again* (Жизнь в учреждении может быть лучшим, на что он может надеяться, и он почти наверняка никогда больше не будет работать), характеризуя жителей Иркутска в целом, например: *That incredible stoicism is everywhere* (Этот невероятный стоицизм повсюду); *People prefer to rely on themselves* (Люди предпочитают полагаться на себя). Утверждения автора лишают читателя возможности самостоятельно сделать вывод об описываемой ситуации, они намеренно «вбрасываются» в его сознание как данность.

Текст изобилует оценочными утверждениями: *Icicles were hanging from his moustache like Dracula's fangs* (Сосульки свисали с его усов, как клыки Дракулы); *Now her hands are bandaged and hang down uselessly* (Теперь ее руки забинтованы и бесполезно свисают); *But even indoors, the chill is unescapable* (Но даже в помещении царит холод); *Natasha comes home to a freezing house* (Наташа приходит домой в промерзший дом); *The children are doing their homework in the bathroom – the only room warm enough to sit in. Natasha doesn't want to complain. But she is angry with the state and the architects for building shoddy houses* (Дети делают уроки в ванной – единственной достаточно теплой комнате, в которой можно сидеть).

Наташа не хочет жаловаться. Но она сердится на государство и архитекторов за то, что они строят ветхие дома); *But we could hear the screams from the operating room* (Но мы слышали крики из операционной). Автор текста предпочитает косвенное цитирование, предлагая свою собственную интерпретацию увиденного, создавая искаженную реальность и убеждая читателя поверить в происходящее. Целью фейка является убеждение, ведь «откровенный и честный человек не склонен к настойчивому или агрессивному убеждению, его роль – быть информатором» [Бочаров, Демидов, 2020, с. 109].

В целом текст имеет негативную тональность. Как уже было замечено, единицы лексического уровня, предпочитаемые автором, создают ужасающую картину: *Icicles are hanging down on the inside of the windows* (Сосульки свисают с внутренней стороны окон); *Blood was seeping through the bandages* (Кровь просачивалась через его бинты); *Ice has built up on the inside walls* (Лед образовался на стенах); *One night, Natasha says, she washed her hair before going to bed. When she woke up, it was frozen solid to the wall* (Однажды ночью, рассказывает Наташа, она помыла голову перед сном. Когда она проснулась, волосы примерзли к стене); *The flats here are supposed to withstand up to minus 40 degrees. They don't, and her children are ill with coughs and colds* (Квартиры здесь должны выдерживать до минус 40 градусов. Но это не так, и ее дети кашляют и болеют простудой). Представленные пропозиции формируют удручающие образы и установки в сознании получателя информации.

Обобщая, можно сказать, что перед нами пример фактоида. Фактоиды – имитация реальных ситуаций, событий, личностей. Фактоиды маскируются под факты, но если фактом является только верифицированная пропозиция, то фактоид передает описательную информацию о действительности, располагая признаком правдоподобия и претендуя на статус факта. Автор фактоида использует принцип незаметности, маскируя вымышленную/ложную информацию путем создания некоторого коллажа из микрочастиц объективной реальности, который легко вписывается в общую картину мира адресата и является так называемым комфортным знанием [Гришаева, 2017, с. 18].

Как видно из анализа текста, фактоидам свойственны следующие характеристики: правдоподобие (референция к реально существующим местам), незаметность искажения информации (референция к людям, о существовании которых невозможно узнать), преувеличение статистических данных, устаревшая/неактуальная информация, анонимная атрибуция, манипулятивные интенции автора ввести аудиторию в заблуждение, формирование негативных эмоций, образов и знаний. Под видом учебного текста, как будто направленного на образовательные цели, скрывается импли-

цитная манипуляция восприятием адресата с целью формирования негативного имиджа Иркутска у людей, не располагающих о нем достоверной информацией.

Литература

Бочаров А. Б., Демидов М. О. Технология фактчекинга в борьбе с «информационным мусором»: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 102–111.

Гришаева Л. И. «Сказка – ложь, да в ней намек...», или О принципах конструирования политической медиареальности // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 18–27.

Залевская А. А. Проблема знания в различных ракурсах / Наука о языке в изменяющейся парадигме знания // Studia Linguistica cognitiva. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. Вып. 2. 352 с.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. 832 с.

Карасик В. И. Языковая пластика общения : монография. М. : Гнозис, 2021. 536 с.

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-212.htm#zag-2372> (дата обращения: 20.08.2022).

Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Погода и климат. URL: <http://www.pogodaiklimat.ru> (дата обращения: 10.06.2022).

Маркеры фейка в медиатекстах / И. А. Стернин, А. М. Шестерина, К. И. Грибанова, В. Д. Ошерова, А. С. Суворова, Д. Ю. Просовецкий // Рабочие материалы. Воронеж : РИТМ, 2020.

Энциклопедия Кругосвет. URL.: https://www.krugosvet.ru/enc/Earth_sciences/geografiya/IRKUTSK.html (дата обращения: 10.06.2022).

УДК 800.1

Ж. А. Микаелян (Москва)

Московский информационно-технологический университет
Московский архитектурно-строительный институт

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИИ СТИЛЯ

Аннотация. Представлено теоретическое обоснование онтологии стиля как метаязыковой субстанции и определена практическая адекватность термина «стиль» отрезку языковой реальности, обозначенному этим термином. Пранализированы различные интерпретации данного основополагающего понятия стилистики в лексикографических источниках (словарях).

Ключевые слова: стиль, стиль языка, стиль речи, функциональный стиль, онтология, стилеобразующий фактор.

Zh. Mikaelian (Moscow)

Moscow Information and Technology University
Moscow Architecture and Construction Institute

ON THE ONTHOLOGY OF STYLE

Abstract. The objective of the article is to present a theoretical substantiation of the ontology of “style” as a metalanguage substance and to define practical adequacy of the term “style” to the fragment of reality denoted by this term. To achieve this aim, we carried out an analysis of various interpretations of this fundamental notion of stylistics in lexicographic sources (dictionaries).

Keywords: style, style of language, style of speech, functional style, ontology, style-forming factor.

В последние десятилетия научная парадигма лингвистики претерпела кардинальные изменения: язык стал рассматриваться не как статическая семиотическая система знаков, а в коммуникативном плане как динамическая, развивающаяся система, т. е. лингвистика из системно-структурной превратилась в коммуникативно-функциональную. Традиционная структурная лингвистика при определении стиля не учитывала семантическую составляющую стиля. По словам И. Р. Гальперина, «гиперболизация формально-структурных особенностей языковых явлений... привела к недооценке плана содержания, а в крайних проявлениях – к полному его исключению из сферы лингвистики» [Гальперин, 1973, с. 14–15]. В связи с этим значительно возрос интерес лингвистов к функционально-стилистическому расслоению языка, обусловленному использованием различных стилей речи в различных коммуникативных сферах. По справедливому замечанию И. Р. Гальперина, «в сферу стилистических исследований входят как необходимый ингредиент не только онтология экспрессивно-эмоциональных средств языка, но также и способы их передачи» [Там же, с. 15].

Расплывчатость и нечеткость определений и интерпретаций основополагающих понятий стилистики, содержащихся в современных исследованиях по стилистике, отмечается многими авторами, которые полагают, что «стилистика характеристика языкового элемента (слова, предложения, формулы и т. п.) часто имеет слабые и порой неясные контуры и выступает всегда гораздо менее отчетливо, чем его основное лексическое или грамматическое значение. Именно в силу этого при стилистическом анализе действительно научные выводы часто подменяются импрессионистическими и субъективными оценками» [Пиотровский, 1954, с. 55]. В результате многие категории и термины стилистики до сих пор остаются дискуссионными.

В первую очередь это касается термина «стиль». Имеющиеся в лингвистической литературе толкования этого термина не дают четкого представления об онтологии понятия, обозначенного этим термином. Неопределенность этого термина усугубляется многозначностью самого слова «стиль». Термин «стиль» в утилитарном смысле охватывает самые разнообразные области и формы человеческой деятельности: языковое общение (коммуникацию), литературу, науку, искусство, стиль одежды, стиль интерьера, стиль работы, стиль жизни. Самое широкое толкование термина «стиль» как «метод или способ выполнения какого-либо действия или степень качества любой человеческой деятельности» основано на этимологии этого слова: *стиль* (от лат. *stilus* < греч. *stilos* – остроконечная палочка, которой римляне пользовались как орудием письма на деревянных таблич-

ках, покрытых воском, или на глиняных табличках¹. Для адекватной интерпретации онтологии термина «стиль» целесообразно рассмотреть эволюцию интерпретации понятия стиля в различные исторические эпохи.

Первыми, кто пытался рассмотреть и проанализировать понятие стиля, были античные философы Греции и Рима. Именно они понимали стиль как искусство воздействия речи на мысли, чувства и действия человека. Впоследствии это воздействие стало объектом изучения таких наук, как прагматика и стилистика. В эпоху античности понятие стиля ассоциировалось только с устной речью: стиль речи был важнейшим средством убеждения, воздействия на слушателя, поэтому искусству красноречия – риторике – уделялось особое внимание. Риторике обучали в специальных школах риторов, где греческий язык считался языком-идеалом. Известно изречение древних греков: «Кто не говорит по-гречески, тот варвар». Аристотель еще в IV в. до н. э. в своих работах «Поэтика» и «Риторика» излагал теоретические положения о стиле, многие из которых до сих пор не утратили своей актуальности. Так, под термином «стиль» он понимает способ словесного выражения предметов в правильно составленной речи и выделяет группу взаимодействующих, синонимичных со стилем понятий – «способ», «форма», «манера». Античная поэтика и риторика выделяет различные виды стилей на основании степени словесного воздействия на воспринимающее сознание: «серьезный стиль» (*gravis*), «средний стиль» (*mediocris*) и «упрощенный стиль» (*attenuatus*). Аристотель подчеркивал важность стиля речи: «Так как все дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует заботиться о стиле не как о чем-то, заключающем в себе истину, а как о чем-то неизбежном» [Фрейденберг, 1936, с. 176].

Определение стиля у римского философа I в. до н. э. Марка Туллия Цицерона созвучно элементам современного, функционального подхода к определению стиля: «Не для всякого общественного положения, не для всякой должности, не для всякой степени влияния человека, так же как не для всякого места и момента, одинаково подходит один и тот же стиль; но в каждой части речи, так же как и в жизни, надо всегда иметь в виду, что уместно; это зависит и от существа дела, о котором говорится, и от лиц, говорящих и слушающих [Там же, с. 196].

В Средние века риторика продолжала традиции Античности. Это нашло отражение в теории поэзии: поэтика унаследовала от античной риторики понятие стиля как способа правильного использования языковых средств для достижения нужных целей. Выделенные в период античности

¹ Палочка для письма была заострена с одного конца: этим концом писали, царапая по воску. С другой стороны она имела форму лопаточки: этим концом стирали написанное при поправках. Этим объясняется ставшее пословицей выражение: *Saepe stilum vertas* (Чаше поворачивай стиль), т. е. зачеркивай, правь, исправляй написанное.

такие качества стиля, как ясность, целесообразность и уместность, продолжали играть решающую роль в поэзии. Последовательное развитие идей античной риторики находим у Вильгельма фон Гумбольдта в его книге «О различии организмов человеческого языка». Ученый не использует термин «стиль», но выделяет в качестве двух основных функциональных разновидностей языка поэзию и прозу. Поэзия, по Гумбольдту, воспроизводит «действительность в ее чувственном явлении», а проза «связана с интеллектуальным развитием» и требует «более строгого одевания». Поэзия и проза, в понимании В. фон Гумбольдта, – различные языковые явления, имеющие свои особенности в выборе слов и выражений, в употреблении грамматических форм и синтаксических способов соединения слов в речи, а также в эмоциональном тоне. Фактически различение поэзии и прозы у В. фон Гумбольдта является прообразом стилиевой дифференциации языка [Гумбольдт, 2013, с. 182–188].

В России о стиле впервые упоминает М. В. Ломоносов в трактате о поэтике *Письмо о правилах российского стихотворства* (1786 г.), но самым важным, несомненно, стало стилистическое учение Ломоносова: его теория трех «штилей». В 1757 г. в трактате *Предисловие о пользе книг церковных в российском языке* он пишет о том, какие именно слова должны использоваться в различных жанрах. Теория М. В. Ломоносова делится на три части: учение о типах речений (словах), учение о «штилях» и учение о жанрах. Кроме этого, он установил соотношение всех этих категорий литературы. Согласно его теории в русском языке существуют следующие типы речений: *церковно-славянские слова, общеупотребительные слова и разговорные слова* – вместе они формируют литературный язык, т. е. язык богов. Отдельно М. В. Ломоносов выделял речения, которым в языке не место, это устаревшие слова, непонятные церковные слова и выражения и «подлые слова», т. е. ругательства [Ломоносов]. М. В. Ломоносов классифицировал и разграничил стили русского литературного языка в зависимости от стилистической характеристики слов, выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций, и тем самым он определил нормы «штилей» – высокий (книжный), средний и низкий (разговорно-просторечный). Все слова он распределил на три «штиля»: высокий (который создается церковно-славянскими и общеупотребительными словами), средний (к которому относятся только общеупотребительные слова) и низкий (в который входят разговорные слова). Жанр и «стиль» самого М. В. Ломоносова – это торжественные оды, прославляющие русских императриц (Елизавету и Екатерину) и российскую монархию; все его оды написаны высоким «штилем».

До конца XVIII в. стиль как «искусство красноречия» определялся в теории и на практике традициями античной риторики. В Германии первой

теоретической работой, посвященной проблемам стиля, была книга немецкого лингвиста И. Х. Аделунга «О стиле немецкого языка» (1785 г.), в которой он, продолжая традиции античной школы, следовал стилиевой концепции Аристотеля: стиль – это объективная данность, которая должна отвечать критерию целесообразности [Брандес, 1971, с. 67–72]. Следует отметить, что все стилистические работы античных и средневековых авторов носили прикладной (практический) характер: они были написаны в форме правил в школьных учебниках. Главной целью стиля для этих авторов остается прагматическая: сознательное воздействие на слушателя.

В стилистике Нового времени традиции рационализма и классицизма были продолжены женеvской школой во главе с швейцарским лингвистом Ш. Балли, который впервые в языкознании поставил проблему соотношения **интеллектуальной** (номинативной, информационной, рациональной, логической) и **аффективной** сфер языка. Он полагал, что в любом речевом акте всегда содержится эмоциональный компонент: «ведь то, что принадлежит естественному языку, не может быть полностью и исключительно интеллектуальным» [Балли, 2009, с. 77]. Говоря о задачах стилистики, Ш. Балли утверждает, что она (стилистика) «изучает язык в его связи с реальной жизнью, и мысль, которая находит свое выражение в жизни, почти всегда так или иначе эмоциональна» [Там же, с. 79]. Ш. Балли по праву считается основателем функционального направления в стилистике: он первым обозначил соотношение между языком и мыслью как предмет науки стилистики, обосновал принципы исследования **функциональных стилей** и представил научно-обоснованную классификацию стилей французского языка. Теория ассоциативных эффектов Ш. Балли предвосхитила такую проблематику современной стилистики, как социологический аспект функциональных стилей: принадлежность к определенному обществу, классу, культурно-образовательный уровень, традиции, моральные ценности.

В начале XX в. в лингвистических исследованиях появляется термин «функция». Появление этого термина связано с работами чешских ученых – представителей так называемого Пражского лингвистического кружка. В 1926 г. по инициативе В. Матезиуса в Праге был основан лингвистический кружок, так называемый ПЛК, представителями которого были К. Гаузенблас, В. Матезиус, В. Скаличка, Ф. Травничек, Р. Якобсон и др. Основание этого кружка положило начало школе **функциональной лингвистики** (выделено нами). Основной заслугой Пражской школы было представление о языке как о динамической семиотической системе и разработка понятия языковой функции. Термин «функция» употреблялся для обозначения значимости (роли) того или иного элемента языка в целостной системе языка [Пражский лингвистический кружок, 1967, с. 432–443].

Функциональную концепцию языка активно поддерживали и продолжили советские и российские лингвисты – исследователи проблем стилистики: И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, М. Я. Блох, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, М. Н. Кожина, В. Д. Левин, В. В. Одинцов, Ю. М. Скребнев и др. В языкознании Нового времени прослеживаются отголоски учения о «трех стилях речи» в модифицированном виде. «В современных развитых национальных языках существуют три наиболее крупных стиля: нейтрально-разговорный (или, при другой классификации, разговорный), более “высокий” – книжный, более “низкий” – фамиллярно-просторечный... Каждый стиль закреплен традицией за типовой общественной ситуацией: книжный – за ситуацией официального общения, нейтрально-разговорный – за ситуацией повседневного служебного, бытового общения, фамиллярно-просторечный – за ситуацией интимно-бытового и семейного общения. Все стили и подразделения называются иногда в современной лингвистике функциональными стилями» [Степанов, 1976, с. 517].

В исследованиях лингвистов XX в. понятие функционального стиля присутствует на правах полноправного элемента метаязыка лингвистики. Подводя итоги дискуссии по вопросам стилистики, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы языкознания» в середине XX в., В. В. Виноградов справедливо отмечает связь стилистики с реальной ситуацией, в которой имеет место речевой акт: «Связи и отношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются не на структурное качество языка, не на формы и не на лексические или грамматические значения, а на социально-экспрессивные оттенки, **на свойства функционального использования языковых средств** в многообразии видов общественно-речевой практики» [Виноградов, 1955, с. 67–68].

Особого внимания заслуживают две концепции выдающихся российских лингвистов XX в., которые повлияли на развитие дальнейших исследований проблем стилистики. Это работы академиков Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, в которых было выдвинуто понятие стиля языка как особой системы средств выражения, представляющей необходимую составную часть общей системы языка. Л. В. Щерба в понятии стиля выделяет в качестве основных признаков функциональный и экспрессивный. Обосновывая функциональный принцип, Л. В. Щерба писал: «Русским филологам предстоит еще большая работа по созданию настоящей полной стилистики русского литературного языка. В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком,

а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок» [Щерба, 1957, с. 117].

Однако основное направление стилистических исследований в нашей стране определили работы В. В. Виноградова. Академик В. В. Виноградов впервые предложил определение стиля в функциональном аспекте, ставшее впоследствии хрестоматийным и послужившее базой для дальнейших исследований в области стилистики. «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955, с. 73]. Это определение согласуется с представлением Л. В. Щербы о стилях как концентрических кругах в языке, образованных синонимическими рядами, однако оно шире определения Л. В. Щербы, поскольку включает вопрос об организованной системе средств языкового выражения, которая находится в зависимости от определенной **сферы применения языка**, от **социальной ситуации** и условий общения, т. е. подчеркивается зависимость стиля от экстралингвистических факторов.

Активное использование термина «стиль» в различных сферах общественной деятельности свидетельствует о том, что этот термин приобрел **междисциплинарный** (межсистемный) характер, и проблема его функционирования в этом статусе стала предметом специального рассмотрения. Широкое понимание стиля как междисциплинарного понятия нашло отражение в словарных дефинициях термина «стиль», представленных в лексикографических источниках – как в общих, так и в специальных словарях.

В переводоведческом словаре на первый план понятия стиля выдвигается отбор и сочетание языковых средств. «Стиль – это разновидность языка, характеризующаяся особенностями в отборе, сочетании и организации языковых средств в связи с задачами (функциями) высказывания» [Нелюбин, 2003, с. 214].

В современном *Лингвистическом энциклопедическом словаре* выделяется 5 значений слова *стиль*: 1) стиль языка, который определяется как разновидность языка, закреплённая в данном обществе за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично различающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой; 2) функциональный стиль; 3) общепринятая манера, обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, передовая статья в газете, научная (узкоспециальная) лекция, судебная речь, бытовой диалог, дружеское письмо и т. д. Стиль в этом смысле характеризуется не только набором (параметрами)

языковых средств, но и композицией акта; 4) индивидуальная манера, способ, которым исполнены речевой акт или произведение, в том числе литературно-художественное; 5) языковая парадигма эпохи, состояние языка в стилевом отношении в данную эпоху [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 492].

Известный исследователь стиля русского языка М. Н. Кожина, говоря об онтологии стиля, утверждает, что стиль – явление не столько языковое, сколько речевое, свойственное высказываниям и создающееся в них. Она отмечает целенаправленность речи (т. е. функциональный принцип) как основной онтологический признак стиля. «Стиль творится и выражается в речевой деятельности, в процессе употребления языка и запечатлевается в тексте. Стиль – это одно из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности, обусловленных в той или иной сфере и ситуации общения определенной совокупностью *экстралингвистических стилеобразующих факторов*» [Кожина, 2006, с. 511].

Попытки толкования понятия стиля с эстетических позиций отразились в словарях по эстетике. В качестве эстетической категории это понятие антропологизировалось, т. е. применялось не к самому языку, а к личности пишущего, находящей выражение в языке. «Стиль (от греч. и лат. *stilos* – способ или образ изложения, изображения, выражения) – совокупность главных идейно-художественных особенностей творчества, *манера*, проявляющаяся в типичных для *него* темах, идеях, конфликтах, а также в своеобразии изобразительно-выразительных средств, художественных приемов» [Краткий словарь по эстетике, 1983, с. 160].

Определение понятия стиля как ключевого понятия стилистики часто смешивается с литературоведческим толкованием стиля. Сопоставляя литературоведческое и искусствоведческое определения стиля, мы приходим к выводу о том, что для литературоведа, так же как и для искусствоведа, важно самое широкое значение слова «стиль» как совокупность своеобразных художественных средств, характерных для того или иного литературного произведения или произведения искусства. Для лингвиста понятие стиля связано с особым свойством языковых единиц, которое выражается в дополнительных по отношению к нейтральным (коннотативных) значениях этих единиц различных уровней языковой структуры.

Особо следует упомянуть трактовку стиля, которая уже несколько десятилетий подвергается критике со стороны лингвистов, считающих ее несостоятельной. Таким несостоятельным с лингвистической точки зрения является жанровый подход к выделению и определению стилей. При таком подходе смешиваются понятия стиля и жанра, которые коренным образом отличаются друг от друга: «стиль» – понятие лингвистическое, «жанр» – понятие литературоведческое.

Наиболее адекватное, на наш взгляд, представление о стиле как явлении метаязыка лингвистики, которое отражает базисные онтологические свойства стиля, такие как соотнесение стиля с эмоционально-экспрессивными качествами речи и функциональной направленностью речевого акта, дается в Словаре лингвистических терминов. «Стиль (слог, язык) (англ. style, фр. style, нем. stil, исп. estilo) – одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема со своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других разновидностей в основном экспрессивно-оценочными свойствами составляющих ее элементов и обычно связанная с определенными сферами употребления речи; то, что эти разновидности, или подсистемы, являются дифференциальными (т. е. имеют задачей различение), выявляется особенно ясно тогда, когда элементы одного стиля контрастируют с элементами другого» [Ахманова, 2005, с. 455].

Современный исследователь закономерностей стилистического использования языковых единиц Т. Г. Винокур, анализируя особенности стилистического использования языковых единиц, отмечает **коннотативность** как онтологическое качество, общее для всех единиц, составляющих «стилистический узус» (термин Т. Г. Винокур) языка: «Существует, впрочем, одно положение, с которым в последнее время ...соглашаются все исследователи стилистических явлений: эти явления находятся в отношениях дополнительной дистрибуции к основным языковым классификациям. Характер стилевых свойств – **коннотативный**. Именно класс коннотаций ложится в основу всех стилистических определений, в каких бы понятиях и терминах они не получили бы затем выражение (стилистика – окраска, стилистическое средство, стилистический прием, стилистическое значение и пр.)» [Винокур, 2009, с. 7]. Таким образом, коннотативность языковых средств, реализующих понятие стиля в речи, также является свойством, онтологически присущим понятию стиля. Это свойство стилиобразующих элементов языка отмечали все исследователи от Аристотеля до современных лингвистов-стилистов.

Анализ семантического содержания, т. е. структуры значений полисемантического термина «стиль», представленных в словарных дефинициях отечественных и зарубежных лексикографов и лингвистов, позволил выделить три основных семы значения термина «стиль», обусловленных онтологией понятия «стиль». Первое и самое широкое значение этого слова, которое представлено в общих (неспециальных) словарях, относится к «приему, способу и методу выполнения любого действия». Второе значение отражает литературоведческий аспект стиля как «системы идейно-художественных особенностей литературного произведения или манеры творчества автора произведения искусства». Третье значение, представленное в специальных лингвистических и переводоведческих словарях,

описывает стиль как «своеобразную систему языковых средств, обладающих экспрессивно-оценочными свойствами». Из перечисленных трех значений термина «стиль» только третье значение, а именно наличие экспрессивно-оценочных свойств языковых единиц компонентов понятия стиля, также является онтологически обусловленным стилеобразующим фактором.

Автор стилистического энциклопедического словаря М. Н. Кожина также полагает, что дифференциальным признаком понятия стиля в широком смысле является экспрессивность, отклонение от нормы, от нейтральности единиц, составляющих коннотативный аспект понятия стиля: «наличие некоего своеобразия, специфической характерологической черты (не нейтральности) у разновидности языка/речи... каких-то отклонений от обычного, буквального, лишённого коннотаций обозначения предмета речи (денотата в широком смысле) у одного стиля по сравнению с другим» [Кожина, 2006, с. 510].

При сопоставлении толкований понятия стиля в источниках различного целевого назначения можно выделить общий инвариантный дифференциальный признак понятия стиля – своеобразие, особенность, отличительная черта. Будет ли это своеобразие художественное, или своеобразие языковых средств, или в переносном значении своеобразие человеческого поведения – в любом случае своеобразие – это основной онтологический дифференциальный признак понятия «стиль».

Из всех определений стиля, представленных в лексикографических источниках, исключительную значимость для лингвистических исследований представляет определение стиля, предложенное академиком В. В. Виноградовым, в котором кроме вышеуказанных значений выделяется функция стиля, отражающая «отбор и сочетание средств речевого общения». «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955, с. 73]. Это определение адекватно отражает место стилистики и ее основополагающих категорий в системе языка, а также функции стиля в речевой деятельности человека.

Подводя итоги рассуждений относительно онтологии понятия «стиль», мы приходим к следующим выводам. Стиль – понятие междисциплинарное, многоаспектное и многогранное, что является причиной наличия его многочисленных и разноплановых толкований и определений, в каждом из которых гипертрофируется и ставится во главу угла один из его аспектов.

Стиль как междисциплинарный термин имеет двустороннюю сущность: он является одновременно понятием лингвистическим и экстралингвистическим, так как, реализуя свои онтологические свойства в процессе вербальной коммуникации, он выходит за языковые рамки и оказывается понятием экстралингвистическим.

Стиль – понятие историческое, которое существует с древнейших времен до наших дней. На протяжении веков с развитием науки лингвистики увеличивалось количество школ, направлений, концепций исследования, что повлекло за собой появление новых и пересмотр старых терминов, поэтому описание терминов и понятий метаязыка лингвистики приобрело особую значимость. Понятие стиля изменялось, модифицировалось и пополнялось новыми аспектами: от понимания стиля как искусства воздействия и средства убеждения человека в античной риторике, через стиль как выражение своеобразия личности автора (теория ассоциативных эффектов Ш. Балли) до понятия функционального стиля как системы языковых средств, находящихся в тесной связи с экстралингвистическими факторами. В результате термин «стиль» приобрел функциональный характер; тем самым этот термин пополнил метаязык лингвистики и стал одним из основополагающих понятий лингвистического анализа и науки лингвостилистики.

На настоящий момент можно выделить следующие основные онтологические свойства понятия «стиль»: а) **антропоцентричность**; б) **коннотативность**, выражающуюся в экспрессивно-эмоциональных языковых средствах, составляющих основу понятия стиля; в) **аксиологический аспект** понятия стиля, который проявляется в оценочном компоненте коннотативности как онтологическом свойстве стиля; г) **телеологичность** (целенаправленность на оказание определенного воздействия на адресата).

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е. М. : КомКнига, 2005. 608 с.
- Балли Ш. Язык и жизнь ; пер. с фр. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС, 2009. 232 с.
- Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка). М. : Высш. шк., 1971. 160 с.
- Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
- Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 240 с.
- Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 14–25.
- Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: предисл. ; пер. с нем. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 376 с.
- Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. Изд. 2-е. М. : Флинта : Наука, 2006. 696 с.

- Краткий словарь по эстетике / под ред. М. Ф. Овсянникова М. : Просвещение, 1983. 223 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Изд. 2-е. М. : Большая Российская Энциклопедия, 2002. 709 с.
- Ломоносов М. В. URL: <http://www.nado5.ru/e-book/lomonosov-teoriya-trekh-stilei.html> (дата обращения: 20.08.2022).
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта, 2003. 320 с.
- Пиотровский Р. Г. О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 55–68.
- Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. Н. А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. 558 с.
- Степанов Ю. С. Стиль языка // Большая советская энциклопедия. 3 изд. Т. 24. I. М. : Советская энциклопедия, 1976. С. 517.
- Фрейдсберг О. М. Античные теории языка и стиля. М. ; Ленинград : Соцэкгиз, 1936. 342 с.
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. С. 117–128.

УДК 115

Л. Р. Миркушина (Москва)

Московский городской педагогический университет

ВРЕМЯ КАК АТТРИБУТ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Исследуется одно из фундаментальных свойств бытия – время. В этой связи проводится анализ современных философских представлений о времени и восприятия человеком времени как атрибута его сознания. В данном контексте рассматривается необратимость времени, его роли как регулятора человеческого поведения и стимулятора осмысленного отношения к действительности. Особое внимание уделяется современному отношению ко времени как к инвестиции, технологии «тайм-менеджмент», рационализации использования ресурса.

Ключевые слова: философия постмодернизма, время, человеческое бытие, деконструкция.

L. Mirkushina (Moscow)

Moscow City University

TIME AS AN ATTRIBUTE OF POSTMODERN HUMAN CONSCIOUSNESS

Abstract. The article explores one of the fundamental properties of being – time. In this regard, an analysis is made of modern philosophical ideas about time and the perception of time by a person as an attribute of his consciousness. In this context, the irreversibility of time, its role as a regulator of human behavior and a stimulator of a meaningful attitude to reality is considered. Particular attention is paid to the modern attitude to time as an investment, time management technology, rationalization of resource use, while missing important components of human life.

Keywords: postmodern philosophy, time, human existence, deconstruction.

Отношение и представление человека о времени всегда имело определенный характер. Человек остро осознает проходящее время, проживая смену времен года, чувствуя, как оно течет, изобрел способы измерения времени, хотя сложно дается осмысление его определения. Но так или

иначе время является основным аспектом существования на протяжении всей жизни, фундаментальным свойством бытия. И. Кант говорил, что время и пространство – это «неснимаемые очки» и «то, что структурирует работу нашего ума» [Кант, 1993], таким образом, человек воспринимает реальность с помощью времени, меняя и свое собственное сознание. Немецкий философ Г. Гегель предположил, что мы не только осознаем время из-за всех вещей, которые меняются в мире, но и сами являемся его частью, поэтому и наше сознание может меняться. Мы воспринимаем течение времени как исторический процесс, в котором дух каждой эпохи – *Zeitgeist* (букв. «дух времени») неизбежно меняется с появлением новых идей.

В XX в. французский философ Анри Бергсон под влиянием дарвиновской теории эволюции рассматривал реальность как эволюционный непрерывный процесс, сродни представлению Гераклита о постоянно меняющемся потоке. Он также утверждал, что у нас есть прямое внутреннее восприятие времени и это сущность нашего существования. М. Хайдеггер пришел к подобному заключению с другой перспективы. Мы существуем в мире пространства и времени и осознаем не только наше физическое положение в нем, а также наше настоящее, но и будущее, и прошлое, и тот факт, что у нашей жизни есть начало и конец. Мы не просто воспринимаем время, наше существование и есть время. Несмотря на эту важную точку зрения, некоторые философы продолжают спорить, что время – это аспект человеческого восприятия, а не реальности.

Мифологическое мировоззрение представляло цикличность времени, которая отражалась в жизни самих людей: сезонность работ, ритуальные праздники, сменность времен года. Идея общественного прогресса и принцип линейного детерминизма, доминировавший в европейской культуре на протяжении всей ее истории, начинают утрачивать свои позиции в связи с тем, что меняется культурная парадигма на рубеже XX–XXI вв., характеризующаяся нелинейностью динамики в социально-историческом и в научно-познавательном измерении [Можейко, 2020, с. 84].

В этой связи интересным нам представляется анализ современных философских учений о времени и восприятие человеком времени как атрибута его сознания. Философский постмодернизм обосновал главное настроение эпохи, которое состоит в развитии или множественности, сложности и неоднозначности бытия, изменчивости социального мира. Подвергая сомнению прежние традиционные утверждения о понимании времени, истинным идеалом постмодернистов является хаос, именуемый Ж. Делёзом «хаосмосом» [Делёз, 1998, с. 330]. По утверждению Е. А. Пилипенко, выявляется состояние неупорядоченности, где превалирует плюралистическое и фрагментарное видение мира, отдающее предпочтение различию и подвижности материй и общей неопределенности [Пилипенко, 2016, с. 31].

На первый план выходит метод деконструкции как способ преодоления кризисной ситуации, освобождение смысла путем замены фундаментальных философских понятий [Руднев, 2001]. Данный универсальный метод выдвигает Ж. Деррида в работах «Голос и феномен» [Деррида, 1999, с. 150], «Презентация времени». В процессе деконструкции происходит разложение традиционной структуры и истины, которые становятся бессмысленными, а время становится симулякром, свойством сознания.

Важно отметить, что в философии постмодерна не существует единой концепции, которая была бы предложена взамен классической, соответственно, как и нет единого представления о времени. Время мыслится свойством сознания: постигается опосредованно через знак, память, традицию. По мнению Н. А. Трубиной, постмодернистские методологические принципы ризомы и деконструкции разрушают целостное понимание бытия человека [Трубина, 2015, с. 3]. Настоящее в этом времени поглощает прошлое и будущее, оказывается самодостаточным, делает невозможным выход за его собственные пределы «в другое время». Время больше не объективно, не универсально, но субъективно и специфично, это «собственное» время наблюдателя, существующее только «сейчас», возможно в форме даже социального времени. При этом тождества трансцендентного с имманентным не происходит и Деррида признает только имманентный синтез времени, существующий в сознании человека, а вопрос о существовании времени бытия остается открытым.

Таким образом, философия постмодерна развернула вектор представления о времени в сторону отражения психологического и социального составляющего, все больше ученых стали обращаться именно ко времени как социальной категории, выражая субъективный подход, интуитивное ощущение человека ко времени, включающие социальные переживания и эмоции, связанные с ним, объясняя, что человеческая деятельность детерминирует специфику социальной организации времени общества и ее особенности на каждом этапе. В данном контексте рассматривается восприятие необратимости времени, его роли как регулятора человеческого поведения и стимулятора осмысленного отношения к действительности.

Например, известно утверждение, что ощущение течения времени зависит от интенсивности социальных изменений: если в жизни человека происходит мало изменений и событий, то социальное время течет медленно, если изменений много, то время ускоряет свой ход. Согласно «социальным часам» десятилетия застоя равны году революционной перестройки. Представление о времени и понятие времени имеют смысл лишь постольку, поскольку мир находится в состоянии движения и развития, если бы материя была вне движения, понятие времени не имело бы смысла [Гатаулин, 2022, с. 34].

Основанием интуитивного чувства времени в организме человека выступают биологические часы, в функции которых выступают различные жизненные ритмы – периодически возникающая и затухающая активность клеток и отдельных органов. Осмысление конечности своего биологического существования определяет вечный поиск человеком бессмертия, а также осознание смерти заставляет прожить более полноценную и насыщенную событиями жизнь.

Довольно популярно для современного человека использование концептуальной метафоры «время – деньги», которая анализируется в работе Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 11]. Выясняется, что человек как субъект в данной парадигме воспринимает время жизни как инвестицию, рациональное использование ресурса, упуская при этом важные составляющие жизни, такие как внимание и способность к концентрации, память и воображение. Данная трактовка уходит корнями в этику протестантизма и эпоху зарождения капитализма, когда речь шла об оптимизации производства, чтобы экономить время и избежать бесполезных действий. Однако распространенная технология повышения эффективности стала переходить и на другие сферы личной и общественной жизни. Подкрепляется данная метафора популярной техникой эффективного управления временем «тайм-менеджмент». При этом начинает страдать досуговая часть жизни, включающая удовольствия и привычки, которые меньше поддаются контролю и рационализации. Вследствие этого может развиваться фоновая тревога о упущенных возможностях и чрезмерные усилия могут направляться на контроль и эффективность. Также, возвращая и продолжая тенденцию эффективного тайм-менеджмента, человек стремится заполнить жизнь активностью, наполнить ее динамичными событиями, порождая суетливость, торопливость и ускоренный ритм жизни, что может грозить в будущем выгоранием, хронической усталостью и апатией.

Таким образом, философия постмодернизма склонна утверждать, что время мыслится свойством сознания, оно субъективно как индивидуальное переживание человеком своей жизни. Философия постмодерна развернула вектор представления о времени в сторону отражения психологического и социального составляющего, появляется категория «социального времени», выражающая интуитивное ощущение человека ко времени, социальные переживания и эмоции, связанные с ним, объясняющая, что человеческая деятельность детерминирует специфику социальной организации времени общества и ее особенности на каждом этапе. Однако в современной парадигме ускоренного темпа жизни, восприятия времени как инвестиции теряется важная составляющая сущности личности – смысл самой жизни.

Литература

- Гатаулин Р. Р. Специфика проблемы социального пространства и времени в философском понимании // Парадигма. 2022. № 2–4. С. 30–37.
- Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свицкого. М., 1998. 480 с.
- Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999. 208 с.
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосский. СПб. : ТаймАут, 1993. 477 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем ; пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС. 2004. 256 с.
- Можейко М. А. Время человеческого бытия в парадигме постнеклассики // Социальные трансформации. 2020. № 31. С. 84–97.
- Пилипенко Е. А. Время в философии постмодернизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 1. С. 31–35.
- Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 2001. 608 с.
- Трубина Н. А. Модальная сущность бытия человека : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. Омск, 2015. 22 с.

УДК 811.111

А. С. Моисеева, Л. А. Сидорова (Чебоксары)

Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Выявляется, что успешность, эффективность и популярность журнала зависит во многом от того, как рекламодатель преподносит информацию и на кого ориентирован рекламный текст. Исследуются особенности рекламных текстов для женщин в России и Великобритании. Рассматриваются различные виды рекламы; особенности восприятия действительности у людей, проживающих на разных территориях; проанализированы журналы «Лиза» и Bella, предназначенные для женской аудитории, которые публикуются только в России и Великобритании соответственно.

Ключевые слова: рекламный текст, гендер, пол, образ женщины, образ мужчины.

A. S. Moiseeva, L. A. Sidorova (Cheboksary)
I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

FEATURES OF ADVERTISING TEXTS FOR WOMEN IN RUSSIA AND GREAT BRITAIN

Abstract. The relevance of this article lies in the fact that the success, effectiveness, and popularity of the magazine depends largely on how the advertiser presents information and who the advertising text is aimed at. The purpose of the article is to study the features of advertising texts for women in Russia and Great Britain. In this study, the authors consider various types of advertising; features of perception of reality among people living in different territories; analyze the magazines “Lisa” and “Bella”, intended for a female audience, which are published only in Russia and the UK, respectively.

Keywords: advertising text, gender, image of a woman, image of a man.

Реклама в современном мире уже стала неотъемлемым его компонентом. С развитием общества происходит и эволюция рекламного текста. С появлением новых цифровых средств видов рекламы становится все больше и больше, и она проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности.

тельности. При создании рекламного текста нужно учитывать разные факторы, которые влияют на сознание потребителя. Одним из таких факторов является менталитет народов разных стран.

Актуальность данной статьи заключается в том, что успешность, эффективность и популярность журнала зависит во многом от того, как рекламодатель преподносит информацию и на кого ориентирован рекламный текст. В данной статье мы проанализируем содержание журналов «Лиза» и Bella, предназначенных для женской аудитории, которые публикуются только в России и Великобритании соответственно.

Термин «реклама» происходит от латинского слова *reclamare*, которое означает ‘громко кричать’ или ‘извещать’. В Древней Греции и Риме объявления громко выкрикивались или зачитывались на площадях или в других местах скопления народа [Ромат, 2003].

Реклама является многофункциональным средством, так как она совмещает в себе разные функции и задачи. Именно поэтому сложно выделить одну единую классификацию рекламы.

В зависимости от фиксированности на определенном сегменте аудитории реклама бывает селективной (т. е. адресована определенной группе покупателей) и массовой (подразумевает отсутствие определенного контингента). В зависимости от широты охвата аудитории рекламу делят на локальную (рассчитана на потребителей, проживающих в данном городе или районе), региональную (охватывает определенную часть страны), общенациональную (в масштабах всего государства), международную (на территории нескольких государств) и глобальную (распространяется на весь мир).

В зависимости от целей и задач рекламу классифицируют как информативную, увещательную и напоминающую рекламу.

В зависимости от способа воздействия на потребителя реклама может быть зрительной (печатная реклама), слуховой (радиореклама), зрительно-обонятельной (ароматизированная листовка) и зрительно-слуховой (видеореклама).

В зависимости от используемых средств распространения рекламного обращения рекламу делят на печатную, радио- и телерекламу, наружную (уличная реклама), транзитную (реклама в транспорте), сувенирную (реклама брендов) [Дмитриева, 2012]. При создании рекламного текста рекламодатели большее внимание уделяют последним двум типам классификации рекламы.

Чтобы рекламный текст эффективно воздействовал на потребителя, прежде всего, нужно понять, на кого будет ориентирована реклама. Любой рекламный текст в журналах, газетах, на листовках, на баннерах, по радио, по телевизору, предназначенный для мужской аудитории, в значительной мере будет отличаться от текста, ориентированного на женскую половину

населения. В первую очередь это связано с психологией, которая приписывает человеку определенные свойства характера и модель поведения в разных ситуациях.

Стоит заметить, что, когда речь идет о мужчинах и женщинах, нужно различать понятия «пол» и «гендер». Термин «пол» относится преимущественно к биологической составляющей человека, в то время как реклама гораздо чаще имеет дело с его социальной составляющей. В. К. Харченко дает следующее определение: «Гендер – это социально и культурно маркированная специфика пола, которая подразумевает взаимосвязь социального положения, поведения, образа жизни человека и его биологического пола» [Харченко, 1983, с. 38–40]. Получается, что гендер – это прежде всего то, как сам человек себя ощущает, какие нормы поведения он считает допустимыми для своего пола, и соответственно, какие решения он может принимать, какой выбор совершать. Особенности восприятия информации обусловлены гендерными характеристиками.

Как показывает многолетняя практика, тематика бесед обусловлена социальной ролью говорящих. Женщины, как правило, создают очаг дома, воспитывают детей, в то время как мужчины зарабатывают деньги, обеспечивают и защищают свою семью. Поэтому в женских журналах есть разделы, посвященные моде, уходу за собой, отношениям с мужчинами, воспитанию детей, диетам и кулинарии. Тематика мужских журналов обычно затрагивает такие темы как бизнес, автомобили, строительство и спорт.

Но являются ли мужские и женские особенности при создании рекламного текста едиными для всех мужчин и женщин соответственно? Существует множество факторов, которые влияют на восприятие текста. К таким факторам можно отнести внутренне состояние личности, воспитание, место проживания и т. д. Немаловажную роль при создании образа играет и менталитет разных народов, поскольку, проживая на разных территориях, имея и соблюдая различные традиции и обычаи, каждый человек зарождает в себе интересы и ценности, отличные от других. Благодаря этим интересам и ценностям складывается индивидуальное восприятие окружающей действительности, а следовательно, и восприятие рекламного текста.

Для того чтобы понять, как менталитет страны может повлиять на восприятие информации в статьях, проанализируем два журнала «Лиза» и Bella. Данные журналы специализируются на женской аудитории, следовательно, рассматривается только женский образ.

Журнал «Лиза» – ежемесячный женский журнал, публикуемый в России с 1995 г. В этом журнале читательницы могут найти самые последние новости из мира моды, бьюти-секреты звезд, самые эффективные диеты, советы по воспитанию детей, удивительные истории и трогательные рассказы о любви, консультации врачей и экспертов, психологию отношений, идеи для дома, лучшие кулинарные рецепты, лайфхаки для всей семьи. А

еще это гид по знаменитостям, которые своим примером мотивируют быть успешными во всех сферах жизни. Читательницы журнала «Лиза» – это представительницы прекрасного пола в возрасте от 18 до 45 лет.

Журнал Bella – еженедельный женский журнал, основанный в 1987 г. В настоящее время издается в Соединенном Королевстве издательством H. Bauer Publishing, британской дочерней компанией немецкого семейного бизнеса Bauer Media Group. Новые выпуски публикуются каждый вторник. Журнал Bella предоставляет информацию о жизни знаменитостей, моде, красоте, кулинарии, домашнем хозяйстве и путешествиях. Данный женский журнал охватывает читательниц в возрасте от 18 до 55 лет, и представительницы разных возрастов могут выделить нужную для себя информацию, поэтому журнал Bella является универсальным.

Поскольку журналы «Лиза» и Bella представляют собой журналы о моде, здоровье и красоте, а читательницами в большей степени являются мамы и домохозяйки, разделы данных журналов по большей части будут одинаковыми. Однако стоит заметить, что образ жизни, способы воспитания детей, психология взаимоотношений могут отличаться.

Реклама является неотъемлемой частью любого журнала, выбранные нами женские журналы не стали исключением. Для анализа были взяты выпуски 39 и 40 журналов «Лиза» [Лиза, 2022а, 2022б] и Bella [2022а; 2022б].

Просмотрев выпуски журнала «Лиза» от 24 сентября и 1 октября 2022 г., мы обратили внимание на то, что рекламный текст в журнале занимает практически 50 % от всей информации. В журнале рекламируют одежду, аксессуары, парфюмерию, средства уходовой и декоративной косметики, средства для укладки волос. В данных источниках рекламный текст располагается, как правило, в начале журнала. Это объясняется тем, что полное внимание при прочтении журнала сохраняется лишь в начале, к середине журнала внимание рассеивается, и читатель просто пролистывает страницы, разглядывая красивые картинки. В середину и конец журнала редакторы вставляют советы в области кулинарии, садоводства, путешествий, благоустройства дома, семейных отношений. Также в журнале есть страницы с кроссвордами, sudoku, загадками, а также астропрогнозом, который необходим в женских журналах.

Что касается британского журнала Bella, то здесь прослеживается тенденция расположения рекламного текста в середине журнала. Однако в выпуске 40 журнала реклама вязаной одежды располагается сразу на развороте журнала. Данный рекламный текст сообщает о распродаже вязаных изделий. Причиной расположения рекламного текста в начале журнала является привлечение внимания читателей к осенней распродаже, а также отделение конкретного объявления от других. В результате анализа ре-

кламного текста в двух октябрьских выпусках журнала Bella было обнаружено, что в процентном соотношении рекламный текст в британском журнале занимает менее 50 % от всей информации, содержащейся в журнале, и располагается друг за другом в середине журнала. В журнале Bella рекламный текст содержит информацию о разных типах одежды, обуви, косметики, аксессуарах, предметах интерьера и т. д. Помимо рекламных объявлений, в журнале Bella женщины могут найти советы в сфере моды, кулинарии, здоровья, психологии взаимоотношений, а также кроссворды, загадки и гороскоп. Но большее внимание в британском журнале уделяется жизни знаменитостей. Информация о том, как Виктория Бэкхем свела тату, Элли Симмондс, паралимпийскую плавчиху, дразнили онлайн, 19-летняя девушка вышла замуж за 51-летнего учителя физкультуры, Ребел Уилсон сбросила пару килограмм, стоит в приоритете для читателей.

В результате анализа двух выпусков российского журнала «Лиза» и двух выпусков британского журнала Bella можно сделать следующий вывод. Оба журнала специализируются на женской аудитории. В обоих журналах можно найти информацию о жизни разных звезд, кулинарные советы, а также гороскопы и игры. Что касается рекламы, то она присутствует в обоих журналах, однако количество рекламных объявлений разное. В российском журнале половина всего журнала представляет собой рекламный текст, другая половина – это советы, рецепты и игры. В британском журнале реклама занимает меньшую его часть, жизнь звезд стоит в приоритете. Данное различие в содержании журнала указывает на специфические особенности менталитета народов России и Великобритании.

Литература

- Дмитриева Л. М. Основы рекламы. М. : ЮНИТИ, 2012. 351 с.
Ромат Е. В. Реклама. История. Теория. Практика. СПб. : Питер, 2003. 306 с.
Харченко В. К. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвостилистики // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации : материалы докл. Орджоникидзе, 1983. С. 38–40.
Лиза. № 39. 2022а. URL: <https://pochitaem.su/liza-39-2022/>.
Лиза. № 40. 2022б. URL: <https://zhurnaly-top.online/magazines/15348-liza-40-oktjabr-2022.html>.
Bella. № 39. 2022а. URL: <https://magazinelib.com/all/bella-uk-issue-39-4-october-2022/>.
Bella. № 40. 2022б. URL: https://psv4.userapi.com/c235131/u448173336/docs/d47/d9abde9365fe/Bella_UK_-_11_October_2022.pdf.

А. А. Монтотова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОБЪЕКТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ СМИ В СТРАНАХ АТР

Аннотация. Рассматривается понятие объективности средств массовой информации с опорой на концепции исследователей теории массовой коммуникации. На примере публикаций новостных изданий США, Канады и Мексики как части АТР производится попытка установить, насколько объективно СМИ освещают актуальные события последних лет.

Ключевые слова: объективность, принцип объективности, СМИ, АТР.

A. Montotova (Irkutsk)
Irkutsk State University

ON THE ISSUE OF IMPLEMENTATION OF THE OBJECTIVITY PRINCIPLE IN MASS MEDIA IN THE ASIA-PACIFIC

Abstract. This article discusses the concept of objectivity of mass media based on the concepts of researchers in the theory of mass communication. Using the example of news publications in the USA, Canada and Mexico as part of the Asia-Pacific region, an attempt is made to establish how objectively mass media cover the events of recent years.

Keywords: objectivity, objectivity principle, mass media, Asia-Pacific.

Тема объективности в контексте средств массовой информации является предметом постоянных дискуссий. В современном мире, пронизанном огромными и постоянно обновляющимися информационными потоками, важной задачей для СМИ является объективная интерпретация событий, поэтому представляется необходимым изучение понятия объективности, ее принципа и способов ее достижения.

С точки зрения американских профессоров журналистики Э. Дэнниса и Д. Меррилла, объективность представляет собой донесение фактов в их первоначальном виде; она должна быть понятным описательным представлением событий [Dennis, 1996, p. 116–121]. В работе английских специалистов в теории коммуникации А. Калькутта и Ф. Хэммонда *Journalism Studies: A Critical Introduction* говорится о том, что понятие объективности тесно связано с тремя концепциями. Во-первых, для реализации принципа объективности необходима приверженность правдивости – предоставление фактически точной информации. Во-вторых, объективность понимается как нейтральность, которая подразумевает справедливость и сбалансированность. В случае противоречивых интерпретаций события необходимо беспристрастное представление различных точек зрения. В-третьих, под объективностью также часто понимается нейтралитет в смысле эмоциональной отстраненности: беспристрастный подход, который отделяет факты от комментариев и позволяет аудитории новостей составить свое мнение о событиях, а не предлагать собственный ответ журналиста. Эта концепция может состоять в отсутствии эмоционально-экспрессивных

средств речи, которыми журналисты могут оперировать для манипуляции мнением аудитории [Calcutt, 2011, p. 98–106].

Объективность, таким образом, является неким идеалом, поскольку она освобождает излагаемые факты от субъективных суждений человека [Mindich, 1998, p. 1–14]. Однако с психологической точки зрения добиться ее сложно. Американский журналист Associated Press К. Фигдор в статье *Objectivity in the News: Finding a Way Forward* представила ряд аргументов в пользу этой идеи. Во-первых, это затратно в финансовом и в психологическом плане. Во-вторых, объективность в СМИ может показаться скучной, особенно если это касается мнений. Американский пресс-критик и историк СМИ Д. Миндич характеризует ранние репортажи Associated Press как «безвкусную массу без какого-либо намека на остроу и пикантность партийной критики». Объективные новости должны добиваться интереса публики и удерживать его. В-третьих, объективные новости не приносят личного удовлетворения. Это может сделать простое стремление к объективным новостям проблематичным для любого, у кого есть это, а в журналистской профессии есть своя доля большого эго [Figdor, 2010, p. 19–33].

Для установления факта соблюдения или несоблюдения принципа объективности в публикациях современных СМИ мы выбрали три события последних лет, вызвавших большой резонанс в обществе: президентские выборы в США в 2016 г., протесты в рамках движения Black Lives Matter и пандемия COVID-19. Что касается региона исследования, то, на наш взгляд, США, Канада и Мексика, образующие крупный сегмент Азиатско-Тихоокеанского региона, представляют большой интерес для регионоведов, поэтому для контент-анализа были выбраны публикации изданий именно этих трех государств. При анализе обращалось внимание на наличие/отсутствие попыток автора навязать свое мнение, наличие/отсутствие различных мнений, наличие/отсутствие апелляции к ценностям аудитории, наличие/отсутствие оценочной лексики, эмоционально окрашенных конструкций и иных эмоционально-экспрессивных средств речи и наличие/отсутствие фактологической точности, подкрепляемой ссылками на проверенные источники.

При освещении президентских выборов в США в 2016 г. в американских изданиях *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Wall Street Journal*, *USA Today* и *The Los Angeles Times* часто совершалась апелляция к семейным ценностям. Противопоставляя кандидатуры Д. Трампа и Х. Клинтон, авторы сообщений упоминают негативное отношение первого к иммигрантам, его стремление депортировать тех, кто находится в стране нелегально, тем самым разлучив их с семьями. Напротив, говоря о Х. Клинтон, журналисты приводят ряд примеров, подтверждающих ее стремление помочь иммигрантам и ее борьбу за права женщин [Meckler, 2016]. Особое внимание журналисты уделяют давней проблеме ношения

оружия в США. Стремление Х. Клинтон ужесточить систему контроля распространения оружия рассматривается как положительная сторона ее программы. Напротив, поддержка Д. Трампом второй поправки к Конституции США, разрешающей ношение оружия, представляется в негативном свете [Langley, 2016].

Публикации американских изданий отличаются своей эмоциональной насыщенностью. Говоря о кандидатах, авторы статей используют большое количество оценочной лексики, и имеется ряд слов и выражений, которые встречаются наиболее часто. Говоря о Д. Трампе, журналисты наиболее часто используют такие слова, как *attack*, *racist*, *scared* и *terrified*. Помимо этого, авторами неоднократно выдвигалась идея о нечестности Д. Трампа, и для озвучивания этой идеи были употреблены такие слова и выражения, как *liar*, *untrustworthy*, *lacks honesty*, *dishonest* и *deceitful*. Также авторы описывают Трампа с помощью прилагательного *ignorant*: они заявляют о неосведомленности Д. Трампа о реальном положении дел, об отсутствии у него плана действий по выполнению данных им обещаний. Что касается кандидатуры Х. Клинтон, то в большинстве рассмотренных статей прослеживается положительное отношение авторов к ней. Наиболее часто используются слова *experienced*, *smart* и *knowledgeable*.

В статьях канадских изданий The Globe and Mail, The Toronto Star и The National Post была предпринята попытка спрогнозировать, какое влияние исход выборов окажет на отношения США и Канады в будущем, а также на расстановку политических сил в регионе и мире. В одной из публикаций The Globe and Mail в качестве автора выступил директор отдела канадских исследований в Университете имени Бригама Янга в Прово, штат Юта Э. Фрай, который считает, что увеличение военных расходов и ужесточение миграционной политики США негативно скажутся на экономике Канады. Стремление Д. Трампа свернуть деятельность Североамериканской зоны свободной торговли в статьях канадских СМИ рассматривается как угроза экономическому благополучию канадцев [Fry, 2016]. Свобода передвижения, по мнению авторов статей, также может подвергнуться угрозе, что связано с «бункерным менталитетом» Д. Трампа, ведь кандидат был намерен ужесточить миграционную политику не только в отношении Мексики, но, как опасаются канадцы, и в отношении Канады.

Прослеживается апелляция к инклюзивности и мультикультурализму. Журналисты говорят о поддержке Х. Клинтон среднего класса и ее борьбе за права женщин и меньшинств. Этому противопоставляется позиция Д. Трампа, который скептически настроен по отношению к иммигрантам [Dale, 2016].

В отличие от американских СМИ канадские издания характеризуются большей сдержанностью, поэтому эмоционально окрашенные слова употребляются в меньшей степени. Тем не менее публикации все же содержат

оценочную лексику, и некоторые единицы совпадают с теми, которые встречались при контент-анализе текстов американских СМИ. Так, при описании Х. Клинтон канадские журналисты наиболее часто использовали прилагательное *experienced* – в рассмотренных статьях оно упоминается 10 раз. Однако, в отличие от своих американских коллег, канадские авторы прибегают к критике ее кандидатуры. 4 раза было упомянуто существительное *secrecy*: журналисты считают, что Х. Клинтон чересчур скрытна. Д. Трамп в текстах канадских СМИ описывается совокупностью прилагательных, практически идентичных тем, которые использовали американские журналисты. С его победой связаны такие слова, как *scary* и *terrifying* – 6 упоминаний. Личность самого Д. Трампа представляется с помощью прилагательных *racist* (4 упоминания), *lying* (11 упоминаний) и *ignorant* (4 упоминания).

В публикациях мексиканских изданий La Prensa, El Universal и Milenio также присутствует аксиологический элемент. Журналисты активно продвигали идею о том, что Д. Трамп стремится депортировать мексиканских иммигрантов, находящихся в США незаконно. Приводятся конкретные существительные, которыми оперирует Д. Трамп, говоря об иммигрантах: *violadores* (нарушители), *criminales* (преступники) и *narcotraficantes* (наркоторговцы) [Fernández, 2016]. Говоря о Х. Клинтон, мексиканские журналисты представляют ее как более серьезного кандидата. Вновь отмечается тот факт, что ее победа стала бы «торжеством всех женщин, сломавших все барьеры».

Издания La Prensa и El Universal схожи по стилю с канадскими изданиями: их тексты столь же сдержанны. Интересен и тот факт, что журналисты предпочитают не раскрывать своих имен, поэтому ни одна из рассмотренных публикаций этих двух изданий не имеет сведений об авторах. Однако журналисты Milenio отличаются более раскрепощенным стилем написания текстов; в их статьях содержится большое количество эмоционально окрашенных слов и выражений, и при этом они обязательно указывают свои имена. Характеризуя Д. Трампа как личность, авторы наиболее часто употребляют следующие слова: *escandaloso* (скандальный) – 5 упоминаний, *racista* (расист) – 4 упоминания, *discriminación* (дискриминация) – 3 упоминания, и *mentiras* (ложь) – 3 упоминания.

Освещая протесты в рамках движения Black Lives Matter, американские СМИ активно апеллировали к ценностям своих читателей, сообщая о случаях жестокости со стороны полиции по отношению к афроамериканцам как этническому меньшинству и призывая поддержать движение с целью дальнейшего развития борьбы за гражданские права и свободы. Эта идея является лейтмотивом практически всех рассмотренных публикаций.

Сравнивая протесты Black Lives Matter с движением за гражданские права чернокожих в США в 1950–1960-е гг., журналисты апеллируют к

семейным ценностям читателей: высказывается идея о том, что те, кто боролся за свои гражданские права более полувека назад, сейчас вынуждены переживать за судьбу и безопасность своих потомков, которые сегодня борются против жестокости полиции [Berry, 2020].

В публикациях обсуждаются и права рабочих. Так, в статье USA Today говорится о случаях, когда ношение символики движения Black Lives Matter на рабочем месте порицалось в некоторых компаниях [Shannon, 2020]. Журналист из The Washington Post осуждает компании, которые производят оборудование с функцией распознавания лиц, из-за случаев, когда по причине несовершенства технологий, приводящих к неверной идентификации лиц, арестовывались люди – в большинстве случаев это были афроамериканцы [Fowler, 2020].

Однако существует и обратная сторона движения Black Lives Matter. В одной из публикаций The Wall Street Journal идет речь о негативных экономических последствиях протестов – их участники прибегают к вандализму и ограблениям, нанося ущерб бизнесу и имуществу предпринимателей, занимающихся честным трудом [Abcarian, 2020; Eligon, 2020].

Изученные публикации отличаются сдержанным стилем повествования. В то время как эмоционально-экспрессивные средства речи используются в небольших количествах, а то и вовсе отсутствуют, убийство Дж. Флойда и несправедливость по отношению к афроамериканцам в достаточной мере способны повлиять на восприятие информации читателями. Тем не менее самой часто встречающейся фразой является *police brutality* – 18 упоминаний. Полицию журналисты ассоциируют с прилагательными *violent, unjust, racist и capricious*.

Как и американские СМИ, канадские издания активно освещали протесты Black Lives Matter. Авторы также сообщали о движениях, появившихся в Канаде в ответ на активизацию Black Lives Matter в США, а именно Black Lives Matter – Canada и Not Another Black Life.

Канадские журналисты пытались апеллировать к тому, что проблема системного расизма в этой стране существует давно. Они также сравнивают судьбу чернокожего населения в США и судьбу коренных народов в Канаде, которые также подвергаются дискриминации. В публикациях прослеживается апелляция и к семейным ценностям: журналист издания The Globe and Mail сообщает об историях людей, которые потеряли своих детей как следствие расовой дискриминации в Канаде [Talaga, 2020].

Наконец, канадские СМИ делают акцент на мирности протестов. Журналисты сравнивают канадцев и американцев, при этом последних, как упоминалось выше, они считают непокорными. Они также говорят о том, что канадские протестующие, в отличие от американских, соблюдали меры предосторожности в условиях пандемии COVID-19 [Murphy, 2020].

Что касается эмоционально-экспрессивной лексики, то, как и при освещении президентских выборов в США 2016 г., в канадских СМИ она присутствует в гораздо меньшем количестве. Наиболее часто встречающимся словосочетанием является *police brutality* – 18 упоминаний.

В мексиканских СМИ, в отличие от американских и канадских, о протестах сообщалось в гораздо меньшей мере. При этом в Мексике также прошли несколько демонстраций, но они не имели такого масштаба, как в США и Канаде, поскольку они были быстро подавлены правоохранительными органами [Saric, 2021].

Что касается апелляции к ценностям аудитории, то журналисты фокусировались на критике расовой дискриминации в США. Некоторые авторы сообщают о том, что расизм существует не только в США и не только по отношению к афроамериканцам. Так, журналист из Milenio обращает внимание на то, что мексиканцы, находящиеся в США, также являются жертвами расовой дискриминации, поэтому он поддерживает лозунг “All Lives Matter” [De la Rosa, 2020].

Однако не все журналисты полностью поддерживают движение Black Lives Matter. Журналист издания El Universal предполагает, что протесты, став причиной психологического и физического ущерба их участников и финансовых потерь для предприятий, ставших жертвами мародерства и погромов, вряд ли принесут положительные результаты [Sancho, 2020].

Фокус на угрозе экономическому благополучию дискриминируемых слоев населения является главной идеей статьи издания Milenio, в которой автор подчеркивает, что афроамериканские семьи в 10 раз беднее белых. Журналист сообщает, что из-за расовой дискриминации афроамериканцы не способны позволить себе должный уровень образования, высокооплачиваемую работу и доступ к ряду услуг. Это показывается на примере Дж. Флойда, который потерял работу во время первой волны коронавируса [Foroohar, 2020].

Нами было отмечено, что мексиканские издания предпочитают относительно сдержанный стиль повествования. Тем не менее имеется совокупность некоторых конструкций, которые встречались наиболее часто во всех рассмотренных публикациях, а именно: *violencia / brutalidad / abuso policial* (насилие / жестокость / злоупотребления со стороны полиции) – 9 упоминаний, *asesinato inhumano / brutal* (бесчеловечное / жестокое убийство) – 3 упоминания.

Наконец, освещая начало и дальнейшее развитие пандемии COVID-19, американские СМИ пытались сделать прогнозы относительно сроков ее окончания и жизни общества после этого, обязательно при этом ссылаясь на проверенные источники. Они также сообщали своей аудитории вер-

сии происхождения вируса со ссылкой на такие организации, как Всемирная организация здравоохранения и Центры по контролю и профилактике заболеваний США.

Сравнивая способы освещения президентских выборов 2016 г. в США, протестов в рамках движения Black Lives Matter и пандемии COVID-19, мы отметили, что при сообщениях о последнем событии публикации американских СМИ отличаются более сдержанным стилем повествования. Интересно также и то, что именно при освещении пандемии авторы придерживаются стиля перевернутой пирамиды, что очень важно для реализации принципа объективности. Помимо этого, для написания статей журналисты обязательно привлекают факт-чекинг.

Тем не менее в некоторых из рассмотренных публикаций все же прослеживается апелляция к ценностям американцев. Автор статьи The Los Angeles Times рассказывает историю пожилой жительницы штата Калифорния, которой потребовались госпитализация и многочисленные медицинские манипуляции, что в конечном итоге привело к появлению долга, составляющего более 42 тыс. долл. Журналист делает упор на том, что как болезнь, так и ее финансовые последствия являются огромной проблемой для семьи из 11 человек [La Ganga, 2021].

Призывая своих читателей вакцинироваться, журналист из USA Today обращается к религии. Он цитирует заповедь Иисуса Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», связывая это с тем, что каждый человек должен позаботиться не только о своем здоровье, но и о здоровье окружающих. «Конечная цель каждого христианина, – напоминает он, – это не только здоровая жизнь, но и вечность с Богом» [Wong, 2021].

Еще одна проблема, на которую авторы обращают внимание своей аудитории, – это дискриминация этнических меньшинств. Автор статьи USA Today сообщает о расовой дискриминации коренных народов США и называет три причины, по которым они сталкиваются с большими трудностями в условиях пандемии: ранее существовавшие проблемы со здоровьем, недостаточный уровень инвестирования в развитие индейских резерваций со стороны государства и неблагоприятные жилищные условия [Mabie, 2020]. Так же, как и коренные народы, далеко не все афроамериканцы и латиноамериканцы имеют доступ к вакцинам [Kaplan, 2021]. Журналист из The Los Angeles Times сообщает, что именно латиноамериканцы чаще становятся жертвами дезинформации, в связи с чем количество вакцинированных среди них невелико [Guertero, 2021].

Постоянное упоминание идеи о том, что коронавирусная инфекция впервые появилась в Китае, привело к тому, что американцы азиатского происхождения начали подвергаться не только вербальным, но и физическим нападениям [Tang, 2021]. Согласно исследованию американского со-

циолога Р. Дженга, было выявлено более 1000 случаев расизма и ксенофобии в отношении азиатов в период с 28 января по 24 февраля 2020 г. [Kandil, 2020]. Все это стало одной из причин проведения массовых демонстраций в США и Канаде, главным слоганом которых стала фраза Stop Asian Hate [Namkung, 2021].

Эмоционально-экспрессивные средства речи в рассмотренных статьях встречаются нечасто и в основном используются для характеристики самой коронавирусной инфекции и эмоционального состояния людей. Пандемия в текстах журналистов представляется как *deadly* (4 упоминания) и *painful* (3 упоминания). Говоря о людях, наиболее часто авторы использовали прилагательные *frightened* (5 упоминаний) и *frustrated* (3 упоминания).

Канадские СМИ также апеллируют к ценностям читателей: учитывая мультикультурализм, являющийся частью менталитета канадцев, авторы часто сообщают о случаях расовой дискриминации. Журналисты из The Toronto Star приводят данные о Торонто, отражающие неравный доступ к медицинским услугам; при этом районы города, где проживают представители этнических меньшинств, находятся в худшей ситуации по сравнению с богатыми районами, где живут преимущественно белые. Эта же категория людей находится в зоне большего риска заразиться коронавирусной инфекцией не только из-за худших условий проживания и ограниченного доступа к медицине, но и в силу того, что их и без того тяжелая и низкооплачиваемая работа не позволяла им перейти на удаленный режим [Lowrie, 2020].

Как и в США, во время пандемии жители Канады азиатского происхождения столкнулись с ярко выраженной расовой дискриминацией. Журналист из The Toronto Star на личном опыте рассказывает о случаях вербальных атак в ее адрес, поэтому она критикует своих соотечественников за то, что, провозглашая идею мультикультурализма, они в то же самое время негативно относятся к определенной группе населения [Hwa Kang, 2020].

Канадцы выступают за защиту окружающей среды и поэтому призывают к более экологичному образу жизни. К этому апеллирует статья The National Post, автор которой повествует о том, что во время локдауна жители Канады часто наблюдали диких животных в черте города, причем в немалых количествах. Поэтому он выражает надежду на то, что за этот период представится возможность в некоторой степени восстановить баланс между природой и человеком [Lowrie, 2020].

В отличие от публикаций американских СМИ журналисты из канадских изданий в большей мере прибегали к использованию эмоционально-экспрессивных средств речи. Для характеристики пандемии COVID-19 они применяли такие прилагательные, как *fearsome* (7 упоминаний), *dark* (2 упоминания) и *painful* (2 упоминания).

Апелляция к ценностям аудитории прослеживается и в публикациях мексиканских СМИ. Публикация *La Prensa* сообщает историю пожилого мексиканца, потерявшего дочь, чей организм не справился с коронавирусной инфекцией и у которой остался грудной ребенок. В одной из *Milenio* статей автор рассказывает о том, что ввиду того, что в стране вакцин на всех не хватает, представители всех слоев населения вынуждены отправляться в США лишь для того, чтобы вакцинироваться. Он делает акцент на том, что многие из них берут с собой маленьких детей и пожилых родителей. Другая статья того же издания содержит пугающие данные: вирус, унося 100 жизней в Мексике, оставляет 90 детей без родителей [*México ...*, 2020].

В статьях сообщается и о серьезной угрозе экономическому благополучию мексиканцев: из-за пандемии страна оказалась на грани экономического кризиса. Было потеряно 700 тыс. рабочих мест, и миллионы мексиканцев находятся на пороге бедности [*Cabrera*, 2020].

Мексиканские журналисты не могли обойти стороной и другую острую проблему, о которой сообщали американские и канадские издания – расизм. В публикации *El Universal* говорится о случаях стигматизации и маргинализации граждан азиатского происхождения, что привело к появлению хэштега *#NoSoyUnVirus* (Я не вирус) [*El hashtag ...*, 2020].

Наконец, нами также была отмечена апелляция к патриотизму. Одна из публикаций *Milenio* содержит целый список изобретений, появившихся в Мексике в период пандемии, несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию: собственная вакцина *Patria* («Родина»), портативный респиратор, аппарат ИВЛ *VSZ-20-2*, робот для дезинфекции больниц, аэрозольный баллончик для медицинских сотрудников, контактирующих с пациентами, зараженными коронавирусной инфекцией, экспресс-тест на COVID-19 и веб-приложение *CovidMapp*, основанное на сообщениях о людях с подозрением на COVID-19 или уже зараженных, которое в режиме реального времени создает карту инфекций и зон риска в Мексике [*Ayala*, 2021].

Эмоционально-экспрессивные средства речи в публикациях мексиканских СМИ практически не встречаются. Статьи отличаются обилием статистических данных, и авторы все время ссылаются на сообщения представителей крупных организаций, связанных с борьбой с коронавирусной инфекцией или занимающихся исследованием вируса.

Итак, при освещении президентских выборов в США в 2016 г. издания всех трех государств апеллировали к ряду ценностей своей аудитории и использовали эмоционально окрашенную лексику – особенно часто ее единицы встречаются в публикациях американских СМИ. Это позволяет сделать вывод о том, что принцип объективности не реализуется. То же самое касается освещения протестов *Black Lives Matter*: журналисты не

могли избежать использования эмоционально-экспрессивных средств речи, повествуя о столкновениях демонстрантов с полицией. При освещении пандемии COVID-19 канадские СМИ открыто апеллируют к ценностям читателей и используют большое количество оценочной лексики; особенно явно это прослеживалось в статьях, критикующих действия власти. Однако американские и мексиканские СМИ отличились эмоциональной отстраненностью, и если апелляция к некоторым ценностям и прослеживается, то она присутствует в гораздо меньшей мере, чем при освещении двух других событий; при этом авторы постоянно ссылаются на проверенные источники и используют стиль перевернутой пирамиды. Мы можем сделать вывод о том, что в данном случае принцип объективности частично реализован.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что объективность не выходит за рамки возможностей современного журналиста. Соблюдение принципа объективности предполагает стратегическое планирование в процессе отчетности, использование систематических инструментов для сбора информации, а также четкое разграничение используемой формы представления. Следование таким руководствам позволит журналистам беспристрастно освещать события. Цель должна состоять в том, чтобы представить историю так, чтобы люди, читающие репортаж, имели ту же точку зрения, если бы они присутствовали на месте события. Эта цель не является невозможной в современной журналистике, но требует систематических попыток предоставить беспристрастный репортаж.

Литература

Abcarian R. White people will contort themselves to justify the police killing of Black people. URL: <https://www.latimes.com/opinion/story/2020-09-02/white-sympathy-for-black-lives-matter-wanes> (дата обращения: 21.11.2021).

Ayala G. Inventos que nacieron del covid-19 de México para el mundo. URL: <https://www.milenio.com/especiales/inventos-que-nacieron-del-covid-19-de-mexico-para-el-mundo> (дата обращения: 06.03.2022).

Berry D. B. They overcame police dogs and beatings: Civil rights activists from 1960s cheer on Black Lives Matter protesters leading new fight. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/2020/07/03/civil-rights-black-lives-matter-protesters-build-1960-s-movement/5356338002/> (дата обращения: 17.11.2021).

Cabrera E. Coronavirus, economía, petróleo: tres crisis simultáneas. La circunstancia obliga. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/opinion/enriqueta-cabrera/coronavirus-economia-petroleo-tres-crisis-simultaneas-la-circunstancia> (дата обращения: 06.03.2022).

Calcutt A. Journalism Studies: A Critical Introduction. Routledge, 2011. P. 98–106.

Dale D. A Hillary Clinton secret: lots of voters really like her. URL: <https://www.thestar.com/news/world/2016/10/30/a-hillary-clinton-secret-lots-of-voters-really-like-her.html> (дата обращения: 26.10.2021).

De la Rosa H. 'All Lives Matter'. URL: <https://www.milenio.com/opinion/herberto-de-la-rosa/el-blitz-del-lunes/all-lives-matter> (дата обращения: 05.12.2021).

Dennis E. Media Debates: Issues in Mass Communication. White Plains, N. Y. : Longman Publishers USA, 1996. P. 116–121.

El hashtag contra la discriminación que se ha vuelto viral. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/coronavirus-nosoyunviral-el-hashtag-contra-la-discriminacion-que-se-ha-vuelto-viral> (дата обращения: 06.03.2022).

Eligon J. Black Lives Matter Grows as Movement While Facing New Challenges. URL: <https://www.nytimes.com/2020/08/28/us/black-lives-matter-protest.html> (дата обращения: 17.11.2021).

Fernández H. Critica alcalde 'mexicanofobia' del aspirante Donald Trump. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/articulo/estados/2016/03/20/critica-alcalde-mexicanofobia-de-trump> (дата обращения: 13.10.2021).

Figdor C. Objectivity in the News: Finding a Way Forward // Journal of Mass Media Ethics. 2010. N 25. P. 19–33.

Foroohar R. Muerte de George Floyd anuncia una nueva era en EU. URL: <https://www.milenio.com/negocios/financial-times/muerte-de-george-floyd-anuncia-una-nueva-era-en-eu> (дата обращения: 05.12.2021).

Fowler G. A. Black Lives Matter could change facial recognition forever – if Big Tech doesn't stand in the way. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/06/12/facial-recognition-ban/> (дата обращения: 22.11.2021).

Fry E. Opinion: Fear factor in U. S. election casting shadow on ties with Canada. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/fear-factor-in-us-election-casting-shadow-on-ties-with-canada/article32249992/> (дата обращения: 15.10.2021).

Guerrero J. Op-Ed: How conspiracy theories about COVID-19 prey on Latinos. URL: <https://www.latimes.com/opinion/story/2021-05-02/latinos-covid-vaccines-resistance-skepticism> (дата обращения: 25.02.2022).

Hwa Kang P. What it means to be Asian during COVID-19. URL: <https://www.thestar.com/opinion/contributors/2020/04/16/what-it-means-to-be-asian-during-covid-19.html> (дата обращения: 01.03.2022).

Kandil C. Y. Asian Americans report over 650 racist acts over last week, new data says. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/asian-americans-report-nearly-500-racist-acts-over-last-week-n1169821> (дата обращения: 25.02.2022).

Kaplan K. Coronavirus today: China rewrites the history of COVID-19. URL: <https://www.latimes.com/science/newsletter/2021-06-25/coronavirus-today-template-m-th-coronavirus-today> (дата обращения: 25.02.2022).

La Ganga M. L. Her COVID-19 treatment cost more than \$1 million. Who's going to pay for it? URL: <https://www.latimes.com/california/story/2021-02-08/covid-treatment-hospital-bills-health-insurance-waivers> (дата обращения: 25.02.2022).

Langley M. Behind Donald Trump's Attack Strategy. URL: <https://www.wsj.com/articles/behind-donald-trumps-attack-strategy-1453685141> (дата обращения: 11.10.2021).

Lowrie M. Amid COVID-19 lockdowns, Canadians are reporting more wildlife sightings. URL: <https://nationalpost.com/news/canada/canadians-reporting-more-wildlife-sightings-during-covid-19-isolation> (дата обращения: 01.03.2022).

Mabie N. Native American tribes have been hit harder by COVID-19. Here's why. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/2020/08/05/why-native-americans-impacted-harder-covid-19-montana-united-states/5573737002/> (дата обращения: 25.02.2022).

Meckler L. If Elected, Clinton Would Create Special Office on Immigration. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL> (дата обращения: 11.10.2021).

México, el país de América con más huérfanos por pandemia de covid-19: informe. URL: <https://www.milenio.com/politica/mexico-el-pais-con-mas-huerfanos-por-pandemia-de-covid-19-informe> (дата обращения: 06.03.2022).

Mindich D. Just the Facts: How "Objectivity" Came to Define American Journalism. NY. : New York University Press, 1998. P. 1–14.

Murphy R. Canada is not a racist country, despite what the Liberals say. URL: <https://nationalpost.com/opinion/rex-murphy-canada-is-not-a-racist-country-despite-what-the-liberals-say> (дата обращения: 25.11.2021).

Namkung V. The story behind the group tracking anti-Asian hate incidents. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/story-group-tracking-anti-asian-hate-incidents-rcna662> (дата обращения: 25.02.2022).

Sancho V. EU: resurrección del movimiento antirracista. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/eu-resurreccion-del-movimiento-antirracista> (дата обращения: 05.12.2021).

Saric I. The global impact of Black Lives Matter. URL: <https://www.axios.com/2021/05/21/black-lives-matter-global-impact> (дата обращения: 05.12.2021).

Shannon J. Federal agency: Supporting 'Black Lives Matter' isn't partisan or political. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/07/17/black-lives-matter-isnt-partisan-political-federal-agency-says/5452397002/> (дата обращения: 17.11.2021).

Talaga T. There have always been two Canadas. In this reckoning on racism, both must stand together for Indigenous people now. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-there-have-always-been-two-canadas-in-this-reckoning-on-racism-both/> (дата обращения: 25.11.2021).

Tang T. More than 9,000 anti-Asian American incidents reported since the pandemic began. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2021-08-12/more-than-9000-anti-asian-incidents-covid-pandemic> (дата обращения: 25.02.2022).

Wong A. Stop using religion to fight COVID-19 vaccine. Taking it is the Christian thing to do. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/voices/2021/07/28/take-covid-19-vaccine-its-christian-thing-do/5389873001/> (дата обращения: 25.02.2022).

УДК 81.42

М. В. Новоселова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ИРКУТСКА В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация. Исследуется образ Иркутска, создаваемый англоязычными средствами массовой информации. Отмечается способность СМИ формировать и корректировать мировоззрение аудитории. Определяется, что на восприятие материалов влияет культура общества, стереотипы, ценности, к которым апеллирует автор для достижения своих целей, а также уровень критического мышления каждого отдельного потребителя сообщения.

Ключевые слова: репрезентация, образ, средства массовой информации, медийный дискурс, Иркутск.

M. Novoselova (Irkutsk)

Irkutsk State University

THE IMAGE OF IRKUTSK IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

Abstract. The article explores the image of the city of Irkutsk created by the English-language media. The media are able to shape and adjust the worldview of the audience. The perception of materials is influenced by the culture of society, stereotypes, values to which the author appeals, as well as the level of critical thinking of each consumer of the message.

Keywords: representation, image, mass media, media discourse, Irkutsk.

Понятие «образ» является многозначным и междисциплинарным, используется в лингвистике, литературоведении, философии, истории, социологии и других науках. Анализ слова «образ» позволяет выделить два семантических ядра: внешний облик (вид, подобие) и созданное автором

(писателем, актером, художником и т. д.) представление. К последнему можно отнести образ литературный, художественный, медийный и пр.

Образ представляет собой неадекватное, субъективное, предвзятое отражение явлений и предметов действительности, в которых отобраны и подчеркнуты определенные признаки, скрыты или вовсе не упомянуты другие [Азнаурова, 1973; Арутюнова, 1998]. В процессе актуализации образа в сознании человека определенная роль отводится субъективному элементу, поскольку воспитание, эрудиция, накопленный опыт влияют на интерпретацию сконструированного и предложенного образа.

Средства массовой информации, как классические, так и современные, являются не только средством передачи сообщения – они способны формировать и корректировать мировоззрение аудитории. На восприятие материалов влияет культура общества, стереотипы, ценности, к которым обращается автор для достижения своих целей, а также уровень критического мышления каждого отдельного потребителя сообщения. Так или иначе конструируемый образ неизбежно апеллирует к эмоциональной сфере аудитории.

Лингвистические средства создания образа в СМИ можно условно разделить на четыре уровня: денотативный, ассоциативный, коннотативный и метафорический [Добросклонская, 2005]. Денотативный и ассоциативный уровни характеризуются насыщением текста реалиями, топонимами и прочими культуроспецифичными единицами, которые вызывают в сознании адресатов ассоциации в отношении другой языковой культуры. Коннотативный уровень состоит в использовании коннотативно окрашенных лексем, а метафорический подразумевает метафоры, сравнения, аллюзии и прочие стилистические приемы.

На денотативном уровне ни одно упоминание об Иркутске в англоязычных СМИ не обходится без отсылки к оз. Байкал: *the gateway to sacred Lake Baikal, the gateway to Lake Baikal, a transit point for Lake Baikal*. Среди топонимов, помогающих англоязычным читателям установить местоположение Иркутска встречаются р. Ангара, Транссибирская железнодорожная магистраль, Сибирь: *on The Angara River, the Trans-Siberian stop, Freezing heart of Siberia, the “Paris of Siberia”*. Блогер-путешественник из США (штат Калифорния) Марианна Жамади посетила Иркутск в 2014 г. и отметила в своей публикации, что, хоть А. П. Чехов якобы и назвал Иркутск Парижем Сибири, с французской столицей сибирский город имеет очень мало схожего: *Though Chekov referred to it as the Paris of Siberia, I found it a far cry from the French capital*. Размещая фотографию пешеходной улицы Урицкого того времени с бесчисленными рекламными плакатами и разномастными вывесками, автор отмечает, что это не Елисейские Поля: *This is no Avenue des Champs-Élysées* [The Paris ... , 2014].

Большая статья в «Гардиан», судя по первой части заголовка, посвящена Иркутску и описывает город в подробностях, однако вторая часть заголовка создает интригу, характеризуя город, а точнее его жителей, как возможный сбой в безупречной системе Путина: *Irkutsk in the spotlight: the leak in Putin's watertight system?* Заголовок отлично выполняет одну из своих основных функций – привлечение внимания читателя [Irkutsk in ... , 2018].

Очень маленькая часть англоязычной аудитории знает о существовании относительно небольшого города в Восточной Сибири, однако имя президента РФ знает гораздо больший процент аудитории. В статье, которая была написана в марте 2018 г., накануне президентских выборов, Иркутск представлен как город, имеющий многовековую диссидентскую историю: *a reputation for dissidence stretching back centuries*, как первый регион, где на пост губернатора не выбрали представителя Единой России: *Irkutsk was the first region to oust a Putin appointee as governor*.

Автор, репортер-фрилансер Фил Хоуд предполагает, что планы Кремля на высокую явку и явный перевес на выборах в сторону В. В. Путина могут не реализоваться в городе, на который центральные власти обращают мало внимания: *neglected and out on a limb, overlooked corner of the country, not a priority for United Russia, the indifference of the powers that be in Moscow* и где господствует апатия: *apathy reigns*.

Апатия горожан проявилась, по мнению автора публикации, еще и в том, что на протестный митинг явилось сравнительно немного людей. На ручку двери здания, где проходил митинг, ночью неизвестные повесили отрубленную голову свиньи – эпизод, который, несомненно, поражает англоговорящую аудиторию своей дикостью и чудовищностью: *A severed pig's head was left hanging from the doors of the furniture showroom where it <rally> took place*.

Трудно не согласиться с цитатой итальянского журналиста Дж. Кьеза: «Факты ничто, комментарий все». Комментарии зачастую являются если не более важной составляющей медиатекста, то по важности равной ему. Размещение комментария в публичном доступе свидетельствует о коммуникативных намерениях пользователя открыто выразить свое мнение, эмоции, представить общественности сведения, изложить проблему [Дударева, Шпильная, 2021].

Из комментариев понятно отношение аудитории к происходящему и к манере и способу изложения; непосредственные участники событий, освещенных в медиа, могут подтвердить или опровергнуть информацию; раздел «Комментарии» очень часто является площадкой для споров и выяснения отношений. Именно поэтому комментарии можно рассматривать как репрезентацию обыденного сознания и подвергать их дискурсивному анализу.

Возможно, вследствие того, что комментаторы могут дать альтернативный взгляд на описываемое в статье событие, многие СМИ, в частности The Guardian, крайне редко разрешают оставлять комментарии под своими статьями. Под статьей про Иркутск комментарии разрешены, чему удивляются некоторые читатели: *Comments regarding anything to do with Russia open? Surely some mistake!* (anon-3a11b71136524b). Стоит отметить один из самых популярных комментариев к статье: *If the Guardian wants to tell the readers about a unique city with a unique history, is there a way to do it without inserting unproven political allegations? Why do we need to hear all this anti-Putin pinches all the time?* (vr13vr). Комментарий состоит из двух риторических вопросов, автор которых явно не рассчитывает на ответ издания, но выражает возмущение и недовольство. Пользователи устали от постоянной политической пропаганды и идеологических подтекстов, а те, кто был в Сибири, очень комплементарно отзываються о местной природе и людях: *Stunningly beautiful region. I was there last week, Baikal was frozen and the surrounding landscape was gorgeous in the snow <...> It was also good to be in Russia and experience the warmth and friendliness of ordinary people while relations between Russian and the U. K. governments were deteriorating. Siberia is definitely worth visiting* (lfromLGKL).

В мире Иркутск известен как столица «серого» майнинга в России: *reportedly uncovered 1,100 cases of “gray mining”. The term refers to crypto mining from home, where equipment is set up in apartment basements, garages, residential premises, as well as on balconies; often called “crypto mining capital of Russia”*. На метафорическом уровне повальное увлечение майнингом сравнивается с золотой лихорадкой цифровой эпохи: *A digital-era goldrush is sweeping through Irkutsk*.

Два района Иркутска упоминаются в СМИ чаще остальных, а именно 130-й квартал (Иркутская слобода) и Ново-Ленино. 130-й квартал – это специально созданная зона исторической застройки, на территории которой располагаются рестораны, бары, магазины, музеи. В статье квартал описывается как ретро-деревня с деревянными домиками в дачном стиле (*dacha-style buildings*), которая является центром ночной жизни Иркутска (*centre of local nightlife*), недоступным для простых смертных из-за высоких цен: *the current upscale atmosphere is out of reach for most Irkutsk residents*.

Иркутск появился в заголовках СМИ по всему миру в конце 2016 г., когда произошло массовое отравление спиртосодержащей жидкостью для ванн, так называемым «Боярышником»: *Irkutsk made international headlines when 78 people died from drinking cheap bootleg alcohol*. Это трагическое событие принесло «славу» Ленинскому району Иркутска – Ново-Ленино. Издание The New York Times в феврале 2018 г. опубликовало большую статью о массовом отравлении в Иркутске, однако и здесь без политической подоплеки не обошлось, о чем свидетельствует заголовок «Там, где

выпивка может убить, а Путина считают “хорошим царем”», ср.: *Where the Booze Can Kill, and Putin Is Deemed a ‘Good Czar’* [Where ... , 2017].

Журналист и бывший шеф Московского бюро «Нью-Йорк таймс» Нил Макфаркуар считает основными причинами трагедии политический курс страны, санкции против России, стагнацию экономики, необходимость россиян экономить на всем, отказываясь от дорогих мяса и рыбы, выращивая овощи на своих участках, покупая дешевые заменители алкоголя, и, кажется, в последнюю очередь – желание бутлегеров обогатиться, ср.: *For many people, this has meant exhausting savings, cutting back on expensive items like meat and fish, growing their own vegetables and – tragically, in the case of Irkutsk – buying cheap vodka substitutes.* Район Ново-Ленино в статье представлен по многим показателям как срез или образ растущей бедности в России: *The working-class neighborhood of Novo-Lenino, where the bulk of the victims lived in this provincial capital some 2,600 miles east of Moscow, is in many ways a snapshot of the growing poverty in Russia.*

Американский журналист находит парадоксальным тот факт, что многие сибиряки желают имениннику сибирского здоровья, подразумевая, что суровый климат якобы закаляет, однако в Сибири более низкая продолжительность жизни по сравнению с Москвой. Причины, как считает автор, в климате, пьянстве и низком качестве медицинских услуг: *In Siberia, residents traditionally raise a birthday toast “to Siberian health,” as if the harsh climate forges a stronger constitution. In reality, people in the Irkutsk region die at age 67 on average – 59 for men – compared with 77 in Moscow. The climate and the drinking, as well as inferior medical services, take their toll.*

Ссылаясь на местное население как на источник информации, однако не называя имен, Нил пишет о том, что дешевую подделку пили даже те, кто, казалось бы, стабильно, хоть и не очень много зарабатывал, а именно медсестры, учителя, водители: *Even some local people were shocked by the number of seemingly comfortable people who drank the tainted alcohol – nurses, teachers, drivers – people with steady if low-paying jobs. Some victims just keeled over on the street, residents said, and others were discovered dead days later in their apartments.* Создается страшная картина происходящего: «Боярышник» из-за недостатка средств пьют работающие, интеллигентные люди, потом они падают замертво прямо на улицах или спустя несколько дней их находят мертвыми в квартирах. Впрочем, от отравления никто не застрахован, ведь в Сибири смертельную жидкость можно купить и в супермаркете: *But in Siberia, even licensed booze can be dangerous* [In Russia ... , 2016].

Кстати, в таком безобидном увлечении иркутян, как садоводство, автор увидел способ выживания в суровых реалиях экономического спада.

Некоторые преподаватели университетов сажают картошку, чтобы выжить, но никто из них в этом, конечно, не признается: *Do you think a university professor is going to confess to you that he has to plant potatoes to get by?*

На коннотативном уровне Иркутск представлен негативно. В следующих примерах лексические единицы несут в себе ярко выраженную негативную коннотацию и объединены семами уныния, безысходности, бедности: *the economic plight; in dire straits; the picture is decidedly bleaker; in a grinding recession; growing poverty; the lack of prospects here; the people have little work and dwindling savings; residents were getting poorer; shoppers bought more cabbage and macaroni, less meat; any discounted produce sold first; subsisted on bread and butter.*

Иркутск – красивый город, но бедность повсеместная: *behind Irkutsk's winter beauty lies widespread poverty.* Иркутск является хорошим местом, чтобы познакомиться со старинной деревянной архитектурой: *a good place to see old-style timber architecture* [Irkutsk tops ... , 2013]. Архитектура – это, пожалуй, единственное, что характеризуется в исследованных нами англоязычных СМИ прилагательными с положительной коннотацией: *dinky buildings, one of many magnificent historic buildings, the city is one of Russia's historic treasures.*

Итак, события, происходящие в Иркутске и имеющие несомненную новостную ценность, зачастую используются в качестве информационного повода для создания медиатекстов, в которых авторы выражают негативное отношение к внутренней и внешней политике России, описывают положение страны и благосостояние народа в преимущественно мрачных красках, таким образом, играют решающую роль в формировании негативного образа Иркутска у англоязычной аудитории.

Литература

Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи. Языковая номинация. М. : Наука, 1973. 237 с.

Арупонова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341с.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М. : Едиториал УРСС, 2005. 288 с.

Дударева Я. А., Шпильная Н. Н. Комментарий в социальных сетях как результат реплицирования (на материале интернет-комментариев о вакцинации от ковида) // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 54–64.

In Russia, Dozens Die After Drinking Alcohol Substitute. URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/19/world/europe/russia-bath-lotion-deaths.html> (дата обращения: 29.08.2022).

Irkutsk in the spotlight: the leak in Putin's watertight system? URL: <https://www.theguardian.com/cities/2018/mar/16/irkutsk-in-the-spotlight-overlooked-leak-putin-united-russia-system> (дата обращения: 15.08.2022).

Irkutsk tops the list of Siberia's most beautiful cities. URL: <https://siberiantimes.com/culture/others/news/irkutsk-tops-the-list-of-siberias-most-beautiful-cities/> (дата обращения: 22.08.2022).

The Paris of Siberia, According to Chekov. URL: <https://fathomaway.com/paris-siberia-according-to-chekov-russia/> (дата обращения: 20.08.2022).

Where the Booze Can Kill, and Putin Is Deemed a 'Good Czar'. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/18/world/europe/russia-tainted-booze-putin.html> (дата обращения: 30.08.2022).

УДК 81'25

В. А. Разумовская (Красноярск)

Сибирский федеральный университет

«СИЛЬНЫЙ» РУССКИЙ ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

Аннотация. Исследуются «сильные» тексты русской литературы Л. Н. Толстого и Н. А. Островского, представленные в китайском культурном пространстве в формах вторичных версий. Появление многочисленных версий на иностранных языках и «языках» различных (не только вербальных) семиотических систем (например, киноадаптации) рассматривается в контексте понятий переводной множественности и переперевода. Материалом исследования стали вторичные версии «сильных» текстов русской культуры.

Ключевые слова: диалог культур, культурное освоение, неисчерпаемость текста оригинала, переводная множественность, центр переводной аттракции, моносемиотическая и полисемиотическая интерпретация.

V. Razumovskaya (Krasnoyarsk)

Siberian Federal University

“STRONG” RUSSIAN TEXT IN THE ORIENTAL CULTURES’ SPACE

Abstract. The article addresses the issues of the existence of “strong” texts of Russian literature in the forms of secondary versions. The appearance of numerous versions in foreign languages and “languages” of various (not only verbal) semiotic systems (for example, film adaptations) is considered in the context of the concepts of translational multiplicity and retranslation. The secondary versions of “strong” texts of Russian culture authored by L. N. Tolstoy and N. A. Ostrovsky presented in the Chinese cultural space were studied.

Keywords: dialogue of cultures, cultural comprehension, original text inexhaustibility, translational multiplicity, center of translational attraction, mono- and polysemiotic interpretation.

В силу различных причин тексты, созданные выдающимися мастерами художественного слова, имеют два основных сценария культурного бытования: они или остаются в пространствах национальных культур, или выходят за их пределы, становясь культурным достоянием всего человечества. Авторы таких текстов могут с полным правом считаться «послами» своих культур, поскольку посредством созданных ими текстов представители «чужих» культур получают возможность встретиться с другими культурами и литературами, обратиться к проблемам, волнующим читателей независимо от языковой и культурной принадлежности, и осмыслить их. Очевидно, что не все потенциальные читатели знакомятся с текстами иностранной художественной литературы на языке их оригиналов, что делает художественный перевод ключом, обеспечивающим доступ к ценностям

поликультурного мира. Именно перевод чаще всего обеспечивает межкультурный диалог, успех которого в значительной степени зависит от включения в такой диалог «сильных» текстов национальных литератур и культур.

Тексты, определяемые как «сильные», характеризуются ингерентной и ярко выраженной способностью к преодолению границ их культурного происхождения и бытования. Рассматривая «сильные» тексты с позиции теории интертекстуальности, Н. А. Кузьмина пришла к важному методологическому выводу о том, что к категории «сильных», прежде всего, принадлежат художественные тексты, которые обладают высоким эстетико-энергетическим потенциалом и, соответственно, большой художественной ценностью. Наряду с эстетической информацией в таких текстах регулярно представлены ценная культурная информация и память, что делает их важными носителями эстетической и культурной информации и обеспечивает сохранение и передачу ключевых смыслов «своей» культуры в координатах времени и пространства.

«Сильные» тексты также знакомы большинству представителей «своей» культуры, поскольку они традиционно входят в каноны различных уровней образования. Судьба художественных текстов в значительной степени зависит от интенсивности энергетического обмена между ними и их читателями. Справедливо считается, что «сильные» тексты не только отдают эстетическую энергию своим читателям, но также и получают энергию от них [Кузьмина, 2009, с. 68–71]. В современном научном дискурсе еще одним важнейшим свойством «сильных» художественных текстов признается их способность к высокой степени реинтерпретативности, что делает их регулярными объектами межкультурного перевода и других известных видов интерпретации, трансформации и адаптации информации вербального оригинала в вербальные и не только вербальные аналоги.

Традиционной и, вне всякого сомнения, наиболее изученной и описанной траекторией интерпретации «сильного» художественного текста остается межкультурный перевод. Также отметим, что крайне интересной среди других возможных траекторий интерпретации вербального художественного текста стал в последнее время и межкультурный перевод.

Способность к реинтерпретативности, самоповторяемости «сильных» текстов обусловлена, прежде всего, их информационным потенциалом. Эстетическая информация, культурная информация и, соответственно, память образуют исходно неоднозначное содержание произведения художественной литературы. Неоднозначное содержание текста обуславливает неоднозначное декодирование его информации в процессе восприятия и понимания, что и порождает неограниченные возможности интерпретации при восприятии оригинального текста как «своими» читателями (принад-

лежащими культуре оригинала), так и при декодировании текста переводчиком в процессе перевода, а также читателями оригинала или переводов, принадлежащими «чужим» культурам. Таким образом, оригинальный художественный текст является сложным системно-структурным образованием, обладающим открытостью к подражанию и способностью к продолжению в «своей» и в «чужих» культурах. Информационная неоднозначность является одной из важнейших обязательных информационных характеристик художественного текста и регулярных категорий перевода. С позиции указанной информационной неоднозначности выделяются следующие неокатегории художественного переводоведения – неисчерпаемость оригинала и переводная множественность [Чайковский, Лысенкова, 2001; Шерстнева, 2020].

Следуя концепции перевода, предложенной французским теоретиком А. Берманом в 80-х гг. XX в., каждый перевод необходимо методологически рассматривать как опыт испытания «чужим» [Berman, 1984]. Можно добавить, что в отношении каждого оригинального текста в каждом конкретном случае перевода такой опыт становится уникальным. Приведенный тезис особенно актуален для «сильных» текстов литературы, поскольку они перманентно вовлечены в процесс перевода и, соответственно, регулярно входят в «чужие» культуры по причине их информационной ценности. Посредством перевода на «чужие» языки и культуры «сильные» оригиналы обретают значимость и ценность за пределами «своих» языков и культур, что, безусловно, становится новыми формами их существования, и что, в свою очередь, обеспечивает их культурное сохранение. Берман справедливо указывает на драматизм испытания «чужим», поскольку любая культура сопротивляется переводу даже при его необходимости, и поэтому каждый перевод представляет собой уникальный случай метисации. Характеризуя оригинал и перевод в хронологическом аспекте, Берман пишет, что оригинал всегда остается молодым, а перевод с течением времени устаревает и требует нового перевода.

Все многообразие вербальных и только вербальных вторичных версий текстов оригиналов формирует в межъязыковом и межкультурном пространствах текстовые конгломераты – центры переводной аттракции [Razumovskaya, 2018; Razumovskaya, 2019], в пределах которых представлен полилингвальный, мультимодальный и полисемиотический «сверхтекст» или «гиперпалимпсест» [Разумовская, 2021; Razumovskaya, 2022].

Как уже отмечалось выше, успешное существование вторичных версий «сильного» художественного текста в «чужих» культурах во многом зависит от информационных свойств оригинала. Тем не менее «сильные» тексты могут иметь различную «судьбу» и в соответствии с особенностями принимающих их культур. И различия обнаруживаются как на уровне каж-

дой принимающей культуры, так и на уровне различных культурных типов. В отношении русской культуры (традиционно литературоцентрической или текстоцентрической) и ее «сильных» текстов речь, прежде всего, идет о западных и восточных культурах. Как принято считать, русская культура находится на культурном перекрестке между Западом и Востоком.

Интересный материал для наблюдений за проявлениями переводной множественности, появляющейся в результате различных яacobсонских видов перевода (внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического), а также и сопоставляемого с переводной множественностью явления повторного перевода (переперевода) – создания новых вторичных версий на языке уже существующих переводов, дают такие «сильные» тексты русской культуры и литературы, как «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Как закалялась сталь» Н. А. Островского. Обратимся к некоторым фактам появления и существования вторичных версий указанных произведений русских авторов в культуре Китая.

Первая версия романа «Анна Каренина» на китайском языке была создана в 1917 г. Это был сокращенный перевод, выполненный с появившегося несколько ранее французской версии и получивший название «История Анны». Первый полнотекстовый китайский перевод (1954 г.) также не был прямым (выполнен с английских версий К. Гарнетт и А. Мод Чжоу Яном). Творчество Л. Н. Толстого пользуется большой популярностью у китайских читателей и не покидает сферу научных интересов китайских исследователей. «Следует отметить, что роман “Анна Каренина” всегда привлекал внимание китайских исследователей, основное внимание которых было сосредоточено на трех аспектах: анализ образа Анны Карениной, анализ любовной трагедии Анны и ее причин, сравнение образа Анны Карениной с аналогичными китайскими литературными персонажами. Кроме этого, исследования также включают в себя анализ структуры произведения, художественных приемов, использованных в романе, а также сопоставление романа с аналогичными по проблематике китайскими произведениями» [Ван, 2019, с. 69]. При этом в современной китайской гуманитаристике прослеживаются очевидные изменения относительно исследуемых проблем. Если ранее тексты Толстого привлекали преимущественно литературоведов, то в последние десятилетия китайские переводы произведений русского классика притягивают большое внимание переводоведов.

Сложно указать точное количество китайских версий романа. Но только в XXI в., когда в Китае интенсифицировалась работа по переводу русской классической литературы, появилось более 20 версий перевода «Анны Карениной» [Лю, 2021]. Создание такого значительного количества переводов убедительно свидетельствует о «силе» текста Толстого в китайской культуре. Отмечается, что первые представления о русской литературе формируются у жителей современного Китая еще в школьном

возрасте, когда они знакомятся с адаптированными для детей версиями «сильных» произведений русской литературы. И среди таких произведений традиционно представлены «Анна Каренина» и «Как закалялась сталь». Указанные книги для детей «хорошо иллюстрированы, а иероглифический текст снабжен специальной транскрипцией. Уже несколько десятилетий (с 1959 г.) широко известны иллюстрации художника И Цзиня к тексту Островского, собранные в книгу в картинках («ляньхуаньхуа») [Лю, 2018].

Знаковые для китайской культуры «сильные» русские тексты и имена их авторов принес и XX в. И таким текстом стала книга «Как закалялась сталь». Исследователи отмечают, что отрывки из романа Н. А. Островского также являются частью обязательной школьной программы (как и роман «Анна Каренина»), а на полках книжных магазинов и в середине 2000-х гг. можно было видеть несколько изданий книги «Как закалялась сталь» для детей. Пик популярности романа среди китайской молодежи пришелся на 1950–1970-е гг.

История существования вторичных версий романа заслуживает специального исследования. Авторами первого китайского перевода романа, опубликованного в 1937 г., были переводчики Дуань Луофу и Чень Фейхуан. Данный перевод был выполнен с японской версии. Следующий перевод (1938 г.) также стал опосредованным: переводчик Мэй И создал свою версию на основе английского перевода 1937 г. А. Брауна. «К июню 1965 г. роман Н. Островского “Как закалялась сталь” в переводе Мэй И был переиздан в общей сложности 46 раз, а общее количество экземпляров достигло 1,369 млн» [Сунь, 2022, с. 18]. Различные источники сообщают впечатляющие данные о количестве китайских переводов романа – от ста до двухсот версий, многие из которых опубликованы многотысячными и даже многомиллионными тиражами. Таким образом, роман Островского является постоянным объектом переперевода в КНР. Ван Цзунху отмечает: «“Как закалялась сталь” имеет 21 версию перевода, и только в одном 2003 г. пять издательств параллельно издали эту книгу в разных версиях» [Ван, 2015, с. 67]. В данном случае интересные результаты могут быть получены при привлечении современной технологии Big Data, которая уже принесла первые интересные результаты в рамках европейского проекта Big Translation History, посвященного сбору, обработке, анализу и интерпретации данных, отражающих на глобальном уровне «судьбу» текстов переводов в течение продолжительного периода [Roig-Sanz, Fóllica, 2021].

Роман «Как закалялась сталь» был неоднократно адаптирован в Китае для театра и кино. Например, двадцатисерийный фильм 2000 г. «Как закалялась сталь» признан в Китае лучшим сериалом года. Особое место в пространстве китайских вторичных текстов романа занимают комиксы. «В 1959 г. была опубликована первая часть комиксов “Как закалялась сталь”

(в общей сложности 224 рисунка), а в июне 1963 г. – вторая часть (220 рисунков). В стране в то время было уже напечатано 250 тыс. экземпляров книг-комиксов по роману Николая Островского» [Сунь, 2022, с. 19].

Таким образом, каждый «сильный» текст литературы имеет свою судьбу, которая обнаруживает отличия от судеб других «сильных» текстов, а также в плане появления и бытования в различных национальных культурах. История существования «сильных» текстов за пределами их родных культур еще ждет своего создания, а факты культурной динамики вторичных переводных текстов могут стать импульсом для развития художественного переводоведения, межкультурной коммуникации, культурологии, сравнительного литературоведения и многих других разделов современной гуманитаристики.

Литература

Ван Суян. К истории переводов произведений Л. Н. Толстого на китайский язык // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2019. № 3. С. 62–71.

Ван Цзунху. О переводе и распространении русской литературы в Китае за последние 30 лет (с 80-х годов XX века) // Науки о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20). С. 66–68.

Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации : монография. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 228 с.

Лю Синь. Многоаспектность исследования романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в китайском литературоведении // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 465–467.

Лю Ци. Роман «Как закалялась сталь» в китайских книгах в картинках // Университетский журнал. 2018. № 36. С. 155–160.

Разумовская В. А. «Гиперпалимпсест» перевода: множественность «сильного» детективного текста // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 4, № 1. С. 48–62.

Сунь Синкай. Лингвокультурологические особенности перевода художественного произведения Николая Островского «Как закалялась сталь» с русского языка на китайский и английский : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Мытищи, 2022. 208 с.

Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков. Магадан : Кордис, 2001. 221 с.

Шерстнева Е. С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 3. С. 96–102.

Berman A. L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris : Gallimard, 1984. 320 p.

Razumovskaya V. A. "Strong" Texts of the Russian Literature in Translations: Cultural and Language Comprehension // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. N 1(11). P. 139–145.

Razumovskaya V. A. A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // Mundo Eslavo. 2019. N 18. P. 202–215.

Razumovskaya V. A. Expanding Translation Borders: from Mono- to Polysemiotic Nature of a Secondary Text // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования: сборник статей. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2022. С. 397–406.

Roig-Sanz D., Fólica L. Big translation history // Translation Spaces. 2021. Vol. 10, N 2. P. 231–259.

Л. А. Сидорова (Чебоксары)

Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «НАРОДНАЯ СКАЗКА»: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И РЕГИОН-СПЕЦИФИЧНОЕ

Аннотация. Исследуются процессы становления и развития термина «народная сказка». Анализируется научная литература по проблеме исследования путей развития народной сказки; выявляются источники, раскрывающие своеобразие этого жанра; выделяются этапы в собирании и исследовании народной сказки. В ходе анализа отмечается широкое распространение народных сказок и схожесть сюжетов разных народов. При этом выявляется своеобразие народных сказок, созданных на определенной территории.

Ключевые слова: сказка, устное народное творчество, «байка» или «басень», сюжет, народная сказка, вымысел.

L. A. Sidorova (Cheboksary)

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

THE PROBLEM OF DEFINING THE TERM "FOLK TALE": UNIVERSAL AND REGION-SPECIFIC ASPECTS

Abstract. The purpose of this article is to study the processes of formation and development of the term "folk tale". To achieve the goal, the following tasks are solved: the analysis of scientific literature on the problem of researching the ways of the development of a folk tale; the identification of sources that reveal the originality of this genre; the identification of stages in the collection and study of folk tales. The article also notes the wide distribution of folk tales and the similarity of the plots of different peoples. But although these stories are widespread, they have acquired characteristic features in limited parts of the territory in which they occur.

Keywords: fairy tale, folklore, "tale" or "fable", plot, folk tale, fiction.

В данной статье рассмотрим исторические пути развития народной сказки как разновидности устного народного творчества. Термин «сказка» впервые встречается в XVII в. До этого времени часто использовались слова «байка» и «басень», которые происходят от слова «бать», что значит рассказывать.

По мнению Э. В. Померанцевой, сказки как жанр народного искусства были известны уже в Древней Руси [Померанцева, 1963, с. 42].

По мнению В. П. Аникина, первый сборник сказок был составлен Петром Тимофеевым, который писал следующее: «Любезный читатель! Причина, побудившая меня собрать сии сказки, есть следующая: известно, что много находится таких людей, которые, ложась спать, любят заниматься слушанием или читаемых каких-либо важных сочинений, или рассказывания былей и небылиц, а без сего никак не могут уснуть. Почему я, желая услужить охотникам до вымышленных вздоров, постарался собрать столько, сколько мог упомнить, и сказать оные в свет» [Аникин, 1999, с. 151].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова встречается следующее определение: «Сказка – это повествовательное, обычно народнопоэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [Ожегов, 1999, с. 354].

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871), один из выдающихся собирателей русских народных сказок, сыграл большую роль в развитии сказки как жанра устного народного творчества. По образованию он был юристом, закончил юридический факультет Московского университета в 1849 г. Но он прославился не как юрист, а как собиратель русских народных сказок. За период с 1855 по 1863 г. им было издано восемь сборников, создано представление об этом жанре, разработаны способы сбора и издания сказок.

Позднее сказочный фонд был пополнен сборниками сказок И. А. Худякова «Великорусские сказки» в двух томах в 1860–1862 гг. и Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» в 1884 г. Причем последний записал 124 произведения со слов известного мастера сказочного жанра тех времен А. Новопольцева.

Конец XIX – начало XX в. знаменуют собой появление целого ряда сборников сказок. По мнению В. Я. Проппа, количество изданных сказок дошло до 20 тыс. Большой вклад в развитие сказочного дела внесли М. К. Азадовский, Т. М. Акимова, Д. К. Зеленин, И. В. Карнаухова, В. Ю. Крупинская, А. И. Никифоров, Н. Е. Ончуков, В. Я. Пропп, Н. И. Рождественская, Н. И. Савушкина, В. И. Сидельников, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы и др.

Исследователь русского фольклора В. П. Аникин пишет: «В мысли, которая живет сказки, многогранно проявился ум народа, кристаллами отложилась его история, быт, мировоззрение» [Аникин, 1970, с. 13]. Он также добавляет следующее: «Сказочная фантастика утверждает человека в светлом приятии жизни, полной забот и свершений. Преследуя социальное зло, преодолевая жизненные препятствия, разоблачая козни против добра, сказки зовут к преобразованию мира на началах человечности и красоты» [Аникин, 1999, с. 5].

Большой вклад в развитие сказочного жанра внес профессор Ленинградского университета В. Я. Пропп (1895–1970). В истории мировой филологической науки XX в. он считается выдающимся теоретиком и исследователем. Его труды об исторических корнях сказки известны во всем мире, их переводы были осуществлены на многие языки мира.

В. Я. Пропп отмечает: «Эмпирически все мы как будто очень хорошо знаем, что такое сказка и имеем о ней более или менее ясное представление. Мы, может быть, храним о ней поэтические воспоминания, помним ее с детства. Мы интуитивно чувствуем ее обаяние, наслаждаемся ее кра-

сота́ми, смутно понимаем, что перед нами что-то очень значительное. Короче говоря, в понимании и оценке сказки нами руководит поэтическое чутье» [Пропп, 2021, с. 23].

По мнению А. И. Никифорова: «Сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [Никифоров, 1930, с. 7]. А. И. Никифоров выделяет три важных признака сказки: развлекательный характер сказки, настройка слушателей на отдых и наслаждение; содержание сказки, где важное значение придается быту; особенности формопостроения сказки.

Соглашается с этой точкой зрения и Э. В. Померанцева. К. С. Аксаков и А. Н. Афанасьев также предпринимали попытки дать определение сказки. По мнению К. С. Аксакова, вымысел является главной характерной чертой сказки, причем вымысел является сознательным. Однако А. Н. Афанасьев не соглашается с ним, утверждая, что в сказке нет лжи, которая намеренно уклоняет слушателей от восприятия действительности, действительного мира.

В советское время стали издаваться сборники, представляющие репертуар одного исполнителя. Наиболее известны такие имена, как А. Н. Барышникова (Куприяниха), М. М. Коргуев (рыбак из Астрахани), Е. И. Сороковиков (охотник из Сибири) и др. Народная сказка – это фольклорный жанр, основанный на повествовании. Она имеет свою форму существования. Это история, передаваемая из поколения в поколение устным путем. Вот чем существование народной сказки отличается от существования литературной сказки, которая не меняется со временем, фиксируется в письменном виде. Все виды и формы устной прозы в фольклоре считаются сказкой.

Каждый народ хранит и передает от поколения к поколению свои сказки. Их рассказывают, пересказывают, читают, слушают и обсуждают во всем мире. В них запечатлены мечты разных народов, их моральные и этические ценности, восприятие действительности, менталитет.

Очень часто сюжеты сказок разных народов схожи. Исследование сборников народных сказок всех континентов, которые были собраны за последние несколько десятилетий, дали определенный результат: случаи из сказок имеют очень широкое распространение, они передавались от поколения к поколению, даже с континента на континент, были ассимилированы до такой степени, что редко есть какие-либо внутренние свидетельства, которые указывали бы на местное или иностранное происхождение. Но хотя эти сюжеты имеют широкое распространение, они приобрели характерные особенности в ограниченных частях территории, на которой они происходят.

Польза от чтения сказок неоценима. Они позволяют любому взрослому обратиться к своему внутреннему ребенку, которому в детстве чего-то не хватало: любви, внимания, заботы. Специалисты используют сказочное лечение как один из методов психологической помощи и социальной адаптации детей [Сидорова, 2021].

Таким образом, существует большое количество идей по поводу определения термина «народная сказка», многие из них до сих пор важны и фундаментальны для современных ученых-исследователей этого жанра.

Литература

- Аникин В. П. О чем говорят народные сказки // Литература в школе. 1970. № 3. С. 12–14.
Аникин В. П. Русская народная сказка. М. : Учпедгиз, 1999. 256 с.
Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. М. : Просвещение, 1930. 105 с.
Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Российская академия наук, 1999. 700 с.
Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 128 с.
Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки; Русский героический эпос. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. 1165, [1] с.
Сидорова Л. А. Использование русских, чувашских и английских народных сказок в нравственном воспитании детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования : сб. науч. ст. Вып. 3 / отв. ред. В. И. Бычков. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. С. 277–281.

УДК 07(73)

Т. В. Федорова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

А. В. Степанов (Иркутск)

МБОУ г. Иркутска СОШ № 18

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК АКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» США В XXI В.

Аннотация. Анализируется влияние средств массовой информации на процессы, протекающие внутри страны и за ее пределами. Отмечается, что СМИ формируют как положительный образ отдельного государства, так и отрицательный характер его врага, выступая в качестве актора «мягкой силы». Показывается процесс отражения средствами массовой информации политических событий, происходящих в последнее десятилетие в США.

Ключевые слова: средства массовой информации, политика, США, медиакультура, политические события.

T. Fedorova (Irkutsk)

Irkutsk State University

A. Stepanov (Irkutsk)

MBOU of Irkutsk school № 18

MEDIA AS A US SOFT POWER ACTOR IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract. In the modern world, the influence of the media on the processes occurring within the country and abroad is increasing. Acting as an actor of soft power, the media form both a positive image of an individual

state and a negative character of its enemy. This article analyzes the process of reflection of political events taking place in the last decade in the United States by the media.

Keywords: mass media, politics, USA, media culture, political events.

Сегодня все больше событий освещается средствами массовой информации, которые обеспечивают самый быстрый способ распространения информации по всему миру. СМИ также являются главным источником получения информации о политических процессах. Медиатизация происходит повсюду.

Анализируя степень историографической разработанности исследуемого вопроса, стоит отметить, что существуют публикации, отражающие аспекты влияния средств массовой информации на развитие политических процессов, такие как Doris A. G., Dunaway J. *Mass Media and American Politics*, посвященные политической коммуникации, такие как Owen D. *The New Media's Role in Politics*, раскрывающие взаимодействие СМИ и политики.

Влияние СМИ на американскую аудиторию отражают статьи Fox News, такие как Biden's history of controversial racial comments, Decker J. Trump nominated for Nobel Peace Prize by Norwegian official, citing Israel-UAE peace deal, Singman B. Trump slams violence in Democratic-run cities: "Get the picture?", Creitz C. Tony Bobulinski tells Tucker: Joe Biden denials of involvement in son's business 'a blatant lie'".

Важную роль для данного исследования играют Pew Research Center, основанные на опросах и посвященные влиянию средств массовой информации на аудиторию. Стоит отметить тот факт, что данные работы не акцентируют свое внимание на анализе взаимодействия СМИ и политики США.

«Традиционные виды средств массовой информации имеют важное значение и по степени вовлеченности в международные процессы актуальны наравне с онлайн-ресурсами цифровой дипломатии. С развитием информационных технологий наблюдается рост роли масс-медиа, которые способны формировать общественное мнение на различные события. Можно утверждать, что они не всегда дают объективную оценку событий. Однако нельзя упрекать в откровенной лжи все источники новостей. В связи с этим возникает необходимость обобщения моделей средств массовой информации и систематизация источников, используемых США. Даниел Халлин и Паоло Манчини выделили три основные модели СМИ» [Hallin, 2004, p. 69]: либеральная, для которой характерна коммерческая ориентированность медиaprостранства, СМИ выполняют роль посредника между политической элитой и обычными гражданами; поляризовано-плюралистская – характеризуется сильным вмешательством государства в СМИ, слабо развитой системой коммерчески направленных изданий; демократическо-корпоративная (североевропейская).

Бурный рост развития коммуникационных технологий формирует коммуникационный ландшафт, который сильно подвижен. Наблюдается переход от доминирования печатных средств массовой информации к преобладанию аудиовизуальных, а также трансформация в направлении развития интегрированных и оцифрованных коммуникационных технологий, которые создают более сложную мультимедийную среду. Это событие размывает традиционные границы между чтением и письмом, между коммуникациями, основанными на аудиовизуальных изображениях, и коммуникациями, основанными на тексте. По сути, непрерывное развитие новых средств массовой информации во многом отличается от старых в производстве, распространении и приеме медиаконтента. Проблема в том, что у старых средств массовой информации, таких как газеты и журналы, нет проблем с аудиторией, сайты газет являются жизненно важным и растущим источником новостей, но у них есть проблема с потребителями [Media Perspectives ...].

В недавнем прошлом дискуссии о будущем исследований в области коммуникации и средств массовой информации касались двух основных и взаимосвязанных вопросов. Первый заключался в том, будет ли в XXI в. нечто, называемое наукой о коммуникации. Второй касался отношений между различными подходами в этой области, которые вытекают из разных наук и дисциплин. На первый вопрос многие медиаученые дали положительный ответ. Кроме того, до тех пор пока они являются открытыми системами коммуникации с различными интерпретациями того, что ждет будущее в этой области, исследования в области коммуникации и медиа будут пользоваться большим спросом. Однако необходимым условием для плодотворного поля исследований в области коммуникации и медиа является открытое, демократическое, либеральное общество [Gottfried, Forman-Katz, 2021].

Пока устоявшиеся средства массовой информации выживают в привычных форматах или в гибридных формах, таких как цифровые версии традиционных предложений, каналы Twitter и приложения для мобильных устройств становятся более популярны. Однако устаревшим средствам массовой информации мешает радикальное сокращение ресурсов, и их контроль над новостным контентом резко снижается. Большинство новых медиа не оправдывают первоначальных ожиданий, что они восполняют некоторые информационные пробелы, оставшиеся после закрытия новостных агентств и снижения инвестиций в отдел новостей.

Демократическая ценность двухсторонних коммуникаций между медиа-элитами и аудиторией еще не ясна, но социальные сети все чаще становятся одним из основных элементов процессов сбора и распространения новостей. Популярный взгляд на расширение выбора и платформ в нынешней медиа-среде является позитивным и основан на идее о том, что более

разнообразное и доступное игровое поле для СМИ является более демократичным.

Расширенный выбор средств массовой информации, ужесточение конкуренции за новостные организации и быстрое развитие нишевых средств массовой информации вызывают опасения по поводу того, будут ли медиа-технологии способствовать политической поляризации, усилению партийной ярости и подавлению демократических обсуждений. Наиболее актуальной проблемой, все еще стоящей перед развитием средств массовой информации, является неопределенность в отношении средств оплаты за создание и распространение новостей [Schudson, 2020].

Восемь из десяти взрослых американцев (86 %) говорят, что в основном получают новости со смартфона, компьютера или планшета. Это выше, чем у тех, кто получает новости по телевидению 68 %. Хотя 68 % получают новости по телевизору, по крайней мере, иногда, а около трети (32 %) говорят, что получают новости из печатных изданий [Shearer, 2021].

Политический процесс ориентирован на развитие СМИ. Несмотря на то что финансирование кампании зависит от высокой стоимости рекламы в СМИ, политики используют печатные издания и социальные сети для привлечения сторонников. Чтобы казаться достойными голосования, они стараются освещать свою деятельность в новостных программах, и, чтобы продемонстрировать то, что, по их мнению, является их привлекательностью, они появляются в качестве гостей в новостях, ток-шоу и комедийных шоу.

Согласно исследованию Pew Research Center [The First ...] освещение первых дней президентства Дж. Буша в целом было менее позитивным, чем у Билла Клинтона. Буш значительно менее заметен, чем Клинтон: за первые два месяца пребывания у власти о нем на 41 % меньше говорили на телевидении и в газетах. Результаты исследования основываются на анализе репортажей и статей таких новостных агентств, как ABC, NBC, CBS и PBS, заголовков разделов и страниц мнений New York Times и Washington Post, а также выпусков журнала Newsweek.

Пресса положительно оценила нового президента, когда администрации удалось провести плавный переход, особенно в процессе назначения кабинета министров. Это начало ослабевать, когда были обнародованы бюджетные планы Буша и стали более ясными его политические позиции, в том числе по таким вопросам, как глобальное потепление, загрязнение воды, закон о банкротстве и очистка шахт.

Освещение в СМИ личности Б. Клинтона в два раза чаще касалось его отношений с американскими гражданами, чем Дж. Буша. Репортажи Буша были сосредоточены на его отношениях с членами в Конгрессе. Это было распространено на телевидении, возможно, потому, что Б. Клинтон устраивал мероприятия с участием граждан, в то время как Буш, когда он проводил публичные мероприятия, обычно проводил их с политическими деятелями [The Unexamined ...].

Существует четкая закономерность в том, как пресса освещала деятельность двух президентов. Все основывалось на том, что пресса сосредоточивала свое внимание на компетенциях, присущих тому или иному президенту. Шесть из десяти статей оценивали идеологическую повестку дня. Примерно треть была сосредоточена на лидерских качествах президента. Только 5 % или менее публикаций оценили президентский характер.

Президент Барак Обама к 100-му дню пребывания в должности пользовался более позитивным мнением, представленным в СМИ, чем Билл Клинтон или Джордж Буш в первые месяцы их пребывания в Белом доме [Obama's First ...].

Отчасти благодаря тому, что Обама встречался непосредственно с общественностью, гораздо больше репортажей было посвящено его отношениям с американским народом (31 % всех репортажей), чем в случае с Клинтоном (16 %) или Бушем (8 %). Репортажи о деятельности Буша были сосредоточены на его отношениях с Конгрессом и способах, с помощью которых он хотел изменить репутацию администрации президента. Это внимание к общественности также стало фактором позитивного тона освещения событий.

Существуют значительные различия в том, как средства массовой информации освещали президентство Обамы. Газеты и вечернее телевидение были наиболее позитивны в своем отношении к Обаме. Новостные сайты в интернете были более нейтральными. В кабельных новостях MSNBC и Fox News предлагали разные изображения президента, в то время как CNN более точно отражал тон СМИ в целом. Между тем NPR и PBS предложили самый высокий процент нейтральных историй из всех изученных СМИ.

Издания с праворадикальной аудиторией ссылались в своих репортажах на меньшее количество источников, давали больше положительных и меньше негативных оценок президенту Дональду Трампу и его администрации, чем издания, аудитория которых склоняется влево или более равномерно распределенная аудитория, согласно исследованию Pew Research Center [Covering ...].

Во время предвыборной кампании Дональд Трамп подчеркнул три повторяющиеся темы, касающиеся торговой политики. Первая из них касалась важности торговых балансов, в том числе двусторонних торговых балансов. С этой точки зрения, серьезной проблемой, стоящей перед Соединенными Штатами, был дефицит торгового баланса в размере 500 млрд долл., около половины которого приходится на Китай, Японию и Корею. Трамп и его советники интерпретировали дефицит как чистое сокращение совокупного спроса, которое снижало производительность ниже производственных мощностей и ограничивало рабочую силу ниже уровня полной занятости.

В результате СМИ, аудитория которых склонялась к правому центру, с меньшей вероятностью оценивали Трампа и его администрацию как внешних экспертов. Репортажи, в которых журналисты прямо опровергали или исправляли заявление президента Трампа или членов администрации, происходили гораздо чаще в историях из изданий с леворадикальной аудиторией (15 %), чем из праворадикальных (2 %), в то время как издания с более смешанной аудиторией оказались посередине (10 %).

Использование президентом Twitter как способа прямого общения с общественностью способствовало сближению президента с американским обществом.

Примером вмешательства американских СМИ в политические процессы можно считать давление масс-медиа США на Россию в апреле 2017 г. Газета The New York Times была удостоена Пулитцеровской премии за освещение вмешательства в президентские выборы в США 2016 г. со стороны России. Тема российского «следа» являлась наиболее актуальной для информационного пространства Америки. На фоне этого американские издания не переставали снижать свою активность, публикуя материалы о взломе хакерами из России серверов Демократической партии США ее Национального комитета, а также связи избранного президента с Россией. Примерами служат статья от 12 декабря 2016 г. в The New York Times «Россия и выборы в США: что мы знаем и чего не знаем» (Russia and the U. S. Election: What We Know and Don't Know) [Fisher], репортаж CNN от 16 декабря 2016 г. «Российский взлом и выборы 2016 г.: что мы знаем и чего не знаем» (Russian hacking and the 2016 election: What you need to know) [Diamond]. Можно сделать вывод, что актуальная повестка американских СМИ, направленная на пропаганду против России, влияла напрямую на уровень напряженности в международных отношениях двух государств.

Следовательно, можно прийти к выводу, что СМИ являются одним из неофициальных инструментов воздействия на политические процессы США. Распространение информации с помощью новых медиа довольно эффективно из-за охвата аудитории. Этому свидетельствует наличие большого количества читателей различных информативно-новостных агентств в таких сервисах, как Twitter.

Основными каналами выступают телевидение, радио, пресса, информационные агентства. Цифровая дипломатическая деятельность США базируется как на общемировых, так и локальных платформах онлайн-ресурсов. Самыми часто используемыми глобальными источниками онлайн-дипломатии выступают Meta (бывший Facebook), YouTube, Twitter, Instagram. Традиционные виды СМИ, объединенные с онлайн-платформами, могут служить для эффективного использования стратегии «мягкой силы» в политических процессах. Основными преимуществами данного объединения выступают скоростная коммуникация и большой охват аудитории.

Литература

Diamond J. Russian hacking and the 2016 election: What you need to know. URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/12/politics/russian-hack-donald-trump-2016-election/> (дата обращения: 23.06.22).

Fisher M. Russia and the U. S. Election: What We Know and Don't Know. URL: https://www.nytimes.com/2016/12/12/world/europe/russia-trump-election-cia-fbi.html?_r=0 (дата обращения: 23.06.22).

Gottfried J., Forman-Katz N. More Americans now see the media's influence growing compared with a year ago. 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/05/17/more-americans-now-see-the-medias-influence-growing-compared-with-a-year-ago/> (дата обращения: 07.08.2022).

Hallin D. Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. Cambridge University Press. 2004. 342 p.

Media Perspectives for the 21st Century. Stylianos Papathanassopoulos. URL: https://www.google.ru/books/edition/Media_Perspectives_for_the_21st_Century/adSsA-gAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 02.08.2022).

Covering President Trump in a Polarized Media Environment / A. Mitchell, J. Gottfried, G. Stocking, K. E. Matsa, E. Grieco. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2017/10/02/covering-president-trump-in-a-polarized-media-environment/> (дата обращения: 23.05.2022).

Obama's First 100 Days. Pew Research Center: Journalism & Media Staff. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2009/04/28/obamas-first-100-days/> (дата обращения: 23.06.2022).

Schudson M. The news media as political institutions. Annual Reviews. 2020. URL: <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev.polisci.5.111201.115816> (дата обращения: 09.03.2022).

Shearer E. More than eight-in-ten Americans get news from digital devices. 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/12/more-than-eight-in-ten-americans-get-news-from-digital-devices/> (дата обращения: 04.05.2022).

The First 100 Days // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2001/04/30/the-first-100-days/> (дата обращения: 23.08.2022).

The Unexamined Presidency // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2001/05/01/the-unexamined-presidency/> (дата обращения: 04.10.2021).

УДК 316.776.23

А. В. Чайкисова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования интернет-мемов как инструмента манипуляции в американском политическом дискурсе. Анализу подвергается специфика мемов, обуславливающая их манипулятивный потенциал, а также использование мемов политическими акторами как в рамках предвыборного дискурса, так и для достижения различных политических целей.

Ключевые слова: манипуляция, интернет-мемы, политический дискурс.

THE MANIPULATIVE POWER OF INTERNET MEMES
IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The purpose of this article is to consider the usage of Internet memes as a tool of manipulation in American political discourse. It analyzes the specific features of memes that determine their manipulative power as well as the ways political actors use them to achieve certain political goals.

Keywords: manipulation, Internet memes, political discourse.

В современном интернет-пространстве наблюдается использование разнообразных средств манипулирования общественным сознанием, одним из которых является интернет-мем. Многие исследователи отмечают манипулятивный потенциал интернет-мемов, который состоит в том, что они способны внедряться в общественное сознание, осуществляя влияние на отношение общества к определенным политическим деятелям, событиям, органам и институтам власти и т. п.

Манипулятивные возможности интернет-мемов варьируются от разовых актов воздействия на определенные группы людей до масштабных информационных войн. Их рассматривают и как элементы технологии «мягкой силы» [Бабинова, 2021], и в качестве формы современной пропаганды [Klein, 2020] и так называемой ноополитики – информационной стратегии по управлению международными процессами посредством формирования через средства массовой информации у общественности положительного или отрицательного отношения к политике государства с целью создания определенного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей [Байчик, Никонов, 2012, с. 208]. В контексте международных отношений интернет-мемы работают как оружие меметических войн [Федорченко, 2019].

Эффективность и привлекательность мема как инструмента манипуляции обусловлена рядом его особенностей, в том числе и тем, что он представляет некое сложное положение вещей в краткой, красочной, упрощенной, легкой, доступной для понимания форме. Нельзя не отметить значимость визуального образа мема, который имеет огромное влияние на аудиторию, так как легче воспринимается, быстрее запоминается, вызывает более сильные эмоции по сравнению с текстовой частью [Klein, 2020].

С одной стороны, мемы могут возникать спонтанно в качестве общественной реакции на определенные события, обсуждаемые пользователями в Сети, с другой стороны, часто они появляются в результате целенаправленных PR-кампаний, т. е. конструируются умышленно для реализации определенных внутривнутриполитических и внешнеполитических задач.

В американском политическом дискурсе интернет-мем активно используется в рамках предвыборного дискурса для формирования имиджа политиков и оппозиции. Президентская кампания 2016 г. – наглядный пример так называемой войны мемов. Распространение мемов с целью

оказания влияния на общественное мнение началось с анонимных имиджбордов типа 4Chan (в частности, Politically Incorrect Board/pol/), Tumblr и Reddit, на которых находили выражение, прежде всего, альтернативные правые и ультраправые идеи: экстремизм, расизм, антифеминизм, превосходство белой расы, теории заговора и др. Имиджборды – это особые типы форумов, где пользователи могут создавать посты и прикреплять к ним графический контент, оставаясь при этом анонимными, кроме них достаточно влиятельной по созданию и распространению мемов в публичном пространстве США считается платформа Twitter. Мемы, появившиеся на одной платформе, быстро проникают и на другие сайты через репосты, а также попадают в СМИ. Альтернативным правым удается привлечь внимание широкой аудитории посредством намеренно возмутительных заявлений. Эти группы характеризуются своей популистской, нативистской и авторитарной идеологией.

Основными персонажами интернет-мемов, создаваемых альтернативными правыми в период президентской кампании 2016 г., стали Дональд Трамп и лягушонок Пепе. Наибольшую популярность получил мем You Can't Stump the Trump («Вам не выбить Трампа из игры») (рис. 1), указывающий на то, что кандидат в президенты не собирается поддаваться нападкам со стороны критиков.

Рис. 1

Позже по ходу кампании Роджер Стоун и Дональд Трамп (младший) загрузили изображение, пародирующее постер к фильмам серии «Неудержимые», озаглавленный The Deplorables. Этот постер обыгрывал довольно неосторожную фразу basket of deplorables («корзинка прискорбнейших»), произнесенную Хиллари Клинтон. На постере был изображен Пепе среди членов семейства Трампа и других личностей, популярных в среде альтернативных правых (рис. 2).

Рис. 2

Следует упомянуть, что стиль правления американского президента Дональда Трампа называют авторитарно-популистским. Сквозь эту призму можно выделить доминирующие темы о Трампе, которые распространялись посредством интернет-мемов: Трамп богоподобен, Трамп – сильный лидер, Трамп силен против СМИ. Он сам при этом называл своих оппонентов фальшивыми или болванами, а СМИ и журналистов – коррумпированными или фейковыми. В результате Трамп стал любимцем альтернативных правых в США, выступающих за отказ от традиционного господствующего христианского консерватизма и республиканизма в пользу белого национализма и превосходства.

В сентябре 2016 г. на официальном сайте президентской кампании Хиллари Клинтон появилась обвинительная для кампании Трампа статья, в которой лягушонок Пепе описывался как символ, связанный с превосходством белой расы.

Анализ интернет-мемов, распространяемых в тот момент и сторонниками, и противниками политики Трампа, показал, что большая их часть

опирается на эмоциональные рассуждения о национализме, расизме и авторитаризме. При этом критика и похвала передаются не логическими, четко сформулированными, осязаемыми аргументами, а аффективно и эмоционально. Пользователи 4Chan создавали такие мемы, которые должны были играть на эмоциях адресата, часто при этом оказывая воздействие на чувства и стереотипы, которые ассоциируются с потусторонней силой и мощью.

Во время этой предвыборной кампании демократы считали, что опускаться до уровня Трампа и размещать глупые картинки в интернете нецелесообразно. Есть даже мнение, что левые не умеют создавать качественные мемы, поскольку они являются приверженцами политической корректности. Однако опыт республиканцев показал, что мемы крайне эффективны в дискредитации противников и не менее успешно зарабатывают лояльность электората. Это способствовало тому, что демократы тоже стали включаться в «войну мемов», но не так успешно. Контент правых достаточно часто фальсифицирован, непредсказуем, вызывает сильные эмоции вроде отвращения, негодования, удивления и т. п. Но это и делает создаваемые ими мемы вирусными, пользователи охотно делятся ими, что способствует их популяризации.

С точки зрения реализации политических целей можно сказать, что правые задают спорную повестку, а левые реагируют и защищаются. Некоторые исследователи считают, что мемы правых пользуются популярностью, поскольку их дискурс носит популистский характер. Концепты, ими передаваемые, симплифицируются и становятся понятными широкой аудитории, как например, расистские и антисемитские мемы. Дискурс левых, напротив, фокусируется на так называемых униженных и оскорбленных и не является хорошей основой для создания мемов. Популярность мемов зависит также от платформы и ее идеологии. Считается, что Reddit и Twitter, например, публикуют нейтральные или позитивные мемы. Распространение правых взглядов в США и их популярность среди молодежи можно также объяснить текущими экономическими и социальными проблемами США, расколом американского общества. В этой связи интернет-мемы могут служить показателем этих проблем и предлагаемых радикальных способов их решения.

Манипулятивный потенциал мемов связан также с тем, что коллективное повествование неизбежно подкрепляется и увековечивается, даже если оно кем-то осуждается, таким образом, контент распространяется независимо от того, с какой целью участники делятся им. Так, результаты опросов общественного мнения показали, что достаточно большой процент американцев верит в распространяемые ими идеи (см., например, [Trump leads ...]).

Следует упомянуть использование интернет-мемов в рамках целенаправленных вбросов политтехнологов и политических PR-специалистов. Это явление можно отнести к «цифровой дипломатии», которая зародилась в США, когда американские ведомства, ответственные за развитие информационно-коммуникационных технологий, стали использовать интернет и так называемые новые медиа для достижения дипломатических и внешнеполитических целей.

Рассмотрим пример манипуляции посредством мемов с антифеминистской тематикой (Feminazi). Их создатели подбирают фотографии феминисток в тот момент, когда они, например, спорят с оппонентами и когда их лица выражают гнев, раздражение (рис. 3, 4).

Ma'am could you please calm d-

>DID YOU JUST ASSUME MY GENDER?!?

Рис. 3

Рис. 4

Это способствует созданию негативного образа и распространению идеи о том, что злость, иррациональность, ненависть к мужчинам и феминизм тесно связаны. Таким образом в обществе подрывается доверие к феминизму.

Анализ мемов показывает, что идеи о превосходстве белых, расистские и антисемитские взгляды не только все еще существуют в публичном пространстве, но и активно распространяются и затрагивают большое количество пользователей. Это позволяет задуматься о состоянии современного политического и общественного дискурса в США, а также поднимает вопрос о значительном общественном недоверии к традиционным средствам массовой информации в сочетании с растущим числом людей, слепо верящих в сомнительные альтернативные источники, такие как печально известный конспирологический веб-сайт Infowars. Все вовлеченные стороны, таким образом, используют культурную напряженность современной Америки в своих интересах.

Исследователи указывают на то, что интернет-мемы следует рассматривать в контексте теории коллективного бессознательного, а именно архетипических образов, в них реализующихся. Так, в своем исследовании С. Н. Федорченко анализирует интересный пример меметического конфликта с использованием архетипов Трикстера и Героя. Д. Трамп разместил в Твиттере интернет-мем по поводу антииракских санкций: Sanctions are coming («Санкции близко») с отсылкой к слогану «Зима близко» из «Игры престолов» и изображением своего фото, чем вызвал отклик со стороны Ирана (рис. 5). К. Сулеймани использовал в своем инстаграм-посте мем в этой же стилистике, но уже с фразой «Тебе меня не сломить», в нем были реализованы архетипы Трои (Осажденного города) и Героя [Федорченко, 2019] (рис. 6).

Рис. 5

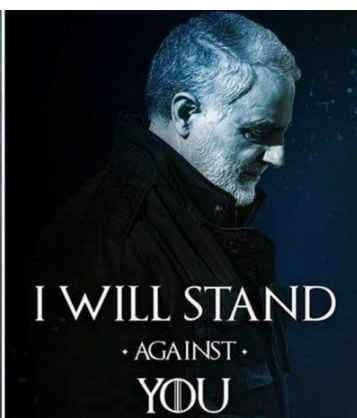

Рис. 6

Архетип Героя (Супергероя) часто используется в интернет-мемах, функционирующих в рамках политического дискурса с манипулятивными целями, например, в общественное сознание внедряется мысль о наличии угрозы американской нации, а значит, необходимости спасти США, в связи с чем появляется некая персона, чаще всего определенный политический лидер, который берет на себя функцию Спасателя и позиционирует себя как Героя (рис. 7).

Рис. 7

Проведенный анализ показал, что в американском политическом дискурсе использование интернет-мемов как инструмента манипуляции общественным мнением является уже хорошо известной и популярной технологией, она активно используется в политическом дискурсе и в рамках предвыборных кампаний, и для достижения различных дипломатических и внешнеполитических целей. С помощью интернет-мемов происходит целенаправленное формирование имиджа политического лидера или осуществляется дискредитация оппонентов. Четко прослеживаются различия по использованию мемов левыми и правыми как по форме, так и по содержанию. Популярность интернет-мемов в США также сильно привязана к платформе, в рамках которой они создаются и используются, а также зависит от ее идеологии.

Литература

Бабилова М. Р. Интернет-мемы как инструмент soft-power – технологии миромоделирования современной молодежи // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-instrument-soft-power-tehnologii-miromodelirovaniya-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 19.02.2022).

Байчик А. В., Никонов С. Б. Ноополитика как глобальная информационная стратегия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 207–213.

Федорченко С. Н. Интернет-мемы как элемент медиатизации политической повестки на примере международных отношений // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3, № 2. С. 42–58.

Klein O. Misleading Memes: The Effects of Deceptive Visuals of the British National Party // The Open Journal of Sociopolitical Studies. 2020. N 13. P. 154–159.

Trump leads Rubio Even Head To Head in Florida. URL: <https://www.publicpolicypolling.com/polls/trump-leads-rubio-even-head-to-head-in-florida/> (дата обращения: 20.08.2021).

В. В. Яковлев, П. В. Перлин (Санкт-Петербург)

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ДЖОН БЕЛЛ И ЕГО ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В КИТАЙ В 1719–1721 ГГ.

Аннотация. Исследуются записки шотландского путешественника Джона Белла как важный источник сведений о цинском Китае XVIII в., а также отмечается необходимость нового перевода и аннотирования данного текста.

Ключевые слова: Китай, Джон Белл, путешествие, травелог, династия Цин.

V. Yakovlev, P. Perlin (St.-Petersburg)
Herzen State Pedagogical University of Russia

ON A CONTEMPORARY TRANSLATION OF JOHN BELL'S ACCOUNTS ON HIS TRIP TO CHINA IN 1719–1721

Abstract. The article deals with the John Bell's travelogue as an important source of information on the Qing dynasty China and the necessity of a new translation into Russian and annotation of the text.

Keywords: China, John Bell, travels, travelogue, Qing dynasty.

Одним из источников сведений о жизни России XVIII в. являются труды иностранцев, приехавших в Россию с началом реформаторской деятельности Петра I. Среди авторов различных описаний России того времени довольно много представителей Британской империи (большую работу по сбору и описанию англоязычных источников проделал Энтони Кросс в своей книге «Страна Романовых. Аннотированная библиография англоязычных описаний Российской Империи (1613–1917), сделанных очевидцами» [Cross, 2014]). Среди них Джон Белл и его книга о путешествиях из Петербурга в Азию стоит особняком. В первом русском переводе (сделанном с французского) она называлась «Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь» [Джон Белл, 1776], в оригинале *Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia*. Этот труд в своей «китайской» части содержит, в частности, описание придворных церемоний Пекинского двора, шанс увидеть которые для британских подданных был крайне маловероятен в силу отношения цинских правителей к британцам.

Джон Белл, сын Патрика Белла и Анабель Стерлинг, родился в 1691 г. в Шотландии, в поместье Энтермони к северу от Глазго. Старший брат Джона должен был унаследовать родовое поместье, и Джону пришлось искать свой путь в жизни. Он выбрал профессию врача и в 1713 г. получил степень доктора медицины в университете Глазго. После завершения штудий тяга к путешествиям определила его дальнейший путь: он отправился в Россию с рекомендательными письмами к соотечественнику, доктору

Эрскину, который был в то время, ‘несомненно’, одним из самых влиятельных иностранцев при дворе Петра I, сыгравших важную роль в модернизации российской медицины, фармацевтики и естественных наук в России начала XVIII в. (подробнее об Эрскине см., например, [The contribution ...]). Вскоре представилась и возможность реализовать мечту: тогда еще подполковник А. П. Вольтер (1689–1740) отправлялся в Персию в качестве чрезвычайного посланника ко двору шаха. В составе посольства Белл в качестве штатного медика посетил в 1715–1718 гг. Персию (Иран). Кроме того, по протекции Эрскина, рекомендовавшего Белла лично Петру, молодого шотландца впоследствии приняли на службу в Имперскую коллегия иностранных дел [Pentti Aalto, 1996].

Белл совершил еще три значительных путешествия: в 1719–1721 гг. – с миссией Л. В. Измайлова (1686–1738) побывал в Китае (подробнее о сборах в дорогу и других участниках посольства см. [Филиппова, 2012, с. 12–18]), в 1722 г. участвовал в Персидском походе, а в 1737–1738 гг. отправился в Турцию, чтобы доставить султану предложения европейских государств по урегулированию политической ситуации, выработанные после русско-турецкой войны. Вскоре он, видимо, оставил дипломатическую службу и посвятил себя коммерции, в 1743 г. женился на русской подданной Марии Петерс (которая, возможно, была в родстве с английской писательницей Джейн Вигор [John M’Ure, 1829, p. 115]), а не позже 1746 г. вернулся в Шотландию, в родовое поместье.

Уже находясь на покое в Шотландии, Белл описал свои поездки в травелог, о котором издание «Квотерли Ревью» написало следующее: «История этой книги довольно любопытна и мало кому известна. Через много лет после возвращения г-на Белла из путешествий он забавлял своих друзей рассказами о виденном, освежая с помощью простого дневника событий и наблюдений. Граф Грэнвиль... услышав о некоторых из этих приключений, настоял на том, чтобы он обработал свои записки в форме связного повествования, и был так восхищен результатом, что отправил рукопись доктору Робертсону с просьбой отредактировать ее и сделать пригодной для печати. Занятия шотландского историка в то время не позволили ему выполнить эту задачу, и он обратился к г-ну Баррону, профессору университета Абердина, и когда этот джентльмен попросил у доктора Робертсона совет относительно стиля и образцовой книги о путешествиях, которую бы тот порекомендовал для данного труда в качестве образца, историк ответил: “Возьмите за образец ‘Путешествия Гулливера’, и не ошибетесь”. Так он и поступил, и “Беллевы Путешествия” напоминают простотой “Гулливера” с тем преимуществом, которое истина всегда имеет перед вымыслом» [Quarterly Review, 1817, p. 464–465].

К 1762 г. рукопись была готова [Jennifer Speake, 2003, p. 86] и увидела свет в 1763 г. Почти сразу же она была переведена на французский и голландский языки, а спустя еще 11 лет и на русский (1774–1776 гг.) с французского языка. По свидетельствам современников, французский перевод Марка Антуана Эду, ставший исходным текстом для русского переводчика Попова, отличался «крайней небрежностью».

Кроме текста самого Белла, отредактированного профессором Барроном, во второй том книги вошел дневник шведа на русской службе Лоренца (Лаврентия) Ланга, бывшего секретарем посольства 1719 г., а впоследствии российским консулом (агентом) в Пекине.

Вообще повествования о путешествиях имперского периода можно разделить на травелоги путешественника-колонизатора, в которых автор повествованием закрепляет завоевание новых территорий, и травелоги жителей метрополии, описывающие уже освоенную часть империи. Но книга Белла содержит рассказ о путешествиях носителя британского «имперского чувства» по территориям другой империи и соседствующих с ней стран.

Одной из особенностей этого текста является то, что отчет о путешествии Белла вышел в свет в те времена, когда внимание британцев было приковано к сенсационным морским путешествиям, открывшим европейскому миру далекие экзотические страны. В то время как британские коммерсанты-путешественники, к которым официальные власти Китая относились с настороженным презрением, были ограничены в передвижениях по стране и находились преимущественно на территории селтльментов, Белл открывает перед европейцами двери императорского дворца в Пекине с его пышным великолепием. Там он стал свидетелем почета, которым окружили российского посла. Такого рода прием и не снился британцам после шести десятилетий попыток расширить торговлю и установить дипломатические отношения с Китаем, о которых лорд Маккартни мог только мечтать, когда 30 лет спустя (1792–1794 гг.) направился с дипломатической миссией в Пекин.

Описание путешествия Д. Белла в Пекин в 1719–1722 гг. занимает часть первого (главы 1–5, описание пути в Китай) и второго (главы 6–14, пребывание в Китае) разделов его книги. Описание поездки по маршруту Москва – Санкт-Петербург – Нижний Новгород – Казань – Соликамск – Верхотурье – Тюмень – Тобольск – Томск – Иркутск – Енисейск – Селенгинск чрезвычайно насыщено географическими и этнографическими сведениями. Белл отмечает все, что показалось ему необычным и интересным – от особенностей экономики того или иного края, живущих в нем «племен» (тунгусов, бурятов, черемисов, вогуличей (манси), черемисов (марийцев), остяков), особенностей их жизни и быта (устройство чума,

описание камлания шамана) до описания географических диких животных (Байкал, Селенга и другие реки) и представителей флоры (экзотические грибы) и фауны (олень, лось, россомаха, кабарга).

Дальнейшие главы (6–14) из второго раздела описывают в основном период пребывания посольства в Цинской империи, а также содержат общие географические и этнографические сведения о Сибири, «рописания местам и расстояниям» (в большинстве случаев приводятся названия географических пунктов, а расстояния между ними указываются не всегда) и краткий словарь китайских, маньчжурских, монгольских, тибетских и «индостанских» чисел и отдельных слов.

В Селенгинске экспедиция дождалась посланника цинского двора Тулишэня, который должен был обеспечить беспрепятственное прохождение границы. В ожидании оформления пропуска в Китай Белл и его спутники забавлялись охотой и экскурсиями по окрестностям. Вот характерное описание: «Проезжая сии плодородные долины и приятные леса, часто я забавлялся, представляя себе мысленно деревни, увеселительные дома и мызы, который могут выстроиться со временем при речках и на холмиках здешних. Будет здесь довольно земли для прокормления с немногим трудом многих европейских народов, кои теперь с трудом могут прокормиться во своей; что ж касается до мунгалов, то нравы их столь чисты и столь просты, что я бы очень был рад иметь их своими соседями.

Я уверился всем тем, что ни читал о Северной Америке, что нет ни единых страны во свете, коя бы уподоблялась более сея некоторым нашим селениям, а особливо внутренней части Пенсильвании и Мариланду. Обе сии страны стоят почти под одним градусом широты. В одной находятся большие озера и великия реки, а в другой озеро Байкал и такая реки, кои долготою своего течения и изобилием своих вод могут быть поставлены в число наивеличайших, какия токмо есть в Америке» [Джон Белл, 1776, ч. 1, с. 512].

8 сентября делегация выехала из Селенгинска и 5 ноября прибыла к Великой Китайской стене. Вот любопытная зарисовка, характеризующая строгость порядков пересечения китайской границы: «Путеводец, усмотрев несколько прохаживающихся женщин по луку, спросил у посланника, чьи они и куда едут. Господин Измайлов отвечал, что оне из его обоза и что едут с ним в Китай. Напротив чего Ломи сказал, что довольно находится женщин и в Пекине, и что как никогда не видано было европейских женщин в Китае, то не смеет он сам собою впустить оных в сие государство без точнаго императорскаго приказанія, и что ежели г. посланник захочет подождать, то он отправит для сего ко двору нарочнаго гонца. Как гонец сей не мог возвратиться скорее шести недель, то г. Измайлов за благо рассудил отослать женщин в Селенгинск на телегах, на коих везены были наши вещи» [Джон Белл, 1776, ч. 1, с. 513].

Свита Измайлова составляла около ста человек, и ежедневно они съедали 15 баранов – другой пищи от границы до Великой стены не было. Белл подробно описал способ убоя баранов, которому стал свидетелем. На пути караван преодолел песчаную пустыню в землях кочевых монголов, где тягловый скот с трудом находил себе пищу. 18 ноября, спустя 16 мес. после выезда из Санкт-Петербурга, делегация торжественно въехала в Пекин через Северные ворота.

Спустя 10 дней состоялась торжественная аудиенция, во время которой вся свита и сам Измайлов выполнили обряд «коутоу», или «саньгуй цзюкоу», т. е. троекратное преклонение коленей с земными поклонами перед императором. В соответствии с принципом «во всей поднебесной нет земли, которая бы не принадлежала вану, во всей земле нет никого, кто бы не был подданным вана», цинский император, считавший себя властителем мира, при контактах с другими странами, будь то «вассальное государство» (фаньго) или «союзная держава» (юйго, т. е. страна, с которой взаимодействовали на равных) требовали от посланников трижды преклонить колени и девять раз поклониться (саньгуй цзюкоу). Именно благодаря тому, что Измайлов (после долгих переговоров) согласился выполнить этот обряд, он был принят императором и двором в целом благосклонно, хотя ему и пришлось покинуть Китай, не подписав соглашения о торговле и не получив разрешения оставить в Пекине официального российского консула.

Один из самых ярких фрагментов книги – описание приема во дворце девятого сына императора: «Поскольку приглашение исходило не от самого принца, посол его не принял. Угощение было великолепным и сопровождалось музыкой, танцами и некоторого рода представлением, которое продолжалось большую часть дня. Комедианты были обоих полов, если только женские роли не исполняли мальчики, одетые актрисами. Поскольку представление было на китайском, я не понимал ничего, кроме жестов и действий исполнителей. Оно показалось мне набором разрозненных интерлюдий без какого-то определенного финала или общего замысла. Поэтому я упомяну только одну сцену, которая показалась мне чрезвычайно необычной. На сцену вышли семеро воинов, все в доспехах, с различным оружием в руках и ужасными масками на лицах. Пройдя несколько раз по сцене и обозрев доспехи друг друга, они наконец затеяли драку, и один из героев был повержен. Затем с облаков при блеске молний спустился ангел с ужасающим мечом в руке и быстро согнал бойцов со сцены. После этого он вознесся тем же манером, что и спустился, в облаке дыма и огня. За этой сценкой последовало несколько комических фарсов, которые мне показались очень забавными, хотя и исполнялись на языке мне непонятном. Последний персонаж, появившийся на сцене, был европейский джентльмен, в полном облачении, украшенном золотым и серебряным кружевом. Он снял шляпу и низко кланялся всем проходящим

мимо него. Оставляю воображению читателя представить, какую неуклюжую фигуру представлял собой китаец в этом потешном костюме. Эта сцена была прервана, и распорядитель пира удалил актеров, заподозрив, что гости могут обидеться. После окончания представления нас развлекали жонглеры, которые с необычайной ловкостью демонстрировали разные фокусы.

Банкет продолжался весь день, кроме перерывов на интерлюдии. Не успевали убрать одну перемену блюд, как тут же на столы ставили следующую; пир завершился фруктами и сладостями. Невозможно представить, что роскошь настолько проникла в жизнь трезвых и трудолюбивых китайцев. Необходимо заметить, что на подобных пиршествах почти нет выпивки, так как они в таких случаях не употребляют вина, но пьют чай и – время от времени – глоток крепкой водки. Китайцы употребляют две спицы из слоновой кости или дерева вместо вилок, и с такой ловкостью, что могут собирать ими иголки. Вместо салфеток они иногда используют несколько квадратных листов бумаги» [Джон Белл, 1776, ч. 2, с. 528].

В Пекине Белл посещал императорский зверинец, бывал приглашен в частные дома придворных, гостил у итальянских, французских и немецких миссионеров, бродил по улицам, наблюдая, как нищие поедают насекомых из своих одежд, и наслаждался вкусом апельсинов, привезенных из Кантона. Посещал фарфоровый завод, праздновал с китайскими придворными Новый год, посещал кулачные бои и ездил на охоту. Описывает Великую Китайскую стену. Описывает свойства чая и женшенья. Драгоценности и деньги, имеющиеся хождение в Китае.

Свой краткий экскурс в политическую историю Китая Белл завершает следующим наблюдением: «Я знаю одно токмо государство, которое может предпринять завоевание Китая с некоторою надеждою успеха: это Россия; но сия держава занимает столь обширное пространство земли, что может и оным удовлетворять свое честолюбие; да и кажется, что россияне нимало не думают о приумножении онаго».

2 марта следующего года Белл покидает Пекин, а еще через год, 5 января, возвращается в Москву.

Сочинение Белла, конечно, отражает личную повестку самого автора, в которой сочетается и страсть к путешествиям как таковая, присущая ему, по его собственным словам, с юного возраста, и внимание к стратегическим интересам собственной державы, вероятно, вышедшее на первый план в его более поздней деятельности (тема причастности Белла к имперской политике Великобритании выходит за рамки данного рассмотрения). Кроме того, Белл, несомненно, был грамотным и аккуратным естествоиспытателем – его записи относительно сбора и обработки растений в ходе путешествий получили высокую оценку научного сообщества: они процитированы в Британской энциклопедии 1911 г. (т. 23, с. 273).

О важности труда Белла в наши дни пишут отечественные исследователи: «На наш взгляд, в исследовании территорий Российской империи и описании народов Сибири и Азии работа Дж. Белла имеет большое значение и оказывает влияние на последующее поколение путешественников конца XVIII – XIX в. Очевидным для нас является факт того, что путевые заметки Белла взяты за основу для путешествия и труда под названием “Наземный маршрут по Сибири из Пекина в Петербург: через пустыни и степи Монголии, Тартарию и т. д.” путешественником А. Мичи, опубликовавшим описание своего путешествия в Лондоне в 1864 г. Автор спланировал свое путешествие так, словно поставил своей целью пройти тот же самый путь, что и Дж. Белл, лишь поменяв пункты отправления и назначения местами. Более того, в путевом дневнике А. Мичи часто упоминает имя уважаемого Белла, отмечая тем самым его вклад в описание посещенных им мест. В России ученые знакомятся с материалами Дж. Белла не только по петербургскому изданию автора. Имеются работы со ссылками и на работу на французском языке. Так, например, большой труд фольклориста и востоковеда А. М. Позднеева “Образцы народной литературы монгольских племен” 1880 г. содержит ссылку о кочевом образе жизни азиатских народов на Беллево издание, вышедшее в Париже» [Останина, 2019, с. 572–573].

Единственный полный русский перевод не содержит комментариев и пояснений, позволивших бы читателю соотнести содержание книги Белла с современными знаниями о Китае, дать, так сказать, перспективу довольно подробным описаниям шотландца. Поэтому представляется полезным сделать новый перевод «Белевых путешествий» с языка оригинала и дополнить его историческим и языковедческим комментарием. Это масштабная задача, требующая времени, поэтому в качестве первого шага на пути к публикации нового аннотированного перевода труда Белла планируется публикация нескольких небольших фрагментов из «китайской» части записок, снабженных комментарием, раскрывающим значение терминов и реалий, незнакомых современному (в том числе и китайскому) читателю.

Литература

Джон Белл. Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиятския земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Бердент и Константинополь. СПб.: Имп. Акад. наук, 1776. Ч. 1. 250 с., Ч. 2. 244 с., Ч. 3. 246 с.

Останина М. А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в XVIII–XIX вв. // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75).

Филиппова Т. Ф. Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л. В. Измайлова 1719–1722 гг. (по материалам фондов Отдела редкой книги БАН) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2 / Б-ка РАН. СПб.: БАН; Альфарет, 2012. 308 с.

Pentti Aalto. John Bell's (1691–1780) Notes from his Journeys in Siberia and Mongolia // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 1. 1996. P. 1–15.

Cross Antony. In the Lands of the Romanovs. An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Open Book Publishers, 2014. 438 p.

The contribution of the Scottish doctor Robert Erskine to the development of Russian medicine in the 18th century / D. I. Mustafin, M. D. Sanatko, I. O. McDonald, C. Wright // Journal of Medical Biography. <https://doi.org/10.1177/09677720211053243>.

John M'Ure. The history of Glasgow. Hutchison & Brookman, 1829. 413 p.

Jennifer Speake (ed.). Literature of Travel and Exploration: An Encyclopedia. Routledge, 2003. 1350 p.

Quarterly Review on M'Leod's Voyage in the Alceste, 1817. 464 p.

УДК 81'25

L. V. Kulgavova (Irkutsk)

Irkutsk State University

TRANSLATION OF THE NAMES FOR LINEAR MEASURES IN AMERICAN LINGUACULTURE: THE OBSERVER'S GENDER EFFECT

Abstract. The article is devoted to the representation of some fragments of the parametric worldview in American English and Russian. It is shown how the observer factor and their gender are taken into account when translating the names of linear measures. A distinction between the observer who is the hero of the work and the observer who is the translator is made from the point of view of the gender effect. It is argued that the influence of the cognitive factor of the observer can be twofold – objective and subjective.

Keywords: cognitive factors of translation, pragmatic aspects of translation, linear measures, observer, gender.

Л. В. Кульгавова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ЛИНЕЙНЫХ МЕР В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: УЧЕТ ГЕНДЕРА НАБЛЮДАТЕЛЯ

Аннотация. Изучается специфика представления некоторых фрагментов параметрической картины мира в американском варианте английского языка и русском языке. Показано, как при переводе названий линейных мер учитывается фактор наблюдателя и его гендерная составляющая. Проведено разграничение между наблюдателем-героем произведения и наблюдателем-переводчиком с точки зрения влияния гендерного фактора. Утверждается, что влияние когнитивного фактора наблюдателя может быть двояким – объективным и субъективным.

Ключевые слова: когнитивные факторы перевода, прагматические аспекты перевода, линейные меры, наблюдатель, гендер.

The names of linear measures in American linguaculture are usually not difficult to translate, as they have dictionary correspondences, for example: *yard* – *ярд*, *foot* – *фут*, *inch* – *дюйм*. However, when pragmatic and/or cognitive factors influence the translation process, the translator is forced to resort to some other strategies and tactics in order to take these factors into account (see, for example, [Хайруллин, 1995]).

Cognitive factors are understood as national-specific features of perception, conceptualization and categorization of the world in different cultures and, in accordance with these phenomena, structuring knowledge in languages. Even knowledge about the universal categories, such as space, can be structured differently in different cultures. In this article, we will discuss the specifics of presentation of some fragments of the parametric worldview in American English and Russian. In particular, it will be shown how the observer and their gender are taken into consideration when translating the above words. All examples are borrowed from O. Henry's stories and their professional translations into Russian.

In the first two examples, the words *foot* and *yard* are used to indicate distance:

(1) Sue looked solicitously out the window. What was there to count? There was only a bare, dreary yard to be seen, and the blank side of the brick house *twenty feet* away [Henry, 1995, p. 180]. Сю посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома *в двадцати шагах* [Генри, 1993б, с. 104].

(2) About three in the afternoon I threw my bridle rein over a mesquite limb and walked the last *twenty yards* into Uncle Emsley's store [Henry, 1979, p. 45]. Около трех пополудни я накинул поводья на сук мескита и пешком прошел последние *двадцать шагов* до лавки дядюшки Эмсли [Генри, 1993а, с. 389].

Rendering *foot* and *yard* into Russian, the translators N. Daruzes and M. Urnov resorted to replacement: instead of *фут* and *ярд*, they used the word *шаг*. Although the original texts deal with different distances – twenty feet and twenty yards (1 foot = 30.48 cm, 1 yard = 91.44 cm), the translators took the same word – *шаг*. Why? The choice of the word *шаг* can be explained as follows. On the one hand, although the step (*шаг*) is not a unit of measurement, it is often used as such in everyday life, in non-scientific contexts. From the point of view of translation pragmatics, such a choice is completely justified: in a situation where the technical accuracy of the data is not relevant, the description with the word *шаг* is more understandable for the Russian-speaking reader than that with the unfamiliar (in terms of how much it is) names *фут* and *ярд*.

However, there is a more significant factor here: it is the cognitive factor of the observer and their gender, from the point of view of which different situations are presented in (1) and (2). In (1), the observer is a woman named Sue, whereas in (2), the observer is a man. It is known that the male step is larger than that of the female: the length of the male step ranges from 50 cm to 1 m, while the female step is from 30 to 50 cm. Accordingly, in example (1), *twenty feet* means twenty female steps; in (2), the expression *twenty yards* is associated with twenty male steps.

It should be noted that here the translators took into account the observer – the hero of the work, and in this sense they are objective in transmitting information. However, there may be situations when, despite all the striving for objectivity and adequacy, the translation process may be affected by the gender factor of the translator, who to some extent also acts as an observer.

(3) A 36–25–42 young lady was saying to an eminent sculptor... [Henry, 1979, p. 112]. *Пышная* молодая особа говорила известному скульптору... [Генри, 1983, с. 326].

This example is remarkable in many ways. From the point of view of the pragmatic aspects of translation, the translator's use of the generalization technique seems completely justified, since the parameters of this young lady, given in inches, would not say anything to the Russian-speaking reader, for whom the decimal system of measures is more familiar. The literal translation would be cumbersome and would sound strange and incomprehensible – *молодая особа с объемом груди в 36 дюймов, талии в 25 дюймов, бедер в 42 дюйма*. Here it was much more important to convey not the exact parametric data, but to characterize the figure as a whole, which is what the translator tried to do.

However, is the choice of the adjective *пышная* felicitous? Such a translation may raise objections even adjusted for the time of translation (in the 60s of the last century). If we consider that 1 inch = 2.54 cm, then the lady's parameters are as follows: 91.4 cm – 63.5 cm – 106.7 cm. It is unlikely that such a lady can be called full-figured; probably, she is slender, especially if you compare these proportions with the reference sizes of participants in modern beauty contests: 90–60–90. If we take into account the size of the hips in relation to the rest of the proportions, then we can offer such an option as *фигуристая*.

Here we should pay special attention to the cognitive factor of the observer. Its influence can be twofold – objective and subjective. Firstly, the appearance of the young lady, her height can be attributed to the objective effect: if the lady is short, then with such parameters she seems more curvaceous. Secondly, the personal perception, tastes and preferences of the observer regarding female beauty can be attributed to the subjective factor. In this case, the translator was a man – A. Gorlin.

The following example contains the units denoting shoe size:

(4) ...and he apologized for disturbing the boarders on the steps as he selected spots of stone between them on which to set *his size 9, width Ds* [Henry, 1995, p. 11]. Он попросил извинения за беспокойство, проходя между жильцами и осторожно выбирая место, куда поставить ногу *в ботинке невероятных размеров* [Генри, 1993а, с. 224].

We studied various tables of sizes of men's footwear and found that size 9 (US) corresponds to size 41 in Russia. As for the width of the foot, the letter D stands for average, standard width. We agree that size 41 is big, but not incredible for a man. However, if we consider that the translator is a woman (N.

Daruzes), then the translation is quite understandable. Our interpretation is indirectly confirmed by the words from the story that the hero's wife, with whom he often fought, was forty pounds heavier than him (approximately 18 kg), so the other heroes wished him good luck: «Jawn McCaskey and his lady have been fightin' for an hour and a quarter by the watch. The missis could give him forty pounds weight. Strength to his arm» [Henry, 1995, p. 15]. This suggests that the hero was not incredibly big. It is also necessary to make allowances for the times of the events described: in newsreels, photographs of the beginning of the last century, people looked smaller.

In conclusion, it should be noted that the analyzed examples primarily reflect the tendency to precision in the English-speaking cultures: it implies operating with more accurate and smaller linear measures (compared to the Russian language). As for the Russian-speaking cognitive tradition, there is an approximate approach to some parametric characteristics (for example, to the description of space, distance): it involves the use of less accurate and larger quantities. In the Russian-speaking cognitive tradition, it is also not customary to give accurate spatial and parametric characteristics of an object if they do not have a significant semantic value. However, taking into account the observer and, in particular, their gender may be even more relevant in a particular translation situation.

Литература

- Генри О. Избранные произведения. В 3 кн. Кн. 1. Короли и капуста. М. : Глагол ; Голос, 1993а. 496 с.
- Генри О. Избранные произведения. В 3 кн. Кн. 2. Благородный жулик. М. : Глагол ; Голос, 1993б. 416 с.
- Генри О. Короли и капуста. Рассказы. М. : Худ. лит-ра, 1983. 331 с.
- Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. М., 1995. 46 с.
- Henry O. 100 Selected Stories. Great Britain : Wordsworth Classics, 1995. 735 p.
- Henry O. Selected Stories. М. : Progress Publishers, 1979. 386 p.

O. Shurygina, A. Maximenko (Vladivostok)

Russian Customs Academy
Vladivostok Branch

ON INFORMATION INTERACTION BETWEEN THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE EAEU AND CHINA

Abstract. The article is dedicated to the issue on information interaction between the Customs authorities of the EAEU and China. The authors attempt to analyze the current information exchange between countries and outline the nearest prospects of this cooperation based on the customs statistics data.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), information interaction / exchange, Customs authorities, World Customs Organization (WCO), "One Belt, One Road" initiative.

О. А. Шурыгина, А. В. Максименко (Владивосток)

Российская таможенная академия
Владивостокский филиал

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ЕАЭС И КИТАЯ

Аннотация. Рассматривается вопрос информационного взаимодействия таможенных органов ЕАЭС и Китая. Анализируется текущий информационный обмен между странами, и выявляются ближайшие перспективы этого сотрудничества на основе данных таможенной статистики.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), информационное взаимодействие, информационный обмен, таможенные органы, Всемирная таможенная организация (ВТО), инициатива «Один пояс – один путь».

In the context of universal integration and globalization, there is a need for interstate information interaction between the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). The goal of the information and documents exchange between Customs authorities is to increase the effectiveness of customs control in the process of transporting goods and vehicles across customs borders.

The object of our scientific research is information interaction between the Customs authorities of the member states of the EAEU and foreign countries. In this article we attempt to analyze the information interaction between the Customs authorities of the member states of the EAEU and China.

The countries of the EAEU are members of the World Customs Organization (WCO). The WCO develops international standards, promotes cooperation and builds capacity to promote legitimate trade, fair revenue collection and protection of society. The organization achieves these objectives by providing guidance and support to Customs administrations. One of these standards is the WCO Framework Standards for Security and Facilitation of International Trade Procedures.

According to the Framework Standards, Customs administrations should cooperate with each other to achieve maximum security and simplify the functioning of the international supply chain of goods. The standards are based

on three pillars, one of which “Customs – Customs” is based on the principle of using preliminary electronic information to identify goods and vehicles of high-risk [Framework ...].

Information interaction is implemented on the basis of bilateral agreements, e. g. the Agreement on the exchange of information on goods and vehicles transported across the customs borders of the EAEU and China [Соглашение ...].

China was chosen as a “pilot” partner for the organization of information interaction. This country has the largest share in the total foreign trade turnover of the member states of the EAEU. In Figures 1–3, we can see that the share of imported goods from China in the total trade turnover of the member states is about 30 %. This is a significant indicator for the foreign trade activities of the EAEU countries [Соглашение ...; Framework ...; Сопряжение стратегии развития ...].

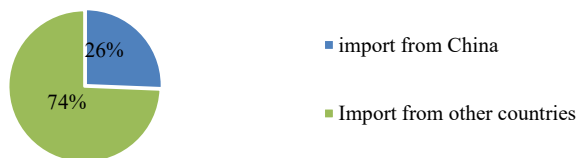

Fig. 1. China's share in Belarus' imports in 2021

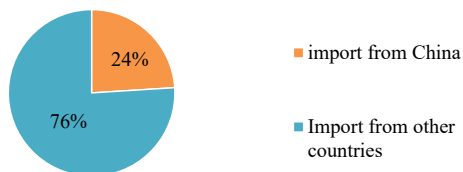

Fig. 2. China's share in Russia's imports in 2021

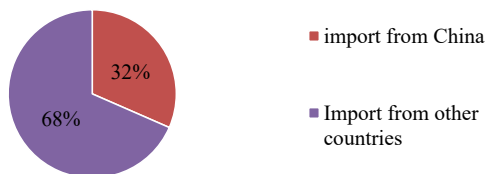

Fig. 3. China's share in Kazakhstan's imports in 2021

With such a large volume of goods moving across the customs border of the EAEU from China, customs control is necessary in order to minimize risks, prevent customs violations and speed up customs proceedings. And therefore, negotiations concerning the signing of the Agreement began in 2014. However, it was signed only on June 6, 2019 during the St. Petersburg International Economic Forum and came into force in 2020.

According to the provisions of the Agreement, the interaction will be carried out between the Customs authorities of the member states of the EAEU and the Main Customs Administration of China in electronic form.

Figure 4 shows the subjects of information interaction.

Fig.4. Central customs authorities of the Union member states and China

The information will be generated on the basis of data from customs documents and delivered in advance before the goods and vehicles are sent to the recipient country.

With the development of information interaction and technical readiness, the volume of information provided will increase. Appendix 1 and 2 to the Agreement provide forms for transmitting information at the first stage and at subsequent stages. They differ significantly in the amount of information provided. The version of the document, when providing information at further stages of the interaction, assumes a more complete disclosure of data about goods.

In addition, besides effective customs control and the implementation of customs interaction on the basis of international principles, the signing of the Agreement has a different objective. The Agreement promotes the mutual integration of the EAEU and the “One Belt, One Road” initiative to create international logistics channels between China, the EAEU and Europe. It is a valuable

political and economic cooperation for Russia and the EAEU as a whole. However, this cooperation is coming to naught due to the current situation in the world.

In order to start implementing the Agreement, the participants must adopt Protocols. They should determine the volume and composition of information about goods, methods of exchange, the schemes of information interaction, requirements for ensuring the security of interaction. The first Protocol must be signed no later than 18 months from the date of entry into force of this Agreement. But this Protocol has not been signed due to COVID-19 pandemic and the introduction of restrictive measures yet. The participants did not have the opportunity to meet in person to sign it [News ...]. Thus, there is no information interaction nowadays.

However, under the circumstances, China is one of the main economic partners of the EAEU countries. A large number of goods are transported between countries, because cooperation between the Customs authorities of the countries is of particular importance. That's why the signing of the Protocol and the beginning of the implementation of the Agreement is the nearest prospect.

Литература

Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» / А. Пантелеев, К. Желябовская, Н. Рябцев, А. Хажгериева, Н. Петакчян. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01522104/iatc_17062019 (дата обращения: 05.03.2022).

Framework standards for Security and Simplification of world Trade. URL: <http://www.wcoomd.org> (дата обращения: 05.03.2022).

News and Events of Eurasian Economic Commission: EAEU and China started implementing the Agreement on the exchange of information on goods and international transportation vehicles moved across the customs borders of the Union and the PRC. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/19-12-2019-2.aspx> (дата обращения: 05.03.2022).

新媒体对中国女性审美标准的影响

摘要: 本章主要对社交媒体的使用与对中国女性身体意象的关系进行梳理和系统的论述。社交媒体逐渐成为女性内容生产和消费的重要工具,与身体相关的内容,题材一直备受社交媒体关注。社交媒体以其强大的影响力和声音引领着女性的审美潮流。现如今女性对自身的身体理想状态、迷人的容颜和身体健康已成为媒体信息流内容的重要组成部分。所以这个研究的领域会帮助我们了解新媒体与女性身体形象之间的关系。为了实现这一目标,该研究设定了具体的步骤:研究不同时代中国人审美标准的转变;研究在现代文化中传播中国人审美标准的渠道;考虑现代网络媒体中中国女性审美标准的代表性特征。

关键词: 新媒介; 社交网络; 审美标准; 中国。

A. Blagorodova (Beijing)

Tsinghua University,

School of Journalism and Communications

THE INFLUENCE OF NEW MEDIA ON CHINESE WOMEN'S BEAUTY STANDARDS

Abstract. This article mainly sorts out and systematically discusses the relationship between the use of social media and the body image of Chinese women. Social media has gradually become an important tool for women's content production and consumption, and body-related content has always attracted social media attention. Social media leads women's beauty trends with its powerful influence and voice. Women's ideals about their bodies, attractive looks and physical health have now become an important part of the content of media feeds, so this area of research will help us understand the relationship between new media and women's body image. To achieve this goal, the study sets out specific steps: to study the transformation of Chinese beauty standards in different eras; to study the channels for disseminating Chinese beauty standards in modern culture; to consider the representation of Chinese women's beauty standards in modern online media feature.

Keywords: new media, social network, beauty standard, China.

А. И. Благородова (Пекин)

Университет Цинхуа,

Институт журналистики и коммуникаций

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ МЕДИА НА СТАНДАРТЫ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ В КИТАЕ

Аннотация: Анализируется взаимосвязь между использованием социальных сетей и восприятием своей внешности китайяками. Отмечается, что социальные сети постепенно стали важным инструментом для производства и потребления женского контента, а контент, связанный с внешностью, в настоящее время стал важной частью содержания медиопотоков. Изучается трансформация китайских стандартов красоты в разные эпохи, показываются каналы распространения китайских стандартов красоты в современной культуре, рассматривается репрезентация стандартов красоты китайских женщин в современных интернет-СМИ. Выявляется, что благодаря мощному влиянию социальные сети формируют установки женской привлекательности и различные бьюти-тренды.

Ключевые слова: новые медиа, социальная сеть, стандарты красоты, Китай.

社会文化理论认为媒体是影响女性身体意象的重要因素,而社交媒体相较于传统媒体具有更强的传播及影响 [Groesz, 2002, 7 页]。为此年轻女性为了迎合现代社交媒体的审美标准,引起大家的关注,点赞,变得更注重对自己“投资”,精心打扮。而生活中的普通年轻女性通过观看社交网络的网红,偶像明星从而拿来跟自己的身体,妆容去做对比,看自

己需要哪些改善，精进之处。然而很多在社交网络中所流行的“理想形象”却对女性充斥着大量负面作用，向大众传递出畸形的审美形象。

中国文化中的审美概念

在中国，女性美的标准和实现这些标准的工具是很特别的。在中国古代，中国的风俗习惯要求女性形象“要有和谐的直线感”。中国古代的习俗要求女性形象必须“与直线相辉映”。上衣或特殊的马甲。该过程在女孩年满10岁时进行。当然，这种风俗对健康产生了严重负面影响，让很多女孩的乳房发育停止，并且在乳房发育停止的同时，胸部活动也受到严重限制，以及身体氧气供应不足[Zhang, 2016, 36 页]。

由于古代中国男人特别喜欢小脚，它们对古代中国男人具有极强的吸引力，诱惑力。而且如果一个古代中国女性长得亭亭玉立却有一双与身材外貌不符的“大脚”会被身边人嘲笑，沦为笑柄，为此很多古代中国女性在还未成年时，就开始裹小脚。在参考脚的尺寸被认为是7.5厘米长，这是通过一种完全野蛮的包扎方法实现的，包括用碎玻璃造成感染和随后的脚趾组织坏死。传说中，恋足之癖起源于萧宝卷皇帝最喜欢的宫女，她有一双特别迷你的脚，因此深得皇帝宠爱[李为香, 2011, 2页]。

在中世纪的中国文化中，让我们来看看这一时期的视觉艺术中的美女形象。例如，周昉的《内人双陆图》和《簪花仕女图》这两幅画展示了满脸沧桑、身材魁梧的女人，她们的外在形象符合当时中国的审美理想。

中国妇女的形象在著名画家唐寅的作品中表现得淋漓尽致。在他的作品中整体的审美标准还是以健康、微胖的身材为主。根据艺术史学家的说法，作为美的标准，微胖身材的女性形象是在天朝帝国的游牧部落的影响下形成的。在游牧社会中，妇女在中国开始有更多的权利。她们能够充分参与公共生活，如赛马、打猎、各种娱乐和文化活动[彭强民, 2017, 1页]。

然而，对中国艺术家绘画中所描绘的中国女性形象的进一步研究表明，美丽的基准发生了根本性的转变。1550年，画家仇英从脆弱的女性形象、椭圆形的脸和修长的手指中找到了灵感，并巧妙地将它们转化为他的彩色丝绸画。在这一时期，女性通过剃掉部分前额头发和使用假发来延长面部椭圆的时尚正在形成[Kyo, 2012, 6页]。

在中国文化中，一个美丽的女人的形象在修饰语很丰富地展现出来。古代的中国人用花来形容女人的美丽。例如：花容月貌，如花似玉，意思是像花和玉一样美好，梨花带雨，指像沾着雨点的梨花一样。

女人的皮肤在中国文化中受到特殊的吟唱，用这样的修饰语来表示美，如：凝脂点漆，晶莹剔透[Zhang, 2016, 37 页]。

白皮肤作为贵族主义的最重要标志，在中国被重视了几个世纪，直到现在“白”依然作为重要的审美标准。另外，在中国，一个女人的美貌

在中文里，它经常被比于月亮的美，而月亮在中国哲学中长期被视为阴性（阴）。根据古代传说。月亮是嫦娥的住的地方，是中国神话中美的绝对标准 [Zhang, 2016, 37 页]。

我们可以得出结论，对于中国人来说，女人的美貌在她的特征中起着根本性的作用。对文化代码和短语单元的分析表明了一种人类中心主义的世界观：并且女性的美是通过男性的态度的来改变的。

媒介对女性审美标准带来的影响

社交媒体是指使用网站和应用程序来创建和共享内容或参与社交网络。技术发展催生了各种应用工具，包括智能手机、平板电脑、笔记本电脑和机器人等等。生活在数字化时代，随着各种社交应用的出现，只需点击一下按钮，通信会变得更加容易和快捷。虽然许多人可能同意社交媒体已将全球个人联系起来，但它也被用来为男性、女性以及第三性别设定的审美标准。众所周知，这反过来会影响个人在身体形象、身体改造以及他们在社会中如何看待自己方面的自尊心。为了在社会中被大众所接受，女性必须从很小的时候就开始与自己身体形象问题作斗争，由于纤瘦被大众认为是理想的体型，为此女性不惜伤害身体也要减重 [Fardouly, 2016, 3页]。

今天，社交媒体是促进个人心理、情感、身体和精神健康的最重要因素之一。随着媒体不断描绘理想的美丽和身体形象的比较，男性和女性的审美选择决定在全球范围内受到影响。

社交媒体通过鼓励瘦身模式和传递肥胖信息，对身体形象的感知、情感、认知和行为方面产生了重大影响。饮食失调决定了个体、他们的饮食行为和体型之间的扭曲关系 [Grabe, 2008, 465 页]。青春期是身体形象正面和负面发展的关键年龄，青少年的自尊和身体不满是饮食失调的已知预测因素。持续追求完美苗条的瘦身可能会产生负面情绪，从而导致饮食行为的改变，从而增加体重问题和饮食失调的机会 [Obesidade ... , 2011, 582 页]。与超重女性相比，社交媒体将苗条的女性描绘成更美丽、更成功。身体形象误解和对体重的不满突出了身体不满与心理健康之间的关联。

社交媒体包括社交网站、图像共享网站、视频托管网站、社区博客、书签网站和游戏网站。个人通过点赞、关注和评论不断寻求对 SNS 的反馈，以维护自己完美和稳定的形象 [Kaplan, 2010, 63页]。近年来，在 Facebook、Instagram、Twitter 和 Snapchat 等流行社交平台上自拍和分享的数量以惊人的速度增长。最近的一项研究比较了自拍者和非自拍者，以及他们对自拍与他人点击照片的看法。结果表明，与他人拍摄的照片相比，自拍者认为自己在自拍中更具吸引力和讨人喜欢 [Gil, 2021, 87页]。自拍本身没有害处。但对身体特征的痴迷表明缺乏对自我

产生的潜意识的整体感知，遵循一种不受接受者“内在自我”定义的“外在”美标准 [Engeln, 2020, 40 页]。

社交网络中中国的女性对审美的标准

举一个例子，西班牙品牌Zara最近的广告宣传，在中国互联网界引起了广泛的讨论。该品牌新口红的广告在中国最受欢迎的社交网络之一的微博上发布，25岁的中国模特李静雯以自然的妆容展现她自然的脸庞 [Yuhan Xu, 2019]。

模特脸上的雀斑和她的“单眼皮”引起了中国用户的关注。人们对这张照片不满意，因为在他们看来，她不完美的脸并不反映中国的审美标准。许多人争辩说，大多数亚洲女性没有“这样的外表缺陷”，指的是雀斑，它们会毁坏女性的脸。中国人的主要主张是，对于大多数照片拍摄，西方模特被描绘成完美的皮肤并使用修饰来创造这种效果，而在这种情况下，甚至没有在模特脸上涂抹粉底。在网上看到争议后，Zara在中国视频托管服务 PearVideo 上发表了回应，称该活动面向全球观众，而不仅仅是中国，他们有权拥有不同的美感标准。当然，并不是所有的中国人都被这次广告宣传和模特的外表所冒犯。一些用户写道，他们自己也有雀斑，并想知道为什么互联网社区对这种小事充满敌意。许多人认为，公众的反应太过分了，评论中所有进行负面的人都太敏感了。

事实上，今天的中国人强调一个人的外貌美是决定其社会价值的最重要因素之一。而在过去，社会成功的机会不仅取决于个人的地位、财富，最重要的是取决于一个人的道德价值观。毫不奇怪，媒体和消费市场正在充分利用这一点来推广包装宣传他们的产品。

实现这些标准的压力可以在微博，抖音，小红书等社交网络中看到。这样做的结果是，几乎一半的年轻的亚洲人使用的产品可以美白肤色。中国市场上有数百个品牌销售对皮肤的美白产品，以及危险的整容手术和注射药物，以达到理想的肤色。中国女性经常决定尝试一种新的方法来减轻皮肤色素，在大众媒体上推广。美国有线新闻网(CNN)的一篇文章描述了中国市场上出现的一个案例：“1262人致电香港卫生署设立的热线，警告说，两种美白霜--玫瑰红(Rosedew)和玫瑰红(La Rose Blanche)--的汞含量与推荐剂量相比极为危险。在接受中毒检查的435名呼叫者中，一名31岁妇女住院治疗，其他13名受害者被转介给专家进行进一步检查。微博快闪族“A4腰”，“下胸夹笔”，“用一只手抱你的腰”一再向世界表明，不仅仅是外表对于中国女性来说越来越重要，而且外表甚至会成为唯一指定的标准。

过滤软件和美图应用程序代表了社交媒体产生重大影响的另一大领域。美图应用程序鼓励女性在“缺陷教学法”中观察和监督自己 [Bordo, 1997, 98 页]。它们包括通过过滤和P图软件、美容建议软件，这些应用

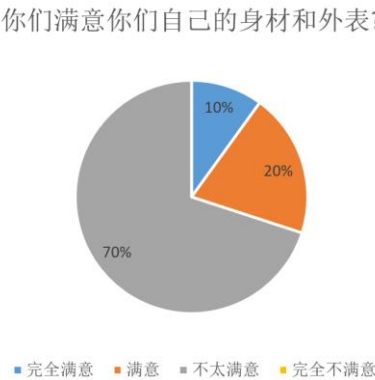
程序可帮助人们想象在某些变化后他们将如何看待牙齿美白、去除眼袋以及个人老化程度。

中国的明星在网络也在直接或间接传播审美的标准。比如，中国女演员关晓彤最近，分享了一系列新照片，向大众展示了一个长长瘦瘦的脸，突出的锁骨和长腿，她的身高173厘米，体重却不超过40公斤。她2022年9月过了生日，为了纪念这一天，这位女演员在微博上发布了一张普拉提课程的照片，标题是"22岁的脂肪想在23岁的时候说拜拜"。Harper's Bazaar China 采访了这位女演员，她分享了减肥的秘诀。明星的主要原则是"管住嘴迈开腿"。另外一个例子，2020年夏天，Calvin Klein Underwear在中国发布了秋冬系列。广告由韩国歌手Hyuna主演。在社交网络上，她内衣的照片聚集了成千上万的欣赏评论，并引发了关于理想人物类型的争论。网友欣赏她的美丽身材，纤细优雅的手臂和腿，细腰，健美的臀部。

但在中国社交网络中也有一些用户反驳传统的审美标准。比如，郝思嘉。她的身材因为不是很瘦，所以她开始节食，因此得了饮食失调和抑郁症。之后，她创建了Scarlett Halo品牌。她努力传播平等的想法和对任何体重，身高和外表的女性的积极态度受到大众好评。郝思嘉也是一个大码模特与兰蔻、Asos、布鲁克兄弟、梅西和ModCloth等品牌合作，影响着亚洲人对审美标准的观点。但直到今天，支持自爱运动的中国用户数量依然还很少。

我们还进行了一个调查是为了更好地了解年轻的中国女性用户怎么被社交网络的审美标准影响。我和我的朋友调查咨询询问了30个年轻的中国女性。这是我们调查的统计数据。

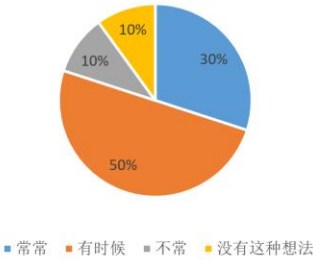
图标1. 你们满意你们自己的身材和外表吗？

据调查,很多年轻的中国女性不太满意自己的身材和外表,中国女性觉得她们的身材不够好看,有一部分女性认为自己的身材肥胖,另一个部分女性说她们的身材过于瘦弱看上去没什么肉,没有“肉感”。通过访谈我们了解还有很多中国女性担心自己的皮肤不够白。

图标2 看微博或者拼音(社交网络)的时候发现自己想长得跟照片一样美丽的女性。

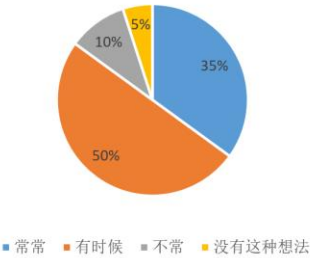
看微博或者拼音(社交网络)的时候发现自己想长得跟照片一样美丽的女性

30 % 中国女性常常有这种感觉。50 % 中国女性没有这种想法。她们说常常会觉得照片上的人可能是后期修图的,但是还是向往憧憬能有这样的外表。

图标3 常常会观看浏览社交网络中的女性网红账号的照片对比自己觉得自己的外表不够好看等等。

你常常会发现看社交网络中的女性网红账号的照片自己的外表不够好看等等

35 % 女性常常有这种感觉。她们对自己有比较高的审美标准,所以她们对自己的外表不满意,照片上的网红一般都有瓜子脸,大大的眼睛,白皮肤。这都是不自然的标准。只有5 %女性不会受到这种影响。

结语

随着现代科学技术的进步使应用软件程序不断更新迭代,推成出新充斥在社交网络中,社交媒体对审美标准产生了直接的影响。中国女性变得更看重自己在他人眼中的网络,现实生活的形象,秉持着“我要现实生活中很美,在虚拟网络利用修图软件我要更美”的原则。却不知早已对自己以及自己身边人带来了潜移默化,深远持久的影响,过度追求“美”而忽略了他人的感受。但根据最近的情况在中国的网络空间有新的趋势。很多用户开始传播自爱活动。因此,在现代时期,现代文化中中国女性审美的概念发生了重大转变。

参考文献

- Bordo S. *Twilight Zones: The Hidden Life of Cultural Images from Plato to O. J. Berkeley*: University of California Press, 1997. 279 p.
- Engeln R., Loach R., Imundo M. N., Zola A. Compared to Facebook, Instagram use causes more appearance comparison and lower body satisfaction in college women // *Body Image*. 2020. № 34. P. 38–45.
- Fardouly J. Social Media and Body Image Concerns: Current Research and Future Directions // *Current Opinion in Psychology*. 2016. N 9. P. 1–5.
- Gil B. M., Song T. I. The Influence of Characteristics of Information on Social media on Aesthetic Consumption Behavior and Satisfaction // *The Korean Society of Beauty and Art*. 2021. N 22(2). P. 87–102.
- Grabe S., Ward L. M., Hyde J. S. The role of the media in body image concerns among women: A meta-analysis of experimental and correlational studies // *Psychological Bulletin*. 2008. N 134(3) P. 460–476.
- Groesz LM, Levine MP, Murnen SK. The effect of experimental presentation of thin media images on body satisfaction: a meta-analytic review // *Int J Eat Disord*. 2002. N 31(1). P. 1–16.
- Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // *Business Horizons*. 2010. N 53. P. 59–68.
- Kyo Cho. *The Search for the Beautiful Woman: A Cultural History of Japanese and Chinese Beauty*. Translated by Selden, Kyoko Iriye: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 224 p.
- Obesidade e transtornos alimentares: a coexistência de comportamentos alimentares extremos em adolescentes / M. C. Lofrano-Prado, W. L. Prado, A. de Piano, A. R. Dâmaso // *ConScientiae Saúde*. 2011. N 10(3). P. 579–585.
- Zhang M. The image of a beautiful woman in Chinese idioms // *Izvestia of the Russian State Pedagogical University Named after A. I. Herzen*. 2016. P. 35–39.
- Yuhan Xu. Reckled model in Zara ad sparks outcry on Chinese social media. Goats in Soda. URL: <https://edition.cnn.com/style/article/chinese-model-zara-campaign/index.html> (дата обращения: 20.09.2022).
- 李为香. 从缠足到高跟鞋——中国近代女性身体审美符号的变迁 / 李为香. 山东: 山东省社会科学规划项目“中国古代女子身体仪式研究”, 2011. 4 页.
- 彭强民. 中国古代女性审美标准的演变 / 彭强民. 重庆: 新闻传播, 2017. 2 页.

РАЗДЕЛ V

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРАХ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 378

И. А. Боброва, И. Н. Костина (Чита)

Забайкальский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ «НАШЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ»)

Аннотация. Рассмотрены особенности изучения курса по второму иностранному языку «Региональный аспект на уроке иностранного языка» студентами, обучающимися по специальности «Иностранные языки (профиль “Английский и немецкий языки”)». Обосновывается необходимость включения данного курса в учебный план и анализируются возможности использования данного курса в педагогическом процессе.

Ключевые слова: региональный компонент, толерантность, Забайкалье.

I. Bobrova, I. Kostina (Tchita)

Transbaikal State University

REGIONAL COMPONENT IN THE UNIVERSITY TRAINING SYSTEM (EXAMPLIFIED BY THE STUDY GUIDE “OUR TRANSBAIKALIA”)

Abstract. The purpose of this article is to consider the features of studying the course in the second foreign language “Regional Aspect in a Foreign Language Lesson” by students majoring in foreign languages (specialization “English and German languages”). The authors substantiate the need to include this course in the curriculum and analyze the possibilities of using this course in the pedagogical process.

Keywords: regional component, tolerance, Transbaikalia.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования нацелен на формирование и развитие ряда универсальных компетенций, среди которых важное место занимает компетенция, формирующая способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах [ФГОС, 2021]. Без сомнения, одной из важных составляющих данной компетенции является толерантность.

Известно, что Забайкалье представляет собой край, в котором проживают представители более ста национальностей. В связи с этим задача формирования и последующего развития толерантного отношения к представителям различных культур приобретает особую значимость. Данная задача может быть решена в процессе введения национального регионального компонента в систему вузовской подготовки бакалавров, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», профиль «Иностранные языки». Региональный компонент находит свою реализацию при изучении дисциплин «Краеведение Забайкалья», «Региональный аспект на уроке иностранного языка», «Перевод краеведческих текстов». Изучаемые на иностранных (английском или немецком) языках дисциплины направлены на формирование ряда компетенций, таких как лингвистическая, социокультурная, компенсаторная компетенции. Будучи значимыми дисциплинами учебного плана, представленные курсы нацелены на ознакомление студентов с историческим и культурным контекстами Забайкалья, на формирование и развитие навыков работы с краеведческими текстами на иностранном языке, а также на формирование навыка устного и письменного перевода. Данные цели находят выражение в следующих конкретных задачах:

- формирование у студентов умения выбирать тексты краеведческой тематики, а также грамотно осуществлять последовательный перевод специальных краеведческих текстов в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к переводу как средству межкультурной опосредованной коммуникации;
- формирование толерантного и уважительного отношения к ценностям и нормам родной культуры;
- развитие умения излагать свою точку зрения с использованием аргументации, а также всесторонне рассматривать факты, избегая необоснованных обобщений;
- развитие познавательных способностей;
- приобретение опыта индивидуальной творческой и поисковой деятельности;
- формирование базы для дальнейшего углубления знаний и самостоятельного изучения языка и культуры своей страны и страны изучаемого языка.

Базой для изучения дисциплин, входящих в региональный компонент, является, в частности, учебное пособие «Наше Забайкалье», созданное авторским коллективом преподавателей кафедры европейских языков и лингводидактики ЗабГУ [Боброва, Емельянова, Костина, 2019].

Важным аспектом, лежащим основе представленного пособия, является историко-культурологический аспект, поскольку, с одной стороны,

обеспечивает формирование у студентов представления о прошлом Забайкалья, с другой стороны, способствует освоению культурологической информации и адекватной интерпретации событий, происходящих в культурной среде.

Важной составляющей пособия «Наше Забайкалье» является также филологический аспект, на основе которого студенты анализируют, интерпретируют текстовый материал. Анализ учебных и аутентичных текстов может быть возможен при выполнении ряда заданий, которые обеспечивают общее понимание прочитанного, выделение ключевых мыслей, передачу содержания материала. Особое место занимают задания творческого характера, позволяющие продемонстрировать способности в креативном осмыслении материала.

Следует отметить, что материалы пособия «Наше Забайкалье» построены с учетом языкового уровня подготовленности студентов. Другими словами, в пособии представлены как тексты учебного, описательного характера, так и аутентичные художественные тексты страноведческой и культурологической направленности, что говорит о том, что основным критерием отбора является лингвострановедческий подход.

В процессе изучения курса студенты знакомятся не только с историей Забайкалья, но и с Забайкальем на современном этапе, предлагаемые тексты и задания позволяют правильно оценивать события, происходящие в обществе, знакомиться с различными сферами деятельности людей в Забайкалье, расширить кругозор, проявить свою гражданскую позицию. Поэтому изучаемый студентами курс предполагает четыре модуля: исторический аспект (освоение Забайкалья, декабристы в Забайкалье, краеведы Забайкалья, вклад немцев в исследование Забайкалья); общая характеристика природных условий Забайкальского края; Чита и ее достопримечательности; города Забайкалья, их история, достопримечательности, известные люди.

Задания учебно-методического пособия, используемого на занятиях, имеют комплексный характер, что позволяет реализовывать различные подходы в изучении дисциплины, соединяет изучение языка и культуры в процессе развития коммуникативной компетенции обучаемых. Преподаватели кафедры имеют возможность использовать разные формы работы в аудитории, направленные как на индивидуальную работу, так и на работу в парах и групповую работу. Студенты с интересом выполняют задания творческого характера: презентации, сообщения об истории того или иного архитектурного или исторического объекта родного края, экскурсии по городу, аллеям и улицам краевого центра или в одном из залов Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова и Музея декабристов, организация виртуальной фотогалереи, написание сочинений, круглый стол.

На наш взгляд, важным является и тот факт, что студенты в процессе изучения курса знакомятся с историей культуры немцев в Забайкалье, с ее своеобразием в контексте взаимодействия с народами Забайкалья, что способствует взаимообогащению культур и традиций, с вкладом немцев в развитие науки и культуры, образования, экономики нашего края [История ... , 2015]. Студенты узнают о деятельности таких известных немцев, как Д. Г. Мессершмидт, И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. К. Бальдауф и др.

Несомненно, важной частью работы над текстовым материалом является предпереводческий анализ текстов, в ходе которого формируется прагматическая часть переводческой компетенции, благодаря которой студенты имеют возможность определить вид и стиль перевода. В связи с этим в пособие вошли тексты публицистического и литературного стилей, поскольку они отличаются экспрессивностью и эмоциональностью, а также в них находят отражение элементы книжного и обиходного языков. Привлекающим фактором является также то, что, несмотря на целостность информации, данные тексты можно читать и переводить в отрывках. Примером текстов литературно-художественного стиля являются отрывки из воспоминаний Марии Волконской о пребывании в Забайкалье, в которых автор представляет читателю любопытные факты о жизни декабристов, пропуская их через призму своего видения, оценку переживаемых событий. Предпереводческий анализ данных текстов занимает в пособии важное место.

Студенты имеют возможность в процессе изучения курса ознакомиться также с публицистическими статьями забайкальского краеведа-исследователя В. Ф. Балабанова, посвященными истории нашего края [Балабанов, 2007], переводами этих статей, сделанными членами кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета.

Знания, полученные при изучении данного курса, студенты нашего факультета применяют во время прохождения производственной (педагогической) практики как по первому, так и по второму иностранному языку в школах города и края. Студенты проводят в классах страноведческие олимпиады, тематические классные часы, составляют кроссворды. В организации ряда краеведческих мероприятий, несомненно, помогают знания, полученные на занятиях. При этом следует подчеркнуть, что студенты сравнивают и сопоставляют факты о культуре родного края и стран изучаемых языков, накапливают опыт, необходимый для создания картины мира, формирования толерантного, уважительного отношения как к собственной культуре, так и иным культурам.

В ходе изучения дисциплин регионального компонента студенты иницируют самостоятельные исследования, результаты которых они могут

представить в форме докладов на ежегодной городской конференции на иностранных языках, организуемой кафедрой европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета, а также в форме продуктов, получаемых в результате работы над проектами. В качестве примера можно привести разработку проектов, реализуемых в ходе учебного процесса. В первую очередь это проект «Чита в кармане», направленный на создание буклета, содержащего факты по истории Читы, а также актуальную информацию для иногородних и иностранных студентов (учебные заведения, библиотеки, музеи, хостелы и др.). Интерес представляет также создание виртуальной экскурсии по Чите, создаваемой студентами с привлечением интерактивной доски Miro. Возможности данной доски помогают в онлайн-формате выполнить ряд заданий краеведческого характера и организовать экскурсию по достопримечательным местам города.

Таким образом, при изучении дисциплин «Краеведение Забайкалья» / «Региональный аспект на уроке иностранного языка», «Перевод краеведческих текстов», являющихся важным мотивирующим фактором в освоении иностранного языка, выпускники осознают необходимость изучения истории и культуры родного края, знание которых приводит к взаимообогащению культур и традиций страны изучаемого языка и родной страны, а также способствует формированию толерантных отношений в студенческой среде Забайкалья.

Литература

Балабанов В. Ф. Строкой и памятью отмечено... Чита : Экспресс-издательство, 2007. 316 с.

Боброва И. А., Емельянова Т. Я., Костина И. Н. Наше Забайкалье = Unser Transbaikalien : учеб.-метод. пособие / Забайкальский гос. ун-т. Чита : ЗабГУ, 2019. 120 с.

История и культура российских немцев в Забайкалье / А. В. Жуков, И. А. Решта, Л. В. Краус, А. А. Жукова, М. Троицкий / Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2015. 67 с.

ФГОС ВО. Бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05: Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) : приказ, 2018 (с изм. и доп. от: 26 нояб. 2020 г., 8 февр. 2021 г.). URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf>. (дата обращения: 17.09.2022).

М. А. Брюггеман, И. В. Шаравьёва (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ФЕНОМЕН КИТАЙСКИХ ДОРАМ И ТВ-ШОУ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Аннотация. Изучаются вопросы использования лингвистического материала дорам и ТВ-шоу, выходящих в Китае, для формирования у учащихся навыков аудирования и коммуникативной компетенции. Рассмотрен феномен китайских дорам и ТВ-шоу, ставших на волне популяризации культуры азиатских стран знаковым явлением в социо-культурном пространстве нашей страны. Обозначены основные преимущества и возможности использования лингвистического материала китайских дорам и ТВ-шоу для погружения обучающихся в современную языковую среду, позволяющую дать оценку лингвоспецифическим явлениям, принимая во внимание использование заимствованной лексики, идиоматических выражений. Отмечается, что изучение оригинального контента киноиндустрии Китая является важным источником лингвострановедческой информации и формирования этнокультурных знаний изучаемого языка.

Ключевые слова: китайский язык, дорама, разговорный язык, аудирование, коммуникативная компетенция.

M. Bruggeman, I. Sharavieva (Irkutsk)

Irkutsk State University

THE PHENOMENON OF CHINESE DRAMAS AND TV SHOWS IN THE CONTEXT OF TEACHING THE CHINESE LANGUAGE UNDER THE GLOBALIZED WORLD CIRCUMSTANCES

Abstract. The article deals with the problems of using linguistic material of Chinese dramas and TV shows in order to help students to develop listening and communicative competences. The article examines the phenomenon of Chinese dramas and TV shows; they could be considered as the hallmark occurrence in the Russian cultural-social environment at the time of Asian countries culture's rule supreme. The article determines the main advantages and opportunities of using linguistic material of Chinese dramas and TV shows language for the students' immersion in the language environment with the regard to linguo-specific phenomena, using loanwords and idioms. The original content of the Chinese movie industry is the important channel of information for linguistic and cultural studies, also it is the sources of the ethnocultural knowledge.

Keywords: the Chinese language, drama, everyday language, listening, communicative competence.

В последние десятилетия азиатская массовая культура быстрыми темпами завоевывает западные рынки, в числе которых не только США, Англия, страны Европейского союза, но и постсоветское пространство, включая Россию. Вслед за бумом Ханлю 韓流 («Корейская волна»), характеризующимся распространением музыки, кинофильмов и другой продукции индустрии развлечений Южной Кореи, важным экспортером массовой культуры становится Китай. Наравне с Южной Кореей и Японией Китай за последние несколько лет осуществил значительные инвестиции в развитие сектора креативных индустрий, включающих производство аудио- и видеопroduкции, превратившись в серьезного конкурента указанных выше стран в аспекте воздействия на социокультурное пространство России.

В настоящее время достаточно большое количество студентов, изучающих китайский язык, увлечено просмотром телевизионных сериалов из Азии, которые принято обозначать как дорамы. На основе просмотра аудиовизуального контента создаются методики обучения восточным языкам [Баров, Демидова, 2011; Кремнёв, 2013], изучаются проблемы перевода [Кузнецова, 2014]. Чжоу Лися в своем исследовании культурных предпочтений российских пользователей социальных сетей пришла к выводу, что свыше 60 % опрошенных респондентов увлекаются азиатской культурой, в частности, просмотром телевизионных сериалов – дорам [Чжоу Лися, 2021, с. 101–103]. Слово «дорама» происходит из японского языка, где представляет собой неологизм, записанный катаканой (ドラマ), образованный от английского drama (драма, пьеса), семантика которого – сравнительно короткий по количеству сезонов и серий игровой сериал. Такое же значение слово «дорама» сохраняет и применительно к кинопродукции из Китая, хотя количество серий может быть существенно больше.

На наш взгляд, в аспекте преподавания китайского языка именно дорамы, а также китайские ТВ-шоу представляют широкий экстралингвистический материал для формирования у обучающихся китайскому языку навыков аудирования, при этом учитываются их интересы с точки зрения социокультурных предпочтений. Навыки аудирования приобретают особое значение в контексте применения коммуникативного подхода и формирования коммуникативных компетенций.

Как справедливо отмечает в своей статье Д. А. Жигульская, до последнего времени в процессе обучения китайскому языку основной приоритет отдавался таким видам речевой деятельности, как письмо, чтение, говорение, в то же время важность аудирования недооценивалась [Жигульская, 2019, с. 162]. Возможность использования аутентичного материала – работа с фрагментами / отдельными сериями / сезонами дорам и ТВ-шоу – позволяет обучающимся в сравнительно короткий промежуток времени получить значительный объем информации по зрительному и слуховому каналам.

Восприятие на слух при просмотре дорам и ТВ-шоу на китайском языке помогает учащимся усвоить многоаспектную структуру китайской речи, изучить бытовую специфику использования языка, а также получить представление о различных диалектах Китая, хотя, конечно, последнее преимущество в меньшей степени относится к этому сегменту киноиндустрии, принимая во внимание реализуемый Правительством Китая курс на унификацию и стандартизацию языка на базе путунхуа (普通话, pǔtōnghuà).

Студенты имеют возможность провести сравнительный анализ лексики, изученной на уроках разговорного языка, с современной лексикой,

представленной в дорамах. В последние несколько лет в интернете набирают популярность видеоролики, в которых приводятся подборки широко используемых в китайских дорамах и шоу слов и выражений. В табл. 1 приведен пример одного из подобных списков.

Таблица 1

Популярные фразы из китайских сериалов
(составлено по материалам: <https://www.youtube.com/watch?v=y3E9FvvdMkI>;
https://www.youtube.com/watch?v=34_LLULcwiA)

Словосочетание на китайском языке	Пиньинь	Перевод на русский язык
真地吗?	zhēnde ma?	Действительно?
你什么意思?	nǐ shénme yìsi?	Что ты имеешь в виду?
等一下	děng yíxià	Немного погодя, через минутку, сию секунду
想得美	xiǎng de mmi	Размечтался
怎么办	zěnmē bàn	Как поступить? Что делать?
不会吧	bùhuibā	Не может быть
怎么回事?	zěnmē huìshì	В чем дело? Как так вышло?
什么情况?	shénme qíngkuàng	Что за ситуация?
让一下	ràng yíxià	Пропустите, позвольте
不是故意的	bùshì gùyì de	Я не специально (это сделал/сделала)
给我闭嘴!	gmíwǒ bīzǔǐ	Замолчи! Закрой рот!
说人话	shuō rén huà	Говори по-человечески
天助我也	tiān zhù wǒ yǔ	Повезло!

Безусловно, что такая подборка отражает субъективное мнение составителя и не может претендовать на научную обоснованность и объективность. Чем большим количеством словосочетаний, формирующих естественную речь современного жителя Китая, овладеет обучающийся, тем легче ему будет сформировать и развить навыки безбарьерной коммуникации. Повторение устойчивых выражений, оборотов устной речи, получивших широкое распространение в естественной языковой среде, помогает обучающемуся усвоить словосочетания, а наличие субтитров на китайском языке позволяет сопоставлять услышанные слогофонемы с соответствующими иероглифическими знаками, а также понять особенности их употребления в конкретных бытовых ситуациях.

Еще одним важным преимуществом обучения китайскому языку посредством просмотра дорам и ТВ-шоу является обогащение словарного запаса обучающегося за счет знакомства с особенностями употребления идиоматических выражений (成语, chéngyǔ). Например, герои современных дорам могут достаточно часто обращаться к следующим идиомам:

1. 鸡飞狗跳 (jī fēi gǒu tiào) в переводе с китайского означает «суматоха, переполох»:

他把家里弄得鸡飞狗跳的. Он перевернул дом вверх дном.

2. 姜还是老的辣 (jiāng hái shì lǎo de là) в переводе с китайского означает «пожилые имеют много опыта, старый конь борозды не испортит»:

姜还是老的辣, 没有你恐怕不能赢这场球赛. Опыт имеет значение. Без тебя мы бы не выиграли этот матч.

3. 吃人嘴短, 拿人手软 (chī rén zuǐ duǎn, ná rén shǒu ruǎn) в переводе с китайского означает «в этой жизни ничего не дается просто так»:

人之常情就是吃人嘴短, 拿人手软. В соответствии с природой человека все в этой жизни имеет цену [Learn Chinese ... , 2022].

В последние годы лексика китайского языка активно пополняется за счет как собственных словообразовательных средств, так и иностранных заимствований. Многие исследователи полагают, что конец XX – начало XXI в. можно считать бумом неологизмов в китайском языке, многие из которых представляют собой именно иностранные заимствования [Хаматова, 2016, с. 14]. Иностранные слова уже проникли в большинство сфер общественной жизни современного Китая и стали значимой частью лексикона героев телесериалов и ТВ-шоу. Особенно это относится к молодому поколению: часто именно молодые герои дорам при прощании употребляют слово 拜拜 (báibái), что означает «пока, прощай» и образовано от английского bye-bye, разговорного варианта слова «до свидания».

При этом традиционное китайское прощание 再见 (zàijiàn) игнорируется. Вместо 老板 (lǎobǎn) «хозяин, владелец» герои употребляют слово 波什 (bōshí), образованное от английского «босс», вместо 公共汽车 (gōnggòng qìchē) «автобус» – слово 巴士 (bāshì), образованное от английского bus и т. д. Повсеместно можно услышать употребление таких терминов как U盘 (uōupán) «флеш-накопитель», POS机 (pos-jī) «терминал для совершения оплаты», выражений 去一趟WC (qù yītàng), что переводится как «сходить в туалетную комнату». Указанные выше понятия и выражения представляют собой примеры буквенных слов, структура которых предполагает включения из китайских иероглифов и букв иностранных алфавитов или слов, полностью состоящих из букв иностранных алфавитов [Урывская, Веселова, 2019, с. 434]. Таким образом, лингвистический материал дорам и ТВ-шоу при изучении китайского языка служит хорошей базой для исследования процессов ассимиляции с китайским языком заимствованной лексики, которая постепенно становится неотъемлемой частью культуры современного Китая.

Наконец, продукция китайской киноиндустрии вполне обоснованно может рассматриваться в качестве важного источника лингвострановедческой информации, получения студентами фоновых знаний, особенно в части актуальных тенденций социально-экономического и культурного развития общества. Например, такие дорамы как «Вперед, кальмар!» (亲爱的

, 热爱的), «Влюбиться в твою улыбку» (你微笑时很美) отражают рост популярности в Китае различных видов киберспорта, знакомство с ними позволяет оценить технологический прогресс страны в сфере цифровизации, а также темпы построения Общества 5.0 (Super Smart Society). Во взаимоотношениях героев в явном виде проявляются базовые культурные концепты до сих пор сохранившего высокую степень традиционализма китайского общества: отношения между старшим и младшим поколением, между руководителем и подчиненными, учителем и учениками, безусловную приверженность идеям лидерства Китая на мировой арене, стремление сохранить традиционные элементы культуры в условиях глобализующегося мира.

Важно отметить, что на фоне ухода с российского рынка многих зарубежных стриминговых сервисов доступность китайских дорам и ТВ-шоу в интернете сохраняется на высоком уровне: множество телевизионных сериалов доступно для просмотра на таких популярных платформах, как Dorama.club, DoramaLive, Dorama.top, www.kinopoisk.ru. Также различные телесериалы и ТВ-шоу на китайском языке можно найти в Youtube.

В плане выбора китайских дорам в качестве обучающего материала предпочтение, с нашей точки зрения, необходимо отдавать версиям, содержащим оригинальные субтитры на китайском языке, избегая дублирования субтитров на русском или английском языках. При переводе субтитров на английский язык часто могут быть утрачены важные смысловые аспекты как неизбежное следствие переводческих лакун. В версиях же с русскими субтитрами также высока вероятность встретить любительский, подготовленный участниками сетевых фан-сообществ перевод.

Следует отметить, что использование лингвистического материала дорам и ТВ-шоу в процессе изучения китайского языка наиболее эффективно для тех обучающихся, у которых уже имеется определенная языковая база, а также знакомых с базовыми грамматическими и синтаксическими конструкциями. Вместе с тем за счет наличия в каждой серии драмы огромного количества речевого материала, содержащего междометия, приветствия, прощания, просмотр отдельных фрагментов и серий позволит даже ученикам с минимальным лексическим запасом развивать артикуляционно-произносительные навыки, которые будут формироваться одновременно с навыками аудирования. Использование же материала, который интересен обучающимся в силу собственных культурных предпочтений, существенно повышает мотивацию к изучению иностранного языка.

Литература

Learn Chinese from Chinese Dramas. URL: <https://learnmandarinin5minutes.com/learn-chinese-from-chinese-dramas> (дата обращения: 19.09.2022).

Баров С. А., Демидова Т. В. Китайское кино: организационные и лингвометодические обоснования в практике преподавания современного китайского языка // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 89–98.

Жигульская Д. А. Художественный фильм как средство обучения китайскому языку // III Готтлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. конф. Иркутск, 10–16 сентября 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 161–167.

Кремнёв Е. В., Готлиб О. М., Шишмарёва Т. Е. Некоторые аспекты опыта использования аудиовизуальных средств в обучении китайскому языку // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников : материалы науч.-практ. конф. к 70-летию фак. междунар. отношений МГИМО (У) МИД РФ. Москва, 4–5 окт. 2013 г. М., 2013. С. 67–71.

Кузнецова О. В. К вопросу о переводе названий американских кинематографических произведений (на материале русского и корейского языков) // В мире научных открытий. 2014. № 5–2 (53). С. 669–675.

Урывская Т. А., Веселова Л. С. Буквенные слова китайского языка: варваризмы или ассимилированные заимствования? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та востоковедения и африканистики. 2019. Т. 11, Вып. 4. С. 431–446.

Хаматова А. А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 14–20.

Чжоу Лися. Место китайских дорам в российском социокультурном пространстве // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 4. С. 91–108.

УДК 378.016: 811.581

А. Н. Буддыгерова, В. Н. Соловьёва (Чита)

Забайкальский государственный университет

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. Рассматривается вопрос о применении эффективных методов изучения китайского языка в процессе профессиональной подготовки в рамках системы бакалавриата. Отмечается, что возникающие трудности обусловлены не только иероглифическим характером письменности и грамматическими свойствами китайского языка, но и недостаточным уровнем сформированности лингвострановедческой компетенции обучающихся. Выявляется, что направленное на совершенствование языковых умений и развитие переводческих навыков обучение, сопряженное с усвоением информации о стране изучаемого языка, становится весьма уместным решением.

Ключевые слова: лингвострановедение, профессиональные компетенции, фоновые знания, семантизация лексики, переводческие умения, лингвострановедческая компетенция, переводческая эквивалентность.

A. N. Buldygerova, V. N. Solovjeva (Chita)

Transbaikal State University

LINGUISTIC ASPECT OF THE FORMATION OF TRANSLATORS' PROFESSIONAL COMPETENCES

Abstract. The issue of applying effective methods of teaching a foreign language in the process of professional training within the bachelor's program is very relevant when studying one of the most difficult languages in the world – Chinese. The difficulties that arise are due not only to the hieroglyphic nature and the grammatical

peculiarities of the Chinese language, but also to the insufficient level of students' linguistic and regional competence. In this regard, training aimed at improving language skills and developing translation skills, along with the assimilation of information about the country, seems to be a very appropriate solution.

Keywords: lingvocultural studies, professional competence, background knowledge, semantization of vocabulary, translation skills, interpreter's lingvocultural competence, linguistic personality, translation equivalence.

Актуальный на современном этапе развития профессионального образования компетентностный подход к иноязычному обучению нацелен на формирование профессиональных компетенций, представляющих собой комплексные умения и навыки. Профессиональная компетенция переводчика – это сложная и многомерная категория, включающая все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику успешно осуществлять акт межкультурной и межъязыковой коммуникации [Коньшева, 2014, с. 20]. В условиях одновременного изучения языка и освоения профессионального мастерства важным становится лингвострановедческий аспект, позволяющий на основе развития и совершенствования языковых и страноведческих навыков формировать профессиональные умения.

Изучение эффективности использования лингвострановедческого материала на иностранном языке для решения конкретных дидактических задач, состоящих в формировании, развитии и совершенствовании переводческих навыков, представляется весьма актуальной задачей. Современные исследования в области иноязычного образования достаточно широко представляют содержательную и учебно-методическую значимость лингвострановедческих знаний вторичной языковой личности.

Типологический анализ содержания компонентов языковой, лингвострановедческой и переводческой компетенций позволяет определить уровень соотношения формируемых в ходе иноязычного обучения профессиональных навыков. Такой подход может быть реализован как на занятиях по практическому курсу перевода, так в рамках самостоятельной дисциплины учебного плана. Сегодня сведения по лингвострановедению Китая представлены в виде отдельных разделов современных китайских учебников и отечественных УМК по китайскому языку для средних школ¹, авторскими учебными пособиями по китайскому языку (Демина Н. А., Чжу Канцзи «Страноведение Китая», Готлиб О. М. «Китай. Лингвострановедение» и др.), учебными хрестоматиями на русском языке (Кочергин И. В. «Страноведение Китая» и др.), а также многообразными китайскими учебными материалами.

В процессе формирования, развития и совершенствования переводческих умений возможным представляется выделение как минимум двух

¹ Согласно Федеральному перечню учебников, см. <https://fpu.edu.ru/textbook/1210>

этапов: начального и продвинутого, соотносимых со средним и продвину-
тым этапами формирования языковой и лингвострановедческой компетен-
ций. Такое сопоставление компетенций оказывается важным, так как при
одновременном обучении языку, страноведению и переводу эффектив-
ность формирования переводческих навыков требует уверенной языковой
подготовки и достаточных знаний о стране изучаемого языка, приобретен-
ных на начальном этапе обучения, в том числе и при помощи родного
языка (табл.).

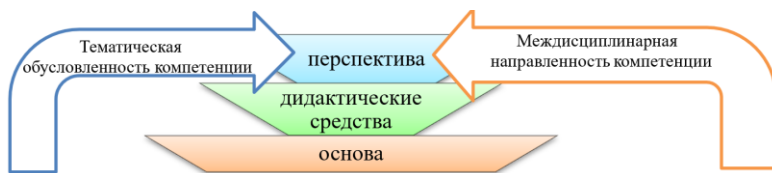
Таблица

Сопоставление компетенций

Языковая компетенция (ЯК)		
начальный этап формирование	средний этап развитие	продвинутый этап совершенствование
Лингвострановедческая компетенция (ЛСК)		
на русском и иностранном языке (формирование и развитие)	на иностранном языке (развитие и совершенствование)	
Переводческая компетенция (ПК)		
как средство обучения	начальный этап (формирование и развитие)	продвинутый этап (раз- витие и совершенствова- ние)

Для объективации значимости каждого этапа целесообразно рассмот-
реть такие их сущностные характеристики, как *основа* (сформированные в
процессе иноязычного обучения знания, умения и навыки вторичной язы-
ковой личности, выступающие языковым базисом для переводческой
практики), *перспектива* (овладение способами и методами решения труд-
ностей перевода лексического, грамматического и стилистического харак-
тера, а также определенные комплексным подходом цели и задачи обуче-
ния, отвечающие условиям формирования профессиональной компетен-
ции), *дидактические средства* (приемы и методы достижения перспектив-
ных целей, алгоритм работы над языковым материалом, в том числе и мо-
дульное структурирование рекомендуемых для освоения материалов).

Кроме того, важными факторами, повышающими темпы обучения и
качество формируемых компетенций, могут считаться такие свойства ком-
петенций, как *тематическая обусловленность компетенции* (определяю-
щий фактор отбора лингвострановедческих тем наиболее соответствую-
щих в силу тех или иных условий каждому из этапов формирования вто-
ричной языковой личности) и *междисциплинарная направленность ком-
петенции* (позволяющая совершенствовать полученные навыки, расши-
рять и контролировать знания в более узких областях учебной переводче-
ской практики, регламентированной в рамках модулей и дисциплин учеб-
ных планов). Взаимосвязь этих характеристик может быть представлена в
виде следующей схемы:

Как методическая дисциплина лингвострановедение реализует практику отбора и презентации в языковом учебном процессе сведений о национально-культурной специфике речевого общения иноязычной языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции студентов, изучающих данный иностранный язык, и приобретает в этой связи серьезное значение для развития переводческих навыков, в первую очередь потому что недостаток таких знаний может привести к ошибкам в понимании и интерпретации исходного содержания и стать, соответственно, причиной некачественного перевода.

Работа над формированием лингвострановедческих знаний целесообразна уже на начальном этапе обучения иностранному языку, например, при знакомстве со звуковым строем языка или правилами иероглифического письма. Интенсивность расширения страноведческой информации на этом этапе происходит главным образом на родном языке и соотносится не только с получением общих сведений о стране изучаемого языка, но и с фактами исторической, социокультурной, филологической направленности (происхождение письменности, первые литературные памятники, история китайского языкознания и т. д.). Повышению мотивации изучения иностранного языка способствует использование в этом процессе интересных по содержанию материалов, транслирующих актуальные факты действительности иноязычного социума.

Языковые явления выступают не только как средства коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью [Карапетян, Мясковская, 2012, с. 117]. Китайские авторы акцентируют внимание на изучении иностранного языка посредством изучения культурных реалий, указывая на то, что изучение иностранного языка без параллельного погружения в культуру этой страны является бесперспективным [周大军, 中国国情 и др.], поскольку эффективное и качественное изучение иностранного языка возможно только посредством изучения лексических единиц и текстов, отражающих культурный и исторический фон [黄文红]. И в этой связи важно уделять внимание нарицательным именам, устойчивым выражениям, историческим реалиям, т. е. таким единицам, которые в наибольшей степени отражают социальные, культурные и исторические факторы [吴国华].

Безусловно, особую значимость на начальном этапе изучения языка, подготовительном (в контексте профессиональной подготовки) к формированию навыков перевода, играют лексический запас (в том числе и исторические, географические китайские реалии) и грамматические правила построения словосочетаний и предложений. Усвоение лексико-грамматического материала позволяет работать с небольшими по объему текстами лингвострановедческого характера («Посмотрим на карту Китая», «Пекин», «Великая Китайская стена»), представленными в учебнике «Начальный курс китайского языка» (Задоев Т. П., Хуан Шуин). Так как слово (в определенном значении) характеризуется не только синтаксической, но и лексической сочетаемостью, такие тексты могут служить удачной основой для развития навыков разных видов речевой деятельности, а также для формирования начальных переводческих умений, реализация которых может быть направлена как на установление особенностей функционирования тех или иных лексических единиц в контексте, так и на проверку понимания изучаемого содержания. При этом важно заметить, что именно на этом этапе перевод часто выполняет функцию инструмента обучения, выступает в качестве средства контроля понимания прочитанного или услышанного содержания или используется как средство уточнения или объяснения того или иного лексико-грамматического явления.

Если обратиться к схеме, демонстрирующей взаимосвязь этапов формирования рассматриваемых компетенций (см. табл. 1), то можно указать, что основой начального этапа комплексного формирования умений и навыков, составляющих лингвострановедческую и переводческую компетенции, являются языковые умения, необходимые для осуществления основных видов речевой деятельности, владение страноведческими знаниями, приобретенными на родном языке, умение выполнять перевод с иностранного языка на родной (в рамках изученного лексико-грамматического материала). Перспектива данного этапа состоит в углублении языковых умений, формировании лингвострановедческих знаний и развитии навыков перевода с иностранного языка на родной с учетом специфики лингвострановедческих реалий), а также формирование навыков перевода с родного языка на иностранный (посредством сопоставления и переводческой интерпретации идентичных лингвострановедческих аспектов) и использования закономерных переводческих соответствий.

Использование текстов лингвострановедческого характера в качестве основы для тренировки языковых умений и навыков перевода представляется достаточно уместным, так как именно в текстах такого порядка страноведческий компонент содержания языковых единиц раскрывается в полной мере. Формирование лингвострановедческой компетенции связано с содержанием ряда других дисциплин учебных планов по направлению

«Лингвистика», например, «История Китая», «География КНР», «Литература Китая», «История и культура Китая» и др. Тем не менее наиболее ценным в этом отношении источником пополнения знаний о стране изучаемого языка, ее культуре, истории, географии может стать учебный курс лингвострановедения на изучаемом языке, в рамках которого возможно значительное расширение фоновых знаний будущего переводчика, создающее основу, необходимую для формирования профессиональных умений, т. е. для формирования и совершенствования лингвострановедческой компетенции переводчика, под которой вслед за Я. Б. Емельяновой будем понимать совокупность страноведческих фоновых знаний, а также национально-культурной специфики лексического состава языка, позволяющих ассоциировать с лексической единицей ту же информацию, что и носители этого языка, а также владение соответствующими навыками, умениями и личностными качествами, необходимыми переводчику для эффективного осуществления межкультурного посредничества [Емельянова, 2010, с. 84].

Критерием отбора тем по лингвострановедению на среднем и продвинутом этапах является расширение лексического запаса и презентация средствами китайского языка наиболее полной картины о стране изучаемого языка: географических, рельефных, ресурсных и климатических особенностях, особенностях административного деления, столице и крупных городах, демографическом составе и национальных меньшинствах, языковой политике, диалектах, политической и образовательной системах и т. п. Наряду с расширением страноведческих знаний большое внимание уделяется развитию и закреплению навыков перевода, основанных на использовании и тренировке грамматических особенностей изучаемых текстов и усвоении страноведческого потенциала лексических единиц. Достаточную эффективность в этой связи могут демонстрировать упражнения (в том числе и в аудиоформате), актуализирующие использование переводческих соответствий (на уровне слова, словосочетания), например: подобрать соответствие в русском языке для выделенных словосочетаний в тексте, перевести словосочетания с новыми словами; перевести на русский язык предложения, содержащие выделенные словосочетания; перевести вопросы с русского языка на китайский язык и дать на них ответ и др.

Письменный перевод лингвострановедческого текста также выступает инструментом переводческой практики, практическая направленность которого решает сразу несколько задач: расширение общих страноведческих знаний, усвоение новых лексическо-грамматических явлений, поиск переводческих соответствий, формулировка предложений, установление принципов логической последовательности изложения и т. д. Сформированные таким образом навыки позволяют обучающимся без особых

затруднений выполнять учебные задания, актуализирующие навыки говорения или аудирования на основе усвоенных переводческих соответствий (лексического, грамматического уровня), например, расскажите о географических особенностях (особенностях климата, рельефа, столице и т. д.) России (Забайкалья или какого-либо другого региона проживания, государства) и др.

Если говорить о способах работы с лексическими единицами, вызывающими затруднения в переводе (безэквивалентная лексика, включающая политические, географические, бытовые реалии, имена собственные и др.), то в этом случае работа с подготовленным преподавателем глоссарием или задания на разработку/дополнение переводческого глоссария в рамках изучаемой темы становятся успешным средством расширения фоновых лингвострановедческих знаний обучающихся. Кроме того, материалы, предоставленные для понимания той или иной лексической единицы, семантика которой связана со спецификой страны изучаемого языка (в виде толкований, комментариев или пояснений на русском или китайском языке и др.), могут также быть использованы для тренировки переводческих и лингвострановедческих навыков путем сопоставления с соответствующими знаниями о родной стране и в целом создавать благоприятную основу, необходимую для практики перевода. Кроме заданий, актуализирующих использование переводных и беспереводных способов семантизации лексики, практической значимостью на этом этапе обладают и упражнения на применение синтаксических трансформаций, необходимых при переводе словосочетаний и предложений разных типов, грамматических конструкций, способов передачи при переводе субъекта и предиката, актуального членения предложения и т. д.

Тщательный анализ лингвострановедческого материала также способствует решению переводческих трудностей, связанных с использованием стилистически маркированных грамматических и синтаксических явлений. Практические упражнения, направленные на решение таких трудностей, в максимальной степени способствуют развитию навыков перевода. Так, характерным стилевым фактом многих лингвострановедческих текстов на китайском языке являются рамочные конструкции с вэнь-янизмами, тренировка которых должна строиться как на основе отдельных словосочетаний, так и при переводе предложений и минитекстов.

Овладение регулярными лексическими и грамматическими переводческими соответствиями становится базой для тренировки разных видов устного и письменного перевода с китайского на русский язык, в том числе и на основе самостоятельной подготовки текстов по изученной тематике. Такая система дидактических средств, с одной стороны, отвечает принципам уровневого овладения языковым материалом, с другой стороны,

направлена на углубление лингвострановедческих знаний и развитие переводческих навыков. Последовательное выполнение логически выстроенных в систему упражнений способствует развитию навыков перевода от минимальной единицы, репрезентирующей исходный смысл, к единице более высокого уровня репрезентативности.

Уровень сложности может служить дифференцирующим признаком и для тематического распределения лингвострановедческого материала. На основе сформированных на начальном этапе представлений и лингвострановедческих знаний о Китае на следующем, продвинутом этапе становится возможным совершенствование переводческих навыков и углубление лингвострановедческих знаний на материале более сложных как в языковом, так и в тематическом отношении оригинальных текстов, знакомство с современной экономической, политической и социальной реальностью Китая и др. Так, на основе сведений о географических особенностях Китая возможно изучение вопросов об экологических проблемах, государственных программах, направленных на озеленение страны или борьбу с опустыниванием; лингвострановедческие знания о климатических особенностях становятся основой для практики перевода текстов о глобальном потеплении; информация о населении Китая необходима для выполнения перевода материалов о социальных проблемах, так или иначе касающихся демографических особенностей Китая, освещающих результаты переписи населения или описывающих направления миграционных потоков, а также вопросов, связанных с малочисленными народностями, их нематериальным наследием, количественным составом и т. д.; сведения о природных ресурсах позволяют выполнять перевод текстов о развитии производства, территориально-экономическом районировании Китая; общие сведения о странах-соседях Китая могут быть углублены в тематической подборке текстов для практики перевода, проблематика которых связана с международным взаимодействием Китая, участием Китая в международных организациях и проектах, развитием отношений с Россией и т. д.

Широкий тематический спектр изучаемых лингвострановедческих тем на этом этапе способствует объективации междисциплинарных связей курса с различными частными аспектами практики перевода, например, такими как общественно-политический перевод, перевод прессы, рендеринг текстов публицистического характера, аннотирование и реферирование и т. д. На продвинутом этапе подготовки совершенствование языковых навыков целесообразно проводить не только на основе тренировки употребления переводческих соответствий, составляющих основу текстов, функционирующих в международной и общественно-политической сферах, особое внимание важно уделить работе с семантическими и морфологическими особенностями лексико-грамматического материала и отработке навыков перевода с русского на китайский язык.

Наиболее актуальными для переводческой практики с русского на китайский язык, проистекающими из особенностей семантизации смысла являются трудности перевода, связанные с употреблением терминов и лексической сочетаемостью слов китайского языка. Эффективными средствами для тренировки механизма перевода в контексте решения трудностей такого рода являются ведущие к объективации лексического фона [Костомаров, Верещагин, 1980] различные упражнения, среди которых упражнения на установление различия коннотативных значений синонимов, определение спектра сочетаемости глаголов и существительных китайского языка, актуализацию грамматического значения лексических единиц и т. д.

Работа с переводческими соответствиями на этом этапе носит более аналитический характер. Например, усвоение единиц с числовыми обозначениями, обнаруживающими при сравнении с родным языком очевидные различия; знакомство с лексическими единицами, объективирующими особенности номинации в разных языках, например, названия ведущих транснациональных компаний, организаций и форумов, выставок и проектов, демонстрирующих как особенности иностранных заимствований и аббревиатур иностранных слов в китайский язык, так и исконно китайских наименований; поиск способов перевода лексических сокращений, образованных в результате морфемной контракции, в том числе и вызывающие наибольшие трудности для перевода и зачастую обладающие дополнительным идеологическим содержанием сокращения с числительными и т. д.

Совершенствование навыков, составляющих основу лингвострановедческой компетенции переводчика, оказывается возможным при использовании разнообразных дидактических средств (от ответа на вопросы до решения проблемной задачи), ориентированных на извлечение информации при работе с материалами на китайском языке, представленными на информационных и справочных платформах в открытом доступе в интернете (например, могут быть представлены коллекцией ссылок или мультимедийной коллекцией наиболее содержательных материалов либо использованием для практики перевода с русского языка на китайский статей и ресурсов, размещенных на порталах соответствующей тематики¹⁾ или в подготовленных преподавателем текстах для дополнительного чтения, презентующих исторические условия развития актуальной ситуации, а также переводческие задания, в ходе которых подтверждаются закономерности функционирования тех или иных языковых единиц.

В формировании профессиональных умений важны не только принципы выбора текстов, отвечающих специализации будущих переводчиков, но и правильная организация процесса работы с лингвострановедческим

¹⁾Лингвострановедческий словарь (Россия): <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php>

материалом, ориентированная на развитие профессиональных умений. При последовательном выполнении заданий, ориентированных, прежде всего, на накопление, усвоение и грамотное применение полученных знаний, важно актуализировать применение приемов перевода, направленных на решение конкретных трудностей. Эффективными в данном случае представляются переводческие практики, позволяющие поэтапно и последовательно усложнять степень трудности переводимого материала и формировать на этой основе требуемые профессиональные навыки и умения, а также модульная организация учебного материала, логика которой закономерно обуславливается нарастающим характером трудностей: от перевода с китайского языка к переводу с русского языка, от письменного перевода к устному переводу, от перевода слов и словосочетаний к переводу предложений, абзацно-фразовых единств и текстов. Степень трудности устанавливается в соответствии с выбором языка, на котором представлен лингвострановедческий материал, уровней репрезентативности переводческих соответствий, направленности перевода, устной и письменной форме использования языка и т. д.

Формирование лингвострановедческого знания является неотъемлемой частью профессиональной подготовки переводчика. Реализация в профессиональной подготовке подхода, предусматривающего одновременное изучение языка и процесс формирования переводческих навыков посредством страноведческих сведений способствует расширению представлений о стране изучаемого языка, осознанию самобытности своей страны и культуры, оказывает благоприятное воздействие в целом на процесс межкультурной коммуникации, посредником которого должен стать будущий переводчик. Актуальность тем экономической, международной, общественно-политической направленности объясняется значимостью данных сфер в переводческой практике, а также высокой концентрацией транслируемых в контексте данных тем лингвострановедческих знаний.

Если на первом этапе особое значение приобретает расширение лексического и грамматического запаса на основе усвоения требуемых лингвострановедческих знаний на китайском языке, то на продвинутом этапе актуальной задачей становится уверенное использование лексико-грамматических единиц, возможное лишь на основе изучения их грамматических функций, анализа способов словообразования, определяющих поле их функционирования, изучения интенсивности функционирования в оригинальных лингвострановедческих текстах, вызывающих трудности перевода словосочетаний с числительными, имен собственных, четырехсложных устойчивых выражений, сокращений и др. С одной стороны, овладение лексико-грамматической основой модульно-структурированных материалов лингвострановедческого толка делает возможным поступательное формирование, развитие и совершенствование переводческих навыков, а с

другой стороны, учебные задания, предназначенные для тренировки и закрепления навыков устного и письменного перевода, оказываются направленными не только на решение переводческих трудностей лексического и грамматического характера и отработку практических навыков перевода, но и на формирование фоновых знаний лингвострановедческого толка.

Правоммерно говорить о важности включения лингвострановедческого аспекта в процесс изучения иностранного языка, но не менее справедливо рассматривать эффективность использования лингвострановедческой основы для формирования тех или иных профессиональных навыков. В рамках представленного исследования были определены сущностные свойства исследуемых компетенций, установлены области их пересечения, аккумулирующие условия и способы использования языкового и страноведческого материала для формирования, развития и совершенствования навыков перевода. Определение дидактической значимости выбора тем и способов актуализации лингвострановедческих знаний могут стать темой для дальнейших исследований рассматриваемого вопроса.

Литература

Емельянова Я. Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика : монография. 2-е изд., испр. и доп. Нижний Новгород : Стимул-СТ, 2010. 201 с.

Карапетян О. В., Мясковская Т. В. Лингвострановедение как наука // Альманах современной науки и образования. 2012. № 4 (59). С. 117–122.

Коньшева А. В. Структура и содержание переводческой компетенции в сфере профессиональной коммуникации // Инновационные образовательные технологии. 2014. № 3 (39). С. 19–25.

Костомаров В. Г., Верещагин Е. В. Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык, 1980. 320 с.

中国国情 / 宵立编. 北京 : 北京大学出版社, 2015. 245 页.

周大军. 探索有中国特色的外语教育发展之路. URL: <http://zjjyxyxb.paperonce.org/Upload/html/2019年04期/20190403.html> (дата обращения: 17.01.2022).

黄文红. 外学习文化概念及对中国特色外语教学理论构建的启示. URL: https://www.sohu.com/a/312225891_618422

吴国华. 语言国情学. URL: <http://resource.jygslib.com.cn:8001/cache/5D426FCC4CA21CD2226E7F125BD2ED64.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).

КРАЕВЕДЕНИЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются вопросы преподавания краеведения в системе подготовки бакалавров педагогического образования профиля «иностранные языки (английский, немецкий языки)». Выявляется, что краеведение играет важную роль не только в формировании профессиональных навыков и умений, но и в воспитании патриотизма и гражданской ответственности. Отмечается, что эффективными средствами преподавания краеведения являются интерактивные методы.

Ключевые слова: преподавание английского языка в вузе, регионологические дисциплины, краеведение, интерактивные формы обучения.

E. Vaseeva (Chita)

Transbaikal State University

LOCAL STUDIES OF ZABAIKALYE IN ENGLISH AS AN ASPECT OF TRAINING BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION

Abstract. The article considers the issues of teaching Local Studies in the system of training Bachelors of Pedagogical Education in Foreign Languages (English, German). Local Studies play an important part not only in formation of professional skills, but also in developing patriotism and civic consciousness. Effective methods of teaching Local Studies are interactive methods.

Keywords: teaching English at institution of higher education, Regional Studies disciplines, Local Studies, interactive forms of teaching.

Забайкальский край – один из субъектов Дальневосточного федерального округа, пограничная территория России, граничащая с Монгольской Народной Республикой и Китайской Народной республикой. Жизнь этого региона всегда была связана с тесным взаимодействием трех государств. Это взаимодействие во многих случаях осуществляется на базе английского языка как глобального средства общения. «На фоне существующего на Дальнем Востоке Азиатско-Тихоокеанского региона полилингвизма, а также специфики ареального распределения языков мощные процессы глобализации и субрегиональной интеграции определяют выбор и использование английского языка в качестве приоритетного коммуникативного инструмента регионального интер- и интракультурного взаимодействия, понятного всем участникам межкультурного диалога» [Завьялова, 2018].

Без сомнения, регионологические дисциплины имеют важное значение в системе высшего образования российского Дальнего Востока. Современные выпускники высших учебных заведений должны владеть знаниями о регионе проживания и/или обучения, который может стать и регионом их профессиональной деятельности. Они также должны уметь самостоятельно получать знания регионоведческого характера, критически их осмысливать, анализировать и отбирать для использования в своей

жизни и работе. Выпускникам, получившим высшее языковое образование, необходимо умение осуществлять речевую коммуникацию по регионоведческой тематике на иностранном языке. Не секрет, что студенты, изучающие иностранные языки и культуры, нередко больше знают о странах изучаемых языков, чем о своей собственной стране и регионе, где они проживают. При этом в межкультурном общении темы, связанные с уникальными чертами регионов, где проживают собеседники, неизменно вызывают большой интерес и являются одними из наиболее востребованных.

Региональный аспект подготовки будущих педагогов реализуется в виде преподавания краеведения. Краеведение – это «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории (края) или объекта – от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома главным образом силами местного населения. Краеведение опирается на междисциплинарные связи и учитывает не только теоретические научные положения, но и первичные наблюдения, житейскую практику; предполагает освоение местного исторического опыта и определение новых тенденций развития исходя из местных условий и традиций. Краеведение – комплексное знание, объединяющее элементы ряда научных дисциплин» [БРЭ].

«Регионоведение (изучение специфики развития целостных регионов в разнообразных аспектах – от природного до этноконфессионального) – часть региональной науки или регионалистики» [БРЭ].

Разграничивая понятия «регионоведение», «регионалистика», «краеведение», Е. В. Крёмнёв и Е. В. Лесниковская отмечают, что регионоведение и регионалистика как сравнительно недавно появившиеся научные отрасли «долгое время не могли соотносить себя с теми или иными науками, в различных исследованиях примыкая то к экономической географии, то к политологии, то самоидентифицируясь со страноведением, краеведением и другими научными направлениями» [Крёмнёв, 2019, с. 66]. Основное отличие регионоведения от краеведения заключается в том, что краеведение носит локальный и эмпирический характер, в то время как регионоведение предполагает более глобальный подход к изучению региона. В то же время научный инструментарий краеведения, а также целого ряда других наук и отраслей знания активно используется в регионоведении [Крёмнёв, Лесниковская, 2019, с. 70].

Программа подготовки бакалавров педагогического образования направления «Иностранные языки (английский и немецкий)» очной формы обучения в Забайкальском государственном университете включает в себя две регионоведческие дисциплины: «Краеведение Забайкалья (первый иностранный язык)» и «Перевод краеведческих текстов (первый иностранный язык)». Обе они являются дисциплинами по выбору и изучаются в 8-м семестре. Программы рассчитаны на 36 аудиторных часов и

столько же часов отводится на самостоятельную работу студентов. При этом предусматривается изучение максимально разнообразных аспектов краеведения: история, географические и природные особенности, население, экономическое развитие, культура, с тем чтобы дать будущим выпускникам наиболее полное представление о регионе и выработать у них умения рассказывать о нем на английском языке, отвечать на вопросы, касающиеся различных сторон жизни края. Однако краеведческие дисциплины призваны решать более серьезную задачу, чем просто научить молодых людей общаться на краеведческие темы. В рамках этих дисциплин необходимо формировать объективный, реалистичный и по-настоящему патриотичный взгляд на свою малую родину как часть родной страны.

Эффективными методами обучения в рамках обсуждаемых дисциплин представляются интерактивные методы, поскольку они позволяют активно вовлечь студентов в работу, сделать получаемые знания и умения личностно значимыми, развивают творческие способности. «Интерактивные формы проведения занятий предполагают обучение в сотрудничестве. Все участники образовательного процесса (преподаватель и студенты) взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации». «Интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоры на групповой опыт, обязательной обратной связи. Создается среда образовательного общения, которая характеризуется открытостью, взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля» [Методическое ... , 2017, с. 7–8].

В преподавании краеведения можно использовать такие интерактивные формы работы, как виртуальные и реальные экскурсии, дискуссии и круглые столы по проблемным темам, ролевые игры, проектные задания и т. д.

На сайте Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова имеется раздел «Виртуальный тур», представляющий собой обзорную экскурсию по музею в 3D-формате. В 2020 г., когда из-за пандемии COVID-19 занятия проводились дистанционно, студентам было предложено посетить этот виртуальный тур и подготовить собственный текст экскурсии для него на английском языке. До перехода на дистанционный режим обучения студенты успели посетить музей и послушать обзорную экскурсию по нему, поэтому они могли по памяти использовать материал, озвученный экскурсоводом. Но информацию об экспозициях можно также найти на сайте музея и в других источниках. Текст экскурсии студенты записывали в виде голосового файла и затем с интересом прослушивали записи своих сокурсников. В условиях традиционной аудиторной работы можно провести конкурс на лучшую экскурсию.

Также на сайте музея есть и тематические онлайн-экскурсии с рассказом гида. На наших занятиях мы использовали экскурсию, посвященную вкладу жителей Забайкалья в победу нашего народа в Великой Отечественной войне. Студентам было дано задание после посещения этой онлайн-экскурсии подготовить перевод услышанного на английский язык. Далее можно в группе воспроизвести экскурсию при выключенном звуке, а студенты озвучат ее на английском языке. При этом можно предложить студентам включить дополнительную информацию по теме экскурсии, которую они смогут найти самостоятельно, в том числе возможны рассказы о родственниках – участниках войны.

Еще одна форма занятий по краеведению – проведение фестиваля народов Забайкалья. Фестиваль становится итогом цикла занятий, посвященных изучению населения края. В Забайкальском крае проживают представители около 100 различных национальностей; кроме русских, составляющих большинство населения, есть народы, относящиеся к коренным жителям – буряты, эвенки, а также татары, немцы, украинцы и представители практически всех бывших советских республик. Каждая из этих этнических групп сохраняет самобытную культуру, традиции. Все это многонациональное богатство Забайкалья и представляется студентами в виде презентаций, докладов, фотовыставок и т. д.

Краеведческие дисциплины в высшем образовании вносят весомый вклад в подготовку профессионалов, владеющих английским языком как средством международного общения и способных достойно представить свой регион в различных коммуникативных ситуациях.

Литература

Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 10.09.2022).

Завьялова В. Л. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. М., 2018.

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.

Методическое пособие по использованию в образовательном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий. Пенза, 2017. 20 с.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ОНЛАЙН-КУРСОВ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА БАЗОВОГО УРОВНЯ НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-КУРСА «БАЗОВЫЙ ЯПОНСКИЙ: С НУЛЯ ДО УРОВНЯ N5»

Аннотация. Обобщается практический опыт по подготовке онлайн-курса японского языка базового уровня на примере создания авторского курса «Базовый японский: с нуля до уровня N5». Рассматриваются структура, систематизация, базовые дисциплины дистанционного курса по японскому языку и аспекты, влияющие на эффективность изучения японского языка онлайн.

Ключевые слова: образовательные технологии, онлайн-обучение, дистанционное обучение, электронное обучение, японский язык.

N. Veinberg (Irkutsk)

Irkutsk State University

EXPERIENCE OF CREATING ONLINE COURSES OF BASIC JAPANESE LANGUAGE ON EXAMPLE OF “BASIC JAPANESE: FROM ZERO TO N5 LEVEL” ONLINE COURSE

Abstract. The purpose of this article is to summarize the practical experience in preparing an online course of the basic level Japanese language using the example of creating “Basic Japanese: from zero to level N5” online course. The structure, systematization, basic disciplines of a distance course of the Japanese language and aspects that affect the effectiveness of learning Japanese online are considered.

Keywords: education technologies, online-learning, distance learning, e-learning, the Japanese language.

Тематика работы обусловлена постоянным значительным интересом к японскому языку и японской культуре в России при ограниченной возможности изучения японского языка, связанной с тем, что многие любители японского языка и культуры не имеют доступа к офлайн курсам и программам подготовки в связи с географической удаленностью, возрастными ограничениями или рабочей загруженностью, не позволяющей тратить личное время на перемещение до места обучения несколько раз в неделю на регулярной основе.

Кроме того, данная работа имеет цель помочь желающим изучать японский язык в онлайн-формате разобраться, какие дисциплины и организационные аспекты обучения (программа, формат занятий, работа с преподавателями) важны для эффективного изучения японского языка, и на основе этих знаний выбрать качественный и подходящий онлайн-курс.

Для развития сферы изучения иностранных языков онлайн, а также для улучшения качества дистанционных образовательных программ по японскому языку, предлагаемых частными организациями, нам представляется важным делиться собственными наработками и практическим опытом преподавания японского языка. В этой работе мы обобщаем наш опыт

создания долговременных (6 мес.) онлайн-курсов по японскому языку базового уровня, соответствующего уровню N5 международной системы классификации уровней японского языка, разработанной Японским фондом.

Уровень владения японским языком обычно подтверждается путем сдачи международного экзамена Нихонго Норёку Сикэн (яп. 日本語能力試験), а в англоязычной версии – JLPT (The Japanese Language Proficiency Test). Нихонго Норёку Сикэн имеет пять уровней сложности: N1, N2, N3, N4 и N5. Базовый уровень – N5, а самый продвинутый уровень – N1.

Базовый уровень N5 предполагает знание двух азбук (хирагана и катакана, 110–120 иероглифических знаков, 600–800 лексических единиц, 50–60 грамматических конструкций). Весь объем материала для освоения базового уровня мы решили представить в удобном для изучения формате в рамках авторского полугодового онлайн-курса «Базовый японский: с нуля до уровня N5», о процессе разработки которого мы расскажем в данной статье.

Несмотря на существование различных краткосрочных онлайн-курсов (1–2 мес.) по японскому языку, мы посчитали, что дополнительное дробление существующих уровней (N5–N1) не приведет к эффективному освоению японского языка в дистанционном формате, а наоборот, усложнит эту задачу для учащихся, поскольку появится вероятность возникновения путаницы в освоенном материале при переходе от одной краткосрочной программы к другой либо при смене места обучения или преподавателя, что может негативно сказаться на мотивации к дальнейшему освоению японского языка, а также на скорости освоения – больше времени будет требоваться на дополнительное повторение изученного материала и адаптацию следующих краткосрочных программ под остаточные знания учеников. В связи с этим нами было принято решение подготовить долгосрочную программу, последовательно, поэтапно и комплексно предоставляющую учащимся знания, тренировку речевых навыков и включающую постоянное повторение изученного материала базового уровня японского языка (N5).

На момент начала разработки онлайн-курса по японскому языку (в 2018 г.) наш опыт очного преподавания японского языка в вузах и школах, разработки программ по японскому языку насчитывал 16 лет, что значительно сократило путь к разработке онлайн-курса, поскольку подготовить качественный дистанционный курс, не имея опыта очного преподавания, представления о трудностях, с которыми сталкиваются учащиеся, и способах их преодоления, а также знаний о существующих методиках обучения японскому языку и способах тренировки практических навыков чтения, письма, говорения и понимания речи на слух, на наш взгляд, практически невозможно. Кроме того, помимо основных дисциплин, важно учитывать запросы учащихся и необходимо знакомить их в рамках курса не только с

японским языком как таковым, но и японской культурой, особенностями общения на японском языке, этикетом по продуманной программе и под руководством преподавателя.

Для понимания ситуации в сфере онлайн-обучения японскому языку мы предварительно познакомились с программами нескольких онлайн-школ японского языка: Дарьи Мойнич [Японский для начинающих ... , 2022], Светланы Бычковой [Японский с нуля ... , 2022] и др. Изучение японского языка базового уровня (N5) в этих школах рассчитано на 9–12 мес., что показалось нам несколько затянутым, учитывая, что уроки представлены в видеоформате, а занятия с преподавателем (из информации на сайте было неясно, в каком виде) проводятся 2–4 раза в месяц [Базовый ... , 2022].

На наш взгляд, для эффективного освоения японского языка любого уровня, начиная с базового N5 в онлайн-формате, необходимо выполнить следующие задачи:

1. Определить конкретную цель обучения, например, освоение японского языка определенного уровня, включающего в себя необходимое количество знаков азбук и иероглифов, лексики и грамматики, в нашем случае это базовый уровень N5.

2. Подготовить учебную программу определенной длительности по различным направлениям обучения. При этом крайне важно рассчитать процесс изучения японского языка таким образом, чтобы не перегружать ученика, но и не затягивать учебный процесс на 9–12 мес.

3. Создать комфортную обучающую среду, где учащийся мог бы видеть и скачивать учебные материалы, где отображаются выполненные домашние работы с обратной связью, рекомендациями от преподавателя. Таким образом, необходимо выбрать подходящую образовательную платформу (в нашем случае это платформа GetCourse <https://getcourse.ru/>), продумать способы и последовательность представления материала, способы взаимодействия с преподавателями для получения обратной связи и т. д.

4. Подойти к онлайн-обучению комплексно, не ограничивая ученика видеоматериалами в виде говорящего человека, как это распространено в онлайн-образовании, а максимально подготовить учащегося к общению в языковой среде с помощью разноплановой отработки естественного произношения, развития навыков письма, чтения, говорения и понимания устной речи на слух.

Если рассуждать о первом пункте, то, как мы упомянули выше, было очевидно, что разделять базовый уровень на несколько небольших курсов будет малоэффективно в связи с возможной путаницей при переходе от одного краткосрочного курса к другому и в целом невозможностью использования учеником полученных обрывочных знаний для общения или переписки на японском языке.

Второй пункт, а именно определение длительности курса, потребовал внимания. Долгосрочные курсы японского языка, существующие на рынке онлайн-образования, предусматривают освоение базового уровня за 9–12 мес. Наш опыт работы преподавателем японского языка в вузах подсказывал, что за 9 мес. ученик в состоянии освоить не только базовый (N5), но частично и базовый для продолжающих (N4) уровни японского языка. При этом языковая нагрузка остается для учащегося не критичной (3–4 занятия в неделю) и позволяет обучаться удаленно, совмещая обучение с другой учебой, работой и семьей, что важно для взрослых, желающих изучать японский язык. Значительную роль в удобстве обучения играет использование современных технологий, таких как сервисы Zoom, Skype, современные форматы преподнесения информации: аудио- и видеозанятия, работа с текстами, онлайн-тесты, онлайн-словари, программы для интерактивного участия в онлайн-уроках и т. д.

В связи с представленными выше доводами мы предположили, что для изучения объема знаний, соответствующих базовому уровню японского языка (N5), будет в полной мере достаточно полугодия, т. е. 6 мес. Затем подготовили материал, требуемый к знанию базового уровня японского языка: азбуки хирагана и катакана, 110 иероглифов, набор лексики и грамматики базового уровня японского языка, разделили его на 26 частей в соответствии с количеством недель в полугодии, распределив от простого к сложному: последовательное освоение азбук, простой лексики и грамматики с постепенным переходом к иероглифике и более сложным грамматическим конструкциям.

В основе нашей методики онлайн-обучения японскому языку лежит принцип погружения учащегося в обучающую языковую среду. Это особенно важно для японского языка, в котором, помимо необходимой для запоминания лексики и грамматики, существует уникальная система письма, состоящая из двух азбук (хирагана и катакана, по 46 знаков в каждой) и иероглифики (2136 иероглифов для повседневного использования). Таким образом, для максимальной эффективности обучения необходимо уделять внимание всем языковым аспектам одновременно, контролируя и направляя процесс обучения с помощью домашних заданий и тестов.

Особенность нашего подхода к обучению в онлайн-формате заключается именно в комплексном подходе, т. е. одновременности изучения различных языковых аспектов. Несмотря на то что многие преподаватели в своей практике на начальном этапе предпочитают обучать отдельно азбукам и только затем переходить к освоению лексики, фраз для повседневного общения, грамматики, мы добавляем японскую письменность в учебный процесс сразу же в начале курса обучения.

Две базовых дисциплины, которые должны присутствовать в любом, самом простом курсе по японскому языку, – это письмо и грамматика.

Именно они формируют фундамент знаний, который мы можем дополнять дисциплинами, позволяющими быстро и эффективно освоить японский язык любого уровня, развивая следующие речевые навыки: письмо, чтение, говорение и понимание устной речи на слух (аудирование). Основываясь на изложенных выше принципах, мы разработали комплексный подход к обучению японскому языку, который реализуем на онлайн-курсах базового уровня (N5) для начинающих изучать японский язык с сентября 2018 г., т. е. с момента, когда был запущен первый долгосрочный онлайн-курс «Японский язык с нуля», по настоящее время.

Как было упомянуто выше, обучение на онлайн-курсах базового уровня (в настоящее время название курса «Базовый японский: с нуля до уровня N5») рассчитано на 6 мес., т. е. на 26 нед. непрерывного обучения. Во время разработки курса перед нами появилась важная задача распределить материал таким образом, чтобы учащийся не только постепенно продвигался от простого материала к более сложному, но и еженедельно сталкивался с равномерно подготовленным, одинаковым количеством материала, состоящим из уроков по грамматике, а также занятий, направленных на проработку различных речевых навыков: письмо, чтение, говорение и аудирование. Для максимального результата эти навыки необходимо развивать одновременно, уделяя им определенное количество времени в неделю.

Помимо обязательных для освоения языка уроков по грамматике и письму, на наш взгляд, в онлайн-курсы по японскому языку необходимо включать задания по аудированию, где как с помощью прослушивания аудиотекстов различной длительности и ответов на вопросы к текстам, так и с помощью техники «шэдоуинг» (shadowing, т. е. повторение текста вслух за носителем) еженедельно уделяется внимание развитию навыков понимания речи на слух (аудирования) и говорения, учащиеся продвигаются от простых материалов к сложным.

В существующих онлайн-курсах по японскому языку практически не уделяется время на постановку произношения и развитие навыков говорения и понимания речи на слух. Тем не менее такая практика использования аудио-уроков, в нашем случае специально подготовленных в рамках онлайн-курса и озвученных носителем языка, показала себя крайне эффективной, а результаты учеников, еженедельно выполняющих задания, были впечатляющими: они читали и воспроизводили аудиотексты с естественным для японского языка произношением, в хорошем темпе речи, с использованием грамматики базового (N5) уровня и с полным пониманием содержания. Такая практика позволяет не только поставить ученику естественное японское произношение, но и помогает запомнить лексику и фразы для повседневного общения на японском языке и тем самым преодолеть так называемый языковой барьер в будущем общении с носителями языка.

Помимо еженедельных уроков по аудированию, учащимся необходима практика живого общения с русскоязычным преподавателем либо носителем языка для отработки полученных знаний, развития навыков общения, построения беседы на японском языке. В связи с необходимостью проведения таких занятий для результативного освоения японского языка любого уровня мы включили в программу обязательное занятие по практике речи, которое проводим еженедельно, в завершении каждой недели обучения по четвергам, пятницам либо субботам, что позволяет повторить изученную лексику и грамматику, закрепить полученные в течение недели навыки. При этом занятия по грамматике и письму принято осуществлять в начале учебной недели, чтобы у ученика было время освоить новый материал, выполнить домашние задания и получить обратную связь от преподавателя.

Таким образом, онлайн-курс по освоению базового японского языка (N5) рассчитан на 26 нед. непрерывного обучения и состоит из 26 разделов, в каждом из которых учащемуся доступны следующие уроки и материалы:

1. Занятие по грамматике в видеоформате. В каждом уроке присутствует подробная презентация, фактически представляющая собой учебное пособие и доступная для скачивания, предусмотрено домашнее задание и онлайн-тестирование.

2. Занятие по письму, в котором ученики осваивают определенное количество знаков азбук хирагана, катакана или иероглифов. К каждому уроку прикрепляется лист для прописи знаков, видеоинструкция по написанию каждого знака, текстовое пояснение для написания каждого знака, домашнее задание, которое необходимо выполнить от руки.

3. Занятие по аудированию. Все уроки дополнены текстовыми пояснениями и расшифровкой аудио, присутствует домашнее задание.

4. Занятие по практике речи в группе, с преподавателем. Проводится еженедельно, в удобное для учеников время, которое устанавливается после согласования в группе. Длительность занятия – 90 мин, проходит с помощью сервиса Zoom. Каждое занятие сопровождается подробной презентацией, доступной для скачивания. Все занятия сохраняются в записи, в случае если у ученика нет возможности присутствовать очно либо ему необходимо пересмотреть и повторить материал, это возможно сделать в удобное время.

Помимо перечисленных выше еженедельных занятий, в каждом разделе онлайн-курса «Базовый японский: с нуля до уровня N5» предусмотрены и доступны для скачивания дополнительные материалы, необходимые для полноценной учебы: лексика изучаемого раздела, презентации к занятиям по грамматике и практике речи, видео, картинки и текстовые пояснения к урокам по письму. Также для поддержания интереса к изучению

японского языка в каждом разделе присутствует песня на японском языке с пояснениями и переводом либо игровые задания, в которых необходимо найти верные ответы.

Что касается контроля процесса обучения, он осуществляется с помощью проверки домашних работ, которые выполняют учащиеся к урокам по письму, аудированию, грамматике. Все домашние задания поступают от учеников в фото (скан), аудиоформате или текстовом виде на образовательную платформу (GetCourse <https://getcourse.ru/>), затем их проверяет преподаватель японского языка и в течение 12 ч после отправления работы дает ученику обратную связь, т. е. развернутый комментарий, где в корректной форме указывает на допущенные ошибки (при наличии) и подсказывает, что и каким образом исправить. Задания по письму принимаются только в виде фотографий или сканированных изображений, что позволяет контролировать и вовремя корректировать почерк ученика, что важно для японского языка, в котором неверно написанный знак может изменить смысл фразы. Кроме того, в каждый раздел курса включены различные тесты, выполняя которые учащийся может видеть, где и какие допущены ошибки, а также работать над их исправлением.

Все перечисленное выше касается работы учащихся и преподавателей на специальной образовательной платформе GetCourse с привлечением дополнительных технологий, таких как сервис Zoom, сервисы для хранения видео- и аудиозаписей, сервисы для онлайн-тестирования и т. д.

Помимо этого, как нами было выяснено на практике, для поддержания связи с учениками и оперативного решения некоторых вопросов, таких как срочные оповещения, ответы на вопросы учащихся, предоставление ссылок для входа на онлайн-занятия, а также для общения учеников между собой и с преподавателями, целесообразно использовать различные мессенджеры (WhatsApp, Telegram и др.) для создания закрытых групп. Общение в таких группах позволяет ученикам знакомиться друг с другом и преподавателями, устанавливать дружеский контакт, поддерживать общение, основанное на общем интересе к японскому языку и культуре. Такое общение положительно влияет на качество изучения японского языка и мотивацию учащихся.

В данной работе мы в обобщенном виде поделились аспектами процесса создания авторского онлайн-курса по изучению японского языка базового уровня. Для подготовки курса мы потратили значительное количество сил и времени, использовали знания различных методик и практические наработки, которые помогут ученикам освоить японский язык эффективно и в сжатые сроки. Несомненно, что при наличии системного подхода к обучению, а также продуманной структуры курса (объема материалов и длительности, грамотного распределения еженедельной нагрузки на ученика), встроенных в онлайн-курс обязательных занятий, таких как письмо

и грамматика, уроков по аудированию и практике речи, современные интернет-технологии позволяют использовать наш онлайн-курс как устойчивую базу и дополнять его с помощью комбинирования различных методик и технических средств обучения.

Литература

Базовый японский: с нуля до уровня N5. URL: https://nozomi-school.ru/basejapan_n5 (дата обращения: 10.09.2022).

Японский для начинающих за три шага. URL: <http://kurs.nihon-go.ru/> (дата обращения: 10.09.2022).

Японский с нуля до уровня N5. URL: <http://japkurs1.plp7.ru/> (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 811.581

Н. Н. Воропаев (Москва)

Институт языкознания Российской академии наук

ИННОВАЦИОННЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА «КИТАЙСКИЙ НА ЛАДОНИ» И КАК ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ

Аннотация. Кратко описан инновационный самоучитель китайского языка «Китайский на ладони». Отмечается, что самоучитель состоит из двух частей: в первой части дается информация для понимания всех аспектов китайского языка и рекомендации по учебе, вторая часть представляет все самые употребительные 4023 иероглифа (подробно 2242, справочно 1781).

Ключевые слова: китайский язык, инновационный самоучитель, китайский на ладони, китайские иероглифы, китайские морфемы.

N. Voropaev (Moscow)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

INNOVATIVE CHINESE LANGUAGE TEACH-YOURSELF BOOK “CHINESE ON THE PALM” AND HOW TO USE IT

Abstract. The article briefly describes the innovative training manual of the Chinese language “Chinese on the palm”. It consists of two parts. The first part provides information for understanding all aspects of the Chinese language and recommendations for studying. The second part presents all the most common 4023 characters (2242 for details, 1781 for reference). The first part removes the user from all kinds of barriers to learning Chinese, and the second part gives him rich material for independent creative studies in this interesting language.

Keywords: the Chinese language, Innovative teach-yourself book, Chinese on the palm, Chinese characters, Chinese morphemes.

Очень часто отсутствие целостного представления о системе китайского языка и его особенностях на начальном этапе его изучения приводит к тому, что учащиеся теряются, бросают учебу или обучение очень сильно затормаживается, а качество падает.

Мы решили создать такое учебное пособие, которое могло бы сразу показать учащемуся всю целостную картину китайского языка со всеми

его важнейшими особенностями и в то же время помогло ему понятно представить достаточно большой оптимальный набор наиболее употребительных иероглифов/морфем и слов как неотъемлемую часть этого языка для творческого использования.

В сфере учебных пособий по китайскому языку до недавнего времени не было такого пособия, в котором была бы так наглядно и удобно представлена вся база наиболее употребительных морфем/иероглифов для самостоятельного построения слов, фраз и предложений на китайском языке.

Весной 2022 г. эта книга вышла из печати. Она называется «Инновационный самоучитель и полный свод наиболее употребительных иероглифов и слов китайского языка (4023 иероглифа и около 20 тысяч слов и словосочетаний)» [Воропаев, Ма, 2022].

Пытаясь сократить объем книги до физически приемлемого уровня, мы невольно провели «естественный отбор» иероглифов: выделили наиболее употребительные 2242 знака и описали их подробно, к каждому иероглифу применен индивидуальный подход и выявлены, даны все его важные для коммуникации функции и элементы (основные значения, основные и интересные слова с ним, примеры употребления в двуслоге и, если это для него возможно, в однослоге), а 1781 менее употребительный иероглиф дали справочно, т. е. только с чтением алфавитом пиньинь в разделах «Минимальный потенциал» после статей на соответствующие слоги.

Как известно, на некоторые звуковые блоки-слоги китайского языка слогоморфем (иероглифов) существует не так много (три-шесть и даже по одному, например *gei*), а на некоторые достаточно много – 15–30 и более. Так сложилось в китайском языке, что некоторые звуковые блоки весьма или даже чересчур плодотворны в плане возникновения минимальных значимых единиц языка – морфем (тонированных звуковых слогов-блоков), например: *fu*, *ji*, *jian*, *yi* и т. п. Из-за ограниченного объема книги мы не имели возможности давать статьи с примерами слов и словосочетаний по всем употребительным иероглифам (слогоморфемам), поэтому прочие и менее употребительные иероглифы/морфемы мы вынесли в разделы под названием «Минимальный потенциал», которые даются после статей на каждый слог. Вот так, например, выглядит раздел «Минимальный потенциал» в конце статьи на слог *yu*: 淤 *yū*, 迂 *yū*, 孟 *yú*, 渝 *yú*, 逾 *yú*, 榆 *yú*, 谀 *yú*, 渔 *yú*, 予 *yú*, 屿 *yǔ*, 羽 *yǔ*, 誉 *yù*, 芋 *yù*, 吁 *yù*, 郁 *yù*, 与 *yù*, 寓 *yù*, 愈 *yù*, 喻 *yù*, 裕 *yù*, 御 *yù*, 豫 *yù*. Ну и покажем какие иероглифы даны подробно: 于, 舆, 愚, 娱, 余, 愉, 鱼, 宇, 语, 雨, 与, 予, 玉, 域, 育, 遇, 浴, 欲, 狱, 预.

В тех случаях, когда нам удалось представить подробно все употребительные иероглифы (слогоморфемы) на данный слог из-за их малого количества или из-за того, что они все очень-очень важны, раздела «Минимальный потенциал» нет.

В разделе от авторов «Как пользоваться этой книгой, чтобы выучить китайский язык» мы постарались дать подробные ответы на самые важные вопросы, которыми всегда задаются те, кто размышляет об изучении китайского языка: про количество иероглифов, про диалекты, является ли иероглиф целым словом, что такое тоны китайского языка и т. п.

Например, разъясняя, что исторически на один слог (звуковой состав) в китайском языке возникло несколько смыслов, и в этом языке широко распространено явление омонимии (наличия одинаково звучащих морфем), мы рассмотрели подробно слог gao (gao) следующим образом:

gao

gāo 高 высокий	gāo 篙 багор; шест	gāo 膏 паста, мазь	gāo 羔 ягненок, детеныш
gāo 糕 кекс; пирожное	gāo 皋 яичко, семенник	gǎo 搞 делать; заниматься	gǎo 稿 рукопись; черновик
gǎo 镐 мотыга; кирка	gǎo 杲 яркий, ясный	gào 告 сообщить; уведомить	gào 浩 указ; уведомление

Как видно из таблицы, на один звуковой состав (слог) gao имеется целых 12 смыслов (морфем или слов-полуфабрикатов) (причем мы включили в эту таблицу только самые репрезентативные морфемы, еще более редко употребляемые включать сюда для понимания ситуации уже нет смысла).

Причем все эти морфемы-полуслова обладают совершенно разными значениями. Мы также видим, что этот слог, благодаря этимологическим тонам, существует в китайском языке в трех видах слогоморфем: на этот слог есть слогоморфемы в первом, третьем и четвертом тонах. Во втором тоне данный звуковой состав в китайском языке не существует, на него смыслы в языке не возникли, так сложилось исторически.

Получается, что слогоморфемы в разных тонах уже не полные омонимы, а только по звуковому составу. Китайцы эту разницу между разными тонами слышат очень четко. Но мы также видим, что в таблице есть и полные омонимы, т. е. шесть полных омонимов в первом тоне, четыре омонима в третьем тоне и два в четвертом. Кто-то может воскликнуть: «Как же это всё различать, это полная путаница?!»

Ничего страшного и путаного здесь нет. Снова повторим, что морфемы китайского языка используются только в окружении других морфем и благодаря этому проявляют свои конкретные значения, т. е. по отдельности вам эти слоги (морфемы) никто произносить не будет. Все они будут возникать только в составе многосложных (чаще двусложных) слов или в составе словосочетаний, ритмических групп.

Разберем конкретно данные морфемы на слог *gao*. Здесь есть разные категории морфем. Одни употребляются очень часто и при озвучивании первыми приходят на ум носителю языка, обычно понятны на слух в однослоге в простых небольших контекстах, другие употребляются редко и при восприятии на слух приходят на ум в последнюю очередь, обычно непонятны на слух в однослоге даже в каких-либо контекстах.

Морфема 高 *gāo* ‘высокий’ работает сама по себе. Например, в предложении «Он очень высокий» (他很高。 *tā hěn gāo*) или во фразе «слишком высоко» (太高。 *tài gāo*). Опять же, как видим, и здесь эта морфема сочетается с другими морфемами. Просто, произнесенная обособленно одна, она хотя и будет рассматриваться китайцем первой из всех морфем на слог *gao*, но однозначно без контекста или какого-либо намекающего жеста все равно воспринята не будет.

Морфема 篙 *gāo* ‘багор, шест’ также может использоваться самостоятельно (не в составе двусложного слова). Например, в предложении «Он ударил меня шестом, и я упал в реку» (他用篙打了我一下，我就掉河里了。 *tā yòng gāo dǎle wǒ yíxià, wǒ jiù diào hé lǐ le*). Но слова «багор» или «шест» едва ли можно назвать часто употребляемыми в любом языке. В китайском языке эта морфема также не очень актуальна. Поэтому при произнесении обособленно одной этой морфемы значения «багор, шест» будут одними из последних всплывать в мозгу китайца, конечно, если нет какого-либо контекста. Это предложение было смоделировано нами искусственно. Мы провели эксперимент. При произнесении первой части («Он ударил меня шестом») носитель китайского языка не смог понять, что мы имели в виду под звуковым набором *gāo*. И только при озвучивании второй части предложения («и я упал в реку») эта морфема была опознана. Дело в том, что во второй части появляется слово река (河 *hé*), а слово 篙 *gāo* ‘багор, шест’ в китайском языке как раз связано именно с рекой или озером, вот его определение в «Словаре современного китайского языка»: 篙 撑船的竹竿或木杆 (*chēng chuán de zhúgān huò mùgān* ‘бамбуковый или деревянный шест для толкания лодки’) [现代汉语词典, с. 367].

Морфема 膏 *gāo* ‘паста, мазь’ тоже может использоваться сама по себе, например: «Эта мазь очень эффективная» (这种膏很有效。 *zhè zhǒng gāo hěn yǒuxiào*). Чтобы четко обозначить, что вы в каких-либо ситуациях

имеете в виду именно эту морфему, то, произнеся ее внутри полной лексической единицы (например, «зубная паста», 牙膏 yágāo), вы четко покажете, о какой морфеме (каком иероглифе) идет речь. Для этого достаточно сказать 牙膏的膏 yágāo de gāo Гао из [лексической единицы] «зубная паста».

Морфема 羔 gāo ‘ягненок; детеныш’ самостоятельно в современном языке не используется, а только в составе, например, таких слов, как 羊羔 yánggāo ‘ягненок; барашек; козленок’, 羔皮 gāopí ‘каракуль; каракулевый’, 鹿羔 lùgāo ‘оленок’.

Морфема 糕 gāo ‘кекс; пирожное; кондитерское изделие’ тоже не способна работать самостоятельно в потоке китайской речи. Она реализует свое значение только в составе таких конкретных сложных слов, как 蛋糕 dàngāo ‘торт, пирожное, бисквит’, 糕点 gāodiǎn ‘кондитерские изделия; пирожное; сласти’, 年糕 niángāo ‘новогоднее печенье (из клейкого риса или муки)’ и т. п.

Морфема 睾 gāo ‘яичко, тестикулы, семенник’ используется только в составе двусложного слова 睾丸 gāowán ‘яички, тестикулы’ и в других сочетаниях с данным двусложным словом, например, 睾丸素 gāowánsù ‘тестостерон’.

Морфема 搞 gǎo ‘делать; заниматься’ достаточно самостоятельна. Она способна работать сама по себе, например: 搞科学工作 gǎo kēxué gōngzuò ‘заниматься научной работой’; 搞破坏活动 gǎo pòhuài huódòng ‘заниматься подрывной деятельностью’.

Морфема 稿 gǎo ‘рукопись; черновик’ самостоятельно в потоке устной речи современного языка функционировать не может. Она реализует свои значения только в сложных словах и словосочетаниях: 稿子 gǎozi ‘черновик, набросок (статьи); рукопись’, 稿费 gǎofèi ‘(авторский) гонорар’, 手稿 shǒugǎo ‘рукопись’, 发言稿 fāyángǎo ‘текст заявления, текст речи, черновик выступления’ и т. д.

Морфема 篙 gāo ‘мотыга; кирка’, как и приведенная выше морфема 篙 gāo ‘багор, шест’, обозначает предметы, которые не так актуальны для современной жизни. Тем не менее эти односложные слова могут встретиться в каких-то литературных произведениях или прочих текстах. Но опять же только или в составе сложных слов, или в окружении определенного контекста. Данная морфема 篙 gāo ‘мотыга; кирка’ самостоятельно как слово обычно не используется, но можно смоделировать, например, предложение «Дай мне мотыгу!» (给我一把篙! gěi wǒ yī bǎ gāo), в котором формально эта морфема выступает как самостоятельное слово. Однако ее самостоятельность опирается на предшествующее ей счетное

слово для существительных, обозначающих предметы с ручкой 把 bǎ. Именно это счетное слово при восприятии на слух сигнализирует о том, что имеется в виду данная морфема (слово). Как и прочие китайские морфемы, эта морфема стабильно реализует свое значение в сложных словах, например: 铁镐 tiěgǎo ‘заступ; мотыга, кирка’, 冰镐 bīnggǎo ‘ледоруб’, 电镐 diàngǎo ‘электрический отбойный молоток’.

Морфема 杲 gǎo ‘яркий, ясный’ относится к разряду редких понятий/иероглифов. Эта морфема не может возникнуть в однослоге в потоке устной речи на современном языке. Эта морфема/иероглиф принадлежит старому книжному языку и может встретиться только в именах или каких-то древних текстах, стихах. Тем не менее при необходимости в устной речи эту морфему можно конкретизировать двусложным словом 杲杲 gǎogǎo ‘яркий, ясный, блестящий’. Хотя китайцы вас все равно не поймут на слух: уж очень редко этот иероглиф/морфема используется. При необходимости лучше сразу написать этот иероглиф.

Морфема 告 gào ‘сообщить; уведомить; жаловаться; обращаться с жалобой (напр., в суд)’ относится к числу широкоупотребительных. Она также способна работать в речи как самостоятельное слово, например, в предложении «Я тебя засужу!» (我要告你! wǒ yào gào nǐ). Но все же более конкретные значения она получает в составе сложных слов 告诉 gàosu ‘сказать; сообщить’; 告状 gàozhuàng ‘1) подать жалобу (в суд); предъявить кому-либо иск; 2) жаловаться кому-либо на кого-либо’; 报告 bàogào ‘1) докладывать; доносить; рапортовать; отчитываться; 2) доклад; донесение; рапорт; отчет’; 广告 guǎnggào ‘объявление; реклама; афиша’; 被告 bèigào ‘обвиняемый, подсудимый, ответчик (в судебном деле)’ и т. д.

Морфема 诰 gào ‘указ; уведомление’ в современном языке не употребляется, это слово древнего языка. Даже двусложные слова с данной морфемой относятся к устаревшей лексике, например: 诰命 gàomìng *ста-роу*: грамота (рескрипт) о пожаловании титула (почетного звания) чиновнику I–V классов; 诰封 gàofēng пожаловать при жизни титул (почетное звание) жене чиновника (или трем поколениям его предков); 诰封 gàofēng грамота о пожаловании титула (почетного звания).

Таким образом, все эти морфемы на слог gao можно выстроить в своеобразный рейтинг по актуальности (частоте употребления) в китайском языке, причем их можно разбить на четыре типа.

Часто употребляющиеся:

- 1) 高 gāo ‘высокий’;
- 2) 告 gào ‘сообщить; уведомить’;
- 3) 搞 gǎo ‘делать; заниматься’;
- 4) 膏 gāo ‘паста, мазь’;

5) 稿 gǎo ‘рукопись; черновик’;

6) 糕 gāo ‘кекс; пирожное’.

Нечасто употребляющиеся:

7) 垠 gāo ‘яичко, семенник’;

8) 羔 gāo ‘ягненок, детеныш’.

Редко употребляющиеся:

9) 篙 gāo ‘багор; шест’;

10) 镐 gǎo ‘мотыга; кирка’.

Фактически не употребляющиеся:

11) 杲 gǎo ‘яркий, ясный’;

12.) 诰 gào ‘указ; уведомление’.

Но все равно произнесенные обособленно, без контекста, вне двусложного слова словосочетания, фразы или предложения, даже часто употребляющиеся морфемы не будут поняты слушающими. В русском языке, если вы ни с того ни с сего вдруг скажете какое-то слово без привязки к конкретной ситуации или теме, а просто так, то вас тоже никто не поймет, но не поймет контекстуально, само слово, смысл произнесенного будет понят. А вот в китайском языке из-за омонимии и смысл не будет вычленен из выданных звуков.

Например, я скажу «дорога», «олень» по-русски, и слова эти будут поняты и восприняты однозначно, если ситуация нейтральна, а если по-китайски я скажу эти же слова в виде однослога, то будет непонятно, что я имею в виду: 路 или 鹿, потому что они звучат одинаково lù. И поймут меня только после того, как я расширю их до двуслога и более, например: 公路 gōnglù ‘автодорога, шоссе’, 马路 mǎlù ‘проезжая (шоссейная) дорога; мостовая; улица’, 一条路 yī tiáo lù ‘[одна] дорога’, 鹿肉 lùròu ‘оленина’, 一头鹿 yī tóu lù ‘[один] олень’ [Воропаев, Ма, 2022, с. 36–38].

Итак, эта книга призвана обеспечить более вовлеченное, гибкое и активное обучение: пользователь может свободно перемещаться по разным уровням языка, выбирая то, что ему необходимо или интересно, например, сразу может выучить слова *инновации, инвестиции, стартап, беспилотник, блокчейн, искусственный интеллект, бизнес-инкубатор, технопарк, интернет вещей* и составлять фразы и предложения с этими словами, озвучивать их, читать и писать сообщения и статьи на китайском языке. Ведь современные возможности интернета, сервисов языкового перевода с аудиосопровождением позволяют быстро выучивать новые слова и фразы на иностранных языках в правильном произношении самостоятельно.

Основной посыл книги – самостоятельная активность, инициативность пользователя и возможность передвигаться по всем иероглифам/морфемам китайского языка в зависимости от желания пользователя

в любом порядке. Опираясь на данную в предисловии информацию о китайском языке, пользователь на все иероглифы и звуки смотрит уже спокойно, без барьера, т. е. их вид (сложная структура), чтение или обилие значений не пугают: пользователь уже знает, как строятся иероглифы и как строятся китайские слова, как иероглифы практически работают в словах или фразах. Также средства электронного перевода в интернете позволяют услышать и нормативное чтение того или иного иероглифа или слова. Пользователю остается только в соответствии со своими интересами, потребностями или просто в любом порядке брать в разработку определенный иероглиф.

Например, рассмотрим иероглиф 贬. Вот так выглядит статья на этот иероглиф в книге.

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог bian (141)
贬 biǎn 贬

1. обесценивать; снижать; 2. принижать; умалывать

贬值 biǎnzhí девальвация; обесценивание; обесцениваться; 卢布贬值 lúbù biǎnzhí девальвация рубля.

Как видим, по данному иероглифу в качестве самых употребительных двусложных/полноценных речевых слов мы дали только слово 贬值 biǎnzhí ‘девальвация; обесценивание; обесцениваться’ и словосочетание 卢布贬值 lúbù biǎnzhí ‘девальвация рубля’.

Пользователь может уже самостоятельно по аналогии составить словосочетания с другими наименованиями валют мира, например: 美元贬值 měiyuán biǎnzhí ‘девальвация доллара’. А затем можно составить любые предложения, например: «Девальвация рубля привела к хаосу», «Люди скупали ненужные вещи в огромных количествах». И перевести их с помощью электронных систем интернета: 卢布贬值导致混乱。 Lúbù biǎnzhí dǎozhì hùnlùn. 人们大量购买了不必要的东西。 Rénmen dàliàng gòumǎile bù bìyào de dōngxī.

Эти предложения мы перевели с помощью Google Переводчика, и перевод верный. Единственная ошибка, которую система допустила, касается алфавита пиньинь и озвучивания предложений: здесь сочетание иероглифов 东西 используется как слово «вещи», в котором второй слог не тонизируется и пиньинь должна выглядеть для этого слова так: dōngxī. А система озвучила и написала пиньинь dōngxī, что звучит как «Восток и Запад».

Однако в статье на данный иероглиф есть еще большее поле для активной деятельности пользователя. В примерах слов и словосочетаний даны примеры только по одному первому значению иероглифа/морфемы: «1. обесценивать; снижать», но нет примеров двусложных слов для второго значения «2. принижать; умалывать». И если пользователь обратится в

интернете к электронному словарю БКРС уже с русским словом «принижать», то обнаружит на китайском языке такие слова и словосочетания: (уменьшать значение) 贬低 biǎndī, 轻视 qīngshì, принизить значение чего-либо – 贬低...的意义, принизить чью-либо роль – 轻视...的作用.

Пользователь может в тетрадь или прямо в самоучитель (благо пространства в книге хватает) вписать двусложное/полноценное речевое слово 贬低 biǎndī ‘принижать, уменьшать’ и предлагаемое словосочетание 贬低威信 biǎndī wēixìn ‘уменьшать авторитет’. Затем можно построить любые предложения с этим словом, например: «Мы не позволим принизить значение этого события в жизни нашей страны!» И перевести на китайский язык с помощью электронных переводчиков: 我们不允许贬低这一事件在我国生活中的意义! Wǒmen bù yǔnxǔ biǎndī zhè yī shìjiàn zài wǒguó shēnghuó zhōng de yìyì!

Данное предложение также переведено системой Google Переводчик, и перевод является совершенно верным. И очень удобно, что Google Переводчик дает и запись предложения алфавитом пиньинь. Разумеется, получаемые результаты перевода лучше проверить с носителем языка или преподавателем. И только потом записывать их в свои тетради для заучивания.

Работая с этой книгой, учащиеся могут развернуть активную деятельность по эффективному и интересному запоминанию слов и иероглифов. На примере иероглифа/морфемы 香 xiāng покажем, как это можно делать. Изучая слова в списке к этому иероглифу, желательно прочие компоненты (иероглифы/морфемы) этих слов и словосочетаний сразу же находить в соответствующих разделах книги, и всю полученную информацию и выводы выписывать в специальную тетрадь. Например, изучая слово 香港 xiānggǎng Гонконг, Сянган (город в КНР), желательно сразу же обратиться к слогу gang и найти там соответствующую морфему/иероглиф 港 gǎng. Изучив значения иероглифа/морфемы 港 gǎng ‘порт; гавань’, можно сделать вывод, что слово Гонконг означает «ароматная бухта, гавань», и сразу же желательно выучить хотя бы одно новое самое продуктивное слово на ваше усмотрение с морфемой 港 gǎng, например, 港口 gǎngkǒu ‘порт, гавань; бухта; портовый’. Таким образом, учащийся не только узнает смысловую структуру слова «Гонконг», но и выучит еще один иероглиф и слово.

Такая цепная реакция поможет активнее погружаться в мир китайского языка. Какие-то выученные слова запомнятся сразу и быстро, какие-то придется повторять много раз. Но постоянное перекрестное неоднократное обращение к одной и той же морфеме/иероглифу при изучении всех представленных в книге иероглифов и слов поможет учащемуся прочнее запомнить всю полезную информацию и основные иероглифы.

По иероглифам, которые включены в раздел «Минимальный потенциал» пользователям придется поработать самим еще более основательно. И это пойдет им только на пользу.

Также мы попытались путем презентации некоторых особых слов или словосочетаний познакомить учащихся с отдельными важными или интересными элементами китайской культуры, истории, литературы.

По многим иероглифам мы кроме употребительных слов старались приводить имена и наименования широко известных в Китае и во всем мире исторических личностей и событий, литературных персонажей и эпизодов.

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог shao (1319)

邵 shào

Шао (фамилия)

邵逸夫 shào yìfū Шао Ифу (1907–2014) – гонконгский медиамагнат, один из основателей в начале 1920-х гг. китайского кинематографа, продюсер, миллиардер, общественный деятель и филантроп. Инвариант восприятия этого прецедентного имени в китайскоязычном культурном пространстве – «благотворитель» (慈善家 císhànjiā).

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог shi (1353)

尸 shī 屍

труп; мертвое тело; покойник

尸体 shītǐ труп; 一具尸体 yī jù shītǐ один труп, одно мертвое тело; 马革裹尸 mǎ gé guǒ shī тело было погребено в шкуре коня (обр. в знач. с честью пасть на поле брани) (выражение связано с именем Ма Юаня 马援 mǎ yuán [14 г. до н. э. – 49 г. н. э.], знаменитого генерала династии Восточная Хань).

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог уan (1872)

宴 yàn 讌 или 飫

1. банкет; 2. угощать; устраивать прием

宴会 yànhuì банкет; званый обед; 宴请 yànyǐng пригласить кого-либо на банкет; устроить в честь кого-либо банкет; 鸿门宴 hóngmén yàn досл. Хунмэньский пир (Хунмэньское празднество или банкет у Хунских ворот) (в 206 г. до н. э. полководец царства Чу, Сян Юй, по предложению своего советника Фань Цзэна в местечке Хунмэнь устроил в честь Лю Бана пир, во время которого предполагалось убить Лю Бана и занять циньскую столицу Сяньян), обр. пир со злым умыслом; пир-ловушка (с целью убить приглашенного гостя); пир-западня.

Таким образом, читатель, который уже знает хорошо китайский язык, получает в виде данного самоучителя удобный настольный справочник для того, чтобы проверить тот или иной иероглиф на наличие у него тех

или иных значений, на правильность его начертания в упрощенном и традиционном виде, на количество черт и т. п. Ведь даже 30-летний опыт работы с китайским языком не освобождает нас от постоянных проверок себя по написанию того или иного иероглифа и уточнения его значения. Заглавные иероглифы даны очень крупным шрифтом с указанием традиционных начертаний (если иероглиф упрощался) и разнописей, и это очень удобно.

Для начинающего и продолжающего изучать китайский это пособие способно дать всю самую важную информацию о китайском языке сразу вместе со всем тем лексическим набором в виде иероглифов и слов, который необходимо будет освоить. В конце книги даны дайджесты по грамматике, словообразованию и прочим аспектам.

Литература

Воропаев Н. Н., Ма Тяньюй. Китайский на ладони: Инновационный самоучитель и полный свод наиболее употребительных иероглифов и слов китайского языка (4023 иероглифа и около 20 тысяч слов и словосочетаний). М. : ВКН, 2022. 692 с.

现代汉语词典, 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 商务印书馆出版, 北京, 1993年, 1581页。

УДК 37.013.78

Ю. Ю. Джуад (Москва)

Московский городской педагогический университет

ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Рассматривается проблема формирования гражданской идентичности в российском обществе посредством института образования. Отмечается ригидность психологии педагогического сообщества, которая препятствует формированию в сознании обучающихся одной из ключевых составляющих современной гражданской идеологии россиян – идеи поликультурного общества. Предлагается разрабатывать и внедрять массово программы повышения квалификации педагогов, направленные на формирование этнокультурных компетенций, обеспечивающих возможность трансляции обучаемым опыта позитивной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: поликультурное образование, гражданская идентичность, этническая идентичность, Россия, человеческий капитал, педагогическое сообщество, этнокультурная компетентность.

Yu. Dzhuad (Moscow)

Moscow City University

EDUCATION AS A MECHANISM AND FACTOR OF CIVIL IDENTITY FORMATION IN THE ETHNOCULTURAL ASPECT

Abstract. The article deals with the problem of the formation of civic identity in Russian society through the institution of education. The rigidity of the psychology of the pedagogical community is noted, which prevents the formation in the minds of students of one of the key components of the modern civic ideology of Russians – the idea of a multicultural society. It is proposed to develop and implement massively advanced training programs

for teachers aimed at the formation of cross-cultural competencies that provide the opportunity for students to transmit the experience of positive intercultural communication.

Keywords: multicultural education, civic identity, ethnic identity, Russia, human capital, pedagogical community, cross-cultural competence.

На рубеже XX–XXI вв. в социально-гуманитарных науках отмечается всплеск интереса к проблематике идентичности. Помимо общемирового контекста глобализации и порождающего его противоположного вектора – глокализации, в нашей стране актуальность исследований феномена идентичности в различных его плоскостях – этнической, религиозной, гражданской и других – обусловлена целой серией серьезных социально-политических и социально-культурных трансформаций. Распад СССР и образование Российской Федерации послужил толчком для актуализации всех указанных идентификационных срезов. Этническая идентичность, нивелируемая социалистическим «товариществом», одной из первых проявилась в конфликтогенном поле постперестроечного российского социума как наиболее очевидная, не требующая глубинной рефлексии [Делова, 2001, с. 15]. Практически одновременно актуализировались духовные поиски по линии религиозной идентификации в обширном спектре предложений – от возрождения традиционных для нашей страны конфессий до экзотических восточных практик и новых религиозных движений. В значительной степени незавершенным до сегодняшнего дня остается процесс гражданской идентичности, поскольку она включает в себя предыдущие два уровня, но не сводится к ним и не исчерпывается ими.

Проблема формирования гражданской идентичности современных россиян существует на двух уровнях: идеологическом и методологическом. Разработка новой постсоветской идеологии все еще находится в процессе, и в данный момент ее векторы прочерчиваются достаточно четко, в соответствии с древним антропологическим принципом «свой-чужой». Что касается методологии формирования идентичности, зарекомендовавший себя и проверенный механизм ее поэтапного и органичного внедрения – это образование («формирование по образцу») в широком и в узком смысле этого слова.

О проблемах российского образования на всех его ступенях и уровнях сказано и написано уже достаточно много. В контексте разговора о формировании и приумножении человеческого капитала общим местом является то, что институт образования выступает едва ли не ведущим, во всяком случае, одним из самых весомых факторов как для самих этих процессов, так и для оценки эффективности и измерения уровня развития человеческого капитала в экономике той или иной страны.

Декан экономического факультета МГУ им. Ломоносова Александр Аузан в цикле лекций о культурном коде экономической успешности говорит о том, что Россия – одна из стран с самым большим потенциалом в

отношении человеческого капитала. Однако считает, что этот потенциал по нескольким причинам остается в полной мере не реализованным [Аузан]. Причины он видит в комплексе культурных особенностей, обусловленных культурой: историей, климатом, религией, языком и другими факторами. Но при этом предполагает, что страна может изменить код своей экономической успешности при условии изменения общественного отношения и формирования соответствующей позиции в общественном сознании. Такие изменения в культурном коде предполагают в том числе идентификационные процессы во всей совокупности их сторон – этнической, религиозной и гражданской.

Одной из опорных идей концепции гражданской идентичности современного россиянина является идея поликультурного общества, этнического многообразия и единства всех традиционных для России конфессий. С учетом того, что национальный человеческий капитал составляют не только коренные жители страны, но и те, кто выбирает ее в качестве места своего длительного проживания [Корчагин], учебы, трудовой деятельности, создания семьи и воспитания детей, крайне важной задачей становится сохранение, развитие и наращивание оборотов в отношении каждой из этих групп. Не менее важной сопутствующей задачей является их успешная интеграция и адаптация в российское общество, создание комфортных условий для раскрытия человеческого ресурса и потенциала для общего блага.

Эти задачи могли бы быть успешно решены при участии отечественной системы образования, в которой социализацию проходят как коренные жители нашей страны – носители множества этнических, религиозных и культурных идентичностей, проживающие в регионах и республиках, так и дети мигрантов. Еще одной целевой группой для педагогического воздействия по формированию гражданской идентичности являются дети, рожденные в межнациональных браках, количество которых неуклонно растет год от года в нашей стране [Лурье, 2018, с. 133–135].

К огромному сожалению, следует признать, что, несмотря на значительные исследовательские успехи наших ученых в области социологии, психологии и педагогики, огромное количество научных выводов по статистическим данным, разработанных методик по развитию толерантности, поликультурного образования, взаимному познанию и принятию этноконфессионального своеобразия – все это богатство практически никак не используется в реальном педагогическом процессе образовательных учреждений. Существует нормативное требование для любого педагога в нашей стране повышать квалификацию не менее чем один раз в три года [Об образовании ...]. Однако чаще всего программы повышения квалификации связаны с технической и информационной грамотностью, разви-

тием общепрофессиональных компетенций, овладением актуальными методами взаимодействия педагога и обучаемых. В то время как этнопсихологические и поликультурные компетенции остаются без внимания и в реальном взаимодействии с детьми, начиная с уровня общеобразовательных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями, педагогическое сообщество в большинстве своем предпочитает в лучшем случае игнорировать этноконфессиональное разнообразие своих обучаемых. В худшем случае не просто игнорировать, а подвергать дискриминации представителей соответствующих групп, принадлежащих к этническому или религиозному меньшинству.

Консервативность психологии педагогического сообщества не поспевает не только за глобальной сменой образовательных трендов, хотя к болонской системе на уровне формальных результатов и сопроводительной документации учебного процесса приспособиться более-менее удалось, но в особенности за трендами роста национального самосознания представителей этнокультурных групп в постсоветский период, за тенденциями постсекуляризации в науке и обществе.

В силу описанной ситуации в проблемном поле современного российского образования как фактора и механизма формирования гражданской идентичности можно обозначить два блока проблем. Первый связан с необходимостью создания поликультурной среды, в которой обучаемые смогли бы научиться адекватному восприятию межэтнических, религиозных и иных культурных различий, освоить стратегии налаживания контакта с «другими» в широком культурном смысле этого слова. В помощь педагогическому сообществу разработано достаточно большое количество научной, учебной и методической литературы для работы с разными категориями обучаемых: со школьниками всех возрастных групп и взрослыми [Разные, но равные, 2004; Рот, Коптельцева, 2006; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2012], с мигрантами и беженцами [Гриценко, Константинов, 2004; Гриценко, Шустова, 2016]. Второй связан с самими педагогами и заключается в острой необходимости формирования у них соответствующих этнокультурных компетенций, а также с противодействием профессиональному выгоранию [Чибисова, 2013; Моисеева 2013].

Таким образом, массовое внедрение программ повышения квалификации педагогов, содержащих конкретные тренинги, упражнения и практики работы с обучаемыми, представляющими различные этнические и религиозные группы, которые будут впоследствии реализованы на всех уровнях образовательных учреждений – от начального и общего до высшего и специального, будет способствовать внедрению и органичному выращиванию в сознании нашей молодежи идеи о многонациональности и многоконфессиональности российского общества.

Литература

- Аузан А. Как на успешность нации влияют язык, климат и история. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GqRuJSv1fyk> (дата обращения: 03.10.2022).
- Гриценко В. В., Константинов В. В. Тренинг оптимизации процесса социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов : учеб.-метод. пособие. Балашов : Николаев, 2004. 56 с.
- Гриценко В. В., Шустова Н. Е. Социально-психологическая адаптация детей из семей мигрантов. М. : Форум, 2016. 224 с.
- Делова Л. А. Социокультурные факторы межэтнической брачности : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2001. 27 с.
- Корчагин Ю. А. Новая парадигма развития России и Воронежской области? URL: <https://abireg.ru/newsitem/3685> (дата обращения: 29.09.2022).
- Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М. : МАКС-Пресс, 2012. 360 с.
- Лурье С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 122–148.
- Моисеева М. В. Управление школой, реализующей интеграцию детей-мигрантов посредством инклюзивного обучения // Технологии психологического сопровождения интеграции мигрантов в образовательной среде : учеб.-метод. пособие для педагогов-психологов / под ред.: О. Е. Хухлаева, М. Ю. Чибисовой. М. : МГППУ, 2013. С. 236–243.
- Разные, но равные. Большие психологические игры / под ред. Г. У. Солдатовой. М. : Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. 336 с.
- Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг : учеб.-метод. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 223 с.
- Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
- Чибисова М. Ю. Формирование межкультурной компетентности педагогов: программы групповых занятий // Технологии психологического сопровождения интеграции мигрантов в образовательной среде : учеб.-метод. пособие для педагогов-психологов / под ред.: О. Е. Хухлаева, М. Ю. Чибисовой. М. : МГППУ, 2013. С. 243–271.

И. П. Иванова (Чебоксары)

Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. Анализируется функциональная грамотность обучающихся и психолого-педагогическое сопровождение процесса ее формирования.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная деятельность, социализация, функциональная грамотность.

I. P. Ivanova (Cheboksary)

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

SOME ASPECTS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF FUNCTIONAL LITERACY OF STUDENTS

Annotation. The relevance of this work is due to the demands of pedagogical practice and the need of the developing education system to improve the quality and effectiveness of professional pedagogical activity of psychologists and teachers. The presented article is devoted to the study and analysis of functional literacy of students and psychological and pedagogical support of the process of its formation.

Keywords: competence, professional activity, socialization, functional literacy.

Быстро изменяющиеся условия жизни, введение современных информационных технологий в повседневную жизнь требуют от людей адаптации к новой ситуации, этому должна помочь функциональная грамотность. Современная система образования требует и от педагогов, и от обучающихся умения адаптироваться в новом цифровом обществе. Способность человека активно использовать в жизни полученные знания называется функциональной грамотностью. Функциональная грамотность является основой образования личности, она включает в себя умение взаимодействовать, социализироваться и строить социальные отношения, решать различные задачи, которых в жизни возникает множество, способность к рефлексии. Обучающимся в современных условиях приходится выполнять множество разнообразных видов деятельности: учебная деятельность, которая тоже усложнилась, прибавились дистанционное обучение, самостоятельное учение, исследовательская деятельность, проектная, волонтерская и другие виды деятельности. Даже игровая деятельность стала совсем другой.

Грамотность Всемирной организацией здравоохранения рассматривается как черта, которая отличает здоровую нацию, а ООН выделяет ее в качестве одного из показателей индекса человеческого развития. В восприятии, переработке и запоминании информации важную роль играют разные модальности. Есть исследования, которые показывают, что человек запоминает только 10 % того, что он читает, 20 % того, что слышит,

30 % того, что видит; и только тогда, когда мы говорим и участвуем в реальной деятельности, он запоминает и усваивает материал на 90 %. Разнообразие видов деятельности помогает осмысленному и продуктивному усвоению знаний, формированию компетенций. Поиск информации, решение разноплановых нестандартных задач, выполнение творческих заданий способствуют развитию функциональной грамотности. Функциональная грамотность является одним из важнейших показателей качества образования. Важно для современного школьника не только усвоить знание, но уметь применять эти знания, также важно уметь учиться.

Конечно, современный педагог изменил подход к обучению и воспитанию детей, в педагогической деятельности используются разнообразные инновационные формы, которые помогают ученикам решать комплексные задачи, критически думать, творчески мыслить, уметь работать в команде, управлять людьми, распознавая их эмоции и возможности, формировать задачи и находить решения в конкретных жизненных ситуациях [Терентьева, Иванова, 2018, с. 269]. Реализация функциональной грамотности нового поколения делает обязательной, конкретной и измеримой деятельность педагога-психолога как полноценного участника образовательного процесса. Работа психолога – это необходимый элемент системы управления образовательным процессом школы.

Сфера деятельности психолого-педагогической системы школы включает в себя обеспечение успешной социализации, сохранение и укрепление здоровья, перспектив будущего, снижение уровня делинквентного и аутодеструктивного поведения среди детей и подростков, проблема обеспечения личной безопасности.

Поэтому основой профессионализма является функциональная грамотность педагога-психолога, а главным принципом его работы становится умение взаимодействовать с ребенком, развитие личностных качеств, формирование компетенций в решении жизненных ситуаций, необходимых для адаптации в обществе. Важные основы функциональной грамотности закладываются в начальной школе. Взаимодействие психолога и учителя начальных классов является важным моментом развития учащихся начальных классов. Поэтому основой профессионализма учителя следует считать именно психолого-педагогическую компетентность.

В начальной школе развивается речевая деятельность: письмо, чтение, слушание, пересказ. А. А. Леонтьев считает, что техника чтения – это формальная грамотность, а умение извлекать информацию из текста, изменение и понимание текста – уже более высший уровень грамотности.

Изучая различные дисциплины, у учеников развивается мышление, которое становится доминирующей функцией в младшем школьном возрасте. Развитие умения мыслить с помощью таких логических приемов,

как анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, происходит при использовании логических приемов и заданий [Иванова, 2011, с. 27].

Педагог должен систематически вести деятельность по развитию функциональной грамотности с учетом индивидуальных особенностей, используя определенные методы и приемы работы над развитием речи. Тренировочные упражнения, словесные игры, художественно-творческая деятельность, игровые методы способствуют развитию речи.

Взаимодействие педагога-психолога и учителя начальных классов крайне необходимо для того, чтобы в нужный момент обучения скорректировать отклонения и определить индивидуальный маршрут развития учащегося. Совместно анализируются как отрицательные, так и положительные моменты, принимаются определенные решения. Для того чтобы функциональная грамотность эффективно формировалась, необходимо использовать коммуникативные, творческие, игровые методы, специально подобранные упражнения, тексты, индивидуальные домашние задания, которые способствуют развитию речевой и письменной деятельности.

Развитие функциональной грамотности возможно, если образование приобретает личностный смысл, поэтому важно привить обучающимся навыки практических действий, которые включают развитие адекватной самооценки, самостоятельности, умения сотрудничать, находить пути решения проблем. Этому будет способствовать психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса педагогом-психологом.

Учебный процесс, который является ведущим, формирует функциональную грамотность при подборе заданий с учетом возможностей и способностей детей. При использовании личностно значимых заданий намного быстрее и лучше закрепляются полученные знания, которые помогут переносу полученных знаний в практическую часть [Иванова, 1994].

Работу педагога-психолога по формированию функциональной грамотности можно представить в следующем виде [Адушкина, Лозгачева, 2017]:

- диагностика и развитие когнитивных процессов (внимания, памяти, воображения, логическое мышление, выделение главного);
- диагностика и развитие эмоционально-мотивационной сферы (эмоциональный интеллект, учебная мотивация, коррекция тревожности);
- формирование коммуникативного навыка, диагностика и коррекция самооценки;
- выявление и поддержка одаренных детей;
- диагностика и сопровождение профессионального самоопределения.

Важным интегративным компонентом функциональной грамотности является социальная грамотность, которая способствует успешной социальной адаптации и социализации в изменяющемся мире, помогает при-

способливаться к различным социальным ситуациям, а также непредвиденным ситуациям. Она включает в себя и понимание, как ответственно себя вести, предвидеть последствия своих поступков.

Это основные компоненты деятельности педагога-психолога, направленные на формирование функциональной грамотности. Таким образом, одним из результатов психолого-педагогического сопровождения является формирование у учащихся желания и умения учиться, формирование социальной грамотности [Иванова, Патеева, 2012, с. 38].

Следуя современным вызовам, ученики образовательных организаций должны быть готовы к непредвиденным ситуациям, поэтому задача педагогов – подготовить их к неожиданному появлению нетипичных проблем, научить критически мыслить, искать пути решения и действовать целенаправленно, решительно и ответственно.

Таким образом, функционально грамотной личностью можно считать человека, свободно ориентирующегося в окружающем мире, умеющего оценивать и принимать традиции, культуру других людей, народностей, понимающего межкультурные различия.

Литература

Адушкина К. В., Лозгачева О. В. Психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2017.

Иванова И. П. Формирование общеучебных умений и навыков у учащихся сельской малокомплектной начальной школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. М., 1994.

Иванова И. П., Патеева О. В. Формирование социально-коммуникативной компетентности школьников в условиях современной школы // Актуальные проблемы коррекционно-развивающей деятельности психологов и социальных педагогов : сб. науч. ст. Чебоксары, 2012. С. 36–43

Иванова И. П. Формирование умения учиться у учащихся начальных классов // Теоретические и методические основы профессиональной подготовки педагогических кадров в условиях перехода к двухуровневой модели образования : сб. науч. ст. 2011. С. 26–33.

Терентьева Л. П., Иванова И. П. Особенности подготовки студентов к формированию познавательных универсальных учебных действий младших школьников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 268–275.

В. Ю. Ключникова (Иркутск)
Иркутский государственный университет

ЭКСКУРСИЯ ПО ЭКОТРОПЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТУРИСТСКОГО ПРОФИЛЯ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. Обосновывается значимость экскурсии как способа совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку. Рассматривается возможность реализации экскурсионного метода обучения на примере экскурсий по экологическим тропам Байкальского биосферного заповедника. Определяются типы экскурсий по форме реализации иноязычного общения.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, компетентностный подход, иноязычная коммуникативная компетенция, профессионально-ориентированный иностранный язык, экскурсия, экскурсионный метод обучения, экскурсионный метод познания, экологическая тропа (экотропа), Байкальский заповедник.

V. Klyuchnikova (Irkutsk)
Irkutsk State University

ECOTRAIL EXCURSION AS A MEANS FOR TOURISM TRAINING STUDENTS TO REINFORCE THE COMMUNICATIVE LANGUAGE COMPETENCES

Abstract. The purpose of the article is to prove the significance of excursion as a means of communicative language competences reinforcement in teaching a professionally oriented foreign language. The possibility of implementing the excursion method of teaching is considered in terms of ecotrail excursions at the Baikal Nature Reserve. The types of excursions are determined according to the forms of foreign language communication.

Keywords: foreign language teaching, competence-based approach, communicative language competences, professionally oriented foreign language, excursion, excursion method of teaching, excursion method of cognition, ecological trail (ecotrail), Baikal Nature Reserve.

Современные требования к образованию по реализации компетентностного подхода выдвигают новые методические задачи, решение которых во многом зависит от выбора эффективных средств, методов и технологий обучения. Формирование компетенций – универсальных, общепрофессиональных и профессиональных – является как целью, так и оценкой результатов образования, в частности, высшего.

В референции к высшему образованию особый интерес для изучения представляют направления подготовки, в рамках которых появляются «гибридные» профили подготовки, предполагающие не только интеграцию нескольких профильных областей знаний в рамках программы обучения, но и синхронность их изучения. Так, например, в Институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» появились профили подготовки «Лингвистическое обеспечение туризма и гостиничного дела» и «Межъязыковая и межкультурная коммуникация в

сфере туризма и гостиничного дела», которые основываются на интегрированном и синхронном изучении дисциплин лингвистического и туристского профилей.

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по указанному направлению подготовки коммуникация (УК-4) как категория универсальных компетенций, предполагающая осуществление деловой коммуникации в устной и письменной формах, не только на русском, но также на иностранном языке, вместе с общепрофессиональной компетенцией (ОПК-4), предполагающей способность осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и в письменной формах как в общей, так и профессиональной сферах общения, обуславливают изучение иностранного языка и его профессиональную ориентацию [Об утверждении ... , 2020]. Следовательно, содержание рабочих программ по дисциплинам «Иностранный язык», «Практический курс первого иностранного языка», «Профессионально-ориентированный курс первого/второго иностранного языка» нацелено на формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции. Дисциплина «Профессионально-ориентированный курс первого/второго иностранного языка», по сути «иностранное языковое средство для специальных целей», попадает в фокус нашего внимания, так как изучение иностранного языка в рамках данной дисциплины нацелено на дальнейшее применение изучаемого иностранного языка для реализации коммуникации в профессиональной сфере, а именно в сфере туризма и гостиничного дела [Ключникова, 2020].

В отечественной методике обучения иностранным языкам существует множество подходов к определению иноязычной коммуникативной компетенции и выделению ее составляющих. В целом при осмыслении этого понятия российские ученые апеллируют к овладению языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, умениями и навыками, уровень владения которыми позволяет обучаемому выбирать соответствующее речевое поведение в той или иной ситуации межличностного и межкультурного общения [Попова, 2013]. В соответствии с общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком выделяются общие (general competences) и коммуникативные языковые компетенции (communicative language competences), которые позволяют осуществлять деятельность в определенной сфере с использованием языковых средств в целях решения коммуникативной задачи общения. К коммуникативным языковым компетенциям относятся лингвистическая, социолингвистическая и прагматическая компетенции. Поскольку обучение иностранному языку имеет конечной целью овладение этим языком, формирование иноязычной коммуникативной компетенции соотносится с уровнем владения иностранным языком. Переход от самого низкого уровня элементарного владения (Basic

User) к уровню самостоятельного владения (Independent User) до самого высокого уровня свободного владения (Proficient User) можно определить как процесс совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции (reinforcement or modification of the communicative language competences) [Common ...].

Обучение – процесс двуединый, требующий встречной активности обучающего и обучаемого, в контексте высшего образования – преподавателя и студента. Способ взаимодействия преподавателя и студентов является общедидактическим методом, обеспечивающим усвоение содержания образования. Между методами преподавания и учения существует тесная взаимосвязь и взаимообусловленность, их разграничение условно. Следует отметить, что «частнодидактические (собственно методические) методы обучения, в отличие от общедидактических, достаточно универсальных, отражают специфику конкретной учебной дисциплины и направлены на ситуативное применение материала» [Солонцова, 2015, с. 25]. В целях совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции студентов туристского профиля актуальным становится определение таких методов обучения, которые приближают взаимодействие преподавателя и студентов к взаимодействию в реальных условиях профессиональной коммуникации. Одним из таких методов обучения иностранному языку, на наш взгляд, является экскурсионный метод обучения.

Статус экскурсии как образовательного процесса обоснован отечественной наукой еще в советское время. Экскурсия приобрела осмысление как совместная деятельность учителя-экскурсовода и руководимых им обучающихся в процессе изучения действительности, наблюдаемых в естественных условиях, а цель экскурсии как педагогического процесса заключалась в том, чтобы научить экскурсантов практическим навыкам самостоятельного наблюдения за объектом. Особо важным стал вывод о том, что экскурсия выполняет образовательно-мировоззренческую функцию и коммуникативную функцию, поскольку является особой формой общения, в результате которой формируются конкретные способы мыслительной деятельности. Правильно организованное общение экскурсовода и экскурсантов является основой экскурсии как педагогического процесса [Добрина, 2013].

Экскурсия как метод обучения и форма учебной деятельности согласуется с программой учебного заведения, поэтому место проведения, маршрут, содержание экскурсии, объекты показа и рассказа, подача материала, продолжительность должны быть определены в соответствии с целями и задачами обучения по определенной дисциплине. Таким образом, для студентов туристского профиля целесообразно выбирать экскурсии, которые, с одной стороны, согласуются с дисциплинами профиля: «Экскурсоведение», «Туристское регионоведение России», «Краеведение»,

«Байкаловедение», «Памятники культурно-исторического наследия», «Этнология», и, с другой стороны, способствуют реализации целей и задач обучения иностранному языку студентов с уровнем владения иностранным языком не ниже порогового. Одной из таких экскурсий может стать экскурсия по экологическим тропам Байкальского биосферного заповедника, расположенного в Кабанском районе Республики Бурятия. Наряду с охраной заповедных территорий и их изучением познавательный экологический туризм является важным направлением работы Байкальского заповедника. Основной формой эколого-просветительской работы является проведение научно-познавательных экскурсий, для реализации которых созданы тропы, позволяющие на самом высоком уровне профессионально знакомить гостей с уникальной природой Байкала.

Понятием «тропа» определяется «само полотно и сопутствующие непосредственно полотну тропы ее оборудование, а также сооружения в местах терминалов, обзорных точек, остановок и стоянок» [Калихман, Калихман, 2014, с. 7]. Экскурсионные экологические тропы относятся к категории путей доступа на особо охраняемые природные территории, коими являются зоны организованного туризма: национальные парки, заповедники, заказники. В настоящее время в российском правовом поле используются категории «экологическая туристская тропа», «учебно-туристическая тропа», раскрывающие назначение тропы в целях рекреационной и образовательной деятельности [Сукнев, Рыгзынов, 2018, с. 66]. ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования. Положения» определяет экологическую туристскую тропу как обустроенные и особо охраняемые экотуристские маршруты, создаваемые с целью экологического просвещения населения через установленные по маршруту знаки туристской навигации, например, информационные стенды.

Наиболее популярные маршруты познавательного туризма Байкальского заповедника берут начало от Центральной усадьбы в пос. Танхой и описаны на официальном сайте заповедника (baikalecotourism.ru). Часть из них имеет деревянный настил и доступна практически для всех категорий посетителей, в том числе и для людей с ограниченными возможностями, по ним пролегают следующие маршруты: «Кедровая аллея» длиной 1,75 км; «Верховое болото» – 2,8 км; «Путь к Байкалу» – 3,85 км. Актуальность этих маршрутов в целях совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов туристского профиля обусловлена преимущественно теми природными объектами, которые становятся предметом коммуникации на иностранном языке во время проведения экскурсии.

Экологическая тропа «Кедровая аллея» проходит вдоль посадок молодых кедров и сосен. Основная тема рассказа экскурсии по этой тропе –

«Сибирский кедр (сосна сибирская кедровая) как ценнейшее дерево таежных лесов и их обитатели». Тропа ведет к экспозиции «Таежное зимовье», где построена лесная изба по аналогии с теми, что раньше строили в Сибири промысловые люди. У начала тропы расположена экспозиция «Птичьи столовые», рассказывающая о более десяти видах птиц, обитающих на северном склоне Хамар-Дабана. Кроме того, в начале пути расположен этнографический городок «Природоохранные традиции народов Забайкалья», который представляет традиционные жилища коренного населения: деревянную бурятскую юрту, эвенкийский корьевого чум и усадьбу сибирского охотника. Этнографический комплекс знакомит с культурой, бытом и традициями народов Забайкалья.

По расположенному недалеко от Центральной усадьбы верховому болоту также проложена настильная экологическая тропа, на которую можно перейти после посещения тропы «Кедровая аллея». Экскурсия по верховому болоту проходит в ином ландшафте, вне лесной зоны, там растет клюква и обитают необычные представители флоры – хищные растения из семейств росянковые и пузырчатковые. Вдоль тропы установлены информационные стенды с описаниями произрастающих на болоте растений. Открытое пространство дает возможность увидеть панораму хребта Хамар-Дабан.

«Путь к Байкалу» – продолжение имеющейся сети экотроп. Этот маршрут объединяет туристические объекты Центральной усадьбы и расположенный на берегу озера комплекс «Байкал заповедный». Тропа «Путь к Байкалу» построена Байкальским заповедником как часть Большой Байкальской тропы – проекта по созданию системы туристских троп вокруг оз. Байкал и в Байкальском регионе. Маршрут проходит по живописным ландшафтам охранной зоны заповедника: кедровой аллеи, верховому болоту и хвойному лесу. На тропе расположены информационные стенды, смотровые площадки и места для отдыха [Экологические ...].

Инфраструктура обозначенных выше экологических троп Байкальского заповедника позволяет реализовывать экскурсии-уроки. Экскурсия при этом выступает как интерактивный метод обучения в естественных условиях пребывания и в полной мере реализует принцип научности, идейности, связи теории с жизненными реалиями, доходчивости, убедительности. Экскурсионный метод обучения как способ деятельности экскурсовода/преподавателя для решения конкретной учебной задачи находится в единстве с экскурсионным методом познания, который позволяет экскурсантам/студентам во время экскурсии соединять получаемую информацию с опытом и знаниями, накопленными ранее, посредством логики, чувств, ощущений, интуиции.

Взаимодействие во время экскурсии может быть выстроено в форме иноязычного общения между преподавателем-экскурсоводом и студентами-экскурсантами, либо студенты сами выступают в роли гидов-экскурсоводов для одноклассников и тренируют практические навыки проведения экскурсии на иностранном языке. В первом случае экскурсия считается собственно учебной, поскольку студенты экскурсионным методом познания усваивают новый лексический материал, необходимый для порождения различных типов дискурсов о Байкале, его особо охраняемых природных территориях, флоре и фауне. Во втором случае экскурсия может быть для студентов пробной, в процессе которой они представляют итог своей индивидуальной работы при разработке экскурсионной темы и конструированию экскурсионного дискурса, или показательной – демонстрирующей определенный методический прием.

Важной для совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции особенностью экотроп Байкальского биосферного заповедника является их оснащение стендами, информация на которых представлена на русском и английском языках. Все информационные стенды выполнены в единой концепции презентации текстового и иллюстративного материала. Остановки у информационных стендов соответствуют ключевым этапам развития экскурсии (логическим переходам) и развертывания экскурсионного дискурса, обозначающим ввод новой подтемы рассказа об объектах показа в рамках его общей темы. Чтение англоязычных текстов на информационных стендах, их анализ и сопоставление с русскоязычными текстами способствует развитию навыков адекватного перевода специальных и профессионально-ориентированных текстов.

Таким образом, экскурсия по экологической тропе демонстрирует комплексный подход к реализации целей обучения иностранному языку (коммуникативных, личностно-формирующих, профессионально-ориентированных) и является эффективным способом их достижения.

Литература

- Добринина Н. А. Экскурсоведение. М. : Флинта, 2013. 288 с.
- Калихман А. Д., Калихман Т. П. Экскурсионные экологические тропы у Байкала. Проектирование и строительство троп. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2014. 246 с.
- Ключникова В. Ю. Интеграция технологий в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68–4. С. 56–59.
- Попова Т. П. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов заочного отделения языкового вуза. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2013. 186 с.
- Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика : приказ Минобрнауки России от 12 авг. 2020 № 969. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/4/95> (дата обращения: 20.09.2022).
- Солонцова Л. П. Современная методика обучения иностранным языкам. Алматы : Эверо, 2015. 350 с.

Сукнев А. Я., Рыгзынов Т. Ш. Создание и благоустройство экологических троп как необходимое условие развития организованного экологического туризма на Байкальской природной территории // Сервис в России и за рубежом. 2018. № 4 (82), Т. 12. С. 64–74.

Экологические тропы Байкальского заповедника. URL: <https://baikalecotourism.ru/ecotrails> (дата обращения: 20.09.2022).

Common European Framework of Reference for Languages (CEFR). URL: <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/level-descriptions> (дата обращения: 20.09.2022).

УДК 81-139

Н. А. Рунгш (Чебоксары)

Чувашский педагогический университет им. И. Я. Яковлева

О. В. Сухая (Чебоксары)

Федерация оздоровительного цигун, тайцзицюань и ушу по ЧР

ПСИХОСОМАТИКА В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСТОЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация. Рассматривается использование психосоматического подхода в обучении китайскому языку сквозь парадигму китайского мировоззрения, который представляет собой одно из четырех основных направлений холистического подхода в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: психосоматика в обучении, меридианы, цигун, китайский язык.

N. Rungsh (Cheboksary)

Chuvash Pedagogical University,

O. Suhaya (Cheboksary)

Federation of Health Qigong, Taijiquan and Wushu in the Chuvash Republic

PSYCHOSOMATICS IN TEACHING CHINESE THROUGH THE PRISM OF THE EASTERN PARADIGM

Abstract. The article discusses the use of the psychosomatic approach in teaching Chinese through the paradigm of the Chinese worldview, which is one of the four main directions of the holistic approach in teaching a foreign language.

Keywords: psychosomatics in education, meridians, qigong, the Chinese language.

Прежде чем приступить к изучению китайского языка, необходимо понять, как устроено китайское сознание, необходимо знать основные китайские мировоззренческие подходы. Первое место занимает трактат Желтого императора о внешнем и внутреннем 黄帝内经. Это базовый текст о традиционной китайской медицине. Несмотря на то что в настоящее время в Китае можно встретить огромное количество клиник западного образца, наряду с ними в Поднебесной существуют учреждения традиционной медицины, которые помимо собственно медицинской функции несут исследовательскую и преподавательскую функцию. Первая глава трактата о внутреннем повествует о созвучии человека и неба. Медицина обязательно

описывает устройство течения энергии в теле человека. Древние греки говорили о том, что энергия – это то, что помогает нам мыслить и двигаться. На Западе не принято говорить об энергии, мы заменяем это понятие сильной волей, сильным духом, просто ментальной силой. Для западной культуры энергия – это ресурсная величина. На Востоке вместо ресурсного состояния принято говорить об управлении циркулирующей энергией, выбросах, накоплении энергии, энергетическом потенциале. Китайское понимание человека использует такое понятие, как меридианы или каналы. Меридианы, которые можно разделить на две категории, – это пути, по которым проходит жизненная энергия ци 气, обеспечивая слаженную, гармоничную работу тела, ума и духа.

Греческое слово «сома» означает тело, психосоматика предполагает связь между разумом и телом. В условиях российских реалий с термином «психосоматика» мы знакомы через медицинскую психологию, в которой говорится о том, что на течение и исход соматических заболеваний имеют влияние психологические факторы. Говоря об обучении вообще и обучении иностранному языку в частности, данный термин не употребляется.

подавляющее большинство учителей не воспринимают обучение в контексте связи между разумом, телом и движением. Тем не менее связь между разумом, телом и движением очень важна для эффективности процесса обучения. Мозг и тело работают вместе как машина, предназначенная для эффективного перемещения в пространстве, ходьбы, движения и сохранения равновесия.

Чтобы студент мог активно отвечать на вопросы и осознанно подходить к изучению иностранного языка на уроке, необходима скоординированная работа тела и разума. Основываясь на теории стимула и реакции, тело реагирует на сигналы нашего мозга посредством движения, а наш мозг реагирует на потребности тела посредством мышления [Рунгш, Сидорова, 2021a].

При изучении иностранного языка тело занимает важное место для учителя и для учеников, использование движений телом делает обучение более легким и доступным. Особенно активно тело используется при изучении тоновых языков (например, китайский язык), когда человек буквально помогает себе запомнить тон слова, используя движения как руки, шеи, так и всем корпусом.

Для эффективной ассоциации в запоминании тона обязательные движения рукой и корпусом необходимо комбинировать с ассоциативной ментальной легендой. Это метод, который подробно описан Н. А. Рунгш и Л. А. Сидоровой в трудах, посвященных фасилитации запоминания лексик на китайском языке. В данной статье остановимся для примера на иероглифе второго тона 学习 *учиться*. Для ассоциативного запоминания мы используем слова *расти, вверх, эволюция, наверх, развитие, подъем,*

карабканье, стремление к свету, путь наверх и наряду с этим используем физическое движение руками и корпусом наверх [Рунгш, Сидорова, 2021б]..

学习 – учиться

Xuéxí

Учиться – это *развитие, стремление наверх*, к знаниям, это идея пробираться сквозь тернии к звездам.

Слова третьего тона мы ассоциируем через идею *непостоянства, изменчивости, перемен, неопределенности, капризности, взбалмошности, неравновесия, качелей, разноуровневости*.

鸟 – птица

Niǎo

Птица летает на разных уровнях, имеет *разные* виды движения, да и страну проживания может *менять* в зависимости от времени года.

Анализ визуальной картинки, которая используется на любых платформах, предлагающих уроки китайского языка, показывает, что преподаватели-носители китайского языка в подавляющем количестве сессий (более 80 %) используют движения руками (рис.).

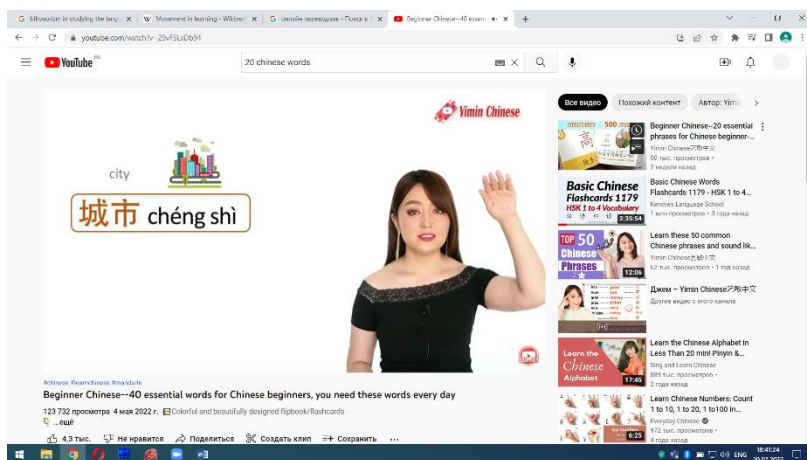

Рис.

Первая попытка интегрировать тело в обучение иностранному (не тоновому) языку была предпринята в общей физической реакции (ОФР), разработанной Ашером в 1960-х гг.

Движение в обучении или обучение на основе движения – это метод обучения, основанный на концепции, согласно которой люди лучше учатся посредством движения. Этот метод обучения может быть применен

к учащимся, которые должны иметь возможность в течение всего занятия перемещаться, чтобы делать «мозговые перерывы», чтобы перенаправить свое внимание, чтобы они могли изучить новый материал. Исследования мозга показывают, что физическая активность перед уроком (например, несколько движений из цигун перед уроком китайского языка) или во время урока повышают способность учащихся обрабатывать и запоминать новый материал.

Говоря о древней китайской традиции, мы встречаемся с вектором природы: во всех действиях необходимо слушать природу. Мы живем в сферическом шарообразном пространстве, сами мы также представляем собой объемную цилиндрическую фигуру жидкостного наполнения.

Процесс обучения, в котором блокируется такая важная жизненная функция, как движение, не является продуктивным. Рабочая обстановка на уроке должна предоставлять возможность двигательной активности как учащемуся, так и учителю. Так, замена традиционной модели составления диалогов с соседом по парте на составление диалогов в парах сменного состава, когда учащиеся меняют не только речевых партнеров, но и свое местоположение в пространстве, оживляет физический вектор. Для обеспечения изменения местоположения студентов в пространстве можно рекомендовать задействовать не только четыре угла классной комнаты, но и коридор или лестничную площадку, которые во время урока не используются другими учителями. Овладение иностранным языком – это практика постоянного говорения (не по очереди, друг за другом). Задействовав на уроке дополнительное пространство, учитель по-новому обращается со временем: происходит «всерное использование времени», например, пока учитель слушает пересказ текста, акцентируя внимание на одном студенте, другие 2–3 пары составляют диалог в коридоре, 1–2 микрогруппы работают с флеш-картами; на уроке сохраняется естественная для человека атмосфера, энергия циркулирует в каждом участнике образовательного процесса и в группе как едином организме, находясь в положении стоя, человек чувствует себя уверенно, не зажато.

Также на уроках китайского языка довольно значительный временной пласт уделяется парной или групповой работе с флеш-картами. При работе с флеш-картами довольно часто используется цветовое кодирование, которое взято за основу словаря-приложения Trainchinese. Цветовое кодирование ориентированно, прежде всего, на визуальный репрезентативный тип личности. Под цветовым кодированием подразумевается закрашивание определенным цветом слов определенного тона. Данный метод, разумеется, менее затратный по времени, чем сочинительство легенд, однако использование его показало меньшую эффективность по сравнению с методом легенд, поэтому он используется как вспомогательный.

Таким образом, использование разнообразных положений тела в пространстве, выход за пределы парты и классной аудитории, постоянное изменение речевых партнеров, движения руками, шеей, корпусом и выполнение упражнений 气功 между сменами речевой деятельности на уроке китайского языка является фасилитатором процесса обучения, сотрудничеством с психикой через соматику.

Литература

Рунгш Н. А., Сидорова Л. А. Использование мнемотехнических приемов для запоминания тона китайских иероглифов // Вестник Карагандинского университета. 2021а. № 1(101). (Казахстан). <https://doi.org/10/31489/2021Ped1/93-98>

Рунгш Н. А., Сидорова Л. А. К вопросу о трудностях запоминания тонов китайских иероглифов // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. г. Минск, 25 марта 2021 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. : Танка ; Минск, 2021б. С. 142–144.

УДК 377.1

Н. Ю. Хлызова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

О. В. Кузнецова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

Российско-китайский центр междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Исследуются научно-образовательные подходы, используемые в Азиатско-Тихоокеанском регионе для формирования критического мышления. Представлен анализ основных классификаций научно-образовательных подходов, рассмотрена их сущность. На основе изученного материала выявлены уровни используемых классификаций.

Ключевые слова: критическое мышление, научно-образовательный подход, АТР, медиаобразование, регион, регионология.

N. Khlyzova (Irkutsk)

Irkutsk State University

O. V. Kuznetsova (Irkutsk)

Irkutsk State University

Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research
of the Sociological Institute of FCTAS RAS

SCIENTIFIC APPROACHES TO DEVELOP CRITICAL THINKING IN ASIA-PACIFIC RIM

Abstract. The article deals with scientific and educational approaches in APR to develop critical thinking. It gives the main classification of the approaches used in APR. It studies the core of each separate approach and singles out the levels of the classifications.

Keywords: critical thinking, scientific and educational approach, APR, media education, region, regionology.

В новых условиях общества, в условиях хаотичного информационного потока, информационных войн и ангажированности медиа возникает необходимость в целенаправленном формировании критического мышления у специалистов-регионологов, чья профессиональная деятельность направлена на осуществление комплексного регионального анализа. Изучение научно-образовательных подходов к формированию критического мышления у регионологов является необходимым и перспективным направлением исследований при преподавании регионологических дисциплин студентам.

Плюрализм относительно понятия критического мышления в науке приводит к отсутствию единогласия в выборе методов, средств, форм и подходов к формированию критического мышления. В научной литературе исследователей АТР фигурируют различные теории, технологии и подходы к формированию искомого феномена.

Роберт Хью Эннис, американский социолог, философ, профессор университета Иллинойса, выделяет три основных подхода для формирования критического мышления: общий подход (General approach), подход интеграции и погружения (Infusion and immersion approach) и смешанный подход (mixed approach) [Ennis, 1992, p. 22]. В рамках общего подхода формирование критического мышления происходит вне образовательных программ, как самостоятельный курс. Подход интеграции и погружения предполагает формирование критического мышления в интеграции с обязательными образовательными предметами, и смешанный подход – это комбинация двух предыдущих, самостоятельный модуль в образовательной программе. Предложенная классификация считается базовой, на основе которой набор подходов оптимизируется, дополняется, расширяется в зависимости от региона, научной отрасли и периода работы. Рассмотрим указанные подходы более детально.

Общий подход

Общий подход часто называется универсальным. Критическое мышление в нем выступает самостоятельной дисциплиной, предусматривающей образовательную программу, план, учебно-методический комплекс. Цель дисциплины сформировать и развить общие умения думать. Обучение критически мыслить понимается как овладение значительной серией дискретных навыков или умственных операций и распоряжений, которые могут быть обобщены в различных контекстах. Эти навыки предусматривают интерпретацию, предположение, анализ и оценку. Формирование критического мышления происходит вне зависимости от других учебных дисциплин. Критическое мышление считается мышлением более высокого порядка и требует осознанного применения абстрактных знаний, эвристики или процедур, усвоенных в одном контексте, к какому-то новому

обстоятельству или ситуации. Если критическое мышление является общим, то его можно эффективно преподавать на специализированных курсах, посвященных критическому мышлению [Woolfolk, 1998, p. 114].

Критическое мышление преподается без конкретного содержания предмета, оно беспредметно, как и, например, обучение иностранным языкам. Данный подход является одним из самых первых и опробованных. Но многие исследователи критикуют общий подход за то, что не считают критическое мышление дисциплиной или предметом, который можно преподавать, и не видят смысла выделять его в отдельную дисциплину. Так, американский психолог профессор университета Вирджинии Дэниел Т. Уиллингем (Daniel T. Willingham) утверждает, что критическому мышлению невозможно обучать, особенно когда оно представлено вне контекста и когда учащиеся не обладают необходимым сведениями о предмете. Предполагается, что студент изучает вопрос с нескольких точек зрения, но недостаток знаний в области анализа этого вопроса не позволяет объективно оценить изучаемый вопрос. Студентам необходимо развить глубокие знания о проблеме, прежде чем они смогут оценивать, задавать вопросы и изучать ее с разных сторон. Другими словами, без основных знаний учащиеся не смогут эффективно реализовать свои критические навыки, независимо от того, используют они родной или иностранный язык. Чем больше знаний и опыта получают студенты в одной академической области, тем лучше они могут эффективно использовать свои навыки критического мышления в этой области, и не всегда могут критически мыслить в других областях [Willingham, 2007, p. 11].

Многие исследования показывают высокую результативность данного подхода. Так, индонезийские ученые Нани Солихати и Аде Хикмат (Nani Solihati, Ade Hikmat) приводят результаты эксперимента, подтверждающие его эффективность. Три группы студентов обучались с использованием определенного подхода: первая группа – общий подход, вторая – подход интеграции и погружения, третья группа – никакого подхода. Результаты показали, общий подход стал самым эффективным. У студентов первой группы уровень критического мышления был выше остальных [Solihati, 2018, p. 2].

Будучи самостоятельной дисциплиной в рамках общего подхода, критическое мышление формируется не только как умение, но и знание. Программа состоит из теоретической части и практической. Теоретическая часть предполагает изучение закономерностей, принципов, теорий критического мышления. Практическая часть нацелена на работу с медиатекстами и формирование навыков мыслить критически. Содержание программ не имеет четких предметных рамок и определяется ее авторами. Некоторые ученые, такие как Эдвард де Боно (Edward De Bono), Танг Хуыен Нгуыен, (Trang Huyen Nguyen), Реувен Фейрштейн (Reuven Feuerstein),

считают это плюсом, некоторые: Дебра Макгрегор (Debra McGregor), Джон Макпек (John E. McPeck), Сара Габай (Sarah Gabai) – минусом.

Подход интеграции и погружения

В рамках данного подхода формирование критического мышления происходит в интеграции с обязательными учебными дисциплинами на разных этапах обучения. В учебные программы обязательных учебных дисциплин внедряется дополнительный компонент, направленный на формирование критического мышления на материале изучаемой дисциплины. Студенты учатся критически оценивать информацию, которую они изучают по конкретному предмету: родной язык, литература, иностранный язык, лингвострановедение, география, история, музыка. Студенты изучают материал определенной дисциплины, анализируют его с разных позиций, оценивают источник информации, определяют степень ее достоверности. Обучение направлено на общие дидактические цели и на формирование критического мышления. Одно способствует другому через интеграцию целей.

Систематизация целей традиционно строится на таксономии Бенджамина Блума (Bloom's taxonomy), которая долгое время рассматривалась как набор категорий целей, стимулирующих мышление более высокого порядка, данная концепция тесно связана с критическим мышлением. Она включает шесть категорий, варьирующихся от «знания» как низшей ступени до «оценки» как высшей ступени. Каждая категория нуждается в навыках из низшей категории. Однако, по мнению Нани Солихати и Аде Хикмата (Nani Solihati and Ade Hikmat), в таксономии Блума не хватает информации о конкретных действиях, связанных с каждой категорией. Так, например, категории «анализ» и «оценка». Здесь трудно различить приоритетность, так как когда анализируется вопрос, его также необходимо оценить, в то время как оценка рассматривается выше, чем анализ [Solihati, 2018, p. 2].

Многие исследователи, в том числе американский ученый в области философии, психологии и психиатрии Даниэл Мосли (Daniel D. Moseley), продвигают идею о замене кумулятивной иерархии между категориями целей набором параллельных таксономических категории [Frameworks ... , 2005, p. 53].

В 1990 г. была создана ассамблея по обновлению таксономии, чтобы сделать ее более актуальной для XXI в. В оригинальную версию было внесено несколько крупных изменений. Категории целей были изменены, терминология, описывающая навыки мышления, была пересмотрена. В новую версию таксономии вошли шесть уровней: запоминание, понимание, применение, анализ, оценка и создание [Anderson, Krathwohl, 2001]. Таким

образом, таксономия Блума оптимизируется под новые условия и необходимость формирования критического мышления в интеграционных программах обучения.

В некоторых исследованиях подход интеграции и погружения делят на два независимых: подход интеграции и подход погружения [Strategies ... , 2014, p. 283]. В интегративном подходе акцент делается на содержание. Формирование критического мышления является ведущей целью предмета. Критическое мышление вливается в содержание конкретной предметной области. Интеграция критического мышления требует глубокого, вдумчивого и хорошо организованного предметного обучения, в котором студентам необходимо мыслить критически по материалу предмета. Кроме того, четко изложены общие принципы и критерии критического мышления.

В подходе погружения содержанию также уделяется большое внимание. Но формирование критического мышления происходит латентно. Формирование критического мышления не является ведущей целью курса. В подходе погружения предметное обучение вызывает мысль, и студенты погружаются в предмет. В отличие от подхода интеграции общие принципы и критерии не определяются. Студенты погружаются в соответствующую область, не обращаясь конкретно к принципам критического мышления. Студенты, обучаемые с помощью подхода погружения, не знают, что их обучают мыслить критически.

Подход интеграции и погружения является популярным в странах АТР. Учеными отмечается его высокая продуктивность и реализация [Solihati, Hikmat, 2018; Zhang, 2003; Willingham, 2007]. В то же время установлены такие сложности, как отсутствие единой программы с интеграцией формирования критического мышления. Исследователи ставят разные цели и задачи, используют разные критерии оценивания, выделяют разный объем учебного времени. Разработанные РПД с элементами медиаобразования не имеют единства. Также не все педагоги компетентны и мотивированы формировать критическое мышление в ходе обучения своему предмету.

Смешанный подход

Смешанный подход – это некий синтез двух предыдущих. В смешанном подходе критическое мышление преподается как независимый модуль в рамках конкретного учебного предмета. Студенты обучаются критическому мышлению на материале конкретного предмета, но существует также отдельное учебное время, посвященное теоретическому изучению общих принципов, закономерностей, теорий критического мышления. Многие исследователи полагают, что это лучший вариант. Компромисс общего подхода, направленного на автономное формирование критического мышления и предметного содержания интеграционного подхода.

Сторонники данного подхода, такие как Питер Абрами (Peter Abrami), Роберт Бернارد (Robert Bernard), Лэй Жан (Lei Zhang), Ли Фан (Li Fang), Гордон Элдридж (Gordon Eldridge), приводят результаты исследований, доказывающие высокую эффективность данного подхода.

Целостный (холистический) подход

Это отдельный курс, направленный на формирование критического мышления. Обычно он длится не менее одного года, в среднем два-три года. Программа курса реализуется как дополнительное обучение или как академическая программа на получение ученой степени. В данном подходе используется начальный срез знаний и умений и итоговый для измерения эффективности пройденного курса в формировании и развитии критического мышления. Курс состоит из теоретической и практической частей. Данный подход показывает самую высокую эффективность по результатам ряда исследований.

Как удалось установить, ни один из предлагаемых подходов не является приоритетным или обязательным в странах АТР. Общий подход критикуется из-за отсутствия конкретного содержания, хотя для некоторых исследователей это плюс, многие приводят доказательства нерациональности подхода. Подход интеграции и погружения не получил должного распространения в силу ряда причин. Во-первых, отсутствует единая программа с интеграцией формирования исследуемого умения. Разработанные РПД с элементами медиаобразования не имеют единства. Во-вторых, не все педагоги компетентны и мотивированы формировать критическое мышление в ходе обучения своему предмету. Все описанные подходы реализуются в АТР, но ни один не имеет статус обязательного.

Американский исследователь Карла Сейгер (Karla J. Saeger) в диссертационной работе *The Development of Critical Thinking Skills in Undergraduate Students* выделяет следующую классификацию научно-образовательных подходов к формированию критического мышления: философский подход (Philosophy Approach), когнитивно-психологический (Cognitive Psychological Approach), педагогический подход (Pedagogical Approach) [Saeger, 2014]. Рассмотрим предлагаемые подходы подробнее.

Философский подход

Философия как академическая дисциплина направлена на открытие истины. По мнению Карлы Сейгер, тексты различных философов, таких как Сократ, Платон, Аристотель, представляют философский подход к критическому мышлению. Сократ предлагал формировать процесс мышления в новом направлении, которое состояло в методичных вопросах и анализе универсальных тем. Платон изменил концепцию философии, установив явную ассоциацию между знанием (эпистемой) и взрослой жизнью, между верой (докса) и детством. Аристотель разработал правила формальной логики, чтобы лучше идентифицировать рамки для размышления об

универсальных концепциях, и продвинул философию хорошего мышления [Saeger, 2014].

Сторонники этого подхода, например канадские исследователи Мари-Франц Даниэль и Эммануэль Орик (Marie-France Daniel, Emmanuelle Auric), полагают, что в целях философии как учебной дисциплины априори заложена цель по формированию критического мышления, поиск истины, оценка фактов, подтверждение или их опровержение – все, что традиционно направлено на достижение целей этой дисциплины, ведет к формированию критического мышления [Daniel, Auric, 2011]. Если человеку необходимо повысить свой уровень критического мышления, ему можно начать учить философию. Поэтому во многих образовательных направлениях как в бакалавриате, так и магистратуре философия читается как общеобразовательный предмет.

Когнитивно-психологический подход

Когнитивно-психологический подход разработан в рамках прикладной когнитивной психологии и берет свою историю с конца 1980-х гг. Когнитивно-психологический подход отличается от философского, фокусируясь на том, как люди на самом деле думают, а не как они должны думать в идеале. Роберт Стернберг (Robert Sternberg), лидер американской когнитивной психологии, пишет, что критическое мышление – это психический процесс, стратегии и представления, которые человек использует для решения задачи или ситуации, принятия конкретного решения, изучения новых концепций [Sternberg, 2009, р. 3].

Жан Пиаже (Jean Piaget) был первым психологом, который провел систематическое исследование когнитивного развития, и фактически все когнитивно-структурные теории базируются на нем. По мнению Роберта Стернберга, в некоторых отношениях теория Пиаже является неполной, а в некоторых моментах неверна [Там же, р. 41]. Но эта теория остается наиболее авторитарной на сегодняшний день.

Неопиажеский подход базируется на сильных сторонах теории Пиаже и направлен на доработку слабых. Так, человек развивается через несколько стадий когнитивного развития, и теория не объясняет переход от одной к другой. Сторонники неопиажеского подхода объясняют этот процесс индивидуальной способностью человека обрабатывать информацию как причину перехода от одного этапа к другому. Мышление человека уровневое, подразделяется на два уровня. Первый уровень (базовый): отвечает за объем информации, который человек способен обработать, память и ее объем. Второй уровень: мысленное содержание, концепции, картина мира, мыслительные образы и операции [Sternberg, 2009, р. 61].

В отличие от теории Пиаже и неопиажеского подхода, теория Л. В. Выготского (1978 г.) гласит, что «когнитивное развитие происходило по мере усвоения ребенком информации из его окружающей среды» [Там

же]. Теория Л. В. Выготского не выделяет этапов, но описывает усвоение как непрерывный процесс, в котором развитие может происходить в разном темпе и в разных сферах деятельности. Наиболее заметное различие между теориями Пиаже и Выготского – вектор развития. Теория Пиаже описывает направление развития от внутреннего к внешнему, а теория Выготского имеет противоположную позицию: от внешнего к внутреннему. Сторонники когнитивно-психологического подхода убеждены, чтобы формировать критическое мышление личности, необходимо знать, как мышление работает, на каких принципах строится, и только эти знания способствуют формированию необходимых навыков и умений. Джон Дьюи, оппонируя такому заключению, пишет, что в процессе формирования критического мышления ключевым фактором развития навыков критического мышления является образовательная система [Dewey, 1916], он активно продвигает педагогический подход, сторонником которого являлся.

Педагогический подход

В начале XX столетия Джон Дьюи ввел понятие «критическое мышление» в образование, считая его необходимым навыком для всех американских граждан. Исследователь особо подчеркивал роль и ответственность системы образования за формирование критического мышления учащихся, за возможность и их готовность работать в постоянно меняющемся мире [Там же].

Д. Дьюи предложил пятиэтапную нелинейную модель формирования критического мышления, отмечая, что эти этапы являются незаменимыми чертами рефлексивного мышления, последовательность их не фиксирована [Saeger, 2014, p. 31]:

1. Предположения, в которых разум переходит к возможному решению.
2. Интеллектуализация трудностей или недоумений, которые ощущаются при решении вопроса или проблемы, на которую должно быть найдено решение.
3. Применение ряда предположений, выбор ведущей идеи, составление гипотезы, прогноз ситуации, чтобы начать наблюдать и осуществлять другие операции по поиску фактов.
4. Умственная разработка стратегии в форме рассуждения как части, а не целого вывода.
5. Проверка выдвинутых предположений открытым или творческим действием.

В целом превалирующая часть исследований проведена в рамках педагогического подхода. Так, ученые Патрик Терензини (Patrick T. Terenzini), Леонард Спрингер (Leonard Springer), Эрнест Парселла (Ernest T. Pascarella), Амори Нора (Amaury Nora) провели исследование относительно воздействия на изменение уровня критического мышления студентов кол-

леджа в трех направлениях: учебная программа, аудиторное занятие, внеурочная деятельность. Отмечается, что результаты данного исследования позволили сделать вывод, что методика обучения не влияет на формирование критического мышления. Только целенаправленные и систематические действия, проходящие на аудиторных занятиях и в досуговой деятельности в соответствии с учебной программой, регулирующей их, приводят к эффективному и стойкому результату.

Педагогический подход реализован в медиаобразовании, новом разделе педагогической науки, созданном в новых условиях информационного общества и направленном на формирование необходимых качеств личности, в том числе формирование критического мышления.

Итак, рассмотренные подходы в соответствии с их характеристиками можно классифицировать следующим образом: 1) первый уровень – подходы научных отраслей: философский, когнитивно-психологический, педагогический; 2) второй уровень – по способу и форме организации формирования критического мышления: общий, подход интеграции и погружения, смешанный. Первый уровень видится шире второго, может в себя включать разновидности подходов второго уровня (табл.).

Таблица

Уровни научно-образовательных подходов к формированию критического мышления, реализуемые в АТР

Первый уровень		
Философский	Когнитивно-психологический	Педагогический
Второй уровень		
Общий	Интеграции и погружения	Смешанный

Данный анализ показал, что в рассмотренных исследованиях обнаружен ряд сложностей, связанных с валидностью результатов:

1. Слишком короткий период времени между входным и выходным срезами. Мышление в целом и критическое мышление в частности представляются сложным когнитивным механизмом, на формирование которого требуется время индивидуально для каждого человека. Необходимые результаты могут проявиться позже проводимых диагностических измерений.

2. Относительно небольшая выборка студентов, принимающих участие в апробации, с разным уровнем мышления, кругозора, эрудиции.

3. Достаточно широкий измерительный спектр.

4. Отсутствие единой шкалы оценивания уровня формирования критического мышления.

Поэтому не представляется возможным сделать вывод или создать рейтинг эффективности научно-образовательных подходов формирования критического мышления в АТР. Выбор подхода зависит от совокупности следующих факторов:

- 1) цель формирования критического мышления;
- 2) педагогические условия;
- 3) временной период;
- 4) учебный контингент.

В целом можно сделать вывод, что нет единого универсального подхода. Каждый отдельный подход характеризуется сильными и слабыми сторонами. Ни один из предлагаемых подходов не является приоритетным. Все описанные подходы реализуются в АТР, но ни один не имеет статус обязательного. Выбор научно-образовательного подхода зависит от цели и контингента программы.

Литература

Anderson L. W., Krathwohl D. R. Taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's taxonomy of educational objectives. NY. : Addison Wesley Longman, 2001. 333 p.

Daniel M., Auriac E. Philosophy, critical thinking and philosophy for children // Educational Philosophy and Theory. 2011. N 43. P. 415–435.

Dewey J. Democracy and education: An introduction to the philosophy of education. NY. : Macmillan, 1916. URL: <http://www.ilt.columbia.edu/publications/dewey.html> (дата обращения: 22.10.2021).

Ennis R. H. The degree to which critical thinking is subject specific: Clarification and needed research / R. H. Ennis. In S. P. Norris (Ed.), The generalizability of critical thinking: Multiple perspectives on an educational ideal. NY. : Teachers College Press, 1992. P. 21–37.

Frameworks for thinking: A handbook for teaching and learning / D. Moseley, V. Baumfield, J. Elliot, M. Gregson, S. Higgins, J. Miller, D. Newton. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. 32 p.

Saeger R. J. The Development of Critical Thinking Skills in Undergraduate Students. St. Cloud : State University. 2014, 12. P. 118–126.

Solihati N., Hikmat A. Critical Thinking Tasks Manifested in Indonesian Language Textbooks for Senior Secondary Students // SAGE. 2018. P. 1–8.

Sternberg R. J. Educational psychology / R. J. Sternberg, W. M. Williams / (2nd ed.). Upper Saddle River. NY. : Pearson/Merrill, 2009. 611 p.

Strategies for teaching students to think critically: A Meta-Analysis / P. C. Abrami, R. M. Bernard, E. W. Borokhovski, C. A. Wade, P. Tonje // Review of Educational Research. 2014. 85(2). P. 275–314.

Willingham D. T. Critical thinking: Why is it so hard to teach? // American Educator. 2007. URL: http://www.aft.org/sites/default/files/periodicals/Crit_Thinking.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

Woolfolk A. E. Educational psychology. Boston, MA : Allyn & Bacon, 1998. 246 p.

Zhang L. F. Contributions of thinking styles to critical thinking dispositions // Journal of Psychology. 2003, 137 (6). P. 517–543.

让俄语更有“温度”

摘要: 任何一门语言都是人类沟通交流的表达方式, 通过交流传达彼此对某些事情和问题的看法及讨论。很多教师会觉得初高中开设了外语, 其主攻方向是笔试, 是中考、高考, 可大家都忘了我们传授的学科是语言, 语言最基本的功能是用来交流传达思想的。是用言语来沟通的。本人从怎样提升高中学生俄语口语水平着手, 分析并给提出一些可行性的建议, 它可以充分调动高中学生俄语口语学习的兴趣, 为广大俄语学习者提供一些实践性较强的教学方法和学习模式。争取让大部分学生开口说俄语、愿意说俄语、喜欢说俄语。

关键词: 高中俄语, 俄语口语, 口语提升。

Wan Peng (Qingdao)
Qingdao Binhai University

HOW TO MAKE RUSSIAN MORE ATTRACTIVE FOR STUDYING

Abstract. Any language is an expression of human communication, conveying each other's views and discussions on certain things and issues through communication. Many teachers think that foreign languages are set up in junior and senior high schools, and their main focus is written examinations, high school entrance examinations, and college entrance examinations. But everyone forgets that the subject we teach is language, and the most basic function of language is to communicate and convey ideas. It is communicated with words. I start with how to improve the oral Russian level of junior and senior high school students, analyze and give some feasible suggestions, which can fully arouse the interest of junior high school students in oral Russian learning, and provide some practical teaching methods and teaching methods for the majority of Russian learners. learning mode. Strive for most students to speak Russian, be willing to speak Russian, and like to speak Russian.

Keywords: Russian language an the senior level of secondary school, spoken Russian, increasing the level of spoken language.

Ван Пэн (Циндао)
Циндаоский приморский университет

КАК СДЕЛАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК БОЛЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Утверждается, что любой язык является способом общения между людьми, посредством коммуникации происходит обмен мнениями. Установлено, что довольно значительное число преподавателей иностранного языка в средней школе считают главной задачей проведение письменного экзамена, что представляет собой важную проблему, поскольку язык преподается в первую очередь как важнейший инструмент общения и обмена идеями. Анализируются стратегии повышения уровня русского языка учеников средней школы старшей ступени, вносятся конструктивные предложения, которые помогут вызвать интерес к разговорному русскому языку у учащихся, поставлена проблема поиска наиболее эффективных практико-ориентированных методов обучения.

Ключевые слова: русский язык на старшей ступени средней школы, разговорный русский язык, повышение уровня разговорного языка.

语言是民族的重要特征之一。一般来说, 每个民族都有自己的语言, 汉语, 俄语, 德语、西班牙语, 意大利语等, 人们也会借助语言保存和传递人类文明的成果。言语的交流对政治、经济和社会、科技乃至文化本身产生重要影响。尤其随着“一带一路”战略的不断推进, 当下中国同“俄语”国家的交流日益增长, 对俄语人知识水平的要求也愈发严格, 外语学习的目的是该语言听、说、读、写样样精通, 口语的表达无论对初高

中学生还是大学生都是非常必要的。讲一口流利的外语也是社会经济发展的趋势。很多地区初高中便开设了俄语作为外语科目培养交际人才，在高考、中考的重压之下几乎很多教师忽略了学生口语能力的培养、甚至连最基本的纠音纠调工作都做不到，这严重影响了俄语学生启蒙时期语音面貌情况，继而影响了整个俄语学习音调的走向。那么高中俄语教师该如何引导俄语学生正确的发音？高中的俄语学生自身又可以做那些有意义的事情来提高语音面貌呢？接下来本人就从教师角度和学生角度分别剖析可行性较高的教学和学习方法，希望和俄语同仁们一起探讨。

一、教师角度的引导

首先，作为外语类教师，语音语貌方面应尽可能的标准，俄语教师对学生学习外语有很大影响，每天上课学生听的都是俄语教师的发音，句子、课文的讲解也通过教师来多次解读，如果俄语教师的语音语貌有问题，接下来的很大几率都会影响学生的发音！有人说，“我是高中俄语教师，您还让我张什么嘴呢？”试问，高中俄语教师不认识单词？在大学的时候没张嘴读俄语？学的是 哑巴式外语？高中俄语教师对学生来说有一定的启蒙作用，教师的语音语貌对学生来讲至关重要，如果教师的语音想提高可以每天抽出 30 分钟读课文、新闻等均可，听一听国外新闻的发音、调型，多模仿多纠正，尽可能的在课堂上多说俄语，对话、课文读出来要有语音语调在其中，给学生示范、引领的作用。讲俄语的速度根据学生接受理解程度适当增添自己的言语，复杂的句子多重复几遍，多磨一磨耳朵。合理高效的利用好课堂的 40 分钟，多用俄语提问，多和学生互动，对回答正确的、敢于开口说俄语的学生要积极给予鼓励，激发学生说俄语的兴趣，兴趣是教学的生命，是教学的源泉。周末可以选择一段相对简单的材料发给学生，让他们以语音的形式反馈给教师，不定期抓几个不愿意张嘴说俄语的学生，主要目的是为了让他们开口说。

口语角的开设（以龙江中学为例），俄语老师可以定期开设口语角，口语角很大的作用是让学生对俄语口语感兴趣，愿意听说俄语，教师可以组织学生配音、唱歌，给学生观看有意思有学习性的俄罗斯影视剧，截取其中的片段组织大家联系配音，可以配原词，也可以根据学生脑洞的程度配设计他们感兴趣的内容进行配音。学习他们感兴趣的歌曲也是提高口语的一种方式，如摇滚版的俄罗斯国歌，还有许多现代版俄罗斯音乐，开口说俄语、唱俄语的同时练习了听力，也加深新单词、旧单词的消化吸收。

二、学生自身口语的加强

任何一门语言的听说读写都同样的重要，作为一名初高中生，首先应该读准每一个字母，达到字母拼读很流利，平翘舌 *с, ш* 要分，*н, л* 也要

区分开来，撅嘴音 ч, ш, ж 等要尽可能的发音标准，形成惯性意识，就是一看到撅嘴音应立刻注意发音要领，颤音的练习也是必不可少的，毕竟有一些人学习俄语对大舌音很感兴趣，可以练一练，读准音节进一步把每个单词读好，想要说好俄语要经常的读，其次要经常听磁带，上网看一些俄语类的视频如，俄语的动画片“Маша и Медведь”、电影、俄剧，选择你感兴趣的材料内容跟着读，发音者最好是俄语为母语的人，多模仿母语者的语音语调，朗读俄语的时候要发出声读，不要默读，通常每天早晨是最好的晨读时间，如果学生有自己的个人习惯也可选择固定的时间去练习自己的口语。多重复你听到的语句，可以从短句开始，逐渐提高句子的长度，复述不仅可以提高口语表达能力，对听力的提升也有很大借鉴意义。在听的时候，也要不断、大量地复述，尽量做到无错误复述。只要天天坚持 10 分钟、20 分钟，过了一段时间学生的口语水平会提升到另外的一个层次。

我们国人很多时候比较内敛害羞，这对口语的提高有一定的阻碍，很多外语老师都说想学好外语，说好外语就要有“不要脸”的精神，别担心自己发音不好、出现语法错误，口语就是要在交流中纠正自己的发音，改正自己的错误，不断的纠语音语调、改正自己的语法错误。而学生之间聊天可以说俄语，多交流，相同的时间可以学习到多个人的方法，找到最适合自己，效率相对较高的那一种培养成自己的习惯。“万事开头难”，只要自己真真正正地下了功夫去学习俄语、锻炼自己的口语就不怕学不会，最重要的是学生可以主动学习。不要在乎他人的看法和自己的错误，只有大胆的去说俄语，从口语交流中找到问题，不断纠正，你自身的口语水平才能提高，自信真的很重要。

三、合理利用多媒体

多媒体的利用是个好机会，它可以帮助教师高效、有趣味的组织学生学学习，提高俄语学习兴趣，B 站、百度文库等一些互联网平台俄语相关的内容可以让学生投入其中，课件内容更加丰富，更具吸引力，不仅有图片做联想，更有视频直观视听，练习听力的同时多次重复母语者的话语和语调，多下功夫去模仿。多找一些调型明显、内容有趣的材料让学生多听多练。而人机对话大大锻炼了学生口语随机应变的能力，练习听力的同时又提高了反应速度。

学生也可以积极利用互联网，互联网的飞速发展已经不是一个新奇的事情，在一些互联网平台找个俄罗斯的小伙伴交流很关键，他不仅可以让你被迫式开口说俄语，还可以纠正你的读音，带你了解俄罗斯习惯日常用语、积累口语句式、熟知俄罗斯风情，前提你要有一定的基础，这样交流起来才会有话可说。如果你是初学者并有自己的俄罗斯朋友可以交

流,那真的太棒了,这是个难得的机会,如果目前你的单词量还屈指可数,那定要学好入门知识,积累一定的单词,找到一个俄罗斯朋友练习口语并不是难事。

总结:

高中学生俄语口语的提升是一项很有趣的工作,当然也很艰巨,这其中既要求俄语教师发挥自己语音语调的引导作用,提高学生口语的前提是加强教师的口语表达,又要求最大限度、利用一切合理手段让学生开口说俄语、敢说俄语、想说俄语、喜欢说俄语。多鼓励学生,找准突破口并因材施教,逐步提高学生口语能力。外在因素的积极推动下学生自身主观因素也要大大巩固加强,克服自己的心理障碍,多听、多读、多模仿,牢牢抓住课堂的40分钟,紧跟老师的步伐,课上积极用俄语回答问题,练习口语,多和老师交流,与同学之间结对子练习口语,互学方法。流利的外语有助于增强学生的自信心,体验到另一种语言表达的成就感,为后续参加口语实践活动打下夯实基础。

参考文献

王胜男,张静.影响俄语本科生口语水平的因素[J].北方文学.2018.

张建英.试论提高学生俄语口语交际水平的途径[J].

内蒙古统计.2008(05):55.

李丽.浅谈小学生俄语口语交际能力的培养[J].中学俄语.2009.

凌晨,塔季扬娜,吴赛娟.赴俄留学培训基地俄语口语教学模式新探索[J].西伯利亚研究.2016.

UDK 811.5

张广龙(青岛)

青岛滨海学院 国际合作学院

文化自觉视阈下汉语国际教育大学生文化自信养成路径的实践

摘要:加强青年大学生文化自信教育,对实现中华民族伟大复兴具有重大意义。青岛滨海学院汉语国际教育专业十年来的实践已经取得丰硕文化育人成果,专业开设了系列文化实训课程,并积极举行了六届汉语国际教育专业汇报演出。新时代的文化教育应该具有新的内容新的价值,培育具有学校特色的文化育人新体系,研究其实践路径富有积极意义。

关键词:文化自觉;文化自信;养成路径。

Zhang Guanlong (Qingdao)

Qingdao Binhai University,

The International Institute of Cooperation

FROM PRACTICAL EXPERIENCE OF DEVELOPING IN STUDENTS WITH SPECIALIZATION “CHINESE AND INTERNATIONAL EDUCATION” CONFIDENCE IN OUR CULTURE

Abstract. The enhancement of young students' confidence in our culture and education makes a big difference in the resurgence of the Chinese nation. A decade practice of the Qingdao Binhai Institute on specialization “Chinese and international education” succeeded in terms of youth's culture and upbringing. In addition to that,

there have been several practical courses opened, and the sixth scheduled performance on specialization “Chinese and international education” has been actively carried out. Modern culture and education must include new content and meaning, develop a new system in the field of culture and the youth with the consideration of particular university’s features, and to examine their experience what is practically valuable.

Keywords: cultural identity, confidence in our culture, way of development.

Чжан Гуанлун (Циндао)

Циндаоский приморский университет,
Международный институт сотрудничества

ИЗ ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» УВЕРЕННОСТИ В СВОЕЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Выдвигается гипотеза о том, что укрепление в студентах уверенности в своей культуре имеет важное значение для осуществления стратегии возрождения китайской нации. Описаны и проанализированы положительные результаты десятилетней практики воспитания молодежи в Циндаоском приморском университете в рамках специальности «Китайский язык и международное образование», за это время открыто несколько практико-ориентированных учебных курсов, проведены шестые отчетные мероприятия. Отмечается, что необходимо внедрять новые системные подходы в сфере культуры и образования с учетом особенностей конкретного учебного заведения, исследовать их опыт и достижения.

Ключевые слова: культурное самосознание, уверенность в своей культуре, путь развития.

1997年，费孝通先生第一次提出“文化自觉”的概念，费老指出“文化自觉是指生活在一定文化历史圈子的人对其文化有自知之明，并对其发展历程和未来有充分的认识。”，文化自觉的终极目标就是要实现对文化的“各美其美，美人之美，美美与共，天下大同”。¹

一、大学生文化自信的内涵及时代价值

新时期加强大学生文化自信相关教育，对于贯彻党和国家的政策，落实立德树人的要求，促进青年大学生全面发展，实现中华民族的中国梦都有重要意义。

1. 文化自信的内涵

刘林涛（2016）指出“文化自信是文化主体对身处其中的作为客体的文化，形成对自身文化价值和文化生命力的确信和肯定的稳定性心理特征。具体表现为文化主体对自身文化生命力的充分肯定，对自身文化价值的坚定信念和情感依托，以及在与外来文化的比较与选择中保持对本民族文化的高度认可与信赖”²，此概括最为恰当。

2. 时代价值

（1）汉语国际教育专业文化实践能够从实践角度更好构筑中国文化精神、中国价值，为当代青年大学生提供精神保障和道路指引，深刻展现了习近平总书记关于文化思想的实践指向。习近平主席在十九大报告中

¹参见费孝通《论人类学与文化自觉》，华夏出版社，2004.07

²参见刘林涛《文化自信的概念、本质特征及其当代价值》，思想教育研究，2016.04

指出,“文化是一个国家、一个民族的灵魂,文化兴国运兴,文化强民族强。没有高度的文化自信,没有文化的繁荣兴盛,就没有中华民族伟大复兴。要以培养担当民族复兴大任的时代新人才为着眼点,强化教育引导,实践养成、制度保障,发挥社会主义核心价值观对国民教育、精神文明创建、精神文化产品创作生产传播的引领作用,把社会主义核心价值观融入社会发展各方面,转化为人们的情感认同和行为习惯”¹。传统文化教育和中华民族伟大复兴互为因果,都被提到了国家战略的高度,各级各类学校,在构建传统文化教育体系工程中都责无旁贷,只有系统的学校文化课程体系,才有可能为学生铺设认知自己文化的科学通道。

(2)在文化自觉视阈下,着力研究通过“触摸式”文化传承模式的课程设计、文化理论课程的设置和改革,实现对传统文化的认知、理解和热爱,全方位实现学生的文化自觉,最终促进高校汉语国际专业教育教学的全面改革,本研究是在提高文化自觉和文化自信实际操作方法层面做出积极探索,是对文化自觉和文化自信提升策略的有益补充。

(3)提出的“触摸式”文化传承模式和以往的文化传承模式相比,更加具有亲和力,更生动和也更适合年轻人的特点,让学生有机会以全程参与课程的方式接触高雅文化,让平时高高在上的文化形式以平民化的姿态和学生建立联系,并通过文化表演等形式展示这些文化形式的美,慢慢建立自信,从而激发他们热爱传统文化,并以更高的热情投入传统文化学习和传承、传播活动中。

二、汉语国际教育大学生文化自信建设的途径

2010年至今汉语国际教育专业一直致力于文化传承方式的研究,已经过去十多年了,相关负责老师借助课题研究和文化课程教学改革实践,提出了“以我为主,以爱为先”的文化传承理念和“触摸式”文化传承模式,通过实践,发现学生对传统文化的认知热情和认知水平得到提高,学生对传统文化的热爱和文化自豪感得到大幅度提升,这些工作的扎实开展为实现文化自觉和文化自信做出了有益的探索。

1.确立“以我为主,以爱为先”的文化建设理念。

我们提出了自觉的文化建设理念和文化传承理念,其中“以我为主,以爱为先”中的我指优秀的传统文化元素,爱着重强调了对优秀传统文化元素的热爱,此理念针对中国传统文化传承式微局面提出,强调在文化

¹参见习近平《习近平在中国共产党的第十九次全国代表大会上的报告》,人民网,2017.10

传承过程中，要把中国传统文化的认知和传承放在首要位置，要把践行学生对中国优秀传统文化的热爱做为首要任务来抓。对传统文化的深度认知、理解和热爱，是建立文化自觉的前提和基础。没有文化自觉，对母文化的态度就有可能是文化自卑自大，抑或是陷入对西方文化的盲从，而绝不可能是文化自信。践行青年大学生对传统文化认知、理解和热爱的过程，就如同让一棵树依靠传统文化的营养长得结实，才有可能在世界风云变幻中保持文化自我认同和文化自信。

2. “触摸式”文化传承模式的确立和实践

我们提出的“触摸式”文化传承模式，是要求汉语国际教育学生在文化理论课程（中国文化概论、西方文化概论等）学习的基础上，要求他们亲身参与一些典型的中华优秀传统文化元素符号的学习，比如学写中国书法、练习国画、学唱京剧、学做茶艺、学习中医文化等等，通过“触摸”文化学习形式，让学生建立对中国传统文化符号的感性认识，这种“触摸式”文化传承模式和以往的文化传承模式相比，更加具有亲和力，更生动和也更适合年轻人的特点。学生通过亲身参与到茶艺、京剧、书法等课程的学习，通过和这些课程的亲密接触，他们有机会以全程参与课程的方式接触到中国传统的古代高雅文化，让平时高高在上的文化形式以平民化的姿态和学生建立联系。很多学生在习得这些文化的过程中，会深深喜欢上这些文化的一种或几种，并通过文化表演、专业汇报演出等形式展示这些中华优秀传统文化的大美，慢慢建立各自的自信，从而激发他们对中国文化的热爱，并以更高的热情投入传统文化学习和传承以及文化传播活动中。一个人只有认识到了母文化的美好，才有可能成为文化传播的使者。触摸式文化传承对前期打开学生传统文化学习感知通道有着非常重要的作用，是行之有效的文化传承方式之一，为“触摸认知—鉴别—组合使用—热爱—传承”文化认知连续统的建立，起到积极的作用。

3.在现代国内国际语境下，文化自觉要尤其注重校园文化课堂教学体系的建立。

通过调查问卷得知，非文化类专业的学生百分之九十以上文化知识的获取渠道都是网络或者一些文体活动，这说明的学生，身处信息透明化和信息碎片化网络社会，他们错以为自己对全世界都已经了如指掌，但事实是他的对世界的了解依靠的是类似百度这样的信息软件，大脑里缺乏对自己文化和异文化的认知和了解，自我学习的主动性差。在此种前提下，各个层次的学校建立传统文化习得传承的课程体系就显得十分必要。

“触摸式”文化实训课程的开设,为学生认知、触摸传统文化打开了一个通道,要想让他们认知、理解中国文化的来龙去脉,必须依赖文化理论系列课程的学习。这部分要解决的关键问题是文化理论课程群的建设、师资队伍的建设、文化理论课程考核方式改革问题。

4.中外文化比较课程的设置

和中国文化相比照,西方文化形成的地理、经济、政治基础、对外交流对文化形成的影响、哲学、宗教、西方文化的主体精神以及和中国文化的区别,通过这些课程的学习,建立学生对文化的理性认识,实现文化自觉,为实现文化自信提供可能。

三、汉语国际教育专业文化自信十年建设的实践

为弘扬和推广中华民族的优秀灿烂文化,让当代大学生更深入了解、学习传统文化,青岛滨海学院汉语国际教育专业积极进行课程改革,将传统文化引进课堂,为继承和发扬传统文化做了有益的探索。

1.文化实训课程十年实践

2010年,对外汉语专业是滨海学院新上专业,为推进专业建设,以王淑华(已离开滨海学院)为负责核心的教师团队建立了“要推广自己的文化,必须要热爱自己的文化,要热爱自己的文化,必须先了解自己的文化”的教学理念,积极进行教学改革,并于本学期开学以来开设京剧作为本学期的专业实训课。学校邀请国家二级琴师、京胡表演艺术家邓东升等14名老师来校授课。经过一个学期的紧张学习,同学们了解了京剧的源流、演变等理论知识,学习了手、眼、身、法、步等基本功,练习京剧唱腔,积累了一定的京剧唱功。

(1)茶艺展示.茶文化是我国的优秀传统文化之一,中国有悠久的茶文化,我们引茶艺课程进校园,并且在学校的支持下建立起茶道综合实训室,本学期已投入使用。每次课上,茶艺表演的同学动作专业到位,学习的同学认真仔细,同学们沉醉在这浓郁的氛围中,尽情享受茶艺带来的心灵的澄澈与安宁。本门课程的考核方式是学生现场展示茶艺,教师酌情给分。

(2)京剧.京剧是我国的三大国粹之一,我们引京剧进课堂,老师们行当齐全,文武场完备,戏曲老师们展示和讲授都很认真到位,学生们学习也很认真,每个班的京剧课结束都要进行展演,学生们招一式有板有眼,令人动容,更重要的是,师生之间的教学相长,令他们各得所需。下图是山东工人报报道:

2010年10月27日, 该专业传统文化进课堂之京剧结业汇报演出在学校琴房举行。结业演出上, 同学们表演了《智取威虎上》(两段)《红灯记》《说唱脸谱》等曲目。同学们声情并茂, 表演细腻, 笔直的丁字步, 丰富的手势和表情, 一字字, 一句句真情到位的演唱, 赢得了老师们的阵阵掌声。

(3) 中医。中医也是我国的三大国粹之一, 我们请名医进课堂, 给学生们教授传统中医理论和展示针灸点穴等手法, 老师讲解深入浅出, 学生们受益匪浅, 本门课程采用书面考试, 考核学生对中医知识的掌握和记忆, 达到了预期的学习目的。

(4) 太极功夫。行如风, 坐如钟, 以柔克刚, 充满进退结合的辩证武学精髓。学生们可以在太极剑和太极拳两个科目中选择自己最感兴趣的来学, 学习结束要考核, 考核方式也是学生现场展示, 老师根据具体效果给定个分数。

(5) 书法、剪纸。书法和剪纸, 我们有幸请到了开发区顶尖的德艺双馨的书法家和剪纸艺术家来学校授课, 这两门课, 低年级的学生特别感兴趣, 课程的开设不但促使他们了解中国传统文化, 更增加了他们个人修养与爱好, 一举两得。这两门课程的考核方式是学生上交自己最满意的作品, 教师根据作品质量给分。

下图是财经日报报道

此外, 我们还通过专业汇报演出和为演出制作历朝历代服装等方式, 来加强学生的专业文化认同感, 从而达到学生了解自己的文化并热爱它最终乐于传播它的目的。

2.专业汇报演出

专业汇报演出是汉语国际教育专业的特色实践课程,旨在通过此活动,弘扬中国传统文化,展现汉语国际教育专业的风采,加强专业不同年级间的交流,增强学生的专业自信。演出围绕中国传统文化的传承与传播展开,茶艺、相声、京剧、古典舞、留学生课堂情景剧等节目展示了传统文化精粹以及专业使命:(古诗与音乐戏腔相结合,汉服与古代礼仪相映衬)等等,无不极具美感。第一届汇报演出和第六届专业汇报演出开场截图如下图所示:

专业汇报演出不仅加深了学生对中国传统文化的理解,而且加强了不同年级学生间的沟通,展现了专业风采,增强了学生的专业自信和文化自信。在未来的日子里,汉教人会牢记初心,坚持以言传德,弘扬传统文化,促进文化交流,使汉语之花绽放在世界的每个角落。

四、余论

汉语国际教育专业要求学生亲身参与一些典型文化元素符号的学习，比如学写书法和国画、学唱京剧、学做茶艺、学习中医文化等等，通过“触摸”文化学习形式，让学生建立对中国传统文化符号的感性认识，这种“触摸式”文化传承模式和以往的文化传承模式相比，更加具有亲和力，更生动和也更适合年轻人的特点。学生通过亲身参与茶艺、京剧、书法等课程的学习，通过和这些课程的亲密接触，有机会以全程参与课程的方式接触高雅文化，让平时高高在上的文化形式以平民化的姿态和学生建立联系。很多学生在习得这些文化的过程中，会深深喜欢上这些文化的一种或几种，并通过文化表演等形式展示这些文化形式的美，慢慢建立各自的自信，从而激发他们热爱传统文化，并以更高的热情投入传统文化学习和传承、传播活动中。

参考文献

- 费孝通.论人类学与文化自觉[M],北京:华夏出版社,2004:249.
 费宗惠,张荣华.费孝通论文化自觉[M],北京:内蒙古人民出版社,2009:189.
 任仲文.觉醒·使命·担当—文化自觉十八讲[M],北京:人民日报出版社,2011:165.
 张旭东.全球化时代的文化认同[M],北京:北京大学出版社,2006:189.
 王德如.课程文化自觉论[M],北京:人民出版社,2007:542.
 赵林.基督教与西方文化[M],北京:商务印书馆,2012:453.
 辜正坤.中西文化比较导论[M],北京:北京大学出版社,2007:543.
 夏宇旭,王国君.中国传统文化导论[M],北京:清华大学出版社,2013:199.
 方克立,张岱年.中国文化概论[M],北京:北京师范大学出版社,2007:387.
 夏宇旭,王国君.中国传统文化导论[M],北京:清华大学出版社,2013:549.
 谭家健.中国文化史概要[M],北京:高等教育出版社,2010:68.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акчурин Тимур Фагмиевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ, доцент кафедры публичного права ВАВТ Минэкономразвития России.

Ананьев Владимир Валерьевич, старший преподаватель кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Андропова Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Томского государственного университета.

Базина Ольга Олеговна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России.

Баранов Николай Иосифович, старший научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена.

Бейдина Татьяна Евгеньевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета.

Благодер Юлия Гариевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».

Благородова Анна Игоревна, студентка магистратуры Университета Цинхуа, Институт журналистики и коммуникаций, направление «Коммуникация» (научный руководитель – Фань Хун (范红), профессор и научный руководитель Института журналистики и коммуникаций Университета Цинхуа).

Боброва Ирина Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета.

Бояркина Анна Владимировна, кандидат политических наук, доцент Академического департамента английского языка Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

Брюггеман Марина Анатольевна, консультант отдела юридической и кадровой работы, Министерство экономики и регионального развития Красноярского края, магистрант Иркутского государственного университета, программа «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (первый иностранный язык – китайский, второй иностранных язык – английский)» (научный руководитель – И. В. Шаравьёва, кандидат филологических наук, доцент).

Булдыгирова Анна Николаевна, старший преподаватель кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета.

Ван На, аспирантка Высшей школы международных исследований и дипломатии ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», направление «Социологические науки» (научный руководитель – Э. О. Леонтьева, доктор социологических наук, доцент).

Ван Пэн, преподаватель русского языка Циндаоского приморского института (КНР), профессор русского языка и языкознания, выпускница Института русского языка им. А. С. Пушкина.

Ван Сюэцзяо, старший преподаватель, Ляонинский университет (КНР).

Басеева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета.

Васильев Владимир Сергеевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук.

Вейнберг Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва.

Волошин Андрей Александрович, аспирант Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (лаборатория георесурсоведения и политической географии), 25.00.24 экономическая, социальная, политическая и рекреационная география (научный руководитель – М. В. Рагулина, доктор географических наук).

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук.

Ворошилова Виктория Александровна, магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление «Зарубежное регионоведение», профиль «Комплексные исследования стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (научный руководитель – И. В. Шалина, кандидат исторических наук, доцент).

Гао Цзяньго, аспирант Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова» (научный руководитель – Г. С. Доржиева, доктор филологических наук, профессор).

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехниче-

ского университета, профессор Севастопольского государственного университета, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

Джуад Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент общей университетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Дюндик Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Ермаков Тихон Константинович, младший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, ассистент кафедры культурологии и искусствоведения ГИ СФУ, Сибирский федеральный университет.

Захарченко Ольга Владимировна, доцент, доцент кафедры иностранных языков Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова.

Иванов Кирилл Андреевич, младший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, преподаватель кафедры китаеведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Иванова Ираида Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и социальной педагогики Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Игнатьева Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Каверина Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Калихман Аркадий Давидович, доктор физико-математических наук, профессор, внештатный сотрудник ФБГУ «Заповедное Прибайкалье».

Калихман Татьяна Петровна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН.

Ключникова Варвара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, Республика Беларусь.

Козлова Юлия Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», Нижегородский государственный лингвистический университет.

Козодой Ольга Андреевна, преподаватель кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Костина Ирина Николаевна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета.

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой китаеведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, и. о. зав. кафедрой регионоведения АТР ИГУ, ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

Кульгавова Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Кумялова Ольга Васильевна, старший преподаватель Байкальского института БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета.

Курдюмов Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета.

Кушхов Борис Хабижевич, лаборант-исследователь Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор, факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Севастопольский государственный университет, ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

Леонкин Александр Дмитриевич, аспирант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации по специальности «Отечественная история» (научный руководитель – В. В. Чудесов, доктор исторических наук, профессор).

Леонтьева Эльвира Октавьевна, доктор социологических наук, доцент ВАК, профессор Тихоокеанского государственного университета, директор Высшей школы международных исследований и дипломатии ТОГУ.

Лесниковская Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Лю Тяньси, аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель – Л. А. Лебединцева, доктор социологических наук, доцент, профессор факультета социологии СПбГУ).

Лященко Полина Михайловна, магистрант кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление «Лингвистика», профиль «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (первый иностранный язык – японский, второй иностранных язык – английский)» (научный руководитель – И. В. Шалина, кандидат исторических наук, доцент).

Мазур Татьяна Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, зав. отделом аспирантуры, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Максименко Ангелина Васильевна, студентка факультета таможенного дела Российской таможенной академии (Владивостокский филиал) (научный руководитель – О. А. Шурыгина, кандидат филологических наук, доцент).

Микаелян Жанна Арутюновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, МИТУ (Московский информационно-технологический университет) – МАСИ (Московский архитектурно-строительный институт).

Миркушина Лия Рафиковна, кандидат философских наук, ассистент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ.

Михалькова Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, Республика Беларусь.

Моисеева Анастасия Сергеевна, студентка факультета иностранных языков Чувашского государственного университета им. И. Я. Яковлева (научный руководитель – Л. А. Сидорова, кандидат педагогических наук, доцент).

Монтотова Александра Анатольевна, преподаватель кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Музафарова Наталья Раисовна, аспирант кафедры философии БГУ им. Д. Банзарова направления «Философия, этика и религиоведение», профиль «Социальная и политическая философия».

Неклюдова Мария Сергеевна, преподаватель китайского и английского языков, магистр лингвистики, профиль «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (первый иностранный язык – китайский, второй иностранных язык – английский)» (научный руководитель – И. В. Шаравьёва, кандидат филологических наук, доцент).

Новосёлова Маргарита Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Орсоева Аюна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Перлин Петр Валерьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Пруцких Андрей Александрович, кандидат филологических наук, декан Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Пруцких Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой восточных языков Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Разумовская Вероника Адольфовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор Сибирского федерального университета, руководитель Красноярского регионального отделения Союза Переводчиков России.

Рунгш Надежда Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии ЧГПУ им. И. Я. Яковлева.

Савкович Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета.

Савченко Ирина Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ; Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Московский городской педагогический университет.

Сенников Алексей Иванович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета.

Серебренникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государ-

ственного университета, руководитель магистерской программы «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии».

Сидорова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И. Я. Яковлева.

Слепенков Виталий Александрович, студент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, 41.03.05. «Международные отношения» (научный руководитель – В. Г. Цыплин, кандидат исторических наук, профессор).

Соловьева Виктория Николаевна, доцент кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета.

Старовойтова Снежана, аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель – Л. А. Лебединцева, доктор социологических наук, доцент, профессор факультета социологии СПбГУ).

Степанов Александр Викторович, учитель истории МБОУ СОШ № 18 г. Иркутска.

Сухая Оксана Владимировна, президент Федерации Оздоровительного цигун, тайцзицюань и ушу по ЧР.

Сюз Шибяо, профессор, Сельскохозяйственный университет Внутренней Монголии (г. Хух-хото, КНР).

Тарасов Павел Владимирович, независимый исследователь-разработчик, DevOps-администратор ООО «Ленвендо».

Тимошкин Дмитрий Олегович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета; Сибирский федеральный университет.

Титова Мария Алексеевна, младший научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока, отдел «Наследие Рерихов».

Тразанова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Трубина Наталья Алексеевна, кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета.

Федорова Татьяна Владимировна, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Хань Шу, доктор наук, Ляонинский университет (КНР).

Хлызова Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Черных Евгения Александровна, студентка Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета по направлению «Лингвистика», профиль «Лингвистическое обеспечение комплексного регионального анализа» (первый иностранный язык – китайский, второй иностранный язык – английский) (научный руководитель – Т. Е. Шишмарёва, кандидат филологических наук, доцент).

Чжан Гуанлун, преподаватель Циндаоского приморского института (КНР), выпускник магистратуры Пекинского университета языка и культуры по специальности «Китайский язык».

Чунихин Николай Владимирович, студент Института компьютерных систем и безопасности ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», направление подготовки «Программная инженерия», профиль «Проектирование и разработка программного обеспечения» (научный руководитель – Т. Н. Чунихина, кандидат политических наук, доцент).

Чунихина Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета.

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, руководитель отделения японоведения.

Шаравьёва Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Ши Сючжэнь, руководитель факультета русского языка Циндаоского приморского института (КНР), выпускница магистратуры факультета иностранных языков Хэнаньского университета по специальности «Русский язык».

Шурыгина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Российской таможенной академии (Владивостокский филиал).

Эргардт Елена Гаррьевна, научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Яковлев Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Новаторство на основе традиций: прошлое и будущее иркутской школы востоковедных и регионоведческих исследований Олега Марковича Готлиба (<i>Е. В. Кремнёв</i>)	4
--	---

РАЗДЕЛ I. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ К ИХ РАЗРАБОТКЕ

Андропова Л. А., Савкович Е. В. Регионоведение и регионалистика в Китае: к постановке вопроса	21
Козлова Ю. В. Евразийский город – «перекресток социального пространства и времени»?	24
Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Серебренникова Е. Ф., Лесниковская Е. В. К вопросу о статусе трансдисциплинарной регионологии и ее месте среди других наук	28
Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Лю Тяньси. Индигенизация социологии как процесс укоренения знания в социальном контексте (кейсы Кореи, Японии и Тайваня)	34
Савченко И. А. Изучение интеркультурного восприятия речи: возможности трансдисциплинарной регионологии	40
Старовойтова С., Лебединцева Л. А. Формирование единого социального пространства в обществе: процессы внутренней социальной интеграции	45
Лесниковская Е. В., Вербицкая О. Ю. Меняющаяся публичная сфера сквозь призму теории Х. Арендт: глобальный и региональный нарративы / <i>E. V. Lesnikovskaya, O. Yu. Verbitskaya</i> The changing public sphere through the prism of H. Arendt's theory: global and regional narratives	48

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

Акчурин Т. Ф. Федеральные суды Канады и их роль в создании новых норм права	62
Базина О. О. Конституционное право Китайской Народной Республики: современные тенденции	68
Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Школа-завод как часть большого скачка в КНР. По материалам советской детской периодики	76
Бейдина Т. Е. Международное сотрудничество Забайкальского края и его роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе	82
Благодер Ю. Г. Восприятие китайского искусства творческой интеллигенцией императорской России	89

Бояркина А. В. Теория «общих интересов» Китая в современном внешнеполитическом дискурсе	94
Васильев В. С. Станет ли Китайская Народная Республика (КНР) в XXI в. глобальной «сверхдержавой»?	102
Верченко А. Л. Советско-китайское культурное сотрудничество в 1950-е годы в советских и китайских архивных документах	108
Волошин А. А. Формальные и неформальные практики рекрутинга трудовых мигрантов в строительном бизнесе Иркутска	117
Ворошилова В. А., Шалина И. В. Внутренний туризм Японии. Борьба с последствиями COVID-19	128
Дюндик Ю. Б. Портрет Sandwich generation на примере американского общества	135
Игнатьева А. С. К вопросу об экологическом терроризме в России и США	141
Калихман А. Д. Пространство в китайской живописи и оценки архимандрита Палладия	147
Калихман Т. П. Территориальная охрана природы Улан-Батора	155
Кумялова О. В. Проблематика сферы туризма в Иркутской области в настоящее время	166
Кушхов Б. Х. Влияние географического положения Монголии на специфику ее внешней политики. Исторический срез	170
Леонкин А. Д. Государственная граница Российской Федерации и КНР: различия в подходах при отображении на картах пограничных территорий	177
Леонтьева Э. О., Ван На. Китайские мигранты на Дальнем Востоке после пандемии COVID-19	183
Музафарова Н. Р. Философская составляющая семантики головных уборов духовенства северного буддизма	188
Пруцких А. А., Пруцких Т. А. Основные принципы модернизации общества в теории Дэн Сяопина	195
Сенников А. И. Израиль и курды: тернистый путь отношений (история и современность)	203
Слепенков В. А. Характер политического и экономического сотрудничества Европейского союза и Китайской Народной Республики на рубеже XX–XXI веков	210
Степанов А. В., Федорова Т. В. Развитие международных корпораций КНР в условиях пандемии XXI века	218
Тимошкин Д. О., Иванов К. А., Ермаков Т. К., Тарасов П. В. Подготовка обучающего массива для выделения и категоризации практик интеграции мигрантов в социальной сети «ВКонтакте» с помощью нейросети Bert	227
Титова М. А. Танки стиля императора Цяньлуна (1735–1796) в фонде наследия Рерихов Государственного музея Востока	235
Трубина Н. А. Онтологические идеи Древней Индии как основы модальной методологии	244
Черных Е. А. К вопросу о государственной политике КНР в отношении поддержки предприятий в период COVID-19	248

Чунихина Т. Н., Чунихин Н. В. К вопросу о нормативном закреплении принципов взаимодействия институтов государства и религии в основных законах стран постсоветского пространства	254
Ши Сючжэнь. Приобщение талантливых специалистов, владеющих русским языком, к реализации проекта «Один пояс – один путь» (на примере провинции Шаньдун) / 史秀珍. 应用型俄语人才服务 “一带一路” 建设路径探讨 —— 以山东省为例	259

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ананьев В. В. Приемы и механизмы создания иероглифов как языковой игры	266
Ван Сюэцзяо, Хань Шу, Сюэ Шибяо. Прагматический аспект метафоры в дискурсе традиционной китайской медицины (на примере концепций «ци» и «инь-ян»)	275
Гао Цзяньго. Информационный потенциал китайских гастронимов с компонентом-антропонимом	278
Кремнёв Е. В. Грамматология китайской письменности и предикационная концепция языка (к постановке вопроса)	287
Коваль В. И. К вопросу о дешифровке даосских талисманов фучжоу (符咒)	297
Козодой О. А., Тразанова Н. Ю. Песнь о дожде: вариативность номинации метеонима «дождь» в японской лингвокультуре	304
Курдюмов В. А. Еще раз к вопросу об уровнях языка в русском и китайском языках	312
Курдюмов В. А. Словообразование, словоизменение, уровни языка и китайский язык. К постановке проблемы	322
Лященко П. М., Шалина И. В. Категория залога в японском языке: две точки зрения на количество выделяемых видов залога	327
Мазур Т. Г. О произведениях Хань Юя, адресованных даосскому бессмертному Хань Сян-цзы	332
Михалькова Н. В. Детерминативы иероглифических знаков с процессуальной семантикой	337
Неклюдова М. С., Шаравьёва И. В. О комплексном подходе к анализу идиоматических выражений чэньюй (на примере китайского сериала 靠近你, 温暖我)	342
Серебrenникова Е. Ф., Орсова А. А. Аттракторы ценностного типа как способы конструирования события в корейском медийном пространстве	347
Чжан Гуанлун. Культурный потенциал китайских иероглифов на примере диалектических подходов и культуры брачных отношений / 张广龙. 汉字中的文化精神——以辩证法精神和婚姻文化为例	355

РАЗДЕЛ IV. СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ АТР

Захарченко О. В. Задачи военного переводчика в ходе лингвистического обеспечения международных военных конфликтов	362
Каверина О. А. Маркеры фактоидной информации в регионологическом аспекте	367
Микаелян Ж. А. К вопросу об онтологии стиля	375
Миркушина Л. Р. Время как атрибут сознания человека постмодерна	386
Моисеева А. С., Сидорова Л. А. Особенности рекламных текстов для женщин в России и Великобритании	390
Монтотова А. А. К вопросу о реализации принципа объективности в текстах СМИ в странах АТР	395
Новоселова М. В. Репрезентация образа Иркутска в современных англоязычных СМИ	406
Разумовская В. А. «Сильный» русский текст в пространстве восточных культур	412
Сидорова Л. А. Проблема определения термина «народная сказка»: универсальное и регион-специфичное	418
Федорова Т. В., Степанов А. В. Средства массовой информации как актор «мягкой силы» США в XXI в.	421
Чайкисова А. В. Манипулятивный потенциал интернет-мемов в американском политическом дискурсе	427
Яковлев В. В., Перлин П. В. Джон Белл и его описание путешествия в Китай в 1719–1721 гг.	435
Кульгавова Л. В. Перевод названий линейных мер в американской лингвокультуре: учет гендера наблюдателя / L. V. Kulgavova Translation of the names for linear measures in American linguaculture: the observer's gender effect	442
Шурыгина О. А., Максименко А. В. К вопросу об информационном взаимодействии между таможенными органами ЕАЭС и Китая / O. Shurygina, A. Maximenko On information interaction between the customs authorities of the EAEU and China	446
Благородова А. И. Влияние новых медиа на стандарты женской красоты в Китае / 布拉戈罗多娃 А. И. 新媒体对中国女性审美标准的影响	450

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРАХ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Боброва И. А., Костина И. Н. Региональный компонент в системе вузовской подготовки (на примере учебно-методического пособия «Наше Забайкалье»)	457
Брюггеман М. А., Шаравьёва И. В. Феномен китайских дорам и ТВ-шоу в контексте преподавания китайского языка в условиях глобализирующегося мира	462
Буддыгерова А. Н., Соловьёва В. Н. Лингвострановедческий аспект формирования профессиональных компетенций переводчика	467

Васеева Е. А. Краеведение Забайкалья на английском языке как аспект подготовки бакалавров педагогического образования	478
Вейнберг Н. М. Опыт создания онлайн-курсов японского языка базового уровня на примере онлайн-курса «Базовый японский: с нуля до уровня N5»	482
Воропаев Н. Н. Инновационный самоучитель китайского языка «Китайский на ладони» и как им пользоваться	489
Джуад Ю. Ю. Образование как механизм и фактор формирования гражданской идентичности в этнокультурном аспекте	499
Иванова И. П. Некоторые аспекты психолого-педагогического сопровождения формирования функциональной грамотности обучающихся	504
Ключникова В. Ю. Экскурсия по экотропе как способ совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции студентов туристского профиля подготовки	508
Рунгш Н. А., Сухая О. В. Психосоматика в обучении китайскому языку сквозь призму восточной парадигмы	514
Хлызова Н. Ю., Кузнецова О. В. Научно-образовательные подходы к формированию критического мышления в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	518
Ван Пэн. Как сделать русский язык более привлекательным для изучения / 王彭. 让俄语更有“温度”	528
Чжан Гуанлун. Из практического опыта развития у студентов специальности «Китайский язык и международное образование» уверенности в своей культуре / 张广龙. 文化自觉视阈下汉语国际教育大学生文化自信养成路径的实践	531
Сведения об авторах.....	539

Научное издание

VI ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 6–8 декабря 2022 г.

ISBN 978-5-9624-2134-6

Редакторы: Н. А. Михайлова, А. Н. Шестакова

Подписано в печать 04.04.2023. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 34,0. Усл. печ. л. 34,5. Тираж 50 экз. Заказ 42

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
e-mail: izdat@lawinstitut.ru